

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт истории и международных отношений

РОССИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД

**Периферийный город и горожанин
в пространственно-временной ретроспективе:
особенности национальной идентичности**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции

(Ростов-на-Дону, 20–21 октября 2016 г.)

Ростов-на-Дону
2016

УДК 30(1-21)
ББК 60(0-2)
П274

Редакционная коллегия:

- Пономарева М. А.* – кандидат исторических наук, доцент ИИМО ЮФУ
(ответственный редактор);
Апрыщенко В. Ю. – доктор исторических наук, профессор, директор ИИМО ЮФУ;
Кияшко А. В. – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой археологии
и истории древнего мира ИИМО ЮФУ;
Малыхин К. Г. – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой исторической
политологии ИИМО ЮФУ;
Штомпель Л. А. – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой культурной
антропологии города ИФиСПН ЮФУ;
Айриян Р. С. – кандидат исторических наук, доцент ИИМО ЮФУ;
Братолобова М. В. – кандидат исторических наук, доцент ИИМО ЮФУ;
Брызгалова И. Г. – кандидат исторических наук, доцент ИИМО ЮФУ;
Трапи Н. А. – кандидат исторических наук, доцент ИИМО ЮФУ;
Урушадзе А. Т. – кандидат исторических наук, доцент ИИМО ЮФУ

П274 **Периферийный город и горожанин в пространственно-временной ретроспективе: особенности национальной идентичности** : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 20–21 октября 2016 г.) / [отв. ред. канд. ист. наук М. А. Пономарева, канд. ист. наук Р. С. Айриян]. – Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2016. – 451 с.

ISBN 978-5-9275-2101-2

В сборнике представлены материалы научно-практической конференции, состоявшейся в Ростове-на-Дону 20–21 октября 2016 г. Рассмотрены важные научные проблемы, раскрывающие периферийный город как комплексное составно-историческое пространство. С точки зрения гуманитарных и общественных наук рассмотрены проблемы археологии городов и поселений, национальной самоидентификации городского населения, социально-экономического развития городов. Раскрыты основные теоретико-методологические подходы к изучению истории периферийного города, места и роли в его развитии городского жителя.

Сборник адресован историкам, культурологам, урбанистам, архитекторам, краеведам и широкой читательской аудитории.

Публикуется в авторской редакции.

Сборник издан при финансовой поддержке РГНФ № 16-01-14064.

УДК 30(1-21)
ББК 60(0-2)

ISBN 978-5-9275-2101-2

© Южный федеральный университет, 2016
© Коллектив авторов, 2016

АРХЕОЛОГИЯ ГОРОДОВ И ПОСЕЛЕНИЙ

Археологическое изучение южнорусского провинциального города XVIII–нач. XX вв.: основные направления исследований

Бойко Андрей Леонидович
Южный федеральный университет
кандидат исторических наук, доцент
alabama7008@yandex.ru

«Сыро..., копаем параша – хозяйственные ямы XIX– начала XX вв.», – так приблизительно выглядит одна из последних записей в моем полевом дневнике о раскопках в г. Азове по ул. Ленина-10. В апреле 1989 г., когда закончились спасательные раскопки некрополя золотоордынского Азака, основной формой присутствия на раскопе стало исследование комплексов, дававших на этом объекте суммарную дату второй половины XIX в. [5, с. 3-5]. В это время здесь, вероятно, находилась какая-то корчма, в помойных ямах которой было значительное количество фрагментов т.н. «кабацкого фаянса» – различные вариации тарелок с изображением «Монумента князя Воронцова» в Одессе и многочисленный стеклянный бой граненых стаканов и более мелких стопок и лафитников. Работа была чисто по-человечески более интересной, чем расчистка сотен почти безинвентарных погребений мусульман средневековья, раскопанных ранее. Этот сюжет наглядно показывает систему приоритетов в области дисциплины, которая сегодня определяется как «археология поздних периодов истории».

Азов – посад Екатеринославской губернии, а с 1888 г. Области войска Донского, был местом достаточно зажиточным, но по уровню развития городской инфраструктуры гораздо более близкий к селу, чем городу в динамично развивающейся торгово-промышленной зоне Юга России. На бытовом уровне это проявлялось в отсутствии централизованной очистки городских территорий и развитого института старьевщиков. Только этим можно объяснить частые находки в центральной части Азова множества хозяйственных ям (помойных, выгребных и др. заглубленных конструкций для постоянного или временного хранения бытовых отходов в любой форме; остатков погребов и летников, засыпавшихся бытовым мусором) с богатейшим наполнением в виде целых форм стеклянной тары (вино-водочная и аптечная посуда), которая в любом крупном городе собиралась для последующего использования. Это же можно говорить о различной столовой и кухонной посуде, предметах личной гигиены (костяные расчески, зубные щетки, пуговицы) или различных орудиях труда.

Традиция подобных раскопок сформировалась в 80-е гг. XX в., когда через археологические экспедиции Азовского краеведческого музея прошли многие ныне практикующие специалисты в области охраны и изучения объектов культурного наследия. А с 1985–1990 гг. подобные объекты, вместе с православными захоронениями XVIII–XIX вв. заняли свое место в ряду археологических комплексов, которые не только раскапывались, но и надлежа-

щим образом документировались. Ранее, что греха таить, многие захоронения этого времени раскапывались исключительно в поисках погребального инвентаря, и прежде всего, предметов личного благочиния: крестиков, иконок...

Нельзя сказать, чтобы памятники истории казачества или русско-турецкого противостояния в Северо-Восточном Приазовье вообще не изучались археологически. Существует даже краткий очерк этих работ, составленный С.М. Марковым [13, с.38–39]. Хорошо известны раскопки З.А. Виткова на Нижнекундрюченском и других казачьих городках [10], но опубликована лишь незначительная часть этой коллекции, хранящейся в фондах Новочеркасского музея истории донского казачества. Но как отдельное направление исследований, уже в 70-х гг. XX в., эти работы не воспринимались. Отчасти это было обусловлено некоторой общественно-политической ангажированностью ряда экспедиций, стремившихся открыть родину С. Разина и место его пленения – легендарный Кагальницкий городок, к 300-летию начала казачьего восстания и последующей крестьянской войны.

В начале XXI в. исследователи окончательно осознали значимость поздних слоев, необходимость их планомерного археологического изучения. Ведь в противном случае придется иметь дело лишь с материалами антикварных собраний, произведениями искусства и престижными предметами, а культура послепетровского времени будет выглядеть лишь «культурой дворцов и церквей». Действительно, невозможно изучать материальную культуру поздних периодов истории лишь с позиций культурологи, истории архитектуры и искусствоведения [2]. Свидетельством этого стала организация соответствующей секции на Всероссийских археологических съездах, увеличивающееся количество публикаций комплексов рассматриваемого периода и проведение тематических конференций и семинаров (Всероссийский семинар «Город Средневековья и раннего Нового времени: Археология. История» и др.)

В литературе отмечено, что нельзя искусственно отделять слои, относящиеся ко времени после 1700 г. (дата, принятая в качестве верхней хронологической границы археологии на I Археологическом съезде в 1869 г.) от более поздних культурных наслоений. Причины такого рубежа определялись существенными изменениями в облике русской культуры, разрывом культурной преемственности, вызванным петровскими преобразованиями. Сегодня это считается искусственным разделением неразрывного исторического процесса. Тем более, что археологическое исследование памятников Нового времени законодательно обосновано (Закон РФ 2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» признает подлежащими охране объекты, старше 40 лет, включая памятники археологии (ст. 18, п. 6). Некоторые города нашего региона не имеют слоев ранее XVIII в, поэтому их археологическое изучение полностью попадает в рамки археологии позднего периода истории.

Очевидно, что роль археологии позднего периода более существенная, нежели простое уточнение и проверка данных письменных источников. Без изучения материальной культуры невозможно составить полное представле-

ние о картине быта и образе жизни людей этих эпох, что очень важно для воссоздания «микроистории», истории повседневности. В США и Западной Европе поздней археологии уделяется серьезное внимание, в ней выделяются узкие направления: индустриальная археология, урбанистическая археология, габбология (от англ. garbage-мусор, изучение свалок отходов промышленных городов) и т.п. Издаются журналы, посвященные археологии Нового и Новейшего времени, индустриальной археологии («Post Medieval Archeology») и археологии крупных городов («London Archeology»).

Подобные исследования в русле «археологии позднего периода истории» сегодня регулярно ведутся и на Дону, заняв достойное место среди приоритетных направлений в деятельности местных исследователей древности. Яркими показателями этого процесса стала разработка специального магистерского курса для подготовки археологов-специалистов [8], статей в рецензируемых ВАК журналах [11], региональных научных изданиях [12,15 и др.], проспекте учебника по региональной археологии [1] и учебном пособии [3].

Можно говорить о двух основных хронологических группах археологических памятников XVIII – начала XX вв., открываемых на территории современных городов Ростовской области и нуждающихся не только в исследовании, но и охране.

1. Русские укрепления времени русско-турецких войн XVIII в. и объекты их инфраструктуры, давшие импульс росту крупных городов Юга России (Азов, Таганрог, Ростов-на-Дону). Количество документированных и изданных памятников этой группы сравнительно невелико, тем более, если речь идет о закрытых комплексах. Наиболее исследованы:

– остатки крепостных построек, особенность которых заключается в характере конструкций, представленных исключительно земляными фортификационными сооружениями [9], иногда с остатками деревянных защитных приспособлений (частокол) или подпорных блоков;

– элементы инфраструктуры в виде систем жизнеобеспечения (крепостной колодец, раскопанный на территории крепости св. Дм. Ростовского в 2005 г.); культовые постройки; жилые помещения (казармы) [12] либо индивидуальные жилые помещения (Азов) [6-7];

– отдельно следует рассматривать некрополи этого периода, поскольку речь идет о различных типах погребений: индивидуальных, массовых, «заложных» (со значительными отклонениями от ортодоксального обряда).

К этому времени относятся и различные находки из синхронных памятников, относимых к казачьему населению Дона. Однако они либо полностью не изданы, как упоминавшиеся выше раскопки З.А. Витковым казачьих городков, либо вовсе не изданы, как материалы раскопок последних лет в ст. Старочеркасской.

Отсутствие публикаций зачастую связано с отсутствием четких датировок различных категорий инвентаря, адаптированных к условиям Юга России, для которых характерно определенное «запаздывание» времени. Сегодня

созрела необходимость создания четких датировочных шкал для предметов личного благочиния, изразцов, некоторых типов столовой посуды, предметов обмундирования, стеклянных изделий.

Важность ряда нижнедонских закрытых комплексов заключается в очень узком периоде их существования: как наиболее наглядные примеры – жилые постройки времени реконструкций Азовской крепости (1696–1711, 1737–1740 гг.); погребения времени эпидемии чумы в 1773–1775 гг. или комплекс сооружений первой и второй Покровских церквей в центре г. Ростова-на-Дону.

При сложившейся системе полноценных раскопок памятников XVIII в. в современной городской среде, отсутствует вмняемая система их охраны. Так археологический памятник федерального значения, – крепость св. Дм. Ростовского существует в охранной документации в виде 6 (!) различных сооружений: от комплекса построек Богатыновского источника до легендарных подземных ходов. Соответственно, расположение той или иной новостройки, а значит и возможность проведения раскопок, полностью зависит от удаленности от охраняемых объектов культурного наследия. Именно это позволяет отвечать на недоуменные вопросы горожан о причинах, по которым на одних участках крепости проводятся археологические раскопки, а на других сразу откапывается котлован на глубину будущей многоярусной подземной парковки. А для более взыскательных краеведов изобретен тезис об отсутствии постоянно фиксируемого культурного слоя на всей территории крепости и ненужности даже археологических наблюдений. Именно это и наносит наибольший урон следующей хронологической группе памятников.

2. Памятники археологии, относящиеся ко времени XIX – начала XX в. В современной городской среде это сокрытые от глаз остатки бытовых и хозяйственных сооружений и памятники архитектуры, иногда используемые по прямому назначению и по сей день. Исследование их и охрана – это тема отдельного цикла исследований, зачастую с успехом проводимых местными учеными. Отмечу в этой связи лишь чудовищный дисбаланс в выборе объектов изучения и охраны памятников этого периода. Практически полностью исчезли с карты современного Ростова-на-Дону объекты промышленной (индустриальной) археологии не только в виде небольших заводов и фабрик в центре городской застройки, но и такие объекты как легендарный мясокомбинат (построенный с использованием опыта логистики известных чикагских боен). Туманна судьба и «парамоновских складов», вот уже более 30-ти лет пребывающих в виде живописных руин с неофициальными животворными источниками и купальнями.

Масштабные градостроительные работы, проводимые и планируемые в приречной части города без должного контроля могут погубить интереснейшие памятники периода, когда из захолустного поселения при ликвидированной в 1835 г. крепости стал быстро расти будущий город-миллионник.

В утвержденной 5 февраля 2013 г. Постановлением № 90 Администрации г. Ростова-на-Дону Программы развития города до 2025 г. декларирова-

лось создание пешеходной зоны в центральной части города «реконструирующей атмосферу города Ростова-на-Дону конца XIX – начала XX века» [14]. Документ формально порицал практику точечной застройки и декларировал ориентацию на комплексный подход к историческим городским территориям. С этим были связаны и многочисленные проекты в области археологии, в частности изучение остатков исторической набережной и их частичная реконструкция

На практике, процесс джентрификации – возвращения в исторический центр части горожан после улучшения условий проживания, оказался связан именно с точечной многоэтажной застройкой прибрежной зоны на месте жилых и производственных зданий прошедших веков. А археологические работы сведены здесь практически к минимуму, причем система их проведения имеет все многочисленные отрицательные черты современной «охранной археологии».

Улучшение сложившейся ситуации с археологическим изучением недавнего прошлого в среде современного города возможно лишь при комплексном, а не выборочном характере проведения исследований. Причем необходимо расставить четкую систему приоритетов исследования, в которую бы входили не только хозяйственные ямы или части фортификационных сооружений, но и все объекты городской инфраструктуры XIX– начала XX в., что является основным требованием любого квалифицированного археологического исследования.

Источники и литература

1. Археология Нижнего Дона. Проспект учебника / Под ред. А.В. Кияшко. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2012.
2. Археология позднего периода истории. Материалы Круглого стола, проведенного редакцией и редколлегией журнала «Российская археология» // Российская археология, 2005, №1.
3. Археология: студент и школьник: (учебное пособие) / Под ред. Бойко А.Л. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2013.
4. Беляев Л.А. Археология Москвы и проблемы истории культуры позднего Средневековья // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда (23-28 октября 2006 г), Том 1. Новосибирск, 2006.
5. Бойко А.Л. Спасательные раскопки в Азове в 1989 г. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 году. Выпуск 9. Азов: АКМ, 1990.
6. Бойко А. Л. Временные жилища русского населения периода реконструкции Азовской крепости конца XVII— начала XVIII веков из раскопок 1990 г. // 350-летие Азовского осадного сидения (тезисы докладов конференции), Азов: АКМ, 1991.
7. Бойко А. Л., Дедюлькин А. В.. Жилища русского населения Азовской крепости конца XVII– первой половины XVIII вв. // Рубикон. Сборник научных работ молодых ученых. Вып. 31. Ростов-на-Дону: РГУ, 2004.

8. Бойко А.Л., Дедюлькин А.В. Учебно-методический комплекс специального курса для магистров «Археология поздних периодов истории». Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2009.

9. Верещагин В.В., Ларенок П.А. Валы Троицкой крепости // Петровские укрепления Миусского полуострова / под ред. И.Е. Павленко. Таганрог, 2015.

10. Витков З.А. К вопросу о местонахождении нижнедонских казачьих городков и их культуре. Ученые записки Мурманского гос. педагогического института, Т. II. Мурманск, 1958.

11. Дедюлькин А.В. Археология поздних периодов истории (XVIII век) на Нижнем Дону // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки, 2010, № 1.

12. Ларенок В.А., Ларенок П.А. Предметы быта конца XVIII – начала XIX вв. из засыпки котлована солдатской казармы крепости Дмитрия Ростовского // Археологические записки. Вып.7, Ростов-на-Дону: РРОО «ДАО», 2011.

13. Марков С.М. Археологические раскопки на Дону в послевоенный период // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1962.

14. Постановление Администрации г. Ростова-на-Дону от 5 февраля 2013 года № 90 «Об утверждении комплексной программы развития отрасли «Архитектура, градостроительство» города Ростова-на-Дону на период до 2025 года // kodeks.ru/docs.cntd.ru/document/432874129 [Обращение 02.10.2016].

15. Рогудеев В.В. Комплексы и отдельные находки XVIII-XIX веков // Археологические записки. Вып.5, Ростов-на-Дону: РРОО «ДАО», 2007.

Поселения донских меотов и сарматы: проблемы взаимодействия

Вдовченков Евгений Викторович

Южный федеральный университет

кандидат исторических наук, доцент

vdovchenkov@yandex.ru

Для Нижнего Подонья и Приазовья в первые века нашей эры мы наблюдаем сосуществование и взаимодействие трех миров – меотов, сарматов, античного мира в лице Боспора. Варварские поселения Нижнего Дона первых веков нашей эры по традиции называют «меотскими», однако у нас практически нет ни одного письменного источника, сообщавшего бы нам об этнической принадлежности их населения. Единственное сообщение, которое мы можем как-то отнести к этому населению – это информация Страбона: «Все азиатские меоты были подвластны частью владельцам торгового центра на Танаисе, частью же – боспоранам» [Strabo. Geogr., XI, 2, 11]. Население донских поселений называют меотами, исходя из данных археологии и близости

культуры к культуре меотов Прикубанья.

Кочевники противостояли представителям оседлого мира, и модели взаимодействия сарматов с оседлыми соседями были схожи: военные контакты, политические союзы, стремление к установлению отношений экзоплуатации. Только Боспор был в большей степени независим от номадов – благодаря ряду факторов, среди которых надо в первую очередь упомянуть Римскую империю. Также поселения меотов оказались более «прозрачными» для воздействия сарматов, которые проникают на их территорию намного активнее, чем в античные города.

Ухудшающаяся политическая ситуация для Боспора в первые века нашей эры приводит к необходимости более интенсивного диалога с сарматским миром, который проявляется в переселении сарматов на территорию Боспора, и активном включении их во внутреннюю жизнь царства.

Археологическая картина весьма любопытна. Помимо курганных могильников сарматов, мы видим два центра оседлости – Танаис и поселения меотов. Материалы поселений и их некрополи дают богатую пищу для размышлений, тем более что жизнь как меотских поселений, так и Танаиса подвергалась различным испытаниям. Так, к настоящему времени для Танаиса более или менее достоверно известны три значимых события, нарушивших устоявшееся течение городской жизни с момента его образования в первой половине III в. до н.э. до III в. н.э.:

1. Разгром Танаиса на рубеже эр «за неповиновение» боспорским царем Полемоном [Strabo. Geogr. XI. II. 3] и дальнейшее восстановление его, с возможной полной или частичной сменой населения, как в самом городе, так и на территории его ближней округи.

2. Разрушения в середине II в. н.э. в ходе экспансии со стороны степи, после которого наблюдается значительное включение варварского (сарматского) элемента в состав городского населения.

3. Разрушения в середине III в. н.э., приведшие к почти столетнему перерыву в существовании этого крупного нижнедонского поселения.

Динамика появления и прекращения существования нижнедонских меотских городищ:

Крепостное – конец I в. до н. э. – II в. н.э.;

Подазовское – I – II вв. н.э.;

Кобяково – I – III вв. н.э.;

Темерницкое – I – III вв. н.э.;

Нижнегниловское – I – III вв. н.э.

Эти поселения были экономическими центрами региона. Особенно этот тезис справедлив для Танаиса, бывшего крупным торговым и ремесленным центром. Но масштабы и размах меотских поселений тоже говорят об их большом экономическом значении.

Существует взгляд на них как на хору Танаиса. Однако это мнение можно оспорить. Конечно, их теснейшие экономические связи – это бесспорный факт [10, с. 189]. Однако неясно, в какой степени меотские поселения за-

висели от Танаиса и Боспора. Ведь рядом находились сильные группировки сарматов. С.А. Яценко выдвинул предположение о существовании системы двойного подчинения меотов Нижнего Подонья в среднесарматское время – Боспору и сарматам [14, с. 297]. На мой взгляд, возможен и другой вариант, при котором каждое городище имело свою систему отношений с разными группировками номадов и с Боспором. Интересны находки кладов золотых монет на правобережных городищах донских меотов [3, с. 86], которые говорят о серьезном политическом значении меотских городищ и их определенной самостоятельности. С этой точки зрения взгляд на меотские поселения Нижнего Дона как на хору Танаиса неоправдан – они отличались культурно, и, видимо, были вписаны в иной политический и экономический контекст, нежели Танаис.

В сравнении с оседлыми центрами, роль сарматов в экономическом производстве была скромнее. Нельзя сказать, что сарматы находились на обочине экономической жизни Нижнего Дона. Они выступали активными участниками этого процесса, заказчиками продукции, поставщиками скота и рабов. Но их роль в экономическом производстве не столь велика. С точки зрения экономики кочевой мир – все же периферия по сравнению с античными и варварскими центрами оседлости.

При анализе политической ситуации в степной зоне и Нижнем Подонье соотношение между оседлыми центрами и номадами представляется принципиально иным. В связи со слабостью и недостаточностью экономической базы номады, опираясь на свой военный потенциал, искали ресурсы для развития во внешнем мире, как среди кочевников, так и оседлого населения. Политический и военный потенциал сарматов был весьма велик, особенно если учесть возможность мобилизации всего степного мира. Их не могли игнорировать не только Боспор, но и Рим. Сарматы были одним из важных центров силы в степной зоне Восточной Европы. Археологически меотские поселения выглядят намного представительнее, чем сарматские курганные некрополи, но, судя по всему, зависели от сарматов. В этом известный парадокс археологических источников – номады, не оставившие практически ничего, кроме курганов, были самой грозной силой в степи. И хотя оседлое население было довольно многочисленным, однако военный потенциал и мобилизационные возможности у сарматов были выше. Тем более что концентрация элитных комплексов на Нижнем Дону в первые века нашей эры позволяет прийти к выводу, что именно в этом регионе находился политический центр Сарматии и самые активные и сильные кланы (что подтверждается, например, анализом тамбовского материала).

О подчинении оседлого населения номадам нам говорит Страбон: «Кочевники, правда, скорее воины, чем разбойники, все же ведут войны из-за дани. Действительно, они передают свою землю во владение тем, кто хочет ее обрабатывать, и довольствуются, если получают взамен установленную плату, и то умеренную, не для обогащения, а только для того, чтобы удовлетворить необходимые ежедневные потребности жизни. Однако с теми, кто не уплачи-

вает деньги, кочевники воюют» [StraboGeogr. VII. IV. 6].

Существует даже версия, что кочевники могли переселить меотов из Прикубанья на Нижний Дон [8]. Мнение о том, что меотов могли переселить под давлением Боспора, можно оспорить. Переселение меотов для Боспора нелогично, учитывая удаленность района заселения, а во-вторых, только укрепляло положение номадов Подонья за счет доступной и легко подчиняемой своей воле оседлой периферии. Меотские поселения в этой ситуации играли важную роль. Они были зависимы от номадов, но, находясь под крылом сильных родов, могли получать немалую выгоду от сельскохозяйственного производства и торговли.

Очевидным свидетельством зависимости являются погребения кочевой знати на могильниках оседлого населения или поблизости (курган 10 Кобяковского некрополя). Хуторские хозяйства Кобяковского поселения могли существовать в степной зоне, на отдалении от поселения только при мирных отношениях и подчинённом положении земледельцев.

Поэтому при описании политической ситуации в понятиях центр-периферия, центром являются сильные кочевые орды, а меоты выступают в качестве зависимой периферии. Рассматривая оседлую периферию сарматского мира, следует обратить внимание на важность поселений, ближайших к политическим центрам номадов. Для формирования устойчивой системы экзоплуатации требовалось оседлое население в регионе проживания кочевников. Оно могло обеспечить постоянный и массовый продукт, в отличие от перспективных в плане добычи, но нерегулярных и затяжных походов в дальние земли.

Боспор был в большей степени независим от номадов – благодаря ряду обстоятельств, среди которых надо в первую очередь упомянуть Римскую империю. Но Танаис – пограничный форпост Боспора – в прилагаемых обстоятельствах вынужден учитывать степной фактор. Тем более что две из трех катастроф сарматского времени связаны со степной угрозой.

Итак, в политическом пространстве Нижнего Подонья сарматы играли роль центра, в то время как меотские поселения были периферией, в то же время как Танаис был вынужден учитывать военную мощь номадов.

Такая ситуация сложилась далеко не сразу. В III-I вв. в Нижнем Подонье и Поволжье не находят обломков античной керамической тары [10, с. 178]. Вывод, который из этого следует – Танаис не торговал со своим окружением, даже после появления ранних сарматов в регионе, т.е. во II-I вв. до н. э. Об этом свидетельствует отсутствие амфорной тары на Нижнем Дону (за редким исключением). Сведения Страбона, а также относительная бедность ранних сарматов (если сравнивать их с элитными комплексами Нижнего Дона первых веков) говорят о весьма слабом взаимодействии оседлого мира и сарматов в это время.

К рубежу эр ситуация меняется. Номады и оседлый мир начинают активнее взаимодействовать. С одной стороны, сарматы, опираясь на военную силу и возросшую мощь, включались в политические и экономические кон-

такты, с другой, появление меотских городищ в низовьях Дона и расцвет Боспора создали для этого благоприятные экономические условия. В среднесарматское время происходит изменение политики и активизация торговли. Интенсифицируются контакты с меотами Кубани – в сарматских комплексах с рубежа эр фиксируется значительное количество серолощенной кубанской керамики [5, с. 135]. Важную роль играли новые городища в низовьях Дона. На рубеже эр (или конце I в. до н. э.) в дельте Дона, на левом берегу возникают Крепостное и Подазовское городища. Позже появляются и другие, но уже на правом берег, в том числе крупнейшие Темерницкое и Кобяково городища.

Боспор, начиная с I в. до н. э., эффективно усвоил принципы митридатизма – использование варваров-переселенцев для усиления своей экономической и военной мощи [9, с. 238-240]. Привлечение сарматов и прочих варваров предполагало их вовлечение в орбиту влияния Боспора. Но сарматы в этих отношениях были вполне самостоятельной силой, и силой неоднородной. В среднесарматское время на первый план выходят аланы. В позднесарматский период их сменяет новая волна кочевников, пришедших из Приуралья, но характер отношений между номадами и оседлым миром остается прежним.

В позднесарматскую эпоху проявилась новая тенденция. Во II-III вв. номады стали оседать, переселяясь в Танаис и на нижнедонские городища. Об активном включении сарматов в состав Танаиса и меотских поселений Подонья свидетельствуют данные некрополей [4, с.25-26]. На некрополях нижнедонских меотских городищ фиксируются участки курганных погребений сарматской культуры. В меотских городищах мы видим волну мигрантов, чей погребальный обряд фиксируется с середины II в. [4, 6]. В Нижне-Гниловском и Кобяковском городищах особенно значима новая традиция подбоев – под западную стенку могилы, и примечательно, что в таких погребениях встречаются костяки с деформированными черепами [6, с. 132, 136].

Важна параллельность процессов сарматизации, происходящей в Танаисе и варварских городищах. Некоторые данные позволяют предположить, что сарматизация связана с деятельностью разных объединений. Сарматы, связанные с Танаисом, отличаются от сарматов, связанных с Кобяковским городищем. Важен вывод, к которому пришел С.А. Яценко – о том, что в Танаисе и Кобяково похоронены представители разных сармато-аланских групп. Интересно сопоставление С.А. Яценко материалов могильников Кобяково и Танаиса, а именно элементов костюма по погребальным комплексам. Наблюдаются различия в использовании фибул – в Танаисе популярны железные, в Кобяковом городище – латунные. Есть расхождения в расположении фибул на костюме. Для Кобяково характерно использование в женском костюме ряда из трех-четырёх фибул для застегивания вертикального разреза ворота платья. В Кобяково также нет бусинных браслетов на руках, а на ногах такие браслеты встречаются редко [13, с. 304-305. Прим. 31]. Эти данные говорят о том, что, вероятно, каждое поселение имело свои особые отношения с

разными сарматскими племенами. Выводы С.А. Яценко подтверждают данные антропологии – с Танаисом и Кобяковским городищем контактировали разные номады [1, с. 99].

Феномен переселения сарматов требует объяснения – до этого мы видим их присутствие на поселениях, но ни в Танаисе, ни на городищах не было значительных групп сарматов. Долгое сосуществование не ведет к включению номадов в жизнь оседлого населения (как мы это видим на примере сосуществования сарматов и оседлых центров в Подонье во II в. до н. э. – середине II в. н. э.). Проникновение фиксируется, но носит эпизодический характер. Проблема здесь состоит в том, что сарматы, как номады, предпочитали кочевой образ жизни, и для седентаризации им требовались веские основания. Первой такой причиной могло стать военное поражение, и в состав нижнедонских поселений могли включаться остатки среднесарматского населения. Об этом говорят данные анализа костных останков населения Танаиса II–III вв. и меотских поселений [2, с. 89].

Однако эта причина не может считаться достаточной. Мы видим в погребальном обряде, инвентаре, традиции деформации черепов черты позднесарматской культуры. Не все они могут быть объяснены влиянием моды. Часть позднесарматского населения все же проживала и в Танаисе, и на меотских поселениях.

Есть важное отличие позднесарматской эпохи от среднесарматской – во II–III вв. засвидетельствована аридизация в волго-донских степях, и вследствие этого – ухудшение условий кочевания [7, с. 163, 166, рис. 45]. Для позднесарматского времени мы видим уменьшение количества погребений. С этими данными вполне согласуется сообщение Аммиана Марцеллина об алахах: «они кочуют, как номады, на громадном пространстве на далеком друг от друга расстоянии» [Amm. Marc. XXXI, 2, 17]. Поэтому вторая возможная причина седентаризации – засушливость климата, которая могла сделать неизбежным оседание уже поздних сарматов. Более стабильная экономика оседлого населения в каких-то ситуациях вынуждала к оседлому образу жизни как минимум обедневшую часть номадов.

Конец этой системы, где сарматские группировки выполняли роль политического центра, опираясь на экономический потенциал меотских поселений, связан с приходом кочевников из Предкавказья в Подонье примерно в середине III в. н. э. Именно с их миграцией С.А. Яценко убедительно связывает гибель Танаиса и меотских поселений Нижнего Дона [12]. Второй этап позднесарматской культуры (середина III – вторая половина IV вв. н.э.) привел к большим переменам в политической системе степной зоны Европы. Произошло существенное переформатирование системы отношений иранских кочевников с оседлым миром. Выходцы из Предкавказья, видимо, ориентировались на оседлое население Предкавказья. Прекращение деятельности Танаиса и меотских городищ низовий Дона связано с тем обстоятельством, что новые властители Подонья не нуждались в них, поскольку у них была уже своя оседлая периферия. Нижнедонские степи утратили статус ключевого по-

литического центра Сарматии.

Источники и литература

1. Батиева Е.Ф. К вопросу об искусственно деформированных черепаках из нижнедонских могильников сарматского времени // Человек в культурной и природной среде: труды Третьих антропологических чтений к 75-летию со дня рождения В.П. Алексеева. М., 2007. С. 400-406.
2. Батиева Е.Ф. Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. – IV в. н.э. (палеоантропологическое исследование). Отв. ред. М. М. Герасимова. Ростов-на-Дону, 2011.
3. Безуглов С.И. Денежное обращение Танаиса, III в. до н.э. – V в. н.э. Дисс. на соиск. ... к.и.н. М., 2001.
4. Безуглов С.И., Гугуев В.К. Меоты и сарматы на Нижнем Дону в I-III вв. н. э. (структура и эволюция погребального обряда) // Проблемы сарматской археологии и истории (тезисы докладов конференции). Азов, 1988. С. 19-27.
5. Глебов В.П. К дискуссии о хронологии среднесарматской культуры (ответ на рецензию А.В. Симоненко) // Донская археология. 2002. № 3-4. С. 131-140.
6. Гугуев В.К. Структура погребального ритуала Нижне-Гниловского некрополя (к вопросу о донском варианте меотской культуры) // Novensia. 2008. № 18-19. С. 129-137.
7. Демкин В. А. Природная среда волго-уральских степей в савромато-сарматскую эпоху (VI в. до н.э. – IV в. н.э.) / В. А. Демкин, А. С. Скрипкин, М. В. Ельцов, Б. Н. Золотарева, Т. С. Демкина, Т. Э. Хомутова, Т. В. Кузнецова, С. Н. Удальцов, Н. Н. Каширская, Л. Н. Плеханова. Пушино: Ин-т физ.-хим. и биол. проблем почвоведения РАН, 2012.
8. Раев Б.А. Меоты и степь: к взаимоотношениям кочевого и оседлого населения в Прикубанье на рубеже эр. В: Дервянко А.П., Макаров Н.А. (отв. ред.). Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.: ИА РАН, 2008. С. 55-57.
9. Сапрыкин С.Ю. К вопросу о сарматизации Боспора рубежа нашей эры // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Труды ГИМ. Вып. 159: памяти Н.П. Сорокиной. Д.В. Журавлев (ред.). М.: 2006. С. 236–244.
10. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III–I веках до нашей эры. М.: Наука, 1970.
11. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972.
12. Яценко С.А. Германцы и аланы: О разрушениях в Приазовье в 236–276 гг. н.э. // Stratum + ПАВ., СПб-Кишинев. 1997. С. 154-163.
13. Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература, 2006.
14. Яценко С.А. Алания I–II вв. н.э. как кочевая империя // Монголь-

ская империя и кочевой мир. Базаров Б.В., Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.). (отв. ред.). Книга 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 281-310.

Формирование системы сохранности археологических памятников в городах Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века

*Ермоленко Людмила Павловна
Северо-Кавказский федеральный университет
кандидат исторических наук, доцент
gutik77@bk.ru*

Культурные ценности в конце XIX – начале XX в. стали предметом целенаправленного изучения столичными и провинциальными научными и культурными организациями и обществами, краеведами и организаторами исследовательской работы. Эти процессы привели не только к изучению культурных ценностей, появлению научных публикаций, но и к складыванию системы сохранения памятников старины. В этот период памятники древности Северного Кавказа продолжают изучать, с целью их сохранения, совершенствуется государственная политика в сфере охраны памятников археологии и формируется система централизованного руководства охраной памятников в городах Северного Кавказа. Проблемами археологических изысканий, сбором информации о раскопанных памятниках и сохранением обнаруженных археологических находок в конце XIX – начале XX в. занимались Городская управа, канцелярия губернатора, статистические комитеты и научные общества.

Сведения о разрушенных или раскопанных памятниках поступали из волостных правлений и уездной полиции [1, л.31-32, 61,62]. Далее сведения о раскопанном местным населением памятнике или археологических находках могли поступать в канцелярию губернатора напрямую или сначала направлялись в Городскую управу, а затем в канцелярию губернатора. И уже по распоряжению губернатора в уезды направлялись служебные приставы, которые составляли не только подробный протокол раскопок, но и занимались сбором у местного населения найденных предметов. Так, в 1899 г. приставом Добрыней был составлен довольно подробный протокол об итогах грабительских раскопок Султановского склепа. Чиновник не только выяснил обстоятельства незаконных работ на памятнике, но и описал характер, методы раскопок, а также выяснил судьбу обнаруженных археологических находок. [3, л.7.]. В Городскую управу поступали не только сведения о хищнических раскопках памятников старины, но и найденные древние вещи. Наиболее ценные предметы вывозились в ведущие музеи страны - чаще в Эрмитаж, иногда – в Исторический музей в Москву. Кроме этого, вещи из памятников, открытые в отдаленных районах края отправлялись через уездное полицейское управление в статистические комитеты. Например, в 1890 г. в Ставропольский губернский статистический комитет попали предметы из кургана, раскопанного у с. Воздвиженского. [2, л.4.]. Четко налаженная схема позволила сохранить

для археологической науки до настоящего времени описания курганов, могильников и значительную часть археологических находок XIX в.

Кроме государственных учреждений в конце XIX в. в регионе проблемами сохранения археологических памятников начинают заниматься и местные любители старины. Конец XIX - начало XX вв. характеризуется оживлением научной деятельности в провинции. В связи с завершением Кавказской войны часть отслуживших офицеров и унтер-офицеров остаются проживать в городах Северного Кавказа. Эта социальная группа включается в провинциальную культурную жизнь. Некоторые из них одновременно с археологами-профессионалами и местными краеведами начинают заниматься археологическими изысканиями в регионе, получив специальные разрешения на право раскопок памятников от Императорской Археологической комиссии - Открытые листы (полковник Ольшевский, генерал Эркерт и др.). В 80-е гг. XIX в. в г. Ставрополе появился столичный исследователь - генерал Эркерт. Его раскопки в окрестностях города вызвали у горожан огромный интерес к археологическим памятникам. Деятельность Эркерта послужила примером для местного патристически настроенного населения, в числе которой своими изысканиями выделяется первый местный археолог-любитель отставной унтер-офицер Павел Федотов [10, с.211-215.].

В числе местных краеведов следует отметить и деятельность инспектора народных училищ Ставропольской губернии А.И. Твалчрелидзе. Он не только лично осматривал памятники, выявленные в окрестностях населенных пунктов Ставрополя, и публиковал сведения о них, но и старался довести научные сведения до археологов-профессионалов. [3, л.1.]. Сведения местных краеведов о разрушающихся памятниках нередко становились причиной организации экспедиций.

Стоит отметить, что археологические исследования в регионе становятся систематическими в рамках четко выработанной программы Императорской Археологической комиссией. Исследуются памятники большого хронологического и культурного диапазона: от каменного века до средневековья [7, с. 12-141]. Этнографическими, археологическими, историко-краеведческими исследованиями, охраной памятников старины и их изучением в регионе занимались Ставропольский губернский статистический комитет (1858 г.), Ставропольское епархиальное церковно-археологическое общество (1894 г.), Кавказское горное общество (1902 г.), Музей Северного Кавказа (1905 г.), Ставропольская ученая архивная комиссия (1906 г.), Ставропольское общество для изучения Северо-Кавказского края (1910 г.) и др.

Публикациями в печати, научными трудами, выступлениями на съездах ученые вводили в научный оборот ценнейший краеведческий материал общепознавательного характера. Это было связано с первыми шагами по изучению региона и сохранению северокавказских культурных ценностей. Научные общества объединили наиболее активную часть представителей интеллигенции, которые все свои силы обратили на просвещение народа в вопросах изучения и сохранения памятников старины. К сожалению, из-за отсутствия де-

нежных средств реставрационные работы и попытки сохранить разрушающиеся памятники были ограничены. Общества зачастую давали заключение о возможности проведения ремонтных работ по отдельным памятникам и проводили их фотофиксацию.

В начале XX вв. в Российской империи наблюдается общественный интерес к археологии. Сбором археологического материала и различных сведений о памятниках древности занимались не только областные и губернские статкомитеты [9, с. 204-205], но и с началом развития краеведения интерес к археологии превращается в одно из направлений исследовательской деятельности местных организаций, в том числе и губернских архивных комиссий. Особо следует отметить деятельность Ставропольской ученой архивной комиссии (СУАК). Она занималась археологическими исследованиями и охраной памятников старины вплоть до учреждения в 1920 г. секции охраны памятников старины и в 1921 г. Ставропольской этнолого-археологической комиссии. Охрана памятников древности было одним из самых сложных направлений в деятельности научных обществ. Трудность заключалась в огромном пространстве и большом количестве археологических памятников. В связи с этим невозможно было уследить за всеми памятниками, их сохранностью, а также оберегать их от разрушения и уничтожения. Свою пагубную роль играло не только распространение слухов о находках большой материальной ценности, но и невежество и неведение крестьян и казаков о значении находимых ими предметов древности, а также отсутствие сознания необходимости охранять памятники прошлого.

Памятники древности часто разрушались и уничтожались в ходе хозяйственных и строительных работ. Но наибольший вред памятникам наносили «хищнические раскопки» кладоискателей. Несмотря на запреты, угрозы и указы правительства число кладоискателей постоянно увеличивалось. Они искали золото и старинные монеты, а в итоге уничтожали памятники. В то время единственным спасением были систематические научные экспедиции. Но средств на проведение крупномасштабных раскопок у местных научных обществ не было. Учеными предпринимались выезды на места разрушения памятников, производился осмотр и сбор подъемного материала, осуществлялось сотрудничество с центральными научными учреждениями и с местными северокавказскими научными обществами и музеями. Ими осуществлялась постоянная работа по ознакомлению местной общественности с памятниками старины и древности, по сохранению и развитию исторических традиций. Так, например, Г.Н. Прозрителевым был написан ряд статей о роли и значении археологии, необходимости надзора за памятниками и принятии законодательных мер против кладоискателей, для изъятия у них предметов древности, а также вещей, случайно найденных при строительных работах и имеющих историческую ценность. По его инициативе был организован контроль и надзор на местах за памятниками старины. Из числа местных жителей были выбраны люди, ставшие сотрудниками архивной комиссии на местах. В их полномочия входило: занятие просветительской работой среди населения

о ценности и научном значении памятников, записывание преданий и поверий о кладах и городищах, надзор за состоянием археологических объектов, охрана их от посягательств кладоискателей, предоставление информации в комиссию о фактах их разграбления и разрушения. Они обладали широкими полномочиями, имели право воспрепятствовать незаконным раскопкам и, при содействии полиции, отобрать найденные вещи. Таким сотрудникам выдавались специальные удостоверения, подтверждающие их полномочия и, в зависимости от ценности информации и находок, разовое вознаграждение. Сотрудниками комиссии были избраны: крестьяне Т.Д. Щегольков, А.С. Рыжков, учитель М. Севастьянов, служащий городской управы А.А. Соколов и др. Однако в ежегодных отчетах СУАК отмечалось, что из-за отсутствия финансов и специалистов-археологов на территории края систематических научных раскопок не проводилось. Но совершалось большое количество выездов членов комиссии на разрушаемые объекты по тревожным сигналам сотрудников и проведение спасательных работ. Комиссия также рассылала по уездам и волостям «Вопросные листы», на предмет выявления памятников старины, археологических находок, особенно «каменных баб», находящихся у местных жителей. Для ряда археологических объектов в Ставрополе были заказаны металлические доски с надписями, что данный памятник охраняется государством [4, л. 15-17] [5, л. 1, 11, 21] [6, л. 17].

Большим препятствием для охраны памятников археологии на Северном Кавказе являлось отсутствие сведений о месторасположении большинства памятников. Вот почему наряду с раскопками в круг занятий комиссии входил сбор первичной информации и составление археологической карты губернии. Члены комиссии под руководством Г.Н. Прозрителева начали заниматься сбором сведений, фиксацией и описанием памятников Ставропольской губернии. Результатом этого явилось составление Г.Н. Прозрителевым в 1926 г. археологической карты Ставропольской губернии и пояснительной записки к ней [8, с. 66].

Таким образом, с 1880-х гг. в городах Северного Кавказа наблюдается складывание прообраза системы по фиксации и сохранению памятников старины, в которой кроме государственных учреждений большую роль сыграла деятельность местных любителей-краеведов, чиновников, сотрудников научных обществ. Дореволюционные научные общества Северного Кавказа, являясь общественно-научными центрами местной интеллигенции, своей просветительской деятельностью создавали общественное мнение о необходимости сохранения памятников старины.

Источники и литература

1. Архив Института истории материальной культуры РАН (Архив ИИМК РАН). Ф.1. Оп.1. Д.6, 1883.
2. Архив Института истории материальной культуры РАН (Архив ИИМК РАН). Ф.1. Оп.1. Д.219, 1890.
3. Архив Института истории материальной культуры РАН (Архив

ИИМК РАН). Ф.1. Оп.1. Д.12, 1899.

4. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 198. Оп. 1. Д. 13.

5. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 198. Оп. 1. Д. 23.

6. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 198. Оп. 1. Д. 24.

7. Императорская археологическая комиссия (1859-1917): у истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А.Е. Мусин. Под общей ред. Е.Н. Носова. – СПб: Изд-во ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009. – 1191 с.

8. Колесникова М.Е. Ставропольские краеведы: биобиблиографические очерки. – Ставрополь, 2004. – 116 с.

9. Колесникова М.Е., Ермоленко Л.П. Из истории изучения и охраны археологических памятников Северного Кавказа во второй половине XIX - начале XX вв. // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. – Владикавказ, 2008. С. 204-208.

10. Прокопенко Ю.А. О краеведческой деятельности в 80-е гг. XIX в. археолога-любителя П.Ф. Федотова // Вторые Прозрителевские чтения. Материалы научно-практической конференции (г. Ставрополь, 29-30 ноября 2005 г.). - Ставрополь, 2006. С. 211-215.

Самосдельское городище – древнейший город в Нижнем Поволжье

Зиливинская Эмма Давидовна

Институт археологии и этнографии РАН

доктор исторических наук, профессор

eziliv@mail.ru

Самосдельское городище находится в дельте Волги в 43 км от Астрахани. Масштабные раскопки этого памятника ведутся с 2000 г. Памятник представляет собой крупное поселение, расположенное на острове, окруженном со всех сторон протоками Волги и разделенном этими протоками на несколько частей. Площадь городища составляет около 2 кв. км. В центре его предположительно находится крепость треугольной формы, со стенами, сложенными из обожженного кирпича. Толщина культурного слоя достигает здесь 3 м. Городище возникает не позднее начала IX в. и непрерывно существует до первой половины XIV в.

В слоях XI-XIV вв. обнаружено большое количество сооружений из обожженного кирпича вторичного использования. В XIII-XIV вв. дома были преимущественно однокомнатными, к XI-XII вв. относятся большие многокомнатные здания. Первоначальные кирпичные постройки пока не обнаружены. Можно предположить, что строительным материалом для поздних построек служили кирпичи из какой-то крупной постройки – дворца или крепости. Анализ археологического материала из средних по глубине залегания слоев Самосдельского городища показал наличие здесь двух этнических

групп – болгар и огузов. Это обстоятельство позволило нам выдвинуть гипотезу о соотношении Самосдельского городища с остатками города Саксина.

Основу населения Самосдельского городища в наиболее ранний период составляли кочевники, оседающие на землю. Об этом свидетельствуют находки юртообразных жилищ в нижних слоях памятника. Юртообразные жилища на Самосдельском городище заглублены в землю, стены их выстроены из жердей и плетня, обмазанного глиной. Другой тип ранних жилищ – это легкие каркасные постройки квадратной или прямоугольной формы. В этом случае они фактически являются полуземлянками.

Крайне сложна для Самосдельского городища проблема датировок. Основным датирующим материалом является керамика. Керамику из нижних слоев можно разделить на несколько групп. Значительная по объему группа керамики представлена лепной кухонной посудой. В основном это котлы и горшки. Горшки слабо профилированы, форма их невыразительна и встречается на значительной территории, заселенной тюркоязычными кочевниками.

Одним из самых распространенных типов являются котлы с округлым сферическим туловом и горизонтальными сплошными ручками-ушками. Такие котлы часто орнаментированы пальцевыми и ногтевыми вдавлениями, прочерченными дуговидными полосами. На тулове таких сосудов, под ручками встречается процарапанная тамга в виде «птичьей лапки». Подобные котлы широко распространены в VI-VIII вв. на огромной территории от Ферганской долины и Семиречья по всему бассейну Сырдарьи вплоть до ее низовий. Исследователи связывают их с огузо-печенежскими племенами. Точную дату нижним слоям городища дают лепные котлы с витыми и треугольными ручками, которые встречаются в Семиречье и датируются там VII–IX вв.

Интересно отметить почти полное отсутствие классических «салтовских» сосудов, которые обнаружены в количестве всего 4 экземпляров. То есть присутствие носителей аланской керамической традиции на Самосдельском городище не фиксируется.

Так называемая «огузская» керамика, аналогии которой имеются на Нижней Сырдарье, появляется в более позднее время. Гончарная керамика «болгарского» облика присутствует во всех слоях, начиная с самых ранних.

Датировки подтверждаются данными радиоуглеродных анализов. Таким образом, анализ археологического материала и данные радиоуглеродных анализов свидетельствуют о том, что Самосдельское городище возникает в хазарское время. В связи с этим возникает вопрос о возможности соотношения этого памятника с остатками какого-либо хазарского города, а именно со столицей Хазарского каганата Итилем.

Об одной из разновидностей меотских памятников степного Закубанья¹

Кияшко Алексей Владимирович
Южный федеральный университет
доктор исторических наук, профессор
volgodon5@mail.ru

Низовья Дона и Кубани в первобытный период лишь эпизодически представляли собой территорию оседлого быта, связанного с формированием поселенческих и протогородских структур. С определенными оговорками ряд таких эпизодов можно обнаружить на протяжении бронзового века.

На самой его заре, в IV тыс. до н.э., на левобережье Кубани прослежены многочисленные поселки майкопской культуры [7], система жизнеобеспечения которых (домостроительство, следы сельского хозяйства, качественная керамика) является, по всей вероятности, результатом миграции предков их обитателей с территории Закавказья.

На рубеже III-II тыс., в конце периода средней бронзы, мы сталкиваемся на Нижнем Дону с феноменом строительства крепостей - Ливенцовской и Каратаевской [2]. Далее, в позднебронзовый период (середина II тыс. до н.э.) наблюдаем густую сеть посёлков срубной культуры [3, 13], а переходное время от эпохи бронзы к железному веку представлено селищами оригинальной кобяковской культуры: Кобяково, Нижнегниловское, Хапры, Сафьяново - на Нижнем Дону [6, 14-15], Красногвардейское II - на Кубани [8]. Причинами таких «взрывных» проявлений оседлости зачастую могли быть климатические оптимумы - отмечаемые палеоэкологами и почвоведомы периоды увлажнения и потепления климата, наступление которых (например, в середине II тыс. до н.э.) делало возможным оседлый быт и стационарное интенсивное хозяйствование в низовьях Дона и Кубани. В то же время, устойчивого характера такая оседлость не имела, т.к. для ее укоренения, помимо природно-географических условий, требовалось сочетание целого ряда социокультурных, материально-технических и даже политических обстоятельств.

Проявление разнообразных факторов формирования протоурбанистических структур и их взаимосочетание стало возможным в изучаемом регионе лишь во второй половине I тыс. до н.э. - начале I тыс. н.э. в условиях его заселения представителями развитой античной цивилизации (возникновение греко-римских городов-колоний Фанагории, Гермонассы, Горгиппии, Танаиса и их округи).

На этот раз «эстафета» урбанизации перешла к населению низовий Кубани, где издревле, по меньшей мере с IX - VIII вв. до н.э., обитало своеобразный этнос меотов, сохранявший еще с финала бронзового века традиции оседлой жизни (поселки протомеотов в предгорных степях Закубанья - Крас-

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации гранта № 16-01-14064 «Г».

ногвардейское II поселение и др.). По оценке И.С. Каменецкого на Кубани известно около 350 городищ и 170 неукрепленных поселений меотов [5, 201]. С.М. Ильяшенко отмечает, что «с начала I в. н.э. вокруг Танаиса, по берегам Дона, возникает целая серия так называемых меотских поселений: Нижне-Гниловское, Темерницкое, Ростовское, Кизитериновское, Кобяковское, Хяпровское, Мокро-Чалтырское, Сухо-Чалтырское, Крепостное и Подазовское» [4, 22]. В плане преемственности традиций оседлости и выбора оптимального местоположения для поселений надо отметить, что большинство (первые 5 из 9 перечисленных) нижнедонских меотских поселений (городищ?) находятся в черте г. Ростова-на-Дону. Интересно, что на территории Краснодара также зафиксировано 5 меотских городищ: КРЭС, «Городского парка», «На Дубинке», «Панский кут» и «Сад Тротнера» [1].

Несмотря на приведенные впечатляющие данные о численности меотских бытовых памятников, следует отметить их слабую изученность. Сколько-нибудь значительным раскопкам подвергались, по данным И.С. Каменецкого, лишь единичные городища на Дону (Подазовское, Кобяковское) и на Кубани (городища у хутора им. Ленина, Казанское I, Ново-Джерелиевское III) [5]. Этот же автор отмечает парадоксальный факт, что стационарным исследованиям подвергалось лишь одно меотское поселение на Кубани - Венцы I (раскопки Е.А. Бегловой) [5, 221].

В этом отношении актуальны работы по исследованию бытовых меотских памятников, проведенные в сезон 2014 года экспедицией ООО «ПСК-ЮГ» и Волго-Донского археологического общества в зоне планируемого строительства нефтеперерабатывающего завода «Антей» на левобережье Кубани в районе посёлков Шенджий и Натухай Тахтамукайского района Республики Адыгея (раскопки Я.А. Кияшко). Результаты исследования меотского поселения Натухай I и визуального осмотра вновь выявленных поселений Шенджий I и Четук I пополняют источниковую базу по меотским древностям Кубани, а также расширяют наши представления о структуре меотских поселенческих памятников. Благодаря хорошо датирующему материалу (фрагменты амфор, мисок, фибул и бусин) удалось датировать памятник Натухай I второй половиной II в. н.э.

Кроме традиционных методов разведки и раскопок при исследовании названных объектов были применены не деструктивный приём исследования - анализ спутниковой съемки изучаемой территории. Изучены были фотоснимки, размещенные в свободном интернет доступе на серверах Yandex и Google. Именно спутниковые фотографии, сделанные в осенний период времени, когда полевые участки либо стояли под паром, либо содержат слабые всходы озимых культур, позволили обнаружить (в случае с поселением Четук I), а также установить значительное визуальное сходство всех трех поселений. Главным элементом этого сходства являлось пятно округлой формы - темное на фоне коричневой распашки, которое указывает на границы распространения культурного слоя.

Подтверждением такой интерпретации темного пятна стали раскопки поселения Натухай I. По данному критерию участок поселения имел прямоугольные очертания и размеры примерно 200x120 м (около 24000 м²). Два другие поселения: Шенджий I (выявленное в процессе визуального осмотра местности) и Четук I (выявленное на спутниковом снимке и при последующем визуальном осмотре местности) имеют более округлую форму. Первое – 220x210 м (около 46200 м²) и второе – 170x170 м (около 29240 м²). На спутниковых снимках каждого из названных памятников, на фоне большого темного пятна культурного слоя, примерно в центре площадки, фиксируется относительно небольшое округлое светлое пятно, имеющее диаметр на Натухае I - 20-25 м; на Шенджий I - 35-40 м; на Четук I - 35 м. Визуальный осмотр все объектов, а также стационарные раскопки на Натухае I показали, что это светлое пятно маркирует соответствующее по размерам блюдцеобразное понижение, западину, которое, как установили раскопки, является следствием устройства здесь в древности обширной ямы (ее размеры несколько меньше пятна: 17x18 м). По работам на Натухае I установлено, что эта яма имела глубину в материке до 1 м, и включала еще 11 ям различных размеров, устроенных в ее дне. Расположение ям концентрическое, одна из них находилась в центре общего скопления и, в отличие от других, имеющих значительные габариты и небольшую глубину, представляла собой узкую и глубокую яму. Судя по всему, центральная яма представляла собой основу закрепления деревянной (?) столбовой конструкции, возможно культового назначения. В таком случае, другие концентрически расположенные ямы и содержащие типичные керамические изделия - представляли собой сооружения для приношений (пожертвований).

Другие признаки поселения Натухай I: малое количество костей домашних животных, слабо выраженные следы иных построек при центральном расположении вышеописанного комплекса ям, стандартизированный характер керамических находок с обилием изделий культового назначения: ритуальных орнаментированных кубков на подставке, т.н. грузиков пирамидальной формы, орнаментированных керамических плиток – все это говорит об особом характере памятника, а также близких ему по визуальным признакам и характеру подъемного материала соседних объектов – поселений Шенджий I и Четук I.

Надо отметить, что специфические меотские памятники уже были выявлены в ходе разведок, проведенных московскими археологами в 1995 году. Они были названы И.С. Каменецким «городищами особого типа» [5, 227]. Территориально – Северский район Краснодарского края (соседний к западу с Тахтамукайским районом Адыгеи), и по расположению на местности – удаленные от воды возвышенные места Левобережья Кубани, они близки описанной группе объектов. Их пять: Богданово I и II, Кошарское, Гнилое и Песочное. И.С. Каменецкий, отмечает на каждом из них характерное всхолмление (в основе которого исследователь даже предполагает наличие древнего кургана). Автор трактует эти памятники как «пограничные сторожевые по-

сты, прикрывающие с запад территорию расселения меотов после их ухода от границ боспорской метрополии». Однако, приведенные И.С. Каменецким чертежи, в частности Кошарского городища, показывают наличие все той же обширной западины в центре памятника, как у объектов в районе поселков Шенджий и Наухай [5, 228, рис.171].

Таким образом, можно предположить, что выявленные нами объекты были своего рода святилищами, имевшие в центре закрепленное в яме деревянное изваяние божества, окруженное ямами для приношений. При этом ритуальном комплексе могло быть несколько бытовых построек предположительно для жреческого персонала святилища. Расположение всех трех памятников вдали от водоёмов, на водораздельных участках тоже говорит в пользу их культового, а не бытового характера.

Источники и литература

1. Анфимов И.Н., Анфимов Н.В. Археологические памятники города Краснодара // Кубанский краевед. Вып. 3. Краснодар. 1992
2. Братченко С.Н. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века. Матеріали да дослідження з археології Східної України: Збірник наукових праць (за ред. С.М.Санжарова). Випуск 6. Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля. 2006
3. Ильюков Л.С. Начало периода поздней бронзы // Археология Нижнего Дона: Учебник: Проспект. Ростов-на-Дону. 2013
4. Ильяшенко С.М. Поселения раннего железного века // Археология Нижнего Дона: Учебник: Проспект. Ростов-на-Дону. 2013
5. Каменецкий И.С. История изучения меотов. М. 2011
6. Потапов В.В. Финал периода поздней бронзы // Археология Нижнего Дона: Учебник: Проспект. Ростов-на-Дону. 2013
7. Резепкин А.Д., Лионе Б. Поселения эпохи ранней бронзы на Кубани (предварительная публикация) // Revista arheologică. SN. III/1-2. Chişinău, 2007
8. Шарафутдинова Э.С. Двуслойное поселение Красногвардейское II – памятник эпохи поздней бронзы – начала раннего железного века на Кубани // Сб: Меоты – предки адыгов. Майкоп. 1989

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ПЕРИФЕРИЙНОГО ГОРОДА

Региональные особенности и риски культурных преобразований Петра I (на материале городов Северо-Восточного Приазовья)

Аваков Пётр Ашотович

Ростовский государственный экономический университет

кандидат исторических наук

ravakov@mail.ru

В докладе рассматривается региональный аспект реализованного Петром I в 1705 г. проекта вестернизации имиджа и быта россиян (введение брадобрития и замена русской одежды, обуви и седел на западноевропейские аналоги), являвшегося важной составляющей его преобразований. На материале Азова и Троицкого – городов-крепостей Северо-Восточного Приазовья – показано, что радикальные имиджевые и бытовые инновации Петра I не всегда сопровождались сопротивлением местного населения и могли осуществляться довольно успешно. Возможность не конфронтационного внедрения культурной инициативы царя напрямую зависела от социально-экономических особенностей конкретного региона и влияния таких факторов, как сословный состав местного населения, основной источник его доходов, род занятий и степень лояльности властям. Благоприятное сочетание этих факторов позволило администрации Северо-Восточного Приазовья успешно воплотить замысел Петра I и избежать социального взрыва, несмотря на значительные риски, связанные с угрозой расширения территории Астраханского восстания на сопредельный регион. Это же сделало невозможным реализацию фискальной составляющей нововведений. Новые архивные источники ставят под сомнение общепризнанный в историографии тезис о том, что россияне были имманентно не готовы расстаться с бородой и одеждой своих предков.

Великий Новгород в начале Северной войны (1700–1721)

Базарова Татьяна Анатольевна

Санкт-Петербургский институт истории РАН

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

tbazarova@yandex.ru

Великий Новгород на протяжении нескольких столетий играл огромную роль в истории России. Даже после присоединения Новгородской республики к Московскому государству (1478) Великому Новгороду удалось сохранить элементы самостоятельности и самобытности. В начале XVIII в. он по-прежнему оставался крупнейшим городом на Северо-Западе России, значительным политическим, экономическим и культурным центром.

Коренным образом жизнь Великого Новгорода изменилась в Петровскую эпоху. Многолетняя Северная война потребовала мобилизации ресурсов

всего государства. Население страдало от постоянного роста денежных налогов и натуральных повинностей (поставок фуража и хлеба, подводной, постоянной и отработочной). Наибольшие тяготы приходилось нести жителям городов и деревень, находившимся вблизи от театра военных действий [1, с. 166–172]. Новгородская земля граничила с землями шведской короны, поэтому новгородцы в полной мере испытали на себе невзгоды, которые принесла Северная война.

До сих пор первая четверть XVIII в. остается одним из самых малоизученных периодов новгородской истории. Исследователи, как правило, затрагивали лишь отдельные аспекты истории Великого Новгорода в годы Северной войны. Например, сбор и участие новгородских полков в военных действиях [13, 32], возведение оборонительных укреплений [19, 21], образование и школы [15, 16] и т.д. Вопрос о необходимости последовательного анализа воздействия петровских преобразований и Северной войны на развитие Новгородской земли поднял Е.В. Анисимов [2]. Его исследования сопровождались публикациями «новгородских материалов» РГАДА и Архива СПбИИ РАН [3, 14]. По мнению Е.В. Анисимова, своеобразие Великого Новгорода окончательно уничтожили унификация местного управления и утрата городом значения форпоста [2, с. 14–15]. Он также отметил, что важными факторами в судьбе великого города стали завоевание Ингерманландии и основание на прежних новгородских землях новой столицы России — Санкт-Петербурга. Они способствовали истощению экономических ресурсов Новгородской земли, окончательной утрате Новгородом «высокого статуса в системе власти и отношений самодержавной России» и превращению его в рядовой уездный город [3, с. 3].

Процессы, которые привели к упадку и окончательной «провинциализации» Великого Новгорода, начались уже в первые годы Северной войны. Царь придавал городу особое значение, которое определялось близостью к территории военных действий — Ингерманландии. Людские и материальные ресурсы Великого Новгорода были использованы, прежде всего, для нужд армии.

Е.В. Анисимов отметил, что поначалу жизнь в городе оживилась [3, с. 8–9]. В начале XVIII в. по воле государя Великий Новгород превратился в огромный сборный пункт ратников, подводчиков и работных людей. Летом 1700 г. туда стали свозить предназначавшееся для русской армии припасы, продовольствие, оружие и артиллерию [30, с. 42]. Со стен древних новгородских укреплений снимали пушки и мортиры. Новгородцы приводили орудия в порядок, изготавливали для них станки и колеса. Еще в апреле 1700 г. государь указал новгородскому воеводе Ивану Юрьевичу Трубецкому (1667–1750) взять у бурмистров «на то строение» 2000 рублей [30, с. 42]. Осенью через город прошли направлявшиеся к Нарве русские полки, к которым присоединились и новгородцы. В Нарвском походе участвовали два новоприобретенных новгородских солдатских, два новгородских стрелецких, два псковских стрелецких полка и часть новгородских помещиков (рейтар) общей численно-

стью 4145 человек, которые составили «генеральство» И.Ю. Трубецкого [13, с. 134].

19 (30) ноября 1700 г. в результате тяжелого поражения под Нарвой царская армия капитулировала. В плену оказалось почти все русское командование, в том числе и возглавлявший войска Новгородского разряда генерал-майор И.Ю. Трубецкой (которому удалось вернуться на родину только в 1718 г.). Сам государь в битве не участвовал. Он передал командование армией герцогу К.Е. де Круа и отправился в Великий Новгород, «чтоб идущия досталныя полки побудить к скорейшему приходу под Нарву» [17, с. 206]. Петр I провел в Новгороде несколько дней (с 23 ноября по 6 декабря), а затем выехал в Москву [28, с. 10]. В эти дни в город вошла дивизия генерала от инфантерии Аникиты (Никиты) Ивановича Репнина, двигавшаяся со Средней Волги и не успевшая к сражению. Согласно «Гистории Свейской войны», А.И. Репнину «с новыми ево полками велено зимовать в Новегороде, и был он там некоторое время губернатором» [17, с. 210]. Постепенно в Новгород возвращались и уцелевшие под Нарвой полки. Уже 12 декабря 1700 г. А.И. Репнин доложил царю: «явилось генеральства генерала Автонома Михайловича [Головина. — Т.Б.] 7204 начальных и солдат, новгородских новоприбранных солдат 559, стрельцов новгородских и белгородских 1480» [31, с. 185]. Всего в Новгороде собралось 22 967 человек из разбитых под Нарвой дивизий А.М. Головина, А.А. Вейде и И.Ю. Трубецкого [17, с. 209].

Воеводы (губернаторы) традиционно обладали административной, военной и судебной властью, распространявшейся на всю Новгородскую землю. В России должность губернатора появилась в ходе реформы 1708 г., когда царским указом территория государства была поделена на восемь губерний. Однако само слово «губернатор» как синоним (или перевод на немецкий язык) «воеводы», вошло в лексикон царя и его приближенных намного раньше. П.И. Милюков обратил внимание то, что царь уже в 1694 г. называл губернатором архангелогородского воеводу Ф.М. Апраксина [24, с. 255–256]. В 1702 г. после взятия Нотебурга царь назначил шлиссельбургским губернатором А.Д. Меншикова [24, с. 258]. В истории петровской России был второй (и последний) новгородский губернатор Яков Вилимович Брюс, сменивший А.И. Репнина летом 1701 г.

После поражения русской армии под Нарвой Великий Новгород (наряду со Псковом, где зимовала армия Б.П. Шереметева) стал ключевой точкой обороны Русского государства. Петр I и его полководцы полагали, что уже весной 1701 г. Карл XII пойдет походом к Пскову и Новгороду, поэтому на А.И. Репнина и Б.П. Шереметева возложили задачу обороны приграничного края.

Письменных источников о том, как новгородцы встретили и пережили тревожную зиму 1700/01 г., почти не сохранилось. «Гистория Свейской войны» глухо сообщает лишь о небольших русско-шведских приграничных столкновениях и рейдах отрядов на вражескую территорию, сопровождавшихся сожжением деревень и уводом полона [17, с. 210]. В связи с этим осо-

бое значение приобретает «Книга записная великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца указом при сиденье генерала и губернатора князя Никиты Ивановича Репнина декабря со 2-го числа прошлого 1700-го году», которая в настоящее время хранится в коллекции «Актовых книг, собранных Императорской Археографической комиссией» Научно-Исторического архива СПбИИ РАН (далее — Архив СПбИИ РАН) [4]. Рукопись содержит ценнейшую информацию не только о деятельности первого новгородского губернатора, но и о повседневной жизни жителей Великого Новгорода и уезда в конце 1700–начале 1701 г.

Уже 2 декабря 1700 г. во все новгородские пятины разослали царский указ Новгородского разрядного полка «столником и стряпчим, и дворяном московским, и жилцом, и всяких чинов начальным людем, и гусаром, и копейщиком, и рейтаром, и сотенным» спешно готовиться к государевой службе и прибыть в Новгород к 1 января 1701 г. [4, л. 3] За опоздание грозили смертной казнью и конфискацией вотчин и поместий. Прибывших в Великий Новгород и записавших «свои приезды» в приказной палате дворян отправляли нести службу в Старую Ладугу и другие приграничные крепости. Судя по «Книге записной...» сведения из разных мест регулярно поступали в приказную палату, что позволяло губернатору оперативно перераспределять людские ресурсы.

Близость русско-шведской границы и театра военных действий определяла специфический характер ряда отработочных повинностей крестьянского и посадского населения. Еще 24 августа 1700 г. царь указал Ф.А. Головину сделать в Новгороде на три полка рогатки [4, с. 385]. В конце 1700 г. новгородцев стали наряжать на караулы к амбарам с хлебными запасами и обязали изготовить по копыю, бердышу или рогатине [4, л. 17]. Весной 1701 г. во время подготовки наступления русской армии работных людей направляли ремонтировать дороги и мосты. На приведение в порядок волховских Большого и Кривого мостов с посадских жителей собирали «посаженные деньги» (по четыре деньги с сажени) [4, л. 26 об., 28 об.–30].

Важными магистральями для срочной доставки людей и грузов к месту военных действий были водные пути. 17 января 1701 г. государь указал для «нынешней свейской службы» в Великом Новгороде и Новгородском уезде «на реках Волхове да в деревне Нежице на реке Луге зделать 600 стругов» к вешней полой воде [30, с. 91–92]. Судостроением на Волхове близ Новгорода и на Луге возле деревни Онежицы руководил стольник И.Ю. Татищев [20, с. 84]. Сбор работных и мастеровых людей на строительство судов контролировал новгородский губернатор. В марте—апреле 1701 г. А.И. Репнин рассылал грозные указы «во Псков, да на Олонец <...> на Луки Великие, в Торопец, в Холм, во Ржеву Володимерову, во Ржеву Пустую, в Старую Русу» и другие города с повелением выслать в распоряжение И.Ю. Татищева кузнецов, плотников и работных людей «со всеми струговыми припасы» [4, л. 25 об.–26]. Но к началу военной кампании все необходимые для нужд армии

струи построить не успели. В июне 1701 г. Б.П. Шереметев сообщил царю, что на Луге в готовности 170 судов, а на Волхове «сделано немного» из-за нехватки работных людей [27, с. 51]. Поскольку средств для перевозки людей и грузов водой не доставало, переписывали все имевшиеся струги и плоты на Шелони, Ильмене, «на реке Волхове, и на Тихвине, и на Свире, и на Онежском и на Ладожском озерах, и в ыных во всех местех, ис которых бы теми стругами мочно было пройти в Волхов и Лугу реки с поспешанием» [4, л. 25–26]. В апреле 1701 г. «описные» струги доставили в Новгород из Старой Ладogi. В следующем, 1702 г., заложили новые судостроительные верфи на реках Свирь и Паша. Деньги на корабельные расходы («сколько понадобится») государь распорядился «имать в Новгороде у бурмистров из ратуши» [30, с. 121].

В 1701–1703 г. Великий Новгород продолжал наполняться «пришлыми» людьми. В первую очередь это были солдаты, работные люди и подводчики, как из близлежащих уездов, так и из отдаленных мест. Пытались затеряться в городе беглые солдаты и работники (для их поимки на дорогах выставляли караулы, в том числе и из посадских жителей [9, л. 1]). Через Новгород к местам боевых действий направлялись малороссийские и башкирские отряды, везли каторжников. Провозили через Новгород и арестованных иноземных торговых людей, пленных солдат и офицеров (отсюда их затем отправляли в Тверь и Москву). Так, в январе 1701 г. «за караулом» в Новгород доставили семь шведов, «которых поймали кореляна и прислали на Туломозерскую заставу, а с Туломозерской заставы прислали на Олонец» [4, л. 11]. 28 февраля из Новгорода в Москву под охраной восьми стрельцов отправили привезенных из Ладogi восемнадцать шведов [4, л. 21 об.].

Мобилизации людских ресурсов потребовало возведение новгородских укреплений бастионного типа. В историографии нет единой точки зрения, в каком году начались работы. Так, автор, наверное, самой обстоятельной статьи о новгородских укреплениях А.Г. Захаренко полагал, что работы начались уже в 1700 г. [19, с. 185] Это мнение основывалось на неверной датировке январем 1701 г. письма Петра I Т.Н. Стрешневу: «Естли какого наступления от нас не будет, Новгород, также и Псков достраивать начатое» [26, с. 42]. В комментарии к этому письму, опубликованному в первом томе «Писем и бумаг императора Петра Великого», высказано предложение датировать указ 1702-м годом [26, с. 846–847]. Не упоминается строительство земляных укреплений и в записной книге указов губернатора А.Н. Репнина.

Надо полагать, что возведение бастионов началось в 1701 г. уже в губернаторство Я.В. Брюса и под личным контролем Петра I. Во второй половине XVII в. ремонт и строительство новгородских укреплений велось сошными людьми за счет государевой казны [25, с. 110, 215]. В 1701–1702 гг. дополнение старых каменных стен новыми земляными укреплениями стало одной из важнейших повинностей новгородцев. Окольный И.А. Желябужский упоминал, что в 1701 г. «...Новгород и Псков <...> делали, рвы копали и церкви ломали, палисады ставили с бойницами, а около палисад складывали с обеих

сторон дерном, также и раскаты делали, а кругом складывали дерном. А на работе были драгуны, и солдаты, и всяких чинов люди, и священники, и всякого церковного чину, мужеского и женского полу» [18, с. 328]. В 1702 г. по царскому указу в Новгород с Новгородского уезда сначала отправляли по подводе с подводчиком с каждых пяти дворов и по пешему работнику с каждых трех, а в июле в дополнение к первой высылке велели снаряжать по пешему работнику с каждого двора, учтенного в переписных книгах 1678 г. [5, л.1; 6, л.1; 7, л.1; 8, л.1]

В 1703 г. работников в Новгород уже не посылали, поскольку требовались спешно ремонтировать укрепления Шлиссельбурга и возводить Петербургскую крепость. Туда людей собирали со всей Новгородской земли. Указ губернатора А.Д. Меншикова требовал прислать к 20 июля 1703 г. на берега Невы по одному работнику с каждых двух дворов Новгорода и уезда сроком на четыре месяца [10, л.1–1 об.; 11, л.1–2 об.]. Набранных с Новгородского посада работных людей сопровождали к месту строительства бурмистры или выборные посадские люди. За организацию высылки крестьян с уезда отвечали подьячие приказной палаты. Они доставляли будущих строителей Петербургской крепости сначала в Новгород, где формировали партии работников (как правило, один или несколько десятков человек), а затем сухим или водным путем сопровождали их на берега Невы [12, с. 45–47]. В 1704 г. Новгородская земля посылала работных людей уже не только в Петербург, но и в Нарву. Однако на строительстве крепостей требовались не только работные люди, но и квалифицированные мастера: плотники, каменщики и кузнецы. Историки архитектуры констатировали, что в начале XVIII в. гражданское и церковное строительство в Великом Новгороде замирает [22, с. 33].

Организация масштабных строительных работ, перевозок воинских грузов и людей в начале Северной войны потребовала громадного напряжения ресурсов Новгорода и уезда, ударив по хозяйству крупных и мелких землевладельцев, а также городских жителей. Уже в 1707 г. власти отметили сокращение посадского и крестьянского населения Новгородской земли. По сравнению с данными переписи 1678 г. убыло 29 805 дворов (в том числе «...на работах у Архангелского города, на Двинке, и на Таганрогу, и на Олоонецком верфу, и в Санкт-Питербурхе, и в Нарве, и в домах померли 13 193») [3, с.373].

Война нарушила торговые связи Новгорода с прибалтийскими городами. Согласно царскому указу в городе упразднили Шведский торговый двор. Учрежденный по условиям Столбовского мира (1617) он стал самым большим иноземным гостиным двором в России. Его построили в 1626 г. на Торговой стороне близ Ярославова Дворища, через несколько лет он сгорел, но был восстановлен [29, с. 132; 33, с.191]. В декабре 1700 г. пребывавших «Немецком свейском дворе» иноземцев и всех «шведов, сколько есть в Великом Новгороде в присылке» переписали и отправили с провожатыми в Преображенский приказ [4, л.5].

Сложно сказать, сколько на самом деле шведов находилось в Новгороде в начале Северной войны. Шведский торговый двор «получил свое название от государственной принадлежности останавливавшихся на нем купцов», в основном немцев по национальности из городов Прибалтики. Как заметил И.П. Шаскольский, за весь XVII в. ему удалось найти сведения только о трех купцах, прибывших в Новгород из Стокгольма (два из них были немцами, а третий — бельгийцем) [33, с. 196]. По-видимому, царский указ распространялся на всех подданных шведской короны, которых рассматривали как потенциальных шпионов. В свою очередь, шведское правительство задержало русских купцов. В октябре 1700 г. русский резидент А.Я. Хилков сообщил об аресте 400 человек [33, с.75], среди которых немало было и уроженцев Новгородской земли (по данным И.П. Шаскольского во второй половине XVII в. в Швецию ездило более 100 новгородских торговых людей) [34, с.47]. В 1702 г. в челобитной властей Тихвинского Успенского монастыря упоминалось о пребывании «в полону в Шведцкой немецкой земли в Стекольне» 63 торговцев [5, л.1; 6, л.1].

Почти полвека до этого, в 1656 г., в начале русско-шведской войны в Великом Новгороде принимали аналогичные меры. Шведский двор со всеми постройками конфисковали в казну. Новгородский воевода получил приказ из Москвы перевести шведских купцов на охраняемый двор, а их товары переписать и опечатать [29, с.134; 33, с.192]. Через несколько лет, после подписания Кардисского договора в 1661 г., шведам вернули торговые дворы. Однако после окончания Северной войны Шведский двор восстанавливать не стали. Как отметил И.П. Шаскольский, с завоеванием Ингерманландии и Прибалтики «Новгород перестал быть центром русской балтийской торговли (каковым он являлся на протяжении семи—восьми столетий), его роль отошла к Петербургу» [33, с.194].

После основания новой российской столицы и военных успехов русской армии в Ингерманландии роль Новгорода в политической и экономической жизни государства заметно уменьшается. В 1706 г. Великий Новгород приписали к Ингерманландской губернии [23, с.9–10]. Во главе города был поставлен комендант, подчинявшийся губернатору А.Д. Меншикову, резиденция которого находилась в Петербурге. После завоевания Россией портов на Балтийском море Новгород потерял роль крупного торгового центра. Дольше сохранялось культурное значение Новгорода. Государь одобрял и поддерживал начинания митрополита Новгородского и Великолуцкого Иова, учреждавшего школы, воспитательные дома, а также госпитали и богадельни. В новгородской архиерейской школе получали начальное образование молодые дворяне, определенные в петербургскую Морскую академию. Однако после смерти Иова (1716) школа постепенно пришла в упадок [12, с.157–168]. Епископ Новгородский и Великолуцкий Феодосий (Яновский) управлял своей епархией уже из Петербурга. К концу петровского царствования Великий Новгород окончательно превратился в скромный провинциальный город,

расположенный на дороге между двумя столичными городами Москвой и Санкт-Петербургом.

Источники и литература

1. Анисимов Е.В. Население и подати // История крестьянства Северо-Запада России: Период феодализма. СПб., 1994. С. 158–176.
2. Анисимов Е.В. Погружение в провинциальность: Великий Новгород при Петре Великом // Новгородика-2010; Вечевой Новгород. Материалы международной научно-практической конференции / Сост. Д.Б. Терешкина. Т. 1. Великий Новгород, 2011. С. 9–16.
3. Анисимов Е.В., Базарова Т.А. «Центр обширной провинции...»: Великий Новгород в эпоху Петра I: Хрестоматия. Великий Новгород, 2015.
4. Архив СПбИИ РАН. Колл. 2 (Актовые книги, собранные Императорской Археографической комиссией). Оп. 1. Д. 104.
5. Архив СПбИИ РАН. Ф. 132 (Тихвинский Успенский монастырь). Оп. 1. Карт. 53. Д. 16.
6. Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 53. Д. 17.
7. Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 53. Д. 31.
8. Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 53. Д. 37.
9. Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 53. Д. 69. Л. 1.
10. Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 53. Д. 135.
11. Архив СПбИИ РАН. Ф. 181 (Валдайский Иверский монастырь). Оп. 1. Д. 5886.
12. Базарова Т.А. Создание «Парадиза»: Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого»: Очерки. СПб., 2014.
13. Великанов В.С. К вопросу об организации и численности русской армии в нарвском походе 1700 // Война и мир: Новые исследования и материалы. Материалы 2-й международной научно-практической конференции. СПб., 2011. Ч. 1. С. 130–143.
14. Великий Новгород в эпоху петровских преобразований (конец XVII — начало XVIII в.): Сборник документов / Сост. Е.В. Анисимов, Т.А. Базарова, Н.Ю. Болотина. Великий Новгород, 2007.
15. Вознесенская И.А. Архиерейская школа Федора Максимова // София. 2001. № 3. С. 32–33.
16. Вознесенская И.А. Митрополит Иов и Новгородская школа братьев Лихудов // София. 1999. № 4. С. 37–39.
17. Гистория Свейской войны: (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т. С. Майкова. М., 2004. Вып. 1.
18. Желябужский И.А. Дневные записки // Рождение империи. М., 1997. С. 259–358.
19. Захаренко А.Г. Создание оборонительных сооружений вокруг каменных стен Новгорода, Пскова и Печорского монастыря в начале XVIII века // НИС. Вып. 9. Новгород, 1959. С. 171–189

20. История отечественного судостроения IX–XIX вв.: В пяти томах / Под ред. И.Д. Спасского. СПб., 1994. Т. I: Парусное деревянное судостроение.
21. Кузьмина Н.Н., Филиппова Л.А. Крепостные сооружения Новгорода Великого. СПб., 1997.
22. Кушнир И.И. Архитектура Новгорода. Л., 1982.
23. Масловский Д.Ф. Северная война: Документы 1705–1708 гг.: СПб., 1892. (Сборник военно-исторических материалов. Вып. 1).
24. Милюков П.Н. Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905.
25. Новгород Великий в XVII в. Документы по истории градостроительства / Сост. А.Н. Медушевский, М.Е. Бычкова. М., 1988.
26. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. СПб., 1887.
27. Письма к государю императору Петру Великому от генерал-фельдмаршала... Бориса Петровича Шереметева. Ч. I. М., 1778.
28. Походный журнал 1700 г. СПб., 1853.
29. Рыбина Е.А. Иноземные дворы в Новгороде в XII–XVII вв. М., 1986.
30. Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы: Сборник документов / Под ред. Л.Г., Бескровного, Г.А. Куманева. Том 1 (1700–1709 гг.). М., 2009.
31. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. II. СПб., 1863.
32. Хохлов И.В. Новгородские полки армии Петра I // Чело: Альманах. 2009. № 1. С. 3–6.
33. Шаскольский И.П. О деятельности шведского гостиного двора в Новгороде в XVII в. // Новгородский исторический сборник. Л., 1984. Вып. 2 (12). С. 188–202.
34. Шаскольский И.П. Русская морская торговля на Балтике в XVII в. СПб., 1994.
35. Эпистолярное наследие русского резидента в Швеции А.Я. Хилкова (1676–1717): К истории Северной войны / Сост. С.Р. Долгова, Г.Р. Якушкин. М.; СПб., 2015.

**Университет и его город: Императорский Варшавский университет
в Ростове-на-Дону (1915 - 1917 гг.)²**

*Братолюбова Мария Викторовна
Южный федеральный университет
кандидат исторических наук, доцент
m.bratolyubova2015@yandex.ru*

Город представляет собой мощное увеличительное стекло, позволяющее по-особому взглянуть на российский опыт, ибо город не только был тем

---

²Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации гранта № 16-01-14064 «Г»

местом, в котором развивались социально-экономические отношения, но и местом, где формировалась публичная сфера, представляющая собой основу для развития независимого гражданского общества. Университет своими корнями уходит в толщу городской культуры, оказывая на нее цивилизационное воздействие. Развитие университетов сыграло огромную роль в становлении общественной жизни в России.

Проблемы изучения городского контекста эволюции университетов Российской империи совсем недавно переместились из исследовательской периферии в центр внимания отечественных и зарубежных исследователей [15;19;20]. До сих пор город, как пространство, в котором находился университет, и сами горожане, затрагивались лишь изредка [1;3;13].

Представляется важным осмыслить проблему академической составляющей городской культуры и проанализировать насколько, и как приставка «университетский» к топониму города Ростова-на-Дону меняла его общегосударственный статус в иерархическом ряду российских городов, предопределяла его всероссийскую культурно-историческую известность.

В начале XX в. Ростов-на-Дону не оказался в кругу городов, по которым раскинулась отечественная высшая школа. До 1915 г. город не был отмечен печатью университетской избранности. В связи с эвакуацией в июле 1915 г. Варшавского Императорского университета в Москву и намерением перевести университет в «коренную» Россию, претензии на звание «университетского», заявили ряд крупных городов империи. Победителем в этом соревновании сумм пожертвований за Варшавский университет вышел Ростов. 17 сентября 1915 г. университет переехал в Ростов в составе четырех факультетов: историко-филологического, физико-математического, юридического и медицинского [8, 348 об.]. Первое заседание Совета Императорского Варшавского университета в Ростове состоялось 19 сентября 1915 г. [4, Л.6-8]. 1 декабря 1915 г. начались занятия на новом месте, а с 10 декабря открылось чтение лекций на большинстве факультетов [5, Л.224]. Преподавание велось по тем же кафедрам и в том же объеме, что и в Варшаве. Вплоть до 1917 г. университет назывался Императорским Варшавским и подчинялся Варшавскому учебному округу. 5 мая 1917 г. декретом Временного правительства он был закрыт, а на его базе учредили Донской университет [6, 56 об.]. 5 сентября 1918 г. Приказом Всевеликого войска Донского Донскому университету было присвоено имя М.П. Богаевского, помощника Войскового атамана генерала А.М. Каледина [7, Л.193-193 об.].

Важно отметить, что, если в конце XIX в. полемика о необходимости развития сети высших учебных заведений в Области войска Донского носила камерный характер, велась в основном, в интеллигентской среде без заметного участия торгово-предпринимательской среды. То, в первой трети XX века картина существенно изменилась. Дискуссия о появлении университета в Ростове обрела характер широкой общественной кампании представителей городской общественности. Теперь уже первую скрипку в ней исполняли

ростовские промышленники и купечество, готовые на значительные траты ради достижения возжеленной цели.

Университет занимал огромное значение в городском культурном ландшафте. Ростовская общественность понимала, что неразвитость университетской системы самым неблагоприятным образом отзывается на состоянии образования на Дону в целом а, следовательно, и на перспективах культурного процветания Юга России. Местная периодическая печать запечатлела психологическое воздействие на ростовскую публику от появления университета: «Наш чумазый город, – писал «Приазовский край», – делает первые шаги по пути высокой культуры, по пути духовного развития, по пути научного прогресса. Университет переводится, а это значит, что ростовское население встало на защиту городских интересов» [16, 15 августа].

Ростов долго добивался университета и когда обрел статус университетского, обсуждение события не сходило со страниц местной периодической печати. Донские газеты пестрили заголовками о чествовании приехавших в августе – сентябре 1915 г. в Ростов профессоров Варшавского университета [14, 15 августа; 17, 22 августа; 21, 16 августа]. Ректор Варшавского императорского университета С.И. Вехов весьма определенно отзывался о городе: «Ростов заслужил, чтобы в нем открылось высшее учебное заведение, город весьма благоприятен для университета» [2, 6 сентября]. Профессор В. Хмелевский в своей статье «Первое впечатление приезжего о Ростове-на-Дону пишет: «Ростов - большой красивый город, а Большая Садовая улица – это самая прелесть, и другие улицы тоже производят эффект своим культурным видом, они широки, с хорошими тротуарами, почти везде посажены деревья, благодаря чему город похож на сад. Ростов богат средствами, и живая сила имеется в лицах общества. Университет волеет новую волну в жизнь города [22, 6 сентября].

На страницах местных газет развернулась острая дискуссия между профессорами университета и представителями городской общественности о том, достоин ли Ростов стать университетским городом, обладает ли он, город классического торгового типа, достаточным уровнем культурного развития для университета. Непримируемое мнение в этом вопросе занял профессор А.М. Евлахов, который заявлял: «Ростов не созрел для университета» [10, 7 сентября]. Он обозначил свою позицию следующим образом: «Я утверждал и утверждаю последнее: не будь каприза судьбы, игры рока, Ростов еще многие и многие годы не имел бы университета» [11, 20 сентября]. А.М. Евлахов опубликовал серию критических статей, указывая на «низкий уровень культурной развитости Ростова и его жителей» [9, 6 ноября.]. Возражали профессору Евлахову как коллеги-профессора, так и представители ростовской общественности и городских властей. Взаимоотношения Варшавского императорского университета и ростовцев нашли отражение и в юмористических формах, в газетах появились не только фотографии профессоров и студентов, но карикатуры, шаржи.

Общественная дискуссия на тему о месте, роли университета и его отношениях с городской общественностью запечатлены в донской периодической печати, публицистике, документах официального делопроизводства. Само по себе публичное обсуждение этих вопросов было показателем высокой степени осознания общественностью непреходящей значимости института высшего образования для культурной модернизации Ростова.

Университет поражал ростовцев как средоточие российского интеллектуализма в лице людей науки, городская общественность была уверена, что «университет обогатит культурную жизнь и станет собирательным центром для ростовской интеллигенции» [18, 6 сентября]. Университет оказал существенное значение на демографическую компоненту культурной жизни, интенсивно умножая слой городской интеллигенции. Притягивая к себе молодежь, университет придавал городу функцию центра межрегионального культурного взаимодействия на Юге России, более чем важную для империи.

Университет придал мощную энергетику развития высшей образовательной сферы городской культуры Ростова-на-Дону. В Ростове возникла конгломерация разных государственных и частных высших учебных заведений, к февралю 1917 их насчитывалось уже 3 [12, с.376]. Под покровительственной сенью университета на академической почве университетского города легче укоренялись молодые высшие учебные заведения. С взаимодействием с университетом, окрепла негосударственная частная школа, основу которой составили высшие женские курсы, которые существенно повышали потенциал городской культуры.

В поддержании высокого уровня городской культуры существенный вклад вносили профессорско-преподавательская корпорация своей научно-просветительской миссией. Материалы в донской периодической печати, касающиеся истории университета, отражают не только научную деятельность, но и другие аспекты социальной жизни учебного заведения. Это дает представление о развитии науки и об общественной жизни университета. Периодическая печать помогает реконструировать отображение истории Варшавского Императорского университета в субъективном восприятии и опыте конкретных людей той эпохи.

Стоит отметить, что университет в Ростове не обладал, как другие вузы империи, своим неповторимым культурно - градообразующим свойством. Не были созданы специально для университета архитектурные комплексы, возведенные по специальным проектам. Местным властям приходилось приспособливать здания, которые уже являлись доминантными элементами городской архитектуры.

Университет в Ростове явился своего рода агентом цивилизации, оказал общее цивилизационное воздействие на жизнь Ростова. Деятельность Варшавского университета на Юге страны привела к его трансформации. Варшавский университет в Польше функционировал в условиях фронта. Перед ним стояла альтернатива национальной либо политической самоидентификации в условиях сложного конфликта национальных и имперских интересов. В

дальнейшем, представляется интересным проследить механизмы ухода от работы по складыванию пограничной или смешанной идентичности университетского человека на Дону.

Источники и литература

1. Братолобова М.В. Варшавский Императорский университет в зеркале Донской прессы (1915–1917 гг.) // Год Польши в России: вопросы историко-культурных взаимосвязей славянских народов и их соседей: материалы Международной научно-практической конференции (17 октября 2015 г., Кубанский государственный университет, г. Краснодар) / Научн. ред., сост. Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеев. Краснодар: Изд-во: «Традиция», 2015. 340 с.
2. Вехов С. Университет в Ростове // Приазовский край. 1915.
3. Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. TerraUniversitatis: два века университетской культуры в Казани, Казань, Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. 500 с.
4. ГАРО. Ф. 527. Оп. 1. Д.290.
5. ГАРО. Ф. 527. Оп.1. Д.1.
6. ГАРО. Ф.527. Оп. 1. Д.103.
7. ГАРО. Ф.527. Оп. 1. Д.356.
8. Государственный архив Ростовской области (ГАРО) Ф. 527. Оп.1.Д.31.
9. Евлахов А. Кому снится сон // Приазовский край. 1915.
10. Евлахов А. Ростов и Варшавский Университет (К психологии взаимоотношений) // Приазовский край. 1915.
11. Евлахов А. Ростов и Университет // Приазовский край. 1915.
12. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX вв. М., 1991.
13. Иванов А.Е. Университет как феномен культуры российского города конца XIX- начала XX века // Культуры городов Российской империи на рубеже XIX- XX веков. (Материалы международного коллоквиума, Санкт-Петербург, 14-17 июня 2004 г.). СПб.: Издательство «Европейский Дом». 2009. 428 с.
14. К приезду в Ростов-на-Дону профессоров Варшавского университета // Приложение к газете «Приазовский край». 1915.
15. Казакова В.С. Коллективная биография профессуры – новый путь в социальной истории русских университетов // Клио. Журнал для ученых. 2001. №1 (13). С. 254– 258.
16. Морев А. Университет переводится // Приазовский край. 1915.
17. Ростовский университет // Приазовский край. 1915.
18. Саликовский А. Университет в Ростове. Добро пожаловать // Приазовский край. 1915.
19. Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов: под ред. Е. А. Вишленковой, И. М. Савельевой. Нац. исслед. ун-т. Высшая школа экономики, Ин-т гуманитарных историко-теоретических исследований им. А. В. Полетаева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 386 с.

20. Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Мауэр, А. Дмитриева. М.: НЛЮ, 2009. 784 с.
21. Университет переводится // Приазовский край. 1915.
22. Хмелевский В. Первое впечатление приезжего о Ростове-на-Дону // Приазовский край. 1915.

**«Столица Азии Байкальской»:
геокультурные образы постсоветского Улан-Удэ**

*Бреславский Анатолий Сергеевич
Национальный исследовательский университет
«Московский энергетический институт»
доктор исторических наук, профессор
vladimara@mail.ru*

В центре внимания статьи – современный Улан-Удэ – столица национальной республики – Бурятии (Россия). Основанный в 1666 г. в ходе хозяйственного освоения Сибири, начатого еще царским правительством, Улан-Удэ прошел более чем трехвековой путь от Верхнеудинского острога до столицы суверенной республики. В статье речь пойдет в большей степени о современной ситуации, а именно: о формировании новой общегородской идентичности постсоветского Улан-Удэ – идеи «города с азиатской душой». Эта идея, опирающаяся в основном на мифопоэтические нарративы, включает в себя ряд устойчивых пространственных представлений. Ключевыми среди них являются следующие: «Улан-Удэ – столица бурятского мира», «буддийская столица России», «Восточные ворота России» и, наконец, «столица Байкальской Азии». Каждый из этих культурно-географических образов в современной ситуации артикулирует преимущественно культурную самобытность и самодостаточность города – столицы этнической Бурятии, выражает явное стремление местного сообщества преодолеть собственное ощущение провинциальности.

Методология исследования

Данная статья, а точнее, формирующее ее исследование [4], опирается на активно развивающийся в России сегодня ландшафтно-образный подход. Это подход, относящийся к сфере гуманитарной (культурной) географии, ориентируется на изучение «культурных миров» места. Он успешно преодолевает дисциплинарные границы физической географии, обеспечивая продуктивный синтез географического и культурологического знания. Не случайно одна из системообразующих российских работ в этой области носит название «Культура и пространство» [8].

Ландшафтно-образный подход предлагает значимое для нас понятие – «метагеография города». Оно подразумевает, что наряду с видимой, физической реальностью того или иного города существует реальность воображаемая, включающая всевозможные образы, пространственные мифы, представления о данном городе, которые могут соответствовать или не соответство-

вать его физической среде, топонимике, локальной культуре. Метагеография города – это своего рода оболочка из символов, знаков, значений и смыслов, которая обволакивает город, формируя наше представление о нем [8, с. 221-224; 9, с. 74-80].

Образно-географический подход к проблеме города и городского культурного пространства предполагает специфический предмет исследования – образы города. В культурной или культурно-географической трактовке «образ города» рассматривается как «система упорядоченных взаимосвязанных представлений о пространстве и пространственных структурах какого-либо города, а также как система знаков и символов, наиболее ярко и информативно представляющих и характеризующих определенный город» [8, с. 221]. С точки зрения репрезентации «образ города» может быть обозначен также как «совокупность ассоциаций о данном городе, накопленных в определенной культуре и репрезентированных через произведения литературы, музыки и живописи, кинофильмы, различные документальные источники, а также местные городские ландшафты, архитектуру, памятники и т.д.» [10; 11, с. 49].

Источниками для осуществления интерпретации тех или иных пространственных смыслов-образов города, является текст в расширенном понимании. Источниками такого рода текста могут быть как научные и публицистические труды о месте, так и художественная литература, материалы СМИ, ресурсы сети Интернет, путеводителей, справочников, документальные и художественные фильмы, формирующие представление об историко-культурной специфике данного места в изучаемый период.

Исторический контекст

Улан-Удэ (до 1934 г. – Верхнеудинск) был основан продвигавшимися в Сибирь казаками, которые построили в 1666 г. на возвышенности у места слияния рек Уда и Селенга предвестник города – Верхнеудинский острог. В XVII веке он являлся административным и военным центром всего Забайкалья. С 1783 г. – Верхнеудинск получает статус уездного города Забайкальской области. В XVIII-XIX вв. – один из торговых центров региона. В 1920 г. – становится столицей Дальневосточной республики, в 1923 г. – объявлен столицей Бурят-Монгольской АССР. В 1934 г. Верхнеудинск переименован в Улан-Удэ, с 1958 г. – столица Бурятской АССР, с 1992 г. – столица Республики Бурятия. В этой исторической динамике просматривается, с одной стороны, явное укрепление столичных функций города, его политической самостоятельности, а с другой – его этнополитическая суверенизация. Здесь особенно показательны две исторические вехи: в связи с приходом советской власти он преодолевает статус уездного города, а в системе постсоветских федеративных отношений, когда республика получает политический суверенитет, – обретает более широкие права на историко-культурную самоидентификацию. Вместе с тем, в контексте данной статьи важно отметить и другое обстоятельство.

Улан-Удэ с момента своего основания (1666 г.) и на протяжении нескольких веков «азиатским» был сугубо географически и стратегически.

Внешний облик города, его архитектура, складывающееся местное сообщество, характер социально-экономических и культурных взаимодействий – по этим характеристикам Улан-Удэ не выделялся из череды многих сибирских поселений, развивавшихся по схожей исторической колее в ходе хозяйственной колонизации края. До конца XIX в. население города, являвшегося центром Верхнеудинского уезда Иркутской губернии, являлось преимущественно русским [13, с. 87], сам «Верхнеудинск все еще оставался русским поселением на землях коренных народов» [18, с. 288]. Преимущественно «русским» Верхнеудинск продолжал быть и в первые советские десятилетия. Стоит отметить здесь, что «официально, бурятские поселения были вне границ города [...] За советский период расширяющиеся границы быстро растущего Улан-Удэ не включали бурятские деревни в качестве новых городских областей» [19, с. 7]. В этом смысле Улан-Удэ имеет много общего с другими городскими поселениями, появившимися на территории национальных окраин страны в ходе их хозяйственной колонизации и, в частности, индустриализации 1930-1950-х гг. Для сравнения можно взять пример г. Абакана (хакасы), Новокузнецка (шорцы) и многие другие.

Специфичным здесь является то обстоятельство, что «коренное» (титульное) население этих территорий изначально составляло в городах количественно незначительную группу. Оно в основном сосредотачивалось в сельских районах, продолжая сохранять элементы традиционной хозяйственной специализации. В этом смысле, псевдоколониальный [18, с. 288] Улан-Удэ никогда не обладал такой существенной характеристикой колониального города, как «туземные кварталы»: его территория никогда не была разделена на зону, где жили «колонизаторы» и зону, где проживали «колонизуемые». Как отмечает К. Хамфри, «получилось, что в городе, превратившемся впоследствии в столицу национальной республики, отсутствуют материальные объекты, которые воплощали бы культурное наследие коренных обитателей данной территории. Этой специфической чертой русского колониального поселения в северной части Азиатской России обладают и другие города – например, Якутск, Хабаровск и Кызыл» [18, с. 288].

Значимые трансформации в нашем случае произошли в советский период, когда Верхнеудинск в контексте советской же политики нациестроительства приобрел новый статус – столицы национального региона (Бурят-Монгольской АССР) [6, с. 91-141].

Существенно изменилась этносоциальная структура городского сообщества: оно пополнилось представителями титульной – бурятской этнической группы. «Буряты начали формировать важную часть республиканской администрации, интеллигенции и (в меньшей степени) рабочего класса города [13, с. 87, 101-102; 19, с. 7]. Вместе с тем «назначение» Верхнеудинска столицей национального региона – центром территории проживания бурят имело в определенном смысле искусственные основания: «Специфика организации и концептуализации пространства проживания бурят заключалась в том, что до победы Великой Октябрьской революции и окончания гражданской войны в

этом геополитическом пространстве не сложилось организационной, как утилитарной, так и символической, структуры, способной выполнять роль Центра этнической интеграции бурят. [...] В частности, "назначенный" быть Центром территории проживания бурят [...] город Верхнеудинск никогда не являлся таковым» [6, с. 99-100].

В 1934 году Верхнеудинск переименовывают в Улан-Удэ (Красная Уда). Замена названия с русского на бурятское и советское стало важной вехой в его истории. Это подчеркнуло не только переход от русского торгового города к административному центру национальной республики, но и указало на акт его «второго» рождения [13, с. 5; 26, с. 47]. «Знаковым становится и название города – Улан-Удэ (одной из интерпретаций второй части – «удэ» – предполагается такое значение – дверь, ворота), т.е. он назначается Центром распространения коммунистических идей в восточные страны» [6, с. 110].

Вместе с тем в советский период истории города в его архитектурном облике по-прежнему мало что сигнализировало о том, что этот город расположен в Азиатской части России и является столицей национального региона. Во многом в связи с жилищным кризисом, а также из-за долгого отсутствия в городе (до 1960-х гг.) собственных архитекторов и достаточных средств [19, с. 3] строительство зданий осуществлялось «неоригинальным» методом – преимущественно за счет «массового возведения зданий по типовым проектам, индустриальными методами, из стандартизированных сборных элементов» [13, с. 144-145]. «Создание красивой и благоустроенной столицы национальной республики» [13, с. 134], предусмотренное Генпланами города 1936, 1949 и 1966 г., на практике откладывалось. «Дополнительный элемент разнообразия и эмоциональной теплоты» [13, с. 166] в архитектуру жилых зданий вносился за счет единичного декорирования фасадных панелей отдельных домов изображениями бурятских орнаментальных мотивов.

Хорошей возможностью привнести в городскую общественную архитектуру «национальный колорит» стало решение о возведении на площади Советов (советском и нынешнем общегородском центре) театра оперы и балета. Однако архитекторы столкнулись здесь с непростой задачей: «Хотя бурятский народ в течение почти двухсот лет развивал самобытное культовое зодчество, не было никакой ясности, что надо понимать под бурятскими национальными особенностями архитектуры в конкретных условиях проектирования здания современного театра. Отказавшись от обычных тогда приемов классицизма, автор (проекта – прим. А.Б.) не мог себе позволить и заимствования из арсенала композиционных приемов и декоративных форм культового зодчества бурят» [13, с. 171]. Возникшее противоречие вместе с идеологической ангажированностью архитектурной политики того времени так и не превратили театр оперы и балета, а впоследствии и стадион имени 25-летия Бурятской АССР, при разработке архитектуры которого также стремились к национальному своеобразию [13, с. 174-176], в отчетливые «национальные» маркеры городского пространства. Пожалуй, наиболее интересным советским примером использования традиционного бурятского орнамента и декора к

интерьерам и фасадам зданий является Бурятский государственный академический театр драмы им. Х. Намсараева, архитектура которого стала «концептуальной противоположностью Театра оперы и балета» [13, с. 214-217; 19, с. 79].

Памятники и скульптуры, появившиеся в городе в советский период, отражали преимущественно советское же прошлое и настоящее. Помимо впечатляющего своими размерами памятника В.И. Ленину на площади Советов, можно отметить ансамбль площади Славы, памятник Воинам Бурятии, павшим смертью героев в годы ВОВ 1941-1945 гг., памятник первому председателю Верхнеудинского Совета В.М. Серову, большевику-ленинцу И.В. Бабушкину. В итоге к концу 1980-х гг. город по своей морфологии в известном смысле не многим выделялся среди других сибирских городов с дореволюционной историей. Иными словами, Улан-Удэ не приобрел оригинального архитектурного «этнического колорита». Известным исключением в этом смысле, как мы отмечали, являлся Бурятский государственный театр драмы им. Хоца. Намсараева и единичные дома, фасад которых был украшен бурятским национальным орнаментом.

В конце 1980 – начале 1990-х гг. в связи с распадом Союза и получением республикой суверенитета идея построения городского ландшафта с использованием бурятских этнических маркеров, волновавшая местных архитекторов, и не только их, в советские десятилетия, становится все более актуальной. Вместе с тем до конца 1990-х гг. ввиду финансовой слабости городского бюджета и отсутствия инициативных проектов местного бизнеса городской ландшафт так и не претерпел каких-либо значимых трансформаций.

Изменения произошли на уровне дискурсов: в этот период существенно изменяется прочтение, восприятие города. На волне этнокультурного возрождения, «начиная с Перестройки, Улан-Удэ становится центром, играющим структурообразующую роль в создании вербальных и материальных символов бурятского национального пространства» [2, с. 243], которое первоначально (в начале 1990-х гг.) было сконструировано местной национальной элитой как основа для политической мобилизации группы. При этом «поскольку этот период – перераспределения властных ресурсов – довольно быстро завершился и этнополитические элиты, достигшие желаемого, стали демонстративно выражать лояльность российскому руководству, то националистический проект, уже лишенный политического [...] пафоса, возвращается в русло этнокультурной идентификации и воспроизводства этничности» [2, с. 31]. В этом смысле, кстати, случай постсоветской Бурятии и Улан-Удэ не сопоставим с ситуацией «национализирующихся» государств и столиц Средней Азии – бывших стран СНГ, прошедших существенно иной путь политической и культурной самоидентификации [1; 12; 14].

С угасанием всплеска этнополитической активности к середине 1990-х гг., идеологемы и мифологемы, связанные с воспроизводством «Бурятского мира», развиваются преимущественно в русле культурной самоидентификации. Это оказалось характерным не только для самих бурят как этнической

группы, но и для города Улан-Удэ, который в сконструированном местной этнически мыслящей элитой «Бурятском мире» приобрел роль символического центра. Он стал рассматриваться уже не столько как политический центр этнической Бурятии, сколько как ее культурная столица, призванная отразить историческое и культурное своеобразие бурят как этнической группы. «Образ города, вполне приобретший в советский период качества политико-административного центра республики Бурятия и главного доказательства достижений бурят в деле социалистической модернизации и урбанизации, в постсоветский период претерпевает интеллектуальную трансформацию и переосмысление в направлении пространственно-временных мифологем центрального мифа об этничности» [5, с. 122].

В частности, при конструировании общегородской идеи «города с азиатской душой» были активно использованы главные и производные этнические мифологемы, актуализованные еще в рамках политико-идеологического дискурса начала 1990-х гг. Речь идет, прежде всего, о «великой истории», «принадлежности к великой центральноазиатской и буддийской цивилизации», «великих культурных героях» (в первую очередь Чингис-хане), «праве титульного этноса на этническое пространство» [2, с. 6]. Эти мифологемы, основывающиеся на воображении далеких исторических предков – «чистых» кочевников – и присвоении права говорить о них и от их имени, связывают случай постсоветской Бурятии, не только с Монголией, выступившей своего рода стандартом нациестроительства для бурят [2, с. 95-103], но и, например, с современным Казахстаном, в котором евразийские теории также популярны [16, с. 175].

«Город с азиатской душой»

Возвращаясь к содержанию рассматриваемой нами идеи «города с азиатской душой», рассмотрим формирующие ее образы города. Как мы отмечали ранее, речь пойдет о четырех мощных пространственных представлениях: «Улан-Удэ – столица бурятского мира», «Улан-Удэ – буддийская столица России», «Улан-Удэ – восточные ворота России» и, наконец, «Улан-Удэ – столица Азии Байкальской». Рассмотрим их по порядку.

В качестве «столицы бурятского мира» Улан-Удэ рассматривается в двух ипостасях. С одной стороны, как единственный и значимый политический центр этнической Бурятии, в которую наряду с территорией самой республики включаются Агинский и Усть-Ордынский бурятские автономные округа, к настоящему моменту являющиеся частью Забайкальского края и Иркутской области. С другой стороны, город стал рассматриваться как символический центр бурятского национального пространства, как главный продуцент идеологии бурятского возрождения [2, с. 243; 5, с. 120-132].

Представление города в таком качестве было одобрено местной администрацией: «Улан-Удэ при всем своем сложившемся облике типично российского сибирского города в то же время несет печать национальной культуры [...] Градостроительная политика последних лет не отличалась особым национальным колоритом [...] сегодня потребности изменились [...] Наш го-

род, говорит мэр Улан-Удэ Геннадий Айдаев, – должен отличаться именно тем, что это город бурятской культуры, несущий все лучшее, что есть в самобытной культуре бурятского народа, его традициях, эстетическом мировоззрении» [17, с. 424].

С конца 1990-х гг. во многом при поддержке крупного бизнеса в Улан-Удэ стали появляться объекты, маркирующие городское пространство как национальное. Речь идет в первую очередь о скульптурах и памятниках, поскольку в постсоветские годы Улан-Удэ внешне изменился не значительно, во многом сохранив облик типичного социалистического города с историческим центром дореволюционной постройки. Развернувшиеся в постсоветские годы процессы этнокультурного и, в частности, религиозного возрождения на архитектурном ландшафте отразились слабо. Помимо скульптурных композиций, о которых речь пойдет далее, стоит отметить, пожалуй, появляющиеся в городе новостройки, реализующие достаточно общую идею “восточного города”, когда жилые дома украшаются крышами с вытянутыми с изгибом вверх краями

Первой скульптурой, отчетливо сигнализирующей об утверждении бурятских этнических маркеров в городском ландшафте, стал «Мэргэн» (лучник, бурятский мифологический герой). Его установили в локальном центре Улан-Удэ – в Октябрьском районе, рядом с администрацией этого района города. Вслед за ним в 2002 г. в центральной части Улан-Удэ появилась скульптура «Мать Бурятия» или, как ее часто называют, «Гостеприимная Бурятия». Первоначально она была установлена за Бурятским государственным театром оперы и балета на крутом краю возвышенности, господствующей над улицей Ленина (ее пешеходным участком – «Бурятским Арбатом»). Скульптура представляет собой бурятскую женщину, держащую в руках традиционный бурятский хадак, – символ национального гостеприимства, который обыкновенно вручают почетным гостям. Местоположение скульптуры сразу посчитали неудачным и долго подвергали критике, поскольку ее не было видно из-за высокого здания Театра оперы и балета. Пожалуй, единственным положительным аргументом являлось то обстоятельство, что вблизи было расположено выстроенное в «восточном» стиле в 1999 г. здание консульства Монголии. Между тем в связи с активной критикой в 2008 году скульптуру перенесли к мосту через реку Селенга в северной части города. Теперь этот самый высокий памятник Улан-Удэ встречает его гостей,двигающихся в центр города со стороны аэропорта. Эта новая роль сделала ее, как отмечают местные туроператоры, бурятским вариантом нью-йоркской Статуи Свободы. «Мать Бурятию» называют и главным символом постсоветского Улан-Удэ [2, с. 247], изображение скульптуры помещено на главной странице официального сайта администрации города.

Следующий знаковый объект – памятник герою бурятского национального эпоса – Гэсэру был представлен горожанам 29 июня 2006 г. и расположился на возвышенности недалеко от моста через реку Уда рядом с местом основания города. Как отмечает Д.Д. Амоголонова, «местоположение памят-

ника глубоко символично: во-первых, он расположен на естественной террасе, считающейся с советских времен центром города, а, во-вторых, он находится поблизости от креста и памятного камня в честь казаков-основателей города. Таким образом, семантика общей композиции состоит как в символическом утверждении единого лица столицы, имеющего одновременно русские и бурятские культурно-исторические черты, так и в маркировании центра этнического пространства» [5, с. 129].

Наконец, стоит отметить «Богатырский мост», построенный чуть ранее (в 2005 г.) и объединивший два городских района – Октябрьский и Железнодорожный. Благодаря скульптурам богатырей, расставленным по обе стороны моста, он и получил соответствующее название. Внешний же вид фигур баторов, на наш взгляд, отчетливо маркирует связь бурятской истории с великой центрально-азиатской историей эпохи Чингисхана.

Идею «города с азиатской душой» наряду с культурными реалиями бурятского национального возрождения поддерживает феномен республиканского буддийского ренессанса. Вообще в последние годы в республике все более укореняется представление о том, что буддизм и шаманизм – религии, в равной степени маркируют бурятское этническое пространство. Их можно определить в качестве национальных символов – национальной религии бурят [3, с. 122-123]. При этом в постсоветском Улан-Удэ именно буддизм нашел большее распространение. В городе и его окрестностях открылись многочисленные буддийские духовные учреждения и организации, изменилось отношение к этой религии, усилилась ее роль в городском сообществе. Все это, а также то обстоятельство, что в сорока километрах от города расположен Иволгинский дацан – официальная резиденция главы Традиционной буддийской сангхи России, дает основание административным структурам и туристическому бизнесу представлять город в качестве «буддийской столицы России». Важным в этой связи стало также мировое признание феномена нетленного тела Хамбо-ламы Итигэлова, который уже рассматривается как удачный бренд не только для Улан-Удэ, но и для всей республики в целом.

Третьим из наиболее мощных пространственных представлений о постсоветском Улан-Удэ, формирующих содержание идеи «города с азиатской душой», является представление об Улан-Удэ как о «восточных воротах России» (как вариант: «Ворота в Азию», «столица российской Азии»). Оно опирается на сдвоенное видение города в качестве, во-первых, транспортных ворот (транспортного узла) в центрально-азиатские страны, а во-вторых, что не менее важно, «ворот» в культурный мир Азии (прежде всего, Монголии и Китая). В этом смысле республика и город представляются если не частью Азиатского мира, то его периферией (в нейтральном смысле), границей, преодолев которую можно попасть в азиатское этнокультурное пространство. В изданной к 335-летию города книге «Улан-Удэ: история и современность», в разделе «Восточные ворота России» авторы отмечают: «Испокон веков территория Восточной Сибири и Забайкалья была единственным связующим звеном Запада и Востока, надежным южным форпостом Российской державы

прошлых веков и нынешнего времени [...] Улан-Удэ и сегодня по праву называется “восточными воротами” России в страны Азиатского региона, связующим звеном, городом, где как нигде ярко наблюдается синтез двух великих культур Востока и Запада, религий, традиций и обычаев» [17, с. 281-282].

Идея «города с азиатской душой» тесно увязывается с представлением об Улан-Удэ в качестве «восточных ворот России» не только в административных, но и в поэтических нарративах. Хорошей иллюстрацией этого является недавно вышедший сборник песен и стихов «Любовь моя – Улан-Удэ», предисловие к которому было озаглавлено так: «Столица Азии Байкальской». Его автор, Б. Дугаров, пишет: «[...] Селенга – великая центральноазиатская река, несущая свои светлые и темные воды из глубин монгольских степей к священному Байкалу, напоминает о вечности и городе, отразившем частицы этой вечности в своей истории – от Удинского острога до Верхнеудинска, ныне именуемого Улан-Удэ. Улан-Удэ – город многоликий [...] Его в полной мере можно назвать “восточными воротами” России, памятуя о знаменитом чайном пути и о многом другом, что предопределяет евразийскую предназначенность столицы Бурятии, или страны Баргуджин-Тукум, ставшей в силу особого геополитического местоположения и исторических судеб своего рода перекрестком на путях различных этносов и культур, шедших с Запада и Востока» [7, с. 8-16].

Представление Улан-Удэ в качестве «столицы Азии Байкальской» активно поддерживают городские и республиканские власти. Показательно в этом смысле то, что в 2011 г. конкурс туристических маршрутов республики выиграл экскурсионный маршрут «Улан-Удэ – столица Азии Байкальской». Местные власти исходят здесь во многом из потребностей регионального брендинга. В логике туристического вектора развития республики, отчетливо наметившегося с начала 2000-х гг., такое представление города актуализирует, с одной стороны, его этнокультурное своеобразие, а с другой – мировое достояние республики – оз. Байкал.

В логике децентрализации городские власти пытаются идентифицировать себя с местным регионом, заняв в нем «столичные» позиции. Здесь стоит отметить, что Улан-Удэ, в постсоветский период не сохранивший сколь-нибудь значимых экономических и административных позиций в Восточной Сибири, сегодня активно использует «байкальский ресурс» в символическом перекодировании географического пространства и в частности внутрирегиональных границ. Так, в последнее десятилетие город все больше идентифицирует себя с «Байкальским регионом», «Байкальской Азией», а не с Восточной Сибирью. Принципиальным здесь является то обстоятельство, что в рамках публично сконструированного региона Улан-Удэ приобретает «центральные позиции», позволяющие ему преодолеть стигмат «провинции», занять значимое место на карте мира. Улан-Удэ в этом смысле становится частью «Восточной», «Азиатской» России, привлекательной в туристическом и этнографическом смысле.

Важно отметить, что представление о городе как о «столице Байкальской Азии» не содержит в административном, туристическом, поэтическом дискурсе каких-либо острых националистических коннотаций, культивацию титульного этноса и его наследия. Более того это представление, на мой взгляд, основывается во многом на артикуляции этнического разнообразия региона и достаточно колоритной картины дружественного существования в регионе разных этнических групп и религиозных традиций. В этом смысле обращают на себя внимание два устойчивых представления о городе: «Улан-Удэ как зеркало этнокультурного разнообразия республики» и «Улан-Удэ – ворота в этнокультурный мир Бурятии». Так, в уже упоминаемом издании «Улан-Удэ: история и современность», авторы, рассуждая о феномене Забайкальского ренессанса, отмечают: «Улан-Удэ как зеркало отражает разнообразие многонациональных культур и вероисповеданий граждан республики, является не только административным, но и культурным, религиозным центром для различных конфессий и религий» [17, с. 429].

Вообще, и это важно отметить, постсоветский Улан-Удэ все более выстраивает свою идентичность как город полиэтнический и многоконфессиональный, город, где встречаются и мирно сосуществуют множественные культуры и религии. В действительности, на территории современного Улан-Удэ зарегистрированы и активно действуют организации как «традиционных религий Бурятии» (православия, буддизма и шаманизма), так и относительно «нетрадиционных»: римско-католическая, мусульманская, протестантские и другие общины. В городе было организовано несколько национальных диаспор: армянская, грузинская, еврейская, китайская, польская и некоторые другие. При этом несмотря на сложный этнический и конфессиональный состав населения постсоветский Улан-Удэ остается одним из стабильных городов России, с высоким уровнем межкультурной, межрелигиозной терпимости [15, с. 23-94].

Показательно в этом смысле то, что в изучаемый период в городе не возникли отчетливо проявляющиеся зоны компактной этнической застройки, равно как и относительно гомогенные этнические анклавов и гетто по образцу «чайна-таунов» или «маленьких Стамбулов». Этот вывод применим как для «коренных» этнических групп, так и для «новых» горожан – постсоветских мигрантов из Средней Азии (в первую очередь китайцев), Закавказья и т.д., сообщества которых в городе достаточно многочисленны.

Заключение

Основной замысел настоящей статьи заключался в стремлении представить «улан-удэнский» вариант децентрализации городского пространства. Его характерной особенностью (которая, быть может, роднит его с другими национальными регионами России) является то, что в данном случае децентрализация рассматривается ее инициаторами как проект, скорее этнокультурный, нежели этнополитический. Важно отметить также, что сегодня идея «города с азиатской душой», которую я представил как доминантную, хоть и «закрывает» в определенных условиях прочие альтернативы в представлении

города, но она вместе с тем и не провоцирует радикальное отрицание его до-революционного и советского прошлого, а также, что не мало важно, артикулирует факт этнического и конфессионального разнообразия городского сообщества.

Новая городская идея, как представляется, не явилась продуктом общественных дискуссий. Ее конструирование – заслуга местной этнически мыслящей элиты. Академические ученые обеспечили новую идею историко-культурным обоснованием, творческая интеллигенция – мифопоэтическим, клерикальная элита (в первую очередь мэр и депутаты горсовета) – предоставили административные ресурсы. Во многом исходя из политической конъюнктуры, образы города, содержащиеся в «идее города с азиатской душой», активно транслируются в рамках дискурса масс-медиа и туристического дискурса (на электронных и печатных продуктах городской туристической индустрии), постепенно проникая и в повседневный дискурс. Выражаясь языком Фуко, возникает «эффект истины» – идея “города с азиатской душой” среди прочих организованных властью дискурсивных представлений о постсоветском Улан-Удэ, постепенно приобретает роль гегемона – воспринимается как единственно верное знание о городе.

Сегодня укоренение, натурализация этой новой общегородской идеи, практика реформирования городского ландшафта в целом поддерживается административной властью, творческой и академической элитой города (республики), а также принимается местным, этнически и конфессионально разнородным, сообществом. Этому способствовало во многом смещение рефлексии в русло культурной самоидентификации. Интрига же современной ситуации заключается, пожалуй, лишь в том, станет ли Улан-Удэ «аутентичным» отображением истории и культуры бурятского народа, с его, как отмечают местные ученые, особым отношением к пространству, или же в нем отобразится эффект самоориентализации, фольклоризации и экзотизации титульной этнической группы, значимый с точки зрения развития туризма.

Источники и литература

1. Абрамян Л. Ереван. Память и забвение в организации пространства постсоветского города // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 248 – 271.
2. Амоголонова Д. Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2008. 292 с.
3. Амоголонова Д. Д. Улан-Удэ – «буддийская столица России»: отражение религиозного возрождения в образах городского пространства // Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки / отв. ред. Т.Д. Скрынникова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 119 – 141.
4. Бреславский А. С. Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и образы города. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2012. 156 с.

5. Буряты: социокультурные практики переходного периода / Скрынникова Т. Д. [и др.]; отв. ред. Т.Д. Скрынникова. Иркутск: Изд-во Иркутского госуниверситета, 2008. 346 с.
6. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период) / Скрынникова Т. Д. [и др.]; под ред. Т.Д. Скрынниковой. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2004. 215 с.
7. Дополнения к актам историческим. СПб., 1872.
8. Дугаров Б. С. Столица Азии Байкальской // Любовь моя – Улан-Удэ: стихи и песни / сост. Г.М. Дабаева, Б.С. Дугаров. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006. С. 8 – 16.
9. Замятин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 448 с.
10. Замятин Д. Н. Метагеография города: особенности и закономерности // Урбанизация в условиях трансформации социально-экономической структуры общества. Смоленск: Универсум, 2003. С. 74 – 80.
11. Замятин Д. Н., Замятина Н. Ю., Митин И. И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы / отв. ред. Д.Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2008. 760 с.
12. Замятина Н. Ю. Формирование образа города: особенности и закономерности // Возвращенные имена: идентичность и культурный капитал переименованных городов России. Нижний Новгород: IREX и Профессионалы за сотрудничество, 2004. С. 49 – 70.
13. Космарская Н. П. «Дети империи» в постсоветской центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии 1992-2002). Москва: Наталис, 2006. 597 с.
14. Минерт Л. К. Архитектура Улан-Удэ. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1983. 248 с.
15. Михалев А. В. Советские мемориалы в Монголии: коллективная память и борьба за символическое пространство // Диаспоры. 2009. № 2. С. 208 – 232.
16. Панарин С. А. Этнополитическая ситуация в Республике Бурятия // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность / отв. ред. В.И. Дятлов. Москва-Иркутск: Наталис, 2005. С. 23 – 94.
17. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961.
18. Ремнев А. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // AbImperio. 2011. № 1. С. 169 – 205.
19. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.111. Оп.1. 1691 г. Д.2.
20. Улан-Удэ: история и современность / сост. А.Б. Иметхенов, Е.М. Егоров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 480 с.
21. Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России. Москва: Наталис, 2010. 384 с.

22. Zhimbiev B. History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude. London: The White Horse Press. 2000. 121 p.

**Образ города как историко-культурный конструкт
(на примере г. Владивостока)**

*Гороховская Лариса Георгиевна
Дальневосточный федеральный университет
кандидат исторических наук, доцент
gorohovskaya@mail.ru*

Исследование образа города актуально с точки зрения формирования бренда территории в политике городской власти, в частности в процессах повышения экономической, инвестиционной привлекательности региона. Эта задача особенно актуальна для Дальнего Востока нашей страны в силу сопредельного положения со странами Азиатско-тихоокеанского региона. Образ города имеет немаловажное значение так же и для формирования позитивной городской идентичности. Городская идентичность рассматривается нами в контексте "идентификации с местом" (place-identity) и в этом аспекте выполняет функцию интегратора единого городского сообщества (city-identity).

Изучение образа города в структуре городской идентичности позволяет обозначить возможные точки бифуркации в функционировании городских сообществ, с одной стороны, а с другой – показывает возможность целенаправленного воздействия на процесс конструирования city-identity, которая формируется как повседневным, так и официальным дискурсом.

Дискурсивный подход, в большинстве случаев опирающийся на методологию социального конструктивизма, исходит из принципа, что знания и представления о мире не являются прямым отражением реальности, а есть результат наших способов ее (реальности) категоризации, иначе говоря, наши знания – продукт дискурса.

Мы рассматриваем образ города, сообразуясь с подходом гуманитарной (культурной) географии, в частности, в вопросе структуры образа, и конструктивистской парадигмой, в соответствии с которой образ города есть историко-культурный конструкт.

В данной статье будет рассмотрена два аспекта темы «образ города». Сначала – сложившиеся в отечественной гуманитаристике подходы к проблеме, затем – дискурсивная трансформация образа Владивостока в постсоветский период.

I

Исследовательский интерес к нестрогому понятию «образ города» является междисциплинарным. Работы в этой области принадлежат как сфере гуманитарного знания (историкам, искусствоведам, филологам, антропологам), так и архитекторам, а также представителям гуманитарной (культурной) географии.

В зарубежной науке пионером в разработке этого вопроса считают немецкого социолога Г. Зиммеля, понимающего город как совокупность символических пространств [9]. В отечественной – эта же роль принадлежит Н.П. Анциферову, изучавшему образы Петербурга, основываясь на памятниках русской литературы, и относившему свой труд к истории культуры [2]. В будущем это направление изучения художественного образа города (по текстам литературных произведений) получило наибольшее развитие в литературоведении.

Вехой в изучении вопроса стала работа американского проектировщика К.Линча «Образ города» (1960), в которой «образ» связывался с визуальным восприятием города его жителями. Исследовательский подход Линча положил начало т.н. ментальному картированию, получивший продолжение в исследовании пространства в рамках визуальной социологии и антропологии [6].

В последующем в отечественной науке сложилось несколько исследовательских направлений изучения образа города.

Значительные результаты были получены в рамках структурно-семиотического подхода московско-гартусской семиотической школы, задавшей парадигму для изучения и других, периферийных городов России [1; 10; 14].

Большую популярность в настоящее время приобретает исследование локальной идентичности конкретных городов в рамках прикладных социологических работ, где проблема образа города имеет вторичное значение, однако методологически важное звучание приобретает тезис об образе как социальном конструкте. Как правило, объектом внимания социологов становятся крупные города [5; 13].

В рамках т.н. этнографии города исследуются локальные городские тексты. Данные исследования как полевые наиболее близки по применяемым методам к качественным исследованиям образа города [3].

Следующее направление – это работы, относящиеся к гуманитарной (культурной) географии, и предлагаемому в рамках данного подхода ландшафтно-образному анализу. Это направление представлено работами сотрудников Центра гуманитарных исследований пространства РНИИ культурного и природного наследия [8].

К междисциплинарным относятся публикации, основанные на методологии исследования культурного ландшафта и культурно-исторического подхода [4].

С позиций конкретно-исторических исследований проблема образа города не принадлежит к числу хорошо исследованных, хотя в последние годы появились работы по Архангельску, Выборгу, городам Западной Сибири и ряду других [15].

Реконструкция образа Владивостока в период своего становления предпринята в статье историка Позняк Т.З. [12].

Современный образ Владивостока, как и многих других городов Дальнего Востока, представляющих интерес своей пограничностью, еще ожидает своего исследования.

II

В процессе своего исторического развития городское сообщество изменяет смыслы, значимости, символы, принадлежащие одной и той же пространственной среде. По этой причине образ города подвижен, изменяем, а также неоднороден по своей структуре и различным образом выражаем в городских дискурсах. Образ города создается в результате работы воображения и поэтому важнейшая черта образа города в терминологии К. Линча «вообразимость».

На игре воображения, как неотъемлемой черте городской жизни настаивает и французский антрополог М. Оже. Приведем цитату: «Город существует благодаря сфере *воображаемого* (курсив – М. Оже), которая в нем рождается, <...> которая городом питается и которая дает ему новую жизнь. Мы способны вообразить себе город, мы можем сделать город героем наших снов и надежд» [11]. Основываясь на формах индивидуального воображения М.Оже выделяет три основных аспекта города: город-память, город-встречу, город-фикцию. Это направление исследования города и «городского» существова- ния меняет «оптику» взгляда: город изучается не как объективная данность – городская архитектура, транспорт, коммуникации, а как нечто отражающееся или представляющееся нашим сознанием.

Формирование образа города - это всегда определенный конструкт, который располагается *и* в плоскости «отражения» непосредственной реальности, так как вбирает в себя природно-климатическую логику места проживания, *и* в то же время образ всегда находится в сфере воображаемого, в сфере функционирования интересов каких-либо сообществ – социальных, политических, и по этой причине образ не может быть неизменным. Отсюда важнейшие черты любого образа – это и репрезентация, и множественность интерпретаций.

Структурно образ города включает геоландшафтный, экономико-социальный и историко-культурный аспекты, ядерный и периферийные слои.

Содержательно на создание образа города «работают» несколько компонентов: репрезентативный – пространственный и временной, и интерпретативный (субъективно-ситуативный). Структура образа города содержит ядро и периферию. В ядерном слое содержатся представления, фиксирующие образ настоящего, в периферийных слоях – представления о прошлом, которые при определенных условиях (ситуативно) могут быть актуализированы, и далее, в еще одном слое – воображаемое будущее. Доминирующий образ ситуативно ограничивает неактуальные на данный момент, но латентно существующие составляющие образа – ментальные представления, метафоры-символы, мифы, легенды и пр., создавая культурный и символический капитал «места».

Временной аспект образа города связан с периодами, эпохами, рубежами, как общегосударственного, так и локального, регионального значения. В изучаемом нами временном интервале – это рубеж между советским и постсоветским этапами, когда произошла резкая смена, как социальных условий, так и мировоззренческих ценностей в нашем обществе, что не могло не отразиться на процессах городской идентификации и, соответственно, на образе города.

Пространственная составляющая образа города также подвижна и вообразима. Во многом её подвижность определяется геополитическими, национальными интересами страны. В пространственном образе в какой-либо исторический период акцентируется тот или иной аспект. В нашем случае, как полярные варианты можно рассмотреть образ «границы» и образ «встречи». Доминирование состояние «границы» формировало образ города – крепости. Владивосток – форпост России на Дальнем Востоке, возник как результат внутренней колонизации Российской империи в 1860 г. Идея о территории проживания как фронтире (границе) поддерживала образ «форпоста» и была вполне закономерна и в других городах Сибири и Дальнего Востока.

Город возник на краю Российской империи как военный пост, благодаря его стратегическому положению на побережье Тихого Океана. Официальный дискурс границы, «крепости» закрепляется в городской геральдике. На первом гербе Владивостока, утвержденном в 1883 году, французский щит венчается башенной короной как символом крепости [7. с. 46]. Владивосток, как зона пограничья, демонстрирует несколько видов границ: географическую («город у океана»), цивилизационную (сопредельное положение со странами Азиатско-Тихоокеанского региона) и государственную (российский Дальний Восток).

Этот ядерный пласт образа города как «форпоста России на Тихом Океане» сохраняется на протяжении всей истории его существования – в имперском, советском и постсоветском официальном дискурсе власти. В советский период Владивосток (1958 г.) был главной базой Тихоокеанского военного флота. Однако Владивосток был городом не только военных моряков, но рыбаков и моряков торгового флота. Типичный горожанин – человек, тем или иным образом связанный с морем. Морская специфика города репрезентировалась образами «города-порта», именованим «второй Сан-Франциско» и сосуществовала с официальной политикой «закрытого военного города». В результате формировались разнонаправленные дискурсы, создавая неоднородный образ города: или город-крепость, или открытый морской порт.

Рубежом в жизни города, стала отмена для Владивостока статуса «закрытого города» (1992 г.), который по времени совпадает с переходным периодом существования страны: от советского к постсоветскому. В это время начинает складываться другое ядро образа города: формируется образ «встречи».

Идея открытости, контакта создает иной образ: «Владивосток – восточные ворота России на Тихом Океане». Между двумя полярными образами го-

рода – крепость или ворота – находится множество промежуточных: «порт Мэй», «город у моря», «город сопки и туманов», «второй Сан-Франциско».

Мы исходим из предположения, что образ города как символический, историко-культурный конструкт функционирует как палимпсест места (И.Митин), т. е. одновременно может совмещать несколько автономных образов.

Очевидно, что в ядерной структуре образа доминирующее положение будет занимать *официальный* дискурс о городе. Периферийные же слои образа включают природно-ландшафтную специфику города: «город у моря», «второй Сан-Франциско», «город сопки и туманов» и повседневный дискурс о городе.

В постсоветский период происходит трансформация структуры ядерного слоя образа как официального, так и повседневного дискурсов. В официальном дискурсе на первый план перемещается идея об открытом городе. Вопрос о городе «с границей на замке», замещается образом открытого города («Владивосток – восточные ворота России»), все чаще появляется сравнение с действиями Петра I, прорубившим, как известно, «окно в Европу». Дискурс «открытого города» логично довершен открытием порто-франко, который, кстати, Владивосток уже имел в период своего становления в XIX в.

Таким образом, ядерный пласт образа города претерпевает существенные изменения в постсоветское время, отесняя предшествующий образ «границы» в периферийный слой.

Источники и литература

1. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь. 2000. – 404с.
2. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Пг. 1923. Доступно из URL:http://www.wmos.ru/book/detail.php?PAGEN_1=11&ID=4255#nav_start (Дата обращения: 25.06.2015)
3. Ахметова М., Лурье М. Материалы бологовских экспедиций // Антропологический форум. 2005. № 2. – С. 336 – 356; Алексеевский М., Жердева А., Лурье М. и др. // Материалы к «Словарю локального текста Могилева-Подольского» // Антропологический форум. 2009. № 8. – С. 419 – 442; Алексеевский М., Лурье М., Сенькина А. Легенда о памятнике Гоголю в Могилеве-Подольском: опыт комментария к фрагменту локального текста // Антропологический форум. 2010. №12. – С. 375 – 422.
- 4.Бреславский А.С. Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и образы города. Улан-Удэ, 2012. – 156с.; Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001. – 576 с.; Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. М., 2003. – 172 с.; Разумова И.А. Культурные ландшафты Кольского Севера. Города у «Большой воды» и Хибин. СПб., 2009. – 160 с.
- 5.Вендина О. Московская идентичность и идентичность москвичей // Известия РАН. Серия географическая .2012. №5. – С. 27 – 39.
- 6.Визуальная антропология: городские карты памяти. М., 2009. – 312 с.

7. Владивосток: штрихи к портрету. Владивосток, 1985. – 304с.
8. Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретический аспекты М., 2008, – 760 с.; Замятина Н.Ю. Форпост в центре страны // Логос 2005. №1. – С. 245 – 256; Замятина Н.Ю. Гений места и город // Вестник Евразии. 2007. №1. – С. 62 – 87; Митин И.И. Воображая город: ускользящий Касимов // Вестник Евразии. 2007. №1. – С. 5 – 27.
9. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. №3–4. – С.23–34.
10. Лотман Ю.М.. Семиотика города и городской культуры. Петербург.// Труды по знаковым системам. XVIII. Ученые записки Тартусского унта. Вып. 664. Тарту. 1984. – С.25 – 45.
11. Оже М. От города воображаемого к городу-фикции // Художественный журнал. 1999. № 24. Доступно из URL:<http://www.guerman.ru/zx> (Дата обращения 6.05.2010.)
12. Позняк. Т.З. Образ Владивостока в представлении современников во второй половине XIX - начале XX в. // Ойкумена. 2014. № 3. – С.109 – 119.
13. Рабжаева М.В., Семенов В.Е. Какая идентичность у жителей Санкт-Петербурга? // Социология культуры. СПб., 2003. – С. 82 – 90.
14. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб., 2003. – 617с. Топоров В.Н. Петербургский текст. М., 2009. – 826 с.; Топоров В.Н. Аптекарский остров как городское урочище: общий взгляд // Ноосфера и художественное творчество. М., 1991. – С.200 – 280.
15. Третьякова С.Н. Архангельск. Город на краю Европы // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. №3. – С.34–44; Рябова Л.К. К методологии восприятия городского пространства (случай Выборга) // Новейшая история России. 2015. №1. – С.110 – 120; Рыженко В.Г. Назимова В.Ш. Алисов Д.А. Пространство советского города (1920-е – 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурные характеристики (на материалах Западной Сибири). Омск. 2004. – 292 с.

Восточная сказка в донской степи: Нахичевань-на-Дону в конце XVIII – начале XIX веков глазами современников³

*Казарова Нина Акоповна
Южный федеральный университет
доктор исторических наук, профессор
nin-k@yandex.ru*

Удивительным феноменом российского градостроительства может считаться возникновение г.Нахичевани-на-Дону, основанного армянскими переселенцами из Крыма в конце 70 - 80-х гг. XVIII в.

---

³Статья выполнена при поддержке РГНФ, проект № 16-01-00319

Особенности этого возникшего на Дону города целесообразно рассмотреть в двух аспектах: 1) с точки зрения его этнического состава: 2) с точки зрения его внешнего облика, тесно связанного с его основным профилем: крупного торгового центра Юга России.

Основным источником здесь выступают воспоминания иностранных путешественников, многие из которых до сих пор практически не введены в научный оборот.

Особенности этно-национального состава.

Одной из особенностей возникшего на берегах Дона нового города был его моноэтнический состав. Подавляющим большинством населения Нахичевани-на-Дону были армяне. Причем это были исключительно городские жители, вышедшие из таких городов Крыма, как Судак, Карасубазар, Гезлов и т.д.

Удивительно и то, что в этом существовавшем на территории Российской империи городе русского языка практически не знал никто. Кроме армянского, говорили на турецком, татарском, итальянском языках, но только не на русском. И, как известно, даже официальное делопроизводство до середины XIX века велось на армянском языке.

Интереснейшим и ценнейшим источником являются воспоминания английского ученого, профессора минералогии Кембриджского университета Эдварда Джеймса Кларка (1769-1822), который во время своего путешествия посетил Юг России и оставил интересные заметки об армянском городе Нахичевани-на-Дону уже через двадцать лет после его основания. Текст путевых заметок английского ученого и путешественника никогда не переводился на русский язык и практически не известен современным исследователям. Наибольшее впечатление на автора произвела пестрая палитра этносов, которую он обнаружил в Нахичевани. По его словам, ему одновременно встретилось полдюжины разных наций и языков, причем представители каждой нации носили свою одежду. Помимо армян, это были татары, турки, греки, казаки, русские, итальянцы, калмыки. При этом, по его словам, представители каждой нации занимались каким-то одним, присущим этой нации, занятием. Так, татары ловили рыбу в реке или перегоняли скот в города, греки, которых автор называет «суетной нацией», рассказывали небылицы и обменивали товары, турки держали кофейни, казаки скакали на лошадях, итальянцы были представлены венецианскими и неаполитанскими моряками, русские – полицейские чины, деловито почесывающие свои головы. Неизгладимое впечатление на автора заметок произвело разнообразие одежд горожан: «толпа людей, стоящих перед магазинами, походила на маскарад, где богато вышитые костюмы армянских торговцев контрастировали с грубой кожаной одеждой татар, с длиннополыми шубами турок, военной, но простой одеждой казаков, неуклюжей униформой русской полиции и сальными попонами калмыков».

Однако, здесь необходима важная оговорка: все перечисленные народности едва ли являлись городскими жителями. Скорее всего, они посещали Нахичевань по своим коммерческим делам, однако само их присутствие, их

внешний облик и необычная речь производили на иностранных гостей неизгладимое впечатление. Поэтому не случайно им казалось, что они находятся не на берегах Дона, а где-нибудь в Стамбуле или Тавризе....

Особенности внешнего облика города.

С самого начала строительства Нахичевани как города преимущественно торгового многое зависело от плана застройки города. Первоначально, как известно, при заселении города, многие жители, особенно купцы и богачи, стремились занять земли под застройку непосредственно на берегу р. Дон или как можно ближе к воде.

Однако через некоторое время ситуация изменилась. Городские богачи отодвинули свои дома подальше от берега Дона к центру строящегося города. Первый историк Нахичевани-на-Дону Г. Патканян называет несколько причин тому способствующих. Во-первых, поселившиеся у берега жители ужасным образом страдали от бесчисленных полчищ комаров, которые были, по-видимому, в диковину бывшим жителям Крыма. Во-вторых, исходящий от реки запах рыбы портил воздух и дышать было им очень тяжело. В-третьих, в этих местах лютовали различные банды, совершавшие на местных жителей разбойничьи нападения. Всё это привело к тому, что армяне переселились к северной стороне города, а на месте их жительства были построены заводы и фабрики, что способствовало развитию навигации на Дону [4, с.46].

В 1793 году Нахичевань посетил член Петербургской Академии Наук выдающийся естествоиспытатель Пётр Симон Паллас, совершавший с научными целями путешествие по Югу России. Его оценки, свидетельствуют о стремительных успехах донских армян. Он пишет: «промышленность армян стоит гораздо выше промышленности русских и греков...у них есть фабрики, ремесленные и торговые заведения, так что всякий человек, любящий свою страну, должен желать переселения с равнин Аракса в Россию этого народа» [2, с.203]. П.С.Паллас рассказывает о большом количестве лавок, где можно было купить продукты местного производства, всякого рода съестные припасы и очень хороший хлеб, испечённый на азиатский манер в булочных. «Сбыт этих продуктов в соседнюю округу очень велик, потому что среди казаков очень мало ремесленников», а состояние армянской колонии учёный характеризовал как «цветущее» [2, с.205].

Один из первых посетителей Нахичевани французский путешественник К. де Барт, оказавшийся здесь в 1785 г., т.е. уже через пять лет после основания города, отмечал, что в городе имеется «большой базар, а также фабрика турецких шелковых и шерстяных изделий» [3, с.16].

Интересно описание упомянутым выше Э.Д. Кларком места, где располагались магазины. Это крытые павильоны, расположенные вокруг центральной городской площади, которую он сравнивает с местностью вокруг Королевского Дворца в Париже. Здесь, на площади, как и на базаре в Константинополе, каждый торговец имел свое определенное место. Каждый торговец, в соответствии с восточными традициями сидел на полу, скрестив и согнув но-

ги. Наполняемость магазинов была довольно высокой, и торговля в них шла довольно бойко.

Весьма характерен приводимый автором ассортимент продаваемых здесь товаров. В их числе он упоминает широкий ассортимент обуви: чупяки, сандалии, сапоги из цветной кожи и т.д. Упоминаются также торговцы табаком, курительными трубками, мануфактурой и другими колониальными товарами. Также встречались здесь торговцы шелком, индийскими шалями, мясники, кузнецы. Особо англичанин выделяет пекарей, которые выпекали хлеб очень высокого качества. В соответствии с азиатским обычаем, который автор признает «полезным», выпечка хлеба происходила публично, и весь процесс от начала до конца мог проследить любой желающий [5, р.404].

Автор заметок имел письмо к одному из влиятельнейших и богатейших жителей города, полковнику Абрамову, который лично знал Лазарева и оба сына которого служили в российском флоте.

Весьма интересно описание дома полковника Абрамова, который посетил автор заметок. Дом был хорошо меблирован, и в нем, помимо предметов европейской роскоши, имелся даже бильярдный стол. У хозяина была коллекция удивительных сабель с богато украшенными ножнами, которые он демонстрировал с особой гордостью. Сам полковник бывал в Грузии, объездил почти всю Турцию, но в других странах ему бывать не доводилось.

Полковник Абрамов также рассказал гостям, что большая часть знакомых ему горожан прибыла на Дон из Крыма во время произошедших там волнений. По примеру астраханских армян, донским армянам была дана особая грамота, которая предоставляла им ряд важных привилегий.

Весьма интересны заметки французских путешественников инженера Омера де Гелль и его супруги Адель. Их воспоминания не переведены на русский язык, поэтому до сих пор остаются мало востребованными отечественными исследователями. Путешествие начинается посещением города Нахичевань и датируется маем 1838 года. Авторы называют Нахичевань *изящным* армянским городом: «Войдя в город, вы будете удивлены видами Востока, своенравной архитектурой строений и красотой азиатских фигур, которые предстанут перед вами. Побуждаемые нашими воспоминаниями о Константинополе, мы, без промедления посетили каждый квартал города» [6, р.94]. Супруги Омер де Гелль отмечают, что армянский город, находящийся на берегу Дона, в самом сердце земель, занятых казаками, это ещё одна особенность, которую можно встретить только в России. Авторы вопрошают: «... Что же явилось причиной того, что эти дети Востока перенесли себя внутрь региона, где ничего не гармонирует с их манерой бытия: где язык, привычки и потребности местных жителей диаметрально противоположны их стилю жизни, и где сама природа напоминает им, своими суровыми знаками, что их присутствие здесь ни что иное, как случайность. Это правда, что армяне по существу космополиты, и адаптируются к любому климату и правительству, если их имущественные интересы требуют того. Трудолюбивые, умные, бережливые, они преуспевают везде, и коммерция появляется с их присутстви-

ем, в каждом месте, где они обосновываются. Таким городом стал и Нахичевань...» [6, p.95].

С особенностями внешнего облика города тесно связаны и особенности быта и повседневности местных жителей.

Очень ценно описание Э.Д. Кларком «турецкой кофейни». Примечательно, что упоминания о нахичеванских кофейнях встречаются у других авторов, но более или менее полное описание содержится только у Э.Д.Кларка. Когда сам автор с сопровождающей его компанией вошли в помещение, перед ними открылась удивительная картина: на полу на корточках полулежа на диванных подушках, расположились несколько десятков торговцев. В одной руке они держали длинную трубку, в другой – чашечку с кофе. Трубки изготавливались из вишневого дерева с янтарными наконечниками. Положив трубку в лежащую рядом чашу, присутствующие наслаждались ароматным дымом. В углу комнаты стояла ваза с цветами ириса. Рядом с ней располагался ящик с маленькой дырочкой на крышке, в которую посетители засовывали деньги в благодарность за полученное здесь удовольствие. Некоторые посетители (которых автор почему-то называет «турками») вдыхали в большом количестве табачный дым легкими, и, удерживая его, подавляя вдох и выдох, выпускали дым через уши, ноздри и рот [5, p.405-406].

Свой вклад в описание быта и повседневности нахичеванцев вносят упомянутые выше супруги Омер де Гель. Не менее интересно данное ими подробное описание быта, нравов и внешности местных армян: «При виде женщин, с лицами, покрытыми вуалью, волочащими свои жёлтые туфли с неподражаемой беззаботностью, восточных костюмов, длинных седых бород, купцов, сидящих на корточках напротив своих лавок, и базара, наполненного товарами из Азии, мы ощущали себя перенесёнными в какой-нибудь из торговых кварталов Стамбула: иллюзия была полной. Лавки изобилуют вещами, многие из которых показались нам весьма любопытными (странными). Армяне великолепные мастера по серебру. Нам показали несколько седел, необыкновенной красоты, предназначенных для кавказских вождей. Одно из них было покрыто синим бархатом, чёрными серебряными пластинами, массивными серебряными стременами и уздечкой, украшенной бриллиантами. Это был заказ для юной черкесской принцессы. Здесь, как и в Константинополе, каждый вид товара имел свой отдельный базар, и лавки там держали только мужчины» [6, p.95].

Но, как русские, так и иностранные посетителя сходились в одном: и те, и другие отмечали *оригинальность* самого города и его жителей. Наиболее четко эту мысль выразил посетивший в 1820 г. Нахичевань генерал Н.Раевский: «город многолюдный и торговлей весьма богатый. Образ жизни, строенье, одеяния - все оригинальное» [1, с. 519-520].

Таким образом, суммируя высказывания различных путешественников и гостей Нахичевани в к. XVIII – начале XIX, отметим, что они были удивлены и в некоторой степени очарованы этим чудесным восточным городком, внезапно возникшим на широких просторах тогда ещё дикого донского поля.

Естественно, с течением времени этот очаровывающий гостей восточный колорит постепенно исчезал, город европеизировался, но остатки этого восточного очарования можно ощутить в исторической части Нахичевани-на-Дону до сих пор.

Источники и литература

1. Архив Раевских. Т.1. СПб., 1908.
2. Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы. Т.2. Ростов-на-Дону, 1914.
3. Казаров С.С. Нахичеванское купечество (конец XVIII- начало XX века). Ростов-на-Дону: ООО «Ковчег», 2012.
4. Патканян Г. История Новой Нахичевани. Нахичевань-на-Дону, 1917. (на армян. яз.).
5. Clarke E.D. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. V.1. London, 1810.
6. Hommaire de Hell X., Hommaire de Hell A. Travels in the Steppes of the Caspian Sea, the Crimea. London, 1847.

Этническая идентичность в культурном ландшафте периферийного города

*Кисиленко Альбина Павловна
Белгородский государственный институт
искусств и культуры
Аспирант
Albina.kisilenko@gmail.com*

Взаимоотношение «центр - провинция» повсеместно предстает как пространственное выражение социального взаимодействия, в котором форма социальной периферии подчиняется центру. Стремление центра к доминированию достаточно часто сталкивается с локальными, независимыми центрами. Несмотря на то, что вхождение в более крупную общность провинциальный центр, теряет ряд символических функций, оставшаяся их часть формирует специфику провинции. Важная роль отводится в данном случае «высокой культуре», имеющие государственную поддержку, которое начинает передавать «нормативные» культурные образцы на всю территорию, в том числе и на провинциальную ее часть. Культура столицы устанавливает свое доминирующее положение в государстве в ущерб его региональным культурам.

Ответной, и надо сказать, оправданной реакцией является стремление провинции укрепить, сохранить свою самобытность, а значит, и механизм возобновления собственного образа жизни. Подобное стремление можно обозначить как феномен провинциализма в современном обществе. Он появляется на определенном уровне развития культуры, когда у центра (столицы) появляется возможность транслировать собственные культурные стандарты на всю территорию своего доминирования, уровень задается не только самой культурой, но и наличием (или отсутствием) финансовых и технических воз-

возможностей. И чем меньше первоначальная интенсивность обменов, тем больше ресурсов требуется для такой трансляции.

В периферийном городе складываются общественные зеленые зоны, где этнические общины могут выразить свою принадлежность и идентифицировать себя. Создание таких мест придает ценность и значение культурной самобытности мигрантов и фиксирует их миграционный опыт. Выражение этнической идентичности посредством садово-парковых территорий может вызвать глубокое чувство привязанности ко всей городской среде.

На территории этнокультурных городских ландшафтов могут культивироваться растения из других стран, что имеет важное воспитательное и образовательное значение для детей и подростков из этнических общин и среди местного населения. Это позволяет детям воспользоваться в полной мере богатством и значением межкультурного обмена. Подобные этические зеленые зоны имеют и образовательное значение для сообщества, поскольку позволяют узнать и понять, как предки использовали их в повседневной жизни. Таким образом, осуществляется передача культурного опыта молодому поколению.

Символы представляют собой видимое проявление невидимого смысла, посредством неизбежного его упрощения. Использование символов является специфической человеческой формой выражения, встречающейся еще в архаический период существования человечества, как сфера культурного взаимодействия, расширяющаяся и включающая в себя все новые ряды визуальной информации, а, также, новые смыслы и интерпретации. Многие этнокультурные ландшафты используют символические ряды для противопоставления себя другим ландшафтам. Церемониальные аспекты, произведения искусства, флаги, украшения, а также растения и сооружения могут использоваться в качестве элементов культурной идентичности или символизировать страну происхождения.

Тем не менее, существуют ли негативные стороны использования символов? Символическая культура привлекает своей простотой и, одновременно, глубиной. Современный город представляет сложную паутину отношений, часть которых выражена в этнографической символической форме. Эти отношения имеют двойное преимущество, с одной стороны включая, а с другой – исключая, удерживая и давая пространство для толкования.

Четкие индикаторы доминирования какой-либо одной этнической группы могут представлять собой барьеры для других групп в терминах большинства и меньшинства. Продвижение и идентификация этнической принадлежности может также повторно применять политику сдерживания. Определенная местность может быть использована мигрантами как область более или менее свободного выражения своей идентичности, однако это может исключать их культурное влияние в других районах города. Формируется способ отношения к «инаковости» через призму культурного и этического большинства. Если культурное разнообразие понимается исключительно как содействие интересам меньшинства, то это означает молчаливое и некритич-

ное принятие культуры большинства в качестве неизменного субъекта, выносящего суждения о других.

«Невидимым» значением символа может быть то, что он не признает амбивалентности этнической идентичности. Отношение иммигрантов к своему дому, их статус как граждан другой страны, их различные связи с традицией и окружающей природной средой комплексны и непредсказуемы на индивидуальном уровне. Но отражение только идеализированного и выборочного образа этнической идентичности в ландшафте может привести к непреднамеренному закреплению стереотипов, и подчеркнуть отличие от культуры большинства.

Символическая окружающая среда часто строится на простом кодировании, для того чтобы быть легко распознанной, отвечая нашим ожиданиям. Это тип символической среды, подтверждающий наши «мы-образы» и «они-образы», которые, зачастую, не связаны со сложностью и нюансами культурного разнообразия в современном обществе [5]. У. Эко употребил в отношении данных феноменов термин «гиперреальность» описывая создание Абсолютной подделки, типичным примером которой выступает Диснейленд. «Гостям» Диснейленда гарантирован опыт более интересный, чем, если бы они обратились к оригинальному источнику. Это место абсолютного «иконизма» и абсолютной пассивности – поскольку ориентировано на простое потребление. Это отмечает, что в Диснейленде нет переходного пространства, не места для двусмысленности и отдыха, это место насыщено потреблением [1].

Память может быть выражена в материальной культуре, а также может помочь в понимании частого и преувеличенного использования символов в этнокультурных ландшафтах. Люди, преодолевшие национальные и культурные границы, часто приносят различные аспекты старой жизни в свою новую жизнь. Ностальгия – это очень характерное и естественное человеческое состояние. Многие объекты этнокультурных ландшафтов становятся каналами, проводниками памяти и используются в качестве способов совладания с драматическими событиями в жизни иммигрантов, вынужденных покинуть свою Родину. Этническая культура находит свое отражение физически – в растениях и архитектурных памятниках; социально – через структуру сообщества и традиционные способы встречи; и ритуально – за счет использования ландшафтов для празднований и различных церемоний.

Ностальгия фокусируется на поддержании коллективной идентичности и чувства принадлежности. С. Бойм описывает альтернативную форму ностальгии, которую она обозначает термином «рефлексивная ностальгия» [3]. При этом особый акцент делается на личном нарративе, который концентрируется на деталях и памятных знаках, но ставит под сомнение абсолютную истину идентичности. Городские ландшафты могут развиваться, отражая оба типа ностальгии – воссоздание и переосмысление, перенесение и трансформация. Последняя форма порождает культурное разнообразие, принося новые точки зрения и столкновения, давая более четкое представление о собст-

венной культуре. Подобное творческое взаимодействие открывает пути к новым идеям и воплощениям.

Сила воздействия культуры мигрантов на физический ландшафт с трудом поддается определению и зависит от ряда факторов. М. Конзен полагает, что наиболее важными аспектами являются сила разделяемых ценностей внутри группы иммигрантов, количество прибывших людей в любой момент времени, плотность пространственной кластеризации [4]. Армстронг Г. определил общую временную последовательность вмешательства и модификации среды группами мигрантов: еду, магазины / рестораны, ритуальные места, дома и рекреационные зоны [2].

Однажды община получает больше экономической власти как коллективной, так и индивидуальной, что позволяет ей модифицировать значительные аспекты окружающего ландшафта. Репрезентация заключается не только в ощущение комфорта и домашнего уюта, обеспечиваемого местным колоритом. Она затрагивает более важные вопросы, касающиеся того, какое место занимает меньшинство в обществе и сколько власти ему принадлежит.

Источники и литература

1. Путешествуя по гиперреальности с Умберто Эко // http://www.telenir.net/jazykoznanie/umberto_yeko_paradoksy_interpretacii/p10.php#n_84
2. Armstrong H. Sustaining urban heritage in multi-cultural cities // *The Urban Experience: A People – Environment Perspective*. Eds. S. J. Neary, M. S. Symes and F. E. Brown. London: Spon. 1994. Pp. 134-156.
3. Boym, S. *The Future of Nostalgia*. New York: Basic Books. 2001. 432 p.
4. Conzen, M. *Ethnicity on the land* // *The Making of the American Landscape*. New York: Routledge. 1990. Pp. 221-248.
5. Featherstone, M. *Global and local cultures* // *Mapping the Futures: Local Cultures, Global Change*. London: Routledge. 1993. Pp. 169-187.

Культурная антропология периферийного города Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. (на материалах Вятской губернии)

*Маслова Инга Владимировна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
доктор исторических наук, профессор
imaslovainga@gmail.com*

В различные исторические периоды человеческое общество распалось на разнообразные группы или общности. В основе их различий лежали виды взаимосвязей между отдельными людьми (территориальное соседство, религиозная или идеологическая общность и т. д.). Социальные общности людей являются сферой интересов культурной антропологии.

В период капиталистической модернизации Российской империи существенно возросла роль такой социальной общности как горожане. Эта со-

циальная общность в определенной степени противостояла сельской округе. Но и в рамках городской общности следует выделять такие различные по культурно-антропологическим характеристикам общности как жители столичных и жители периферийных (провинциальных) городов.

Изучение периферийного города Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. связано с интересом современной историографии к социальной истории, антропологии, общественно-культурным проблемам, многофункциональности города как организма в социально-экономической структуре и культурной среде общества. Культурная антропология города как научная проблема связана с изучением культурного потенциала, соотношения профессиональной и традиционной культуры в городской среде. Главным стержнем в понимании культуры выступают ее социальная функция и факторы, влияющие на механизм ее распространения. Следует учитывать, что не только создание культурных ценностей и традиций приобретает важное значение, но и не менее социально-значимыми факторами становятся распределение, потребление культурных ценностей, как важнейший культурно-творческий аспект общественной жизни.

Культура города выступает как один из показателей общественного прогресса, в котором воплощаются потребности и возможности жизни человека во всех ее проявлениях, политические и нравственные идеалы.

Для Российской империи было характерно отсутствие широкого среднего культурного слоя, что создавало напряженность, усугубляемую стремительными изменениями в создании образованных слоев общества и сохранением традиционного уклада крестьянской и мещанской жизни. В известной степени в годы буржуазных реформ второй половина XIX в. подобная культурная полярность была преодолена, в частности это нашло отражение в городской среде.

Культура периферийного города Российской империи была многолика. С одной стороны город был оплотом бюрократического аппарата, что придавало культуре города официальный характер. Одновременно именно города становились центрами культурных новаций. Здесь находились учебные заведения, театры, общественные организации, связанные с развитием креативных идей. Города обеспечивали возможность интеллектуальной жизни интеллигенции через университет, кружок, салон. Наряду с этим именно в периферийных городах сохранялись черты традиционной крестьянско-мещанской культуры. В основе этой культуры лежала устная традиция передачи от поколения к поколению культурных ценностей и трудовых навыков. Но под влиянием новых веяний происходили изменения и в традиционных ценностях.

Отметим, что культура города не являлась замкнутой системой: через различные формы коммуникаций город контактировал с соседними городами, сельскохозяйственной округой. На развитие культурного общения города оказывали влияние различные факторы: строительство предприятий и магазинов, наличие железной дороги или водной артерии.

В пореформенное время в силу более активной социально-региональной мобильности по сравнению с предыдущими периодами в общее культурное движение была вовлечена и провинция, и прежде всего периферийные города.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в состав Вятской губернии входили один губернский и 10 уездных городов. Преобладающим типом был город - торгово-промышленный центр регионального уровня. В той или иной степени в большинстве городов сохранялись сельскохозяйственные занятия жителей, носившие часто натуральный характер.

Социально-экономическому развитию городов способствовало выгодное географическое положение губернии. Она оказалась на пересечении больших транспортных магистралей: речных путей Камы и Вятки с направлением на крупные торговые центры: Казань, Нижний Новгород, Петербург, Москву. Важнейшей в судоходном отношении была река Кама, на которой действовали 8 пристаней. По территории Вятской губернии проходили тракты всероссийского значения: Сибирский, Казанский, Вятско-Уфимский. Почтовый тракт в губернии был протяженностью 1728 верст, на нем размещалось 65 станций [3, л.17 об].

Капиталистическая модернизация, докатившаяся и до Вятской губернии, привела к изменениям как в экономике и демографии, так и во внешнем облике городов.

В градостроительстве пореформенного времени появились принципиально новые моменты, формировавшие социокультурное пространство города. К середине XIX в. социально-пространственная структура городов Вятской губернии включала систему улиц, площадь, на которой располагались присутственные места, торговые ряды, церковь. Но, как правило, подобная универсальность в планировке сочеталась с сохранением местного городского колорита.

В пореформенное время «образцовое» типовое строительство уступает место индивидуальному. С введением Городового положения 1870 г. разрешение на постройку частных домов давал городской архитектор, что привело к появлению новых, разнообразных стилей в городской застройке.

Постепенно в городах сформировались целые улицы, застройка которых соответствовала уровню жизни и социальной принадлежности их жителей. В Елабуге, на центральной улице города Большой Покровской, располагались только каменные двухэтажные особняки и усадьбы купцов 1-ой гильдии, а также несколько административных зданий. Шедшая параллельно ей Казанская улица с 1850 г. застраивалась каменными домами и лавками, принадлежащими гильдейскому купечеству. На следующей Малмыжской улице, где небольшие каменные строения перемежались с деревянными домами, жили в основном мещане. Да и название улиц выдает социальный статус их жителей. Например, в народе Большую Покровскую улицу называли Миллионной, т.к. на ней жили не просто первогильдейские купцы, а в основном купцы-миллионеры. Купеческая улица существовала и в г. Нолинске.

Часто наименования улиц были связаны с названиями церквей и монастырей. Так появились Рождественская улица в Слободском, Спасская в Елабуге, Предтеченская в Котельниче. Достаточно распространенным было географическое наименование улиц по названиям городов, в сторону которых они направлены. Примером могут служить Уржумская улица в Нолинске, Вятская в Котельниче, Малмыжская в Елабуге.

Следует отметить определенную стандартизацию городского пространства, особенно его центра. Центр города был ориентирован на главный собор, перед которым располагалась центральная торговая площадь с каменными или деревянными гостиными рядами. Например, на торговой площади Котельниче с южной стороны от храма размещались старые Гостиные ряды на 165 лавок, а западнее новый, каменный Гостиный двор на 120 лавок [4, с. 18]. В Елабуге перед Спасским собором на средства купца И.И. Стахеева был выстроен Гостиный двор, состоящий из двух корпусов каменных торговых рядов, со складскими помещениями и амбарами. Центральная торговая площадь Слободского также располагала удобными торговыми помещениями – каменным Гостиным двором на 100 лавок [8, с. 24].

«Сердцем» в «анатомии» города являлись административные здания: Городская дума, управа, казначейство и др. Свидетельством культурного роста горожан были учебные заведения (гимназии, реальные училища, церковно-приходские школы), театры, библиотеки.

Новые формы городской экономической жизни привели к появлению производственных зданий фабрик и заводов. Почти в каждом городе губернии был винокуренный завод: в Вятке винокуренный завод И.А. Смолянинова, в Елабуге пиво-медоваренный завод торгового дома «И.Г. Стахеев и наследники», в Котельниче водочный завод А.А. Кардакова

Во второй половине XIX в. из столичных городов на периферию приходит новый элемент культурного городского пространства: монументы и памятники. Примером могут служить памятники Александру III в Вятке, памятник Александру II в Глазове [9]. Памятники не только являлись значимой формой самоидентификации власти, т.е. несли идейную нагрузку, но и представляли собой художественную ценность, становясь частью культурного наследия города.

Элементом культурного пространства, в котором продолжали жить традиции старой ландшафтной застройки периферийного города были сады и бульвары. Общественные сады считались достопримечательностью города и располагались, как правило, на набережных, на старинных городских валах.

Городские власти уделяли внимание содержанию Александровского сада в губернской Вятке. Помимо Вятки, городские сады во второй половине XIX в. устраивались и в уездных городах. Порядок и благоустройство общественных садов обеспечивались за счёт городских доходов и добровольных пожертвований. Так, в Уржуме 30 августа 1868 г. на Соборной площади, на берегу реки Уржумки был открыт городской сад, скорее похожий на бульвар из-за своей протяженности. По обеим сторонам сада-бульвара были высаже-

ны деревья и кустарники, поставлены беседки и павильоны для игры в кегли [13]. Любимым место времяпрепровождения горожан был Александровский городской сад в Елабуге. В 1899 г. в Сарапуле в честь 100-летия со дня рождения Пушкина был заложен сад, носящий его имя.

Преображались города во время ярмарок, которые обязательно сопровождалась развлекательными мероприятиями. Одной из крупнейших ярмарок губернии была Алексеевская, проходившая в г. Котельниче в марте каждого года. Для увеселения местной и приезжей публики во время ярмарочных торгов в город приглашали артистов, проводили массовые развлекательные мероприятия. В 1897 г. в дни ярмарки в город привезли: изящно декорированные карусели, приобретенные в Москве после коронационных торжеств, диораму, три фонографа. Большой популярностью у детворы пользовался кукольный театр с традиционным Петрушкой и цирк г. Прикашикова [2].

Наиболее распространённым нововведением в городском благоустройстве был водопровод. В начале XIX в. система водоснабжения городов Вятской губернии оставляла желать лучшего. Основная масса населения брала воду из рек и ручьев, протекавших вблизи городов. Воду черпали из реки ковшом и в бочках на подводах привозили в дома. Речная вода содержала большое количество песка, поэтому её предварительно отстаивали в бочках, а затем использовали для приготовления пищи. В 1833 г. стараниями городского головы И.В. Шишкина в Елабуге был построен водопровод с дубовыми трубами, по которым чистая родниковая вода подавалась на все площади города. В 1866 году городской голова Д.И. Стахеев провел реконструкцию водопроводов и построил дополнительные фонтаны с чанами чистой воды. В 1889 г. протяженность водопровода составила 7 верст 188 саженей, а пропускная способность достигла 32 000 ведер в сутки [7, с. 104].

В 1902 г. казанский купец Шамов, уроженец города Орлова, пожертвовал 10000 руб. на устройство в Орлове водопровода [11, с. 144]. В Сарапуле водопровод был проведен в 1909 г. при активном участии и поддержке городского головы купца П.А. Башенина [12]. Строительство нового водопровода в Яранске в 1910 г. стало возможным благодаря пожертвованию 10000 руб. купцом Роциным [1].

Строительство водопроводов и улучшение качества воды потребляемой населением, позволило значительно улучшить эпидемиологическую ситуацию и частично решить проблему с тушением часто возникавших пожаров.

Световое оформление улиц и площадей было одним из элементов дореформенного благоустройства города. Укрепленные на столбах фонари являлись характерным элементом городской среды. Долгое время вятские города освещались масляными и скипидарными фонарями.

Серьезной инженерной новацией в жизни городов была электрификация, коснувшаяся преимущественно крупнейших городов центрального региона России. Но в двух городах Вятской губернии подобная новинка появилась уже на заре XX в.

Улицы Елабуги и подъездные пути от камских пристаней к городу были освещены электрическим светом в 1902 г. Елабуга вошла в число первых десяти электрифицированных городов России [10, с. 84]. Инициатором инженерной новинки в провинции стал купец Ф. В. Стахеев. Для сравнения скажем, что первая электрическая станция в Вятке начала действовать в 1903 году [6, с. 74].

Помимо электричества новшеством была телефонизация отдельных городов губернии. В 1893 г. предприниматели начали строить в Вятке первые частные телефонные станции, которые связывали конторы, фабрики и заводы, складские и торговые точки. В 1895 г. в городе была построена первая телефонная станция общего пользования, которая обслуживала 16 номеров. Правительственная телефонная сеть появилась и в Сарапуле в 1899 г. В мае 1906 г. Ф.В. Стахеев выступил перед елабужской городской думой с предложением об устройстве в городе телефонной связи. «Стахеев берет на себя оборудование всей телефонной сети, если город пожелает отвести ему бесплатно комнату центральной станции в здании городской думы и выплатить стоимость всего устройства, согласно смете 11 926 руб., равными частями в течение пяти лет» [5]. В целом в начале XX в. телефонизация охватила половину уездных городов Вятской губернии.

Подводя итоги, следует отметить, что в условиях начавшейся в пореформенную эпоху модернизации общественно-экономической жизни инфраструктура города становилась более сложной. Изменяющийся характер застройки общественного городского центра, появление водопровода, электрическое освещение и телефона приводило к росту уровня жизни горожан. Что в свою очередь стимулировало процессы их культурного роста. Это время создало большое разнообразие общественных зданий (банки, театры, библиотеки, клубы), городских парков, мемориалов и памятников, отражавших новые формы городской культурной жизни.

Источники и литература

1. Вятская речь. 1911. 24 июня.
2. Вятский край. 1897. 18 марта.
3. ГАКО (Государственный архив Кировской области). Ф. 582. Оп. 140. Д. 178.
4. Глушков И. Котельнич XIX в. Топографо - статистическое и этнографическое описание г. Котельнича. Исторический очерк г. Котельнич: Репринт. Котельнич, 1999.
5. Елабужские вести. 1906. 2 апреля.
6. История города Кирова. Киров, 1974.
7. Маслова И.В. Купеческая династия Стахеевых (вторая половина XIX в. – 1917 г.).
8. Маслова И.В. Уездный город российской провинции XIX – начала XX вв.: на материалах Вятской губернии//История в подробностях. 2011. № 9(15). С. 22-27.
9. О постанове памятника // Глазовская речь. 1912. 25 августа.

10. Отчёт о деятельности Елабужской городской управы за 1907 год. Елабуга, 1909..

11. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1904 год. Вятка, 1903.

12. Прикамская жизнь. 1909. 12 марта.

13. Яковлева И.В. Благоустройство городов и доходы горожан Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX ВВ. // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=11138> (дата обращения: 24.08.2016).

Сломанная идентичность, или трагическая судьба главного аманата Кавказской войны

Муханов Вадим Михайлович

Центр проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО

кандидат исторических наук

vadim_muhanov@inbox.ru

Доклад посвящен трагической судьбе главного аманата Кавказской войны Джемал Эддина Шамиля, который так и не смог обрести своей идентичности из-за кардинальных изменений на своем жизненном пути. В докладе прослеживаются все основные периоды его жизни, от северокавказского аула до имперской столицы, и затем - от российского провинциального города до отдаленного аула в горах.

Дискриминация, модернизация и этничность: параметры еврейской общины вне черты оседлости (на примере Новороссийска)

Норкина Екатерина Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Кандидат исторических наук

norichmail@yandex.ru

Колесов Владимир Игоревич

Краснодарский государственный историко-археологический музей-

заповедник имени Е.Д. Фелицына

kolesov_v@yahoo.co.uk

История формирования и эволюции еврейских общин в Российской империи на протяжении многих лет является предметом многих исследований. Зачастую внимание исследователей приковано к крупным еврейским общинам черты оседлости и за ее пределами. История еврейской общины Новороссийске в докладе впервые становится предметом специального изучения. Исследование представляет собой попытку «заглянуть внутрь» еврейской общины, получить представление о трансформации традиционного устройства еврейской социальной жизни за чертой оседлости. Новороссийск,

пройдя путь от укрепления к порту, был центром Черноморского округа Кубанской области. С целью заселения и интенсивного развития территории, в 1896 г. Черноморский округ был преобразован в губернию и Новороссийск стал ее центром. К началу XX в. Новороссийск превратился в крупный промышленный и портовый центр. По закону 1892 г. в Кубанской области могли проживать лишь некоторые представители еврейского населения – купцы I и II гильдии, отдельные категории ремесленников, отставные нижние чины, студенты. Поэтому постоянного еврейского населения в Новороссийске было немного, в основном проживали временно мещане других городских общин – Гомеля, Херсона, Борисова и т.д. Первоначально религиозные требы совершал екатеринодарский или керченский резник, но в начале 1890-х гг. появляется собственный служитель культа – резник Иосиф Каштан. В 1901 г. в Новороссийске проходили выборы общественного (казенного) раввина. 119 человек в присутствии Новороссийского полицмейстера и помощника пристава выбрали председателем собрания инженера Лихтенштейна. На должность раввина претендовали три человека: зубной врач Давид Минский, Яков Абегауз и Филипп Миллер. Ф. Миллер был избран большинством голосов. Черноморский губернатор Е. Ф. Тиханов отмечал, что, хотя Миллер не соответствовал образовательному цензу (не окончил курса в еврейском учительском институте), но в виду малочисленности еврейского общества Новороссийска, которое не имело средств к содержанию раввина, предлагал его утвердить. Именно Ф. Миллер из трех претендентов на должность раввина согласился исполнять свои обязанности бескорыстно – выгодные для общины материальные условия существования раввина.

Начало XX в. – это время распространения сионистского движения среди еврейского населения. На одном из сионистских конгрессов М. Усышкину было поручено возглавить сионистскую деятельность на юге России, включая Кавказ. В Новороссийске предположительно сионистский кружок был образован в 1901 г. Сионистские кружки были своего рода площадкой для поддержания идентичности. Известно, что каждую субботу в них проходили чтения рефератов по еврейской истории и литературе. Религиозные праздники так же отмечались по мере возможностей. В частности, на Пурим 1902 г. члены кружка решили устроить праздничный вечер для детей. В 1902 г. постановлением Городской Думы в Новороссийске один из участков был выделен общине бесплатно для открытия на нем еврейской школы в течение ближайших 7 лет. Нам практически ничего не известно о функционировании синагоги, кроме того факта, что она была официально открыта в 1911 г.

Таким образом, еврейская община в Новороссийске возникла гораздо позже многих других общин в Российской империи, к началу XX в. выглядела как многие другие подобные общества. Адаптация евреев к условиям Новороссийска носила комплексный характер. Приспосабливаясь к нелегким в законодательном отношении условиям, еврейское население тщательно заботилось о поддержании своей идентичности. Полноценная религиозная жизнь еврейского населения Новороссийска сталкивалась с серьезными труд-

ностями: отсутствовала планомерная подготовка раввинов, затруднялось приучение подрастающего поколения к еврейским традициям и нормам жизни.

Социокультурная среда города и проблемы визуализации

Петрулевич Ирина Анатольевна

Южный федеральный университет

доктор социологических наук, профессор,

Юстина Наталья Игоревна

Южный федеральный университет

кандидат социологических наук, старший преподаватель

niyustina@sfedu.ru

Визуализация, в качестве познавательной формы социальной действительности, как нам представляется, чрезвычайно важна для осмысления социокультурной среды городского жителя. Ее значимость объясняется тем, что горожанин находится в системе, условно выражаясь, зрительно неустойчивых образов. Это объясняется особенностями коммуникации в условиях повышенной плотности социальных акторов, городской застройки, бесконечного потока транспорта, наличие большого числа механизмов коммуникаций и т.п. Человек оказывается в избыточно заполненной среде, что обуславливает определенного рода сложности в процедуре отбора значимых для субъекта объектов внимания. Визуализация, как форма познавательной деятельности, призвана упростить процедуру отбора, сделав акцент внимания на тех объектах, которые по разным причинам могут содержать в себе повышенную степень полезности.

Прежде чем обратиться к понятию "визуализация", рассмотрим смежные для нашего исследования термины – "среда", "город", "социокультурная среда", позволяющие поместить центральный из них в соответствующий терминологический контекст.

В социологическом анализе среда рассматривается, прежде всего, как «социальная среда». В современной социологии социальная среда рассматривается как внешние условия в особой системе связей между людьми, то есть когда система связей в социуме характеризует взаимодействие между людьми, социальными группами, в ходе которого и возникают определённые общественные отношения. В результате этого взаимодействия происходят изменения и преобразования действительности. Здесь можно оперировать формулой «человек – окружающие условия», что позволит увидеть в явлении взаимодействие, которое выражает воздействие одного на другое и определяет восприятие такого воздействия. Последнее должно проявиться в социальных преобразованиях, носящих проявление индивидуальности человека в его взаимодействии с окружающей средой [1, с. 15].

Вещественную сторону социально-культурной среды следует рассматривать как совокупность определённых культурных ценностей в данном со-

циуме и их использования в деятельности инвалида, включённого в данную среду. Следовательно, сюда следует отнести также характер организации и механизм функционирования духовных ценностей. В перечень общечеловеческих ценностей среды необходимым составляющим включается и толерантность, как принцип построения взаимоотношений между членами социума. И от того, как будет сформулирована ценностная модель толерантного отношения между субъектами, зависит уровень результативности.

Город – это особая организация структурных компонентов. Он представляет собой сложное социокультурное пространство, формирующее мировосприятие и задающее модели поведения проживающих в нем людей. В последние годы общество все более начинает понимать важность изучения городской историко-культурной среды, в которой не только запечатлена история, но и обозначены контуры будущего развития социума. Опыт ее эволюции и использование в функциональной структуре города – одна из актуальных исследовательских задач в проблемном поле городоведения.

Современный город – это множество факторов воздействующие на социокультурную ситуацию в городе: неоднородность структуры, интенсивность информационного потока, производственные процессы, темпы роста и пространства в городах. Городская среда многообразна. Она формирует личность которая рациональна, подвижна, готовая к изменению, к сочетанию.

Рассмотрение города с позиций социально-пространственных форм существования общества, подразумевает:

1. Новые тенденции использования свободного времени в городской среде.

2. Уменьшение объема свободного времени и его использование с целью получения дополнительного заработка.

3. Индивидуализация досуга, автономизация свободного времени становится самоценностью и заполняется просмотром телепередач, видеофильмов, чтением иллюстрированных журналов, неформальным общением.

4. Снижение интереса к чтению художественной литературы.

5. Повышение интереса к церковным праздникам, к традиционным праздничноигровым формам, веками складывающихся в России.

6. Рост, пассивно-созерцательных видов досуговой деятельности, уменьшение доли творческо-созидательной [2, с. 43-45].

Социальные аналитики устанавливают: «мы все более подвержены влиянию визуальных материалов и зависим от них» [5, с. 4]; «окружение нашей общественной жизни переполнено образами (визуальными представлениями) разнообразнейшего рода, а наблюдаемые аспекты (визуальные проявления) окружающего нас мира более выразительны, разнообразны и богаты, чем когда-либо» [4, с. 5]. В подобных констатациях выделяется *особенный признак* социокультурной среды. Для его характеристик используют термины, образованные от латинского слова *visual* («зрительный, видимый, наглядный»). Визуальность, визуализация информации, визуальная культура и другие слова и словосочетания отсылают в своих значениях и смыслах не просто

к изображениям и зрительным образам, а к современным практикам их создания и распространения, прежде всего, с помощью информационно-телекоммуникационных технологий. Практики визуального репродуцирования и трансляции всевозможных сторон мира сегодня становятся всё более доступными и многоцелевыми. Принцип «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» реализуется во множестве и разнообразии предметных форм: экранной картинке, телевизионном сообщении, фотографии, рекламе, кино- и видеопродукте, комиксе, архитектурном сооружении, цветовой маркировке политических сил и т.д. и т.п.

Так, для ряда социологов, коммуникативистов или информатиков видеоинформационная доминанта в современных коммуникативных связях – закономерное следствие широкого использования инновационных «производительных сил», а именно электронных и телекоммуникационных технологий, благодаря которым повышается эффективность передачи/приёма информации в условиях массового и межличностного общения. Для других - она органичное порождение и необходимая часть массмедийных и маркетинговых стратегий, направленных на максимизацию прибыли. Авторы визуальных исследований в поисках источников нынешнего насыщения коммуникативных связей изображениями и зрительными образами указывают на развития визуальных и виртуальных практик: архитектуры, publicart, фотографии, рекламы, кино, телевидения, NET-art, видеоарт, медиа-арт. К тому же, этим практикам иногда приписывают свойства «освободителей» человеческое познание от оков национально ограниченных вербальных способов и средств общения и легитимации. И с отсылкой на повсеместное функционирование визуальных продуктов обозначают «визуальный поворот» в обретении людьми необходимых ориентиров, ценностей и норм [6, с. 207].

Сложность рассмотрения визуальной коммуникации обусловлена её процессуальным характером, полагающим различие и выделение в ней двух противоположных, но единых моментов. Это её идеальная сторона, связанная со специфической предметно-практической деятельностью людей, и материальная - продуцирующая вполне реальные вещи. Сегодня тождество двух сторон визуальной коммуникации получает разработку в понятии *визуализации социальных представлений*. В содержание этого понятия входит уяснение и описание 1) актов моделирования, создания образов (моделей) каких-либо объектов действительности в виде изображений, графиков, схем и т.п., по сути, конструирования социальных представлений о ком/чем-либо в наглядно-зрелищной форме; 2) методов и методологий визуализации; 3) особенностей восприятия и познания визуальной формы социальных представлений. Исследование двух составляющих понятия визуализации социальных представлений стало одной из предметных областей информатики, получив тем самым соответствующее название.

Российский специалист в этой области информатики Ю.М. Плотинский определяет визуализацию социальных представлений как *новый вид социальной практики*, вызванный к жизни использованием современных компьютер-

ных технологий. Он считает, что «в сфере визуализации имеются неограниченные возможности развития когнитивных способностей человека» [3, с. 97]. Со ссылкой на опыт зарубежных коллег исследователь отмечает, что использование модернизированных и новых информационных технологий нацелено на решение широкого класса социальных, экономических и производственных задач.

В свете этого теоретического вывода визуальная коммуникация получает измерение процесса, в котором реализуются исторически развивающиеся и вместе с тем функционально постоянно расходящиеся и постоянно смыкающиеся две необходимых ипостаси интеллектуальной деятельности людей – реалистическая и аутистическая. Задача специалистов, ответственных за обустройство российских городов состоит в том, чтобы возможности визуализации использовались таким образом, когда имеет место активация именно реалистического ее аспекта, позволяющего в конечном итоге выйти на образование коллективных форм городской жизни, крайне важных для процессов обретения городской идентичности.

Источники и литература

1.Алферова А.А. Социокультурная среда города Зеленограда (1958-2000-е годы) / Автореферат кандидата исторических наук. М., 2012.

2.Мурылев В. Социокультурная среда города // Аналитика культурологии. 2008. №10.

3.Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов: Учебн. пос. для вузов. М.: Логос, 2001.

4.Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник. Пер. польск. М.: Логос, 2007.

5.Barnard Malcolm. Approaches to Understanding Visual Culture. Houndmills: Palgrave, 2001.

6.Mitchell W.J.T. What is Visual Culture?//Irving Levin (ed.): Meaning in the Visual Arts: Views from the Outside. Princeton, N.J.: Institute for Advanced Study, 1995.

Социокультурное пространство и повседневная жизнь уездного города Самарской губернии в конце XIX – начале XX вв.

*Рядченко Елена Александровна
Директор Филиала ФГБОУ ВПО*

«Российский государственный гуманитарный университет»

в г. Тольятти Самарской области,

доцент, заведующая кафедрой

документоведения и гуманитарных дисциплин

eleninform@rambler.ru

Актуальность изучения истории города в контексте повседневности, обусловлена сложившейся ситуацией, когда городское общество представляет собой разобщенность, жители города испытывают сложность с определе-

нием своей идентичности, в то время как отсутствие идентичности с собственным городом формирует пользовательское отношение к городской среде, и, напротив, наличие идентичности формирует заинтересованное отношение, инициативность и чувство ответственности за благополучие жизни сообщества. В условиях интенсивной трансформации городского социокультурного пространства, индифферентности к различным проявлениям городской активности и заметного усиления межгородской молодежной миграции, для Тольятти достаточно остро встал вопрос мобилизации активной, созидательной молодежи для формирования образа будущего города, определение потенциала и перспектив его развития в новых экономических и социокультурных условиях на основе исторического опыта и традиций предшествующих поколений.

Решить указанные проблемы в городском образовательном пространстве позволяет реализация авторской дополнительной общеобразовательной программы «Ставрополь-Тольятти: два города – два мира». Содержание программы направлено на то, что через изучение повседневной истории города, судеб соотечественников, семейных родословных, будет сформировано ценностное отношение к накопленному социальному опыту, приобщение к проектной и поисково-исследовательской деятельности, будет освоена практика работы с архивными документами, документами семейных архивов, книгами и периодическими изданиями из редкого фонда краеведческого музея, что станет источником социального, личностного и духовного развития современного горожанина.

Предметом изучения является повседневная жизнь и бытовой уклад городского населения Ставрополя-Тольятти конца XIX – XX вв.

Цель программы: развитие творческого потенциала и познавательной активности учащихся на основе изучения повседневной истории города Ставрополя-Тольятти и организации бытового уклада горожан конца XIX – XX вв., овладение навыками ведения проектной, поисковой, исследовательской деятельности и презентации полученных результатов.

Программа является модульной, соединяющей различные модульные блоки – аспекты повседневной жизнедеятельности жителей «старого» и «нового» Ставрополя-Тольятти в единое целое, формируя, тем самым, определенный социокультурный и антропосоциальный «портрет» эпохи. Все изучаемые сферы городской жизни объединены одной целью и задачами, общей концепцией, едиными подходами к содержанию, организации, результатам педагогической деятельности.

Содержание теоретической части основных модулей программы включает обобщающие разделы, которые дают характеристику уровня развития города, реконструируют его внешний облик, состав и структуру населения в изучаемый период. Темы каждого модуля раскрывают общие подходы и учитывают ключевые особенности изучаемого исторического периода, исходя из чего, отбирается теоретический материал, и разрабатываются практические задания.

Так, например, в теме «Занятия и трудовая деятельность горожан» раскрываются сведения об условиях труда, источниках и уровне доходов жителей «старого» и «нового» города Ставрополя-Тольятти, приводится сравнительная характеристика динамики цен и заработной платы, раскрывается структура доходов и расходов, дается оценка уровня социальной защищенности работников. Своеобразие этой темы в разных модулях определяется уровнем развития и спецификой трудовой деятельности горожан. В первом модуле – «Старый» дореволюционный город (Ставрополь, конец XIX – начало XX вв.), происходит знакомство с разновидностями ставропольских ремесел и народных промыслов, дается оценка уровня развития промышленного производства в Ставрополе.

Тема «Жилищные условия горожан и бытовой уклад» имеет большое значение для изучения повседневности. Это связано с тем, что особое место в исследованиях повседневности принадлежит концепту Дома. Дом является «нулевой точкой системы координат» [15, с. 209]. Дом наделяется смыслом не только безопасности, защищенности, но и культуры. Ю.М. Лотман особо отмечает важность концепта Дома для развития культуры и общества в целом [4, с. 457]. Именно поэтому в конце XIX – начале XX вв. Дом горожанина рассматривается как символ.

Таким образом, опыт реализации дополнительной общеобразовательной программы «Ставрополь-Тольятти: два города – два мира», высокая профессиональная оценка программы экспертно-методическим сообществом – программа стала победителем городского конкурса (г. Тольятти, ноябрь, 2015 г.) и лауреатом областного конкурса дополнительных общеобразовательных программ нового поколения (г. Самара, январь, 2016 г.), свидетельствуют о наличии социального и педагогического запроса на изучение повседневной истории Ставрополя-Тольятти, а комплексный подход к изучению истории города позволяет проследить динамику развития всех сфер жизнедеятельности горожан в разные исторические периоды, выявить особенности и закономерности, оценить человеческий потенциал города

В рамках настоящего исследования рассматриваются теоретико-методологические подходы к изучению социокультурного пространства и повседневной жизни уездного города Самарской губернии с конца XIX – до начала XX вв., на примере «старого» Ставрополя. Поиск ответов на вопросы как раньше жили люди, как они одевались, чем питались, как они отмечали свои праздники, как преодолевали трудности и невзгоды, реконструкция условий их жизни, труда и отдыха, анализ факторов, влияющих на формирование сознания и норм поведения горожан, поможет создать образ города – своеобразного мира, в котором скрываются корни многих сегодняшних явлений и процессов.

Изучаемый период – время качественной трансформации городов. Возрастающие потребности горожан заставляли органы городского самоуправления вплотную заниматься благоустройством городов, развитием их бытовой инфраструктуры, надежным обеспечением населения продуктами пита-

ния, водой, услугами [8, с. 163], устройством канализации, освещения, дорог и парков. Однако, вплоть до конца XIX в. Ставрополь оставался малозначительным городом, не имеющим ни промышленного, ни особого торгового значения, кроме хлебной торговли. Из-за череды пожаров и «неудобства расположения», город развивался медленно. В 1879 г. цифра доходов Ставрополя была наименьшей из всех шести уездных городов Самарской губернии. Только к концу XIX в. Ставрополь становится местом оживленной торговли и превращается в купеческий город [2, с. 26-28].

В конце XIX – начале XX вв. в социокультурной жизни провинциальных городов, в том числе и в уездном Ставрополе, заметную роль начинает играть местное купечество. Так, например, благодаря купеческой инициативе в постройке дач и открытии кумысолечебниц Ставрополь получил известность, как одно из лучших дачных кумысолечебных мест Самарского края в лечении грудных болезней и считался городом-курортом. Ставропольский купец И.С. Борисов понимая, что для создания большей привлекательности курорта, нужны дополнительные меры, направил прошение в городскую управу, где говорилось, что «в виду усиления наплыва дачников и так как между ними встречаются много лиц и даже целых семейств, приезжающих не только исключительно лечиться, а и подышать свежим сосновым воздухом, и при том же лиц и семейств, располагающих хорошими средствами, а, следовательно, с претензиями на различные удовольствия, явилась необходимость в постройке «курзала» [10, л. 56]. В 1883 г. вопрос об этом обсуждался в городской думе, но постройку курзала от города дума отклонила. Между тем, будучи проникнут горячо в полезное для всего населения города дачного дела [14, л. 234-236], купец И.С. Борисов решился построить в 1890 г. каменный «курзал» для удовольствия, как всех дачников, так и жителей города, затратив на него больше 12300 рублей [15, л. 234-236]. В «курзале» было все, что полагается для курортных развлечений, вплоть до танцевального зала и театральной сцены [5, с. 137].

Благоустройство городов в конце XIX в. стало главной заботой городских дум [12]. Мощение улиц велось в большинстве городов, тем не менее, из всех уездных городов Самарской губернии только в Ставрополе мостовые полностью отсутствовали [11, л. 76].

Освещение в середине XIX в. почти отсутствовало в уездных городах, а там, где оно было, число фонарей не превышало одного-двух десятков [16, с. 37]. На заседаниях городских дум регулярно поднимались вопросы уличного освещения и необходимости замены новыми, пришедших в ветхость фонарей и столбов, ввиду чего из городского бюджета Ставрополя в 1895 г. на освещение 55 уличных фонарей было выделено 64 руб. 33 коп. и 50 руб. на расходные материалы и починку [13, л. 62-63].

Водоснабжение является одной из важнейших проблем городской жизни, но и после городской реформы 1870 г. считалось, что для нужд населения вполне достаточно местных колодцев, рек и прудов, поэтому в Ставрополе до постройки водопровода дело так и не дошло.

К числу постоянных забот городских дум относилось озеленение городов [3, с. 311-316] и поощрение садоводства [3, с.72-75; 253-255], в Ставрополе, например, разведением фруктовых садов занимался купец В.И. Климущин [14, л. 233-234]

Расширение образовательной сферы отражало новые социокультурные потребности российского общества. Формирование системы образования в городах региона создавало необходимый фундамент для функционирования культуры, востребованности книг, журналов, газет, распространения библиотек, музеев, в конечном счете, для духовно-интеллектуального прогресса общества. В середине XIX в. Ставрополь становится уездным городом Самарской губернии. Новый статус дал толчок экономическому и культурному развитию города, в котором образование еще не получило «надлежащего хода» – в 1851 г. в Ставрополе было лишь одно уездное училище. Но происходившие изменения не могли не вызвать стремления к грамотности, школе, книге. Ставропольские купцы вкладывали значительные средства в развитие образования, становились попечителями учебных заведений, так, почетным смотрителем низшей ремесленной школы в Ставрополе был купец Г.И. Дудкин [7, с. 94].

Объективная картина состояния культуры может сложиться лишь при понимании того, сколь эффективно функционирует система просвещения [6, с. 8]. Принципиально новым в развитии инфраструктуры городов Самарской губернии во второй половине XIX в. становится открытие библиотек, книготорговля и активизация книгоиздательской деятельности. Заведение общественных и публичных библиотек служит одним из верных признаков начала умственного движения в обществе, показывает уровень его образования. Всего в Самарской губернии к концу XIX в., в губернском центре и уездных городах действовало 8 библиотек [9, с. 56]. Значительное число библиотек в уездных городах было образовано в 90-е гг. XIX в. и первые годы XX в. По данным на 1905 г. в Ставрополе насчитывается уже 2 библиотеки [1, с.169].

Благодаря купеческой инициативе развиваются новые формы организации и проведения досуга. Особое место в инфраструктуре досуга занимают общественные сады, получившие широкое распространение в городах региона. Происходившие социальные и экономические изменения способствовали трансформации форм досуга жителей городов, возрастанию потребности в отдыхе. На трансформацию формы и содержания досуга, сильное влияние оказал технический прогресс, плоды которого, с целью расширения спектра развлечений и кругозора горожан, успешно использовались в городских общественных садах – электричество, водопровод, телефон, фонограф, кино.

В небольших уездных городах, таких как Ставрополь, располагавших, как правило, одним общественным садом или сквером, важную роль стали играть частные садовые владения, приносявшие постоянный доход в бюджет города. Со временем городские общественные сады появились в большинстве уездных городов региона. Прогулки по городскому общественному саду ста-

новятся популярным видом отдыха у горожан. Так, для жителей уездного Ставрополя это был небольшой по размерам сад купца В.Н. Климушина, в котором особой популярностью пользовались сиреневые аллеи, устроенные среди лип и яблонь. В парке регулярно проводились общегородские праздники и увеселения. В целом, на протяжении изучаемого периода произошла заметная трансформация социокультурной функции городских садов, потенциал которых использовался для формирования культуры проведения досуга и привлечения населения городов к «разумным развлечениям».

Таким образом, изучение повседневности и социокультурного пространства уездного города Самарской губернии представляет значительный научный интерес, поскольку позволяет рассмотреть особенности социальной среды российских провинциальных городов, стиль жизни и культурный уровень горожан.

Источники и литература

1. Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 год / Сост. И.А. Протопопов. Самара: Губернская Типография, 1904.
2. Адрес-календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1888 год. Самара: Губернская типография, 1887.
3. Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII - начале XX вв. (Краеведческая картотека) / К.П. Головкин; сост.: Г.В. Галыгина, Э.Л. Дубман, П.С. Кабытов, под научной ред. П.С. Кабытова и Э.Л. Дубмана. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007.
4. Лотман Ю.М. Заметки о художественном пространстве // Избранные статьи в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992.
5. Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний 1868-1917. В 2-х кн. Нью-Йорк, 1954.
6. Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. Культурный потенциал общества. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. 640 с.
7. Памятная книжка Самарской губернии на 1910 год. Самара: Губернская Типография, 1910.
8. Рожков Н.А. Город и деревня в русской истории (Краткий очерк экономической истории России). СПб., 1902.
9. Самарское купечество: вехи истории / Е.П. Баринаева, К.М. Макитрин, Н.Ф. Тагирова и др.; под общ. ред. Е.П. Бариновой. 2-е изд. Самара: изд-во «Самарский университет», 2008. 370 с.
10. Тольяттинский городской архив (ТГА). Журналы заседания Ставропольской городской думы по вопросам благоустройства города за 1879 год. Ф. БК-3. Оп. 1. Д. 8. Л. 56.
11. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 3. Оп. 15. Д. 17. Л. 76.
12. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 15. Д. 17. (1879 г.); Ф. 3. Оп. 16. Д. 12. (1880 г.); Ф. 3. Оп. 17. Д. 11. (1881 г.); Ф. 3. Оп. 19. Д. 12. (1883 г.).

13. ЦГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 123. Л. 62-63
14. ЦГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 98. Л. 233-234; Л. 234-236.
15. Шютц, А. Возвращающийся домой [Текст] / А. Шютц // Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003.
16. Экономическое состояние городских поселений. СПб., 1863.

**Малые города юга России: некоторые проблемы их реабилитации
(на примере города Краснослободска Волгоградской области)**

*Светоносова Юлия Владимировна
Южный федеральный университет
Аспирант*

julie1210@rambler.ru

Смагина Светлана Михайловна

*Кандидат исторических наук, профессор
smsmagina@srfedu.ru*

Исторический процесс в течение XX-XXI вв. неоднократно находился на изломе, а распад СССР прервал векторы естественного развития большого количества малых городов. В конце 1990-х годов из 709 малых городов 215 относились к разряду «кризисных» [2]. Кризисные явления на рубеже XX – XXI веков, в первую очередь, были обусловлены социально-экономическими причинами, изменением базисных основ экономики, вызванным переоценкой хозяйственных приоритетов, структуры государственного финансирования. Кризис нашел отражение во всех сферах городской жизни и хозяйства: в отмирании целых отраслей производства, дефиците местного бюджета, негативных изменениях в демографии населения, ухудшении социальной среды городов, кризисе местного самоуправления. Детальное изучение опыта успешного преодоления кризисной фазы развития в малом городе выглядит особенно актуальным в практическом плане, так как негативные явления в большом количестве малых городов не преодолены и по сей день. В научном плане это исследование необходимо для разработки комплексной модели ревитализации малых городов.

В настоящее время доля малых городов в структуре городских поселений России возросла до 70,8 % [7, с. 3] от общего количества городов РФ. По сообщению директора Департамента инвестиционных проектов, целевых и социальных программ развития субъектов РФ при Минрегионе России Н. Резванова, в 2014 г. в России насчитывалось 784 малых города (с населением до 50 тысяч жителей), в которых проживало около 12% населения страны [6]. Они являются главными опорными центрами, «малыми столицами», скрепившими огромные пространства России и обеспечивающими ее единство и целостность.

Историческая устойчивость малых городов как форм расселения делает их одной из базовых форм эффективного использования ресурсов террито-

рии. Однако малые города отстают в социально-экономическом развитии по сравнению с более крупными формами расселения зачастую на два-три поколения [4, с. 262].

Э. Набиуллина на Московском международном урбанистическом форуме отметила, что количество малых и средних городов в России в течение ближайших десятилетий будет неуклонно сокращаться, а сохранение жизнеспособности малых и средних городов является сомнительной [3, с. 59]. Сложно согласиться с такой характеристикой малых городов, фигурально выражаясь, «ставящей крест» на самой многочисленной категории городского расселения, выполняющей важную функцию в каркасе расселения страны. В настоящей работе мы предпримем попытку доказательства жизнеспособности малой формы городского расселения в Российской Федерации.

Согласно «Стратегии социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 года» [8], огромный потенциал для инновационного развития региона заключен в развитии южнороссийских городских агломераций. На сегодняшний день они признаны одной из самых эффективных форм организации социально-экономического пространства страны. В мире крупные городские агломерации являются авангардом государственных экономик. Обустройство внутренней среды крупнейших южнороссийских городских агломераций, налаживание эффективных механизмов взаимодействия субъектов агломерационного образования, модернизация и развитие необходимой инфраструктуры являются самыми перспективными направлениями.

Цель статьи – раскрыть реабилитационные возможности города Краснослободска в рамках агломерационного образования, выявить потенциал и векторы его дальнейшего развития.

Комплексное рассмотрение всех сфер жизнедеятельности города предполагает обращение как к общенаучным, так и к специальным методикам и методам исследования отдельных наук.

Основываясь на концепции микроистории, в статье раскрываются глобальные исторические закономерности в развитии общества с помощью локального примера. «Рассматривание в подробностях» локального примера преодоления кризисных явлений поможет выявить конкретные верные и ошибочные шаги. То, что справедливо для частного, при определенных условиях может оказаться верным и для общего.

Применение экологического подхода, в основе которого лежит учет экологических потребностей человека и соответствующего социума, позволяет по-новому взглянуть на привлекательность малых городов, входящих в систему расселения крупных агломераций. Переложенная на масштаб городской агломерации урбоэкологическая теория позволяет сконцентрировать внимание на возможности развития особой естественной зоны в рамках малого города, расположенного в непосредственной близости от метрополии. Внутренний потенциал малого города (пригорода) может поспособствовать возрождению малого города, сглаживанию в нем кризисных явлений.

На сегодняшний день Волгоградская агломерация представляет собой урбанизированную систему расселения, население которой по состоянию на 2015 г. насчитывает 1 408 936 человек. 55,3% от общего населения Волгоградской области сосредоточено в пределах Волгоградской агломерации, которая включает 6 населенных пунктов: 3 из них имеют статус города (город-миллионер Волгоград, средний город Волжский и малый город Краснослободск), 3 рабочих поселка – Средняя Ахтуба, Светлый Яр, Городище. Территориальная структура агломерации, как и ядра агломерации, носит черты линейности. Это связано с расположением Волгоградской агломерации в зоне сухих степей с наличием крупного водотока в виде реки Волги, но с малым количеством правых притоков предопределило размещение населенных пунктов вдоль основного источника воды реки Волги. Линейная протяженность агломерации от северных границ Волгограда вдоль излучины Волги до юго-восточных границ Светлого Яра составила более 90 км. На запад зона агломерирования, даже с включением р.п. Городище дальше 15-17 км не продвинулась [1, с. 121].

Левобережная часть Волгоградской агломерации представлена тремя населенными пунктами: г. Волжским, г. Краснослободском и р.п. Средняя Ахтуба. Последний максимально удален от ядра агломерации на восток и расположен в 46 км от г. Волгограда. Протяженность агломерации по линии Средняя Ахтуба – Светлый Яр составляет около 100 км.

Рассматривая пространственные перспективы развития Волгоградской агломерации, можно предположить, что она продолжит разрастаться вследствие процессов субурбанизации – создания жилых коттеджных поселков и непрерывной зоны дачных массивов (рекреационная субурбанизация).

Согласно «Стратегическому плану устойчивого развития Волгограда до 2025 года», выделяется рекреационный обслуживающий подцентр – г. Краснослободск. Малый город должен стать базой по созданию туристско-информационного центра, размещению офисов туристских компаний, обслуживающих туристов, прибывающих для отдыха в Волго-Ахтубинской пойме, развитию инфраструктуры отдыха и туризма в регионе [5].

Город Краснослободск является третьим по величине городом, входящим в Волгоградскую агломерацию. На всем протяжении его существования связь между Волгоградом и Краснослободском осуществлялась с помощью паромного сообщения. В 2009 году была открыта первая очередь мостового перехода, после которого паромы были отменены, а транспортное сообщение стало осуществляться посредством автотранспорта и рейсовых маршрутных и автобусных маршрутов.

Краснослободск – это небольшой тихий и приближенный к природе городок. Главная его улица – Ленина; переходящая в улицу Свердлова и Дзержинского, является единственным асфальтированным дорожным полотном, проходящим через весь населенный пункт. Карта города с выделенными значимыми местами помещена в Приложение (приложение А). Облик города достаточно однороден. Постройки в городе, в основном, кирпичные и одно-

этажные, встречаются деревянные частные владения с резными наличниками. Фонды, занимаемые административными зданиями, культурно-досуговыми учреждениями, школами и детскими садами построены еще в советское время и представлены массовой кирпичной двух-трехэтажной застройкой, не представляющей особой архитектурной ценности.

Проведенный анализ позволил прийти к определенным выводам. Проблема перспективы развития малых городов видится нам двухуровневой. Первый уровень составляет локальный аспект, при котором малый город рассматривается как элемент в системе расселения, обладающий особыми преимуществами и недостатками. Второй уровень – региональный, на котором исследуется вопрос о степени развитости региона, в который входит малый город, на фоне общегосударственного развития. Показательным, эталонным подтверждением этой теории оказался пример малого города Краснослободска Волгоградской агломерации. За свою менее чем полуторавековую историю он превратился из хутора на две семьи в перспективный малый город, рекреационный подцентр системы расселения.

История его развития демонстрирует как слабые, так и сильные стороны. К первым относится недостаток финансирования, недостаточно благоприятная городская среда, низкий уровень развития транспортной и социальной инфраструктуры, недостаток профессиональных кадров. Ко вторым – близость к природе, тишина и отсутствие стресса, а главное, компактность и высокий уровень приспособляемости к стремительно изменяющимся внешним условиям. Именно вследствие компактности, упрощенности структуры малого города (особенно управленческой) по сравнению с крупными формами расселения, возможности быстрой смены вектора развития и переориентирования на новые цели малые города обнаруживают свою невероятную жизнеспособность, распространяющуюся, по нашему убеждению, и в будущее. Рабочий поселок Красная Слобода после Второй мировой войны, когда весь регион лежал в руинах, обеспечил себе миграционный приток населения и получил статус города. Спустя четыре десятилетия, во времена очередного системного кризиса, сопутствовавшего распаду Советского Союза, он нашел новые точки для дальнейшего роста и развития, радикально изменив свою специализацию.

Региональный аспект позволяет выявить долгоиграющие тренды развития в контексте субъекта Российской Федерации. Волгоградская область и ее центр – город Волгоград – характеризуются неблагоприятными экономическими и социально-демографическими показателями. В регионе наблюдается депопуляция, миграционный отток населения, сокращение производственной базы и мощностей и закрытие ряда предприятий (тракторный завод, алюминиевый завод, судостроительный завод и др.). Нахождение малого города в депрессивном регионе значительно снижает вероятность благоприятного поступательного развития в будущем. Преодоление регионально обусловленных негативных трендов дальнейшего развития малого города видится нам

возможным при создании им уникального бренда, известного и узнаваемого в рамках всей страны или реализации внутреннего потенциала своего развития.

Краснослободск имеет все шансы на дальнейшее процветание при условии принятия модели, в которой малый город будет реализовывать рекреационную функцию в пределах агломерации. Городское поселение обеспечено природными ресурсами в достаточном объеме, его социальная и транспортная инфраструктура нуждаются в модернизации, планомерно реализуемой местной администрацией на протяжении ряда лет. Близость историко-культурного наследия города Волгограда, отлично просматриваемого с прибрежной полосы малого города, придает внутреннему потенциалу туристско-рекреационный характер и открывает широкие возможности для привлечения гостей города Волгограда на левый берег Волги.

Источники и литература

1. Деточенко Л.В., Фесенко В.А. Волгоградская агломерация: специфика формирования, современное состояние и пространственные перспективы // Полимасштабные системы «центр-периферия» в контексте глобализации и регионализации: теория и практика общественно-географических исследований / под общей ред. И. Н. Воронина и А. Г. Дружинина. Материалы международной научной конференции (Симферополь, 16-20 сентября 2015 г.). Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2015. С. 118-126.
2. Кризисные города России: пути и механизмы социально-экономической реабилитации и развития. М., 1998.
3. Лебедева О.А. Малые города: проблемы выживания // Проблемы современной науки. Ставрополь: Издательство Логос. 2014. № 11-2. С. 58-64.
4. Миронов Б.Н. Город из деревни: четверста лет российской урбанизации // Отечественные записки. 2012. №2. С. 259-276.
5. Приложение к решению Волгоградской городской Думы от 24.12.2007 N 55/1399 «Стратегический план устойчивого развития Волгограда до 2025 года». Волгоград, 2008.
6. Проект концепции федеральной целевой программы экономического развития и повышения качества жизни малых городов РФ на период 2015-2020 годов / Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <http://www.garant.ru/news/520856/>
7. Соколова А.А. Малые города в обеспечении устойчивого развития сырьевого региона : автореф. дис. ... канд. эк. наук : 08.00.05. Мурманск, 2011. 22 с.
8. Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_119398/

Повседневные ритуалы в современной городской среде

Синютин Александр Александрович
Адыгейский государственный университет

соискатель
ssinyutin@mail.ru

Индивидуализация основных сфер современной жизни горожан приводит к тому, что из нашей реальности практически полностью исчезли ритуалы. Ритуализм городской культуры уходит в прошлое. Едва ли этот процесс можно оценить однозначно. С одной стороны, ритуалы всегда отражали некие обязательственные формы поведения, формирующие городскую идентичность. А любые императивы идут в разрез с естественным стремлением горожанина жить в условиях свободы, и самостоятельно конструировать свои социальные интеракции. С другой стороны, отказ от ритуалов по сути своей ликвидирует коллективные формы городской жизни, создавая ситуацию, при которой горожанин оказывается "одиноким в толпе". Безусловно, здесь необходим некий баланс, разумная середина. Установить ее для всех не представляется возможным. Но в наших силах предпринять попытку разобраться с основными закономерностями эволюции ритуалов в среде городской повседневности.

Исторически городская среда всегда была насыщена ритуалами. Ритуалы были своего рода социальной технологией. Этот механизм мог решать проблемы, менять статус и приносить ощутимые результаты. На протяжении тысячелетий они использовались для того, чтобы проявлять и выражать эмоции, строить свою личную идентичность и идентичность, определяющую некую принадлежность к городу. Они несли эффект преобразования, помогали навести порядок в хаосе и ориентироваться в пространстве и времени. Ритуалы были смыслом жизни, тем тяжелее нам приходится сейчас, когда мы лишены правил, которые можно применять к различным ситуациям. Горожанин попадал в систему ритуальных отношений с момента рождения. Удачные роды завершались сбором родственников, друзей, поздравлявших счастливых родителей. В отличие от сельской местности, в городах не было принято прятать младенцев от близких, боясь сглазу. "Общественная" начиналась у ребенка с момента рождения. Ритуалами оформлялись все переходы от одной возрастной группы к другой, и даже от года к году. Особые ритуалы были у таких знаковых событий, как свадьба, окончание школы (института), получение первой зарплаты, выход на пенсию, смерть.

Подобная частота ритуалов определяет на повестку вопрос об определении ритуала. Мы будем придерживаться точки зрения по этому вопросу К. Белл, определявшей ритуал, как «привычное действие, усвоенное настолько, что первопричина его может быть забыта» [3, с. 32]. Например, в городской среде одним из наиболее распространенных ритуалов при знакомстве является рукопожатие. Между тем, большинство населения давно уже забыла в чем смысл этой акции, а использует данный ритуал лишь потому, что он отражает

в себе привычку, лояльность, добрые намерения или какие-либо иные социальные направленности.

Однако надо понимать, что ритуалы далеко не всегда являются формальными действиями, создающими лишь условия для общественных солидарностей. Многие из них вполне отражают значимые социальные практики, и их утрата может очень сильно обеднить социальный мир жителя города.

Для ритуалов, действующих в городской среде и определяющих ее повседневность, характерны шесть базовых признаков. Рассмотрим их.

1. Формальность. Степень выражения данного признака зависит от того, в каком конкретном случае он реализуется. Например, в среде друзей или близких обед – действие, выполняемое в достаточно свободной манере. Однако если речь идет о званном ужине, то он сопровождается рядом специально разработанных ритуалов, которые, во-первых, подчеркивают значимость события, во-вторых, стратифицируют социальные позиции участников данного действия.

2. Традициональность. Ритуалы проистекают из традиций. Это во многом обуславливает их сакральный характер. Привязка их к традициям позволяет акцентировать внимание на том, что любой ритуал имеет глубокую укорененность, прошел проверку временем и достоин уважения со стороны социальных акторов.

3. Подчиненность дисциплине. Использование ритуала, особенно на современном этапе, требует определенной внешней и внутренней дисциплины. Ее отсутствие может крайне негативно сказаться на соблюдении ритуала, так как многие из них имеют в большей степени инструментальный, чем содержательный характер.

4. Подчиненность правилам. Вне правил ритуал лишен деятельностного аспекта. Ритуал может успешно применяться лишь тогда, когда правила его соблюдения понятны и хорошо известны социальным акторам. В обратном случае он превратится из коллективного в индивидуальное действие, что приведет к утрате его социального смысла и функций.

5. Символическая сакральность. Многие ритуалы обладают в определенном смысле магическим потенциалом в глазах деятелей. Так это в разрезе критической оценке, или нет, в рамках оценки содержания понятия не имеет существенного значения. Важно то, что люди склонны наделять определенные действия священным характером. Типичным примером является совершение ритуальных действий в церкви. Прихожане уверены, что если они реализуются по четко определенной схеме, без отступлений от канона, то в этом есть большой сакральный смысл.

6. Коллективный характер действия. Практически всегда ритуал ориентирован на аудиторию. В этом и его содержание, и его социальные функции. Особенно это значимо для городской среды, где коллективные действия нередко отступают перед индивидуальными [2, с. 51].

Масштаб ритуала не ограничен ничем. Они могут быть большими или маленькими, частными или государственными, личными или социальными,

религиозными или светскими. Похороны, свадьбы, президентские инаугурации, церковные службы, крестины, братские посвящения, и племенные обряды — все это ритуалы. Рукопожатия, поздравления, приветствия и прощания, обеденный этикет и даже подготовка ко сну — все это может стать ритуалом, приобретя описанный выше набор признаков.

В науке существует несколько классификаций ритуалов. Мы остановимся на той, которая была предложена французским социологом конца XIX начала XX веков Эмилем Дюркгеймом. Он выделяет две основные группы ритуалов.

1. Отрицательные. Они представляют собой систему запретов, направленную на недопущение смешения различных социальных сообществ. Такой вид ритуалов особенно тщательно поддерживается в городах, где в условиях высокой плотности населения актуализируются культурно-сегрегационные запреты.

2. Положительные. Их цель состоит в том, чтобы приблизить человека к миру священного. Последние направлены на завоевание расположения божества и, как следствие, должны обеспечить желаемое состояние дел, что достигается либо в ходе инсценировочной деятельности или подражания – имитационные ритуалы, либо путем инсценировки или воспроизведения прошедшего – коммеморативные ритуалы. В качестве особого вида положительных ритуалов выступают искупительные, направленные на смягчение вины или последствий святотатства, в ходе которых осуществляется жертвоприношение [1, с. 59-64)].

В рамках классификации ритуала по функциям особое место отводится кризисным ритуалам, проводимым как индивидом, так и группой в ответ на возникшую острую проблему, ставящую группу или индивида буквально перед лицом смерти, а потому настоятельно требующую решения, например, вызывание дождя в период долгой засухи; примером современного кризисного ритуала является обращение главы государства к нации в случае бедствия.

Предложенная Э. Дюркгеймом классификация ритуалов весьма основательна и систематична, особенно если учесть, что она была едва ли не первой, но все многообразие ритуальных практик даже он не сумел охватить, да это, по-видимому, и невозможно, поскольку расширение критериев и методов анализа ведет к выделению все новых типов, возникающих в меняющихся социальных условиях.

Самым распространенным ритуалом повседневности является ритуал «здороваться» – то есть желать здоровья и «прощаться», говорить «до свидания» – иными словами до скорой встречи. Также широко распространены пожелания «с добрым утром» и «спокойной ночи». Всем нам известен такой ритуал, как рукопожатие, его изначальный смысл – показать, что в руке нет ножа, продемонстрировать дружелюбие. Все вышеперечисленные ритуалы можно отнести к «ритуалам взаимодействия», заслуга изучения которых принадлежит американцу Ирвину Гофману.

Очень важно обратить внимание на то, что ритуалы выполняют социализирующую функцию. Они готовят индивида к социальной жизни, воспитывают в нем качества, без которых невозможна жизнь в обществе. Прodelывая ритуалы человек словно «принимает» на себя нормы и ценности общества.

В современном городском обществе складываются ритуалы, которые мы можем назвать ритуалами социального признания. Под ритуалом социального признания мы понимаем вид ритуала, главной функцией которого является «вписывание» индивида в новое для него сообщество. Ритуалы социального признания являются трансформированными ритуалами инициации. Эти ритуалы имеют характер перехода. Современные ритуалы социального признания во многом сохранили черты ритуалов инициации. Этот ритуал разбивается во времени на ритуалы отделения от предыдущего состояния, промежуточный этап, характеризующийся определенными испытаниями, и, наконец, включение в новое общество и закрепление за индивидом нового социального статуса. Специфика ритуала социального признания в современном обществе заключается в том, что он служит «маской», с помощью которой эмоции скорее контролируются и скрываются, чем выражаются.

В целом, необходимо отметить, что ритуалы современной повседневной городской культуры находятся в состоянии трансформации и даже мимикрии. Они утрачивают свою сущностное значение, превращаясь порой в подобие социального обряда. Это, вне всяких сомнений, является следствием сужения функций коллективных форм жизни в городской среде. С распространением электронных средств массовой коммуникации роль ритуалом по нашему прогнозу будет и дальше сокращаться.

Источники и литература

1. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. М., 2014.
2. Крепов А.И. Ритуал: объем понятия // Диалоги. 2014. №5.
3. Проклов А.С. Ритуалы в современной жизни // Общественные науки и современность. 2003. №2.

Отражение профессиональной идентичности в советской прессе⁴

*Фролова Анна Сергеевна
Южный федеральный университет
Младший научный сотрудник
amikoshonstvo@mail.ru
Чикарова Галина Игоревна
Южный федеральный университет
Магистрант второго года обучения
galia201292@gmail.com*

Понятие «идентификация» используется, в первую очередь, для

---

⁴Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда проект № 16-18-10306.

обозначения механизмов и практик коммуникации индивидов и социума, способствующих усвоению и овладению различными видами социальной деятельности, а также обеспечивающих принятие и воспроизведение ценностей, социальных норми ролевых установок. В полной мере понимание феномена идентичности с позиций социологии оформилось в рамках символического интеракционизма Дж. Г. Мида [8], а теории социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана [3]. Данный подход предполагает понимание идентичности, в частности, профессиональной, как социального конструкта, дифференцирующего пространство трудовой деятельности.

Однако идентичность – это не только конструкт. Идентичность выступает одним из основных элементов субъективной реальности и при этом она находится в диалектической взаимосвязи с обществом. Это выражается в том, что она на разных уровнях абстракции может представлять и как производная социума, и как его детерминант, своего рода матрица конструирования социальной реальности индивида.

Коммуникативный аспект изучения идентичности является одним из ключевых для нашего исследования, так как идентичность не может существовать вне соотнесения ее с «другими». При этом такое соотнесение невозможно без ее языкового воплощения. Люди проецируют свои идентичности, конструируют воображаемы Я-образ на основе семиотических ресурсов дискурсивных самообъяснений, которые являются обязательным условием социального существования. Как таковой Я-образ и даже сама возможность выделения понятия «Я» (идентичности) немислимы вне нарративно-дискурсивных практик, которые используются индивидами в повседневной социальной жизни для наделения смыслом своих и чужих действий и поступков[1].

То каким образом Я-образ, представления о себе могут детерминировать социальную реальность индивида можно описать через теорему Томаса, также известную как «самоисполняющееся пророчество». Данный подход опирается на следующие принципы:

1. Сущность коммуникативного воздействия состоит в том, чтобы сконструировать картину определенной социальной реальности в массовом сознании, объективируя ее через тотальность.

2. Формирующаяся в сознании индивида социальная реальность детерминирована извне и не может быть верифицирована эмпирическим путем.

3. Сформированное представление о действительности имеет как прогностический ("что с нами со всеми случится"), так и предписывающий ("что же нам всем делать") характер.

4. Целью коммуникативного воздействия является инициирование последовательности социальных действий и взаимодействий [12, с. 30].

Теорема Томаса показывает, как сформулированная, имеющая конкретное языковое воплощение идентичность программирует дальнейший

социальное взаимодействие. Дискурс профессиональной идентичности, таким образом, детерминирует социальную реальность. Индивиды, непосредственно включенные в процесс репродукции и ретрансляции дискурса профессиональной идентичности обречены воспроизводить его не только в коммуникативных, но и в конкретно-социальных актах.

В связи с этим представляется актуальным изучение дискурса профессиональной идентичности в средствах массовой информации, так как он, являясь продуктом общественных отношений, сам предопределяет их характер. Советский период был нами выбран в связи с тем, что именно в это время существовала единая линия в формировании всего общественного дискурса и нарратива, а значит можно более наглядно изучить специфику коммуникативного воплощения профессиональной идентичности и сделать концептуальные выводы о потенциале дискурс- и нарратив-анализа в данной сфере.

В разные исторические периоды СМИ задействовали совершенно разные механизмы и способы для создания единого ценностного поля, а также для манипулирования общественным сознанием. Анализ используемых в периодической печати советского общества механизмов для формирования профессиональной идентичности и усвоения системы профессиональных ценностей трудящихся является наиболее интересным вопросом изучения, так как Советский период — это время широкой идеологической пропаганды, пронизывающей все сферы жизнедеятельности индивида, а пресса того времени, с данной точки зрения, — уникальная площадка для исследовательской мысли.

Внимание данного исследования также было уделено как всесоюзным изданиям, так и прессе советских профессиональных союзов, являвшихся устойчивой составляющей периодической печати того времени, а также важной ценностной и информационно-коммуникационной составляющей деятельности трудящегося (газеты «Рабочее слово», «Голос труда»). В это время были распространены в СССР и специализированные отраслевые газеты, направленные на популяризацию отдельных профессий и отражение профессиональной субкультуры, формирование профессиональной солидарности и кооперации со всеми представителями данной отрасли труда: «Учительская газета», «Библиотекарь», «Колхозник Дона».

Особенность газет изучаемого периода, выходявших в массовый тираж, заключается в их организационной и идейной подчиненности советской системе. Страницы газет того времени, пропитанные политической идеологией советского гражданина, способствовали восприятию роли СМИ в обществе как пропагандиста сложившихся политических отношений и существующей системы профессиональных ценностей трудящегося.

Внимание данного исследования сосредоточено на прессе, которая являлась главным источником информационного воздействия на профессиональную идентичность советского гражданина. Выбранные для анализа газеты были наиболее крупными и влиятельными в СССР, а также

доступны широким читательским слоям населения советский период, так как отражали реальные человеческие судьбы рядовых граждан и были близки массовой аудитории по духу и содержанию.

Проведенный анализ дискурса и нарратива выбранных печатных средств массовой информации позволил выявить, что для формирования профессиональной идентичности подрастающего поколения в газетах широко использовалось описание идеального образа представителей различных профессий. Большую представленность на страницах газет имели очерки о выдающихся профессионалах своего времени. Читая и анализируя которые, стоит обратить внимание, на то, как представлена профессиональная самопрезентация главного героя, его чувства, впечатления, переживания, связанные с будущей профессией. «Будучи студентом третьего курса Московского энергетического института, Борис Вакуленко приехал на производственную практику на таганрогский завод «Красный котельщик». Здесь его поразили масштабы производства, тут он впервые увидел автоматическую сварку. А люди, собирающие громадные котлоагрегаты, казались ему сказочными богатырями. И тогда он решил, что его место среди них» [2].

Благодаря детальному анализу советских очерков представленных на страницах газет того времени, можно сделать вывод, что в процессе профессионального становления огромное значение имело постепенное продвижение по карьерной лестнице с самых низов к высотам профессионального успеха. «Здесь прошел школу от рядового конструктора до руководителя специального конструктивного отдела по проектированию теплообменного оборудования для тепловых и автоматных электростанций» [2]. Также часто путь профессионального становления личности описывается через колею трудностей, которые пришлось пройти человеку перед тем, как овладеть своей профессией в полной мере. «И здесь пришлось работать «на прокорм», как говорили тогда студенты» [2].

Трансляция положительного образа трудящегося, освещение общественного признания результатов его труда, а также восхваление его самого как профессионала своего дела, также выступали в определенной мере элементами, задействованными советскими СМИ для содействия профессиональному самоопределению индивида того времени.

В анализируемых газетах было выявлено широкое освещение трудовых подвигов, являющихся результатом успешного освоения правил и норм профессиональной деятельности: «Центральный Комитет КПСС и Совета Министров СССР горячо поздравляют коллективы строителей, монтажников, эксплуатационников, всех участников проектирования и сооружения Ладыжской ГРЭС...» [13].

Также интересен тот факт, что высокая оценка со стороны власти профессиональных успехов трудящегося оценивалась им как дополнительный мотивационный фактор своего дальнейшего профессионального развития. Так М.М. Кулиева учитель, награжденная медалью героя социалистического

труда пишет: «Самое большое желание, возникающее сейчас, - работать еще лучше, самоотверженнее, эффективнее.» [6]; а Н.Р. Самниашвили, также награжденная почетной медалью, в той же газетной заметки отмечает: «С волнением и гордостью принимаю столь высокую награду, обещаю работать еще лучше, с честью нести высокое звание народный учитель, отдавать все силы, знание и сердце детям» [10].

Выбор профессии в СССР позиционировался не просто как акт профессионального самоопределения, это был один из важнейших шагов в жизни человека, от которого зависела дальнейшая судьба его самого, а порой и целого рода. Профессиональные династии были достаточно распространенным явлением в Советском союзе. Потомственные врачи, учителя, инженеры бережно предавали из поколения в поколение ценность своей профессии. А газеты того времени охотно печатали семейные истории потомственных рабочих, различных профессий.

Помимо того, что представители разных поколений владели одинаковой профессией, в те годы широкое распространение имело и другое явление — представленность на одном и том же рабочем месте разных представителей семьи. Порой вся семья работала на одном заводе, фабрике, в цеху и колхозе. «Династия Титовых ширится... Есть среди нас технологи, станочники, конструкторы, мастера и другие производственники, работающие на Кировском заводе» [7].

Широко пропагандировалось в СМИ наставничество как эффективный инструмент профессионального становления индивида. «Недавно к нам прибыло новое пополнение. Большинство молодых горняков, пришедших в забой, - демобилизованные воины, выпускники горнопромышленных школ. Кадровые шахтеры тепло встретили их — взяли шефство над новичками, помогли им освоить шахтерские профессии»[4].

Еще одной чертой дискурса профессиональной идентичности была сакрализация труда и профессия представала судьбой, долгом и призванием. Человек есть его труд. Сама сущность человеческой природы может быть раскрыта, реализована и оценена по достоинству только через трудолюбие и рвение. Именно в труде состоит героизм людей: «Сегодня сельский комсомолец вместе с ветеранами хлебного цеха страны вступает на вахту поистине героическую» [9].

Труд является по сути самоцелью, в нем и есть смысл жизни. Именно такой дискурс проходит красной нитью через подавляющее большинство публикаций в советских газетах: «Попробуй оторви их от степей, где никогда не хватает воды, но в избытке солнца, от буровой – и многое в жизни потеряет для них смысл» [5].

СМИ в Советском Союзе ставят перед собой задачу вызвать у читателя чувство гордости за представителей тех или иных профессий, за саму возможность принадлежать к их числу, идентифицировать себя вместе с ними. В связи с этим и дискурс акцентируется на том, что нет большей гордости, чем гордость за качественно и профессионально сделанную работу:

«Есть у бригадира еще одна гордость – личное клеймо. Это значит, что коммунисту Ведерникову, отличнику качества, доверено работать на самоконтроле» [14].

Обобщая можно выделить следующие неотъемлемые черты дискурса профессиональной идентичности в Советском Союзе: гордость, эпохальность (проникнутость осознанием судьбоносности и места в общем потоке времени, преемственность поколений и нацеленность на великое будущее), верность общему делу, трудовая дисциплина, высокая степень ответственности как личной, так и коллективной. Все это складывается в единое представление о профессионализме, все это ключевые элементы профессиональной идентичности советского гражданина.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда проект № 16-18-10306.

Источники и литература

1. Агафонова Е.В. Социальное конструирование идентичности и формирование нарративной модели поведения . - Альманах Дискурс-Пи. Вып.
2. Бардашенко А. Главный конструктор. Молот. 1985. вторник 4 июня. №126 (19015)
3. Бергер П., Лукман Т. 1995. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: "Медиум".
4. Горбатов В. Мастерство молодых. Труд. 1955. суббота 24 декабря. №302 (10641)
5. Козловский Ю. 1980. Ритмы буровой. Социалистическая индустрия. № 108 (3299). С. 1.
6. Кулиева М.М. Слово героям-социалистического труда. Учительская газета. 1978. пятница 30 июня. №78 (7455)
7. Марков Б., Сегалов В. Династия Титовых. Труд. 1955. воскресенье 4 декабря. №286 (10625)
8. Мид Дж. Г. 2009. Избранное: Сб. переводов. РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии (Сост. и переводчик В.Г. Николаев. Отв. ред. Д. В. Ефременко). М., 290 с. (Сер.: Теория и история социологии).
9. Ритм страды. Комсомольская правда. №152 (14134). 1971.
10. Самниашвили Н.Р. Слово героям-социалистического труда. Учительская газета. 1978. пятница 30 июня. №78 (7455)
11. Тропы метода. [Режим доступа: <http://discourse-pm.ur.ru/avtor5/agafonova.php>]
12. Хаустов Д. С. Теорема Томаса и особенности конструирования социальной реальности через массовые коммуникации // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 29–37.
13. Центральный комитет совет министров КПСС СССР. Строителям, монтажникам, эксплуатационникам, всем участникам сооружения Ладыжской ГРЭС. Комсомольская правда. 1972. среда 19 января. №15 (14301)

14. Шелехов Г. 1971. Человек мысли и дела. Красная звезда. №226 (14578). С. 2.

Ростов-на-Дону – «столичный город с областной судьбой»

Шпагин Сергей Алексеевич

ЧОУ «Гимназия Ор Авнер» (Ростов-на-Дону)

Учитель истории

s.shpagin@mail.ru

Визуальный образ Ростова-на-Дону уже не украсит новую банкноту Центробанка и в контексте поставленной проблемы это может послужить неким символом дуализма города, сопровождающего его с момента зарождения с тенденцией к сохранению.

Этот дуализм статуса и образа города детерминирован его геополитическим расположением и внешними факторами, делавшими перманентно из провинциального уездного городка искусственную региональную столицу с последующим изъятием столичных функций и формирования несвойственного ему образа.

Формула «периферийный город» [5] применительно к конкретным городам, уже стала применяться как метод диссертационного исследования [3]. В данном случае речь идет о применении формулы «периферийный город» к специфическому статусу города Ростова-на-Дону. По мнению автора, Ростов-на-Дону в статусе уездного местечка еврейской черты оседлости Екатеринославской губернии изначально был включен в не свойственную ему среду Области войска Донского (ОВД). Такое изначально противоречивое по своим последствиям решение центральной власти и определило дальнейшую судьбу города, вынужденного играть специфическую роль центра, региональной столицы с потенциалом областного или даже «уездного» города.

Формула «периферийный город» может адекватно отражать эту специфику Ростова-на-Дону как города, чей статус административной столицы различных, часто искусственных административно-территориальных единиц определялся волевыми решениями федеральной власти при сохранении слабых рычагов управления этими субъектами, будь то Азово-Черноморский или Северо-Кавказский края, становившихся в силу внешних обстоятельств периферией государства, строившегося как континентальная империя. Иными словами, судьба Ростова-на-Дону объективно зависела и возможно зависит от меняющегося территориально-административного пространства на периферии государства Российского. Но специфика в том, что эта периферия для империи или федерации, а для региона она всегда имела относительно законченный характер в форме этноконфессиональных и национально-государственных единиц, инкорпорируемых в состав мощного Российского государства. И это создавало и создает сегодня целый комплекс проблем, вес которых превышает компетенцию и реальные возможности региональной

власти при определенном противоречии с местными полиэтническими элитами.

Наглядный пример – реакция на включение Крыма в состав Южного федерального округа. При формально внутреннем решении правительства России об административно-территориальном переподчинении субъекта федерации, это вызвало бурную международную реакцию. Киев отреагировал с надеждой на усиление регионального аспекта санкций против России [4].

В свою очередь США вновь обвинили Россию в агрессии против соседней Украины [1].

Надежду на большую близость Крыма к России высказал губернатор Краснодарского края [2], но не Ростовской области.

Симптоматично, что в СМИ Ростовской области в качестве последствия для «столичного города с областной судьбой» предполагался логичный перенос Представительства Президента из Ростова-на-Дону в Краснодар и лишение статуса столицы округа [6].

Деятельность людей, составляющая смысл истории, проходит во времени и пространстве, в ходе которой рождаются некие смыслы, остающиеся в памяти потомков в качестве образов, мифов и предрассудков. Анализ отмеченной особенности статуса Ростова-на-Дону можно подкрепить контекстом пространства и времени, закрепляющим некоторые образы, мифы и предрассудки, имеющие практическое значение в сегодняшнем мире.

Ростовский уезд Екатеринославской губернии изначально был обречен на роль небольшого провинциального купеческого местечка в черте еврейской оседлости, находясь в тени более значимых административных, экономических, образовательных, финансовых центров. Даже после его переподчинения в рамках Российской империи, Ростов-на-Дону входил в Харьковский округ министерства просвещения, казенный раввин находился в Мариуполе, столицей ОВД являлась станица Старочеркасская, а затем город Новочеркасск.

С точки зрения внутренней динамики, не казачий город в слабо урбанизированной области оказывался в административной и фискальной конфронтации с ней. Относительно однородный этноконфессиональный состав военно-служивого сословия области также контрастировал с поликонфессиональной структурой населения Ростова-на-Дону.

Выполняя практически официальную роль пограничной периферии Российской империи, ОВД была скорее фронтиром, подвижной зоной контактов с другими народами-соседями, выступавших для центра в образе врага или инородца.

Сама Область, и факультативно город Ростов-на-Дону, выступая в качестве гаранта нерушимости границ Империи, не рассматривались в качестве полностью лояльной силы. Это проявлялось в различных формах навязываемого «внешнего управления» и провинциальности.

Можно ограничиться отмеченными выше факторами, определяющими гипотезу о специфике периферийного города Ростова-на-Дону как региональ-

ной столицы искусственных и разнородных временных административно-территориальных единиц без соответствующих ресурсов, возможностей и, следовательно, без перспектив.

1. Пространство данной периферии выглядит намного сложнее, нежели в других регионах Российской Федерации. Формально непосредственная государственная граница Ростовской области проходит с Украиной, что изначально не предполагало её более сложный характер в сравнении с границами западных регионов, соприкасающихся со странами НАТО или Центральной Азии. Сегодня ситуация резко изменилась, что привело к дополнительной нагрузке на город в гражданской и военной сферах. Специфика в том, что регион превратился в объект мировой политики, а не региональных отношений. Возможно, это осознано не в полной мере.

Сложность конфигурации сегодняшнего пространства периферийного города состоит из резко разграниченных родственных территорий юга России и востока Украины, создавшего ситуацию не столько гибридной, сколько «гражданской» войны для Еврорегиона «Донбасс» с международным участием в ней.

Регион вовлечен в «дистанционные» конфликты и проблемы региональных держав в силу наличия традиционных связей с ними.

Соответственно и пространство мировой политики для проведения региональной и федеральной внешней политики сильно фрагментировано и переплетено. Одни и те же государства вовлечены в разные двух и многосторонние союзы и организации. Пространство для одних и тех же стран может выглядеть как переплетение системы исторических, военно-политических и экономических пространств: Азово-Черноморское, Прикаспийское; Закавказье и Южный Кавказ в зависимости от интерпретаций акторов международных отношений и расширения сфер интересов.

Межгосударственные отношения с суверенными государствами региона испытывают на себе влияние диаспор по обе стороны границ. Очень часто, речь идет о субэтнотах, а не о диаспорах. В некотором смысле, это своеобразные этноконфессиональные прослойки исторического пространства между пространствами государств.

2. Этно-демографический фактор. Речь идет не просто об этническом и религиозном многообразии региона и города. Специфика состоит в том, что в результате миграций, сформировались фактически субэтнические группы, традиционно проживающие в Ростове-на-Дону и связанные со своими метрополиями внутри Российской Федерации и за рубежом. Существенная особенность – характер исторической титульной нации региона в форме сословия, а не этноса. К тому же, донское казачество существует в качестве самостоятельной диаспоры, возможно, отличаясь от Русского зарубежья, но ближе к проблемам современного Русского мира.

Наличие территориально-административной основы для этнического и в частности, этноконфессионального развития (тоже особенность периферийного города, привлекательного для этнических элит региона), породило еще в

советское время феномен этатизации этнического развития и этнизацию политических, экономических, культурных практик в региональной столице, на что, в свое время, не было обращено внимание. Фактически, в регионе развиваются особым образом и темпами, субъекты Российской Федерации на основе этатизации своей национальной специфики. При сильной вертикали власти это делает не рентабельным тенденцию к сепаратизму и созданию собственного национального государства. Но одновременно, это приводит к формированию некоторого «внешнего» контроля центра над местными административными и экономическими элитами.

3.Административно-территориальный аспект. Постоянно меняющийся статус от уезда к столице и обратно к областному центру с урезанной территорией и ресурсами. Эти изменения не связаны с внутренней динамикой и траекторией развития региона и самого города. Они чаще всего определялись и определяются факторами взаимодействия центра на своей периферии с сильными государствами, как региона, так и с великими державами, вовлеченными в не региональный конфликт с Россией. Как практический результат для города: он служит донором для собственной периферии, превращающейся в субрегиональные центры, получающие помощь от федерального центра, региональных государств и диаспор. Город служит карьерным трамплином для политиков, деятелей искусства и культуры, бизнесменов. Ростов-на-Дону столкнулся с феноменом «утечки умов» в столицу государства и за рубеж раньше англичан, авторов этого термина. Региональный административно-территориальный ресурс не является достаточным якорем для удержания молодых и перспективных кадров.

4. Международный аспект. Своеобразным парадоксом в контексте мировой политики заключается в том, что по факту провинциальный Ростов-на-Дону широко известен за рубежом, но в реальности о его месте нахождении и характере, потенциале знают очень мало.

Сегодня сложно говорить о контурах системы международных отношений после краха Ялтинской системы. В ней присутствуют элементы Неоверсальской системы с её внешне независимыми государствами-лимитрофами по терминологии Версальской эпохи или в терминах ООН – Новыми независимыми государствами. В концептуальном смысле Постялта как предполагавшаяся новая система международных отношений не состоялась. Если расширить хронологические рамки понятия Вестфальской системы международных отношений до краха Ялты вместе с Постялтой, то мы можем говорить о новом этапе структурирования мирового хаоса в принципиально новую систему отношений. Но некоторые её контуры говорят о том, что важную роль играют не только межгосударственные отношения, но мировая политика как пространство взаимодействия не государственных акторов. А это вновь делает наш периферийный город и участником, и заложником большой шахматной игры.

И уже просматриваемая специфика заключается в том, что городу и региону в целом, будет трудно конкурировать на региональном и мировом про-

странстве в категориях прошлых успехов. Сельхозмашиностроение, авиакосмический сектор, пока слабо реализуемый прорыв в сфере международного научного и образовательного участия, делают вновь город зависимым от внутренней и внешней конъюнктуры.

Все более реально вырисовываются вызовы времени и пространства в контексте мировых конфликтов, а не сотрудничества. И международный фактор может оказывать на динамику и характер развития Ростова-на-Дону как города, сохраняющего обременительный статус региональной столицы затратное влияние. Как это ни парадоксально, динамичное развитие формальных (территориально-административных) и не формальных (этноконфессиональных, клановых, корпоративных) единиц может вызвать диспропорции и противоречия, с которыми региональная власть, если она будет оперировать категориями только периферийного масштаба, может не справиться.

5. Образ и имидж города. На формирование нового образа и имиджа Ростова-на-Дону сегодня влияют факторы, связанные с его вовлечением в контекст мировой политики и конфликтов. Часть из них связана с характером взаимоотношений с Украиной. Часть с закреплением наряду с образами Донского казачества Ростова-на-Дону как места крупнейшей в России трагедии Холокоста в Змиёвской балке.

Источники и литература

1. В США после вхождения Крыма в ЮФО обвинили Россию в попытках «перекроить границы»//Росбалт. 29.07. 2016. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rosbalt.ru/world/2016/07/29/1536569.html> Дата обращения: 12.08.2016.
2. Кондратьев прокомментировал вхождение Крыма в состав ЮФО//Кубань 24. [Электронный ресурс] URL: <http://kuban24.tv/item/kondrat-ev-prokommentiroval-vhozhdenie-kryma-v-sostav-yufo-154373> Дата обращения: 12.08.2016.
3. Куфанова Р.Н. Периферийный полиэтничный город: социокультурное позиционирование. Автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Майкоп: Майкопский государственный технологический университет, 2013. [Электронный ресурс] URL: <http://cheloveknauka.com/periferiynyy-polietnichnyy-gorod-sotsiokulturnoe-rozitsionirovanie> Дата обращения: 20.09.2016.
4. Малинина С. В Киеве прокомментировали вхождение Крыма в состав ЮФО РФ. Ридус. Агентство гражданской журналистики. 28 июля 2016. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ridus.ru/news/227688> Дата обращения: 12.08.2016.
5. Периферия (значения). Википедия. [Электронный ресурс] URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B8%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B8%D1%8F_\(%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B8%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B8%D1%8F_(%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F)) Дата обращения: 25.09.2016.
6. Полпредство Президента в ЮФО перенесут из Ростова-на-Дону в Краснодар. Rostov161.NET. Ростовские новости. [Электронный ресурс] URL:

<http://rostov161.net/news/polpredstvo-prezidenta-v-yufo-perenesut-iz-rostovana-donu-v-krasnodar.html> Дата обращения: 12.09.2016.

Городская идентичность: между мечтой и реальностью⁵

*Штомпель Людмила Александровна
Южный федеральный университет
доктор философских наук, профессор
shtompel@donpac.ru*

Одной из граней проблемы социальной идентичности является городская идентичность: отнесение себя, отождествление себя с конкретным городом: москвич, петербуржец, ростовчанин, вытегорец и т.д. - каждый человек вкладывает в эти слова разные значения. Городская идентичность обладает двумя измерениями: она отражает отношения конкретного человека с той городской средой, в которой он живёт, и выражает чувство общности с теми людьми, которые проживают в данном городе. Первое измерение связывает городскую идентичность с национальной и этнической идентичностью прежде всего на основе восприятия символического значения архитектурных памятников (и шире - архитектурной среды) городов, обеспечивающих чувство преемственности с национальной историей [см.: 4, р. 33-45]. Второе измерение также связывает городскую и этническую идентичность тем сильнее, чем глубже человек погружён в субкультуру своего этноса, "прорастающей" в ткани конкретного города.

Ещё В.Г.Белинский отметил коренные различия между петербуржцами и москвичами, при этом основанием для различия выступили не только различия в образе жизни (хотя В.Г.Белинский, понятно, не использовал этот термин), обусловленные различием в отношениях, "в которых оба города находятся к России" [см.: 1, с. 764-789], но и стиль общения с другими людьми. Интересна в данном контексте статья М.В. Рабжаевой и В.Е. Семенкова об идентичности петербуржцев/питерцев/ленинградцев [см.: 3, с.82-89].

Примечателен не только подобный ракурс рассмотрения жителей конкретных городов, но и фиксация разрыва между разными слоями горожан и "предназначением" города: имперский Санкт-Петербург, пролетарский Питер, блокадный Ленинград, столица Москва, любой периферийный город - в каждом из них горожане неоднородны и эта неоднородность не сводится только к социальной стратификации, а проходит более глубоко - через культурные различия и предпочтения. Но интересен именно тот образ, который разделяется горожанами как наиболее точно соответствующий предназначению именно данного, конкретного города, образ доминирующий - под него "подстраивают" свое поведение коренные и некоренные жители его (в том случае, если рефлексиируют о своем статусе в городском сообществе). Общ-

---

⁵Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации гранта № 16-01-14064 «Г».

ность пережитого совместно опыта жизни, общность опыта усвоенных социальных норм, общность практик повседневного поведения, отношения к пище, алкоголю, наркотикам, чистоте, к потребностям других людей, к социальным запретам и т.п. объединяет людей, живущих в одном городе.

Идентичность предполагает сохранение, воспроизведение определенного порядка отношений индивида со средой обитания, в данном случае - с городской средой. Любой субъект городской культуры не просто одновременно и одномоментно адаптируется к условиям жизни в городской среде, но осваивает эту среду, а в процессе освоения "присваивает" её и как элемент собственной персональной истории, и как артефакт культуры в целом. Знаками "присвоения" могут стать не только мемориальные доски, фотографии на фоне исторических зданий, но и надписи на заборах, и граффити на стенах и т.п.

Сегодня стало модно рассматривать символическое присвоение, оставляя в тени другую форму присвоения пространства - вещественно-практическую. А между тем именно в городе формируется и нарастает такая характеристика городского образа жизни, как безличность и анонимность социальных отношений. Человеческое существование в условиях города всё чаще осуществляется в безличностной форме. Но кто присваивает мою человеческую действительность, отрезая, отчуждая от меня отдельные места городской среды? Другими словами, сегодня всё более остро заявляет о себе проблема отчуждения горожан от некоторых городских ресурсов и проблема городской сегрегации в целом. Любая точка городского пространства потенциально обладает индивидуальной ценностью, несёт в себе индивидуальный смысл для жителя (и гостя) города. Используя идеи радикального конструктивизма, и, в частности, признание активной роли субъекта, конструирующего действительность, в процессе организации собственного опыта, можно более тонко интерпретировать парадоксальное сочетание агрессивной активности представителей городской «андеграундной» культуры и пассивности носителей официальной и традиционной городской культуры. Андеграундные и девиантные гетеротопии «захватывают» в кризисном социуме центральные зоны и сектора городского пространства, дискредитируют их в глаза горожан в качестве историко-культурных и деловых центров городской жизни.

Процессы городской идентификации испытывают на себе действие обострения ряда противоречий современной городской жизни: между собственниками городской территории и девелоперами, между общественными институтами и рыночными силами, между девелоперами и горожанами, чьи интересы неизбежно ущемляются в ходе возведения многоэтажной застройки в зонах меньшей этажности, а также строительства транспортных развязок и других экономически выгодных (для конкретных лиц) объектов. Ведь каждое место в городе выступает и как самоценность, и как эквивалент стоимости. Если вы наниматель жилья, то для вас дом выступает как средоточие потребительских свойств, но для владельца жилья оно имеет эквивалент определенной стоимости. Использование места (дома), таким образом, содержит по-

тенциальный конфликт, заложенный в возможности его продажи владельцем жилья. В современном рыночном обществе господствуют интересы владельцев земли. Конечно, в городе имеется целый ряд ограничителей экономического поведения девелоперов для учета интересов соседей и других заинтересованных сторон. Однако практика показывает, что эти ограничения можно обходить.

Жизнь горожан всё чаще определяется той социальной стратой, к которой они принадлежат от рождения (она определяет возможности жизненного старта). Жизненные изменения, происходящие с индивидом, зависят и от качества полученного образования, и от собственной активности и везения, и от места, в котором формируется человек и в котором он живёт. Другими словами, социальные различия между группами все ярче отражаются в пространственных отличиях между ними. Этот факт в современных условиях и порождает проблему городской сегрегации.

В широком смысле слова термин «сегрегация» означает социальное ограничение свободы местожительства, при этом под социальным подразумеваются и экономические, и политические, и этнические, и идейные регулятивы. В обществах, где высок децильный коэффициент, высока вероятность возникновения и развития тенденции отделения различных социальных групп в городском пространстве. Еще П.Бурдьё на материале Алжира зафиксировал существование пространственных сегрегаций, возникающих не в результате действия политической воли, когда часть населения по расовому признаку отделяется от остального населения и помещается в резервации, но в результате действия экономических факторов. Действительно, люди, занимающие сходные социальные и экономические позиции, предпочитают селиться рядом, ограждая свои элитные поселки забором и охраной. В советских городах отсутствовали жесткие социальные барьеры, а социальная иерархия была закумуфлирована. Современное российское общество становится все более социально неоднородным и социально иерархизированным. Соответственно, возникает тенденция отделения различных социальных групп в городском пространстве. Социальные группы, занимающие верхние ступени в социальной иерархии, стремятся селиться отдельно. На уровень престижности влияют: тип застройки, качество жилья, оснащённость социальной и транспортной инфраструктурой, ландшафтно-экологические условия, рекреационный потенциал среды, насыщенность объектами культуры и памятниками истории, состав населения, проживающего в данном районе. Можно предположить, что результат идентификации в разных районах города будет для большинства субъектов городской жизни отражать доминантный образ той городской среды, где человек воспитывался.

Ещё одна грань социально-пространственных различий связана с бурными миграционными процессами в масштабах отдельных областей и страны в целом, когда не только отдельные представители, а целые части этносов перемещаются в новые условия существования. Переезд представителей различных этносов в крупные города актуализирует вопрос: что происходит с

этносом, сформировавшимся в условиях аграрной стадии цивилизации, при его "передислокации" в современный город - город индустриальный или даже город, в котором появляются элементы постиндустриальной стадии развития цивилизации? Остается ли этнос и то, что его конституирует, неизменным под влиянием городских условий? Следует ли ожидать трансформации этничности под влиянием роста городов, распространения городского образа жизни и дальнейшего развития урбанизации?

Правомерность постановки вопроса о трансформации этничности подкрепляется также тем обстоятельством, что осуществление многих социальных процессов и феноменов по-разному протекает в разных точках социального пространства. Можно предположить, что такие характеристики городского образа жизни как анонимность, повышенная интенсивность, быстротечность и поверхностность контактов, снижение контроля за поведением, информационная избыточность, агрессивная навязчивость рекламных стереотипов вседозволенности, высокая степень разнообразных рисков и соблазнов, тяготение к противоположным полюсам жизни (с одной стороны, к развлекательной стороне жизни, а с другой стороны, к "выгоранию" на работе) и др. неизбежно трансформируют этничность. С другой стороны, некоторые характеристики городского образа жизни именно под влиянием наиболее активных этносов способны развернуться в новом ракурсе.

Жить в городе - не значит автоматически сделаться субъектом городской жизни, однако накопление определенной части представителей нового этноса в городе влечет за собой все более активное освоение этим этносом городского пространства (противоположностью такого освоения является геттоизация - изолированное существование этноса в пространстве города, примером чего выступает Chinatown в Лондоне или в Нью-Йорке). Освоение городского пространства не обязательно сопровождается сменой традиционных стратегий поведения: автоматически не происходит переход от сепаратизма к адаптации, и тем более к ассимиляции со стороны "новых горожан", а, напротив, зачастую местное население вынуждено адаптироваться к вновь прибывшим. Другими словами, население города становится все более пестрым, но это разнообразие не означает автоматического возрастания культурного потенциала города или развития этнической культуры в новых - городских - условиях существования.

Наконец, следует различать выделяемые черты и характеристики конкретных горожан исследователями, результирующими сложившиеся особенности образов жизни, стилей поведения и мышления горожан конкретных городов в разные исторические периоды их бытия и то, каким видят город и себя в нём сами жители. Нас интересует то, каким горожанином хотят быть люди, приезжая в город своей мечты, выстраивая свои жизненные стратегии в связи с выбранным ими городом.

Миграция молодёжи в столичные города привела к активной реализации нового образа жизни, согласующегося с принципами неоурбанизма, нацеленного на удобство жизни людей и в целом - на интересы городского со-

общества. Но насколько успешно складываются в российских городах сообщества? К примеру, Виктор Вахштайн отмечает, что Москва - это город, где две трети людей из тех, кто здесь живет, не родились в Москве. Это город, где значительная часть населения снимает жилье. Средняя продолжительность съема квартиры в Москве - два-три года [см.: 2]. Это гипермобильный страт молодых горожан. Насколько долго сохраняют они свои первоначальные устремления, ради которых приехали в столицу? Эти "новые москвичи" ценят возможности получения более интересной и высокооплачиваемой работы, возможности для более содержательного проведения досуга, они также предъявляют требования к высокому уровню безопасности, экологической чистоты и т.д. И всё это уживается с такими особенностями жизни в больших городах, как отчуждение и недоверие горожан друг другу, а также появляющимися феноменами городской сегрегации и дискриминации. Если прибавить к этому проблему миграции из ближнего зарубежья, одной из граней которой выступает активное влияние новых для конкретных городов этнических субкультур, то мозаика состава горожан станет более пёстрой.

Актуальны ли для самих горожан проблемы несправедливости городского устройства, социальной дифференциации, отчуждения и недоверия горожан друг другу, а также территориальной дискриминации? Замечают ли они эти проблемы и в какой степени эти факторы влияют на длительность адаптации к новому городу "своей мечты" для иногородней молодёжи? Ответы на эти вопросы могут дать только новые культур-антропологические исследования.

Источники и литература

1. Белинский В.Г. Петербург и Москва //Белинский В.Г. Собр. соч. в трёх томах. Т.II. ОГИЗ, ГИХЛ. М., 1948.
2. Интервью с В. Вахштайном на Московском урбанистическом форуме //URL: <http://www.bbc.com/russian/features-36786791> (дата обращения: 14 июля 2016 г.).
3. Рабжаева М.В., Семенов В.Е. Какая идентичность у жителей Санкт-Петербурга? //Социс. 2003. № 3. С.82-89.
4. Devine-Wright Patrick. Remembering Pasts and Representing Places: The Construction of National Identities in Ireland // Journal of Environmental Psychology 17(1):33-45 · March 1997.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА САМООРГАНИЗАЦИИ И САМОРАЗВИТИЯ ГОРОДСКОГО СООБЩЕСТВА

Культурная деятельность региональных муниципалитетов России

Бледный С.Н.

Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»

*доктор исторических наук, профессор
bsn3010@rambler.ru*

Смирнова Марина Ивановна

Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»

*доктор исторических наук, профессор
vladimara@mail.ru*

Проблема города как социокультурного явления - одна из наиболее сложных и дискуссионных в гуманитарных науках. Представляя собой сложную многогранную систему, город уже не одно десятилетие остается приоритетным в экономических, социальных, культурных и политических исследованиях. Город в современном понимании, предстает прежде всего как социокультурный центр в котором концентрируются и получают дальнейшее развитие различные виды общественной деятельности. В формировании городского пространства большую роль играют горожане как специфическая группа населения со своей культурой, мировоззрением, традициями и образом повседневной жизни.

Большинство современных городов характеризуется отсутствием гармонично функционирующего городского пространства, и, как следствие, прекращением своего развития. Города, как модель общественного устройства, претерпевают сегодня все катаклизмы переходного периода и стоят перед вопросами деструктурирования и дезорганизации жизнедеятельности. Революционным явлением урбанистического процесса стал факт превращения культуры из вторичного феномена в важный градообразующий фактор. Сегодня потенциал культурной политики задействован как мощный инструмент возрождения городов и регионов. Вопрос развития городов через культуру все чаще поднимается на административном уровне, поскольку на сегодняшний день культурное программирование вышло за рамки своей сферы. Тенденции городского развития ведут к тому, что культура имеет прямое и косвенное воздействие как на городское общество, городскую экономику, так и на внешние связи в мировом масштабе.

На сегодняшний день актуальными представляются следующие стратегические цели культурной деятельности муниципалитетов:

- реконструирование внутренних и внешних образов территорий;
- привлечение инвестиций;
- поиск новых экономических ниш;

- стимулирование культурной жизни малых сообществ;
- установление связи с другими городами.

В последние годы некоторые регионы делают попытки перейти на новую стратегию культурной политики, находящую выражение в региональных программах социокультурного развития. Однако эта работа далеко не всегда эффективна, особенно в тех случаях, когда она не опирается на научно обоснованную методику и технологию [4, с 39].

Муниципальная культурная политика представляет собой, с одной стороны, определенный уровень реализации государственной культурной политики в рамках федеральных проектов. С другой, выступает как самостоятельная область проектной деятельности, направленная на всестороннее изучение и развитие историко-культурной самобытности каждой территории. В этом плане большое значение имеет расширение субъектов культурной жизни за счет передачи части функций в области культуры от центральных государственных учреждений к регионам и муниципалитетам, общественным организациям. Такой вектор развития позволит более эффективно использовать имеющиеся в регионе ресурсы (интеллектуальные, финансовые, материально-технических и др.), стимулировать разработку и реализацию региональных программ поддержки и развития сферы культуры, развития культурной жизни и т.д.

Центром культурно-досуговой деятельности муниципалитета является дворец культуры или клуб. Их главной задачей является создание культурной среды для удовлетворения культурных запросов и организации досуга жителей. Здесь люди развивают свои творческие способности, повышают интеллект, приобщаются к духовным и материальным ценностям. Фактически здесь формируется основы гражданского общества. Эти центры культуры могут быть как государственными, так и частными.

Наиболее массовым объектом культуры в органах местного самоуправления являются библиотеки. Они делятся на два вида: массовые и специализированные. Как правило, в муниципалитетах преобладают массовые библиотеки, где аккумулируется печатная информация, доступная широкой публике, представляющей разный социальный контент. Важную роль в их работе играет научная и информационно-библиографическая деятельность.

Местом сохранения исторической памяти региона являются музеи. Они собирают, хранят, изучают и пропагандируют памятники истории, достижения материальной и духовной культуры. Большинство музеев устраивают выставки произведений местных или знаменитых авторов. Они бывают постоянными или временными. В музеях постоянно устраиваются экскурсии, семинары, творческие вечера. Очень часто они являются площадками для выступлений местных театров. Ведущая тенденция оптимизации музейной деятельности связана с информатизацией музейного пространства и внедрением новых коммуникативных технологий.

Так, Приморский государственный объединенный музей им. В.К. Арсеньева концептуально разработал и практически осуществил проект новой

модели открытого музея. В его структуре создан и успешно развивается Международный музейно-выставочный центр. В музейном пространстве проходят основные события Биеннале визуальных искусств стран Азиатско-Тихоокеанского региона, проводятся международные конференции и выставки, собираются и публикуются материалы русских и российских диаспор за рубежом [5, с. 192].

Популярной формы культурно-досуговой деятельности по месту жительства, особенно среди молодежи являются спортивные объекты: дворцы спорта, стадионы, залы гимнастической и силовой подготовки. Здесь не только растут будущих олимпийских чемпионов, но и укрепляют здоровье жителей различных возрастов.

Интересный опыт спортивно-массовой работы накоплен в городе Тамбове. Повсеместно в жилых кварталах города созданы молодежные физкультурные организации. Проводятся массовые спортивные соревнования на призы «Кожаный мяч», «Серебряные коньки», «Золотая шайба», спартакиады, семейно-спортивные праздники, военизированные игры, это формирует у подростков желание заниматься спортом, укреплять здоровье, избавляться от вредных привычек [3, 80-84].

В настоящее время особенно остро стоит проблема физического и психического здоровья детей. Это связано с такими причинами как наследственность, травмирующая система образования, экология, проблемы в семье, высокая степень возникновения чрезвычайных ситуаций, социальная реабилитация. В этой связи наиболее актуальным становится такое направление как арттерапия, занимающаяся вопросами использования различных аспектов искусства с целью извлечения душевных и физических недугов.

В городских детских клубах Тамбова активно использовалась методика дыхательных упражнений разработанных педагогом методистом А.Н. Стрельниковой. Эта гимнастика не только восстанавливает дыхание и голос, но и благотворно воздействует на организм. В стрельниковской дыхательной гимнастике, так называемые дыхательные упражнения сопровождаются движением рук, туловища и ног. Эти движения всегда соответствуют определенным фазам движения и вскоре они сами по себе становятся тем условным раздражителем, который и вызывает соответствующие изменения в характере дыхания.

Таким образом, арттерапевтическая компонента в музыкальном образовании и воспитании позволяет проводить психологическую коррекцию и терапевтическую работу, а также работу по самопознанию и развитию личностных качеств [1, с. 190-192].

Сегодня во многих провинциальных городах главной задачей государственной культурной политики стало «сохранение исторического и культурного наследия и его использование для образования и воспитания». Так, в рамках реализации государственной программы Белгородской области «Развитие культуры и искусства Белгородской области на 2014-2020 годы» в качестве одной из под программ выделено «государственная охрана, сохране-

ние и популяризация объектов культурного наследия «памятников истории и культуры», прежде всего дворянских усадеб XVIII- XIX вв. [2, с. 3].

Актуализация усадебного наследия ведется по двум направлениям: передача усадебных комплексов частным лицам в льготную аренду и восстановление и популяризация туристских объектов [6, с.334].

Федеральное агентство по туризму РФ среди детских юношеских маршрутов по Белгородской области предлагает пятичасовой экскурсионный тур «Усадьба князей Юсуповых», расположенная в поселке Ракитное. Запланированы для посещения объекты – «Краеведческий музей», «Усадьба князей Юсуповых», «Старинный парк», «Свято-Никольский храм» [7].

Активизация и возрождение как российского усадебного наследия в целом, так и регионов в частности, наряду с сохранением феномена русской усадебной культуры, направлена на активное развитие внутреннего туризма. Туристский маршрут «Великолепный XIX век» проходит по территории трех регионов: Белгородской, Воронежской, Липецкой областей.

Долгосрочным результатом актуализации усадебного наследия Белгородской области является функционирование усадебных комплексов региона как мощных культурно-исторических центров, принимающих самое активное участие в духовно-патриотическом воспитании региона и формирований региональной идентичности [8].

Город это колыбель и вершина цивилизации, где всегда создавались и продолжают создаваться наиболее выдающиеся образцы материальной и духовной культуры.

Основной целью муниципальной культурной деятельности является стимулирование самоорганизации культурной жизни, создания условий для оптимального саморазвития культуры путем использования экономических механизмов, культурного потенциала, материальных и человеческих ресурсов территории. Эта цель может модифицироваться и уточняться на каждом из уровней выработки и реализации культурной политики, применительно к ее различным объектам, однако генеральная цель всегда ориентирована на то, чтобы в регионе поддерживалась система как институциональных, так и неинституциональных условий, обеспечивающих оптимальность процессов создания, сохранения, распространения и потребления культурных ценностей.

Источники и литература

1. Григорьева Е.И., Ганьшина Г.В., Ерохина И.А. Медико-социальные основы здоровья и рекреации: Учебное пособие / Е.И. Григорьева, Г.В. Ганьшина, И.А. Ерохина. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2007.

2. Государственная программа Белгородской области «Развитие культуры и искусства Белгородской области на 2014-2020 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.belkult.ru/activity/gosudarstvennyie-programmyi> (дата обращения 10.04.2016.)

3. Здоровьесберегающие технологии: опыт, проблемы: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (октябрь 2004)/ Отв. Ред. Е.И. Григорьева. Тамбов: 2004.
4. Колинко И.В. Стратегия социально-культурного развития региона / И.В. Колинко // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. 2010. № 1.
5. Корнева Л.В. Культурно-образовательная деятельность дальневосточных музеев в формате исторического развития региона / Л.В. Корнева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. 2009. №2.
6. Культура. Политика. Понимание (Филосовско-политические проблемы идентичности: Россия и современный мир): материалы IV международной научной конференции. Белгород: И.Д. «Бел-гор» НИУ «БелГУ», 2016.
7. Культура. Политика. Понимание (Филосовско-политические проблемы идентичности:Россия и современный мир): материалы IV международной научной конференции. Белгород: И.Д. «Бел-гор» НИУ «БелГУ», 2016.
8. Официальный сайт федерального агентства по туризму РФ электронный ресурс. URL: http://www.russiatourism.ru/contents/turism_v_rossii/turisticheskie-marshruty/detsko-yunosheskie-marshruty/tsentralnyy-federalnyy-okrug-308/belgorodskaya-oblast-5588.

**Города Дона и Северного Кавказа в событиях Февраля 1917 года:
позиция властей и городского сообщества (общее и особенное)⁶**

*Брызгалова Ирина Генриховна
Южный федеральный университет
кандидат исторических наук, доцент
ibrizgalova@yandex.ru*

Изучение регионального революционного процесса свидетельствует, о том, что на ход революции в исследуемом регионе оказало преобладающее влияние своеобразие социально-экономических, классовых, общественных и национальных отношений, культура и психология населения, отношение населения, в том числе и городских сообществ, к революционным событиям, что в свою очередь повлияло на формирование региональной системы власти.

Особый интерес вызывает проблема: отношения официальных властей и городских сообществ Дона и Северного Кавказа к событиям Февраля 1917 года, так как важнейшее место в исследовании вопросов революционного процесса и государственного строительства в постмонархической России занимают проблемы изучения всего комплекса социально – политических отношений. Потому, что именно они оказали важнейшее влияние на восприятие

---

⁶Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации гранта № 16-01-14064 «г».

и протекание революционного процесса и как следствие на специфику организации власти в регионе.

Потребность изучения данного аспекта Февраля 1917г. в историографии определилась. Ранее в исследованиях региональных историков уже ставились для решения данные вопросы: «Первоочередная задача ныне заключается во всестороннем и комплексном изучении разработки социально-экономической проблематики. Для этого созрели все необходимые условия. Такой подход позволит глубже разобраться в мотивах поведения классов, различных групп населения, политических партий и их местных организаций, в деятельности созданных силами революции и контрреволюции общественных институтов» [5, с.109].

Преыдушие исследования по истории революции в регионе создали необходимые предпосылки для рассмотрения тесной взаимосвязи и влияния социально-политических отношений накануне 1917 года на протекание революционного процесса и отношения к революционным событиям представителей власти и различных групп населения, в том числе и городского сообщества. Богатый фактологический материал отечественной в целом и региональной историографии, новые источники архивные и опубликованные, раскрывают специфику социально-экономических и политических отношений на Дону и Северном Кавказе, а также выявляют своеобразие условий революции в различных районах Дона и Северного Кавказа [19, с.120].

На территории 341,1 тыс. кв. верст проживало более 10 млн. человек: В Донской области – 40%, в Кубанской – 31%, в Терской – 13%, в Ставропольской губернии – 14%, в Черноморской – 2%. Население региона отличалось многонациональностью, свыше 100 наций и народностей проживало в регионе [4 , л. 13].

Социальная структура городского населения региона в целом соответствовала общероссийской, и городские сообщества сформировались в соответствии с общероссийскими типами.

Но, социальная структура рабочего класса имела свои особенности, это было связано с особенностями формирования и развития промышленности региона. Она начала формироваться, когда в центре страны уже практически сложился промышленный комплекс. По статистике МВД, в областях и губерниях региона значилось 1049 промышленных предприятий. Из них крупных было 25%, средних – 15%, мелких – 60%. На крупных предприятиях региона было занято 25-30% рабочих, а 70-75% - на мелких и средних предприятиях [17, с.84].

В годы войны концентрация рабочих выросла в Донской Области в 1,4 раза, в Кубанской – 1,6 раза, в Ставропольской губернии – в 2раза. Но в Терской области – несколько упала, а в Черноморской губернии – сократилась в 2 раза. Темпы концентрации рабочих в промышленности края существенно отставали от общероссийских, а ее общий уровень был почти в два раза ниже. На 1 января 1917 года на одно предприятие в регионе в среднем приходилось 98 рабочих, а 13% рабочих региона входили в производственные коллективы,

составляли пролетарское ядро. В России оно было значительно более мощным и охватывало 60% рабочих [17, с.84]. К тому же в своей подавляющей массе рабочий класс региона был молодой, его потомственная часть была очень незначительна. А большая часть его не порвала с землей и была недостаточно организованной. В горских районах пролетариата почти не было. В целом по России пролетариат и полупролетариат составляли 64,4% населения, а на Дону и Северном Кавказе только 36% [23, с.30].

В составе населения Юго-Востока России преобладала мелкая буржуазия, как среди городского, так и среди сельского населения. Статистика свидетельствует: из общей массы населения пролетариат в регионе составлял 5%, а в России – 20%, полупролетариат соответственно: 31,2% и 49,6%; мелкая буржуазия: 79,2% и 66,7% [19, с.120].

Мелкая буржуазия региона отличалась от российской целым рядом существенных особенностей. Они выявлены и определены в региональной историографии. Первая особенность состояла в ее большем удельном весе в общей массе населения. В России на ее долю приходилось 66,7%, а на Дону и Северном Кавказе – 79,2%, что увеличивало мелкобуржуазный характер населения. Вторая: большинство буржуазии как в городе, так и в деревне составляли крепкие средние собственники: середняки, ремесленники, лавочники, торговцы – общей численностью 4,6 млн. человек или половина населения региона. По своему имущественному положению они превосходили такие же элементы Центра страны и внутренне больше тяготели к буржуазии. Третья: мелкобуржуазная масса, напуганная первой русской революцией, боялась потерять свою собственность [13, 22, 24].

Исходя из данных особенностей, можно сделать вывод, что мелкая буржуазия региона легче поддавалась влиянию буржуазии, мелкобуржуазной и буржуазной идеологии.

Население региона, в том числе и городов, существенно отличалось от жителей остальных регионов России по уровню жизни, который здесь был более высоким. Оно практически по всем критериям находилось в более благополучном положении, чем в других районах страны. Поэтому процесс социальных противоречий углублялся в регионе постепенно [17, с.84].

Социально-экономические противоречия в регионе не были столь острыми, как в центре России. Это было обусловлено тремя группами факторов: экономических, социальных и политических.

К экономическим факторам относились: обширность территории с богатыми природными ресурсами, и благоприятными условиями для хозяйственной деятельности человека; крупнейший аграрно-промышленный сектор страны, который и в годы войны сохранил за собой ведущее положение. Крестьянские хозяйства продолжали оставаться крупнейшими производителями и поставщиками сырья и продовольствия. Промышленность работала стабильно. Дороговизна не достигла общероссийских масштабов, более высокая зарплата и более высокий прожиточный минимум у городского, а также и сельского населения, отсутствие карточно-распределительной системы сви-

детельствовало о том, что население не испытывало острой продовольственной нужды, продовольственный кризис по сравнению с центром страны протекал мягко. К 1917 году регион располагал большими продовольственными запасами, путями сообщения и другими материальными ресурсами. Поэтому военное лихолетье в областях и губерниях края не достигло общероссийских масштабов.

К социальным факторам можно отнести: значительную прослойку городской и сельской буржуазии; наличие казачества, малочисленность пролетариата [2].

Экономические и социальные факторы определили особенности и своеобразие факторов политических. Политические факторы: формирование всенародной оппозиции царизму и характер революционного процесса.

Исходя из анализа всего комплекса социально-экономических отношений, можно определить, что социальное напряжение на Дону и Северном Кавказе не было таким острым, как в центральных районах страны. Это сказалось на формировании оппозиции и характере революционного процесса, отношению к Февральским событиям 1917 года.

Формирование всенародной оппозиции царизму и характер революционного процесса в регионе, повлияли на развитие общей ситуации в регионе после Февраля 1917 года. Они тоже имели отличия по сравнению с общероссийским политическим процессом.

Процесс формирования всенародной общенациональной оппозиции самодержавию происходил на 2-х уровнях: сверху и снизу. Это четко выразилось в центре страны. Сверху шло соединение на уровне основных политических структур, достаточно разнородных сил на базе неприятия самодержавного режима. Однако углубляющийся кризис привел к стихийно сформировавшемуся стремлению покончить с самодержавием. Поэтому складывалась оппозиция царизму снизу: шло объединение масс и прежде всего населения столицы и Петроградского гарнизона, ставших решающей силой Февральской революции. «Нижняя оппозиция» довлела над «верхами», ускоряя и форсируя события.

На Дону и Северном Кавказе оппозиция царизму тоже складывалась на 2-х уровнях, как и в центре России. Но, в связи с особенностями развития региона эта оппозиция приобретает несколько иной характер. В регионе в оппозиции царизму верхов и низов наблюдалась большая консолидация на всех уровнях, что впоследствии выразилось в образовании коалиционных органов власти. Прежде всего, это объяснялось своеобразием социальных отношений, в регионе существовал иной тип социальной структуры: население было более однородно, преобладала мелкая буржуазия, большая доля ее наблюдалась и в городах. Этот огромный промежуточный слой городского, а также и сельского населения, (учитывая его особенности в крае) при относительной молодости рабочего класса, тесно связанного с землей, способствовал сближению 2-х типов оппозиции царизму, границы между ними были нечеткими и размытыми.

Социально-экономическое положение определило остроту политических событий. Особенности социально-экономических отношений, которые сложились в регионе к 1917 году, снижали социальную напряженность. Она не была такой острой, как в центре России. А отсюда формировалось и особое отношение к событиям Февраля 1917 г. Недовольство населения не перерастало во взрывы. Это сказалось на характере революционного процесса. Сравнение общероссийского и регионального революционных процессов свидетельствует, о том, что они протекали совершенно по-разному.

Особенность революционного процесса в регионе заключалась в том, что он вполне мирно принял революцию. Напряжение сглаживалось за счет более мощного экономического потенциала края и менее пролетаризированного состава населения. В силу экономических и социальных особенностей, на Дону и Северном Кавказе была более узкая почва для ультрареволюционных настроений, а основа общедемократического движения шире. Отношения между социальными группами были не так антагонистичны и остры, как в центре России.

Об этом свидетельствуют: хроника забастовочного движения, показатели статистики нестачечных и недемонстрационных выступлений рабочих, крестьян и других категорий населения в связи с нехваткой продовольствия, предметов первой необходимости, и на почве дороговизны, а также донесения и циркуляры МВД, Департамента полиции о настроениях населения региона [19, с.120]. Национальные и сословные противоречия не имели самодовлеющего значения. В силу чего регион вполне мирно принял Февральскую революцию, она прошла здесь без особых социальных и политических потрясений. События, которые в Феврале 1917 года достаточно быстро произошли в Петрограде, эхом откликнулись на Дону и Северном Кавказе.

Недовольство, проявляемое отдельными и незначительными социальными группами населения, не перерастало во всеобщие беспорядки. Революция носила для региона «газетный характер», и являлась отражением столичных событий, своеобразным внешним политическим событием [3].

При характеристике позиции региональных представителей власти к событиям Февраля 1917г, нужно отметить, что социальная структура региона имела особенность, которая была определяющей для выработки отношения представителей властных структур к событиям Февраля и в дальнейшем поиска и конструирования региональной модели власти. Ключевой фигурой являлось казачество (33% населения региона) или свыше 70% всего Российского казачества [5, с. 109; 25].

Необходимо учитывать огромную роль и влияние казачества на политическую жизнь региона. В момент свершения Февральской революции казаки столичных полков, когда убедились в ее необратимости, заняли позицию нейтралитета. А в станицах и хуторах свержение царизма в одних случаях вызвало недовольство, в других инертность. Фронтвики, сначала растерявшись, потом успокоились, считая, что казакам хуже не будет. Настроения казачества менялись от нейтралитета до полной поддержки Временного Прави-

тельства, о чем свидетельствуют материалы съездов Донского и Кубанского казачества, а также заседаний Войсковых кругов Донского и Терского [28]. Казачество представляло реальную политическую и экономическую силу. В руках казачества находился практически весь административный аппарат. Все это отразилось на формировании органов государственной власти. Поэтому на Дону, Кубани, Тереке буржуазии и мелкобуржуазной демократии пришлось делить власть с казачеством. Доминантная позиция казачества и его настроения оказывали огромное влияние на общее настроение в регионе, но прежде всего на позицию официальных властей, а также и городского населения, особенно казачьих районов и Областей.

23 февраля в Петрограде начались волнения, в России разразилась Февральская революция. Ее победа решилась в Петрограде. Как и следовало ожидать, проявление народного недовольства прорвалось по экономической линии.

Общая атмосфера в стране сказалась и на настроениях населения в регионе. Революция перекинулась и в провинцию. Наблюдался определенный небольшой рост недовольства. Поэтому генерал-губернаторы и наказные атаманы казачьих областей приказывали подчиненным им атаманам отделов, начальникам округов, полицмейстерам неусыпно следить за настроениями населения, о чем свидетельствуют циркуляры МВД, Департамента полиции [25].

5 марта 1917 года сообщалось в сводках МВД по региону: «Из Петрограда начинают разъезжать и появляться в тылу и в армии делегации, именующие себя представителями от рабочих и их партии. Они обезоруживают полицию и офицеров. Необходимо принять самые решительные меры, чтобы этот элемент не проник в армию и тыл, чтобы предотвратить дезорганизацию и анархию» [20].

Сообщения о распространении революции стали поступать из сотен городов страны, движение приобрело общенациональный характер [10, с.144]. Но ситуация в разных частях страны складывалась по-разному, исходя из экономических и социально-политических особенностей. Центральные города, естественно, страдали больше, чем провинция, а Петроград, который был отдален от производства продовольствия, добычи угля переживал острейший кризис.

На Дон и Северный Кавказ сообщения о революционных событиях в Петрограде дошли с некоторым опозданием. Реакция местных властей была очень осторожной, они выжидали. Только 2 марта 1917 года вышел экстренный выпуск газеты «Приазовский край». Были опубликованы телеграммы о событиях в столице. Наказной атаман граф Граббе призвал население области сохранять общественный порядок, спокойствие, строгое подчинение властям [25]. 4 марта была дана подробная информация о событиях в Петрограде: «Старая власть довела страну до полного развала, а народ до голодания. Терпеть стало невозможно. Население Петрограда вышло на улицы, чтобы заявить о своем недовольстве. Его встретили залпами. Вместо хлеба, царское

правительство дало народу свинец, но солдаты не захотели идти против народа и восстали вместе с ним» [25]. Население других городов Донской области узнало о совершении государственного переворота только в первых числах марта [20; 25].

В Ставропольской губернии растерявшаяся администрация не выдала редакциям телеграмм о событиях в Петрограде до 4 марта и лишь 5 марта они были напечатаны в местных газетах [20].

Такая же ситуация сложилась в Кубанской области и Черноморской губернии [20].

Как и в других местах региона, весть о победе Февральской революции и свержении самодержавия дошла до Терека в первых числах марта. Сдержанно и с большой осторожностью власти объявили об этом народу. «Терские ведомости» 3 марта писали: «Ввиду циркулирующих разнообразных слухов сообщается, что в Петрограде произошли события, вызвавшие перемену высших правительственных лиц, причем, в настоящее время пришло успокоение. Соблюдение полного спокойствия населения Кавказа крайне необходимо, как для обеспечения победы армии, так и безостановочного подвоза и снабжения населения продовольствием. 3-5 марта во Владикавказе и всех других городах области выходят официальные телеграммы. Везде полный порядок» [25]. 5 марта начальник Терской Области обратился к населению с воззванием, в котором довольно неясно и туманно говорилось об отречении Николая II от престола и необходимости всем гражданам России подчиняться Временному Правительству, «обличенному полнотой власти», и продолжать работу в строгом соблюдении его существующих законов и указаний [25].

Реакция населения, особенно городов, была иная, чем у официальных властей. Огромная масса народа бурно встретила Февральскую революцию. Практически во всех городах и крупных населенных пунктах региона состоялись митинги и демонстрации.

Вечером 2 марта в Ростове прошло многолюдное рабочее собрание, митинги проходили на улицах. 3 марта на руднике Парамонова состоялся 4-х тысячный митинг шахтеров и солдат военного лагеря, расположенного с рудником. Аналогичное событие произошло и в Александровск-Грушевском [25]. Обстановка в Таганроге описывалась так: «События последних дней в Петрограде вызвали необыкновенный подъем духа и глубокий интерес всего населения. Весть о революции и об избрании нового ответственного правительства, облеченного народным доверием быстро разносилась по городу, вызвав торжественное настроение» [28].

Ставрополье встретило революцию восторженно: «Народ у власти. Первые шаги Временного Правительства, взявшегося за устройство жизни, вызывают полное доверие. В селах и городах проходили митинги и демонстрации, срывались царские портреты. В некоторых селах крестьяне разоружали полицию» [26].

Население Терека восприняло события в Петрограде очень спокойно, о чем свидетельствовало донесение, о настроениях населения Владикавказско-

го округа за январь – февраль 1917 года, представленные Временному генерал-губернатору Терской области от начальника Владикавказского округа. В них делался вывод, что настроение жителей благожелательное, ничего предосудительного замечено не было [28]. Появление аграрного движения не отмечалось. Беспорядков со стороны иногороднего населения, по линии рабочего и профсоюзного движения, случаев забастовок также не было. В Терской области митингов, демонстраций, вооруженного сопротивления войскам и полиции не наблюдалось. В интеллигентских слоях настроения обыкновенные, не вызывающие никаких подозрений в политическом отношении. Не было замечено оживления деятельности политических партий. Далее, в донесении указывалось, что « в отношении населения к войне существенных изменений не произошло. Особых злободневных явлений и недовольства переживаемым моментом и распоряжениями правительства не было. Каких-либо выступлений политического характера не замечалось, как среди общественных организаций, так и среди рабочего класса и других слоев населения» [28].

В самом регионе к Февральским событиям относились неодинаково. Митинги и демонстрации, носившие мирный характер, состоялись только в городах и промышленных центрах региона: Владикавказе, Минеральных Водах, Нальчике, Пятигорске, Моздоке. Манифестации проходили с красными знаменами, основные лозунги: «Да здравствует обновленная Россия!», « Да здравствует власть народа!» [4, л.13].

В первых числах марта Грозный, Екатеринодар, Новороссийск, Туапсе, Геленджик отметили свершение революции собраниями, манифестациями. «Приазовский край» констатировал: «В Армавире энтузиазм населения не описуем. Гласные городской думы, на частном совещании постановили единогласно приветствовать новую власть» [25].

подавляющее большинство населения региона так же, как и всей страны, радовалось свержению царизма. Журнал горнопромышленников Юга России писал: «Свергнутая династия сконцентрировала на себе такую силу ненависти и презрения, что совершенно невозможно было рассчитывать на устойчивый порядок при монархической форме правления» [8, с.35].

«Приазовский край» характеризовал обстановку тех дней: «Из разных мест нашего обширного края – Донской, Кубанской и Терской областей, Ставропольской и Черноморской губерний поступают сведения, что население и войска с энтузиазмом встретили весть о смерти старого режима и о рождении новой молодой России. Царит полное спокойствие и порядок» [28].

В силу экономических и социальных особенностей, на Дону и Северном Кавказе была более узкая почва для ультрареволюционных настроений, а основа общедемократического движения шире. Отношения между социальными группами, городским сообществом и властью были не так антагонистичны и остры, как в центре России. Недовольство, проявляемое отдельными социальными группами населения, не перерастали в беспорядки. Вся об-

ширная периферия вполне мирно приняла революцию. Она носила политический характер.

Восприятия событий Февральской революции, и отношение к ним населения региона, в том числе и городских сообществ, а также в связи с особенностями регионального революционного процесса, формировали определенную линию поведения, следовательно, оказали влияние на специфику формирования органов власти новой государственности.

Взаимосвязь и взаимозависимость особых экономических и социально-политических условий, настроение различных слоев населения, в том числе и городских сообществ и региональной власти, и как следствие особенность революционного процесса нашли яркое подтверждение, как в ходе формирования, так и в процессе взаимодействия институтов власти Временного Правительства и местного самоуправления после Февраля 1917 года на Дону и Северном Кавказе. Двоевластие в регионе на деле приобрело более сложную конфигурацию, чем принято считать. Сформировалась демократическая (антицаристская власть), «демократическое многовластие», характер которой проявлялся в мирном сосуществовании разных органов власти, существовании коалиционных органов власти, что создавало пространство для политического сотрудничества, возможности компромиссов, политического диалога в решении насущных, жизненно важных вопросов.

Источники и литература

1. Актуальные вопросы историографии Октября на Дону и Северном Кавказе: Сборник статей / Отв. Ред. Козлов А.И. Ростов-н/Д, 1986.
2. Брызгалова И.Г. Формирование и деятельность местных органов власти на Дону и Северном Кавказе весной 1917 г.: Дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1995.
3. Брызгалова И.Г. Влияние особенностей социально-экономического и политического развития региона на процесс формирования институтов власти Временного Правительства и местного самоуправления после Февраля 1917 года (по материалам Дона и Северного Кавказа). // Сборник научных трудов «Актуальные вопросы современной науки - Актуальные вопросы истории и политологии». // Новосибирск.-2011.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6978. Оп. 1. Д. 391. Л. 13.
5. Гугов Р.Х., Козлов А.И., Этенко Л.А. Вопросы историографии Великого Октября на Дону и Северном Кавказе. Нальчик, 1988. С. 109.
6. Дон и Северный Кавказ в советской исторической литературе. Ростов-н/Д, 1972.
7. Дон Советский. Ростов-н/Д, 1986.
8. Измозик В. Оглянемся на историю. 1917 год: легенды и факты. // Наука и жизнь. 1991. № 2. С 35.
9. История народов Северного Кавказа. М., 1988.
10. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 144.
11. Кириенко Ю.К. Революция и донское казачество. Ростов-н/Д., 1988.

12. Кирьянов Ю.И. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914-1917 гг.) // Отечественная история. 1993. № 3 С.3-18.
13. Кирьянов Ю.И. Осведомительный материал о настроениях политических партий. // Московские новости. 1992. 29 ноября.
14. Козлов А.И. Актуальные вопросы истории борьбы за власть Советов на Дону и Северном Кавказе в 1917-1920 гг. // Вопросы исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1980. Вып. 2
15. Козлов А.И. Актуальность проблем истории казачества // Проблемы истории казачества XVI-XX вв. /Отв. ред. д-р ист. наук А.И. Козлов - Ростов н/Д: Изд-во Рост.ун-та,1995.
16. Козлов А.И. Возрождение казачества: (история и современность, эволюция, политика, теория). Ростов н/Д: Изд-во Рост.ун-та, 1996.
17. Козлов А.И. На историческом повороте. Ростов н/Д: изд-во Ростовского государственного университета, 1977. С. 29,88,84.
18. Козлов А.И. Социально-экономические, политические отношения, классовая борьба на Юго-Востоке России накануне Октября. Ростов н/Д. 1988.
19. Козлов А.И. Расстановка классовых сил на Дону и Северном Кавказе в период триумфального шествия Советской власти (октябрь 1917 – март 1918 гг.) // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа // Грозный. 1982. С.120.
20. Ростовская речь. 6, 17 марта 1917.
21. Кубанский край. 9 февраля 1917.
22. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II, М., 1992.
23. Октябрь на Дону Северном Кавказе. Ростов-н/Д, 1977. С. 30.
24. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М, 1991
25. Приазовский край. 19 января, 2, 3, 4, 5, 6, 7,8,9,17,18,19,23 марта, 6 мая, 14 мая 1917.
26. Северо-Кавказское слово. 12 апреля 1917.
27. Хмелевский К.А., Этенко Л.А. Современная советская историография борьбы за власть Советов на Дону и Северном Кавказе // История и историки. Историографический ежегодник. М., 1980.
28. Центральный Государственный Архив Северной Осетии (ЦГАСО), Ф. 24. Оп. 1. Д.42. Л. 1,3,6,28,30,32.

Казус Кузнецова: зауральский город и формирование гражданского общества

Ершов Михаил Федорович

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

кандидат исторических наук, доцент

mfershov@mail.ru

Провинциальный мир дает яркое представление как именно происходило (происходит, будет происходить) формирование гражданского общества в российской глубинке. В настоящей публикации предпринята попытка рас-

смотреть его становление через конкретику человеческих судеб. В качестве примера выбраны сюжеты, связанные с отдельными представителями интеллигенции города Шадринска начала XX в. В это время старый уездный центр Пермской губернии переживал не лучшие времена. Бурное железнодорожное строительство конца XIX в. за Уральским хребтом обошло его стороной. Предприниматели покидали неперспективный город. В тоже время здесь издавна существовала достаточно развитая местная культура, активно действовало городское и уездное земское самоуправление. В исторической памяти зауральцев сохранялись сведения о противостоянии государственной власти в периоды социальных потрясений: трагические самоожжения старообрядцев, восстание Пугачева, картофельные бунты, революционно-демократическое движение 60-х –70-х гг. XIX в.

В 1905 г. в Зауралье уже действовало революционное подполье, а на улицах Шадринска бывало, что разбрасывались антиправительственные издания. Неудивительно, что известие о Манифесте 17 октября вызвало в городе бурную реакцию части образованной публики. По воспоминаниям Н.В. Здобнова (ему тогда было всего 17 лет) земские служащие сначала вышли на демонстрацию, затем организовали молебен в здании управы. Официальные власти, обыватели, в особенности черносотенцы, восприняли действия интеллигенции крайне негативно: «земские бунтуют». Последовали угрозы, волнения. Одновременно в городе началось легальное создание общественных организаций, развернулась предвыборная борьба за места в Государственной Думе первого, а затем второго созыва. В непростых условиях местные либерально настроенные деятели пытались преодолеть жесткое противостояние в провинциальном мире, но особых успехов не добились [2, л. 4-9].

30 мая 1907 г. в городе произошел террористический акт: столяр Н.И. Попов убил уездного воинского начальника полковника Куньева [1, с.9]. Так партия эсеров отомстила одному из организаторов подавления Декабрьского вооруженного восстания в Москве. Громкое убийство спровоцировало запоздавшую активность жандармов. Репрессии коснулись не только убийцы (он был повешен), но и всех, связанных с Н.И. Поповым или общавшихся с ним в небольшом провинциальном Шадринске. К подозрительным лицам относились крестьянин И.М. Панов и почетный гражданин И.А. Бутковский, которые снимали квартиру в Шадринске совместно с Н.И. Поповым. По данным полиции с будущим террористом также поддерживали тесное общение мещане А.И. Елисеев, Л.И. Куликов, архитектор городской управы В.А. Рябов, аптекарский ученик К.А. Снежницкий. Последний некоторое время также проживал на одной квартире с Поповым [3, л. 1-4].

Среди лиц, причастных к нежелательному знакомству, оказались представители земской интеллигенции: руководитель местного отделения партии кадетов врач А.Е. Кузнецов и уже упоминавшийся Н.В. Здобнов. Всех неблагонадежных административно выслали из города. В Шадринск им разрешили вернуться только после отмены положения об усиленной охране в 1910 г. Дело А.Е. Кузнецова, которому, несмотря на протесты Шадринского земства,

было запрещено проживание в городе, представляется особенно характерным. Земский служащий, пытаясь добиться отмены несправедливого решения, подробно и откровенно изложил своё мировоззрение и политические предпочтения в записке пермскому губернатору. Записка отложилась в фондах губернского жандармского управления.

А.Е. Кузнецов пояснял в записке, что он, по времени его рождения, – из поколения «девяностников», для которых характерен обостренный интерес к политике. Он считал, что для России оптимально конституционное правление. Кузнецов полагал, что эта скрытая мечта получила возможности для реализации после октябрьского Манифеста. С начала 1906 г. автор записки начал легально вести предвыборную борьбу в пользу партии кадетов. При этом Кузнецов, по его утверждению, «никогда не говорил об Учредительном собрании, классовой борьбе и вооруженном восстании». Он также относил себя к патриотам Шадринска, в котором жил с малых лет и где 11 лет трудился земским врачом. Кузнецов считал, что единственное, что могло быть поставлено ему в пассивную вину – обширный круг знакомств, родственные связи и гостеприимство по отношению к шадринцам, которые чтят память его отца [3, л.15-17].

Действия властей во многом опрокинули его мечты. По мнению жандармов, легальная политика кадетов служила лишь прикрытием для революционной деятельности эсеров. В частности, в секретной переписке политический взгляд юного Н.В. Здобнова характеризовались однозначно, без полутонов: «нет сомнений, что он принадлежит к партии социал-революционеров и им руководит и во всем ему способствует местная партия кадетов, состоящая из социалистов революционеров, но прикрываемая партией кадетов, т.е. партией народной свободы». Обоснование данного обвинения во многом исходило из пресловутого «квартирного вопроса». Оказывается, председатель местного отделения партии кадетов А.Е. Кузнецов был связан с секретарем этого отделения ветеринарным врачом А.П.Хомутовым, проживавшим в одном доме с К.А. Снежницким... Кроме того, якобы шурином А.Е. Кузнецова, сын священника М.М. Оранский «пьяным признавался в принадлежности к эсерам помощнику Шадринского уездного исправника».

Случай с Кузнецовым не был чем-то исключительным. Нечто подобное произошло и с Н.В. Здобновым. Как и его старший сослуживец по земству А.Е. Кузнецов, он также, судя по его дневнику 1907-1910 гг., размышлял о своей судьбе и своем предназначении. «Нет! Я не бездарен! Я чувствую в себе силы немалые; душа моя не мелка и ум не узок. Я мог бы сделать в жизни крупное дело. И моя страстность и те благородные стремления и порывы, что воспринял еще в детстве от Лермонтова и Некрасова, служат мне порукой, что я не прожил жизнь бесследно, если бы не те убийственные условия, в которых прошла моя ранняя юность. Ведь всё, что я имею в своем умственном багаже, почти целиком собственное, личное мое приобретение, а в значительной мере и завоевание. Среда дала мне в этом смысле слишком мало. Узость интересов и убийственное отсутствие знаний – вот характеристика этой сре-

ды. Только отец являлся единственным источником, но и он не так-то высоко поднимался над этой средой. Она задушила его; и душила меня. Выход из этой среды стоил мне огромного напряжения всех моих жизненных сил». В этих емких строчках отобразена семейная драма Н.В. Здобнова: его заботливый, но консервативный отец крайне болезненно воспринял участие сына в революционных событиях [5, с. 19-21].

Исторические источники свидетельствуют, что взгляды Н.В. Здобнова на провинциальный мир были достаточно типичны для молодых людей того времени [4, с. 230-231]. Неприятие собственного окружения подталкивало социально активную личность к радикальным поступкам. Земская карьера Н.В. Здобнова, только начавшаяся в пятнадцатилетнем возрасте, была оборвана административной высылкой. Вологда, Уфа, Новгород, Вятка, Череповец, Тихвин, Курган, Екатеринбург, Челябинск, а то и тюрьмы стали местами его временного проживания. Несколько раз подавал прошения о возвращении в Шадринск, чтобы помочь престарелым родителям: отец приближался к 70-летнему, мать, страдающая пороком сердца, – к 60-летнему возрасту. Но власти не допустили Н.В. Здобнова даже на похороны отца [3, л.36-62].

Вряд ли внесудебная административная ссылка содействовала уменьшению степени радикализма молодого человека. После того как Н.В. Здобнов все-таки сумел добиться возвращения в Шадринск, он организовал здесь оппозиционную газету. Весьма характерно, что в родном городе Н.В. Здобнов предпочитал использовать прежние земляческие связи, и авторитет покойного отца, много лет трудившегося в земстве. Характерно, что оппозиционность Здобнова была во многом направлена и против патриархальной городской верхушки, в пользу молодого поколения предпринимателей. Н.В.Здобнов в будущем будет выбран в члены Учредительного собрания, затем примет участие в Гражданской войне на стороне белых, публично откажется от их идеологии и станет известным советским библиографом. Его яркая жизнь оборвалась в мае 1942 года в застенках НКВД [5, с.242-247].

В 1910-1911 гг. А.Е. Кузнецов, мечтавший дать образование своим пятерым детям, И.А. Бутаковский, отбывавший ссылку в Троицке и не видевший несколько лет жену и шестеро детей и еще неженатый Н.В. Здобнов вернулись, наконец, в Шадринск. Революционные события начала XX в. в этом городе показывают, что в их мировоззрении, равно как и в мировоззрении других провинциалов, присутствовало причудливое переплетение старого и нового. Интересно, что элементы прежних патриархальных нравов обнаруживаются не только в действиях властей, но и формирующейся оппозиции. Для её представителей всё еще значимыми были ценности разлагающейся городской общины, с её потомственными личными связями, и привязанностью к своей малой родине.

В ряде случаев наивная, незрелая политическая активность индивидов воспринималась властями и обществом неадекватно: как бунт взрослых детей против дряхлеющего старшего поколения. На провинциальном уровне это порождало конспирологические настроения, дурные поиски опасных кон-

тактов, источников политического «заражения» неустойчивых лиц, изоляционистские настроения. Всевышеизложенные материалы являются ярким свидетельством незрелости провинциального гражданского общества, формирование которого в России не завершено и по сей день.

Источники и литература

1. Буткин Н.Г. Воспоминания о Шадринске // Шадринский альманах. Выпуск второй (1998). Шадринск, 1998.
2. Государственный архив города Шадринска (ГАШ). Ф.р-1019. Оп.1. Д.34.
3. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф.65. Оп.5. Д.181.
4. Ершов М.Ф. Очерки провинциального мира Зауралья: города и люди конца XVIII – начала XX вв. Ханты-Мансийск, 2010.
5. Коган Е.И. Николай Здобнов: Жизненный путь книговеда. М., 1997.

Особенности менталитета молодежи городов Юга России в контексте пространственно-временной ретроспективы

Дулина Надежда Васильевна

Волгоградский государственный технический университет

доктор социологических наук, профессор

nv-dulina@yandex.ru

Каргаполова Екатерина Владимировна

Астраханский архитектурно-строительный университет

доктор социологических наук, доцент

k474671@list.ru

Фомина Елена Алексеевна

Северо-кавказский федеральный университет

кандидат психологических наук, доцент

fea30@mail.ru

Менталитет больших социальных групп, в том числе и региональный менталитет, детерминирован особенностями природно-ландшафтного, производственно-хозяйственного, историко-социального развития конкретной территории. Под влиянием пространственно-временной ретроспективы формируется региональный тип менталитета, определенное самоощущение человека, которое передается через его принадлежность к территории. В этом смысле можно говорить об астраханцах, волгоградцах и ставропольчанах. Сопоставительный анализ «астраханской», «волгоградской» и «ставропольской» частей массивов общероссийских социологических исследований современного студенчества, инициированных и реализованных Российским обществом социологов* подтверждает существование особенностей внутренних качеств личности молодых астраханцев, волгоградцев и ставропольчан.

С одной стороны, Астрахань, Волгоград и Ставрополь – это города Юга России. Этот регион с древности был «Вратами народов», этническим котлом, что определяет его уникальное евразийское положение и веротерпи-

мость его жителей. С точки зрения геополитической теории Х. Маккиндера, выделяющего хартленд («сердцевину») и «внутренний полумесяц», территория Юга России – это «внутренний полумесяц», то есть маргинальные территории, находящиеся на пересечении водных и морских путей, в развитии цивилизации. Это – граница. Причем контроль не над хартлендом, а именно на римлендом является ключом к мировому господству.

При этом жители каждого из этих городов отличаются особенностями менталитета, которые фиксируются в различиях результатов социологических исследований. Так, молодые астраханцы проявляют себя как носители «крестьянского» менталитета с присущими ему коллективизмом, эмоциональностью, иррационализмом, тогда как волгоградцы – как носители «городского» типа менталитета. Поэтому волгоградцы больше индивидуалисты, прагматики, «интерналы».

Разницу в ответах между астраханцами и волгоградцами можно объяснить численностью населения: Волгоград – город-«миллионник», в Астрахани же проживают чуть более полумиллиона человек. Но существует также разница между ответами астраханцев и ставропольчан, которую нельзя объяснить только численностью жителей. В Ставрополе проживает 426 тыс. чел., и молодые ставропольчане проявляют себя также, как и астраханцы, как носители крестьянского типа менталитета. Но они в большей степени как законопослушны, лояльны к власти.

Причина заключается в исторических особенностях освоения территории нынешних Астраханской области и Ставропольского края. Заселение Астраханской области проходило «самотеком», вне институционального давления, кроме того со времен Петра I – это традиционное место ссылки, что, вероятно, определяет большую степень маргинальности ценностного сознания астраханцев. А заселение Ставропольского края проходило по инициативе и под контролем государства. Первыми сюда пришли военные, что и детерминирует выявленную нами степень законопослушности и лояльности ставропольчан.

Социологические исследования «XIV Зимняя Олимпиада и XI Зимняя Паралимпиада глазами россиян, Сочи–2014» «Студенчество о Великой Отечественной войне (2015 г.), «Студенты о социальном неравенстве и социальной справедливости» (2016 г.). Технические параметры исследования представлены на сайте РОС. В Астрахани, Волгограде и Ставрополе исследования проводились под руководством авторов статьи.

Городское самоуправление Ставрополя в годы Гражданской войны (1918-1920 гг.)

Кондрашова Анастасия Александровна
Северо-Кавказский федеральный университет
кандидат исторических наук
smartly10@mail.ru

В 1918 году в Ставропольской губернии были образованы новые органы советской власти. Несмотря на постановление СНК о роспуске Ставро-

польской городской думы, она продолжала считать себя полномочным органом самоуправления, избранным по демократической избирательной системе на основе всеобщего голосования. Ставропольская городская дума вела большую политическую активность против советской власти, опираясь на местную печать и население. Однако обращения Ставропольской городской думы к жителям не вызывали в нем поддержки, большинство населения губернии оказывало доверие власти советов и поддерживало большевиков. В деятельности городского общественного управления Ставрополя наступил новый сложный этап.

Советская власть установилась в Ставропольской губернии в 1918 году ненадолго. 8 июля 1918 года в город Ставрополь вступила Добровольческая армия. И.Д. Сургучев в восторженных выражениях описывал вступление белогвардейцев в Ставрополь: «Ликованию города не было предела. Было такое ощущение, будто вы приехали в незнакомый город. Откуда-то, из каких-то неведомых тайников, из колодезей, из-под земли люди достали зарытые и спрятанные вещи, в каждом доме беспрестанно и торопливо разводили утюги, гладили, как дети... радовались, что можно вычистить ногти, не нужно носить латаных брюк...» [19, с.13]. Однако рабочие и мещане не поддерживали ликование городской буржуазии. «Откуда они только взялись? Как травка после дождя, так и повылазили!» – заявляли они о внезапном появлении на улицах массы буржуазии [4, л.1об.].

Сразу по вступлении в город военный губернатор генерал П.В. Глазенап издал приказ, согласно которому Ставрополь объявлялся на военном положении. Городская милиция и бюро профессиональных союзов продолжали охрану общественного порядка в городе [4, л.1об.].

На следующий день, 9 июля 1918 года, военный губернатор допустил к временному исполнению своих обязанностей городского головы Н.Г. Дидрихсона и поручил ему сформировать временную городскую управу. На следующий день военным губернатором была восстановлена Ставропольская городская дума последнего созыва. Городской думе, до прибытия председателя губернской земской управы, было вверено взять на себя все капиталы и имущество земств. Все распоряжения советской власти аннулировались [4, л.1об.]. В это же день губернатор создал при городской управе комиссию с представителем от Добровольческой армии по реквизиции частных и общественных помещений для размещения прибывших белогвардейцев.

20 августа 1918 года Ставропольская городская дума образовала комитет по оказанию помощи Добровольческой армии и открыла сбор средств в ее пользу [10]. За месяц в кассу городской управы поступила сумма в 579036 рублей [14]. 7 сентября 1918 года делегация Ставропольской городской думы была принята генералом А.И. Деникиным. Делегация состояла из трех лиц: городского головы Н.Г. Дидрихсона, председателя городской думы В.М. Краснова и гласного думы А.Д. Колычева. Городской голова лично вручил командующему Добровольческой армии генералу Деникину 500 тыс. рублей, вложенные в шкатулку художественной работы [16].

Вместе с этим, делегация Ставропольской городской думы представила А.И. Деникину докладную записку, в которой было возбуждено ходатайство «...о восстановлении органов самоуправления в губернии» [16].

8 сентября 1918 года генерал А.И. Деникин и его свита прибыли в город Ставрополь. На приветствие городского головы Н.Г. Дидрихсона на вокзале Деникин заявил, что Ставропольская губерния представляет собой «центр первой русской губернии Государства Российского» [7, с.201-202]. С вокзала все направились в Кафедральный собор, пока шло богослужение, на Соборной площади расположились с цветами учащиеся, а у паперти собора многочисленная депутация, изъявившая желание приветствовать вождя Добровольческой армии [8, с.120]. Представители ставропольской городской торговли и промышленности, обращаясь к генералу А.И. Деникину, выразили надежду на то, что будут восстановлены все отрасли народного хозяйства.

Однако большинство городского населения Ставрополя было против Добровольческой армии и восстановленного городского общественного управления. Протесты против Ставропольской городской думы высказывались жителями и во время пребывания в городе белогвардейцев.

С большинством населения Ставрополя, состоящего из мещан, крестьян и рабочих Добровольческая армия идейной связи не имела. Поэтому власть белогвардейцев держалась исключительно на военной диктатуре, для осуществления которой была выработана особая система. Каждая губерния и область, занятые Добровольческой армией, составляли военные губернаторства, управляемые генерал-губернаторами. Военные права последних приравнивались к правам командиров корпусов. Власть уездных начальников приравнивалась к правам полковников. Уезды разбивались на районные комендантства. Власть районного коменданта равнялись власти командира батальона. Коменданты могли быть и в отдельных селах, однако тогда комендант являлся ротным командиром [7, с. 206]. Каждый комендант наделялся неограниченной властью. В городе, кроме комендантства, учреждалась еще городская военная стража, которая заменила собою милицию. 20 июля 1918 года военный губернатор изъял городскую милицию из ведомства Ставропольской городской думы и подчинил себе через губернское управление [4, л. 5. об.].

В ноябре 1918 года военный губернатор упразднил временное городское самоуправление, городской голова Н.Г. Дидрихсон вступил в свои обязанности [15]. Однако в декабре того же года Н.Г. Дидрихсон решил покинуть пост первого лица городского общественного управления [17]. Еще в августе 1918 года среди городских гласных социалистического толка появилось требование о смене городского головы Н.Г. Дидрихсона на председателя городской думы В.М. Краснова, более импонирующего им своей работой [18].

В январе 1919 года в связи истечением срока полномочий Ставропольской городской думы согласно временным правилам о производстве выборов, военный губернатор объявил, что полномочия городской думы исчерпаны [5,

л.28об.]. Однако до издания нового положения о выборах гласные старого состава думы должны были исполнять свои обязанности.

Белогвардейцы восстановили городское общественное управление, уездное казначейство и продовольственную комиссию. Вновь открылось отделение губернского союза потребительских обществ, обслуживающее предпринимателей. Однако белогвардейцам не удалось наладить финансовую политику, что выразилось в развале их денежной системы осенью 1919 года. Генерал Эрдели телеграфировал начальнику уезда: «всех лиц, уличенных в отказе принимать... денежные знаки, немедленно арестовывать и передавать военно-полевому суду».

В годовщину освобождения Добровольческой армией Ставрополя 8 июля 1919 года Ставропольская городская дума приняла решение в знак «глубокой благодарности и признательности Добровольческой армии»: 1) ознаменовать день 8 июля особым торжеством; 2) переименовать одну из школ «имени Генерала Деникина», улицу «Добровольческой армии», а также учредить по три стипендии в мужском и женском высших начальных училищах, по одной «имени вождей Добровольческой армии» Алексеева, Корнилова и Деникина [11].

Летом 1919 года шла активная подготовка населения к выборам в Ставропольскую городскую думу, проходили собрания и предвыборные кампании. На собрании городских служащих 10 августа 1919 года в городскую управу для представительства от городских служащих и участия их в предвыборной и выборной работе была избрана особая комиссия из 5 лиц. По вопросу о выборах гласных в городскую думу было высказано пожелание о вступлении в блок с демократическими организациями и социалистически настроенными общественными деятелями и группами. Собрание высказало свое решение в таких словах: «...Ни в коем случае не выставлять кандидатов в гласные лиц, ведущих борьбу против демократии и в частности более или менее крупных домовладельцев, ибо они способны жаждать и требовать, самого чудовищного квартирного закона... чтобы всю тягость вызываемого государственной необходимостью роста налогов перенести на пролетария... Таким лицам не место в городском общественном управлении не только по выборам, но даже и по вольному найму» [10].

7 декабря 1919 года состоялось первое заседание вновь избранной Ставропольской городской думы [12]. Основным вопросом первого заседания были выборы руководства городской думы и управы. Городским головой был избран Р.Р. Глиндзич, товарищами городского головы стали В.А. Богословский, Д.Д. Старлочанов, Г.Т. Сизов. Председателем городской думы гласные избрали Е.Г. Маслова [13].

К началу 1920 года фронт вновь стал приближаться к Ставропольской губернии, Красная армия наступала широкой полосой. По приказу губернатора 22 января 1920 года для рытья окопов вокруг города Ставрополя была сформирована рабочая артель в 1000 человек [7, с. 214]. Однако доведенные до полного отчаяния горожане были готовы принять любую власть, которая

положила бы конец разгулу насилия. Это настроение горожан совпало с полосой побед красноармейцев, что и стало основной причиной их окончательной победы. 29 февраля 1920 года после многодневных ожесточенных боев части XI Армии освободили Ставрополь, белогвардейцы отступили к Армавиру.

В день освобождения города Ставрополя на собрании ответственных политических работников ударной группы XI Армии было принято решение упразднить все старые правительственные учреждения, создать Ставропольское бюро РКП(б) и организовать временный губернский революционный комитет. 1 марта 1920 года С.М. Киров сообщил об утверждении в Ставрополе временного ревкома в составе председателя – Сергунина, Иконицкого, Сазонова и Побегущева [3, л.215].

9 марта того же года правление союза служащих Ставропольского городского общественного управления обратилось в губревком с письмом, в котором просило советскую власть гарантировать служащим, несущим общественные обязанности, личную, имущественную и жилищную безопасность, наряду с членами чисто рабочих трудовых организаций [2].

31 марта 1920 года приказом Северокавказского ревкома за подписью Г.К. Орджоникидзе был создан Ставропольский губернский ревком в составе председателя С. Петренко, заместителя председателя Батулина, и членов ревкома: М. Акулова, В. Иконицкого, К. Торжинского [9, с. 124]. Губернским ревкомом была немедленно установлена связь с уездными революционными комитетами.

Весной 1920 года Красная армия разгромила Добровольческую армию и вытеснила белогвардейцев с территории Северного Кавказа. 2 апреля 1920 года Г.К. Орджоникидзе телеграфировал В.И. Ленину: «Освобождение от белых всего Северного Кавказа, Кубани, Ставрополя, Терской и Дагестанской областей стало совершившимся фактом... Революционное настроение, массово во многих местах достигает такого напряжения, что еще задолго до прихода к ним Красной Армии население по собственной инициативе сбрасывает власть белых, избирает ревкомы, всегда состоящие исключительно из одних коммунистов» [9, с. 124-125].

С 4 апреля 1920 года в Ставрополе стала выходить новая газета «Власть советов», ставшая органом губернского исполкома. О направлении этой газеты говорилось в передовой статье первого номера: ««Власть советов», согласно задания Исполнительного комитета, должна быть органом лево-социалистическим, но беспартийным и при том органом крестьянским» [1]. Редактором газеты был назначен Н.Н. Троицкий. В Ставропольской губернии началась полоса социалистического строительства.

Таким образом, Гражданская война резко изменила нормальное течение деятельности городского общественного управления Ставрополя. С роспуском Ставропольской городской думы в системе городского самоуправления начался саботаж, но продолжался он недолго. Все саботажники были заменены новой властью работниками с биржи труда. Советская власть старалась

направить работу всех городских служб в нужное русло, решала сложные задачи по наведению порядка в городе, разрешала проблемы во всех сферах общественно-политической, социальной и экономической жизни. Население города встречало советскую власть неоднозначно, однако большая часть городских жителей оказывала поддержку Красной армии в борьбе с белогвардейцами.

Источники и литература

1. Власть советов. 1920. 4 апреля.
2. ГА СК. Ф.100-р. Оп.1. Д.28. Л.72 //Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917-1928 годах. Сборник документов. Ставрополь, 2009. С.405.
3. ГА СК. Ф.1652-р. Оп.1. Д.2.
4. ГА СК. Ф.870-р. Оп.1. Д.1.
5. ГА СК. Ф.870-р. Оп.1. Д.11.
6. ГА СК. Ф.870-р. Оп.1. Д.2.
7. Головенченко Ф., Емельянов Ф. Гражданская война в Ставропольской губернии (1918-1920 гг.). Исторический очерк. Ставрополь, 1928. 221 с.
8. Краснов В.М. Из воспоминаний о 1917-20 гг. //Архив русской революции. Т.8. М., 1991.
9. Очерки истории Ставропольской организации КПСС. Ставрополь, 1970. 632 с.
10. Родная речь. 1919. 13 августа.
11. Родная речь. 1919. 14 июля.
12. Родная речь. 1919. 6 декабря.
13. Родная речь. 1920. 24 января.
14. Ставропольские ведомости. 1918. 20 сентября.
15. Ставропольский ведомости. 1918. 13 ноября.
16. Ставропольский ведомости. 1918. 14 сентября.
17. Ставропольский ведомости. 1918. 16 декабря.
18. Ставропольский ведомости. 1918. 19 августа.
19. Сургучев И.Д. Бесы русской революции. Зверства большевиков в Ставрополе. Б.м. Б.г.

Досуговые объединения горожан российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Кубанской области и Черноморской губернии)

*Кривоконь Анна Владимировна
Кубанский государственный университет
кандидат исторических наук, преподаватель
ayutaKR@yandex.ru*

Наиболее распространенной формой досуговых объединений в Российской империи были клубы, именуемые также «собраниями». Цель данных учреждений так и звучала – доставлять «своим членам и их семействам воз-

возможность проводить свободное время с удобством, приятностью и пользой» [40, л.5].

Исследование клубов началось еще в дореволюционный период (А. Барсуков «Российское благородное собрание в Москве, по сохранившимся архивным документам» (1886), В. Науменко «К истории киевского дворянского собрания» («Киевская Старина», 1889, № 2) и др.), но в советское время ученых в основном стали интересовать организации, занимавшиеся культурно-просветительской работой среди населения, досуговые же объединения оставались в стороне от их внимания. В последние два десятилетия тема клубной культуры вновь актуализировалась. Одним из крупных исследователей в области самоорганизации российской общественности в конце XVIII в. – начале XX в. является А.С. Туманова, которая наряду с благотворительными, профессиональными, просветительскими и другими видами общественных организаций изучает и досуговые объединения [44; 45]. Процесс формирования клубной культуры на Дону и Северном Кавказе в XIX – начале XX в. рассматривался Е.Ю. Любушкиной [17].

Первые клубы появились в России при Екатерине II в среде иностранцев (в основном англичан), затем инициатива перешла к россиянам. В первую очередь новое веяние затронуло столицы, но со временем свое собрание появилось практически в каждом городе (в некоторых и не одно). Существовали они и в некоторых сельских поселениях. Нередко клубы одного населенного пункта конкурировали между собой.

На Кубани и в Черноморье первые клубы появились в середине XIX в., связано это было с особенностями колонизации региона. В Екатеринодаре еще в дореформенный период открылось Войсковое собрание, примерно в 1864 г. здесь было основано купеческое собрание [4], затем появились 1-е городское общественное собрание и 2-е городское общественное собрание [7, л.44, 55]. 26 мая 1908 г. в реестр обществ и союзов был внесен клуб Общества приказчиков [11, л.13об.]. В Ейске существовали три клуба: городской общественный (1890), купеческий (1889) и общества приказчиков (1895) [7, л. 40 – 40 об.]. В Майкопе с конца XIX в. действовало общественное собрание, а в начале XX в. к нему добавился Коммерческий клуб. В 1879 г. открылось Армавирское общественное собрание, много позднее, в 1908 г., - Армавирское собрание служащих в общественных и частных учреждениях [11, л.5 об.]. В Анапе, Сочи и Темрюке находилось только по одному клубу, в Новороссийске и Туапсе к 1914 г. – по два (1-е и 2-е общественные собрания) [43; 51, с.156]. В столице Черноморской губернии существовал также Женский клуб (по сведениям из справочника Г. Москвича, первый в России) [33, с.389].

Изначально клубы объединяли горожан по сословному или профессиональному критерию (благородное, купеческое, городское общественное собрание и т.д.), однако со временем их четкая направленность разрушалась, и они открыли двери для представителей местной общественности «без различия званий и сословий» [45, с.108-109].

Деятельность собраний регламентировалась их уставами. До выхода в 1874 г. так называемого нормального устава, т.е. устава, рекомендуемого правительством, собрания руководствовались собственными правилами и уставами, которые были однотипны и различались несущественно. Например, в 1871 г. «дворяне и горожане города Темрюка» обратились к городскому голове с просьбой открыть Общественное собрание. Городской голова в свою очередь направил запрос начальнику Кубанской области. Последний разрешил учредить клуб только на один зимний сезон. Если «опыт оправдает полезную цель» и укрепит во мнении, что открытие собрания необходимо, начальник области давал согласие на учреждение «полноценного собрания» при условии разработки новых правил с учетом полученного опыта [12, л.1, 5 – 5 об.]. Пока же клуб руководствовался временными правилами, где указывались график работы собрания, направления его деятельности, правила посещения и поведения, состав собрания.

В 1874 г. вышел нормальный устав для собраний Российской империи, и данные учреждения по всей стране были подчинены единым правилам. Региональный аспект не был ярко выражен в их деятельности. Различия заключались лишь в незначительных моментах, относящихся к активности работы клубов и их посещаемости.

Прежде чем утвердить устав того или иного собрания, власти тщательно проверяли учредителей на политическую благонадежность. К примеру, полицмейстер Армавира характеризовал учредителей Армавирского собрания служащих в общественных и частных учреждениях следующим образом: «поведения и нравственных качеств хороших, ни в чем предосудительном замечены не были и никаких целей, кроме целей общества не преследуют» [10, л.12 – 12 об.].

В вопросе основания общественных организаций проявилось предвзятое отношение государственных властей к евреям. В «Правилах для вновь открываемых обществ», утвержденных министерством внутренних дел в 1905 г., их учредителями не должны были являться исключительно или в большинстве лица иудейского вероисповедания. Власти боялись, что в противном случае общества станут преследовать «цели прибыли» [14, л.118 – 118 об.].

Членами клубов могли быть лица всех сословий и национальностей, кроме женщин, несовершеннолетних (до 18 лет), учащихся, состоящих на действительной военной службе нижних чинов и юнкеров, членов, раз исключенных из собрания и лиц, ограниченных в правах по суду [40, л.6]. В уставах некоторых клубов бывали небольшие отступления. Так, в уставе клуба Ейского общества приказчиков в перечень лиц, не имеющих права вступать в собрание, добавлялась прислуга [9, л.7]. В уставе Армавирского собрания служащих в общественных и частных учреждениях было прописано, что лица, выбирающие промысловые свидетельства первых двух разрядов на торговое предприятие и первых четырех разрядов на промышленные предприятия, могут быть только гостями [10, л.24 – 24 об.]. Члены клубов делились на действительных, почетных и учредителей. Действительные члены и учредители

вносили ежегодную плату в кассу клуба, почетные от взноса освобождались [39, л.5об–6]. Сумма устанавливалась учредителями и прописывалась в уставе, поэтому могла различаться в зависимости от клуба. Например, согласно уставу Темрюкского городского общественного собрания, утвержденному в 1876 г., ежегодная плата составляла 20 руб. [13, л.2] В Анапском общественном собрании, по уставу 1878 г., сумма членского взноса равнялась 15 руб. [8, л.19].

В клуб за определенную плату допускались и так называемые гости (лица, имеющие право быть избранными в члены собрания). Они могли попасть в клуб только по рекомендации члена, который записывал фамилию и звание гостя в особую имеющуюся у швейцара книгу, и отвечал как за его поведение, так и за долги [40, л.7 об.].

Как уже стало ясно из вышесказанного, пространство клуба являлось мужским миром. Женщины допускались сюда только в качестве гостей. Появившийся в 1914 г. в Новороссийске Женский клуб столь поразил местную «мужскую» общественность, самим фактом своего существования, нетипичного для того времени, что на него в сатирической печати посыпались довольно едкие шутки. Часть современников-мужчин относилась явно скептически к этому учреждению и его деятельности, а также открыто сомневалась в интеллектуальных способностях женщин:

«В ночь на Светлое Воскресенье в Женском клубе будет прочитан реферат: “О влиянии луны на табуретку, по произведениям И.С. Тургенева”. Вход исключительно в узких юбках» [37].

Сам Женский клуб сравнивался с ветряной мельницей, а его заседания с плохой кухаркой, которая «готовит черт его знает что» [29; 30]. Женщин-членов клуба обвиняли в том, что они забыли свое прямое предназначение – заниматься детьми и домом [30]. Такие высказывания красочно иллюстрируют зависимое и даже угнетенное положение представительниц слабого пола в начале XX в.

Располагались клубы в арендованных или собственных зданиях. Обычно каждое собрание имело зимнее и летнее помещения. Внутреннее пространство здания включало библиотеку или читальню; бильярдную, «карточную»; буфет или ресторан; танцевальный зал.

Время открытия клуба обычно не прописывалось в уставе, зато указывалось время закрытия (обычно 1 ч. 30 мин. или 2 ч. ночи). Оставшиеся после этого времени посетители платили при выходе штраф в пользу клуба. В частности, пребывать во 2-м Новороссийском общественном собрании разрешалось до половины второго ночи. Затем необходимо было заплатить штраф при выходе за первые полчаса 30 коп., вторые – 90 коп., третьи – 2 руб. 10 коп., четвертые – 4 руб. 40 коп., пятые – 9 руб. 30 коп., шестые – 18 руб. 90 коп., седьмые – 38 руб. 10 коп. После собрания обязательно закрывалось. В дни проведения концертов, вечеров, юбилеев и других мероприятий срок пребывания в собрании предоставлялся на усмотрение клуба. В три послед-

них дня страстной недели, первый день Пасхи, на Рождество и Крещение собрания не работали [40, л.5об.– 6].

Год для посетителей клуба делился на летний (примерно с апреля по октябрь) и зимний (с октября по апрель) сезоны. Особенно насыщенным мероприятиями был зимний сезон, ведь в это время из спектра досуговых практик исключались многие развлечения на свежем воздухе и поездки за город, на курорты.

Делами клуба управляли Общее собрание и Совет старшин. Совет старшин определял дни для балов, маскарадов и других увеселений, плату за входные билеты, цены на еду и напитки, за карты, бильярдную игру и проч. [40, л.8, 9] От старшин зависело, насколько активно будет действовать клуб. К примеру, в 1913 г. корреспондент туапсинской прессы сетовал на то, что еще недавно жизнь во 2-м Общественном собрании посада была через край, но сменился состав старшин, которые ничего не делают, и теперь оно «спит» [35].

Для наблюдения за порядком в собрании каждый вечер назначался дежурный старшина. Он улаживал споры и недоразумения между посетителями по карточным расчетам и вообще по игре. Если стороны оставались недовольны его постановлением, то Совет старшин решал этот вопрос окончательно [40, л.11 об.].

От посетителей требовали соблюдения приличий и вежливости. Нарушителю делалось предупреждение, а в случае «нетерпимых в образованном обществе» действий, его просили покинуть клуб и составляли протокол, который рассматривал Совет старшин. Гость лишался права посещения навсегда, члена клуба могла постигнуть та же участь. Относительно него окончательное решение принимало Общее собрание [40, л.10 об. – 11]. Так, 5 июля 1905 г. за какие-то неблагоприятные действия Общее собрание членов Темрюкского общественного собрания постановило запретить темрюкскому городскому голове С.Ф. Асмолову и врачу М.И. Киселеву посещать клуб в качестве гостей [24].

Существовали определенные нормы относительно костюма посетителей клуба. На музыкальные вечера в Войсковом собрании Екатеринодара в 1905 г. устанавливалась форма одежды «вседневная» [25]. По правилам Темрюкского общественного собрания от 1871 г., на танцевальные вечера военнослужащие члены клуба и гости обязаны были являться в виц-мундирах, а гражданские в черных сюртуках [12, л.3].

В некоторых клубах создавалась атмосфера избранности и исключительности. Не каждый мог свободно проникнуть в пространство такого учреждения. Доказательством может служить высказывание корреспондента «Туапсинских откликов», возмущенного тем, что во время инцидента, случившегося в 1-м общественном собрании «хозяином явился» не дежурный старшина, а сторож сада: «Недоразумения должен выяснять старшина, а не какой-то там сторож, который собственно и не имеет права входить в клуб без зова старшины. Ведь клуб – не третьеразрядный кабак, куда может при всяком ин-

циденте являться сторож или городской» [48]. Сочинец К.А. Гордон характеризовал Общественное собрание посада до 1910 г. как «клуб обеспеченных и в массе ретроградно мыслящих людей» [1, л. 132].

В пространстве клуба отношения между посетителями зачастую строились на социальном неравенстве. А.П. Чехов продемонстрировал в сатирическом рассказе «Маска» привилегированное положение вышестоящих лиц в пространстве клуба, которым дозволялось нарушать установленные для всех правила [52].

Когда членами клубов оказывались лица разного социального положения, это могло привести к конфликтам. Например, из статьи И. Борисова «Брожение умов» следует, что в Туапсе в 1913 г. 1-е Общественное собрание находилось «в агонии», из-за разделения его членов на две партии, «полного и тощего кармана», вступившие друг с другом в борьбу. «Для материального процветания клуба важна партия полного кармана, ибо она играет в карты, прилично кутит и вообще, в средствах не стесняется. Партия тощего кармана в этом отношении слаба, но численно больше» - рассуждает Борисов и с иронией замечает, что в период Первой российской революции представители обеспеченных сословий, интеллигенции сблизилась с представителями низших сословий («верхи с низами брататься стали»). «Инженеры, врачи, адвокаты растворились в низах. Низы их на руках носили, выбирали депутатами <...>. На кого ни глянешь – все радикал, народолобец. Тогда и почтовый чиновник человеком считался». Но это время прошло. Спустя 7-8 лет «кое-что забыли», «кое-что умышленно спрятали, неудобно ведь, побаловались и довольно». И началось сведение счетов недостойных интеллигентного человека: «Я такой-то, а ты кто? Мелкота, мишура, пыль людская, даже десятки у тебя в кармане никогда нет». Даже в приветствии при встрече, по мнению Борисова, «скрытая некультурность» проявлялась: «Одному шапка снимается с подобострастием, другому – так себе, а третьему, тоже знакомому, отвечают простым, небрежным кивком головы. Это, конечно, мелочь, но как она характерна для внутренней пустоты и внешнего величия. И если присмотреться внимательнее к жизни 1-го Общественного собрания, то нетрудно будет заметить, что эти мелочи привели его к агонии» [3]. Как видно из вышесказанного, напряженность в отношениях различных социальных слоев, имеющая место в стране в этот период, проникала и в клубы.

Для организации досуга своих членов и их семей собрания пользовались правом устраивать балы, маскарады, танцевальные, музыкальные и литературные вечера, драматические представления, различные игры (в карты, домино, шашки, шахматы, на бильярде, биксе и т.д.); выписывать книги, газеты, периодические издания; «приглашать специалистов по разным наукам для чтения лекций, которые служили бы к распространению <...> полезных сведений» [39, л.3; 40, л.5].

В собраниях выступали местные и приезжие артисты, отдельные музыканты и музыкальные коллективы, ставили спектакли любительские кружки. Концерты, спектакли, разнообразные вечера обычно заканчивались танцами.

Танцевальные вечера проводились дважды в неделю. В Екатеринодарском купеческом собрании, например, – по четвергам и воскресеньям [49]. Судя по отчету этого клуба за 1865 г., всего с 22 ноября 1864 г. по 22 ноября 1865 г. прошло 42 танцевальных вечера, большая часть из которых «имела достаточно посетителей» [38].

В небольших городских поселениях общественные собрания служили театральными зданиями. В 1912 г. в сочинском клубе давало представления товарищество драматических артистов под управлением В.С. Завьялова [41]. В декабре этого же года выступал «всемирно известный» артист Пинетти «со своими знаменитыми аппаратами». Зрителю он предлагал следующие номера: волшебный фонтан более 5000 м, сожжение кредитных билетов, летающая мебель, наводнение в публике, музей редкостей, имитация разных голосов и др. [42]

Помещение собраний использовали для проведения благотворительных мероприятий местные общества. Так, Екатеринодарское женское благотворительное общество в марте 1865 г. каждую неделю устраивало музыкальные вечера в зале купеческого собрания [21]. В период русско-японской войны (20 февраля 1905 г.) в Войсковом собрании кружком любителей драматического искусства был дан спектакль «в пользу изувеченных воинов, возвращающихся в Кубанскую область с театра военных действий» [23].

Полиция контролировала деятельность собраний. Для устройства маскарадов, вечеров с исполнением рассказов, куплетов и тому подобного необходимо было получить ее разрешение. Пьесы, рассказы и прочее должны были быть одобрены драматической цензурой при Главном Управлении по делам печати и исполняться без всяких отступлений от дозволенного оригинала. На каждый вечер для представителя полиции отводилось особое кресло [39, л. 3 – 3 об.].

В стенах собраний устраивали товарищеские или прощальные обеды и ужины, отмечали общественные праздники. К примеру, 20 апреля 1906 г. офицеры расквартированного в Екатеринодаре 13 пластунского батальона в Войсковом собрании давали товарищеский обед офицерам возвратившегося с Дальнего Востока 7-го пластунского батальона [6].

Под Новый год в собраниях устраивали елку для детей, а взрослые могли в клубе провести новогоднюю ночь. Чтобы попасть на эти мероприятия, необходимо было записываться заранее. В соответствии с числом записанных детей старшины клуба покупали подарки. На таких праздниках ребят было довольно много. Например, в преддверии нового 1914 г. на елку туапсинского 1-го общественного собрания было записано 200 детей [46; 47]. Встреча Нового года в клубах сопровождалась застольем и танцами. Расходились только под утро.

Необычайно популярны были маскарады. Горожане нередко наряжались «на злобу дня», надеясь получить за костюм приз. На «маскараде Кабаре», состоявшемся 17 февраля 1911 г. в екатеринодарском 2-м общественном собрании, к примеру, вручали:

«Дамский приз за оригинальный костюм на злобу дня: большой массивный серебряный ридикюль.

Мужской приз: серебряный подстаканник с ложечкой в футляре» [22].

В некоторых клубах гостей пропускали в зал только после «тщательной цензуры» масок. Репортер газеты «Кубанский край» в 1911 г. не без иронии сообщал, что на один из маскарадов в Ейске «явились две маски-галоши; на одной галоше было написано: “Слава”, а на другой “Победа”. Маски-галоши обозначали старые пароходы Древицкого, известные своей грязью, тихим ходом, частыми крушениями и т. д. Но клубная цензура решила, что раз галоша, то это непременно что-нибудь насчет Ненашева (городской голова Ейска – А.К.)... и масок не пропустили... Те протестовали, но безуспешно» [36].

В период Первой российской революции маски приобрели политический характер. В декабре 1906 г. на маскарад во 2-м общественном собрании Екатеринодара «пробралась крамола в лице одного костюмированного, изображавшего собой свободного гражданина Российского Государства». На входе в зал клуба полиция сняла с «крамольной маски» все надписи, нашитые на костюм [32].

В собраниях разрешались все виды игр, кроме азартных и запрещенных правительством, то есть тех, в которых выигрыш зависит от случая, и все виды банковской игры. Мужчины играли в основном в карты, а женщины – в лото. Горожане спускали на игру немалые суммы. К. Народин в фельетоне «Крещенские гадания» рассуждает о том, что у женщин в Екатеринодаре все свободные средства и все свободное время уходят на игру в лото во 2-м общественном собрании [34]. Лото еще с 1849 г. было строго запрещено во всякого рода общественных собраниях [15, л.10]. Правда, со временем положение менялось, и его то разрешали, то запрещали. Решение о возможности существования игры в лото в стенах клубов в начале XX в., по-видимому, зависело от местных властей. Например, в 1909 г. лото было запрещено в ряде городов, но в Тифлисе по сведениям корреспондента «Анапского листка»: «Игра в лото, воспрещенная во всех клубах, будет вновь разрешена при условии соблюдения определенных правил... Игре в лото должно быть отведено совершенно отдельное помещение. Безусловно воспретить игру в столовых и общих помещениях клуба. Кроме того, она должна продолжаться определенное число часов» [27]. Начальник Кубанской области в том же году запретил играть в лото в помещении курзала Анапы [31].

Совет старшин и Общее собрание членов утверждало условия ведения игры в стенах клуба. Проигравший должен был рассчитаться с победителем сразу после окончания игры. Если он не заплатил, то его записывали в долговую книгу (члена собрания – в течение 3 дней, гостя – в этот же день), чтобы получить содействие управления клуба. Ежедневно долговую книгу просматривали старшины. До уплаты должник лишался права посещать собрание. Если он не расплачивался в отведенный срок, его исключали. Эти правила действовали относительно карточной игры. Расчеты по игре в бильярд, кегли,

бикс и т.п. осуществлялись по взаимному соглашению играющих [40, л.12 – 12 об.].

Не допускалось употребление «поигранных» карт для вторичной игры без оклейки их особой бандеролью Ведомства учреждений Императрицы Марии (№ 8 ст. 93. Собр. указ. 1897 г.) [40, л.9 – 9 об.]. Клубные завсегдатаи Анапы в августе 1906 г. жаловались на курортную комиссию (клуб, скорее всего, находился при курзале, поэтому этот вопрос был в ведении данной комиссии), что та не заготовила достаточное количество карточных колод, и они вынуждены пользоваться «поигранными» [16].

Иногда прибыль клубов за счет карт и лото составляла приличную сумму. Деньги перемещались из карманов посетителей в «карманы клуба», что не могло не вызывать тревоги у некоторых современников. Некий Марк Шевский в газете «Кубанский край» после обнародования отчета клуба екатеринодарского общества приказчиков за 1910 г., из которого следовало, что прибыль заведения составляет 30 тыс. руб., возмущенно писал: «организованный под усыпляющую сладкую мелодию громких, но заезженных фраз о просветительной миссии собрания, призванного доставлять своим членам и их семействам “разумные и полезные развлечения”, клуб оказался попросту мышеловкой». Бюджет семей приказчиков серьезно страдал из-за пристрастия мужей к картам, а жен – к лото. Деньги «выкачивались» из «дырявых» карманов приказчиков, и при этом имело место нравственное растрепывание семьи. Для многих «неопытных голов» проведение досуга в клубах за игрой в карты было признаком цивилизованности. Клубу же, по мнению М. Шевского, невыгодно просвещать своих членов в другом направлении. «Известно, что и стойких, высококультурных людей карты затягивают иногда в петлю, а про простецов, замученных скучной, бесцветной работой, и говорить нечего...» [53].

Еще в 1908 г., когда Общество вспомоществования приказчикам только было основано и обсуждалась возможность создания при нем клуба, один из корреспондентов журнала «Самопомощь» утверждал, что приказчикам нужен клуб не для «разумных» развлечений, а для карточной игры. Культ азарта, по его мнению, был развит «среди коммерческих служащих гораздо больше, чем среди какого бы то ни было другого класса тружеников». Приказчики получили от него довольно нелестную характеристику: «Отсутствие в массе приказчиков стремления к культурным запросам, моральным запросам духа, естественно влечет их к удовлетворению грубых наклонностей, вытравливая и без того небогатые природные задатки» [50].

В Ейске при утверждении устава клуба общества приказчиков в число развлечений игры в карты не вошли. В 1907 г. старшины клуба обратились к начальнику области с прошением разрешить дозволенные законом карточные игры. В качестве аргументов они указывали, что отсутствие карточных игр невыгодно отражается на клубе и на его членах и гостях. Клуб лишается доходов, несет убытки, а посетители «предаются попойкам, иногда попадают в тайные картежные дома и притоны» и проигрывают не только деньги, но и

ценные вещи. Ходатайство старшин было удовлетворено. Однако уже через несколько месяцев Ейское общество приказчиков просило о прекращении в клубе картежных игр, так как увеличались случаи хищения приказчиками товаров из магазинов. Как указывалось в данном обращении: «дальнейшее развитие карточной игры безусловно увеличит преступность, поведет к падению нравственности и пагубно отразится на молодом поколении приказчиков». В марте 1909 г. областное начальство после проведенного дознания запретило карточную игру в клубе приказчиков [9, л.19 – 19 об., 70, 119, 129-130].

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что сделанный историком Е.Ю. Любушкиной вывод о клубах как хранителях нравственности представляется не совсем верным [17, с.38]. Более того, издание «Веселый Петербург» безапелляционно называет их притонами «игры и разврата» [18, с.8].

Не обходилось в клубах и без драк, хулиганства. Туапсинский фельетонист Гр. Крайний в 1913 г. сравнивал клуб с кабаком, где можно выпить, устроить дебош и даже попасть в участок [20].

Некоторые представители общественности осуждали частое проведение балов и других увеселений в клубах, особенно неуместным это казалось в период русско-японской войны и трагических событий Первой российской революции. Так, в январе 1905 г. в «Кубанских областных ведомостях» корреспондент под псевдонимом Свой возмущенно писал о Ейске: «Своеобразно и странно протекает жизнь в этом городе». За минувшие святки «ейчане буквально погрузились в идею соревнования на почве разного рода “развлечений”. Три клуба, руководимые, должно быть, этим чувством соревнования, точно друг перед другом старались угощать публику “начинкой” из “балов”, “маскарадов”, “вечеров” и пр.» Чередуясь, все три клуба устроили не менее 15 «вечеров». «Помилуй Бог: сегодня вечер, завтра вечер, дайте же хоть немного и “утра”. Недаром говорят, что “утро вечера мудренее”. Наше стремление к “вечерам” показывает (придерживаясь приведенного изречения), - что охоты к “мудрому” у нас немного.

Если в обычное время не позволительно забывать своих гражданских обязанностей, то теперь тем не понятнее это “забвение”: за рядом “веселых” вечеров нам нет возможности подумать хорошенько о том крае, куда, казалось бы, должны быть устремлены все наши гражданские помыслы и чувства. Сила общества в единстве. Но сила эта бессильна, если единство это выражено в менее содержательную сторону – в сторону только одних удовольствий» [19].

После получения известий о подавлении восстаний в Кронштадте и Свеаборге в июле 1906 г. в Майкопе толпа рабочих подошла к Коммерческому собранию, где отдыхали приказчики, и попросила прекратить танцы, на что получила отказ. Корреспондент газеты «Кубанская жизнь», осуждая действия приказчиков, возмущенно писал: «Им напомнили о голодающих, о сидящих в тюрьмах борцах за свободу и убитых за это же дело. У них толпа простых рабочих просила сочувствия. Они отказали. Они не выразили ни малейшего участия. Музыка продолжала играть и наши приказчики с особым

усердием принялись за “кривляния”, которые даже у австрийских дикарей папуасов выходят из моды. На требование же они отвечали смехом. Казалось, что это те капиталисты, те кровопийцы, с которыми рабочий класс так долго и упорно борется, а в действительности – это наши приказчики, это те же работники» [5].

Этому инциденту предшествовали события, произошедшие в тот же день в майкопском Пушкинском народном доме, где шла пьеса «Тюрьма», по окончании которой должны были состояться танцы. Но при первых звуках вальса на балконе началось волнение и раздались крики. Публика была перепугана такой неожиданностью, но, не заставив присутствующих долго быть в недоумении, из столпившейся небольшой кучки народа вышел юный артист, который напомнил собравшимся о событиях в Кронштадте и Свеаборге и просил почтить честь павших борцов за свободу прекращением танцев. Публика, не ожидая дальнейшего объяснения, начала покидать зал, негодуя на «передовых людей»: не благоразумней ли было одному из артистов по окончании спектакля попросить публику отменить танцы, объявив причину.

Как выяснилось, на балкон заранее внесли камень порядочной величины, чтобы в случае, если не прекратятся танцы, бросить его в зал. Из Пушкинского народного дома та же «кучка людей» и отправилась в Коммерческое собрание, где затем требовала прекратить веселье [28].

В целом же во время Первой российской революции клубы работали в обычном режиме. Правда, иногда здесь устраивались акции, подобные той, что состоялась, согласно сведениям, содержащимся в книге краеведа Н. Бельцева, в Ейском общественном собрании: во время спектакля погасили свет, с балкона полетели листовки. Зрители стали покидать зал, в котором неожиданно для них зазвучала «Варшавянка» [2, с. 39].

Однако следует отметить, что в стенах собраний в столь беспокойное для страны время происходили не только провокации и скандалы. Здесь также читались лекции на актуальные темы с последующими прениями. Например, лекция Шепеля «Земельный вопрос в России», которая состоялась 8 декабря 1905 г. во 2-м общественном собрании Екатеринодара, привлекла «громадное количество публики» [26].

Итак, клубы играли одну из ведущих ролей в досуговом пространстве провинциальных городов Российской империи. Для небольших городских поселений они являлись центрами культурной жизни. Наряду с культурно-просветительными (лекции, литературные и музыкальные вечера, концерты и спектакли) здесь существовали и развлекательные формы проведения досуга (маскарады, танцевальные вечера, игра в карты, бильярд, бикс и т.д.). Местные власти осуществляли контроль за организацией и функционированием данных учреждений.

Собрания служили концертными площадками для местных и гастролирующих артистов, а также сдавали помещение различным обществам (в основном благотворительным) для проведения мероприятий.

Членами клубов могли быть только мужчины, женщины допускались в его пространство в качестве гостей. Некоторые виды собраний подразумевали, что их участниками должны быть лишь представители определенного сословия или профессии, но в городских общественных собраниях среди членов встречались представители разных сословий. Иногда это приводило к конфликтам на почве социального неравенства.

Пожалуй, одной из главных функций клуба была коммуникативная: здесь проводили время за разговорами, обсуждали последние новости, отмечали общественные праздники, устраивали товарищеские обеды и т.д.

Несмотря на оговоренные в уставе правила поведения, в стенах клубов зачастую происходили беспорядки и дебоши, производимые подвыпившими или проигравшимися посетителями.

Увлечение посетителей клубов карточными играми и лото имело негативные последствия для них самих и их семей. Особенно подвержены азарту были приказчики. Общественность высказывала тревогу по этому поводу на страницах местных периодических изданий.

Источники и литература

1. Архивный отдел администрации муниципального образования город-курорт Сочи. Ф. Р-279. Оп. 1. Д. 61.

2. Бельцев Н. Ейская городская хронология. Ейск: Ейск-Полиграф-Сервис, 2011. 99 с.

3. Борисов И. Брожение умов // Туапсинские отклики. 1913. № 6. 29 декабря.

4. Войсковая летопись. Г. Екатеринодар // Кубанские войсковые ведомости (КВВ). 1865. № 5. 30 января.

5. Гнилое болото // Кубанская жизнь. 1906. № 100. 29 июля.

6. Городская жизнь // Кубанская жизнь. 1906. № 20. 21 апреля.

7. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 454. Оп. 1. Д. 224.

8. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1851.

9. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 3974.

10. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 3991.

11. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 3994 б.

12. ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 96.

13. ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 884.

14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. 2-е делопроизводство. 1909 г. Оп. 66. Д. 38. Ч. 12.

15. ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопроизводство. 1911 г. Оп. 68. Д. 21.

16. Из жизни Анапы // Свобода. 1906. № 2. 12 августа.

17. Климашкина Е.Ю. (Любушкина Е.Ю.) Клубы как один из видов досуговых обществ и их роль в повседневной жизни Дона и Северного Кавказа в XIX – начале XX в. // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск, 2010. Вып. 11. С. 33-39.

18. Клубы // Веселый Петербург. СПб, 1906. № 1.

19. Корреспонденции. Ейск // Кубанские областные ведомости (КОВ). 1905. № 17. 22 января.
20. Крайний Гр. Не повезло // Туапсинские отклики. 1913. № 4. 15 декабря.
21. КВВ. 1865. № 8. 20 февраля.
22. Кубанский край. 1911. № 356-34. 12 февраля.
23. Летопись областной жизни // КОВ. 1905. № 39. 18 февраля.
24. Летопись областной жизни // КОВ. 1905. № 214. 9 октября.
25. Летопись областной жизни // КОВ. 1905. № 241. 13 ноября.
26. Летопись областной жизни // КОВ. 1905. № 263. 13 декабря.
27. Лото // Анапский листок. 1909. № 15. 27 июня.
28. Майкоп // Свобода. 1906. № 2. 12 августа.
29. Медвежонок. 1914. № 19. 4 мая (Приложение к «Черноморской газете» («ЧГ»). 1914. № 100)
30. Медвежонок. 1914. № 23. 1 июня (Приложение к «ЧГ». 1914. № 122)
31. Местная хроника // Анапский листок. 1909. № 27. 12 июля.
32. Местная хроника // Свобода слова. 1906. № 1. 17 декабря.
33. Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. 1914 г. 21 изд. Краснодар: Платонов И., 2013. 528 с.
34. Народин К. Крещенские гадания // Кубанский край. 1911. № 326-4. 6 января.
35. Наши клубы // Туапсинские отклики. 1913. № 2. 1 декабря.
36. Наш край. Ейская жизнь // Кубанский край. 1911. № 339-17. 22 января.
37. Новороссийские новости // Медвежонок. 1914. № 15. 6 апреля (Приложение к «ЧГ». 1914. № 78)
38. Отчет по Екатеринодарскому Купеческому Собранию за 1865 г. // КВВ. 1865. № 47. 27 ноября.
39. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 187. 1901 г. Д. 171.
40. РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1903 г. Д. 336.
41. Сочинский листок. 1912. № 1. 25 ноября.
42. Сочинский листок. 1912. № 6. 1 декабря.
43. Туапсинские отклики. 1913. № 1. 24 ноября.
44. Туманова А.С. Общественные организации и их роль в формировании социально-культурной среды русского дореволюционного города // Культуры городов Российской империи на рубеже XIX – XX веков (Материалы международного коллоквиума, Санкт-Петербург 14-17 июня 2004 года). СПб., 2009. С. 384-400.
45. Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008. 320 с.
46. Хроника // Туапсинские отклики. 1913. № 4. 15 декабря.
47. Хроника // Туапсинские отклики. 1913. № 5. 22 декабря.

48. Хроника // Туапсинские отклики. 1914. № 29. 8 июня.
49. Частные объявления // КВВ. 1865. № 40. 9 октября.
50. Чем живы приказчики? // Самопомощь. 1908. № 5. 1 декабря.
51. Черноморское побережье Кавказа / сост. В.П. Доброхотов; под ред. Н.И. Воробьева. 2-е изд. адапт. Краснодар: Традиция, 2009. 526 с.
52. Чехов А.П. Маска // Чехов А.П. Ну, публика!: рассказы. С. 97-101.
53. Шевский М. Тридцать тысяч // Кубанский край. 1911. № 377-55. 10 марта.

Выборг и выборжане в представлениях петербуржцев

Мазалова Наталия Евгеньевна

Музей антропологии и этнографии им.Петра Великого РАН

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

mazalova.nataliya@mail.ru

Выборг – с одной стороны, районный центр в Ленинградской области, с другой стороны, уникальный старинный город, с древней историей, удивительной природой, обладающий собственным «выборгским текстом». Его население – переселенцы из Вологодской, Рязанской и др. областей, которые в конце 40-х гг. XX в. сменили выселенных финнов.

Материалом для доклада послужили собранные автором высказывания петербуржцев о Выборге и его жителях, то есть представлено восприятие города и горожан извне, или иначе - Выборг глазами и устами петербуржцев.

Автор попыталась определить идентичность выборжан через образ города, через их сопричастность Выборгу. Удивительный город, его природная и архитектурная среда, его многовековая история, несомненно, повлияли на формирование выборгской идентичности.

Отношение петербуржцев к Выборгу двойственное. С одной стороны, его воспринимают как чужой: удаленный, расположенный на краю света и России, обладающий своими тайнами, которые не открываются посторонним. Выборг – шведский, средневековый. В нем иное измерение времени, которое течет медленнее, а иногда останавливается. Петербуржцы воспринимают Выборг как европейский город, особенно в советское время, когда в Выборг «приезжали, как в Европу»

По представлениям петербуржцев, образ города имеет антропоморфный или зооморфный облик: Выборг – живой организм; седой-старик – викинг; Выборг также представляют в виде морского существа – ската, кальмара, лежащего на скалах. Выборг – древний, средневековый город, один из самых красивых городов России, напоминающий театральные декорации. Это таинственный, непостижимый город, тайны которого открываются немногим. Выборг - город на границе России, на фронтире – не финский, и нерусский, он самодостаточен. Кажется, что за ним заканчивается не только Россия, но и мир. Выборг – вольный город, чем-то похожий на средневековые ганзейские города.

С другой стороны, петербуржцы воспринимают Выборг как свое пространство. Петербуржцы находят общие черты в образах Петербурга и Выборга. Оба города расположены на периферии, это - эксцентрические города, расположенные на берегу моря. И Петербург, и Выборг строились как военные поселения, они связаны с именем Петра I. Для восприятия обоих городов характерна оппозиция «искусственное – природное»: город - вода и камень, но если в Петербурге камень – гранит, обработанный человеком, то для Выборга – это дикие гранитные скалы;

И живут в «вольном» Выборге необыкновенные люди. Несомненно, некоторые характеристики выборжан, а также особенности их поведения обусловлены локусом обитания. Связь пространства и героя нарратива отметили О. Фрейденберг, В.Н. Топоров.

По представлениям петербуржцев, выборжане инициативны, деятельны, всегда готовы прийти на помощь в трудной ситуации. Некоторые особенности выборжан - широкий кругозор, способность к восприятию нового, определяется их жизнью на фронтире, постоянными контактами с финнами, которых они прежде всего воспринимают как партнеров. Для выборжан свойственен уездный патриотизм. Для выборжан характерны активность, инициативность, прагматичность, они даже внешне отличаются от жителей провинциальных русских городов (по одежде, обилию иномарок и др.). Удивительно, как образ современного горожанина - практичного, предприимчивого перекликается с образом Выборга в представлениях О. Мандельштама.

Для выборжан характерен патриотизм. Жители Выборга похожи на жителей российских провинциальных городов – открытостью, дружелюбностью

На бытовом уровне петербуржцы нередко обнаруживают негативные черты выборжан – некоторую «местячковость», скардность, невысокий уровень культуры и образования, их упрекают в равнодушии к разрушениям в городе. Вместе с тем, как показывают мои исследования, самооценка выборжан ниже, чем оценка их петербуржцами.

Так, петербуржцы верят, что выборжане все-таки помогут своему городу, который сейчас переживает не лучшие времена.

Медиадискурс современного города и формы репрезентации квазиполитического пространства посредством «новояза»

Олешкова Анна Михайловна

*Нижнетагильский государственно
социально-педагогический институт (филиал) РГППУ*

кандидат исторических наук, доцент

oleshkova@bk.ru

Важной особенностью современного города является активно функционирующее медиапространство, представленное телевизионными и, прежде всего, Интернет-коммуникациями. Медиадискурс, являясь дискурсом власти и идентичности, следует понимать как основной агрегатор смыслов и

значений, референтных для той или иной части общества. В этой связи его можно атрибутировать прежде всего через такие категории, как идеологизация, манипуляция, стереотипизация, стигматизация.

Современный отечественный «новояз», возникший как реакция на комплекс политических событий 2010-х гг., нужно трактовать как проявление медиадискурса. Весь этот комплекс можно разделить на два больших аспекта: внешнеполитический (диапазон с 2013 по 2016 гг.: сложные процессы в Сирии, Украине; взаимоотношения России со странами Запада, прежде всего США и странами Евросоюза, представляющие собой реакцию на события в Восточной Европе и на Ближнем Востоке) и внутривнутриполитический (ряд событий, связанных с выборами в Госдуму 2011 г. и президентскими выборами 2012 г., периодические коррупционные скандалы и перестановки во властных структурах разного уровня, а также множество отдельных проявлений взаимоотношений между властью и обществом, прежде всего выраженных в разнообразии законопроектов, подготовленных Думой шестого созыва и, как следствие, реакцией на них в обществе).

Активное вовлечение обозначенного комплекса политических событий в содержание современного «новояза» обусловило рост квазиполитической тематики в трактовке событий и оценке действий субъектов, принадлежащих различным социальным контекстам: культура, спорт, экономика, экология, религия и др.

В методологическом отношении феномен «новояза» и медиадискурса можно исследовать с привлечением междисциплинарных ресурсов: критический дискурс-анализ, герменевтика, теории массового общества, экзистенциальные направления, отдельные положения франкфуртской школы и др.

В эмпирическом отношении обозначим некоторые корреляции тематик и отдельных проявлений современного российского «новояза».

Украина: Майдаун, Даунбас, Донбоссы, Усраина, Лугандон, Потрошенко, ватники, ватаноиды, укропитеки.

Запад: Фашингтон, банан Обама, еврейцы, Гейропа.

Власть: православнутые, путЫн, ГУЛАГ Пу, путиноиды, Вротенберги, гейборец, шубохранилище, геббельс-ТВ, поцреоты, взбесившийся принтер, закон подлецов.

Оппозиция: либерасты, Насральный, дерьмократы, белоленточные черви, демо-шиза, Блевада-центр.

«Новояз» как искусственная система одновременно является признаком изменения социокультурной реальности и способом ее построения. Он одновременно указывает на чувствительные вопросы современности, но также порождает их специфические конфигурации, формируя новую реальность, куда входят фактически новые города, страны, президенты, общества, группы – в целом, новое субъектно-объектное пространство.

В отличие от семиотического анализа, предполагающего разделение символического и социального [5, с. 65], дискурс-анализ учитывает в

исследовательских практиках человека и общество, минимизируя фактор случайности и произвольности смысловых корреляций, акцентируя внимание на конкретных условиях реализации «новояза» – реакции на динамику функционирования политического пространства. Такая семантическая пространственная гомогенность позволяет считать тотальной «позитивную корреляцию» между субстанциями языка и мира [2, с. 353]. Через систему современного «новояза» изменению подвергается как сам опыт восприятия реальности, так и сама социокультурная реальность.

Сегодня системообразующей полярностью, маркирующей «говорящий социум», является противопоставление между условными «либералами» и «консерваторами», представляющее собой универсальную оптику для оценок любых процессов: как современных, так и исторических. Перефразируя ван Дейка, отметим, что коммуникация является главным условием существования власти [3, с. 87], в свою очередь именно дискурс придает структурность как ее формированию, так и процедуре репрезентации. Через «новояз» устанавливается символическое доминирование, в котором эксплуатируются идеологические, гендерные, расистские и иные дискурсы, построенные на негативной репрезентации «чужих». «Новояз» придает дополнительный смысл уже существующим ярлыкам и стереотипам, фактически порождая новые ярлыки и стереотипы. В этой связи идентичность «говорящего социума», понимается как составной феномен (лингвистический, культурологический, политический) и конструируется по принципу «я не он». Навешивание ярлыков на группу предполагает дополнительную оценку действий этих субъектов в соответствии с определенными ожиданиями относительно их дальнейшего поведения [5, с. 44].

В рамках медиапространства объединение со «своими» возможно максимально облегченно. Категория «хештег» (знак #) позволяет как группировать информацию, так и перемещаться в рамках заданной структуры, не покидая понятное и привычное пространство, избегая враждебных и чуждых смыслов. Оперирование оценками, истинная принадлежность к которым и понимание которых являются очень спорным вопросом, можно рассматривать как процесс «хештегизации сознания», выходящий на проблему субъекта и события, их наличия и верификации.

Медиаповоды развития системы «новояза» построены на событийном ряде, отражающем динамику политической сферы (внешней и внутренней) через комментарии к новостной хронике: высказываниям политических деятелей, сообщениям о политических действиях и др. Противоречивость эвристического потенциала явлений, связанных с подобной циркуляцией информации, заключается в процедуре создания высказывания о высказывании. Умножая герменевтические круги информации, медиадискурс порождает феномен эксформации, подразумевающий одновременно избыток и перегрузку информации, а также ее удаляемый характер, как в буквальном смысле, так и

в отношении возможности не учесть что-то важное и принять во внимание лишь второстепенные или даже не имеющие отношение к проблеме явления.

Медиапространство является важным контекстом реализации «новояза». Прежде всего, следует выделить такие относительно новые виды современных медиа, как блоги, социальные сети, онлайн-программы и др. В условиях широкой трактовки понятий «текст» и «дискурс», когда последняя категория подразумевает обязательный учет контекста порождения смысла, отдельной значимой формой проявления «новояза» является троллинг, который по определению предполагает искажение реальности, когда в оценке событий изначальной посылкой является ложь.

Источники, через которые можно выявить особенности системы «новояза», позволяют использовать возможности мультимодального анализа: демотиваторы, карикатуры, мемы. Несмотря на то, что преимущественно «новояз» специфичен для Интернет-коммуникаций, социальный эффект реализации всего медиадискурса представлен и в оффлайн коммуникациях, выраженных в культурных практиках города. Показательным примером являются автомобильные наклейки, отражающие процесс стигматизации отдельных явлений или субъектов посредством таких основных стратегий, как героизация или демонизация.

Изображение на автомобиле – своеобразный аналог статуса в социальных сетях, фиксирующий умонастроение субъекта. Среди наклеек и стикеров, которые следует считать составной частью медиадискурса и властного дискурса вообще, можно выделить особенно показательные: «На Берлин», «Трофей из Берлина», «1941-1945. Можем повторить», «Не в силе Бог, а в правде», «Если Бог за нас, то кто против нас?», «Кто нас обидит, тот трех дней не проживет», «Самый вежливый из других», «Броня крепка, и танки наши быстры», «Я – русский, тронешь меня – позвоню Путину», «Обама – чмо» и др.

Очевидно, что темы, характеризующие идеологическое противостояние в онлайн и оффлайне, касаются таких сложных и важных для современного общества вопросов, как патриотизм, отечественная история и большая политика. Во многом отношение к историческим и политическим вопросам считаются индикатором патриотических или непатриотических настроений и источником осуждения «других» мнений, а также каналом формирования «своей» идентичности. В частности, исторические темы аккумулируют вопросы истории православия, военной истории и подвигов исторических личностей. При этом феномены и стикеров, и демотиваторов свидетельствуют о несоизмеримости способа выражения мысли и сути самой проблемы, указывают на временное, ситуативное отношение к сложным, нетерпящим однозначности вопросам. С другой стороны, в таком подвижном динамичном формате отношения к действительности отражается ее сложность, противоречивость, изменчивость. В этой связи можно считать «новояз», если и не способом, то попыткой отразить сложную внешнюю реальность, сделать ее понятной и обыденной для себя, в конечном счете,

включив эфемерную субъектность в хаос и враждебность современного мира.

«Новояз» следует отличать от феноменов, которые с ним связаны, однако представляют собой либо более крупные категории (политический дискурс, политический язык, язык ненависти), либо более мелкие (олбанский язык или язык падонков, жаргонизмы, неологизмы). При этом, например, «hatespeech» и олбанский присутствуют в качестве признаков «новояза», если последний, скорее, придает «новоязу» форму (нарочитое несоблюдение правил правописания), то первый – наполняет и форму, и содержание (преобладающий агрессивный посыл, направленный на условных «других»).

В отношении «новояза», как ни парадоксально, оказывается неважен субъект порождения того или иного конкретного слова или выражения, хотя в редких случаях Интернет и, тем более, телевидение позволяют отследить первоисточник. Гораздо важнее, тот факт, что слово начинает быть использованным за пределами своего «изобретателя», являясь способом маркировки социума, формируя новые группы и отношения между ними («божествование», «медиафрения», «милициордер» и др.). Каждое последующее обогащение «новояза», в результате которого появляется новая единица более или менее употребляемая в медиадискурсе, следует понимать как фактор усиления процессов стигматизации общества, причем как в медиaprостранстве, так и за его пределами. В этой связи с учетом феномена троллинга возникает отдельная проблема, связанная с характеристикой носителя «новояза»: тот, кто вводит в оборот то или иное понятие, может не быть субъектом, понимающим «новояз» или говорящим на нем.

Если мы исходим из посылки об идеологичности «новояза» мотивировать ее можно через сам событийный ряд функционирования политического пространства как своего рода точку отсчета для дальнейшего конструирования новой социокультурной реальности. Идеологичность «новояза» проявляется в речевых практиках группы, отражающих коллективные социально-экономические, политические, культурные интересы. Организация и поддержка идеологии становится возможной именно через институты медиа [3, с. 53]. Средства массовой информации можно рассматривать в качестве собирательного «большого Другого» [4, с. 155], осуществляющего насилие в глобальном смысле слова. Однако изначальная невозможность идентификации субъекта, растворенного в «говорящем социуме», проблема верификации его истинных намерений, действий и их истинной оценки, делает актуальным подход Ханны Арендт к поступкам того или иного субъекта, вынесенного в название одного из основных ее произведений [1, с. 384]. В этом отношении «маленьким другим» может быть каждый как сам по себе, так и совместно с кем-то. Несмотря на существующую возможность охарактеризовать современного носителя «новояза», исходя из озвученной квазиполитической позиции, или от обратного, что необходимо учитывать при подозрении на троллинг, следует констатировать его промежуточное положение между «каждым» и «никто» [6, с. 63].

Современное медиапространство можно рассматривать как сферу порождения актуальных смыслов и идей, являющихся для современного общества значимыми, как минимум, в локальной перспективе. «Новояз» как часть медиадискурса представляет собой влиятельный ресурс формирования и рефлексии новой социокультурной реальности с акцентом на сензитивных ее проявлениях. Общая схема опредмеченных связей между значимыми для данной темы феноменами представляется следующей: онлайн – медиадискурс – политика – новояз – квазиполитика – оффлайн.

Источники и литература

1. Арндт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Издательство «Европа». 2008. 424 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. 5 изд. М.: «Добросвет», Издательство «КДУ», 2015. 392 с.
3. Дейк Т. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
4. Жижек С. О насилии. – М.: Издательство «Европа», 2010. 184 с.
5. Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов. Пер. с англ. 2013, Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр» (О.В. Гритчина), 264 с.
6. Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. Пер.с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с. (Серия «Прагматический поворот»; вып. 5). доп.тираж 2015.

От «Дня свободы» до «Дня нужды и голода»: горожане и власть Читы в условиях политической и социальной трансформации после Февраля 1917 г.

*Севостьянова Елена Васильевна
Читинский институт (филиал)
Байкальского государственного университета
кандидат исторических наук, доцент
Sevostyanova.elena@mail.ru*

В статье рассматривается сложный для городского самоуправления и жителей тылового, неземского города период политической и социальной трансформации.

О революции в Чите узнали 2 марта 1917 г. В марте же отмечался новый праздник – «День свободы». А 6 декабря на совместном заседании Городской думы Читы, Комиссии призрения и представителей ИК Совета солдатских и рабочих депутатов было принято решение объявить 16 декабря 1917 г. «Днем нужды и голода».

В региональной историографии сохраняется интерес к общественно-политическим событиям после февраля 1917 г., но не уделяется внимания анализу повседневных проблем гражданского населения. Цель статьи – рас-

смотреть, какие основные проблемы решала местная власть, чего требовали от власти горожане и как относились к её решениям, насколько уровень самоорганизации городского сообщества помогал\мешал стабилизировать ситуацию.

Революционные события вызвали калейдоскоп настроений: радость, опасение, равнодушие, растерянность, желание стабильности. Народ в первые дни, по оценке М. Колобова, жил митингами и «общим порывом восторженной радости». Городская жизнь наполнилась революционной символикой. Бывший дом губернатора стал «Домом общественных организаций». Городская Дума стипендии в высших учебных заведениях, утвержденные в честь 300-летия Романовых, переименовала в «Стипендии Российской республики» и «Русской революции 1917 г.». Митинговали все социальные и профессиональные группы. Основные способы артикуляции социальных интересов: создание обществ, профсоюзов, митинги, съезды. Митинги настолько нарушали ход общественной жизни, что уже 7 апреля ИК Совета солдатских и рабочих депутатов выступил в предложением о проведении митингов «с ведома» Комитета общественной безопасности или Совета.

Однако общественно-политическая активность быстро пошла на спад. Заседания некоторых общественных организаций отменялись из-за отсутствия кворума. Военно-исполнительный комитет Совета солдатских депутатов 5 августа, ввиду недостатка кворума «почти на каждом заседании», решил в случае неявки сразу переизбирать неявившихся.

Особенностью управления в Забайкалье было то, что вся полнота гражданской и военной власти принадлежала военному губернатору, роль которого в период Первой мировой войны значительно возросла. После того, как рухнула вертикаль власти, одни вновь возникшие общественные объединения не очень ясно представляли свою конкретную работу и дальнейшие перспективы. Другие дублировали деятельность друг друга. Поэтому 3 июля было решено созвать совещание «по объединению общественных организаций», на которое были приглашены восемь из них.

Выборы городской думы нового состава давали надежду на скорое решение всех городских проблем, на единение представителей разных политических партий, на эффективное управление городским хозяйством. Многие важные решения откладывались до выборов.

Городская идентичность связана с включенностью в долговременные, стабильные социальные группы. Первая мировая война и Февральская революция внесли свои коррективы в такой значимый фактор как количество населения и его состав. Население Читы значительно уменьшилось: 1913 – 77,8 тыс. человек, 1917 г. – 44,2 тыс. человек. При этом сохранялись половые диспропорции: на 100 мужчин приходилось 104 женщины. В период войны частью городского населения стали беженцы и военнопленные. В марте 1917 г. были амнистированы политические и уголовные ссыльные (более 2000 человек).

Ведущими направлениями социальной политики были: обеспечение продовольствием и мануфактурными товарами, централизованное снабжение водой, обеспечение бесперебойного снабжения дровами, электричеством, поддержание общественного порядка, забота о развитии социокультурной сферы. В условиях изменения правил призрения и оказания помощи невенчаным солдаткам, самоуправление Читы предпринимало героические усилия для стабилизации ситуации.

**Формирование профессиональной идентичности северокавказских
диаспорных сообществ в мегаполисе и периферийном городе:
опыт компаративного анализа⁷**

Трапи Николай Алексеевич
Государственный архив Ростовской области
директор
Южный федеральный университет
Кандидат исторических наук, доцент
dukekeleshbey@gmail.com

Большинство современных городских центров, независимо от географического положения, экономической специализации и социальной структуры, включают локальные диаспоры, являющиеся устойчивыми группами, объединенными неразрывным единством этнического происхождения. Диаспорные сообщества могут играть различную общественную роль, которая определяется имманентными особенностями осваиваемой урбанистической территории. Китайские диаспоры в американских городах стабильно контролируют целые районы и хозяйственные отрасли, тогда как малайские или индийские общины в Шанхае при довольно высокой численности просто растворяются в доминирующем этническом массиве как в экономической жизни, так и в культурном измерении. Аналогичным образом разновременные мигранты из Северной Африки и арабского мира давно занимают стабильную социальную нишу в некоторых европейских столицах, тогда как многочисленные рабочие из Китая и Индии, привлеченные на строительные объекты и в сервисную инфраструктуру Катара или ОАЭ, фактически являются неполноправными участниками общественной деятельности. В контексте указанных различий значительный интерес представляет комплексное изучение соответствующей проблематики применительно к северокавказским диаспорным сообществам, активно осваивающим не только российские городские пространства, но и представленные в отдельных центрах Турции, Ближнего Востока и даже Западной Европы.

Профессиональная идентичность этнических диаспор является относительно новым исследовательским объектом, что определяется сложным ком-

---

⁷ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации гранта № 16-01-14064 «г».

плексом разнообразных обстоятельств. С одной стороны, в настоящее время продолжают теоретические дискуссии относительно внутреннего содержания идентификационных характеристик, относимых к отдельным профессиям. В частности, принципиальный спор ведется относительно нижней хронологической границы последовательного формирования профессиональной идентичности, которую отдельные исследователи связывают с образовательными процессами в высшей школе, полемизируя с устойчивыми представлениями об определяющей роли практической работы в комплексном генезисе конкретного специалиста [14, с. 72]. С другой стороны, компаративного осмысления требует российский и зарубежный опыт, связанный с системной оценкой идентификационных характеристик отдельных представителей диаспорных сообществ. В известных исследованиях Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижевой, М.С. Блиновой и А.И. Куропятник отчетливо сформулированы принципиальные механизмы исследовательской оценки современных этнических диаспор, которые рассматриваются как динамичные объекты с постоянно меняющимися базовыми параметрами [1,2,7]. Следовательно, перманентная трансформация затрагивает и идентификационные характеристики, связанные с профессиональной ориентацией в конкретном социальном пространстве. Одновременно в фундаментальных работах В.М. Капицына, И.М. Кузнецова, В.И. Мукомель, Е.В. Кукановой, В.А. Прокохина, А.В. Микляевой, П.В. Румянцевой, Е.В. Ревинной, М.И. Серединой и А.Ю. Фодоря подробно проанализированы объективные технологии, связанные с системной инкорпорацией современных мигрантов в урбанистическую среду и последовательным формированием общественного статуса сформированных диаспорных сообществ [3,4,5,6,8,10,12,13]. Однако, профессиональная идентичность указанных жителей современных мегаполисов и периферийных городов не получила полного и адекватного освещения, что определялось как фундаментальным отличием исходных авторских целей, так и объяснимым отсутствием верифицируемого эмпирического материала. Как представляется, интересные размышления, связанные с избранной проблематикой содержатся в специализированных исследованиях Л.Д. Капрановой, Л.Р. Низамовой и С.В. Рыжовой, посвященных в определенных аспектах этническим сообществам современных мегаполисов [4,9,11]. Выделенным авторам удалось показать, что профессиональная идентичность отдельных представителей конкретных диаспор зависит не от традиционных занятий базового этноса, а от реальных экономических и социокультурных условий исследуемого урбанистического пространства.

Северокавказские диаспорные сообщества в периферийных российских городах, как правило, не отличаются многочисленным составом и реальным разнообразием профессиональной деятельности. Своеобразное исключение составляют городские центры, географически близкие Северному Кавказу или ставшие опорным пунктом для планового приема вынужденных переселенцев, появившихся в результате этнополитических конфликтов постсоветской эпохи. В указанных пунктах они могут контролировать локальные от-

расли хозяйственной деятельности, а в отдельных случаях выступать в качестве доминирующего сообщества. При другой географической и социальной диспозиции этнические диаспоры либо органично вливаются сложившуюся систему городской трудовой дифференциации, либо следуют позитивному опыту предшествующих мигрантов, избравших определенную сферу профессиональной деятельности. Последний вариант реализуется и применительно к зарубежным диаспорным сообществам, в рамках которых идентифицируемые потомки северокавказских мухаджиров локализовались в определенных отраслях экономической и социальной деятельности, практически не изменившихся за двухсотлетний период. В частности, в небольших турецких городах, неразрывно связанных с сельской периферией, диаспорные представители активно действуют в специфической сфере торгового посредничества, главным объектом которого является местный орех, производимый этническими родственниками в окрестных деревнях. В рассмотренных случаях профессиональная идентичность определяется минимальным атрибутивным набором, связанным с текущей деятельностью, сложившимися традициями и личным осознанным выбором, играющим производную роль.

В современных мегаполисах северокавказские сообщества имеют более дифференцированную структуру индивидуальной трудовой деятельности, а последовательное формирование отчетливо выраженных производственных трендов определяется преимущественно численным составом рассматриваемого локального сообщества. Небольшие диаспорные группы в крупных городах Западной Европы полностью интегрируются в сложившуюся структуру профессиональной деятельности, выстраивая личную траекторию потенциального трудоустройства в прямой зависимости от имущественных, образовательных и других объективных факторов. Практически идентичная ситуация складывается и применительно к северокавказским диаспорам, устойчиво функционирующим в современных мегаполисах Турции и ближневосточных государств. В частности, среди абхазского диаспорного сегмента, проживающего в Стамбуле, присутствуют отчетливо идентифицируемые представители профессиональных групп, связанные с различными отраслями интеллектуального и физического труда.

В российских условиях северокавказские диаспорные сообщества в крупных городских центрах могут иметь различную структуру трудовой деятельности, которая не всегда формируется под непосредственным воздействием объективных факторов, имеющих универсальное значение (социальная мобильность, доминирующие образовательные тренды, локальная экономическая ситуация). Во многих случаях идентифицируемые представители соответствующих диаспор избирают традиционные занятия, связанные с системным контролем над определенными сегментами рыночной торговли или транспортной инфраструктуры. В рассмотренном случае профессиональная идентичность практически сливается с аналогичным этническим феноменом, который играет доминирующую роль в последовательном формировании индивидуальной системы трудовых приоритетов. Определенное исключение со-

ставляют диаспорные представители, интегрированные в предпринимательскую элиту или творческую интеллигенцию конкретных мегаполисов. Профессиональная идентичность указанных индивидов складывается преимущественно под системным воздействием объективных факторов, главными из которых становятся исходный имущественный статус и образовательные перспективы. Применительно к последним десятилетиям следует выделить и наметившийся принципиальный тренд, связанный с осознанными попытками самостоятельного конструирования идентификационных характеристик применительно к локальным возрастным группам. В частности, многие представители северокавказских диаспорных сообществ, действующие в традиционных сферах хозяйственной жизни, стремятся изменить социальный статус собственных детей через образовательные социальные лифты. В данном контексте значительный интерес представляет то существенное обстоятельство, что подрастающему поколению сознательно имплантируется сложный набор ментальных характеристик, соответствующих потенциальной профессиональной идентичности. В настоящее время рассматриваемый процесс пока не дает верифицируемых результатов, имеющих научное и практическое значение, но он является очевидным свидетельством сложной социальной трансформации, осуществляющейся в рамках одного из наиболее консервативных сегментов общественной структуры современного мегаполиса.

Источники и литература

1. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Этносоциология перед вызовами времени // Социологические исследования. 2008. № 7.
2. Блинова М.С. Современные социологические теории миграции населения. М.: изд-во КДУ, 2009.
3. Капицын В.М. Интеграционная миграционная политика в стратегии крупного города: роль образования // Этнос, нация, общество: Российская реальность и перспективы. РО РОС, ИСРАН, 2010.
4. Капранова Л.Д. Развитие Нью-Йорка в условиях глобализации. М.: ИНИОН РАН, 2008.
5. Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М., 2005. – 212 с.
6. Куканова Е.В., Прокохин В.А. Интеграция мигрантов в местное сообщество: Монография. М.: Изд-во МГОУ, 2006.
7. Куропятник А.И. Мультикультурализм: Проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб., 2000.
8. Микляева А.В., Румянцева П.В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса. Ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? – М.: Речь, 2011. – 160 с.
9. Низамова Л.Р. Этничность в мультикультурном мегаполисе: этнокультурные татарские практики в США // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. Кн. 5. Ч. 2. – С. 48-60.

10. Ревина Е.В. Мультикультурный город как пространство национальной идентичности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Ставрополь, 2009. – 184 с.
11. Рыжова С.В. Идентичность москвичей (опыт исследования). // Социологические исследования. 2008. № 8. – С. 40-49.
12. Середина М.И. Формирование и взаимодействие этнических общин в современном мегаполисе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М., 2013. – 265 с.
13. Фодоря А.Ю., Середина М.И. Методологические основы социального взаимодействия этнических групп в современных мегаполисах мира // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. М., 2011. № 41 (134). С.73-80.
14. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность. М.: МОСУ, 2001. – 272 с.

**От «хлебной столицы» к «социалистическому городу»:
стратегии формирования городской идентичности
(на примере города Балаково Саратовской области)**

*Тулузакова Марина Валентиновна
Российская Академия Народного Хозяйства
и Государственной Службы при Президенте РФ
доктор социологических наук, доцент
tuluzakova@gmail.com*

Город Балаково находится на территории Саратовской области, к северо-востоку от Саратова на расстоянии 176 км. Как село Балаково ведет отсчет с 1762года.

На рубеже XVIII-XIX веков село находилось под огромным влиянием старообрядчества, которое стремительно распространялось по Заволжью благодаря бурному развитию раскольничьих монастырей на Большом Иргизе. Кроме того, через Балаково проходила так называемая "сиротская дорога", по которой пробирались в Сибирь и глухое Заволжье скрывавшиеся от преследования властей беглые государственные преступники и последователи различных раскольничьих сект. Однако ни раскольники, ни "транзитники" не превратили Балаково в село потенциальных бунтовщиков. Жизнь здесь была спокойной и размеренной. В середине XIX в. село считалось старообрядческим. Старообрядцы населяли его большую, левую часть, самую красивую и крепкую.

По объему купли-продажи зерна село Балаково ненамного отставало от крупного губернского города Самары, и поэтому во многих географических и энциклопедических справочниках и словарях его называли «пшеничной, или хлебной столицей». Балаковская хлебная биржа, как писал старообрядческий писатель Федор Мельников (1874-1960), «диктовала цены на хлеб лондонскому Сити». К середине XIX века, Балаково стало огромным на то время селом, где насчитывалось около 370 дворов, было две церкви. Также появились

первые учебные заведения – два училища для мальчиков и для девочек, где обучали письму и чтению. Уже в 50-х годах XIX столетия Балаково могло получить статус города, но реформы местного самоуправления – земств, которые последовали после отмены крепостного права, растянуло этот процесс на десятилетия.

Революция и гражданская война не принесли обещанного процветания. Из «хлебной столицы» Балаково превратилось в самый обыкновенный уездный, а потом районный городок. Борьба с купечеством и кулачеством, битва за колхозы и совхозы привела к тому, что балаковская экономика затормозилась в своем развитии. За первые 40 лет Советской власти город мало чем изменился. Разве что было уничтожено четыре церкви. Почти не изменилось и число жителей. Оно увеличилось всего на четыре тысячи: с 22-х до 26-ти.

Коренные изменения начались летом 1956 года. Приехали первые строители Саратовской ГЭС. Началась новая эпоха. Эпоха великих строек, пять из которых были обозначены как Всесоюзные комсомольские ударные: комбинат химволокна (с 1959 г.), Саратовская ГЭС (с. 1965 г.), Саратовский оросительный канал (с 1970 г.), химзавод (с 1972 г.) и Балаковская АЭС (с 1979 г.) За каких-то два-три десятка лет Балаково стало современным промышленным городом с населением в двести с лишним тысяч человек. В сжатые сроки был создан балаковский индустриальный комплекс, насчитывающий более двух десятков предприятий химии, машиностроения, энергетики, строительной индустрии, пищевой промышленности.

Феномен формирования городской идентичности непосредственно связан с изучением социально-пространственных и социально-временных сторон повседневной жизни провинциального города. Город как сложное социокультурное пространство способен формировать не только мировосприятие, но и модели поведения горожан. Для нас актуальность данного явления обусловлена несколькими причинами. С одной стороны, развитие социокультуры есть фактор модернизации и одновременно процесс перемен на уровне повседневной жизни. Во-вторых, провинциальная среда во многом служит почвой для создания не только новых талантов/идей, но и механизмов сохранения преемственности развития российского общества.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ ЮГА РОССИИ И МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ

Современный Волгоград: особенности структурной трансформации символического пространства города

Васильева Елена Геральдовна
Волгоградский государственный университет
кандидат философских наук, доцент
vasilievaeg@yandex.ru

В рамках социологического дискурса: социальное пространство города рассматривается как система, концентрирующая *социальность действия*. Городское социальное пространство можно представить как практики коммуникации, в которых конфигурируется традиция и повседневный опыт социального взаимодействия и объективируется определенная система социокультурных значений, регулирующих отношения (общение). При этом речь идет о структурной упорядоченности, которая определяет неформальные порядки общения (взаимодействия) в различных ситуациях повседневной коммуникации, является латентной и не вполне отчетливо рефлексивируется действующими субъектами, но которая объективируется в системе организационных порядков и соответствующих им социальных конвенций, составляющих необходимую основу институциональной самоорганизации действия.

В этой связи представляются значимыми результаты исследований особенностей повседневной коммуникации в «символически насыщенных» зонах городского социального пространства. Так, исследование локальных повседневных практик социального взаимодействия в рамках социального пространства улицы «Аллея героев» г.Волгограда (эта улица соотносится с административный, культурным, торговым центром города, где формируются основные потоки коммуникации) показало, что они структурируются в рамках нескольких локальностей, которые можно обозначить как рекреационно-коммуникационную, рекреационно-потребительскую и рекреационно-культурную зоны. Данные локальности могут быть соотнесены как с разновидностями социальной коммуникации, разграничиваемыми по функционально-структурному и содержательно-смысловому основаниям, так и со структурами географического пространства, объективированными в архитектурно-градостроительном комплексе и инфраструктуре современной городской среды.

Специфика практик коммуникации и пространственная локализация зон соотносится со структурной конфигурацией внешних и внутренних условий социального действия и включает в себя коммуникационные события, типовые ситуации взаимодействия, архитектурные комплексы, транслирующие символические значения и смыслы, связанные с образом города, коммуникационные потоки, инфраструктурные элементы городской среды.

В целом для сегодняшнего Волгограда характерна следующая структурная динамика, определяющая трансформацию социального символического пространства:

- значительная дифференциация процессов социокультурной легитимации действия, связанная, если не с исчезновением, то значительным изменением смыслового содержания, типичного для советской и переходной рыночной эпох, а также социокультурной переинтерпретацией социалистических и рыночных ценностей;
- сохраняющееся доминирование комплекса символических значений, связанных с военным подвигом Сталинграда (соотносящимся, прежде всего, с Великой Отечественной, а не с гражданской войной), которые все больше интерпретируются в смысложизненном, а не политико-идеологическом аспекте;
- разграничение «современных» и «прошлых» символов и образов города, развитие и усложнение структур социального восприятия символики Волгограда и, одновременно, поляризация образов города в массовом восприятии;
- появление новых организационных и коммуникационных порядков действия, связанных с идейно-смысловыми значениями общества современности как рыночного общества (общества потребления, развлечения, досуга);
- формирование нового комплекса социокультурных легитимаций на основе практик реформирования традиционных образов-символов Волгограда в структуру смыслов и образов общества постсовременности, «замена» символического содержания более функциональным – коммуникативным – значением;
- значимое влияние на организационные порядки коммуникации (действия) и выработку легитимирующих конвенций целого ряда социальных акторов (прежде всего, муниципальной власти, региональных отделений политических партий, местных предпринимателей, силовых структур);
- преобладание акционистских практик целенаправленной коммуникации (связанных, прежде всего, с деятельностью НКО), а также неоднозначное влияние данных практик на традиционную культуру общественной солидарности.

Социальное пространство Волгоградской области как основа формирования имиджа региона

*Дроздова Юлия Алексеевна
Волгоградский филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
кандидат социологических наук, доцент
juliadrozdova@mail.ru*

Территориальное развитие можно рассмотреть, используя физическую категорию «траектория». Дефиниция «траектория» позволяет нам проанализировать

зировать развитие Волгоградского региона, выявить основные проблемы и пути их решения, определить те изменения региональной системы, которые влияют и определяют локальный контекст провинциального региона.

Характеризуя социально-экономическую ситуацию в Волгоградской области за последние два года, опрошенное население выбрало следующие позиции: «значительно улучшилась» – 3,7%; «не изменилась» – 34,7%, «стала несколько лучше» – 15,5%; «стала несколько хуже» – 25,4%; «значительно ухудшилась» – 15,0% респондентов (опрос населения Волгоградской области в рамках реализации гранта РГНФ 13-13-34009 «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ» (N=1000; июль-сентябрь 2013 года). О траектории депрессивного региона свидетельствуют высказывания внутренних и внешних экспертов. Так, по мнению внутреннего эксперта № 37: *«К сожалению, по факту, Волгоградская область стала хуже развиваться. То есть, город как будто движется вперед: об этом пишут и говорят, – но, по факту, для населения, я вижу ухудшение положения».*

Об этом свидетельствуют и данные социально-экономического отчета Волгоградской области в 2015- 2016 году.

Проведенное автором социологическое исследование позволило выявить привлекательность Волгоградского региона с точки зрения различных целевых групп (население, инвесторы, фермеры, туристы, научные работники, молодежь, студенты и т.д.). По данным регионального исследования для основных целевых аудиторий преобладает оценка средней привлекательности Волгоградской области. Так, в оценках респондентов, для инвесторов и представителей крупного бизнеса регион является «средне привлекательным» – 31,3% опрошенных; для предпринимателей также преобладает данная оценка – 35,3 % участников опроса.

О локальном контексте «убывающего» региона свидетельствуют и высказывания информантов: *«Высококвалифицированные специалисты покидают регион. Для инвесторов крупного бизнеса он абсолютно не привлекателен в силу неустойчивости власти. ...Все тот же «беспредел», коррупция, высокая цена на аренду помещений. Да, это бренд, для иностранных туристов, но, с другой стороны, люди все менее охотно ездят туда, где нет достойной туристической инфраструктуры. Ниже среднего. Для российских туристов идентичная ситуация»* (внешний эксперт № 5); *«.. Для предпринимателей регион скорее непривлекательный, потому что власть никак не поддерживает, но готовится сейчас пакет документов законодательства, который повысит инвестиционную привлекательность. Вот когда он появится. Для фермеров и сельхозпроизводителей... скорее всего, средний, нет инфраструктуры, системы сбыта. Для российских туристов... ну, тоже самое, что и для иностранных туристов. У региона нет «фишки». Нет туристического комплекса, который включал бы в себя и мемориальную часть. Для молодежи, студентов, средний уровень привлекательности, потому что какие-то молодежные мероприятия реализуются в регионе, но волгоградские ВУЗы уступают ВУЗам столичным»* (внутренний эксперт №1).

Следовательно, на сегодняшний день мы можем констатировать слабую привлекательность региона для основных целевых групп регионального пространства, что, безусловно, затрудняет формирование имиджа региона, свидетельствует о негативных тенденциях в этом процессе и предполагает большие усилия субъектов управления для изменения ситуации в Волгоградской области.

Имидж региона формируется в сознании общественности в результате непосредственного контакта с политической, экономической, социальной и культурной средой региона. Восприятие и оценка региона населением зависит от степени удовлетворенности регионом как местом жительства, которая характеризуется достигнутым качеством жизни, преимуществами, которыми обладает Волгоградская область в сравнении с другими российскими регионами, что является важным ресурсом инвестиционной привлекательности региона и формирования позитивного имиджа региона.

Инвестиционные аспекты пространственного развития городских территорий Республики Дагестан

*Зотова Алла Ивановна
Южный федеральный университет
кандидат экономических наук, доцент
alla.zotova@list.ru*

*Шевченко Дмитрий Александрович
Южный федеральный университет
кандидат экономических наук, доцент
dashevchenko@sfnu.ru*

*Гаджиев Юсуф Муминович
Южный федеральный университет
магистрант
bokser.bokser.2012@mail.ru*

Необходимым условием и важнейшей составляющей устойчивого социально-экономического развития является возможность инвестиционного обеспечения модернизационных процессов, соответствующая реальным потребностям и специфике конкретных территориальных образований. В наиболее общем виде под инвестированием понимаются долгосрочные вложения капитала с целью его увеличения или получения других положительных эффектов, как правило, повышающих уровень конкурентоспособности: социальных, инновационных, экологических. В зависимости от целей, объектом и сферой приложения инвестиций могут выступать предприятия, социально-экономические программы и разнообразные проекты.

Региональные инвестиции подразумевают долгосрочные вложения широкого круга инвесторов (населения, коммерческих организаций, фондов, государственных и муниципальных структур) в экономику и социальную сферу отдельного региона. Целями регионального инвестирования могут являться

получение прибыли, создание надёжной финансовой базы региона, повышение его хозяйственной самодостаточности, выравнивание диспропорций развития между несколькими отраслей, совершенствование структуры производства, создание новых рабочих мест, повышение производительности и улучшение условий труда. Кроме этого, региональные инвестиции играют большую роль для экономической стабильности государства в целом, так как помогают обеспечивать гармоничное социально-экономическое взаимодействие между субъектами. Причем рассматривая регион как территорию в административных границах конкретного субъекта Федерации, в архитектуру региональной финансовой системы справедливо включать не только уровень субъекта Федерации, но и муниципальный уровень [4, с. 82]. В условиях усилившейся в последние годы конкурентной борьбы за инвестиционные ресурсы между отдельными административно-территориальными образованиями и на фоне тенденции к усложнению связей внутри экономической системы государства, построение цельной стратегии рационализации и совершенствования работы организационно-правовых структур в интересах сбалансированного пространственного развития представляется чрезвычайно актуальным вопросом.

Для городских территорий регионального значения инвестиционная поддержка является основой направленного экономического развития, формирования и успешной реализации значимых проектов модернизации городской инфраструктуры, решения актуальных проблем территории. Большое количество реальных и потенциальных участников инвестиционного процесса, а также возможность свободного перемещения капитала и других ресурсов внутри регионов и между ними формируют объективные условия привлечения и освоения инвестиций. Вместе с тем слабая инвестиционная активность населения, связанная с низким уровнем доходов и неравномерным их распределением [10, с. 327], а также недостаток долгосрочных ресурсов, необходимых для инновационного развития экономики [9, с. 92], задаются общим состоянием финансовой системы. Учитывая общегосударственную инвестиционную среду, инвесторы выбирают объекты вложения средств на основе множества индивидуализированных критериев, которые в итоге определяют уровень инвестиционной обеспеченности региональных и городских модернизационных проектов.

Совокупность различных субъективных и объективных ограничений и возможностей, обуславливающих интенсивность привлечения и эффективность использования инвестиций в хозяйственной системе региона, характеризует инвестиционную привлекательность региона, которую традиционно интерпретируют через категории инвестиционного потенциала и инвестиционного риска [8, с. 62].

Рейтинговое агентство «Эксперт РА» ежегодно оценивает инвестиционную привлекательность регионов России именно с позиции инвестиционного потенциала и инвестиционного риска. Потенциал показывает, какую долю регион занимает на общероссийском рынке, риск – какими могут оказать-

ся для инвестора масштабы тех или иных проблем в регионе. Суммарный потенциал состоит из девяти составляющих [6, с. 9]:

- трудовой, характеризующей развитие трудовых ресурсов и их образовательный уровень;
- финансовой, определяемой объемом налоговой базы, прибыльностью предприятий региона и доходами населения;
- производственной, основанной на оценке совокупного результата хозяйственной деятельности населения в регионе (валового регионального продукта);
- потребительской, характеризующей совокупную покупательную способность региона, емкость рынков товаров и услуг;
- институциональной, оценивающей степень развития ведущих институтов рыночной экономики;
- природно-ресурсный, определяющий обеспеченность региона балансовыми запасами основных видов природных ресурсов;
- инфраструктурный, основанный на экономико-географическом положении региона и его инфраструктурной обеспеченности;
- туристический, зависящий от наличия мест посещения туристами и отдыхающими, а также мест развлечения и размещения для туристов;
- инновационный, определяемый по уровню развития науки и внедрения достижений научно-технического прогресса в регионе.

Суммарный инвестиционный риск формируется из шести частных рисков: финансового, социального, управленческого, экономического, экологического и криминального. Вклад каждого частного риска или потенциала в итоговый индикатор оценивается на основе анкетирования представителей экспертного, инвестиционного и банковского сообществ [6, с. 9].

По уровню инвестиционного потенциала Республика Дагестан заняла в рейтинге РА «Эксперт» за 2015 год место №29, а по уровню инвестиционного риска – №83. Значение уровней развития отдельных элементов инвестиционного потенциала по итогам анализа рейтингового агентства представлено в таблице 1.

Таблица 1 - Позиция Республики Дагестан в рейтинге инвестиционного потенциала регионов России по элементам [Составлено по данным 6]

Элемент инвестиционного потенциала	2015 г.	2014 г.	2013 г.
Трудовой	18	19	15
Потребительский	12	12	12
Производственный	56	57	56
Финансовый	16	18	17
Институциональный	52	34	34
Инновационный	36	23	25
Инфраструктурный	43	35	25
Природно-ресурсный	42	41	41
Туристический	49	46	46
Общий ранг потенциала	29	29	26

Представленные данные свидетельствуют о том, что относительно высокий уровень инвестиционного потенциала (29 из 85 субъектов Российской Федерации) обеспечивается хорошими значениями по элементам «потребление» (12), финансы (16), трудовые ресурсы (18). Остальные элементы имеют примерно средний по стране рейтинг, причем самые слабые оценки получили производственный и институциональный потенциал (соответственно 56 и 52). Значения факторов инвестиционного потенциала по Республике Дагестан превосходят средние значения по СКФО практически во всех категориях. Исключением является лишь инфраструктурный ранг, в котором позиции республики значительно хуже, чем средний медианный показатель по федеральному округу. Также можно отметить, что по большинству элементов инвестиционного потенциала за последние три года не было существенных изменений. Значительно ухудшилось значение институционального элемента (с 34 ранга до 52 ранга), и незначительно – инновационного и инфраструктурного.

С инвестиционным риском в Республике Дагестан ситуация очень сложная. Ранг 83 означает, что она входит в тройку самых рискованных для инвестиций субъектов Российской Федерации. На первом и втором местах по степени риска (с рангами 85 и 84 соответственно) находятся Республика Тыва и Республика Ингушетия. Однако по элементам инвестиционного риска в Дагестане нет единой ситуации. Так, очень рискованным субъект является по криминальному, финансовому и управленческому элементам (показатели 85, 83, 79). В то же время по показателям экологического и экономического риска Дагестан превосходит большинство российских регионов, занимая в обоих случаях 23 место (таблица 2).

Таблица 2 - Позиция Республики Дагестан в рейтинге инвестиционного риска регионов России по элементам [Составлено по данным 6]

Элемент инвестиционного риска	2015 г.	2014 г.	2013 г.
Социальный	46	76	68
Экономический	23	8	27
Финансовый	82	80	80
Криминальный	85	83	83
Экологический	23	24	20
Управленческий	79	81	75
Общий ранг риска	83	81	79

Из элементов рискового показателя значительное улучшение демонстрирует только социальный (с ранга 68 до ранга 46), а все остальные практически без изменений за последние три года. По итогам совмещения анализа инвестиционного потенциала и инвестиционного риска Республика Дагестан вошла в группу регионов с низким потенциалом и экстремальным риском.

На наш взгляд, управление инвестиционным обеспечением пространственного развития Республики Дагестан должно быть направлено на прирост и полноценную реализацию инвестиционного потенциала региона наряду с уменьшением инвестиционных рисков по выявленным проблемным сферам.

В этом ключевая роль принадлежит городским территориям республики. Девять городских округов формируют центры опережающего экономического развития Дагестана, в частности, города Махачкала, Кизляр, Хасавюрт, Кизилюрт, Буйнакс, Каспийск, Избербаш, Дагестанские Огни, Дербент.

Наибольшая экономическая активность наблюдается в столице республики, городе Махачкала, который выделен в отдельную территориальную зону в соответствии со Стратегией социально-экономического развития Республики Дагестан до 2025 г. [7, с. 25] С учетом экономических, природно-климатических и рельефных характеристик в регионе выделяются еще четыре территориальные зоны, а именно:

- Северный Дагестан как центр развития агропромышленного комплекса, с упором на овцеводство, переработку продукции растительного происхождения;

- Центральный Дагестан как центр развития промышленного комплекса, заготовительных и общетехнологических предприятий, делового туризма и размещения торгово-транспортно-логистических структур;

- Прибрежный Дагестан как центр развития морского, пляжного, лечебно-оздоровительного туризма, виноградарства, виноделия, плодоовощеводства с переработкой, научно-образовательного комплекса;

- Горный Дагестан как центр развития исторического, спортивного, делового, экологического туризма, альпинизма, эффективного агропромышленного комплекса, строительной индустрии, художественных промыслов и выпуска экологически чистой продукции.

На город Махачкала как самостоятельную территориальную зону приходится 63,6% объема производства товаров, оказания работ и услуг в Республике Дагестан. В нем проживают около 600 тыс. человек, что делает город крупнейшим по численности в Северо-Кавказском федеральном округе. В этой территориальной зоне городского округа Махачкалы зарегистрировано наибольшее количество юридических лиц по сравнению со всеми остальными муниципальными образованиями Республики Дагестан, сконцентрировано основное промышленное производство, наиболее активно используются кредитные ресурсы [5, с. 149].

В условиях существенной концентрации населения и предпринимательских структур на ограниченной территории крупнейшей городской агломерации Республики Дагестан, включающей города Махачкала и Каспийск (Махачкалинская агломерация), следует уделять особое внимание инвестиционному обеспечению как основных производственных и сервисных отраслей, так и социальной и рыночной инфраструктуры. Такой территориально-центрированный подход, в отличие от ориентированного на развитие конкретных отраслей или сфер деятельности, наиболее полно реализуется в рамках кластерной организации регионального хозяйства [3, с.304]. В качестве основы социально-экономической политики региона она представляет собой комплекс мер стимулирования стратегического развития взаимосвязанных

производств, расположенных на определенной территории, и связанных с ними организаций, в том числе и инфраструктурных (финансовой, деловой, производственной, рыночной, трудовой и т.д. инфраструктуры) [2, с. 102]. Учитывая результаты элементного анализа инвестиционной привлекательности и потенциала Республики Дагестан, а также особенности социально-экономического развития и географического положения, можно выделить следующие приоритетные кластеры развития территории города Махачкала: транспорт, туризм, инфраструктура предпринимательской деятельности.

Выгодное экономико-географическое расположение Махачкалы на пересечениях важнейших транспортных магистралей имеет первостепенное значение для развития города. Территория, находящаяся за пределами городов Махачкала и Каспийск и связанная с ними транспортом, формирует спутниковую зону, куда входят 3 городских округа: «город Кизилюрт», «город Буйнакск», «город Избербаш», и 4 муниципальных районов – Кумторкалинский, Буйнакский, Кизилюртовский, Карабудахкентский [5, с. 149]. Одним из ключевых объектов транспортной инфраструктуры Северного Кавказа является Махачкалинский морской торговый порт – единственный незамерзающий порт России на Каспии, выгодно расположенный в зоне международных транспортных коридоров «Север – Юг», «Восток – Запад». В 15 километрах от Махачкалы расположен аэропорт, имеющий стратегическое значение, в том числе для технических и транзитных перевозок.

К территории города Махачкала относятся основные мощности транспортно-логистических комплексов, основной каркас «Каспийского хаба», развитие которого способно определять перспективы инновационного развития всей территории Республики Дагестан.

Индустрия туризма становится в настоящее время одной из самых перспективных отраслей экономики республик Северного Кавказа, имея значительный мультипликативный эффект и выступая своеобразным катализатором социально-экономического развития территорий, положительно влияющим на рост занятости населения, стимулирующим развитие смежных отраслей экономики, развивающим инфраструктуру и коммуникации в регионах. Туристический потенциал Махачкалы базируется на совокупности климатических (теплый климат), рельефных (морские песчаные пляжи, минеральные воды и лечебные грязи), исторических особенностей города в сочетании с хорошей транспортной доступностью, этническим и культурным разнообразием. Махачкала располагает 7 пляжами, 5 парками, 5 лечебно-профилактическими учреждениями, 30 спортивно-оздоровительными комплексами.

Воссоздание и наращивание потенциала рекреационного хозяйства республики, использование благоприятных природно-климатических условий для комплексного развития туристско-курортного обслуживания населения являются одним из наиболее привлекательных для инвестирования секторов экономики республики.

Развитие бизнес-инфраструктуры предполагает инвестирование в строительство современных гостиниц и бизнес-центров, развитие сферы ус-

луг и институтов поддержки предпринимательства. Это актуально не только для города Махачкала, но и для всей республики. Как показал анализ ключевых элементов инвестиционного риска Республики Дагестан, основные барьеры на пути повышения инвестиционной привлекательности региона имеют не экономический или социальный, а институциональный характер, в т.ч. качество управления и эффективность финансовых механизмов. Поэтому необходимо создать такую институциональную среду в Дагестане, которая способствовала бы сбалансированному устойчивому развитию республики. Региональными нормативными актами определены следующие приоритеты институциональной модернизации [1]:

-развитие региональной институциональной системы государственного управления;

- формирование деловой и общественной институциональной среды;
- формирование системы государственно-частных институтов развития;
- повышение качества регионального законодательства и контроля за исполнением законодательных актов.

Безусловно, основные институты будут концентрироваться в столице республики и благоприятно скажутся на развитии городской среды и местного сообщества. В Махачкале действуют Торгово-Промышленная Палата Республики Дагестан (ТПП РД), ОАО «Корпорация развития Дагестана», Гарантийный фонд Республики Дагестан. Они становятся важнейшими посредниками между экономикой региона и внешними инвесторами, организаторами реального инвестиционного процесса, на деле выполнять функции институтов развития.

Таким образом, ключевыми инструментами формирования инвестиционной базы сбалансированного развития городских территорий Республики Дагестан являются концентрация усилий на транспортном, туристическом и институциональном кластерах, более активное развитие существующих институтов социально-экономического развития. Сконцентрированный в городских округах Республики Дагестан, прежде всего в Махачкалинской агломерации, инвестиционный, природный и организационно-методический потенциал можно целенаправленно использовать для улучшения системы управления территориальным развитием, уменьшения относительно высоких инвестиционных рисков и улучшения инвестиционного климата региона.

Источники и литература

1. Закон Республики Дагестан «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Дагестан до 2025 года» №38 от 15.07.2011 г. <http://portal.minfinrd.ru/Show/Category/15?ItemId=92>

2. Абдулманапов С.Г., Кунбутаев Т.Н.-И. Перспективы формирования экономических кластеров в Республике Дагестан // Вопросы экономики и права. – 2015. – № 1.

3. Давыденко И.Г., Назаренко Ю.П. Теоретико-эмпирический анализ процесса кластеризации российской экономики // Экономика, финансы и менеджмент: тенденции и перспективы развития. Сборник научных трудов по

итогах международной научно-практической конференции. №2. – Волгоград: ИЦРОН, 2015.

4. Зотова А.И., Кириченко М.В. Финансовая система региона: структурно-функциональный аспект // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2015. - №11-12.

5. Кунбутаев Т.-Н.И., Шахрутдинова А.Ш. Проблемы территориального развития муниципальных образований и формирования махачкалинской агломерации // Фундаментальные исследования. – 2015. - №12-1.

6. Столбова А., Кабалинский Д. Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов 2015 года. – М.: ЭкспертРА, 2016. <http://www.raexpert.ru/ratings/regions/2015/method/>

7. Стратегия социально-экономического развития Республики Дагестан до 2025 года. Материалы проекта документа. – Махачкала: Министерство экономики РД, 2011.

8. Федотова М.А., Лосева О.В. Оценка факторов роста инвестиционной привлекательности регионов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2015. - №2.

9. Шевченко Д.А., Тедеев З.Г. О задачах банковской системы по финансовому обеспечению инновационного развития // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. – 2014. - №42.

10. Шевченко Д.А., Шахвардиев И.В. Возможности регулирования инвестиционно-сберегательного поведения населения России // Молодой ученый. – 2015. – №16.

Экскурсионный турпродукт в условиях модернизации туристического бизнеса г. Ростова-на-Дону

*Конанова Евгения Игоревна
Южный федеральный университет
кандидат исторических наук, доцент
konanova-evgeniy@mail.ru*

Правительством Ростовской области в 2013 г. была разработана и принята Государственная программа Ростовской области «развитие культуры и туризма» (подпрограмма «Туризм») сроком действия до 2020 г., предусматривающая: создание современной конкурентоспособной туристско-рекреационной отрасли как одной из ведущих отраслей специализации Ростовской области; становление Ростовской области как одного из наиболее привлекательных туристско-рекреационных центров Юга России и Северного Кавказа; укрепление имиджа Ростовской области как территории туризма и отдыха и другие. В основе реализации программы: мероприятия информационного сопровождения туристской деятельности, внедрение навигационных туристских систем, презентации регионального турпродукта на крупных международных

конгрессно-выставочных форумах, инфотуры по туристским маршрутам Ростовской области туристские событийные мероприятия, отражающие ее уникальность [1].

С 2015 г. Ростовская область в рамках программы «Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года» подключилась к ее выполнению по всем направлениям, среди которых улучшение транспортной инфраструктуры, развитие перспективных видов туризма, информационная доступность [2].

Мониторинг туристического бизнеса города Ростова-на-Дону, позволил констатировать конкурентоспособность предложений экскурсионного турпродукта, ориентированных на внутренний и въездной туризм, с учетом финансовых и интеллектуальных потребностей заказчиков услуг. В исследовании, анализировалась информация турфирм: «Спутник» [3], ООО «Рейна - Тур НТВ» [4], «Ростов-Тур» [5], «Парус» [6], «Круиз» [7], экскурсионного бюро «Родные просторы» [8].

Традиционными и наиболее востребованными для въездного туристического потока, являются экскурсионные программы: «Столица казачества – Новочеркасск», «Южная столица» (г. Ростов-на-Дону), «Жемчужина Дона», «Сокровища старого города» (ст. Старочеркасская), «Семикаракорский фаянс» и «Фаянс Дона» (г. Семикаракорск), «В гости к донским казакам», «К истокам «Тихого Дона», «Как у нас, да на Тихом Дону!».

Различные варианты обзорных экскурсий турфирм: «Спутник», ООО «Рейна-Тур НТВ», «Ростов-тур», «Парус». Как правило, все маршруты начинаются на набережной Ростова-на-Дону, и пролегает через центральные улицы, площади и парки города. Туристам предоставляется два варианта экскурсии: пешеходная или обзорная автобусная, в связи с этим их маршруты немного отличаются. Оригинальную экскурсию предлагают турфирма «Рейна-Тур НТВ» и экскурсионное бюро «Родные просторы»: следование по маршруту совершается на Ретро-поезде, в котором соблюдены как технические особенности поездов прошлого, так и их внешний вид.

Тематические экскурсионные программы: «Ростов купеческий» (экскурсионное бюро «Родные просторы», турфирма «Спутник»); «Колокола христианской памяти» («Спутник», «Ростов-Тур», «Парус»), «Религии мира и ростовчане», «Христианские памятники Ростова» (ТК «Золотые купола»); «ВУЗы Ростова-на-Дону» (ТК «Золотые купола»).

Оригинальный формат экскурсий под слоганом «Ростов-папа» или «Авантюристы старого города», о криминальном периоде в истории Ростова-на-Дону, ТК «Рейна-Тур НТВ», «Красочный мир», экскурсионному бюро «Родные просторы».

Традиционно пользуются спросом экскурсии по местам памяти Великой Отечественной войны, с посещением нескольких городов: Ростов-на-Дону, Азов, Таганрог, Аксай. Турфирмы «Ростов-тур», «Парус», «Спутник», экскурсионному бюро «Родные просторы».

В целом, наиболее разносторонние и необычные туры предлагают:

- туристическая компания ООО «Рейна-Тур НТВ», в частности, экскурсия в Информационный центр по атомной энергии.

- экскурсионное бюро «Родные просторы», например, экскурсионный турпродукт «Тропы любви», о роковых взаимоотношениях между представителями бизнеса, выдающимися купеческими фамилиями города, творческой элиты и служительницами Мельпомены, актрисами, танцовщицами, балеринами.

Тенденцией времени являются квест-программы, предлагающие наиболее активному туристу, интеллектуальное, спортивное соревнование с познавательными целями. Большим потенциалом, в полной мере не реализованным, располагают конгрессно-выставочный, деловой, гастрономический туризм и др.

Для продвижения туристического бренда г. Ростова-на-Дону, необходимо постоянное обновление турпродукта, с формированием инновационных экскурсионных программ. Например, для профильных групп туристов, ориентированных на изучение истории и освоение необычных технологических приемов и сложных инженерных конструкций в строительстве мостов. Мостостроение воспринимается как узко профильная сфера деятельности. Тем не менее, целевая группа для внутреннего туризма: старшие школьники, студенты средних профессиональных учреждений (колледжей), студенты Вузов, профессиональные кадры (с целью повышения квалификации), специалисты из других областей России, которым будет интересен опыт ростовских мостостроителей. Въездной туризм: иностранцы, особенно туристы из стран Азии.

Экскурсионный турпродукт «Инженерные шедевры мостостроения г. Ростова-на-Дону», включает знакомство и посещение историко-архитектурных и производственных памятников по маршруту: Музей железнодорожной техники Северокавказской железной дороги→ Железнодорожный разводной мост→Темерницкий мост→Ворошиловский мост→мостостроительная компания Южного региона ОАО «Ростовавтомост». На протяжении всей экскурсионной программы, туристы познакомятся не только с фактами истории создания объектов, личностями талантливых архитекторов-проектировщиков и мостостроителей, но и уникальными инженерными и техническими изобретениями, в том числе оригинальной технологией комбинированных материалов, повышающих прочность и устойчивость конструкций. Так, например, Ростовский железнодорожный мост был возведен в 1875 году при строительстве Ростово-владикавказской железной дороги, архитектор Э.М. Зубов. Первоначально, расположенный в низине реки Темерник, мост был, однопутным, состоял из пяти металлических пролетов, средний из которых разворачивался на 90 градусов, в положение вдоль течения реки, тем самым создавая проход для большегрузных пароходов. Позднее, выяснилось, что мост не безопасен. В непогоду, даже при небольших порывах ветра, средний пролет, отведенный в сторону, нередко наваливался на проходившие под ним большегрузные суда, что несло тяжелые повреждения. В 1912 году были начаты работы по строительству нового, двухпутного моста, который решил

бы проблему возрастающего потока железнодорожного транспорта, сохранив и модернизировав разводную конструкцию. Проектированием безопасного и эффективного объекта занялись учёные-мостостроители Н.А. Белелюбский и Г.П. Передерия [9, с.78-91]. Для строительства моста была выбрана вертикально - подъемная система. Впервые такие разводные мосты стали строить в конце XIX века в США. Мост через Дон оригинальной конструкции, стал первым не только в России, но и в Европе. Руководили его возведением инженер путей сообщения К.Н. Симберг и производитель работ В.Д. Солнцев [10]. Строительство моста было окончено в 1917 году. В 1941 г., фугасный снаряд уничтожил уникальную конструкцию. Последний (третий по счету) железнодорожный разводной мост, был построен и сдан в эксплуатацию в 1952 году. Во второй половине XX века были построены ещё два железнодорожных мостовых перехода через Дон: Нахичеванский, в районе Зелёного острова (участок Кизитеринка — Батайск) и Гниловской, на западном обходе ростовского узла. Таким образом, каждый из пяти объектов маршрута, располагает большим потенциалом информации, в зависимости от интересов целевой группы потребителей.

Варианты реализации предлагаемого экскурсионного продукта «Инженерные шедевры мостостроения г. Ростова-на-Дону» информирование в буклетах, электронной рассылке, социальных сетях представителей среднепрофессиональных и высших учебных заведений, реализующих программы по направлению «мостостроение» вг. Ростове-на-Дону, регионов России. Возможны договоры с туроператорами и экскурсионными бюро города, с включением данного экскурсионного продукта в комплекс предлагаемых программ. В условиях конкуренции предложений, повторяемости экскурсионных программ, расширения туристического спроса, с привлечением максимальной целевой аудитории, предлагаемый турпродукт может позиционироваться как вполне отвечающий интересам и возможностям туристов Южного региона и России.

Источники и литература

1. Государственная программа «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020 годы// Официальный сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/programs/217/about/>(дата обращения: 15.08.2016).

2. Официальный портал Правительства Ростовской области// В. Голубев: Чемпионат мира по футболу FIFA 2018 в России. URL: <http://www.donland.ru> (дата обращения: 12.09.2016).

3. Официальный сайт ТК «Спутник» //Туры по Ростову и области.URL: http://www.sputnikrostov.ru/tour/priemrostov/turyrostov/priemrostov_449.html<http://ardexpert.ru/article/2586> (дата обращения:25.09.2016).

4. Официальный сайт Рейна-Тур НТВ// приём на Дону//экскурсииURL: http://www.reina-tour.ru/Priem_na_Donu/Ekskursii.aspx(дата обращения: 25.09.2016).

5. Официальный сайт ТК ООО «Ростов-тур»//Экскурсии по городу и области. URL:<http://rostov-tour.ru/view.php?cmd=rus/ex/rostov>(дата обращения: 25.09.2016).
6. Официальный сайт ТК «Парус»// Экскурсии по Ростову-на-Дону и Ростовской области. URL: <http://www.parus-t.ru>(дата обращения: 23.09.2016).
7. Официальный сайт ТК «Круиз»//Экскурсии по Ростову-на-Дону. URL: <http://www.cruise-don.ru>(дата обращения: 26.09.2016).
8. Официальный сайт экскурсионного бюро «Родные просторы»// Экскурсии по Ростову-на-Дону и Ростовской области. URL:<http://rodnieprostori.ru/ekskursii-na-parovoze-iz-rostova/>(дата обращения: 26.09.2016).
9. Рыжак С.А., Зензинов Н.А. Гордость русского мостостроительства// Рыжак С. А., Зензинов Н. А. Выдающиеся инженеры и ученые железнодорожного транспорта. М., 1990.
10. Сидоренко В.Т. Время разводить мосты. Из истории железнодорожных мостов через реку Дон//Донской временник, № 2, 2007. URL: http://www.donvrem.dermatology.ru/Files/article/m11/0/art.aspx?art_id=183(дата обращения: 20.09.2016).

**Влияние кризисных явлений в современной экономике
на осуществление предпринимательской деятельности
в периферийном городе на примере Ростова-на-Дону**

*Кравець Виктория Сергеевна
Южный федеральный университет
кандидат исторических наук, доцент
vkkravec@rambler.ru*

Значение предпринимательской и бизнесдеятельности для экономики и социальной сферы, как в масштабах области, так и любого муниципального образования, преувеличить едва ли возможно. Малому бизнесу отводится важная роль в хозяйстве страны, так как такие предприятия позволяют расширить сферу приложения труда, обеспечивают потенциал для реализации коммерческой деятельности населения, применения творческих сил, побуждают развитие семейного бизнеса, снижают социальную напряженность и обеспечивают экономический рост. Прежде всего, успешная предпринимательская деятельность – это организация новых рабочих мест и обеспечение занятости населения, создание конкурентной среды и стимул для экономики, наполнение рынка товарами и услугами.

Развитие малого предпринимательства - стратегический приоритет современной политики правительства России. Ориентируясь на уровень развития малого бизнеса в развитых странах, в документах федерального и регионального уровня в обязательном порядке разрабатываются задания по уровню развития малого бизнеса и стимулы по его активизации. Созданы профессиональные ассоциации, объединившие представителей малых предприятий. В рамках научных международных и отечественных форумов проблематика,

связанная с особенностями малого предпринимательства, выделяется в специализированные секции. На эту тему написаны монографии, есть обширная научная литература, защищены кандидатские и докторские диссертации. Яркий пример тому, исследование В.А. Сущенко, где автор показывает историю становления и развития предпринимательства в России [4]. Значимые моменты истории предпринимательства весьма серьезно освещены в сборниках «История предпринимательства в России. От средневековья до середины XIX века» [2] и «История предпринимательства в России. Вторая половина XIX – начало XX века» [1]. Однако, несмотря на государственную заинтересованность, общественный резонанс и всестороннюю помощь, кардинальных изменений в развитии малого бизнеса в России не происходит.

По данным Ростовстата, по состоянию на 31.12.2014г. в городе Ростове-на-Дону было зарегистрировано 72,6 тыс. хозяйствующих субъектов (или около 40% всех малых, средних предприятий и индивидуальных предпринимателей области), на которых трудится более 202,5 тыс. человек (10% от общего числа занятых в экономике Дона). 9% произведенной в Ростовской области промышленной продукции выпускается малыми, средними предприятиями и индивидуальными предпринимателями г. Ростова-на-Дону. Около 30% областного оборота розничной и оптовой торговли, почти 50% рынка общественного питания - вклад ростовских представителей малого и среднего бизнеса. Треть гостиниц, действующих в области, и 58% всех турфирм сосредоточены в г. Ростове-на-Дону. Практически одна пятая часть платных услуг населению области оказывается субъектами малого и среднего предпринимательства г. Ростова-на-Дону [3].

Предпринимательство в экономике малых городов сталкивается со специфическими трудностями: те проблемы, которые весьма значимы для периферийного бизнеса, для центра нередко имеют второстепенный характер, и наоборот. В российской экономике предпринимательство малого города не реализовало пока всего своего потенциала. Более того, данные статистики позволяют говорить о доминировании отрицательных тенденций (значительная доля неформального сектора, низкая рентабельность). Анализ материалов ежегодно доклада Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей позволяет сделать вывод о том, что, в целом, в различных субъектах РФ существуют одни и те же «проблемы малого бизнеса». Неопределенность экономической ситуации, снижающийся спрос на внутреннем рынке, высокий уровень налогообложения, сложность бюрократических процедур, высокие процентные ставки по кредитам, непрозрачность государственных закупок - далеко не единственные проблемы, с которыми сталкивается сегодня малый бизнес [4].

Если говорить более конкретно, то можно выделить следующие ключевые проблемы малого и среднего бизнеса (на примере города Ростова-на-Дону):

- проблемы, связанные с размещением бизнеса (доступ к государственному (муниципальному) имуществу, сложности с получением земельных участков для предпринимательской деятельности.
- высокий уровень налоговых и иных сборов, страховых взносов во внебюджетные фонды;
- разрешительные процедуры (лицензирование, сертификация и т.д.);
- отсутствие собственных финансовых средств для развития бизнеса и высокая стоимость кредитных ресурсов;
- взаимодействие с организациями, занимающими доминирующее положение на рынке;
- дефицит кадров, соблюдение норм трудового законодательства;
- участие в государственных (муниципальных) конкурсах (аукционах);
- избыточное давление контрольно-надзорных органов.

По данным доклада Уполномоченного при президенте РФ по защите прав предпринимателей около 60% субъектов малого и среднего предпринимательства считают, что происходящие кризисные явления значительно ухудшили ситуацию для развития предпринимательской деятельности в их регионе. Не исключением в этом смысле являются и предприниматели города Ростова-на-Дону.

Результаты социологического опроса, подготовленного некоммерческим партнерством «Ростовское региональное агентство поддержки предпринимательства», показывают, что 60,51% СМСП испытывают негативные последствия кризиса, что на 19,94% больше, чем в прошлом году. 42,07% предпринимателей отмечают значительное снижение прибыли, 15,70% - были вынуждены отказаться от найма рабочей силы либо сократить штат (количество) сотрудников, 2,74% - находятся на этапе закрытия бизнеса [4].

Следует отметить, что в течение последних нескольких лет на процессы бизнес-демографии существенное влияние оказало изменение нормативно-правовой среды. Увеличение финансовой нагрузки на бизнес-сообщество, в связи с ростом отчислений по обязательному пенсионному страхованию, привело к массовому снятию с учета в налоговых органах индивидуальных предпринимателей, которые по существу были экономически не активны.

В 2013 году начался процесс официальной ликвидации, и за год количество субъектов малого и среднего предпринимательства в городе сократилось на 7,5% (или 5837 хозяйствующих субъектов) с 78 до 72,2 тысяч. В то же время, определенный восстановительный рост количества предпринимателей наблюдался в 2014 году (+0,5% к уровню 2013 года) и на конец года в донской столице насчитывалось порядка 72,6 тысяч субъектов малого и среднего предпринимательства. Численное преимущество принадлежит индивидуальным предпринимателям (около 44 тысяч), количество юридических лиц малых, микро и средних предприятий составляет почти 29 тысяч.

Как отмечалось ранее, в 2014 году отмечен восстановительный рост количества городских предпринимателей, но при этом в сфере торговли и промышленности сжатие числа субъектов малого и среднего бизнеса продолжилось. Справедливости ради, надо отметить, что оно не было таким масштабным как в 2013 году, однако, интересен тот факт, что если в 2013 году больше закрывалось «малышей» в розничной торговле, чем в оптовой (соотношение 2:1), то в 14-ом из оптовой торговли ушло в 2 раза больше предпринимателей, чем из розничной.

По оценке, в 2015 году сохраняются позитивные тенденции динамики числа субъектов малого и среднего предпринимательства, темп прироста составил 0,7% к концу 2014 года.

В целом в 2014 году на рынке труда малого и среднего бизнеса г. Ростова-на-Дону, отмечалось снижение масштабов привлечения рабочей силы. В первую очередь на это повлияло ухудшение основных макроэкономических параметров, как по региону, так и по России в целом. В 2015 году ситуация на рынке труда не претерпела изменений, продолжается сокращение объемов занятости, которое в 1 полугодии, по оценке, составило 2,8%.

Представляет интерес анализ ситуации на рынке труда по отдельным группам хозяйствующих субъектов малого и среднего бизнеса.

В 2014 году в г. Ростове-на-Дону в малых предприятиях менее интенсивно высвобождалась рабочая сила в промышленных видах деятельности, где сокращение составило 1,4% (по Ростовской области – 4,6%), в строительстве – 4,7% (соответственно, по региону – 7,5%). Вместе с тем, надо заметить, что в большей степени выбывал персонал в сфере торговли (по г. Ростову-на-Дону – 3,8%, по Ростовской области - 2,4%), на транспорте и в связи (3,3% и 2,1%, соответственно), в операциях с недвижимым имуществом, аренде и предоставлении услуг (7,1 % и 4,4%, соответственно).

Не так успешны ростовские предприниматели, занятые в промышленных видах деятельности, численность персонала у которых сократилась на 1,1% (по Ростовской области – на 9,6%). Также, снизилась численность работников ИП, осуществляющих деятельность в донской столице, связанную с оказанием различного рода услуг, в том числе в области права, аудита, операций с недвижимым имуществом, информационных технологий, рекламы, и пр.- на 4,4%, а по Ростовской области наблюдается прирост на 4,8%. Уменьшилась численность занятых у индивидуальных предпринимателей г. Ростова-на-Дону в строительном бизнесе (на 18,6%) на фоне увеличения в целом по региону (на 11,9%).

По итогам 2014 года субъектами малого и среднего бизнеса города была получена суммарная выручка в размере 714,1 млрд. рублей, что составляет свыше 26% от общего объема выручки в целом по области и порядка 44% по г. Ростову-на-Дону. По сравнению с 2013 годом выручка субъектов малого и среднего предпринимательства столицы донского региона увеличилась на 7,9% (в целом по области по данному сектору на 7,6%), при этом выручка малых и средних предприятий возросла на 7% (по региону на 5%), индивиду-

альных предпринимателей – на 12,4% (по Ростовской области – на 14,8%). В то же время, с учетом влияния роста цен в 2014 году, можно говорить о фактическом снижении выручки у субъектов малого и среднего бизнеса города - в постоянных ценах на 0,3% [4].

Рассматривая уровень рентабельности малых и средних предприятий города, следует отметить, что в целом по итогам года она сложилась ниже, чем на крупных предприятиях (5,1% против 6,1%). При этом следует также сказать, что за год рентабельность малых и средних компаний города в среднем снизилась на 0,5%, тогда как на предприятиях крупного бизнеса наблюдался ее рост на 0,7%.

Рентабельность малых предприятий донской столицы в 2014 году снизилась: с 6,4% в 2013 году до 5,4% в 2014 году. Эта тенденция отмечена практически во всех ключевых сферах, где наиболее широко представлены малые компании (за исключением сферы строительства) и варьировалась от 0,8% в торговле и в сфере операций с недвижимым имуществом до 2,1% на предприятиях транспорта и связи.

Что касается средних предприятий, то их рентабельность по итогам года возросла на 0,7% и достигла 3,5%. Наиболее значительное увеличение уровня рентабельности отмечено у средних предприятий в промышленности (на 2%, до 4,9%) и в стройиндустрии (на 1,8% до 5,8%).

Как показывает сравнительный анализ данных социологических исследований, на протяжении нескольких лет предприниматели называют одни и те же факторы, которые оказывают сдерживающее либо негативное влияние на бизнес [1]. Среди них: высокая фискальная нагрузка, проблемы с привлечением финансовых ресурсов, давление со стороны контрольно-надзорных органов и др. В настоящее время существует множество мер поддержки малого бизнеса, однако они имеют точечный характер, разработано большое количество тактических и отраслевых планов, но они не синхронизированы друг с другом. Единая долгосрочная стратегия развития малого и среднего бизнеса отсутствует. Гиперактивная законодательная деятельность усиливает экономическую и правовую неопределенность для бизнеса. Отсутствие актуальных статистических данных о развитии бизнеса не позволяет принимать необходимые бизнесу решения.

Для совершенствования системы мер поддержки и развития предпринимательства, снижения нормативно-правовых, административных и организационных барьеров, считается необходимым провести следующие организационно-правовые мероприятия, рекомендованных представителями малого бизнеса г. Ростова-на-Дону:

1. Создать инфраструктуру поддержки участия субъектов малого и среднего бизнеса в закупках, инструменты взаимодействия заказчиков с уполномоченными органами (налоговыми органами) для идентификации участника как субъекта малого бизнеса.

2. Утвердить положение о размещении нестационарных торговых объектов на территории города Ростова-на-Дону.

3. Осуществлять контроль за деятельностью административных комиссий, провести работу по мониторингу и устранению дублирующих функций контрольно-надзорных органов на местном уровне.

4. Вынести на рассмотрение созданных при органе местного самоуправления координационных или совещательных органов в области развития малого и среднего предпринимательства проблемные вопросы, связанные с размещением бизнеса. Рассмотреть возможность создания промышленного коворкинга, предоставляющего услуги по сдаче в аренду промышленных помещений с минимальным технологическим оборудованием, инфраструктурой.

5. Рассмотреть возможность выделения бюджетных средств организациям, образующих инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, для целей предоставления займов субъектам малого и среднего предпринимательства.

Источники и литература

1. История предпринимательства в России. Вторая половина XIX – начало XX века. Кн.2. М.: РОССПЭН, 2000.

2. История предпринимательства в России. От средневековья до середины XIX века. Кн.1. М.: РОССПЭН, 2000.

3. Социологическое исследование по вопросам развития малого и среднего предпринимательства в городе Ростове-на-Дону, подготовленное Некоммерческим партнерством «Ростовское региональное агентство поддержки предпринимательства» по результатам исследования проблем и перспектив развития субъектов малого и среднего бизнеса города Ростова-на-Дону, проведенного в период с 13 мая по 1 октября 2015 года в рамках исполнения муниципального контракта №11 от 13.05.2015г. по заказу Департамента экономики города Ростова-на-Дону. // [Электронный ресурс]: ростовбизнес.рф/uploads/static/Соц.исследование- ИТОГ.doc.

4. Сущенко В.А. Предпринимательство на трех этапах российской модернизации. (вторая половина XIX - начало XX в.): общее и особенное в исторической судьбе. Ростов-на-Дону. Издательство ЮФУ. 2011.

С.Н. Прокопович в 30-40-е гг. XX века. Новый русский город как последствие большевистской модернизации России

*Малыхин Константин Германович
Южный федеральный университет
доктор исторических наук, профессор
malikhini@rambler.ru*

Особое место в череде различных течений русской либеральной эмиграции занимали русские ученые-экономисты, возглавлявшиеся С.Н. Прокоповичем. Либеральная направленность воззрений С.Н. Прокоповича, наряду с их умеренно социалистической окрашенностью не вызывала сомнений в русской эмиграции. С.Н. Прокопович после изгнания из Советской России изда-

вал в Берлине и Праге серии экономических трудов, посвященных развитию России - «Экономический Вестник», «Русский Экономический Сборник», «Бюллетень» основанного им «Экономического кабинета». В отличие от многих своих коллег - ученых-эмигрантов, С.Н. Прокопович был относительно свободен от поиска финансовых источников для организации научной и издательской деятельности. Его издания материально поддерживал Земгор и правительство Чехословакии.

После оккупации Чехословакии, С.Н. Прокопович попытался продолжить свою работу в Швейцарии. Однако, тамошнее правительство помешало исследовательское деятельности учёного. Финальной работой С.Н. Прокоповича явился его двухтомный труд, изданный в Нью-Йорке, в 1952 году «Народное хозяйство СССР». В этой энциклопедической работе он проследил все элементы эволюции большевистской экономики с момента зарождения до начала 50-х гг. Выводы, которые содержались в его работе, не утратили своего значения вплоть до сегодняшнего дня.

С.Н. Прокоповича, как ученого, отличал редкий объективизм. Основным источником исследовательской деятельности С.Н. Прокоповича и его изданий служила советская статистика, точнее, критически обработанные материалы советской статистики.

Очень основательно историю развития экономических отношений в Советской России, ее противоречия и перспективы исследовал в первой половине 20-х годов на страницах «Экономического вестника» сам С.Н. Прокопович. Его статья «Новая экономическая политика» была своеобразной декларацией, ясно показавшей теоретические и идейные установки С.Н. Прокоповича.

Новый виток исследовательского интереса С.Н. Прокоповича к российской социально-экономической проблематике был связан со сменой большевиками ориентиров в конце 20-х годов. С.Н. Прокопович необычайно скрупулезно исследовал сталинскую модернизацию «сверху». Он внимательно обследовал методологические установки советских плановиков и реалии сталинской модернизации, различия «слова и дела».

Он был уверен, что курс на осуществление модернизации страны при опоре на собственные силы был разумен.

С.Н. Прокопович осознавал, что Россия существенно отставала от передовых стран. Промышленное развитие России началось только с эпохи Петра I. Крепостная эпоха задержала прогресс индустриального развития страны. Предреволюционную Россию С.Н. Прокопович характеризовал как страну колониального типа, или как бы мы сейчас назвали доиндустриальной или раннеиндустриальной.

«Национальная производительность труда стояла на низком уровне, и в стране чувствовался острый недостаток технических работников; страна была бедна не только капиталами, но и знаниями, и народный доход ее был крайне низок. Все эти народно-хозяйственные элементы характерны для страны колониального типа.» [4, с. 317].

С.Н. Прокопович утверждал, что только «Виттевская индустриализация» 90-х годов несколько улучшила положение, но не изменила структуру народного хозяйства России. Россия серьезно отставала от развитых стран планеты [4, с. 318-320].

С.Н. Прокопович признавал, что опыт Первой Мировой войны фактически подталкивал большевиков к созданию индустриально-оборонного комплекса, как важнейшего условия национального выживания. Причем эту задачу предстояло решить в кратчайшие сроки, не считаясь с издержками и потерями [4, с. 347-348].

«В основе пятилетнего плана лежит совершенно здоровая в своей основе мысль, что рост национального продукта должен быть достигнут за счет внутренних накоплений, а не внешних займов» [5, с. 6].

Он напомнил, что, начиная с 1918 года и по 1930 год включительно, большевики не могли рассчитывать на внешние заимствования.

Далее, размышляя над проблемой мобилизации внутренних ресурсов, С.Н. Прокопович обратил внимание, что до войны российские национальные накопления могли составлять около 8,5% народного дохода. Для сравнения он указал, что в богатых капиталистических странах накопления составляли около 20% народного дохода.

«Пятилетний план реконструкции исходил из мысли, что из обнищавшего СССР можно будет для национальных накоплений выдавить в первый год 22,6% народного дохода, а в последний год пятилетки даже 33,6%, сократив соответствующим образом личное потребление» [5, с. 7].

Большевики, опираясь на свою диктатуру, жестко сократили народное потребление путем принудительных госзаймов, высоких цен на промтовары государственной промышленности, высоких налогов и торговых накладок. Однако С.Н. Прокопович сомневался, что диктатура выдавит из населения ровно столько, сколько задумали большевики [5, с. 8]. Тем самым, сделал вывод С.Н. Прокопович в начале 1931 года, предлагавшиеся большевиками темпы движения, были достаточно авантюры.

Помимо этого, в стране отсутствовали подготовленные кадры «модернизаторов». Безусловно, отмечал С.Н. Прокопович, монополия внешней торговли, абсолютная экономическая закрытость России создали «оранжерейные» условия государственной экономике, что, в свою очередь, создавало благоприятную почву для волюнтаристского экспериментаторства [5, с. 9]. Советские специалисты компенсировали отсутствие необходимого опыта «энтузиазмом», что приводило к прожектерству, распылению сил, нерациональному строительству и т.д.

«По существу дела, проблема кадров является самой трудной для СССР. Возможно, что «красные инженеры» и директора овладеют, в конце концов, техникой промышленности, научатся строить шахты, электрические станции, заводы и фабрики, - но во что обойдется стране эта наука, какое количество национальных сбережений будет растрачено неопытными руками в процессе учебы, до какой меры население 160 миллионной страны бу-

дет снижать свое потребление, свой «уровень жизни», чтобы дать «героям» гражданской войны и носителям «творческого энтузиазма» рабочего класса приобрести хотя бы уровень технических знаний, которыми обладает каждый инженер» [5, с. 13].

Однако, был вынужден признать С.Н. Прокопович, действительность превзошла ожидания. Период 1929-1939 годов продемонстрировал невиданный рост индустриального развития СССР.

«... в десятилетие 1929-1939 гг., когда в Западной Европе или Северной Америке промышленное производство или сокращалось или росло в гомеопатических размерах, промышленность СССР успешно и упорно росла. Только в отличие от других аграрных стран, рост этот, при плановой системе хозяйствования в Советской России, происходил с поразительной силой и скоростью» [4, с. 384].

С.Н. Прокопович утверждал, что сталинская модернизация была, безусловно, искусственным явлением, непосильным для России. Только диктатура, изолировав страну и принудительно сократив народное потребление, сумела навязать стране совершенно невыносимые темпы движения.

В то же время в 50-х гг. XX века, он признает, что недостатки модернизации имманентно вытекали из ее стремительности. А стремительность, в свою очередь была вызвана угрозой надвигающейся войны, необходимостью скорейшего создания оборонного комплекса. Советские рабочие, по сути дела оставались носителями крестьянской психологии, они были теми людьми, которые только мигрировали в города, спасаясь от ужасов коллективизации. Низкое качество продукции, отсутствие квалифицированных управленцев, - все эти факторы были естественными проявлениями ускоренной модернизации [4, с. 350-380].

Основным источником получения средств для осуществления модернизации было ограбление деревни. Именно деревня, по мысли организаторов модернизации, должна была обеспечить бесперебойное снабжение промышленности финансовыми потоками. Коллективизация, сделал вывод С.Н. Прокопович, являлась чисто прагматической системой мер, и не имела ничего общего с коммунистическими представлениями о будущем сельского хозяйства. Улучшение жизни крестьян, как задача социального переустройства русской деревни, вообще не стояла перед авторами политики коллективизации.

«Психология коллективизации у обеих заинтересованных сторон не имеет ничего общего ни с коммунизмом, ни с социализмом, ни вообще, ни с какими-либо побуждениями идеалистического характера. Властью и населением руководят в этом случае чисто практические соображения и расчеты» [1, с. 24].

Накопления зажиточных крестьян (кулаков) должны были, по мысли авторов коллективизации, составить основу первоначального колхозного строительства. В кулаки Власть записала практически всех крестьян, производивших рыночную сельхозпродукцию.

«Фактически в кулаки была записана масса крестьян, производившая хлеб на продажу, и кормившая им городское население СССР. Как и в период комитетов бедноты, эти производящие хлеб и другие сельхозпродукты хозяйства были отданы на поток и разграбление деревенской бедноте» [4, с. 195-196].

Естественно, такой грандиозный социальный эксперимент как коллективизация могла осуществить только диктатура, и отношения с «завоеванным» крестьянством диктатура строила при помощи жестких административных механизмов.

«Логика советской коллективизации крестьянских хозяйств проста и ясна. Схематично она может быть выражена в трех словах: приказать, выполнить и подчиниться» [1, с. 13].

Действительно, признает С.Н. Прокопович, поставленная большевиками цель, была достигнута. Товарность сельского хозяйства, по сравнению с 1913 годом выросла на 47,7%, но этот рост был достигнут благодаря усилению мер принуждения, а не отмиранию натуральных пережитков [4, с. 212].

«... отсюда следует, что и сельское хозяйство СССР с большой плотностью сельскохозяйственного населения, и аграрное перенаселение многих районов не может в будущем успешно развиваться без усиленного роста городского населения и развития промышленности. Они должны поглотить избыток сельскохозяйственного населения, укрупнить размеры сельскохозяйственных предприятий и увеличить производительность сельскохозяйственного труда» [3, с. 7].

С.Н. Прокопович в 30-е годы был уверен, что подлинная модернизация-вестернизация России станет возможной только в будущем, в постбольшевистской России, так как этот процесс немислим без подъема жизненного уровня населения.

Страна действительно серьезно изменилась, с другой стороны, она не приняла те авантюрные темпы, на нереальность которых С.Н. Прокопович указал, еще анализируя только лишь плановые задания.

«В смысле роста валовой продукции надо признать, что за 4,25 года удалось достигнуть значительных результатов, - валовая продукция всей цензовой промышленности составила 233% соответственно продукции 1927/28 года.

Также весьма значительного роста производства удалось добиться по многим отраслям промышленности и поставки производства новых отраслей, не существовавших или весьма слабо развитых до проведения пятилетнего плана (тяжелое машиностроение, тракторостроение, автомобилестроение и др.), получили широкое развитие» [6, с. 7].

Однако серьезные успехи меркли на фоне очень многих недостатков. С.Н. Прокопович обратил внимание на отставание всего комплекса промышленности, работавшей на удовлетворение непосредственных человеческих потребностей. Помимо этого, эффективность капиталовложений была очень низкой. Производительность труда росла чрезвычайно медленно, о качестве

продукции говорить вообще не приходилось [6, с. 7-9]. Все это было следствием штурмового характера сталинской модернизации.

Модернизация, осуществленная в городе, также привела к неоднозначным последствиям.

«Мы уже не раз отмечали в наших «Бюллетенях», что основной порок советской промышленности заключается в том, что она развивается как бы в оранжерейных условиях. Не только была устранена благодаря монополии внешней торговли, конкуренция иностранной промышленности, не только промышленность получала средства из государственного бюджета для капитальных расходов, но государственный бюджет покрывал убытки предприятий» [2, с. 86].

Созданная большевиками промышленность практически вся была убыточна, находилась на дотации у государства, которое покрывало дефицит за счет рентабельных отраслей [2, с. 86-91].

Он не видел и не смог назвать стимулы саморазвития советской экономики. Ни рабочие, ни колхозники, ни колхозы, ни предприятия не имели экономических мотивов для подъема производительности труда. Он отмечал, что советская модернизированная промышленность хищнически расходует сырье, не бережет производственные мощности, что огромные затраты, сделанные государством в городе и деревне, не дали той отдачи, которую ожидало общество и его элита.

Созданная И.В. Сталиным модель была бюрократической и признавала только один принцип - административного исполнения приказов любой ценой, не считаясь с материальными затратами и человеческими жертвами. Сталинская модернизация осуществлялась в условиях жесточайшего кадрового дефицита, а созданию кадрового потенциала препятствовала общая формационная и культурная отсталость страны.

В целом С.Н. Прокопович оценивал сталинский эксперимент как попытку реализации имперской, военно-бюрократической модели, осуществленной штурмовыми методами. Созданная модель не имела ничего общего с идеалистическими представлениями о социализме. Однако, без реализации сталинского плана модернизации страны, Россию ждала бы неизбежная гибель. С.Н. Прокопович прямо заявил, что большевики не могли рассчитывать на внешние источники своей модернизации и без коллективизации со всеми ее ужасами создание оборонного комплекса страны было бы невозможным.

Он ярко описал всю противоречивость и затратность сталинской модернизации, ее ранний, имперский характер. Он привел все потери страны от реализации этого эксперимента, в том числе отсутствие кадров, как рабочих, так и управленческих, полукрестьянский облик нового рабочего класса, сокращение численности населения страны, голод начала 30-х гг. и т.д.

В работах С.Н. Прокоповича четко прослеживается эволюция его воззрений и оценок. В начале 30-х годов он высказывал скептическое отношение к заявленным большевиками планам модернизации страны. В конце 30-х годов, признавая успех большевистских планов, он ясно увидел проблемы, ко-

торые ускоренная большевистская модернизация поставила перед страной. В 50-е годы, наряду с анализом проблемных мест советской экономики, он признает величие свершений, произведенных в Советской России в 20-50-е годы. Он одним из первых заявил, что СССР вышел из второй мировой войны Великой державой, второй по значимости на планете, что было совершенно немыслимо в начале XX века. Большевизм, по его мнению, после Мировой войны стал играть положительную, социально-патерналистскую роль для страны и ее народа.

Источники и литература

1. Логика и психология коллективизации // Бюллетень экономического кабинета профессора С.Н. Прокоповича. Под ред. С.Н. Прокоповича. Прага, 1931. Февраль. № 86.
2. Очередные задачи советской промышленности // Бюллетень экономического кабинета профессора С.Н. Прокоповича. Под ред. С.Н. Прокоповича. Прага, 1936. Август-сентябрь. № 130.
3. Производительность сельскохозяйственного труда в СССР, Европе и Северной Америке // Бюллетень экономического кабинета профессора С.Н. Прокоповича. Под ред. С.Н. Прокоповича. Прага, 1933. Апрель-май. № 102.
4. Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Издательство имени Чехова, Нью-Йорк, 1952, Т1.
5. Результат 2-го года пятилетки и контрольные цифры на 1931 год // Бюллетень экономического кабинета профессора С.Н. Прокоповича. Под ред. С.Н. Прокоповича. Прага, 1931. Февраль. № 86.
6. Результаты пятилетнего плана реконструкции народного хозяйства СССР // Бюллетень экономического кабинета профессора С.Н. Прокоповича. Под ред. С.Н. Прокоповича. Прага, 1933. Февраль, № 102.

Здравоохранение городов Дагестана в годы революции и Гражданской войны

Маньшев Сергей Борисович
Институт российской истории РАН (Махачкала)
Соискатель
Msergey1990@gmail.com

История медицины и здравоохранения все еще остается на периферии интересов историков. Сложившаяся в советское время традиция, когдаэтой проблематикой занимались исключительно врачи, в последние уходит в прошлое, но все еще не появилось обобщающих исследований, посвященных северо-кавказскому региону. Кроме того, в исторической науке, как правило, период революций и Гражданской войны выпадает из исследовательской оптики, поэтому повествование об истории здравоохраненияограничивается констатацией того, что до революции медицинское обслуживание было не-

удовлетворительным, а «после революционных преобразований 1917 г., новым властям в регионе пришлось начинать подъем дела здравоохранения и оказания медицинских услуг населению, практического с чистого листа» [10, с.139]. Подобная трактовка событий представляется упрощенной и однобокой, доставшейся в наследство от советской историографической традиции [1, с.89–101; 22, с.223–224]. Причем такая оценка крайне далека от действительного положения дел на Северном Кавказе в годы революции и Гражданской войны, как показывают пока что немногочисленные работы, написанные на материалах Кубани, Ставрополья [25, с.424–428] и Дагестана [17, с.109–112].

Период Гражданской войны в Дагестане чрезвычайно насыщен событиями. Первоначально здесь сосуществовали органы советской власти и мусульманского блока, однако менее, чем через полгода советская власть была свергнута войсками Л.Ф. Бичерахова и установлена диктатура князя Н. Тарковского. Затем, в октябре 1918 г. началась германо-турецкая интервенция, которую в декабре того же года сменила англо-американская оккупация. В мае 1919 г. в Дагестане установилась администрация главнокомандующего Вооруженными силами Юга России А.И. Деникина, а затем – советская власть. Последние всполохи Гражданской войны в Дагестане – это антисоветское восстание 1920–1921 гг., возглавляемое Н. Гоцинским. На фоне таких сложных и неоднозначных политических условий происходили не менее сложные процессы в области здравоохранения.

Однако, прежде, чем говорить о преобразованиях в области здравоохранения в революционный период, необходимо коснуться того, какое положение было в этой сфере в городах Дагестана в самом начале XXв.

В областном центре городе Темир-Хан-Шуре работал 1 городской врач, 1 фельдшер, 1 повивальная бабка и 2 санитарных попечителя. Кроме того, здесь работала городская амбулаторная больница, в которой и вел свой прием единственный врач [21, с.158].

В Петровске работал 1 санитарный врач при врачебно-наблюдательном пункте и 2 фельдшера. Стационарное лечение можно было получить лишь в больнице при исправительном арестантском отделении на 40 коек и в приемном покое Владикавказской железной дороги на 5 коек. Кроме того, в городе был открыт приемный покой на 10 коек, который содержался на частные пожертвования [18, с.49].

В городе Дербенте в 1902 г. была открыта больница на 10 коек, число которых с годами стало расти. При этом стоимость лечения в больнице была достаточно высокой и доходила до 5 рублей [21, с.155].

В начале XXв. во всех трех городах Дагестанской области было по одной частной аптеке [7, с.157].

С началом Первой мировой войны в городах Дагестана открываются больницы и лазареты для раненых воинов: в Дербенте – 5 больниц на 333 койки, в Петровске – 2 лазарета на 310 кроватей, а также больница армянско-

го благотворительного общества на 11 коек, в Темир-Хан-Шуре – больница на 10 коек [29, л.20].

Гражданская война на Северном Кавказе, как и в других регионах страны, привела к нарушению установившихся связей и слома государственной системы. Сменявшие в регионе друг друга «правительства» и «правители» не могли наладить жизнь общества и вывести ее хотя бы на дореволюционный, совсем не идеальный уровень. Поскольку данные текущей статистики 1917–1920 гг. отрывочны и не всегда достоверны, то не представляется возможным подсчитать людские потери в годы революции и Гражданской войны. Они, безусловно, свидетельствуют о высоком уровне смертности, связанном с отсутствием продовольствия и голодом, эпидемиями и отсутствием квалифицированной медицинской помощи [19, с.98–99]. Все это привело к тому, что население Дагестана сократилось по разным подсчетам на 10–15% [16, с.42], а ряд авторов указывает на то, что оно уменьшилось на 23% или 167 тысяч человек [9, с.79].

Возвращение солдат с фронта привело к тому, что во всех уголках страны разразились эпидемии тифа. По неполным данным, в 1919 г. в стране фиксировалось 340 случаев заболевания тифом на 10 000 населения [3, с.69]. И действительно, если мы посмотрим сообщения в периодической печати этого времени, то на протяжении всего 1919 г. в разных уголках Северного Кавказа отмечались эпидемии брюшного и сыпного тифа: в начале осени – в плоскостной Чечне [26, с.4], в декабре – в районе Минеральных вод и во Владикавказе, при этом корреспондент писал, что «ощущается острый недостаток в медикаментах и медицинском персонале» [27, с.4]. Как отмечал офицер Добровольческой армии Борис Кузнецов, в Дагестане «людей косил тиф» [12, с.30].

В конце ноября 1921 г. народный комиссар здравоохранения ДАССР Рзаев говорил в своем докладе: «Война, революция и постоянные партизанские выступления в горах довели медицинскую помощь населению округов до минимума, близко подходящего к нулю. Почти все больницы и пункты были разграблены, медицинский персонал разбежался, и к моменту образования отдела здравоохранения в апреле месяце 1920 года, перед возглавляющим это новое учреждение предстала ужасная картина разрушения – почти пустое место» [20, с.350]. Слова эти во многом отражают реальное положение дел, но не стоит забывать о том, что с момента свержения царя и до окончательного установления советской власти в регионе продолжали действовать органы здравоохранения.

Еще 17 июня 1917 года Министерство внутренних дел Временного правительства, в структуру которого входили Управление главного врачебного инспектора и Ветеринарное управление [4, с.48; 6, с.50–53], разослало специальный циркуляр, который должен был регламентировать права и обязанности врачебных управлений. Согласно этому циркуляру, до разработки нового санитарного законодательства необходимо было сохранить существующие врачебные управления на местах с изменением «круга их ведения и полного

согласования их деятельности с началами общественной медицины и общественного санитарного дела». Одним из важных преобразований было изъятие из ведения врачебных управлений надзора за врачебно-санитарной частью земских и городских общественных управлений [32, л.1]. Эта инструкция носила временный характер, до того момента, пока не будет принят новый закон, разрабатываемый Временным правительством. Министерство внутренних дел тем самым передавало возможность управления частью медицинских заведений и общесанитарным надзором местным органам. Таким образом, города Дагестана фактически стали автономными в медико-санитарном отношении.

Осенью того же года этот циркуляр Временного правительства был заслушан на заседании Темир-Хан-Шуринской городской думы, которая постановила принять в ведение городского самоуправления санитарный надзор в городе [32, л.5].

Однако 22 ноября 1918 г. военный диктатор Нухбек Тарковский предписал передать медико-санитарный надзор в городах Дагестанской области медико-санитарному отделу отдела внутренних дел, так как в виду нахождения области на военном положении, это представлялось наиболее целесообразным [32, л.9].

Поскольку проект об организации медико-санитарного дела, предложенный Временным правительством, оказался неприменимым к условиям Дагестана, то врачом Р.А. Янкелевичем в конце января 1919 г. была разработана и представлена новая схема организации медико-санитарной части в городах Дагестана. Забота о медико-санитарном благоустройстве возлагалась на городскую санитарную комиссию, которую возглавлял либо городской санитарный врач, либо городской врач. В состав комиссии должны были быть включены начальник милиции или один из чиновников этого ведомства, городской архитектор, гражданские и военные врачи, два представителя городской думы, два представителя совета профсоюзов.

Этим комиссиям предписывалось заботиться об обеспечении населения больничной помощью, учреждении скорой медицинской помощи для ее обеспечения в экстренных случаях. Для реализации этих задач городские санкомиссии должны были заниматься разработкой специальных постановлений, которые бы учитывали местные реалии.

Естественно, в сфере их компетенции входил санитарный надзор в городах: на рынках они должны были следить за правильной организацией торговли продуктами питания. Кроме того, организованные штаты фельдшеров должно было производить оспопрививание и дезинфекцию зараженных помещений и старых вещей [35, л.21–2].

Достаточно специфичной была политика советских органов, связанная с организацией здравоохранения. Установившаяся на короткий срок Советская власть первым делом упразднила должность городских врачей [33, л.20]. Вообще, все преобразования Советов в Дагестане были связаны с теми тенденциями, которые происходили и в центре, о чем заявлял в своем докладе заве-

дующий медико-санитарным подотделом темир-хан-шуринского совета рабочих, земледельческих и красноармейских депутатов Чиликин. При этом цели ставились самые благородные. Первым делом предполагалось оптимизировать всю структуру управления медицинским делом в области, избавившись от ненужных штатных единиц. Кроме того, по мнению Чиликина, в Темир-Хан-Шуре необходимо было создать совещательные органы для организации профессиональных коллегий. Медицина должна была стать бесплатной для всех слоев населения. Предусматривалось создание санитарной службы для улучшения положения в городе. Темир-хан-шуринский местный лазарет должен был быть преобразован в народную больницу, в которой оказывалась бы помощь жителям всех округов Дагестана. Предполагалось улучшения положения медицинских работников и снабжение рабочих и крестьян популярными медицинскими изданиями. Также должна была быть национализирована городская аптека [14, с.46–47]. Однако, осуществить всего этого так и не удалось, так как советская власть в 1918 г. оказалось недолговечной.

В советской историографии утвердилось мнение о том, что «все имевшиеся в области медицинские учреждения были основательно разрушены белогвардейцами» [11, с.83].

Но на самом же деле организация здравоохранения на территориях, которые были подконтрольны войскам А.И. Деникина (в том числе и в Дагестане), была несколько иной, достаточно четкой и продуманной.

14 мая 1919 г. было принято «Временное положение об управлении Врачебно-санитарной частью». Во главе медицинского управления стоял главный начальник Санитарной части, на которого возлагались обязанности по организации медико-санитарной части в войсках и среди гражданского населения. Кроме того, учреждался особый медицинский совет в составе председателя и не менее трех членов, который должен был «давать указания по проведению в жизнь начал научной медицины и заключения по всем вопросам, касающимся врачебной науки и ее практического применения».

Также учреждался Санитарный совет, который координировал бы деятельность членов медицинского совета и начальника санитарной части. «Санитарный совет обсуждает вопросы, вносимые главным начальником Санитарной части, председателем Медицинского совета, а также по инициативе членов Санитарного совета», – говорилось в документе [8, с.374–375]. Структура медицинского управления, предлагаемая главнокомандующим Вооруженными силами Юга России, была вполне реализуемой и попытки ее внедрения мы видим в Дагестане. В июне 1919 г. главнокомандующий Вооруженными силами Юга России ссудил 2 миллиона рублей сроком на один год для борьбы с эпидемиями в городах Терско-Дагестанского края [8, с.430].

Первый заместитель наркома здравоохранения РСФСР З.П. Соловьев без иронии отмечал: «Деникина «ждут», и, как видите, врачебная братия в том числе. Из лагеря «ожидающих» было произнесено достаточно много жалких слов о кризисе, разгроме, крахе, чуть ли не уничтожении медицины в Советской России, и надо думать, что им, этим «ожидающим» во вне и наяву

грезится пышный расцвет медицины под державной дланью Деникина, и они одарят Деникина признательностью в чаянии будущих благ» [23, с.19–20].

Конечно, нельзя забывать того, что ни мероприятия предусмотренные Советами, ни А.И. Деникиным так и не были в полной мере реализованы из-за сложной политической обстановки в регионе. Только в начале 1920 г. деятельность советов в области здравоохранения стала относительно успешной. По ходатайству заведующего медицинской частью Революционного совета обороны Северного Кавказа доктора Урусова был создан специальный Отдел здравоохранения, началось налаживание более-менее стройной системы [20, с.335–336].

При этом не прекращалось финансирование лечебных учреждений. 1 июня 1919 г. общее присутствие Дагестанского областного управления постановило выделить 150 000 тысяч рублей на содержание Темир-Хан-Шуринского и Дербентского лазаретов [33, л.3].

В Дагестане ощущалась острая нехватка медицинских работников. Министр внутренних дел Горской республики Рашидхан Капланов 30 января 1919 г. в речи, произнесенной перед парламентом отмечал: «А что же касается, господа, врачей, я не могу и не в состоянии помочь и посылкой, ибо их нет. Врачей сейчас не хватает не только у нас, но и везде. Какие бы деньги, оклады мы не предлагали, как бы не приглашали, они не хотят к нам ехать, а своих горцев-врачей, как знаете, нет, и если есть, то всего несколько человек» [24, с.202].

Связано это было с целым рядом факторов. В первую очередь, большая часть врачей пыталась покинуть Дагестан после революции и вернуться к своим семьям в другие регионы страны. Так, бывший дербентский городской врач Фаленцкий ходатайствовал «о выдаче ему какого-либо пособия для проезда на родину». Общее присутствие Дагестанского областного управления постановило 12 августа 1919 г.: «Принимая во внимание тяжелое материальное положение, в котором очутился врач Фаленцкий, лишившийся заработка благодаря устранению его от должности советской властью, возбудить перед Главным начальствующим Терско-Дагестанского края ходатайство о выдаче врачу Фаленцкому единовременного пособия в размере 2000 рублей» [33, л.20].

Другой проблемой, которая повлияла на сокращение медицинского персонала, стала мобилизация в армию: призыв производили как «белые», так и «красные». Избежать его могли лишь «калеки», а также освобожденные от военной службы по состоянию здоровья. Уклонисты же подвергались суду военного трибунала. Согласно декретам советской власти, мобилизации в армию подлежали врачи и фельдшеры, стоматологи и ветеринары, лекарские помощники и фармацевты [15, с.389–406].

Как отмечал в своем рапорте Временному правителю Дагестана от 4 июля 1919 г. начальник врачебно-санитарного отдела Р.А. Янкелевич, «мобилизация врачей и фельдшеров может нанести окончательный удар делу пода-

чи медицинской помощи населению и борьбы с свирепствующими в Дагестане эпидемическими болезнями» [34, л.3].

Согласно ходатайству Р. Янкелевича, от мобилизации были освобождены окружные и городские врачи, а также фельдшеры, которые обслуживали сельские больницы и фельдшерские пункты [34, л.4].

Говоря об истории здравоохранения в Дагестане в рассматриваемый период, нельзя не сказать несколько слов о начальнике Врачебно-санитарного отдела Рувиме Ароновиче Янкелевиче. В 1891 г. он окончил Киевский императорский университет святого Владимира, а с 1895 г. вступил в должность кюринского окружного врача, затем занимал должность дагестанского областного врача и в 1916 г. вышел на пенсию, но революция и Гражданская война вновь заставили его взяться за дело организации медицинской помощи в Дагестане [31, л.176–183, 197]. Кроме того, Р. А. Янкелевич был одним из руководителей еврейской общины Дагестана [24, с.210–211].

Р.А. Янкелевич также стоял у истоков созданного весной 1917 г. профессионального союза медицинских работников Дагестана, в который были включены как врачи, так и средний медперсонал. В Петровске правление этого союза состояло из председателя доктора Семикоза, его заместителя доктора Усачева, врачей Гуфмана, Джанши, Марголиса, фельдшеров Бабкова, Лукьянова и акушерки Островской. В Темир-Хан-Шуре такой союз возглавлял сам Р.А. Янкелевич [37, л.21].

С 1918 по 1920 гг. состоялось всего три общих собрания в Петровске, основная же работа велась в секциях, где проходило обсуждение насущных проблем, а также врачи делали научные доклады из своей практики.

При темир-хан-шуруинском медицинском союзе была учреждена касса взаимопомощи для оказания материальной поддержки медицинских работников, положение которых было катастрофическим: нехватка лекарств и инструментов, постоянные эпидемии и низкий уровень заработной платы [39, с.4].

Объединение в союзы стало происходить и по специализации врачей. Например, в начале марта 1918 г. в городе Петровске обсуждался вопрос о создании общества одонтологов [5, с.1].

Острая нехватка медицинских работников привела к тому, что 10 декабря 1918 г. по ходатайству врача Г. Урусова на заседании коллегии медико-санитарного отдела обсуждался проект организации фельдшерской школы в Темир-Хан-Шуре при местном лазарете. Школа открывалась «с целью обеспечения национальных воинских частей и сельских больниц фельдшерами, в которых в то время ощущалась крайне острая нужда» [33, л.5]. Она была рассчитана на 50 учащихся, 30 из которых должны были стать «медицинскими фельдшерами», а 20 – «ветеринарными фельдшерами». Основную массу обучающихся должны были составить ученики из всех 10 округов Дагестанской области, достигшие 16 лет. Правительство Горской республики полностью брало на себе их содержание, а также было готово выплачивать ежемесячную стипендию в размере 50 рублей.

Военный министр Горской республики писал об открытии этой школы председателю правительства: «В Дагестане всегда ощущается недостаток медицинского персонала, особенно среднего, теперь же в виду распространения в округах различного рода инфекционных и других заболеваний, дающих огромный процент смертности, и вполне соглашаясь с протоколом коллегии медико-санитарного отдела, докладываю, что создание в Дагестане фельдшерской школы является вопросом крайне неотложным, так как в сравнительно короткий срок 6–8 месяцев, создаются кадры фельдшеров и даются уже на каждый округ не менее 2-х фельдшеров. Школа должна быть при местном лазарете, где учащиеся по возможности несут обязанности санитаров. В виду наличия теперь в Шуре врачей, открытие школы является вполне осуществимым»[30, л.3].

Общий бюджет школы был определен в 126000 рублей, в который были включены расходы на содержание учащихся, выплату им стипендий, зарплаты преподавателям, а также закупку книг и канцелярских принадлежностей.

8-месячная программа обучения включала в себя целый курс наук, в который были включены анатомия, физиология, хирургия, рецептура с фармакологией, гигиена, уход за больными, нервные, внутренние, глазные, женские, кожные и венерические болезни и латинский язык[30, л.7–8].

Но длилось это совсем недолго, и уже в июле 1919 г. лекарь темир-хан-шуруинского местного лазарета Чиликин поставил вопрос о ходатайстве перед Добровольческой армией об ассигновании на содержание фельдшерской школы [33, л.5].

Деятельность этой школы была достаточно успешной, так как уже в 1919 г. все, кроме двух ее выпускников, успешно прошли выпускные испытания, необходимые для работы фельдшерами. По предложению члена испытательной комиссии врача Плоткина, непрошедшие испытание могли быть использованы в качестве санитаров-дезинфекторов. Он писал: «все ученики подвергавшиеся испытанию минимум знаний необходимых для фельдшера краткосрочного выпуска усвоили, за исключением двух, Нагрутдина Абасова и Магомеда Алиева, которые этих знаний не усвоили и по специальной подготовке могут выйти санитарями дезинфекторами» [30, л.28].

Фельдшерская школа при темир-хан-шуруинском местном лазарете прекратила свое существование 1 октября 1919 г.[30, л.55]. Стоит отметить, что выпускников этих фельдшерских курсов еще долго использовала и советская власть, взявшись за дело обустройства здравоохранения в начале 1920-х годов [20, с.337].

В середине марта 1919 г., когда в регионе отмечалась эпидемия тифа, в целях улучшения мер по борьбе с заразными заболеваниями была учреждена должность начальника санитарной части при главнокомандующем Терско-Дагестанского края [8, с.241].

13 июля 1919 г. на основании приказа Главноначальствующего Терско-Дагестанского края от 6 июля 1919 г. в Темир-Хан-Шуре была учреждена Дагестанская областная санитарно-исполнительная комиссия под председатель-

ством Правителя Дагестана генерал-майора М. Халилова. Главной ее функцией было принятие профилактических мер для недопущения развития эпидемий в регионе. Членами этой комиссии стали помощник правителя Дагестана по военной части генерал-майор Ибрагимов, помощник правителя по гражданской части полковник Моисеев, временно исполняющий обязанности главного врача при штаба правителя Павлоцкий, а также начальник отделов: по делам сельского управления – Усачев, распорядительного – полковник Бейдеман, общих дел – Саидовврачебно-санитарного – Янкелевич, техниче-ско-строительного – Абуев, начальник работ дагестанского отдела путей со-общений Даитбеков, помощник начальника врачебно-санитарного отдела Аг-риколянский, темир-хан-шуринский городской голова Апашев, начальник го-родской милиции Акаев, городской врач Печников, а также священник, кадий и раввин[36, л.24]. Подобные городские комиссии были учреждены в Темир-Хан-Шуре, Дербенте и Петровске [36, л.8, 24].

Уже на первом заседании комиссии 13 июля 1919 г. было предложено командировать медицинского работника в Ростов-на-Дону или в Екатерино-дар для закупки противохолерной сыворотки [36, л.25]. На этом же заседании санитарно-исполнительной комиссии была утверждена сумма в 20000 рублей «на первоначальные расходы по принятию противохолерных мер» [36, л.42].

В целом мероприятия против холеры в разных городах были схожими. На состоявшемся 14 августа 1919 г. заседании петровской санитарно-исполнительной комиссии также шла речь о предохранении города от холе-ры. Также было предписано очистить город от мусора средствами городского самоуправления. Кроме того, предполагалось учредить городские санитарные и ассенизационные обозы [36, л.78].

Опасаясь развития холеры, Темир-Хан-Шуриная городская управа разработала специальное постановление, в котором прописывались меры профилактического характера. Все домовладельцы должны были очистить мусорные ямы и отхожие места, дворы и прилегающие улицы. Владельцы гостиниц и постоялых дворов должны были сообщать о подозрительных больных городскому санитарному врачу или милиции. Несколько пунктов этих правил касались продажи продуктов питания: запрещалась продажа с земли, торговцы мясом и хлебом должны были быть в чистых фартуках. В целях профилактики холеры, владельцы всех столовых и харчевен должны были поставить на видных местах емкости с бесплатной кипяченой водой. Виновные в неисполнение этого предписания подвергались штрафу до 3000 рублей или трехмесячному аресту [36, л.4; 5, с. 2].

Серьезным недостатком в деятельности медицинских органов было от-сутствие действительно эффективных методов профилактики и мер борьбы с эпидемиями.

Большое значение предавалось санитарному просвещению. Поэтому среди важных мер против распространения эпидемических заболеваний было издание листовок на местных языках с указанием противоэпидемических ме-роприятий [36, л.78]. С этой целью в типографии М.-М. Мавраева была зака-

зана печать 1000 экземпляров «объявлений о мерах предупреждения против заразных болезней на арабском и кумухском языках» на общую сумму 185 рублей [35, л.58–59].

Рост заболеваемости был закономерным и вытекал из общего неблагоприятного санитарного состояния городов, которое было удручающим.

Темир-хан-шуринский городской санитарный врач Н. Миронов еще в феврале 1919 г. доносил начальнику Темир-Хан-Шуринского гарнизона: «25-го сего февраля мною совместно с секретарем Городской санитарной комиссии полковником Коргановым и членом той же комиссии санитарным фельдшером Штагером была осмотрена площадь, прилегающая к двум казарменным зданиям – бывшим помещениям 207-го пехотного Новобаязетского полка, а ныне занятым 1-м стрелковым Имама Шамиля батальоном. При этом оказалось, что весь район казарменного расположения помянутого батальона сплошь покрыт кучами наваленного гниющего навоза, трупами павших животных: собак, остовами павших лошадей, баранов, причем трупы этих последних животных легкомысленно оставленных разлагаться и гнить на наваленных грудах навоза, по наружному виду своему принадлежат очевидно к загрязнениям более свежего происхождения» [35, л. 54–54].

Такое тяжелое санитарное положение члены санитарной комиссии города видели в том, что «массы городского населения были мало подготовлены к восприятию основных идей санитарии, что все обязательные правила и постановления по санитарной части в большинстве случаев благодаря малокультурности и косности масс с одной стороны и господству суеверных предрассудков в их среде с другой, совсем не проникали в сознание этих масс, а воспринимались только поверхностно» [35, л. 89].

Город Темир-Хан-Шура не был исключением. Как сообщал военный министр Республики союза горцев Кавказа губернатору Дагестанской области, «наблюдаются случаи заболевания сыпным тифом со смертельными исходами, город находится в антисанитарном состоянии, что способствует к развитию эпидемии» [38, л.7].

Распространение тифа было связано в том числе с несоблюдением элементарных противоэпидемических правил. Например, в темир-хан-шуринский лазарет больных сыпным тифом привозили в тех же фаэтонах, в которых потом по городу разъезжали здоровые горожане [38, л.16].

Городская управа Шамиль-Калы (18 ноября 1918 г. Петровск был переименован в Шамиль-Калу, название это сохранялось до мая 1919 г.) доносила губернатору Дагестанской области 27 февраля 1919 г.: «Город Шамиль-Кала объявляется на положении угрожаемом по эпидемии сыпного тифа. Для борьбы с эпидемией принимается ряд мер, направленных к устранению антисанитарного состояния, как территории города, так и его окрестностей на территории Таркинского участка, где санитарное состояние находится в ужасном виде; поля по направлению к ст. Тарки-Уйташ завалены дохлой барантой, которую надлежит убрать. Для этого нужны рабочие руки и перевозочные средства, которых в городе недостаточно, но необходимо иметь в сво-

ем распоряжении в таком количестве, при котором город имел бы возможность экстренно, до наступления весны, привести в должное санитарное состояние территорию города и его окрестности с расположенными близ города аулами» [38, л.20–20].

Проблема санитарной очистки городов оставалась актуальной на протяжении всего рассматриваемого периода и была решена лишь в начале 1920-х гг.

Говоря об истории здравоохранения, нельзя не упомянуть об организации медицинской службы в войсковых формированиях, которые сменяли друг друга на территории Дагестана как в калейдоскопе. Так в Кавказской армии Л.Ф. Бичерахова, как отмечалось в документе, подписанном начальником штаба Кавказской армии А. В. Мартыновым, существовала лазаретная служба, в которой были задействованы 14 офицеров, 92 солдата, а также имелись 37 лошадей для организации перевозки раненых [2, с.121].

В турецких войсках, по всей видимости, не хватало средств для лечения больных и раненых солдат и офицеров: из местных лазаретов они забирали медикаменты и инвентарь [35, л.2].

«Красные» же войска были плохо обмундированы и чрезвычайно ослаблены, что, хотя и мимоходом, отмечалось и в советской историографии [13, с.87–88]. Современник писал, что на неблагоприятное санитарное состояние «целиком и полностью влияли объективные местные условия и хозяйственная нужда Красной армии» [28, с.182]. Командир одного из красных отрядов сообщал в Астрахань: «Люди босые и раздетые, вести войну в горах – не в Астрахани гулять. Дошли до того, что рвем с себя рубашки и перевязываем раны» [2, с.105].

Таким образом, можно заключить, что, несмотря на революцию, гражданскую войну и иностранную интервенцию, сменявшие друг друга правительства стремились не упускать из виду вопросов организации медицинской помощи населению. В силу разных объективных и субъективных причин им не всегда удавалось осуществить задуманное. Однако, организация здравоохранения не находилась вне зоны их деятельности. Конечно, многие приказы и декреты не могли быть исполнены, так как власть принявших их, часто не распространялась дальше того города, в котором она находилась. Тем не менее, история здравоохранения в период Гражданской войны заслуживает дальнейшего изучения с привлечением новых архивных данных.

Источники и литература

1. Аликишиев Р.Ш. Очерки по истории здравоохранения Дагестана. М., 1958.
2. Безугольный А.Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Известные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917–1919. М., 2011.
3. Васильев К.Г. История эпидемий и борьба с ними в России в XX столетии. М., 2001.
4. Власов В.В. Создание, деятельность и слом МВД Временного правительства // Советские архивы. 1983. № 5.
5. Вольный Дагестан. 1918. № 46.

6. Гончарова С.Г. Управление здравоохранением в феврале – октябре 1917 г. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2001. № 6.
7. Далгат Э.М. Город и городская жизнь в Дагестане во второй половине XIX – начале XX в. Махачкала, 2015.
8. Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России А. И. Деникине. Сентябрь 1918 – декабрь 1919 / Отв. ред. и сост. Б.С. Додонов. М., 2008.
9. Ибрагимов М.-Р.А. Демографическая ситуация в Дагестане в годы Гражданской войны // Северо-кавказский исторический дискурс Гражданской войны в России (1917–1922 гг.). Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию вхождения Дагестана в состав России, 20 октября 2013 г. Вып. 1 / Отв. ред. Б.Б. Булатов. Махачкала, 2013.
10. Ибрагимов М.И. Становление и развитие системы здравоохранения Дагестана. Махачкала, 2012.
11. Исрапилов А.К.-М. Рожденные революцией. Деятельность революционных комитетов в Дагестане. Махачкала, 1969.
12. Кузнецов Б.М. 1918 год в Дагестане. [Махачкала, 2009].
13. Кулиш-Амирханова А.С. Роль Красной армии в хозяйственном и культурном строительстве в Дагестане (1920–1923 гг.). Махачкала, 1964.
14. Культурное строительство в Дагестанской АССР: Сборник документов. Т. I: 1918–1941 гг. / Сост. Г.Д. Коган, С.И. Юсупова. Махачкала, 1980.
15. Купайгородская А.П. Постановления высших органов советской власти о мобилизации медицинских работников в период военного коммунизма // Медицина России в годы войны и мира. Новые документы и исследования / Отв. ред. и сост. Л.А. Булгакова. СПб., 2011.
16. Магомедов А.Д. Движение населения Дагестана в годы Гражданской войны // Гражданская война на Северном Кавказе. (Закономерности и особенности): Региональная научная конференция. Тезисы докладов / Отв. ред. Г.Ш. Каймарзов. Махачкала, 1980.
17. Маньшев С.Б. Здравоохранение Дагестана периода Гражданской войны // Северо-кавказский исторический дискурс Гражданской войны в России (1917–1922 гг.). Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию вхождения Дагестана в состав России, 20 октября 2013 г. Вып. 1 / Отв. ред. Б.Б. Булатов. Махачкала, 2013.
18. Махачкала. 1844–1998 гг.: Сборник документов / Науч. ред. А.-Г. Гаджиев. Махачкала, 1999.
19. Население России в XX веке. Т. 1: 1900–1939 / Отв. ред. В.Б. Жиромская. М., 2000.
20. Революционные комитеты Дагестана и их деятельность по упрочению Советской власти и организации социалистического строительства. (Март 1920 г. – декабрь 1921 г.) / Отв. ред. А. К.-М. Исрапилов. Махачкала, 1960.

21. Салихова Л.Б. Городское самоуправление в Дагестане во второй половине XIX – начале XX века. Махачкала, 2014.
22. Серенко А. Народное здравоохранение в Дагестане // Очерки по истории Дагестана. Вып. II: Итоги тридцатилетних работ / Под ред. Г.А. Аликберова. Махачкала, 1950.
23. Соловьев З.П. Белогвардейская медицина // Соловьев З.П. Строительство советского здравоохранения. М., 1932.
24. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.). (Документы и материалы) / Сост. Г.И. Какагасанов, А.-Г.С. Гаджиев, С.Ч. Асильдаров, Л.Г. Каймаразова, И.М. Мусаев. Махачкала, 1994.
25. Суханова Н.И. Гражданская война 1917–1920 гг. на Северном Кавказе: социально-политический аспект. Дисс... докт. ист. наук. Ставрополь, 2004.
26. Тиф // Вольный горец. 1919. № 3.
27. Тиф. (От нашего корреспондента) // Вольный горец. 1919. № 21.
28. Тодорский А. Красная армия в горах. Действия в Дагестане. М., 1924.
29. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 2. Оп. 2. Д. 70.
30. ЦГА РД. Ф. 32. Оп. 2. Д. 12.
31. ЦГА РД. Ф. 32. Оп. 5. Д. 295.
32. ЦГА РД. Ф. 32. Оп. 6. Д. 2.
33. ЦГА РД. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6.
34. ЦГА РД. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7.
35. ЦГА РД. Ф. 32. Оп. 6. Д. 8.
36. ЦГА РД. Ф. 32. Оп. 6. Д. 9.
37. ЦГА РД. Ф. Р-59. Оп. 9. Д. 46.
38. ЦГА РД. Ф. Р-622. Оп. 2. Д. 63.
39. Янкелевич Р. К положению сельско-врачебной части в Дагестане // Вестник Дагестана. – 1919. № 1.

**Социальное самочувствие жителей г.Волгограда: отражение кризиса
(по результатам прикладного социологического исследования)**

Моисеева Дарья Викторовна

Волгоградский государственный технический университет

старший преподаватель

Moiseeva-D@yandex.ru

Дулина Надежда Васильевна

Волгоградский государственный технический университет

доктор социологических наук

кандидат философских наук, профессор

nv-dulina@yandex.ru

Парамонова Вера Александровна

Волгоградский государственный университет

Для изучения изменений, происходящих в социокультурном пространстве города, зачастую используются показатели социального самочувствия населения, представляющие собой объективно-субъективные оценки удовлетворенности индивидов, в том числе, и своим материальным положением. Экономический кризис, развивающийся в России на протяжении 2014–2016 гг., отразился на уровне социального самочувствия жителей городов. Одной из важных характеристик текущего кризиса стало снижение доходов населения (напр., по данным Волгостата реальные денежные доходы населения Волгоградской области в январе-июне 2016 г. по сравнению с соответствующим периодом 2015 г. уменьшились на 7,1 % [2]). Сокращение доходов сказывается на финансовом поведении населения, но воздействие кризиса разнообразно и, для лучшего понимания происходящих процессов, необходимо изучение изменений поведения различных социальных групп. Нами ранее публиковались результаты исследований, отражающих изменения финансовых стратегий волгоградцев [5,6], целью же данной работы стало изучение особенностей социального самочувствия горожан, обладающих различным уровнем финансовой грамотности.

Методика исследования

В прикладном исследовании, реализованном при участии авторов, для расчета уровня социального самочувствия используется вариант индекса РИПН (региональный индекс потребительских настроений, вариант ИПН), который был разработан Ассоциацией региональных социологических центров «Группа 7/89» для применения в межрегиональных исследованиях [9]. Компоненты РИПН рассчитываются на основе результатов обработки ответов респондентов на шесть вопросов интервью, которые предлагаются респондентам в следующих формулировках:

С11. «Как Вы полагаете, нынешние условия жизни в нашей области лучше, хуже или примерно такие же, как и в целом по стране?»

С12. «Как Вы полагаете, Ваше нынешнее материальное положение (вашей семьи), лучше, хуже или примерно такое же, каким оно было год назад?»

С13. «Как Вы полагаете, в ближайшие 12 месяцев Ваше материальное положение улучшится, ухудшится или останется примерно таким же, как сейчас?»

С14. «Как, по Вашему мнению, за это время изменится жизнь большинства россиян: улучшится, ухудшится или останется примерно такой же, как сейчас?»

С15. «Как Вы думаете, в ближайшие 5 лет материальное положение россиян в целом улучшится, ухудшится или останется прежним?»

С16. «Если говорить о крупных покупках для дома, – таких как мебель, холодильник, бытовая электроника, телевизор, то, как Вы полагаете, сейчас в целом хорошее или плохое время для того, чтобы делать такие покупки?»

Общая логика расчета регионального индекса потребительских настроений сводится к следующему:

1. По каждому из вопросов, характеризующих различные аспекты жизни респондента и ожидания (вопросы С11–С16), рассчитываются распределения ответов респондентов (доли ответов, приходящихся на каждую из категорий представленной шкалы).

2. Каждое из полученных распределений используется для построения частного индекса, который рассчитывается следующим образом: из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных (средние и несодержательные варианты ответов не учитываются) и к этой разнице прибавляется 100, чтобы исключить появление отрицательных величин.

3. Совокупный индекс рассчитывается как среднее арифметическое частных индексов. Значения индекса могут изменяться в пределах от 0 до 200. Индекс равен 200, когда все население положительно оценивает экономическую ситуацию. Индекс равен 100, когда доля положительных и отрицательных оценок одинакова. Значения индекса ниже 100 означают преобладание в обществе негативных оценок.

Для оценки финансовой грамотности была выбрана самооценка, объективность которой была уже неоднократно продемонстрирована нами (см., напр., [3,4]). Субъективная оценка финансовой грамотности выявляется в ходе ответа на вопрос: «Считаете ли Вы себя финансово грамотным человеком? Есть ли у Вас необходимые знания и навыки в этой области или таких знаний и навыков нет?». Для удобства представления результатов нами были выделены следующие группы:

а) «неадаптированные». К этой группе были отнесены респонденты, отрицающие наличие каких-либо знаний и навыков в финансовой сфере. Для них сфера финансов является чуждой, непонятной и вызывает отторжение.

б) «двоечники» – люди, определившие свои знания как неудовлетворительные;

в) «троечники» – люди, определившие свои знания как удовлетворительные;

г) «хорошисты» – люди, определившие свои знания как хорошие;

д) «отличники» – люди, определившие свои знания как отличные.

Описание параметров исследования

Объектом исследования было выбрано население г. Волгограда в возрасте от 16 лет и старше. В ходе прикладного социологического исследования было реализовано две волны:

I волна: в октябре-ноябре 2014 г. в опросе приняли участие 416 чел.

II волна: в январе 2016 г. в опросе приняли участие 315 чел.

Исследование носило зондажный характер, задача репрезентации выборки не ставилась.

После сбора данных были проанализированы описательные статистики получившихся выборок. Соотношение мужчин и женщин, принявших участие в опросе, 40 и 60 процентов соответственно. Анализ распределения рес-

пондентов по уровню образования показал, что в первой волне преобладали люди с высшим образованием (40 %), во второй – со средним специальным (47,7 %). В соответствии с родом занятий выборки распределились следующим образом (без скобок указаны данные по выборке 2014 г., в скобках – по 2016г.): 42 % (59,7 %) опрошенных работают по найму; 5,3 % (1,7 %) являются владельцами предприятий, 11,1 % (11 %) работают самостоятельно, 37,3 % (15 %) - не работают, из них 13,5 % (0,3 %) – пенсионеров и 24 % (11 %) учащихся.

Оценка социального самочувствия: общие данные.

На рис. 1 представлено сопоставление значений показателей социального самочувствия жителей Волгограда в конце 2014 г. и начале 2016 г.

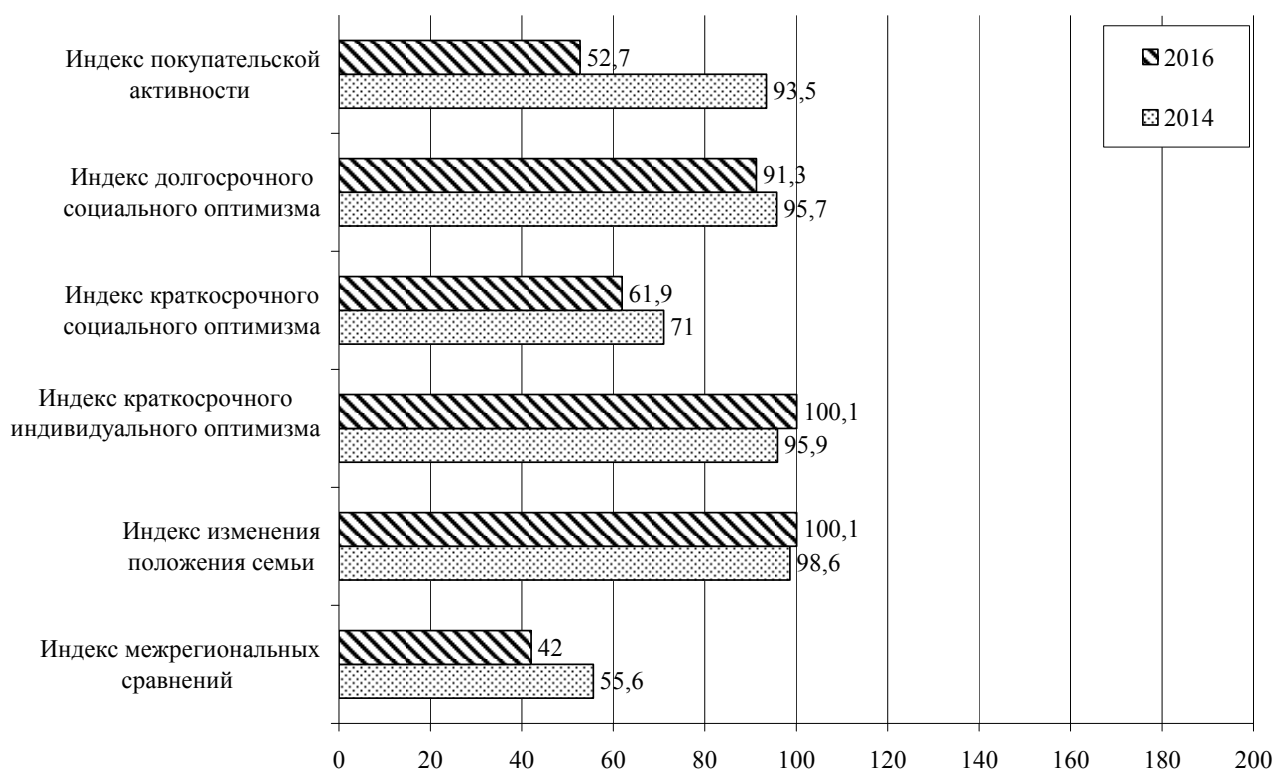

Рис. 1 – Изменение показателя социального самочувствия жителей г. Волгограда (2014 и 2016 гг.), %

Сравнение показателей социального самочувствия свидетельствует вывод о том, что среди жителей Волгограда распространены негативные оценки перспектив изменения материального положения. Кризис, в первую очередь, отразился на оценках условий для совершения крупных покупок (снижение на 40,8 %), условий проживания в области (меньше на 13,6 %) и жизненных перспектив волгоградцев в течение ближайшего года (снизились на 9,1 %).

Резкое снижение индекса покупательской активности (почти в два раза) подтверждает факт снижения доходов населения. Данных отдельно по г. Волгограду в свободном доступе на сегодняшний день нет, но анализ офи-

циальной статистики позволят выявить негативные тенденции снижения доходов населения по РФ: за 2014 г. реальные располагаемые денежные доходы по РФ снизились на 0,7 %, в 2015 г. – на 4,3 %, по предварительным данным за I квартал 2016 г. – снижение продолжается [8]. Аналогичные тенденции наблюдаются и по Волгоградской области [14,15].

Рост негатива по отношению к региону проживания в Волгоградской области волне согласуется со снижением социально-экономических показателей развития. Данные, характеризующие уровень заработной платы в Волгограде по сравнению с другими областными центрами ЮФО, (см. табл.) выявляют отставание не только от крупных промышленных и аграрных центров, какими являются Ростов-на-Дону и Краснодар, но и, например, от Астрахани. Уровень заработной платы ниже, чем в среднем по РФ и имеет за указанный период минимальные темпы прироста.

Таблица

Динамика среднемесячной номинальной начисленной заработной платы (руб.) по областным центрам субъектов ЮФО*

Южный федеральный округ	2011	2012 г.	2013 г.
Майкоп	16658,1	19377,5	22358,4
Элиста	14971,6	18168,7	21638,5
Краснодар	25299,7	30202,5	34400,8
Астрахань	20583	23690	27588
Волгоград	20238,3	23393,8	26351,1
Ростов-на-Дону	23935,7	27689,8	31609,0
В среднем по РФ	23369,2	26628,9	29792,0

* Составлено по [10]

У жителей г.Волгоград в 2016 г. по сравнению с 2014 г. несколько выросли оценки материального положения семьи и ближайших перспектив. Треть респондентов (34,7 %) отметила некоторое улучшение своего материального положения и считает, что в течение года их положение улучшится, но доля людей, придерживающаяся противоположного мнения, также составляет одну треть. А вот процент людей, рассчитывающих на улучшение своего материального положения, выросла почти в два раза (с 21,4 % в 2014 г. до 40 % в 2016 г.).

При этом улучшения социально-экономической ситуации в стране ждет менее 15 % респондентов, а около половины (46,1 % в 2014 г., 50,7 % в 2016 г.) считает, что в течение года жизнь большинства россиян станет тяжелее. При изменении горизонта планирования до 5 лет социальный оптимизм возрастает (в 2016 г. индекс краткосрочного социального оптимизма равен

61,9 %, а индекс долгосрочного социального оптимизма – 91,3 %), но негативные оценки все же преобладают.

Таким образом, развернувшийся кризис сильно сказался на доходах жителей г. Волгограда, люди стали чаще отказываться от совершения крупных покупок. Значительных изменений в оценках своего материального положения и прогноза его изменения не выявлено, а вот хороших перспектив, с точки зрения ситуации к лучшему, люди не видят, отрицательные оценки в отношении ситуации, сложившейся в городе растут.

Необходимо отметить, что данные, полученные в ходе описываемого исследования, как минимум, – не противоречат, а как максимум, вполне укладываются в общероссийские тенденции, выявленные специалистами ВЦИОМ, НИУ ВШЭ, ИНСАП РАНХиГС [1, 7, 13].

Оценка социального самочувствия: групповая динамика.

Исследование значений показателей не всегда позволяет составить полную картину, в некоторых случаях целесообразна разработка типологии социальных групп и их подробное описание. Подобная практика необходима при изучении феноменов, изучение которых имеет недолгую историю, таким новым феноменом социальной реальности нашей страны является финансовая грамотность, попавшая в поле зрения исследователей только в 2000-х гг. На сегодняшний день накоплен значительный опыт прикладных социологических исследований по финансовой грамотности населения [11] и существует насущная потребность в их теоретическом осмыслении. Кроме этого в настоящий момент в г. Волгограде и Волгоградской области реализуется проект «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации» [12].

В ходе анализа данных социологических исследований, реализованных при участии авторов, были выделены пять социально-экономических групп, отличающихся уровнем самооценки финансовой грамотности, и для каждой из групп рассчитаны показатели социального самочувствия.

Самооценка финансовой грамотности жителей г. Волгограда в начале кризиса (IV кв. 2014 г.) и в ходе его развития (I кв. 2016 г.) осталась на прежнем уровне: среднее значение осталось одинаковым 2,9 балла. Соотношение групп несколько изменилось: увеличилась доля «троечников» с 40,6 % до 49 % за счет сокращения доли «отличников» (с 4,1 % до 1,7 %), «хорошистов» (с 25,5 % до 22 %) и «неадаптированных» (с 8,4 % до 5 %) (см. рис.2). С одной стороны, люди стали осторожнее в своих оценках (снижение доли высоких оценок), с другой, повысилась информированность, вызываемая активным обсуждением проблем финансового кризиса в СМИ (уменьшение доли тех, кто отметил, что не обладает финансовыми знаниями и навыками).

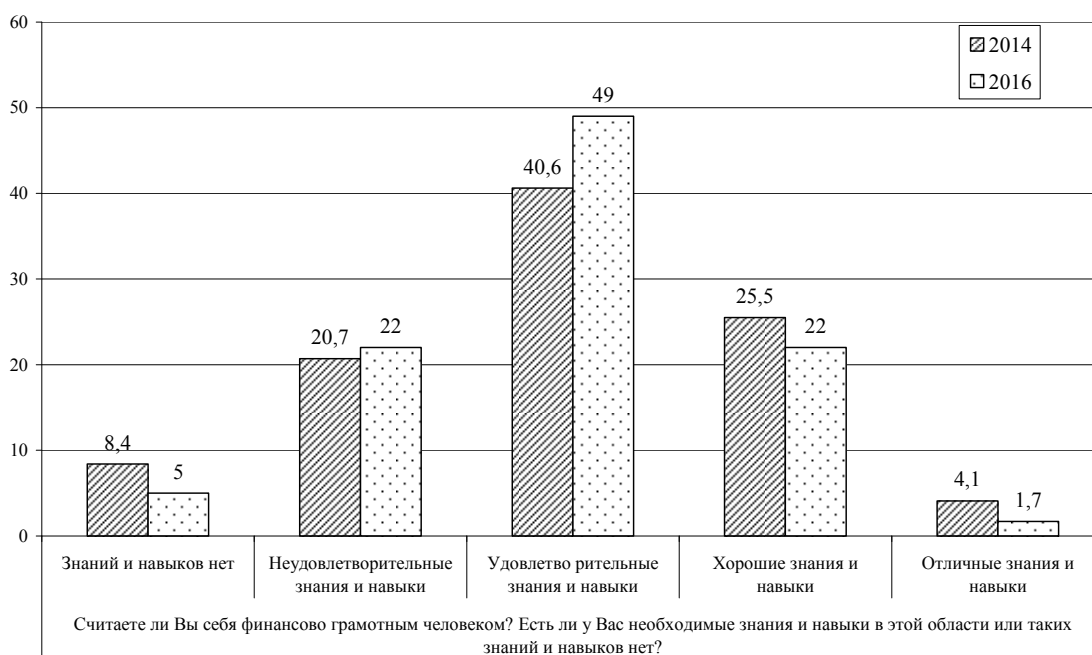

Рис. 2 – Финансовая грамотность жителей г. Волгограда: самооценка

Оценки положения дел в регионе (городе) основной группы массива – «троечников» – практически не изменились: значительно преобладает негатив (см. рис. 3). Представители остальных групп считают, что в Волгоградской области ситуация ухудшилась, и стала еще более худшей, чем в других регионах: среди «отличников» не нашлось ни одного, кто дал положительную оценку.

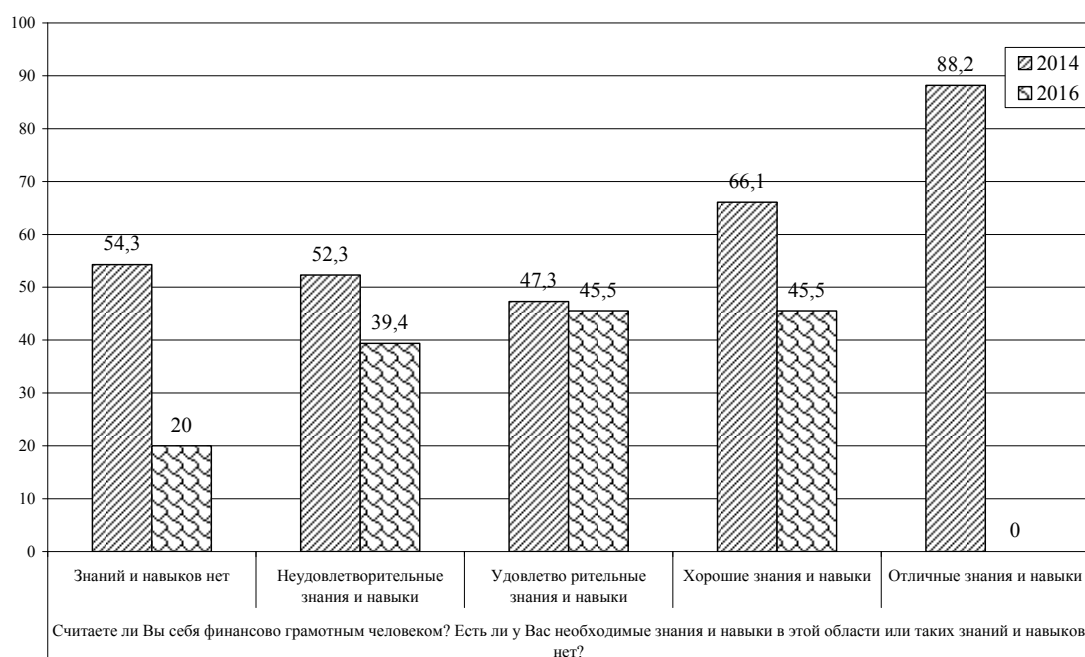

Рис. 3 – Индекс межрегиональных сравнений: групповая динамика

В опросе, реализованном в начале кризиса (IV кв. 2014 г.), оценки материального положения семьи респондентов с ростом самооценки приобретали положительную интерпретацию: среди «неадаптированных» и «двоечников» преобладали негативные оценки, а среди «троечников», «хорошистов» и «отличников», наоборот, положительные (см. рис. 4). Развивающийся кризис повлиял на оценки «неадаптированных» (рост положительных оценок) и «отличников» (рост негативных оценок), но необходимо отметить, что это малочисленные группы и их мнения мало влияют на общие оценки ситуации.

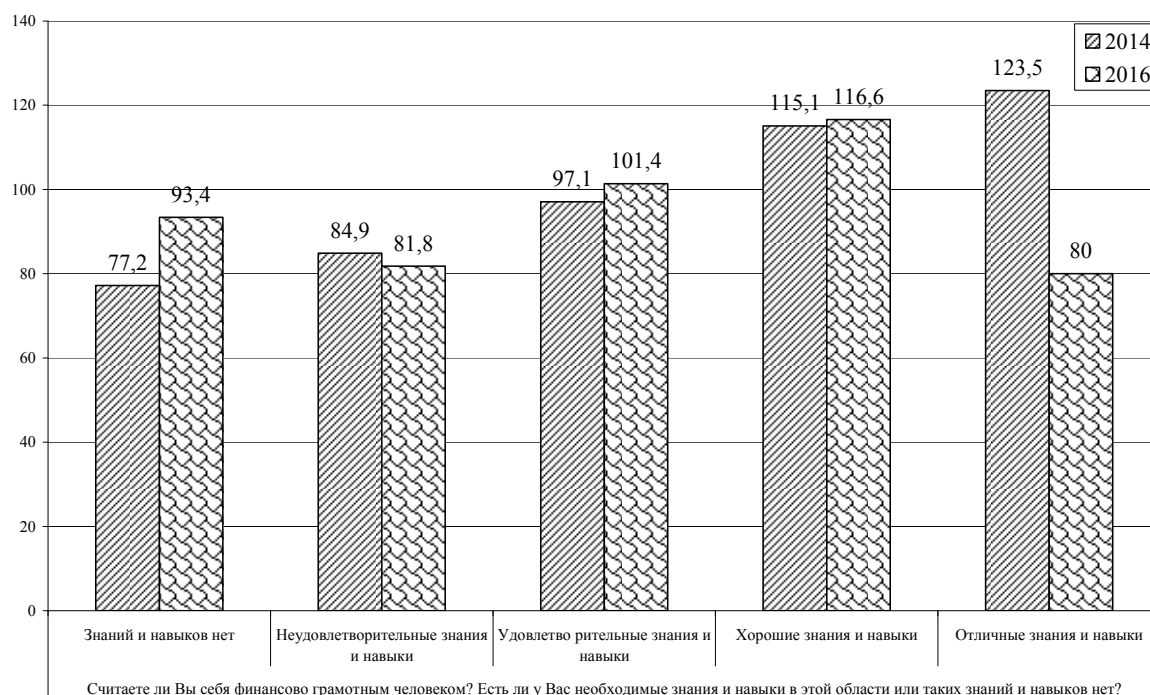

Рис. 4 – Индекс изменения положения семьи: групповая динамика

Претерпели значительные изменения оценки перспектив изменения личного материального положения: во всех группах наблюдается рост положительных настроений (рис. 5). Если в 2014 г. «неадаптированные», «двоечники» и «троечники» чаще не видели перспектив для улучшения материального положения, то в 2016 г. на улучшение стали рассчитывать все группы. Люди считают, что кризис заканчивается и в течение года они смогут поправить свое материальное положение.

Но если в начале 2016 г. преобладали положительные оценки волгоградцев в отношении перспектив улучшения личного благосостояния, то в отношении перспектив изменения жизни большинства россиян в лучшую сторону, наоборот, зафиксирован рост отрицательных оценок по всем группам, кроме «неадаптированных» (см. рис. 6). Снижение по группам произошло в разной степени, но более резкое неприятие происходящего демонстрируют «отличники».

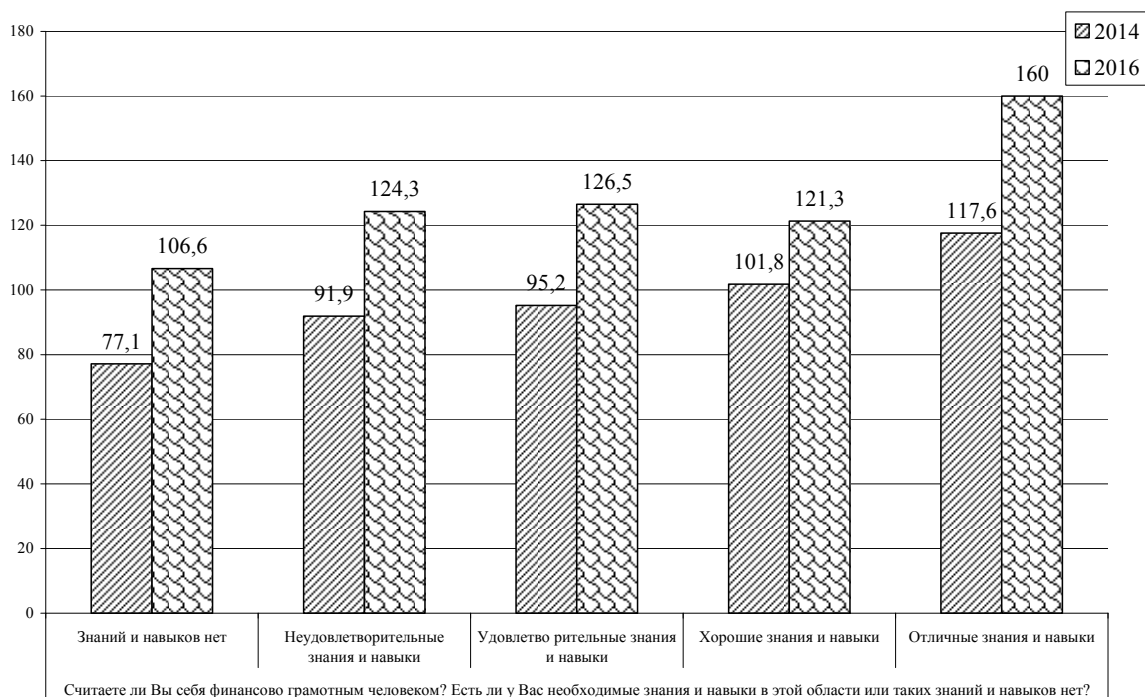

Рис. 5 – Индекс краткосрочного индивидуального оптимизма: групповая динамика

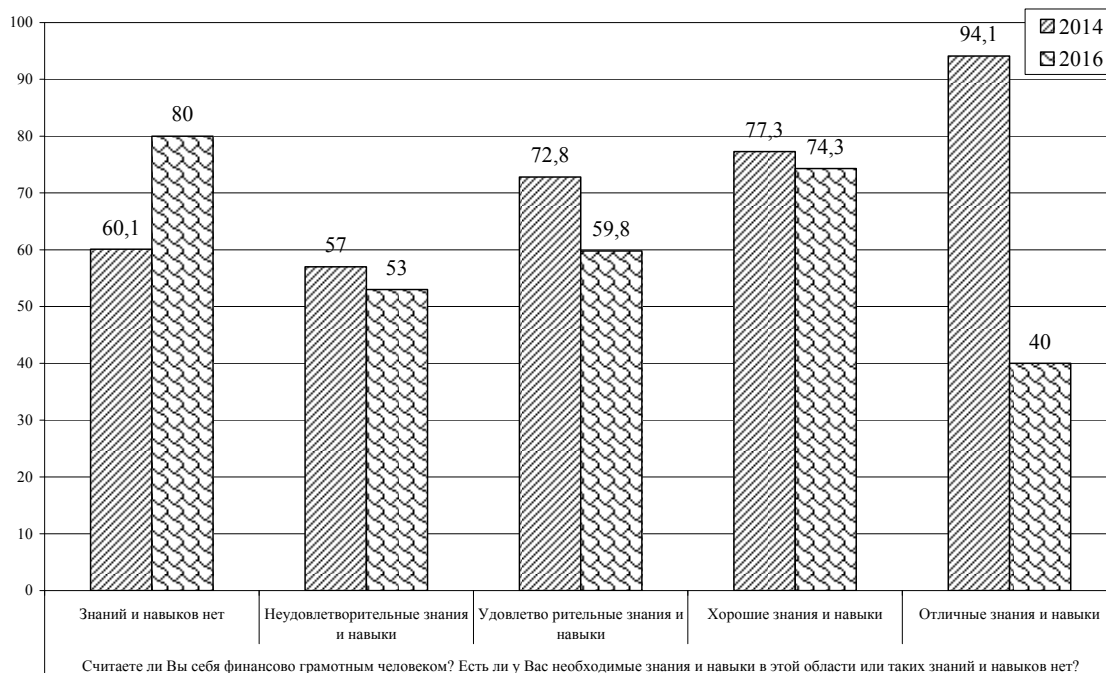

Рис. 6 – Индекс краткосрочного социального оптимизма: групповая динамика

В долгосрочной перспективе волгоградцы строят более благоприятный прогноз изменения материального положения россиян: значения индекса долгосрочного социального оптимизма имеют более высокие значения, чем у индекса краткосрочного социального оптимизма (см. рис. 7). Среди самых многочисленных групп («троечников» и «хорошистов») большее распростране-

ние получили негативные оценки, а среди «неадаптированных», «двоечников» и «отличников», наоборот, заметен рост доли положительных оценок.

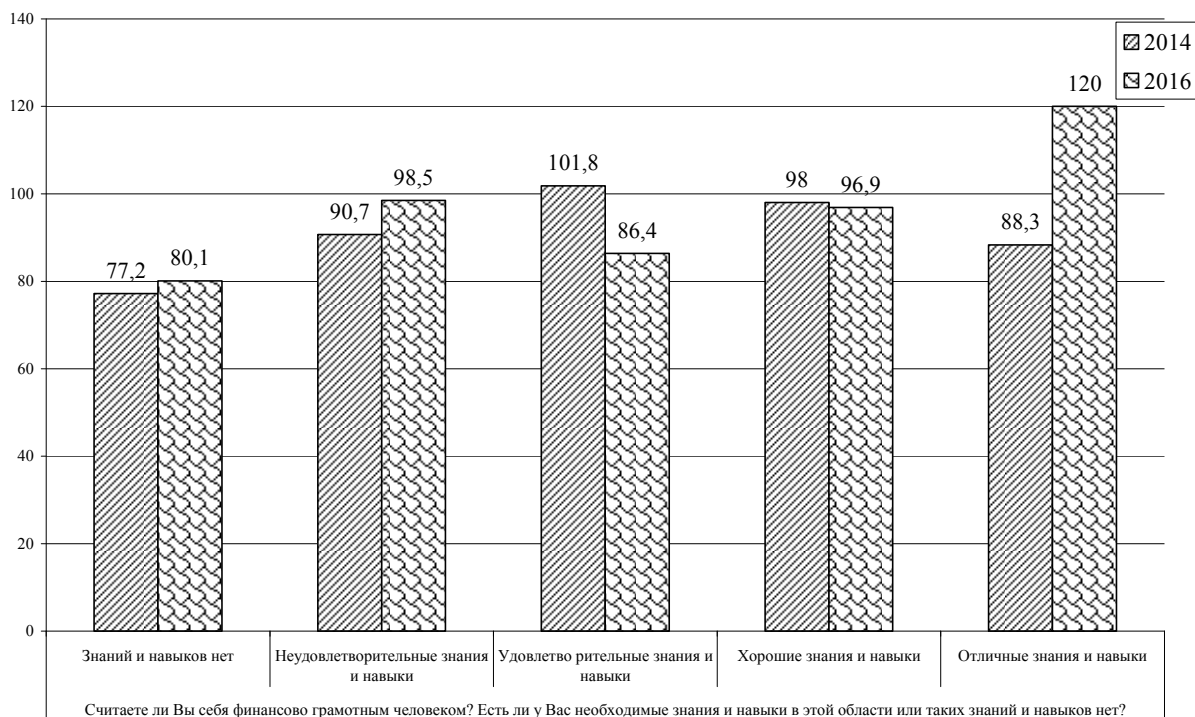

Рис. 7 – Индекс долгосрочного социального оптимизма: групповая динамика

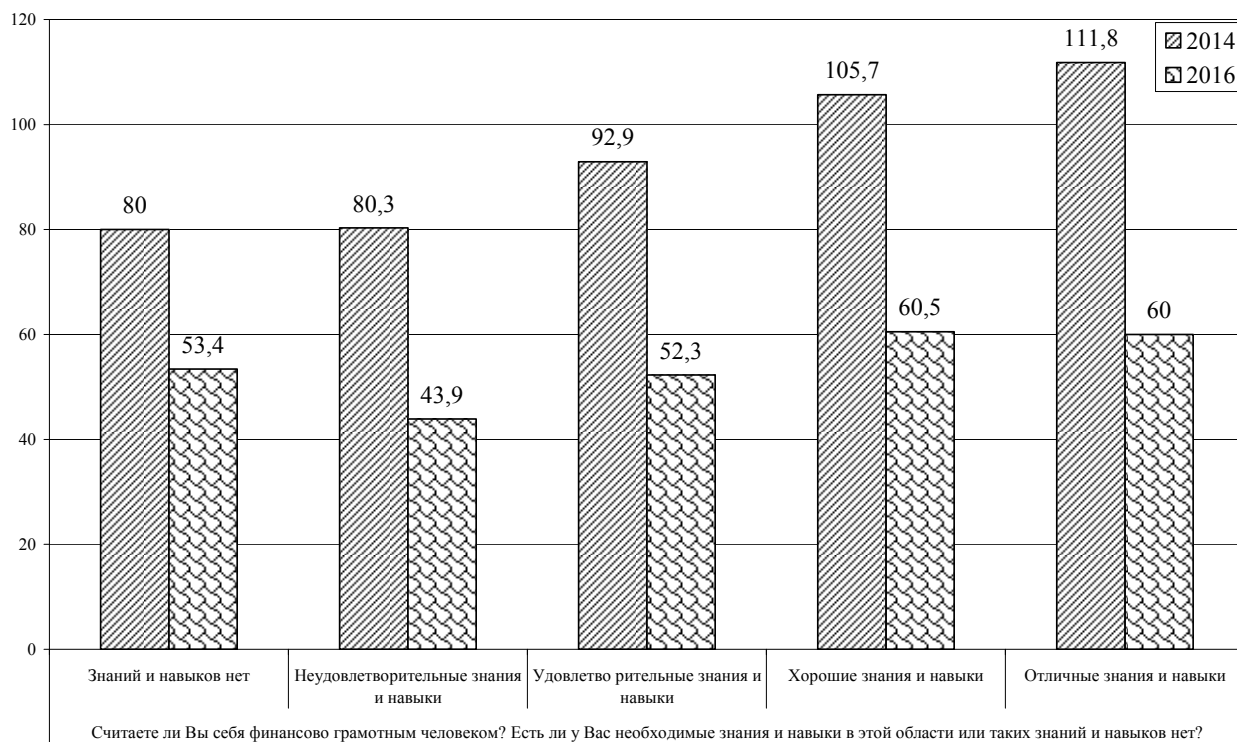

Рис. 8 – Индекс покупательской активности: групповая динамика

Следует отметить, индекс, характеризующий отношение населения к возможности совершения крупных покупок для дома (мебель, холодильник, бытовая электроника, телевизор), снизился почти на 40 %. По группам разрыв значений этого показателя в 2016 г. по сравнению с 2014 г. колеблется от 26,6 % у «неадаптированных» до 51,8 % у «отличников».

Разное снижение по группам объясняется разницей в доходах: низкодоходные («неадаптированные», «двоечники») привыкли экономить, их доходы до кризиса не позволяли им свободно совершать крупные покупки, к тому же, они привыкли покупать дешевые товары, а вот высокодоходные («хорошисты», «отличники») оказались менее готовы к таким изменениям. Этим группам до кризиса были доступны и крупные покупки, и качественные продукты питания, и продукция, цена на которую определялась курсом доллара, и отдых за рубежом, а в 2016 г. из-за резкого скачка курса валют, введенных санкций сохранять привычное потребление для них стало сложнее.

Подводя итог представления результатов исследования, посвященного изучению особенностей социального самочувствия горожан, обладающих различным уровнем финансовой грамотности, можно сделать следующие выводы:

1) кризис отрицательно сказался на социальном самочувствии жителей г. Волгограда: зафиксировано снижение четырех показателей социального самочувствия из шести. В большей степени изменились оценки условий проживания в г.Волгограде и Волгоградской области и целесообразности совершения крупных покупок, что объясняется снижением доходов волгоградцев, уровень которых и до кризиса был ниже среднего по РФ;

2) социально-экономические группы, различающиеся уровнем финансовой грамотности, демонстрируют разную реакцию на кризис: значение индексов социального самочувствия от группы к группе сильно варьируется. С ростом самооценки растет уверенность в возможности ухудшения и социально-экономической ситуации в стране, и личного материального положения;

3) особую важность дальнейшее изучение выявленных зависимостей приобретает в свете необходимости повышения уровня финансовой грамотности и улучшения социального самочувствия населения города, да и страны в целом.

В целом волгоградцы достаточно низко оценивают ситуацию в стране, но, по их мнению, ситуация в Волгограде и Волгоградской области гораздо хуже, чем в других субъектах РФ; перспективы большинства россиян волгоградцы оценивают негативно, для себя в ближайшей перспективе не видят ничего хорошего, но уверены, что сами-то они как-нибудь сумеют сломать тенденцию, чего не случится с другими; а вот в длительной перспективе – все будет хорошо.

Источники и литературы

1. Аврамова, Е. Социальное самочувствие: население чувствует кризис все больше, а видит – все меньше / Е. Аврамова, Д. Логинов // Экономическое развитие России. 2015. Т. 22. № 6. С. 79-82.

2. Денежные доходы населения Волгоградской области в январе-июне 2016 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://volgastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/volgastat/ru/publications/news_issues/3d56f6804dca4248b463f70d534aab22 (Дата обращения: 14.08.2016).

3. Моисеева, Д. В. Отношение волгоградцев к деньгам и их самооценка финансовой грамотности (по материалам прикладного социологического исследования) / Д. В. Моисеева // Известия ВолгГТУ. Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. Вып. 24. – Волгоград, 2015. – № 10 (174). – С. 54–59.

4. Моисеева, Д. В. Финансовая грамотность и повседневные финансовые практики населения Волгоградской области (на материалах социологического исследования «Волгоградский омнибус») / Д. В. Моисеева, Н. В. Дулина // Философия социальных коммуникаций. – 2014. – № 3. – С. 70–78.

5. Моисеева, Д. В. Финансовая грамотность населения и кризис: аспекты взаимовлияния / Д. В. Моисеева, Н. В. Дулина // Соціально-гуманітарні дисципліни: напрямки наукового пошуку : матер. всеукр. наук. конф. (м. Дніпропетровськ, 12 квітня 2016 р.). У 2 ч. Ч. II / Дніпропетровський нац. ун-т ім. Олеся Гончара. – Дніпропетровськ, 2016. – С. 16–21.

6. Моисеева, Д. В. Финансовая грамотность населения: стратегии выживания в кризис / Д. В. Моисеева, Н. В. Дулина // Дыльновские чтения «Социологическая диагностика современного общества» : матер. междунар. науч.-практ. конф. (12 февр. 2016 г.) / Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, Социологический факультет. – Саратов, 2016. – С. 168–172.

7. Население России в 2016 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. – [Электронный ресурс] – НИУ ВШЭ, 2016 – Режим доступа: <https://isp.hse.ru/monitoring> (Дата обращения: 14.08.2016).

8. Реальные располагаемые денежные доходы по Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_12kv.htm (Дата обращения: 14.08.2016).

9. Региональный индекс потребительских настроений (РИПН). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.socio-research.ru/svd/cnt/ru/fldr_mainmenu/fldr_methodology/cnt_ripn (Дата обращения: 14.08.2016).

10. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов-2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138631758656 (Дата обращения: 14.08.2016).

11. Совершенствование национальных стратегий финансового образования: совместная публикация председательства Российской Федерации в «Группе двадцати» и ОЭСР. – OECD, 2013. – 391 с.

12. Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации – [Электронный ресурс]. – minfin.ru – Режим доступа: <http://minfin.ru/ru/om/fingram/news/index.php>

13. Социальное самочувствие россиян: весенняя распутица. – [Электронный ресурс] – ВЦИОМ, 2016 – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115614> (Дата обращения: 14.08.2016).

14. Социально-экономическое положение Волгоградской области (аналитические обзоры). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://volgoduma.ru/analitika/issledovaniya-analitika/sotsialno-ekonomicheskoe-polozhenie-volgogradskoy-oblasti-analiticheskie-obzory.html> (Дата обращения: 14.08.2016).

15. Социально-экономическое положение Волгоградской области в январе-марте 2016 года: доклад / Терр. орган фед. службы гос. статистики по Волгоград. обл. – Волгоград: Волгоградстат, 2016. – 36 с.

16. Токарев, В. В. Опыт социального мониторинга в городе / В. В. Токарев, Н. В. Дулина // Известия ВолгГТУ. – 2010. – № 8. – С. 78–86.

Региональная специфика поведенческих стратегий трудоустройства городской молодежи (на примере г. Ростова-на-Дону)⁸

*Нор-Аревян Оксана Аведиковна
Южный федеральный университет
кандидат социологических наук, доцент
noroks@yandex.ru*

Одной из наиболее серьезных и сложных задач, с которыми сталкивается каждый молодой человек, является проблема трудоустройства. Востребованность на рынке труда, конкурентоспособность, грамотное и осмысленное построение карьерных стратегий – вот круг тех проблем, которые волнуют молодежь всех времен. Исследование поведения молодых людей на рынке труда традиционно входит в сферу повышенного интереса ученых, исследующих молодежную проблематику, и составляет предмет активного научного дискурса.

Проведенное в 2011 году прикладное социологическое исследование по теме «Социализация и воспитание студенческой молодежи вузов Ростовской области» было направлено на выявление особенностей профессиональной социализации и перспектив трудоустройства выпускников вузов одного из крупных регионов России. Исследование было проведено в 13 государственных и 3 негосударственных вузах Ростовской области, в том числе выборку составили студенты Южного федерального университета – ЮФУ (Ростов-на-Дону, Россия).

---

⁸ Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ проект № 16-18-10306.

В ходе прикладных исследований профессиональной социализации российских студентов было выявлено, что успешность поиска работы и трудоустройства студентов во многом определяется характером мотивов выбора будущей профессии, успехами в учебе и типами стратегий карьерного развития молодых специалистов.

В числе мотивов выбора профессии в ответах студентов ЮФУ лидирует вариант «для удовлетворения собственных интересов, развития способностей и самосовершенствования» (68,9%), затем престиж профессии (37%), третье место разделили ответы «Эта профессия пользуется высоким спросом на рынке труда» (24%) и «по рекомендации родителей» (23,6%). Уровень оплаты труда специалистов выбранной сферы волнует лишь каждого пятого опрошенного студента ЮФУ (19,9%).

Усидчивость и усердие в учебе накладывают свой отпечаток на формирование образовательных и профессиональных траекторий будущих специалистов. Так, студенческая молодежь преимущественно полагает, что больше шансов будущего профессионального становления дает диплом о высшем образовании по избранной специальности (41,4%), а Университет дает лишь стартовые возможности в виде необходимых знаний для будущего профессионального становления (34,6%), но более половины респондентов отметили вариант ответа «Чем лучше я буду учиться, тем успешнее будет моя профессиональная карьера» (55,5%). Сравнительный анализ распределения ответов студентов ЮФУ приведен в таблице 1.

Таблица 1

Распределение ответов студентов ЮФУ о значимости Университета, диплома об образовании и качества полученных знаний

Вопрос «Согласны ли Вы?»	Вариант ответов	Количество, в %
Университет должен дать знания по профессии, а остальное – личное дело каждого	Согласен	34,6
	Не согласен	46,2
	Трудно сказать	19,2
С дипломом об окончании этого факультета мне будет легко занять достойное место в жизни	Согласен	41,4
	Не согласен	21,8
	Трудно сказать	36,8
Чем лучше я буду учиться, тем успешнее будет моя профессиональная карьера	Согласен	55,5
	Не согласен	19,9
	Трудно сказать	24,6

Также в ходе исследования был проведен анализ тенденций вторичной занятости студенческой молодежи. И, несмотря на то, что в оценках студентов ЮФУ больше половины (53,3%) опрошенных указали, что подработок не имеют, каждый пятый студент (21,1%) эпизодически где-то подрабатывает, временную работу имеют 12,5% опрошенных студентов и 13% респондентов

указали, что имеют постоянную работу. Распределение ответов на вопрос о характере студенческих подработок смотрите в таблице 2.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Если Вам приходится подрабатывать во внеучебное время, то укажите, пожалуйста, каков характер вашей работы?»,
в %

№	Варианты ответа	Количество, в %
1.	Работа по специальности, которую выбрал в вузе	23,0
2.	Преимущественно интеллектуальная работа по другой специальности	24,4
3.	Участие в реализации товаров (лоточный бизнес, торговый агент и т.д.)	24,6
4.	Преимущественно физический, обслуживающий труд	23,5
5.	Другое	4,5

Стратегия поведения студента на рынке труда во время и после окончания вуза во многом зависит от того профессионального уровня, которого студент достиг за время обучения в вузе. Так, анализ ответов студентов показывает, что студенты чаще связывают свою будущую карьеру с хорошей учебой. Таким образом, подтверждается гипотеза о формировании тенденции взаимосвязи в представлениях студентов уровня образовательной и профессиональной подготовки и будущей трудовой деятельности. Примерно также распределяются ответы о значении диплома о высшем образовании для достойного места в профессиональной сфере, что было отмечено нами выше.

Специфика профессиональной социализации и перспективы трудоустройства российских студентов на материалах опроса студентов ЮФУ подробно уже рассматривались в авторских публикациях [1,2].

Остановимся в своем исследовании более подробно на анализе оценок студентов о перспективах трудоустройства и выявим особенности стратегии профессионального поведения выпускников вузов на рынке труда России.

В стратегиях трудоустройства выпускники ЮФУ отдают предпочтение наличию разнообразных вариантов трудоустройства, при этом они прибегают и к помощи родных и близких, используя неформальные каналы трудоустройства, и возлагают определенные надежды на самостоятельный поиск работы. В числе каналов трудоустройства также рассматриваются: предложение работодателя (21%), помощь вуза (19%), средства массовой информации (13%) и незначительная часть студентов полагаются на помощь кадровых агентств и службы занятости (6%).

Треть опрошенных студентов ЮФУ уверены в том, что найдут работу по полученной специальности (33,3%), четверть опрошенных будут искать

место, где хорошо платят и не обязательно по специальности (25,1%) и почти четвертая часть респондентов указали, что мечтают о собственном деле и всячески стремятся к этому (23,7%).

Твердо знают, где будут работать только 12% респондентов ЮФУ, но почти каждый второй (47,3%) имеют несколько вариантов трудоустройства, но они не подкреплены гарантиями приема на работу. Каждый пятый студент (21,5%) еще не задумывался о будущем трудоустройстве и это одна из ведущих причин неудач выпускника на рынке труда после получения диплома. Однако настораживает факт того, что студенты ЮФУ испытывают страхи по поводу того, что после окончания вуза какое-то время могут быть безработным (18,1%).

По итогам исследования можно сделать вывод, что российские студенты одинаково стабильно ориентируются на гарантированное трудоустройство и среднюю заработную плату, однако студенты ЮФУ видят и большую долю риска в решении проблемы занятости.

В ходе проведенного исследования удалось выявить формирующуюся благоприятную тенденцию, связанную с представлениями студентов о наличии взаимосвязи трудоустройства и профессиональной карьеры с хорошей учебой и получаемыми знаниями, а не только с наличием диплома о высшем образовании.

В то же время по мере обучения в вузе возрастает прагматизм молодежи в отношении будущей профессии и как следствие больше разочарований и больше тревог относительно дальнейшего трудоустройства. Будущий социальный и профессиональный статус для многих оказывается неопределенным и не всегда непосредственно связанным с получаемой в вузе профессией, также становится более устойчивым представление о возможности стать безработным после окончания вуза в оценках студентов.

Итак, социологический анализ проблем и перспектив профессиональной социализации и социальной адаптации студенческой молодежи на рынке труда показал, что успешность профессиональной социализации студентов определяется характером мотивов выбора будущей профессии, успехами в учебе и типами стратегий карьерного развития молодых специалистов.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда проект № 16-18-10306.

Развитие периферийных городов Урала в 1929 – 1933 гг.: медицинский аспект

Островкин Денис Леонидович
Уральский государственный педагогический университет
аспирант
ostrovkin.denis@yandex.ru

Рубеж 1920–30-х гг. в СССР – время масштабного развертывания плана сплошной коллективизации и индустриализации страны. На Урале, как в од-

ном из основных промышленных районов, в кратчайшие сроки должна была развернуться мощная индустриальная база, в основе которой было строительство новых и реконструкция существующих предприятий, а также «урбанизация» населения, путем возведения городов фактически «с нуля». Так в г. Асбест в 1928 г. проживало около 9 тыс. чел., а к 1933 г. население увеличилось до 50 тыс., в г. Бакал за тот же период рост жителей составил с 4 тыс. до 36 тыс. чел., в г. Златоуст увеличение числа людей за 5 лет составило 69 тыс., достигнув в 1933 г. числа 117 тыс. жителей, в г. Каменском прирост населения составил 30 тыс. за период с 1928 по 1933 г. При этом были города, которых до начала индустриализации фактически не существовало на карте. Например, г. Березники, где уже к 1933 г. стало проживать 60 тыс. чел., в г. Вишера – 50 тыс., г. Красноуральск – 45 тыс., г. Магнитогорск – 90 тыс. [3. Л. 41]. При этом не считая роста населения в центральных городах области – Свердловск, Пермь, Челябинск, Нижний Тагил. Естественно, такое огромное увеличение числа населения подрывало санитарную ситуацию в Уральской области.

В этих условиях лечебные учреждения вынуждены были перестроить свою работу таким образом, чтобы минимально обеспечить амбулаторной и коечной помощью хотя бы одних рабочих, на которых приходилось 80 – 90% всех посещений и коечных больных. Остальному же населению, в том числе членам семей рабочих, медпомощь почти не оказывалась. В первую очередь это происходило из-за дефицита врачей. В Магнитогорске 1929 г. 99 врачей были перегружены работой, имея по два или по три совместительства. Неоднократно отмечалось обморочное состояние специалистов, а как следствие «выход из строя переутомленных работников» [4. Л. 31].

Врачей не хватало повсеместно и на некоторых новостройках их было 60% от необходимого количества (Магнитогорск, Уралмедьстрой), а на других всего 8 – 10% (Стальмост, Синарстрой) [2. Л. 12]. Особенно неудовлетворительно была организована помощь на дому и скорая помощь. Почти во всех малых городах отдельный персонал для этого не был выделен, отсутствовал транспорт.

Не лучше обстояли дела и с бытовыми условиями врачей. К. А. Коновалов, заведующий Облздравотделом, писал, что в Магнитогорске часть врачей размещена была в непригодном бараке, протекающем во время дождя и при этом не отапливаемом. Проживающие врачи отмечали: «Буквально ежедневно и даже по несколько раз в день всевозможные лица целыми толпами врываются в наши комнаты, допрашивают нас, кто мы, сколько нас в комнате, на каком основании мы проживаем в бараке, угрожают всех нас выселить. Огромное большинство из нас работает по 12 – 16 часов в сутки, по возвращению после работы домой мы вынуждены толпиться в темноте из угла в угол, лишены возможности что-либо делать». Такие ситуации для начала 1930-х гг. были не в новинку. Так в Лысьве неблагоприятно обстояли дела с квартирными условиями, с питанием медицинского персонала. Врачи в тече-

ние 3 месяцев не получали мыла. В Невьянске два врача в течение долгого времени жили в чуланах [4. Л. 153].

Облздравотдел со своей стороны предпринимал срочные меры для решения проблем медицинских кадров. В 1933 г. в районы области из других областей было направлено 450 врачей, однако условия, с которыми сталкивались молодые специалисты, были неудовлетворительные. Врач Чернушинского района В. Г. Пахомов оставил такие воспоминания о том времени: «Снабжения почти никого нет, кроме 12 кг муки в августе и 16 кг в сентябре. Квартиры нет, живу с 6 членами семьи в комнатухе у директора Льнозавода, дров как для приготовления питания, так для отопления комнаты и освещения тоже нет» [5. Л. 143].

Медико-терапевтическое обслуживание населения было неудовлетворительное. Амбулаторная помощь в Лысьвенском заводе по терапевтическим и хирургическим заболеваниям производилась в 3 смены – с 7 часов утра до 20 часов. В Кушве, на Гороблагодатском руднике (3 км от города), амбулаторная помощь отсутствовала. В Полевском заводе амбулатория имелась только в основном поселке, поселок же при химическом заводе (4 км от амбулатории) не был ничем оснащен. Повсеместно отсутствовали медикаменты: кодеины, дионин, героин, морфий, опий, йод, препараты висмута, касторовое масло, танин, салициловый натрий, бромистый калий. Имели место перебои в снабжении с солями кофеина, аспирина, растительными маслами, назелина, валерьянки [2. Л. 14 – 19].

Руководство области предпринимало активные меры по налаживанию медицинской сети в промышленных районах Урала. В 1932 г. вышло постановление Уралобкома ВКП (б) о медобслуживании рабочих промышленных районов. В рамках его реализации количество больничных коек к октябрю 1932 г. по основным 20 промышленным центрам предполагалось довести до 3655 штук, здравпунктов до 54, изопропунктов до 19, санбаклабораторий до 14. Местные органы обязывали в первоочередном предоставлении жилой площади для медицинского персонала в виду развертывания сети лечебно-профилактических учреждений. Кроме того, предусматривалось повышение зарплаты всему медперсоналу новостроек на 50% от существовавшей нормы зарплаты медработников [4. Л. 341].

Уралоблисполкомом в течение 1931 г. вынес три постановления: «О состоянии снабжения лечебных учреждений Области», «О мероприятиях по приведению лечебных учреждений в надлежащее состояние, упорядочение снабжения их и укрепление материального положения медперсонала», «О снабжении лечебных и детских учреждений». Однако выполнение этих постановлений Обснабом, Облсоюзом, Уралснаббытом, Уралторгом не выполнялись. Фонды продовольствия, выделенные Облснабом, не соответствовали нормам, утвержденных Наркомснабом (1932 г.). За место нормы масла на больного в 330 г., отпускали не более 200, маргарина – 200, при норме – 600, мяса полагалось – 2,25 кг, отпущено было 1,8 кг, рыбы – 3,75 кг, получено –

1,2 кг, крупы – 2,5 кг, выдано – 2,35 кг. [6. Л. 100]. Но, самое главное, даже эти, урезанные нормы продуктов, не выдавались полностью.

В Кургане масло не отпускалось вообще, а больницы сообщали, что продуктов по разнарядке не получают, снабжаясь за счет случайных поступлений. Такие же данные приходили из Ирбита, Коми-Пермяцкого округа, Тагила, Макушино, Троицка, Карабаша, Кушвы, Березников и ряда других районов. Больные не получали сухофруктов, мяса, сахара, чаю и ряда других продуктов (данные по Шатровской, Тюменской, Шумихинской, Полевской, Губахинской, Кизеловской, Звенигородской, Мехонской, Юринской больницах). Из-за недостатка продуктов приходилось часть их покупать на частном рынке. Калорийность питания доходила до самых низких норм (обед в Свердловской больнице давали не более 400 калорий) [1. Л. 31].

Договора, заключенные больницами с Гортопом, тоже не выполнялись. Температура в больницах понижалась до 7 – 6 и даже 3 градусов по Цельсию (Златоуст, Пермь, Свердловск, Полевской, Кушвинский и Троицкий район). Обеспечение спецодеждой было еще хуже, на всю область было выдано всего 30 сапог, 50 ботинок, 29 полушубков, 10 телогреек, что не хватило бы даже на одну крупную больницу [6. Л. 101. Об.].

Положение с жилищно-бытовым обслуживанием было напряженное. В бараках наблюдалась большая скученность. В г.Первоуральск и Дегтярск в бараке на 120 чел. проживали, по 300 – 350 чел. Постельное бельё менялось редко, бараки мылись два раза в месяц, в некоторых отсутствовали топчаны. Просушка одежды и стирка белья зимой происходит в самих бараках. В помещениях было много вшей, клопов, блох, тараканов. Такое положение способствовало возникновению заразных заболеваний – брюшного и сыпного тифа. На указание о первоочередности санитарной работы, начальник строительством Устинов картинно заявил: «Много у меня таких первоочередных дел, указанных Облисполкомом» [5. Л. 146]. Положение со снабжением мылом было крайне напряженным. Из-за отсутствия мыла в лечебных учреждениях дезорганизовывалась работа прачечных, стирка постельного белья и принадлежностей.

Дополнительные трудности создавали так называемые «спецпереселенцы». Урал был главным районом ссылки крестьян. Сюда везли «кулаков» со всей страны: с Украины, из Белоруссии, Поволжья, Северного Кавказа, Татарии, Московской области и других регионов страны. В 1930 – 1931 гг., по данным ОГПУ, в Уральскую область было ввезено 123 547 семей (571 355 человек) [10. С. 162].

Однако инфраструктура, медицинская и санитарная составляющая для них была абсолютно не подготовлена. Медицинская помощь населению Ново-Лялинского района, в котором было шесть поселков спецпереселенцев, почти не оказывалась. При больнице не имелось врачей, обслуживание населения проходило только одним фельдшером. В самом поселке Ляля имелось всего 5 врачей, условия работы были плохие и они просто бежали из района [5. Л. 128]. В Кизеле из-за недостаточного количества воды употребляли

снег, в Надеждинске воду брали из болотных речек. Повсюду в спецпоселках царили скученность и грязь, не хватало бань, прачечных и туалетов [8. С. 358 – 342].

Кроме отсутствия элементарных санитарных условий распоряжением Наркомлеса от 1 января 1932 г. и Наркомснаба были снижены нормы питания работающих в лесу из числа спецпереселенцев с 9 до 5 кг муки. Это никаким образом не могло обеспечить нормальным питанием рабочих. Из различных районов поступали в Облздравотдел сведения о крупных голоданиях. В Чердыне 800 рабочих не могли выйти на работу, т.к. лежали с температурой 34 – 35 градусов, на почве чего развивалась массовая смертность. В Красновишерском Леспромхозе взрослые поедали паек детей. В поселке Дресвянка за февраль 1932 г. умерло от истощения 30 чел. из 500 чел. проживающего населения. Нередки были случаи, когда спецпереселенцы возвращались с работы, падали и тут же умирали.

В Верхотурье в больнице ежедневно лежало не менее 20 чел. тяжелобольных с голодными отеками, а т.к. такого рода больных была масса, то в больницу уже они поступали в состоянии, когда помочь удавалось в исключительных случаях и большинство умирало через несколько дней [5. Л. 342].

Естественно, такое положение дел не могло сказаться благоприятно на санитарном положении Уральской области. Выяснить роль спецпереселенцев в ухудшении санитарной ситуации в Уральской области не составляет труда. Так, до масштабной переброски спецконтингента на протяжении 1920-х гг. заболевания снижались, что можно проследить из таблицы, дойдя до самого низкого уровня по сравнению со всеми предыдущими периодами.

Таблица 1

Движение заболеваемости в Уральской области в 1924 – 1930 гг. [7. Л. 40]

Заболевание	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.
Сыпной тиф	8253	4819	2550	2208	1759	1216	1836
Брюшной тиф	5439	8737	5486	10258	7561	9467	11163
Оспа	3041	3418	3189	2899	1266	239	348

Однако в связи с массовой переброской на данную территорию «спецконтингента» (спецпереселенцы, административные ссыльные, заключенные), а также в условиях сосредоточения в промышленных центрах и на новостройках огромного количества людей происходит резкое повышение заболеваемости.

Уже в 1931 г. число заболевших сыпным тифом составило 13549 чел., брюшным тифом – 23653 чел., а натуральной оспой – 1128 чел. Наибольшие очаги заболеваний были установлены в районах спецпереселенцев – Надеждинск, Кизел, Чусовая, Каменск, Верхотурье, Магнитогорск и отдельные случаи зафиксированы в 20 районах области. В Магнитогорске до 70% заболеваемости брюшным и до 90% сыпным тифом было на доле спецконтингента, в Надеждинске – 75%. Необходимо учитывать, что больные спецпереселенцы

тесно контактировали с рабочими в производственной обстановке, в результате были не редки случаи распространения инфекций из спецпоселков в районы постоянного жительства [9. С. 57 – 64].

В таких не простых медицинских и санитарных условиях приходило развитие малых и периферийных городов Урала в годы первой пятилетки. Жилищные условия были неподготовлены, материальное и бытовое положение населения было крайне низким, медицинское обслуживание не удовлетворяло потребностей. Основными проблемами для большинства городов стал дефицит жилья, голод, недоступность медицинской помощи.

Источники и литература

1. ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 3414.
2. ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 3418.
3. ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 3420.
4. ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 3.
5. ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 8.
6. ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 9.
7. ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 10.
8. Журавлева В.А. Причины повышенной смертности горожан Урала в 1929-1933 гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII—XXI вв. Екатеринбург, 2014. Т. 1.
9. Островкин Д.Л. Медицинское и санитарно-эпидемиологическое положение спецпереселенцев в Уральской области в начале 1930-х гг. // Историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2016. Т. 2.
10. Плотников И. Е. Как ликвидировали кулачество на Урале // Отечественная история. 1993. № 4. С. 162.

Сборы (съезды) доверенных кабардинцев и балкарцев в истории Нальчика (вторая четверть XIX - начало XX в.)

*Прасолов Дмитрий Николаевич
ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных
исследований» (КБИГИ)*

*доцент по специальности этнография, этнология, антропология
dmprasolov@gmail.com*

В 1818 г. в ходе завершения военно-политического покорения Кабарды по распоряжению А.П. Ермолова в предгорной части Кабарды была возведена Нальчикская крепость. В 1822 г. в ней был учрежден Кабардинский временный суд, который сосредоточил основные административно-судебные функции в новой крепости. В 1838 г. при ней было основано военное поселение. После пленения Шамиля в 1859 г. Нальчикская крепость исчерпала свое стратегическое значение, а прилегающее к ней поселение в 1862 г. было преобразовано в слободу, ставшую центром Кабардинского округа. В 1863 – 1869 гг. слобода сконцентрировала на своей территории основные административные функции в Кабарде и соседних горских (балкарских) обществах.

Особая роль принадлежала Нальчикской слободе как месту проведения Сборов доверенных. Впервые об организации «народных сборов» в крепости Нальчик упоминается в августе 1826 г. С 60-х гг. XIX в. уже как Съезд доверенных этот орган самоуправления под председательством начальника округа собирался по меньшей мере ежегодно для избрания депутатов Окружного, а затем Нальчикского горского словесного суда и многих других актуальных вопросов жизнедеятельности кабардинцев и балкарцев. В распоряжении Съезда доверенных находилась Кабардинская общественная сумма, формировавшаяся из судебных штрафов и поступлений подесятинной платы за пользование Зольскими и Нагорными пастбищами.

Деятельность съезда доверенных оказала значительное влияние на обсуждение условий и обеспечение реализации земельных и сословных преобразований в 1860-х гг., а в дальнейшем – на социокультурное развитие кабардинцев и балкарцев. До начала XX в. он был единственным в Терской области регулярно действовавшим выборным органом окружного самоуправления, формировавшимся на принципах этнического представительства.

Важную роль народные сборы играли в организации регулярных и событийных мероприятий праздничной культуры. В декабре 1843 г. и мае 1844 г. с участием представителей всех кабардинских аулов и «старшин» соседних горских обществ по случаю пожалования Николаем I знамени «кабардинскому народу» в Нальчикской крепости прошли мероприятия, которые сочетали в себе целый ряд атрибутов массовых государственных торжеств, в том числе парад, салют и официальный прием с европейскими танцами. В 1889 г. крупные торжества прошли по случаю «высочайшего пожалования» Александром III Зольских и Нагорных пастбищ кабардинцам и балкарцам. В память об этом событии съездом доверенных было принято решение ежегодно 21 мая проводить торжества и скачки, а на часть доходов от пастбищ назначить несколько стипендий для кабардинцев и балкарцев, обучающихся за пределами округа.

Благодаря ассигнованиям Съездов доверенных поддерживался «столичный» облик слободы, развивалась его социокультурная инфраструктура. На средства Кабардинской общественной суммы ремонтировались «кабардинские общественные здания» Окружного управления, Горского словесного суда и Нальчикской горской школы, был сооружен первый в округе общественный приемный покой. В 1913 г. было торжественно открыто построенное на средства Кабардинской общественной суммы здание Реального училища им. Александра III, в актовом зале которого стали проводиться заседания Съездов доверенных.

На внеочередном заседании 24 июля 1914 г. от имени кабардинского и балкарского народов было принято решение «за счет населения» сформировать из добровольцев четырехсотенный Кабардинский конный полк для участия в боевых действиях в составе российской армии. Это положило начало формированию легендарной «Кавказской туземной конной дивизии». Новое, наиболее представительное здание стало ключевым пространством в слободе,

концентрирующим самые значимые события в жизни округа: от празднования 300-летия дома Романовых, к которому было приурочено открытие здания, до провозглашения политических изменений после Февральской революции 1917 г.

Урбанизационные процессы на Кубани и Ставрополье в 1930-е гг.: реализация советской модели модернизации

Ракачев Вадим Николаевич
Кубанский государственный университет
Кандидат исторических наук, доцент
midav.sf@mail.ru

1930-е гг. стали переломными в истории страны. Это период социальных и экономических экспериментов в области государственного строительства, создание технически развитой промышленности, новой советской интеллигенции, увеличение числа городов и городского населения.

Основа этих преобразований была заложена еще на рубеже XIX–XX вв., так как расклад сил в мире изменился и, опираясь на старый экономический базис, страна не могла претендовать на роль великой державы. Россия становится на путь модернизации, а произошедшая в 1917 г. революция была выбором нового пути реализации программы модернизации страны.

Урбанизация выступает неотъемлемым элементом модернизации, происходит замена старого традиционного сельского общества на новое современное городское. Гораздо более продуктивным для характеристики данного изменения, как считает А.С. Сенявский, является термин «урбанизационный переход». «Урбанизация в стадии урбанизационного перехода явилась социальной и экистической (поселенческой) составляющей частью того процесса, который может быть определен как индустриальная модернизация. И сам урбанизационный переход можно охарактеризовать как комплексный модернизационный процесс, включающий чрезвычайно высокое по историческим темпам, радикальное преобразование всех сторон общественной жизни на «городских» началах: производственной, экистической, социально-демографической и социальной структур» [6, с. 36].

Темпы урбанизации были значительными, однако они не вполне устраивали новую власть. Показатели урбанизации целенаправленно завышались в целях повышения престижа власти и роли партии в развитии государства. Статистические органы с подачи властных структур активно манипулируют критериями, на основе которых определялись категории населенных пунктов, широко использовалась практика административно-территориальных преобразований, которые вели к увеличению численности населенных пунктов причисляемых к городам, и соответственно демонстрировали рост численности городского населения.

Так, в СССР с 1939 г. для выделения городских поселений действовала система трех критериев: количественного, экономического и законодательно-

го. Причем существовали значительные расхождения по республикам в количественной оценке минимальной численности населения для выделения населенных пунктов в разряд городских поселений.

Результатом форсированной индустриализации, с одной стороны, и административно-территориальных манипуляций с другой, стал стремительный рост городского населения в стране, особенно в промышленных центрах, что и зафиксировали переписи 1930-х гг. В данной статье представлен анализ урбанизационных процессов в Краснодарском и Ставропольском краях с использованием данных Всесоюзных переписей населения СССР 1926 г. и 1939 г. Расчет данных производился с учетом произошедших к 1939 г. административно-территориальных изменений.

Темпы урбанизации в рассматриваемых регионах были ниже общесоюзных и общероссийских. Доля городского населения с 1926 по 1939 г. увеличилась и составила на Кубани – 24,7%, Ставрополье – 20,6%. Регион по-прежнему оставался аграрным. В Адыгейской АО Краснодарского края доля городского населения составила 23,1%, притом, что здесь был только один город – Майкоп с числом жителей 55871 чел. В Черкесской АО Ставропольского края, напротив, уровень урбанизации был самым высоким в регионе – 30,8%. Самые низкие в регионе показатели урбанизации были в Карачаевской АО Ставропольского края, здесь городское население составляло 7,1% [5].

Что бы представить масштаб урбанизационных изменений в регионе необходимо сравнить данные переписей 1930-х гг. с предшествующей статистикой. Так перепись 1926 г., на Кубани учла 5202 населенных пункта, из которых городское население было сосредоточено в 19 городах и поселениях городского типа. В 1939 г. в крае насчитывалось 34 населенных пункта отнесенных к числу городских из них 11 городов. Кроме того, к разряду городских поселений в крае были отнесены шесть рабочих поселков (Апшеронский, Хадыженский, Хуторок, Верхнебаканский, Гайдук и Нефтегорск), один поселок городского типа (Адлер) и четыре курортных поселка (Солнцедар, Горячий Ключ, Мацеста, Хоста) с общей численностью жителей – 88,7 тыс. чел., т.е. всего 12,2% от всех городских жителей края [1; 3; 4; 5] (таблица 1).

Таблица 1 – Численность городского населения Краснодарского края по данным Всесоюзных переписей населения 1926 г. и 1939 г.

Населенный пункт	1926 г.	1939 г.	Прирост к 1926 г. %
Всего городское население	498663	783556	51,13
Армавир	75	83,7	11,6
Анапа	13,4	17,3	29,1
Геленджик	4,5	10,7	137,8
Ейск	38,1	46,9	23,1
Краснодар	162,5	203,8	25,4
Кропоткин	31	41,5	33,9

Новороссийск	67,9	95,2	40,2
Сочи	13	49,8	283,1
Темрюк	15,9	23,2	45,9
Тихорецк	19,2	36,7	91,1
Туапсе	12	29,8	148,3

Особо выделялся среди городов краевой центр – численность населения Краснодара была на порядок выше остальных городов. Здесь проживала почти треть (28%) всех горожан. В то же время основная масса городов в крае (80%) насчитывала менее 50000 жителей. Несколько выделялись среди них, но все-таки уступали по численности краевому центру такие города, как Новороссийск и Армавир – крупные узловые транспортные центры.

На Ставрополье 9 населенных пунктов были отнесены по переписи 1939 г. к числу городских (без городских поселений автономных республик и городов, не вошедших после образования Ставропольского края в его состав – Моздока и Кизляра). Это Ворошиловск (Ставрополь), Ессентуки, Железноводск, Кисловодск, Пятигорск, Буденновск, Георгиевск, Минеральные Воды. В Черкесской АО в 1939 г. был только один город – Черкесск с численностью 28645 жителей. К числу городских так же здесь был отнесен рабочий поселок Анжиевский с общим числом жителей 22,8 тыс. чел. [1; 4; 5] (таблица 2).

Таблица 2 – Численность городского населения Орджоникидзевского (Ставропольского) края по данным Всесоюзных переписей населения 1926 г. и 1939 гг.

Населенный пункт	1926 г.	1939 г.	Прирост к 1926 г., %
Всего городское население	270754	394313	45,6
Ворошиловск (Ставрополь)	58,6	85,3	45,4
Ессентуки	23,1	16,4	-29,3
Железноводск	2,1	7,4	261,8
Кисловодск	31,7	51,3	62,2
Пятигорск	54,7	63,2	15,5

Обращает на себя внимание такая региональная специфика, проявившаяся на обеих территориях, как стремительный рост малых городов. На Кубани это, прежде всего, приморские города Геленджик, Сочи, Туапсе, на Ставрополье курортные, прежде всего, Железноводск и Кисловодск.

За межпереписной период с 1926 по 1939 гг. на Ставрополье не только увеличилось число городских населенных пунктов, но и заметно выросла численность их жителей. Исключение составляет лишь население Ессентукского горрайона, часть территорий которого были переданы в состав г. Пятигорска. И если прирост всего населения за этот период составил в крае 7,3%,

то городское население увеличилось почти в половину – на 45,6%. Темпы роста численности населения в различных городах были неодинаковыми. Наибольший рост показали такие курортные города как Железноводск – более чем в 3,5 раза и Кисловодск – в 1,6 раза.

Городское население Карачаевской АО в 1939 г. насчитывало 10713 чел. и распределялось между тремя городскими населенными пунктами: собственно центром КарАО – г. Микоян-Шахаром (позже г. Карачаевском), число жителей которого насчитывало 5919 чел., курортным пос. Теберда с населением 3211 чел. и поселком городского типа Орджоникидзе с населением 1583 жителей [4; 5].

Сельское население в регионе в конце 1930-х гг. сохраняло сложившуюся еще в XIX в. специфику. Ряд сельских населенных пунктов на Кубани и Ставрополье по числу жителей вполне соответствовали категории городских поселений, однако специфика инфраструктуры, характер занятий населения не позволяли включить их в данную категорию.

Если в 1926 г. на Кубани из станиц, не признанных городами, две имели более 20000 жителей (Староминская, Уманская) и 9 свыше 15000 жителей (Старощербиновская, Екатериновская, Каневская, Пашковская, Успенская, Ильинская, Новопокровская, Кореновская и Платнировская), то согласно результатам переписи 1939 г. среди сельских населенных пунктов края насчитывалось 28 станиц и сел, численность населения которых превышала 10000 чел. Доля этих населенных пунктов среди всего сельского населения составляла 19,5% [1; 4; 5].

Для Ставрополья так же была характерна концентрация сельского населения в крупных населенных пунктах, число жителей которых достигало 10–15 тыс. чел. Это села: Ипатово, Благодарное, Кочубеевское, Александровское, станица Суворовская [1; 4; 5].

Несмотря на рост абсолютной численности сельского населения на протяжении 1930-х гг., его доля хотя и медленно, но снижается. Интересно, как интерпретировали эту убыль статистические работы советского времени. Так, А.И. Гозулов и М.Г. Григорьянц сокращение населения в селе объясняют «развитием сельскохозяйственного производства, внедрением прогрессивных технологий и передовых методов, повышающих производительность труда и вследствие этого высвобождающих работников из данной отрасли» [2, с. 46].

В действительности причиной значительных потерь сельского населения помимо активных миграций в город (в качестве рабочей силы на фабрики и заводы, индустриальные стройки и т.д.) стали голод, который деревня испытала в гораздо большей степени, чем город, репрессии, связанные с раскулачиванием.

В силу аграрной специфики региона сокращение численности сельского населения на Кубани и Ставрополье, и, соответственно, рост городского шло более медленными темпами, чем в целом по России. В Краснодарском крае за период с 1926 по 1939 г. доля сельского населения сократилась на 8,9%, что в 1,7 раза меньше, чем по России. На Ставрополье сокращение

сельского населения было не столь значительным как на Кубани, но так же имело место [1; 4; 5] (таблица 3).

Таблица 3 – Динамика сельского населения в 1926–1939 гг., %

Год	РСФСР	Краснодарский край	Ставропольский край
1926 г.	82,0	84,1	83,4
1939 г.	66,5	75,2	79,8
Убыль к 1926 г.	15,5	8,9	3,6

Характер расселения определяется помимо прочего этнокультурными факторами. Особенности традиционной хозяйственной деятельности народов накладывают отпечаток на размещение населения и распределение его относительно поселений различного типа. В результате у разных народов различие в соотношении городского и сельского населения имело свою специфику. И хотя процесс урбанизации коснулся всех народов, но исторически сложившиеся традиции городского или сельского проживания еще проявлялись в присущих им формах расселения.

Самым «городским» этносом на Кубани традиционно были евреи. Но в сравнении с 1926 г. доля горожан среди них снизилась с 86,3 до 82,2%. Кроме евреев только у грузин и поляков городское население в Краснодарском крае преобладало над сельским.

Несмотря на урбанизационные процессы у многих народов (татары, греки, армяне, белорусы) по отношению к 1926 г. число горожан сократилось и увеличилась доля сельских жителей. Напротив, самое большое сокращение сельских жителей наблюдается среди украинцев – на 18,9%, адыгейцев на 15,6%, молдаван – 9,4, мордвы – 14,8, поляков, чехов. Незначительное сокращение сельских жителей среди русских (3,9%) можно объяснить компенсаторными миграционными потоками, которые преимущественно состояли из красноармейцев и крестьян из соседних регионов: Ставрополья, Ростовской области и др. Украинское и русское сельское население сократилось прежде всего в результате голода начала 1930-х гг., выселения раскулаченных, тогда как сокращение доли селян среди других народов, вероятно, произошло вследствие миграций в город, в том числе и из-за пределов края (в частности мордва).

В то же время у некоторых народов, наоборот, наблюдается увеличение доли сельских жителей: у татар, армян, евреев, в меньшей степени у грузин, греков. Но в основном традиционно сложившиеся особенности в размещении различных народов по типам поселений в крае сохраняются [1; 4; 5].

На Ставрополье проявляются иные особенности в этническом расселении. Так евреи здесь – преимущественно сельские жители, тогда как немцы в отличие от Кубани в большинстве своем проживали в городах. Самыми урбанизированными этносами здесь были помимо немцев, поляки, армяне, чехи. Неровно росло число горожан в межпереписной период у разных народов.

Наиболее значительный рост городского населения происходил у украинцев (число горожан среди них увеличилось в 15 раз). В два раза увеличилось число городских жителей у русских, молдаван, мордвы, евреев. Примерно на треть стало больше горожан у татар, греков, белорусов. При этом так же у части этносов (преимущественно у тех, кто имел высокие показатели урбанизации – поляки, чехи, армяне, немцы) доля горожан сократилась [1; 4; 5].

Особенностью региона на протяжении всей его истории была аграрная специфика. Это определяло и характер расселения, специфику поселений. В то же время в пределах региона поселенческая структура варьировалась в зависимости от этнокультурных, природно-климатических, военно-стратегических факторов.

Процессы модернизации, начавшиеся в советском обществе, затронули и эту сферу. Развитие городов, промышленности постепенно, но неумолимо меняло поселенческую структуру, как в количественном, так и в качественном отношении. Однако эти изменения сталкивались с определенным набором факторов и условий, под влиянием которых принимали различные формы, проходили различными темпами. В целом автономии в силу этнокультурных причин в большей степени сохраняли традиционную сельскую поселенческую структуру, которая здесь изменялась крайне медленно.

Таким образом, ход процессов урбанизации в 1930-е гг. в рассматриваемых регионах, как и в целом по стране отражал как некоторые общие и типичные для этого глобального процесса черты, так и своеобразную российскую специфику, которая определялась целым комплексом факторов культурно-исторического, природно-экономического и социально-политического характера. В целом, этот процесс отличался масштабностью. Здесь в полной мере проявилась сложность и противоречивость отечественной модели урбанизации, которая отличалась радикальными изменениями, с одной стороны, (рост численности и степень концентрации городского населения) и консервативными позициями, с другой, (сохранение сельского уклада в условиях городской среды и т.п.). Разрыв между этими двумя показателями урбанизации так и не был преодолен. Количественные характеристики урбанизации существенно отстают от качественных преобразований в этой среде. Численный рост городского населения, смена занятий и т.д. (т.е. количественная сторона урбанизации), не согласуются с темпами утверждения городского образа жизни, адаптацией сельских жителей в условиях города, овладения ими городской культурой, соответствующей системой ценностей, нормами поведения и т.п.

Источники и литература

1. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 5, 9, 17.
2. *Гозулов А.И., Григорьянц М.Г.* Народонаселение СССР. М., 1969.
3. Итоги переписи населения 1939 г. Распределение населения Краснодарского края по отраслям народного хозяйства, по возрасту, грамотности, образованию, числу учащихся по отдельным национальностям. М., 1940.

4. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 268. Л. 48–50, Д. 269. Л. 23, Д. 274. Л. 42–43, Д. 275. Л. 17. Д. 276. Л. 14.
5. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 280. Л. 6–14, 18–27.
6. *Сенявский А.С.* Урбанизация в России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003.

Социальные проблемы моногородов Восточной Сибири в 1990-е гг. (на материалах периодической печати)

*Урожаева Татьяна Петровна
Иркутский государственный университет
кандидат исторических наук, старший преподаватель
olgoy@yandex.ru*

С началом 1990-х гг. моноресурсные города и градообразующие предприятия Восточной Сибири оказались вовлеченными в сложный процесс реформирования. В условиях нарастающего экономического кризиса возникли следующие проблемы: падение объемов производства, рост безработицы, снижение уровня жизни населения, ухудшение состояния социальной и инженерной инфраструктуры, недостаток бюджетного финансирования. Особенности градообразующих предприятий заключались в том, что они несли не только экономическую, но и социальную нагрузку, обеспечивая условия жизнедеятельности городского населения.

Целью исследования стал анализ трудностей в социально-экономическом развитии моногородов в первое постсоветское десятилетие. В ходе написания статьи были исследованы публикации в местных и региональных периодических изданиях, а также правовые документы (федеральные законы, постановления правительства) и статистические материалы.

В 1990-е гг. еще не сложилось конкретного определения термина «моногород». Так, в постановлении Правительства РФ «О порядке отнесения предприятий к градообразующим» (1994 г.) под моногородом подразумевалось поселение, где на градообразующем предприятии было занято не менее 30 % от общего числа работающего населения. На балансе предприятия имелись объекты социально-коммунальной сферы и инженерной инфраструктуры, обслуживающие не менее одной трети местных жителей [8; 129-133]. В более позднем документе – в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» (2002 г.) планка занятости населения для градообразующего предприятия была установлена на уровне 25% [12; 437-443]. По данным исследования Всемирного банка «Монопрофильные города и градообразующие предприятия», проведенного в 2000 г., более трети малых городов РФ были признаны моногородами с единственным градообразующим предприятием. Основные отличия этих планово созданных еще в советский период монопрофильных городов от городских поселений, возникших естественным путем, заключались в низкой социальной мобильности населения; ориентации

на интересы предприятия, а не на интересы города; отсутствии внутренних социальных резервов развития и устойчивости к негативным внешним воздействиям.

Осуществляемые социально-экономические реформы негативно отразились, в первую очередь, на малых городах Восточной Сибири (Байкальске, Шелехове, Саянске, Свирске, Талнахе, Кайеркане, Бородино, Кодинске и др.). Крупные города и региональные центры в большей степени смогли воспользоваться результатами реформ. В городах с полиструктурной экономикой в отличие от моноресурсных, социальные проблемы, вызванные сложностями включения предприятий в мировую экономику, сглаживались успешной деятельностью других компаний.

В условиях демонтажа плановой системы продукция некоторых градообразующих предприятий перестала быть конкурентоспособной, их банкротство неизбежно ставило на грань выживания сотни тысяч горожан. В 1990-е гг. заголовки региональных и местных периодических изданий буквально пестрели фразами о кризисе градообразующих предприятий: ПО «Саянскхимпром» в Саянске; целлюлозно-бумажного комбината в Байкальске; лесопромышленного комплекса в Усть-Илимске; завода «Востсибэлемент» в Свирске; металлургического комбината в Норильске [1].

К середине 1990-х гг. государственные экономические монополии постепенно сменялись в частном секторе холдинговыми структурами (например, РАО «Норильск Никель»; «ОНЭКСИМ-банк», «Менатеп»; группа «Континенталь-инвест»; «РУСАЛ»; «СУАЛ»; Сиданко и др.). Перелив государственного капитала в частный сектор вкупе со спецификой процесса приватизации способствовали формированию мегаструктур, поставивших под контроль стратегические предприятия, целые секторы рынка, системы сбыта, внешнеэкономические связи и даже систему принятия административных решений на региональном уровне.

Усугубление социальных проблем нередко приводило к забастовкам работников предприятий, блокированию транспортных магистралей, голодовкам, захвату руководства компаний в заложники, выступлениям учителей, врачей, многие месяцы не получавших заработную плату и другим формам выражения протеста, что являлось, проявлением острого социального неблагополучия значительной части городского населения. Проблемы трудовых коллективов градообразующих предприятий Усть-Илимска, Бородино, Сосноборска, Шарыпово наглядно отражены в отдельных газетных публикациях [3].

Социальные трудности были связаны со спецификой градообразующих предприятий: ограниченной экономической базой и узкой сферой приложения труда, что в условиях падения объемов производства неизбежно приводило к высокой застойной безработице, снижению уровня доходов населения. Все это наносило урон качественным (квалификационным) характеристикам трудового потенциала и отнюдь не способствовало адекватной трансформации занятости городского населения. Сложным оставалось положение с тру-

доустройством в городах Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса (КАТЭКа) и Норильского горнопромышленного района [9].

Специфический характер экономических последствий рыночных реформ для северных регионов состоял в том, что в результате реорганизации и модернизации производства монопрофильных комплексов указанные регионы столкнулись с проблемой безработицы и ростом доли нетрудоспособного населения. Значительный дисбаланс отмечался в демографической структуре: доля занятого в общей численности трудоспособного населения к 1998 г. составляла всего 57,5 % (на одного работающего приходилось более одного иждивенца) [6; 71].

В северных городах Восточной Сибири промышленные предприятия, как правило, являлись единственным местом приложения труда основной части экономически активного населения, а это составляло от 40 до 60 % от его численности. Слабо развитая социальная сфера, урезанная по структуре, с минимальным набором услуг удовлетворяла потребности в рабочих местах лишь от 7 до 12 % общей численности населения [10; 19]. Поэтому сокращение кадрового состава на градообразующем предприятии, при отсутствии замещающих отраслей, имело весьма тяжелые последствия для всех категорий граждан, проживающих здесь. Высвобождаемый из производственного процесса персонал в связи с внедрением новых технологий или с закрытием предприятий не мог поглощаться другими отраслями, то есть учреждениями образования, здравоохранения, культуры еще более усугубляя проблему безработицы на Севере.

В процессе рыночной реорганизации министерств, в том числе добывающих отраслей, финансовая мощь которых прежде определялась масштабным освоением ресурсов Севера, происходила массовая передача ведомственного жилфонда и объектов соцкультбыта на бюджетные балансы северных городов. Переход к рыночным отношениям, сопровождавшийся резким ослаблением государственной поддержки, оказал наиболее разрушительное влияние на социально-экономическое положение северных городов Красноярского края (Норильск, Талнах и Кайеркан). Неблагоприятный климат и высокая стоимость жизни, большие затраты на содержание жилфонда и сферы услуг, кризисная экологическая ситуация – все это не могло в полной мере быть компенсировано сильными конкурентными преимуществами предприятий в виде получения прибыли от экспорта благородных и цветных металлов.

В 1990-е гг. в моноресурсных городах Иркутской области и Красноярского края социальные проблемы приобрели особую остроту. Значительно увеличались масштабы организованной преступности. Стремительно, подобно эпидемии, распространились: наркомания, беспризорность детей, забытые в советский период инфекционные заболевания (туберкулез, вирусный гепатит) и другие социальные аномалии, что также нашло свое отражение в публикациях региональных и местных периодических изданий [4].

Проблемы в развитии социальной сферы стали распространенной темой многочисленных статей о повседневных трудностях жителей Байкальска, Норильска, Назарово, Сосновоборска, Дивногорска, Кодинска, Талнаха, Шарыпово [11].

К подобным публикациям можно отнести статьи о проблемах бюджетного недофинансирования таких городов, как Усолье-Сибирское, Норильск, Талнах, Кайеркан и др.[7; 2-3]. Некоторые опубликованные материалы содержат ценный статистический материал (за отдельные годы) о социально-экономическом положении Бородино, Лесосибирска, Кодинска и Сосновоборска, где можно проследить динамику различных показателей [5].

В связи с резко обострившейся обстановкой в моноресурсных поселениях, потребовалось повышенное внимание регионального руководства, которое совершало регулярные поездки в особо проблемные города. Газетные публикации содержат сведения о поездках иркутского губернатора Б.А. Говорина в Шелехов, Саянск и Усть-Илимск. Красноярскому губернатору А.И. Лебедю пришлось провести несколько встреч с горняками и энергетиками Шарыпова, Бородино. В ходе своих поездок по региону, депутат Государственной думы от Иркутской области Ю.М. Тен неоднократно подчеркивал плачевное состояние социальной сферы Байкальска, Железногорска-Илимского, Саянска, Усть-Илимска, Шелехова [2].

Последствия проводившихся в 1990-е гг. радикальных реформ были связаны с недооценкой воздействия социальных факторов на жизнь горожан. Изначально предполагалось, что решение основных экономических проблем, создание эффективной рыночной экономики в регионе позволит постепенно перейти к решению повседневных городских проблем. Однако невнимание к вопросам социальной политики привело к нарушению принципа сохранения равновесия и социальное напряжение неуклонно нарастало. Старые структуры, технологии и механизмы в процессе рыночной трансформации были разрушены, а новые еще не сформировались, либо были неспособны выполнять социально-защитные функции.

Источники и литература

1. Вялых А. Быть ли городу на Байкале? О проблеме БЦБК и о г.Байкальске //Экономика. Право. Менеджмент. 1999. 1–7 сентября. № 34. С.7; Соловьёв Ю. обойдемся без посредников: о конфликте в АО «Саянскимпром» //Восточно-Сибирская правда. 1995. 20 декабря. С.2; Заруева Н. Усть-Илим: испытание в два года: Об Усть-Илимском ЛПК //Восточно-Сибирская правда. 1999. 27 октября. С.2–3; Соковиков А. Свирск: счёт не в пользу жизни: мэр г.Свирска В.Б. Бабкин о проблемах завода «Востсибэлемент» //Советская молодёжь. 1997. 9 января. С.2; Тарасов А.Цену приватизации спросите у норильчан //Красноярский комсомолец. 1996. 27 января. С.3.

2. Губернатор в городе металлургов: О пребывании губернатора Иркутской области Бориса Говорина в г.Шелехове //Восточно-Сибирская правда. 1999. 11 сентября. С.2; Леньшина И. Губернаторский рейд: О посещении губернатором Иркутской области Б.А. Говориным г.Саянска, Усолья-

Сибирского и Усольского района //СМ-номер один. 1999. 25 ноября. С.5; Предеин С. Борис Говорин: «Усть-Илимск обойдётся без Менатеп» //Советская молодёжь. 1997. 19 июля. С.3; Решетень В. Развязывать узелки лучше вместе: Губернатор А.И. Лебедь встретился с горняками и энергетиками Назарова и Шарыпова, Бородина и Зеленогорска //Красноярский рабочий. 1998. 31 декабря. С.3; Юрий Тен: «Мне стыдно, что рядом со мной живут нужда и боль»: Интервью с депутатом Госдумы Ю.М. Теном о его деятельности //Восточно-Сибирская правда. 1995. 21 октября. С.1,5.

3. Калинин В. Дело доходит до акций протеста: о конфликте между трудовым коллективом и профкомом Усть-Илимского лесопромышленного комплекса //Лесная газета. 1999. 18 апреля. С.4; Сосновоборск: О митинге протеста коллектива завода автоприцепов //Честь и Родина. 1999. 10 февраля. С.3; Куклина Н. Грядет ли бессрочная? //СМ-номер один. 1997. 20 ноября. С.2; Решетень В. Горняки хотят жить лучше //Бородинский вестник. 1999. 25 ноября. С.3; Сергоманов В. Кто и что ведет к бунту? (о ситуации с задолженностью по заработной плате в г. Шарыпово) //Красноярская газета. 1999. 2 марта. С.2.

4. Калинин Г.Н. Опасный социальный элемент (о криминальной обстановке в г. Усть-Илимске) //Лесохимик Усть-Илима. 1997. 5 апреля. С.3; Чеченова Е. Беда общая, бороться с ней надо сообща (о незаконном обороте наркотиков и распространении наркомании в городе) //Вечерний Усть-Илим. 1998. 18 апреля. С.2; Вырупаева Е. «Палочка Коха» прописалась в Иркутской области: О ситуации с туберкулёзом //Сегодня. 1999. 28 марта. (Прил.: Сегодня в Иркутске. С.2); Гранина Е. Ласковый убийца терроризирует область: Беседа с главным инфекционистом Иркутской области Е. Граниной о заболеваемости вирусным гепатитом //СМ-номер один. 1999. 22 июля. С.5.

5. Основные показатели экономического и социального положения города Бородино в январе–июне 1999 г. //Бородинский вестник. 1999. 21 августа. С.3; Социально-экономическое положение г. Лесосибирска в 1996 году //Заря Енисея. 1997. 18 марта. С.2; Павловский В. Мир иллюзий и надежд в царстве леса. Когда проснется спящий: социально-экономическое развитие Лесосибирска //Красноярский рабочий. 1997. 12 августа. С.3; Макаров А. Свет для Приангарья: Социально-экономическое положение города Кодинска //Красноярский рабочий. 1995. 22 августа. С.3; Социально-экономическое положение г. Сосновоборска в 1997 году //Рабочий Сосновоборск. 1998. 21 февраля. С.1.

6. Поздняков А.М. Противоречивое хозяйство Севера //ЭКО. 1998. №2. С.71.

7. Положение о бюджете и бюджетном процессе в г. Норильске с городами Кайеркан, Талнах и п. Снежногорск //Заполярная правда. 1999. 27 декабря. С.2–3.

8. Постановление Правительства РФ от 29 августа 1994 г. № 1001 «О порядке отнесения предприятий к градообразующим и особенностях про-

дажи предприятий-должников, являющихся градообразующими» //Собрание законодательства РФ. 5 сентября 1994 г. № 19. Ст. 221.

9. Самаруха В. Безработица //Восточно-Сибирская правда. 1996. 24 декабря. С.2; Степаненко И. Кайеркан наводнен безработными //Малые города. 1997. № 12. С.12–14; Томко З. Ситуация на рынке труда обострена //Шарыповские новости. 1997. 8 февраля. С.2–3.

10. Социально-экономическое положение районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к ним, в 1997 году: Доклад //Красноярский краевой комитет госстатистики. 1998. 32 с.

11. Суходолов А. Население Байкальска: демографические и социальные аспекты (1980–1995 гг.) // Байкальский целлюлозник. 1996. 17 сентября. С.2; Юрьев О. Тяжела и неказиста жизнь норильского северянина //Заполярный вестник. 1997. 3 октября. С.2; Лобзина О. Совершенно несекретно (о проблемах Сосновоборска) //Город и горожане. 1997. 14 июня. С.3; Тарасов А. Город, который лопнул: Сосновоборск просит о самоликвидации и присоединении его к Ленинскому району Красноярска //Сосновоборский рабочий. 1996. 16 ноября. С.1; Иратов А. Дивногорск – город высокого напряжения //Ленинская искра. 1999. 18 июля. С.1; Хорошенев И. Кодинск. Время надежды и безнадежности //Сегодняшняя газета. 1999. 4 ноября. С.11; Лукс Ю. Комментарии к жизни города Талнаха //Заполярная правда. 2000. 24 января. С.2; Семенов Ю. На перепутье (о проблемах моногорода – Шарыпово) //Наш край. 2000. 3 августа. С.15.

12. Федеральный закон РФ от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» //Собрание законодательства РФ. 28.10.2002. № 43. Ст. 4190.

Тифлис в 1845–1854 гг.: трансформация городского пространства⁹

*Урушадзе Амиран Тариелович
Южный федеральный университет
Кандидат исторических наук, доцент
urushadze85@mail.ru*

В Грузии, ставшей сначала имперским анклавом, а затем частью общероссийского пространства было несколько городских центров. Наиболее крупным и значимым из них был, конечно, Тбилиси, превратившийся с приходом российской администрации в Тифлис. Город уже с 1801 г. являлся административным центром южной окраины, что обеспечило ему особую траекторию интеграции в российское социокультурное поле. Кавказские города изменяли русские офицеры и чиновники. И чем больше их было в городе, тем быстрее город менялся. Россия преобразовывала Кавказ, подчиняя его своей власти – военной и административной. По пятам имперской (европейской)

---

⁹Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации гранта № 16-01-14064 «г».

власти следовала имперская (европейская) культура. В середине XIX столетия (в 1845 г.) едва ли не безграничные властные полномочия были закреплены за наместником Кавказа, управлявшим южной окраиной империи из Тифлиса – столицы Кавказского наместничества. Выявлению особенностей трансформации облика и атмосферы Тифлиса в «воронцовскую декаду» посвящена данная работа.

Назначение графа М.С. Воронцова на должность кавказского наместника было связано с масштабной реорганизацией системы управления южной окраиной империи. По «Высочайше утвержденным правилам об отношениях Кавказского наместника» он наделялся внушительными административными прерогативами на территории вверенного ему края, обладая полным контролем над деятельностью местных институтов коронной власти. Согласно принятым «правилам» кавказская администрация была выведена из прямого подчинения соответствующих центральных министерств и ведомств. Циркуляры и предписания последних направлялись не в краевые ведомства, а на рассмотрение кавказского наместника, который мог наложить своеобразное «вето» на распоряжения министров, в случае если находил их исполнение «невозможным или неудобным» [5, с. 17–19]. Подобное «самовластие» кавказского наместника вызывало ревность столичной бюрократии. Попытки министров и главноуправляющих потеснить права и прерогативы наместника встречали последовательное и жесткое сопротивление последнего, действовавшего в этих противостояниях не только официальные нормы, но и неформальные механизмы влияния [21, с. 96–100].

Служебно-иерархические бои наместника с министрами и главноуправляющими на символическом уровне являлись столкновениями Тифлиса и Санкт-Петербурга. В этом ракурсе вектор этнокультурной эволюции Тбилиси в середине XIX столетия во многом определялся административным и политическим статусом Тифлиса – центра Кавказского наместничества.

Тифлис являлся центром российской администрации в крае с 1801 г. И, несмотря на то, что должность главы имперской администрации в то время звучала как – «Главнуправляющий Грузией», а высший административный орган носил название «Верхнее грузинское правительство» власть тифлисской администрации распространялась на все подвластные России территории Закавказья.

Принимая во внимание данную историческую традицию, порожденную отсутствием на российском Кавказе других крупных городов, придание Тифлису статуса центра Кавказского наместничества представляется вполне закономерным. Тем не менее, с учреждением в крае наместничества значение Тифлиса как административного, экономического и культурного центра стало неуклонно возрастать. Д.И. Исмаил-Заде в одной из своих работ, посвященной проблемам демографической динамики и состава населения городов Закавказского края, отмечала: «Экономические и социально-политические функции городов не являются величиной константной, и они подвергались изменениям под влиянием действовавших факторов того же порядка» [7, с. 8].

С приездом в Тифлис М.С. Воронцова жизнь города существенно изменилась. Знатность и влияние кавказского наместника привлекла в Тифлис многих отпрысков петербургских дворянских семейств, мечтавших сделать успешную, а главное быструю карьеру.

Дом наместника очень скоро превратился в излюбленное местными элитами место встреч и великосветских бесед, при этом на Кавказе его часто называли «двором Кавказского наместника» [6] или «дворцом Кавказского наместника» [16, с. 399]. Даже в служебные приемные дни кавказского наместника (вторник и суббота) атмосфера в доме М.С. Воронцов была далека от казенно-бюрократической, что нередко вызывало недоумение у гостей, посещавших его впервые.

М.С. Воронцов и его окружение стали проводниками европейского влияния, которое доминировало в формировании нового облика Тифлиса. Уже в первый год наместничества М.С. Воронцова в Тифлисе было построено 86 новых строений, в том числе 15 каменных (двух и трех этажных). В середине XIX столетия Тифлис представлял собой большую строительную площадку. Город перестраивался и расширялся. Для современников новые постройки на месте старых или вовсе на бывших пустырях воспринимались как своего рода материальное преодоление «азиатского облика» Тифлиса, который почти всегда имел лишь негативные коннотации. Строительный бум в городе нашел свое отражение на страницах газеты «Кавказ»: «Между тем, все дороги загромождены тянущимися в Тифлис транспортами товаров. С Востока везут на верблюдах: железо, печные, дверные и другие приборы и вообще громоздкий товар, для желающих строиться. А эта страсть, в Тифлисе, доходит до высшего своего развития. Посмотрите на Новые Куки (один из районов Тифлиса – А.У.), какой миленький городок возникает на месте кучи грязных и вонючих землянок» [20, с. 169].

Все пространство Тифлиса было пронизано соседством и взаимопроникновением европейских инноваций и азиатских традиций. Известный в 1850-х гг. журналист Н.П. Дункель-Веллинг повествуя своим читателям об известной тифлисской достопримечательности – Армянском базаре, отмечал следующее: «Тут, как и везде, вы увидите тесное сближение Азии с Европой и преобладание последней» [17, с. 98]. Активное городское строительство закрепило и сделало еще более разительным отличие между старой частью города и районами новой застройки, принимавшими специфический, европеизированный внешний облик. Современники, русские чиновники и офицеры, побывавшие в «воронцовском» Тифлисе выделяли в городе Старый Тифлис, говоря о нем как о тесном, мрачном и грязном и его полную противоположность Новый Тифлис – «вполне европейский город как по наружному виду, так и по образу жизни его обитателей» [16, с. 294]. Сердцем нового Тифлиса стал Головинский проспект – «вымощенный каменными плитами с аллеями из душистой белой акации, освещенный газовыми фонарями, этот проспект был одним из главных мест гулянья и отдыха горожан» [2, с. 96]. Гости сто-

лицы Кавказского наместничества сравнивали Головинский проспект Тифлиса с Невским проспектом Петербурга [16, с. 190].

На Головинском проспекте располагались не только здания различных институтов кавказской администрации, но множество модных магазинов, товары которых способны были удовлетворить самый взыскательный вкус. Как и положено населению «столицы», жители Тифлиса не испытывали товарного дефицита. К их услугам были открыты магазины купцов и предпринимателей: Измирова, Бабаносова, Цицкова. Для любителей восточной экзотики наиболее подходящим местом был уже упоминавшийся Армянский базар, где было собрано все, «что Восток производит лучшего» [17, с. 98]. Популярностью у тифлисцев пользовалось и Депо отечественных мануфактурных изделий, торговлю в котором вели русские купцы и промышленники. Гурманы и модники из высшего тифлиского общества посещали престижные заведения Блота, Фаге и Венский магазин. Отдельно стоит отметить магазин парижских мод и уборов Фаге, который предлагал свои посетителям не только то, «что может изящно удовлетворить наружности образованного человека, но и снабдить и тем, что может угодить и вкусу другого рода:... в магазине есть большой запас консервов: анчоусы, корнишоны, различные сорта маринованной капусты, оливки, лионские сосиски, сыр, гаванские сигары и прочее» [15, с. 160]. Период наместничества М.С. Воронцова для Тифлиса решающий этап в эволюции «не только из города феодального в город капиталистический, но и из города восточного в город европейского типа» [7, с. 11].

Таким образом, Тифлис не только закреплял за собой роль главного торгово-экономического центра на Кавказе, но и становился городом с оборотом дефицитных, эксклюзивных товаров. Однако, в формировании его нового европейского имиджа не менее, если не более значимым было превращение Тифлиса в полноценную и безоговорочную культурно-образовательную столицу не только Кавказа, но и всего большого юга империи – от Дуная до Аракса.

Развитие просвещения в крае было одним из приоритетных направлений деятельности кавказского наместника. Имея положительный опыт создания ряда образовательных институтов в Новороссии и Бессарабии, М.С. Воронцов смог и на Кавказе реализовать масштабную культуртрегерскую политику. В 1848 г. был создан Кавказский учебный округ с центром в Тифлисе [4, с. 96–112]. Именно в Тифлисе располагалось старейшее и наиболее престижное учебное заведение на Кавказе – Тифлисская гимназия. А в 1847 г. в Тифлисе было открыто первое на Кавказе российское учебное заведение для мусульман – Тифлиское мусульманское училище для шиитов. В 1848 г. там же было открыто училище для суннитов. Тифлис был избран местом основания первых мусульманских училищ как центр империи на Кавказе, где наместник мог внимательно следить «за ходом и успехом этого заведения» [18, л. 127].

Развитию образования способствовало открытие первой на Кавказе публичной библиотеки в Тифлисе. Библиотека была открыта при Канцелярии кавказского наместника. Книжный фонд учреждения был сформирован в

1846 г., но первых посетителей библиотека приняла в 1848 г. Первоначально издания были доступны для чтения не только в здании библиотеки, но и выдавались на дом. Но уже с осени 1848 г. эта практика была прекращена. Библиотека работала ежедневно с девяти утра до трех часов дня кроме воскресных и праздничных дней [9, с. 183]. Книжное собрание постоянно пополнялось, а это требовало соответствующего расширения площади книгохранилища. Благодаря настойчивости наместника библиотека получила новое здание, в которое переехала в 1852 г. С этого времени в Тифлисе существует уже две библиотеки – «старая» при Канцелярии наместника и «новая» Тифлисская публичная библиотека. Оба института возглавлял в середине XIX в. чиновник администрации наместничества надворный советник Гавриил Алексеевич Токарев. Главный тифлисский библиотекарь в начале 1853 г. основал в городе первую на Кавказе контору Книжного комиссионерства, принимая заказы на покупку и доставку в столицу наместничества новинок российского книжного рынка.

В 1851 г. в Тифлисе было открыто одно из двух первых региональных отделений Императорского русского географического общества – Кавказский отдел. Покровителем Отдела стал М.С. Воронцов. Место помощника покровителя и председательствующего на заседаниях отдела занял князь В.О. Бебутов. Научной работой отдела в первые годы его существования фактически руководил известный кавказовед Н.В. Ханыков.

Середина XIX столетия отмечена в истории Тифлиса и началом нового этапа развития городской периодики. Первые опыты по организации периодической печати в Тифлисе относятся ко времени управления Кавказом А.П. Ермолова (1816–1827). В 1819–1822 гг. в Тифлисе издавалась газета на грузинском языке «Картули газети» («Грузинская газета»). Прекращение выхода издания было связано с недостаточным числом подписчиков [3, с. 357–372]. Эта же участь и по тем же причинам постигла и газету «Тифлисские ведомости», выходящую в свет в 1828–1833 гг.

В 1846 г. по инициативе и при поддержке кавказского наместника в Тифлисе стала издаваться газета «Кавказ». Издание имело две основные задачи: «...русских знакомит она (газета «Кавказ» — *A.V.*) с любопытною богатою странюю, о которой мы знаем, кажется, меньше нежели об Америке и с которою однако судьба связала нас неразрывными узами братства и общих выгод: между туземцами распространяет мало по малу охоту к чтению и укореняет понятия более чистые, образ мыслей и взгляд более образованные» [8, с. 1]. В газете публиковались официальные известия, научные статьи, воспоминания, заметки о городской жизни, литературные произведения, объявления. В отличие от своих предшественников «Кавказ» имел более совершенную сеть распространения. Стать подписчиком издания или приобрести ее в розничной торговле могли кроме тифлисцев и жителей Кавказского края в Санкт-Петербурге и Одессе.

«Кавказ» быстро завоевал популярность среди русскоговорящего населения Кавказского наместничества, но для большей части местных жителей

это издание оставалось недоступным ввиду языкового барьера. Особенно остро этот недостаток был ощутим в многонациональном Тифлисе, часть населения которого оставалась на обочине культурной жизни города.

Эти обстоятельства, вероятно, заставили коронную администрацию и лично наместника поддержать намерение священника Гавриила Потканова издавать в Тифлисе газету на армянском языке под названием «Арарат». В 1849 г. это предложение было передано на рассмотрение Кавказского комитета, где встретило ожесточенное сопротивление министра народного просвещения С.С. Уварова [19, л. 1–4]. Автор теории «официальной народности» выражал сомнения в специализации нового издания, опасаясь публикации статей не только литературного, но и политического характера. Но большинство членов Кавказского комитета не увидели веских оснований для подобных опасений и в сентябре того же года Г. Потканову было дозволено издавать газету на армянском языке. Спустя три года в Тифлисе начинается публикация ежемесячного журнала «Цискари» («Заря») на грузинском языке. Первым редактором этого издания стал драматург Г.Д. Эристави.

Европейский город немыслим без развлечений, масштабных зрелищ. Сразу после приезда в Тифлис, М.С. Воронцов обратил внимание на отсутствие театра в столице Кавказского наместничества. Уже в сентябре 1845 г., выписанная наместником из Ставрополя, актерская труппа открыла первый театральный сезон в Тифлисе. Несмотря на успех начинания, М.С. Воронцов остался недоволен качеством представления и профессиональным уровнем актеров. В феврале 1846 г. Кавказский наместник обратился к директору императорских театров А.М. Геденову с просьбой прислать в Тифлис актеров из лучших театров Санкт-Петербурга [1, с. 12]. По воспоминаниям современников к началу 1850-х гг. тифлисский театр мало чем уступал столичным, и был весьма популярен среди горожан. Сам наместник учреждая театр в Тифлисе надеялся этим не только скрасить досуг местных военных и чиновников, но и «приобщить здешних жителей к сценическому искусству», а также способствовать распространению русского языка [1, с. 9].

Первоначально представления тифлисского театра давались во временном здании, но с 1846 г. началось возведение караван-сарая купца Г.И. Тамамшева, один из этажей которого должно было занять помещение театра. Строительство караван-сарая, располагавшегося в центре Тифлиса на Эриванской площади (ныне площадь Свободы в Тбилиси), окончательно завершилось лишь в 1854 г., но театральные сезоны проходили в новом здании уже с 1851 г. Театр был невелик, но отличался изящной внутренней отделкой, выполненной под руководством известного художника князя Г.Г. Гагарина. К этому же времени относятся и первые представления итальянской оперы в Тифлисе, на содержание которой М.С. Воронцов никогда не скупился. Концерты давала приглашаемая на зимнее время труппа из Керчи, рекомендованная писателем, графом В.А. Соллогубом, служившим в 1851–1856 гг. на Кавказе. Артисты оправдывали доверие и вложенные наместником средства. Тифлисская опера отличалась хорошим составом исполнителей и качествен-

ным оркестром. В ее репертуаре были популярные произведения итальянских композиторов Гаэтано Доницетти («Лукреция Борджия») и Винченцо Беллини («Норма»), а особым успехом была отмечена премьера «Риголетто» Джузеппе Верди. На оперные представления собирался весь тифлисский бомонд: русские военные и чиновники, представители знатных грузинских фамилий, богатые и влиятельные армянские предприниматели.

В театре, устроенном благодаря вниманию наместника, была дана первая театральная постановка на грузинском языке. Пьеса Г. Эристави — «Раздел» была показана зрителям в 1850 г. и вызвала благоприятный отклик публики и театральных критиков: «Содержание пьесы и ея (так в тексте — А.У.) подробности понятны становятся даже тем, которые ни слова не знают по-грузински — по средством удивительной мимики, натуральной игры и дикции; одним словом, “Раздел” был так разыгран, как только могли бы это исполнить самые опытные, самые талантливые артисты. Автор пьесы был вместе с тем исполнителем самой трудной роли» [13, с. 17].

В тифлисском театре давались также и комедийные представления, как, например, имевший большой успех у зрителей «оригинальный» (то есть написанный в Тифлисе, местным автором) водевиль «Встреча Ивана Ивановича с Шамилем в Кавказских горах». Кроме того, на сцене театра столицы наместничества давались концерты, гастролировавших музыкантов, среди которых особое внимание публики привлекли выступления скрипача Г. Афонасьева [12, с. 35] и парижской «звезды» певицы Неструа-Вендт [11, с. 14].

Менее респектабельные и более демократичные развлечения Тифлиса середины XIX столетия были представлены двумя труппами акробатов — Ламбергера и Гаспариана. Их выступления были столь любимы тифлисцами, что как утверждала газета «Кавказ»: «...даже были поводом к обогащению грузинского языка новым словом бравия (браво)» [10, с. 42].

В конце 1840-х гг. в Тифлисе начали проводить скачки. Скаковой круг был устроен в пригороде Тифлиса Навтлуге. Активное участие в новом начинании принимала семья первого кавказского наместника. Одним из наиболее престижных призов, разыгрывающихся в Тифлисе, был приз Е.К. Воронцовой — супруги наместника. Сын кавказского наместника С.М. Воронцов, служивший на Кавказе под началом отца, выступал не только в качестве владельца лошадей, но и как жокей [14, с. 554–555]. На фоне других южнороссийских городских центров XIX века, Тифлис предлагал настоящее изобилие развлечений на любой вкус и кошелек.

Как и другие кавказские города, Тбилиси на протяжении XIX — начала XX вв. переживал эволюцию от феодального города «восточного типа» к городскому центру, интегрированному в общероссийскую административную систему и экономику. Но статус столицы Кавказского наместничества, приобретенный в середине XIX в. вовлек Тбилиси в процесс порождения региональных политических и культурных смыслов. Европеизация Тбилиси в воронцовское десятилетие носила подчеркнута символический характер и была направлена на остолочивание города. Благодаря деятельности М.С. Воронцо-

ва не только Тифлис становился культурной столицей империи на южной окраине, но и Тбилиси возрождался как грузинская культурная столица, а главные символы столицы Кавказского наместничества – Головинский проспект и Эриванская площадь остаются, хотя и под другими названиями центром ментальной карты столицы современной Грузии.

Источники и литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. X. Тифлис, 1885.
2. Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Старый Тбилиси. Город и горожане в XIX веке. М., 1990.
3. Ватейшвили Д.Л. Грузия и европейские страны: очерки истории взаимоотношений, XIII – XIX вв. Т. 3. Кн. 3. М., 2003.
4. Высочайше утвержденное положение о Кавказском учебном округе и учебных заведениях, оному подведомственных // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XXIII. Отделение I. 1848. СПб., 1849.
5. Высочайше утвержденные правила об отношениях Кавказского наместника // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XXI. Отделение I. 1846. СПб., 1847.
6. Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания. 1845-1846 гг. Ч. II. Гл. VII // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Dondukov_Korsakov/text12.htm (Дата обращения: 15.09.2016).
7. Исмаил-Заде Д.И. Население городов Закавказского края в XIX – нач. XX в. Историко-демографический анализ. М., 1991.
8. Кавказ. 1848. № 1. (от 3 января).
9. Кавказ. 1848. № 46 (от 13 ноября).
10. Кавказ. 1849. № 11. (от 12 марта).
11. Кавказ. 1849. № 4. (от 22 января).
12. Кавказ. 1849. № 9. (от 26 февраля).
13. Кавказ. 1850. № 5. (от 18 января).
14. Кавказ. 1850. № 91. (от 18 ноября).
15. Объявления // Кавказ. 1849. № 40. (от 1 октября).
16. Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб, 2003.
17. Полиеквтов М., Натадзе Г. Старый Тифлис в известиях современников. Тифлис, 1929.
18. Российский государственный исторический архив. Ф. 1268. Оп. 26. Д. 10.
19. Российский государственный исторический архив. Ф. 1268. Оп. 3. Д. 266.
20. Тифлис в настоящее время // Кавказ. 1848. № 42. (от 16 октября).
21. Урушадзе А.Т. Кавказский комитет и Кавказский наместник: формирование и особенности взаимоотношений в 1845–1854 гг. // Вестник Южного научного центра РАН. 2011. Том 7, № 4.

ИСТОРИЯ ПЕРИФЕРИЙНОГО ГОРОДА В КОНТЕКСТЕ МАКРО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Судебные учреждения Нальчика в административно-политической системе Центрального Предкавказья в 1822–1917 гг.

Абазов Алексей Хасанович
Кабардино-Балкарский институт гуманитарных
исследований
кандидат исторических наук
alex_abazov@list.ru

Доклад посвящен исследованию истории функционировавших в Нальчике судебных учреждений и определению их места в административно-политической системе Центрального Предкавказья в 1822–1917 гг. В зависимости от характера судебных преобразований в рамках данного периода выделяются несколько этапов: 1822–1858 гг. – деятельность Кабардинского временного суда; 1858–1870 гг. – Кабардинский окружной народный суд; 1871–1917 гг. – Нальчикский горский словесный суд.

Функционирование этих судебных учреждений рассматриваются в условиях административных преобразований в регионе в 1822–1917 гг. В частности, учреждение в Нальчикском военном укреплении Кабардинского временного суда в 1822 г. хронологически совпало с преобразованием Кавказской губернии в Кавказскую область. На основе анализа «Учреждения для управления Кавказской областью» анализируется статус Кабардинского временного суда как специального судебного учреждения, созданного для управления «внешними инородцами».

Деятельность Кабардинского временного суда в 1822–1858 гг. характеризуется как в двух аспектах: как механизм интеграции народов региона в административно-политическое и правовое пространство Российской империи в условиях Кавказской войны и как фактор трансформации их общественной жизни под влиянием, в основном, внешних политических факторов.

1858–1870 гг. – В рамках этого периода историю функционирования Кабардинского окружного народного суда можно разделить на 3 подпериода: 1858–1860 гг. – период самостоятельного функционирования окружного суда в Нальчике в рамках вновь учреждённого Кабардинского округа; 1860–1864 гг. – период самостоятельного функционирования суда в составе Терской области; 1864–1870 гг. – функционирование суда при наличии апелляционной инстанции – Терского областного народного суда.

1871–1917 гг. – рассматривается деятельность Нальчикского горского словесного суда как учреждения, созданного в рамках реализации судебной реформы 1864 г. Особое внимание обращается на учреждение в 1885 г. также располагавшегося в нальчикской слободе Временного отделения Нальчикского горского словесного суда.

В докладе рассматривается координация деятельности перечисленных судебных учреждений с иными административными и судебными органами региона. Делается вывод, что локализация судебных в Нальчике являлись одним из важных факторов его развития как административно-территориального центра региона (Центра Кавказской линии, Кабардинского округа Терской области, Нальчикского округа Терской области).

**Расово-этническая мозаика американских городов:
последствия субурбанизации и иммиграции¹⁰**

*Айриян Радмила Сергеевна
Южный федеральный университет
кандидат исторических наук, доцент
rsayriyan@sfn.edu.ru*

США представляют собой страну, которую, как говорил президент Джон Кеннеди, создали иммигранты. Ядро американской нации, её социальный состав, экономика и культура, сложились под влиянием в первую очередь мигрантов из стран Европы во второй половине XVIII- начале XIX вв. Таким образом была создана страна англопротестантского уклада, где крупнейшей сформировавшейся американской народности не была противопоставлена какая-либо другая мощная этническая общность. Но при этом в США существовала значительная группа населения, принадлежащая к негроидной расе. Отношения между белыми и черными жителями в Соединённых Штатах имеют долгую историю, и в большей степени эта история насилия, преследования и дискриминации. События последних лет, когда белые полицейские убивают черных парней в американских городах (Фергюсон, Балтимор, Норд-Чарлстон и др.) свидетельствует, что расовые отношения в США ещё далеки от гармонии.

В прошлом подавляющее большинство американских городов составляли переселенцы из Европы, т.н. «белые американцы». Так, в 1940 г. до 94% жителей Нью-Йорка были представителями белой расы. Сегодня в «Большом яблоке» проживают уже 44% белого населения, 25,5 % чернокожего и примерно 18% представителей латиноамериканских народов. Подобная ситуация и в Чикаго, где в 1940 году 91% горожан был представителем белой расы, однако перепись 2010 года показала другую динамику - только 45% населения Чикаго были белыми американцами, а 33% - афроамериканцы. При этом вырос процент и испаноговорящих американцев, с 0,5% в 1940 до 29% в 2010 г. [3,6]

И если в городах Восточного побережья и района Великих озёр наблюдается тенденция выравнивания белого и черного населения, то в городах

---

¹⁰ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации гранта № 16-01-14064 «Г»

Западного побережья и Юга США - тенденция к доминированию латиноамериканского элемента как в границах отдельных городов, так и штата в целом.

Перепись 2010 г. показала, что латиноамериканский элемент, в виду близости Мексики, Кубы и др. территорий, активно заселяет южное и западное побережье США. Э.Л.Нитобург считает, что подобное расселение обусловлено тем, что в США всегда была свойственна тенденция «фактической жилищной сегрегации по "цвету кожи" и испаноязычные мигранты вынуждены были селиться в сложившихся ранее городских этнических анклавах» [2, с.24]. В этом контексте выделяются города штатов Нью-Мексико, Калифорния, Техас, Аризона, Флорида.

Статистика в данных городах свидетельствует об оттоке белого и черного населения и заселения их представителями латиноамериканских этнических групп. В соответствии с последней переписью, белые составляют 51% населения Хьюстона, при этом только 26% от всего населения однозначно отнесли себя к белой расе. Остальные заявили о том, что имеют в роду испаноговорящих, но причислили себя к белым. Если же обратиться к тем, кто отнес себя к группе «латино» или «хиспаник», то их чуть менее 44%. В Хьюстоне наблюдается также отток и чёрного населения, правда он не столь заметен, как отток белого. Сегодня в этом тexasском городе проживает 24% афроамериканцев из числа всего населения Хьюстона [3,6]. А в городе Альбуркерке, самом крупном городе штата Нью-Мехико, процент белого населения составляет 42%, в то время как испаноговорящих - 46%. Отток белого населения за 20 лет составил 16% [5].

По переписи 2000 года численность испаноязычного населения США составляла 35,3 млн чел, что в процентном выражении обозначает 12,5 % от общего числа жителей США. Уже следующая перепись 2010 года показала прирост испаноязычного населения как в абсолютных цифрах, так и в процентном выражении. За 10 лет прирост составил 15,2 млн чел. и достиг цифры в 50,5 млн.чел. В процентном отношении испаноязычных американцев становится 16,3 процента от общего числа жителей страны. Прирост в 3,8 % в общей доле американцев согласно переписи населения 2010 года не показала ни одна другая этническая группа или раса [3,6].

Как представляется нет необходимости рассматривать каждый многонаселённый город США, чтобы ещё раз убедиться в тех тенденциях, о которых написано выше. Однако имеется насущная необходимость разобраться в терминологии.

В США испаноязычное население наиболее динамично прирастающий этнический сегмент американского общества. Существует множество различных наименований испаноязычных мигрантов. Исторически первым было обозначение – «мексы». Так называли и коренного жителя штата Техас мексиканского происхождения, и могли называть недавно прибывшего из Пуэрто-Рико, Мексики, Никарагуа и т.д., не делая между ними никаких различий. Главными объединяющими признаками здесь являлись испанский язык, вера и культура. Чуть позже появляется обозначение латиноамериканцев как «чи-

канос» (chicanos). Главным образом это обозначение, как и мексы, в большей степени относилось к мексиканцам, как к наиболее многочисленной этнической латиноамериканской общности в США. Этот термин содержит для мексиканцев уничижительный смысл, так как для них он обозначает беднейшего человека.

Сами латиноамериканцы предпочитают называть себя - американцы мексиканского (пуэрториканского, кубинского) происхождения. В меньшей степени они отдают предпочтение таким обозначениям, как латиноамериканцы или испаноязычные американцы, так как здесь не отражается их национальная принадлежность. Вполне объяснимо для людей проживающих в иноэтничной среде стремление сохранить свою национальную идентичность.

Среди американских исследователей наибольшей популярностью пользуется термин «хиспаник» (hispanic), который наиболее адекватно на русский язык можно перевести как «испаноязычные американцы». При переписи населения США с 1990 года используется именно данное обозначение.

Однако существует в американских городах и иная этно-расовая общность, которая в ряде регионов «стремятся» к большинству. Так, лидеры по доле азиатского населения в 2010 г. стали Гонолулу (43,6%) и калифорнийские Сан-Хосе (31,6%), Сан-Франциско (23,5%), Лос-Анджелес (14,9%) [3,6].

Иммигранты, как и основная часть населения США, в расселении тяготеют к крупным городам. По данным Переписи 2010 г. 85% американцев, рожденных за пределами США, проживают в 100 городах с населением от 100 тыс.чел. При этом 38% всех иммигрантов проживают в пяти крупнейших городах, таких как Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Майями, Чикаго и Хьюстон.

Приток иммигрантов из испаноговорящих стран совпал с процессами субурбанизации, переселения населения в пригороды. В первую очередь это переезд белого населения, покидающего беспокойный город со значительным элементом мигрантов, и избирающего расово и социально-экономически однообразный пригород. Наиболее ярко процесс оттока белого населения («бегство белых», white flight) наблюдается в таких городах, как Атланта, Бостон, Балтимор, Чикаго, Филадельфия, Сан-Диего, Лос-Анджелес, Даллас, Хьюстон, Майами и др.

Справедливости ради следует отметить, что процессы субурбанизации нельзя напрямую связывать с процессом латиноамериканской миграции, так как последняя приходится на 1970-2000 годы, в то время как переезд в пригороды активно пропагандируется среди населения в 1950-е годы. Государственная политика по десегрегации способствовало тому, что средний класс, преимущественно представители европеоидной расы, переселялись в пригороды, где чернокожие не могли позволить себе купить дом. Первый пригород Левиттаун был построен в 1948 г. и он разительно отличался от города: здесь не было нищеты, преступности и межрасовых столкновений, а были комфорт, чувство безопасности и воплощение «Американской мечты» [4].

Именно в конце 1940-х - начале 1950-х годов наблюдается тенденция массового переселения чернокожего населения в крупные города США с це-

лью поиска работы. Социально-экономические проблемы, преследующие афроамериканцев, и дискриминация стали причиной высоко уровня преступности среди меньшинства, живущего бок-о-бок с белым населением городов.

Интересно отметить то, что на начальном этапе «бегства белых», наличие большого количества автомагистралей и автомобилей способствовало сохранению экономических и трудовых отношений между пригородом и самим городом. Однако к 1990-м годам ситуация начинает меняться: намечается, а позже и развивается, тенденция «умирания городов», получившая название «упадок городов». Уход белого населения из городов, депопуляция в целом, способствовало развитию безработицы и преступности. Обычно, когда говорят об «упадке городов», то вспоминают Детройт. Упадок автомобильной промышленности, уход белых в другие города в поисках работы привело к тому, что за пол века население сократилось в 2,5 раза - с 1,85 млн. до 714 тысяч человек.

Если посмотреть на цепочку «город-работа-пригород», где работа была тем, что связывала пригород с городом в 50-80-е годы, то сейчас и сама работа стала в значительной степени сосредотачиваться в пригороде. «В настоящее время около 70% занятых в обрабатывающей промышленности, оптовой и розничной торговле сосредоточено в пригороде» [1, с.142].

Таким образом, две мировые глобальные тенденции – субурбанизация и миграция – оказали решающее влияние на изменение этно-расового облика ряда американских городов. В большей степени подобная динамика наблюдается в крупных промышленных, финансовых и культурных центрах, где исторически складывалась полиэтничная и полирасовая картина, но со значительным преобладанием белого сегмента. Со второй половины XX века начался процесс, получивший название «бегство белых», который изначально носил расовый характер, был нацелен на попытку сохранения обособленного проживания людей различных рас. Однако уже в 1990-2000-е годы этот процесс в большей степени носит социально-экономический характер.

Как представляется, процесс оттока белого населения из мегаполисов будет лишь усиливаться, в связи с ухудшающейся экологической обстановки в крупнейших городах, росту преступности и маргинализации значительного числа горожан, а также из-за возможности осуществлять трудовую деятельность дистанционно.

При этом мы намерено умолчали о факте «черного бегства» (blackflight), так как данному вопросу должно быть посвящено специальное исследование, учитывая, что 38% афроамериканцев переехали в пригороды только за 1990-2000-е годы.

Источники и литература

1. Былов В.Г. Пауэр Э., Уилсон У.Дж. Состояние городов Великобритании и США (сводный реферат)// Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал. 2004. № 3. С. 142.

2. Нитобург Э.Л. США: Цветной барьер в прошлом и настоящем//Новая и новейшая история. 1997. №2. С.24.
3. 2010 Census Briefs. US Census Bureau. March 2011 // <http://www.census.gov/prod/cen2010/briefs/c2010br-02.pdf> (дата обращения: 18 марта 2015 г.).
4. Henderson H. The Suburbs: The New American Dream, 1953.
5. Luckingham B. The urban southwest: a profile history of Albuquerque, El Paso, Phoenix: Texas Western Press, 1982.
6. Race and Hispanic Origin for Selected Cities and Other Places: Earliest Census to 1990. U.S. Census Bureau// <http://www.census.gov/population/www/documentation/twps0076/twps0076.html> (дата обращения: 19 марта 2015 г.)

**Притягательная власть города:
миграция шотландцев в Лондон в XVIII в. и британская
национальная идентичность¹¹**

*Апрыщенко Виктор Юрьевич
д.и.н., директор Института истории
и международных отношений
Южного федерального университета
victorapr@sfsu.ru*

Несколько десятилетий, последовавших за унией 1707 г., были решающими не только с точки зрения усмирения протеста, исходящего с шотландской стороны, и формирования единой британской политики в разных сферах. Чем успешнее продвигался интеграционный процесс и формировались сферы, где англичане и шотландцы действовали заодно, будь то в области строительства империи или в становлении индустриального общества, тем острее некоторые выходцы с севера чувствовали всю неоднозначность объединения. Пусть и не на макроуровне, а скорее в межличностных связях и контактах, шотландский провинциализм становился объектом критики и насмешек со стороны англичан, что вновь и вновь поднимало вопрос о природе объединения, его характере и о том, что такое шотландскость и как она может проявляться. Решающими в этом вопросе стали 1760-780-е гг.

Сведенные волею судеб в Париже, англичанин и шотландец стали олицетворением конфликта, который был столь очевиден для всех тех, кто был свидетелем лондонской жизни 1760-х гг. Миграция шотландцев в Англию стала еще одной стороной того бесспорного прогресса, который был достигнут Шотландией на протяжении XVIII в. в рамках Британии. По замечанию доктора Уильяма Джонстона, шотландцам теперь были открыты все дороги в Англию. Однако, по мнению самих выходцев с севера, пройти по ним было

---

¹¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации гранта № 16-01-14064 «Г»

не так просто, и на юге им грозило не только подчинение и насмешки, но даже новое порабощение.

Уния 1707 г. ничего не говорила об их правах на поселение в Англии, в то время как столетие назад, в 1603 г., было специально оговорено, что родившиеся на территории Шотландии дети после унии корон получают право называться англичанами в Англии, и после 1707 г. это право, как считалось, не нуждалось в подтверждении. В отличие от 1603 г., 1707 не привел к переезду двора вместе с придворными в Лондон. Исключение, конечно, составили лишь сорок пять членов Палаты общин и шестнадцать пэров, которые переехали в столицу вместе со своими приближенными. Однако эта была та элита, благодаря которой уния и стала возможной. Кроме того, проживание в Лондоне было гораздо дороже жизни в Шотландии, и только самые богатые могли рискнуть пойти на это. Один из первых шотландских пэров, граф Хоум, с трудом осилил переезд на юг, обошедшийся ему в сто фунтов [8, Р.394]. Примерно в такую же сумму обходились ежемесячные поездки герцога Роксбурна, путешествовавшего между Лондоном и Эдинбургом. Большая часть британских публичных мероприятий, таких как коронации, крещения наследников престола и т.д., вызывали неизбежную необходимость пэров и других представителей знати появляться в столице, что было сопряжено с немалыми расходами. Эмили, графиня Лейнстерская, вопрошала в 1761 г.: «Как же бедные шотландские супруги пэров, такие как леди Халкертон, написавшая моей сестре письмо с просьбой обеспечить ее, могут путешествовать?» [3, Р.103].

Хотя уния 1707 г. и начало правления ганноверской династии в 1714 г. привели к новым волнам шотландских парламентариев, прибывавших в Лондон, массовое неприятие англичанами бедных французских протестантов, бежавших тогда же от католического преследования Людовика XIV в Великобританию, сделало шотландцев второстепенным объектом критики, и язык парламентских дискуссий становится менее враждебным в адрес шотландцев, отношение к которым в первые десятилетия XVIII в. было, скорее, дружеско-насмешливым. Палата общин, в которой заправляло английское землевладельческое джентри, в отличие от правительственных учреждений, довольно легко инкорпорировала вновь прибывших, и даже на протяжении непростых 1740 и 1750-х гг. там не было особых проявлений враждебности по отношению к шотландским парламентским представителям.

Определение числа шотландцев, осевших в Лондоне, как и количество время от времени приезжавших в столицу, дается с трудом. Даже для XVIII в. возможны разные варианты подсчетов, поскольку масштабы этой миграции никогда не подвергались статистическому исследованию. Наблюдатели той поры отмечали лишь ту особенность, что выходцы с севера Британии предпочитали мигрировать в одиночку, не перевозя с собой семей, в отличие от валлийцев и ирландцев, которые привозили в Лондон всех своих домочадцев. В языке тех, кто жил вдоль Великой северной дороги, соединявшей Англию с Шотландией, слово «шотландец» было будто бы заменено названием «разносчик», т.к. основными занятиями, которые стремились освоить на новом

месте выходцы с севера, была служба по хозяйству и торговля, в то время как на английские мануфактуры шотландцы устраивались довольно редко.

Среди тех британцев, кто заключал контракты на службу в колониях во второй половине XVIII в. около 10% были шотландцами, что по сравнению с 4% конца XVII в. было значительным рывком. В основном это были молодые мужчины со всех частей Шотландии, но четвертая их часть происходила из Эдинбурга и Глазго [18, Р.100]. Основным побудительным мотивом для такого рода приезжих в столицу было «испытать свою удачу», а затем, если возникнет необходимость, искать другие возможности за морем. Исследование тех, кто в 1770-е гг. был посетителем Вестминстерской благотворительной лечебницы, показывает, что 8.3% пациентов мужского пола и 4.6% пациентов-женщин, постоянно проживающих в Лондоне, были родом из Шотландии [10, Р.47]. Большое количество мигрантов-мужчин – это постоянно присутствующий факт. Отрывочные демографические данные об этой части населения показывают, что это была в целом схожая по своему составу группа – и по возрасту, и по социальному положению, и по образу занятий с той, что происходила из других частей Британии. Иными словами, большая часть приезжающих в Лондон, и шотландцы не были исключением, были мужчины в возрасте от 20 до 30 лет, мигрировавшие в поисках работы, значительная доля которых обладала профессиональными навыками в коммерции и администрировании, в частности, являлись клерками, а после 1760-х гг. среди профессий стали выделяться и военные [15, Р.120-121]. Подавляющее большинство этих приезжих ранее уже проживало в городах, и многие, очевидно, были хорошо образованными. Это сходство с приезжими из других регионов, а также довольно высокий уровень образования, бесспорно, способствовали успешному процессу интеграции шотландских иммигрантов. Приезжая в поисках карьеры, шотландцы часто были удивлены теми возможностями, которые перед ними открывались в столице. То, что приезжающие в Лондон жители севера происходили из образованных слоев, были амбициозны и, обладая профессиями юристов и докторов, стремились занять высокое положение в принимающем обществе, привело к тому, что лишь 3% взрослых лондонских нищих в конце XVIII столетия были шотландцами по происхождению, что было в разы меньше ирландцев, составлявших 34% попрошайек Лондона, в то время как общее ирландское население столицы исчислялось 11%. Тот факт, что выходцев из Хайленда, говорящих на гэльском языке, даже в самой Шотландии начала XVIII в. иногда именовали «ирландцами», мало что меняет в этих обстоятельствах. В самом деле, даже те шотландцы, которые в Лондоне оказывались в затруднительном положении, всегда выходили из него более успешно, чем ирландцы, причиной чему, очевидно, являлся высокий, по сравнению с выходцами с зеленого острова, образовательный уровень позволявший наниматься клерками и учителями, а также осваивать новые профессии. Даже в провинциальном английском Норфолке Парсон Уолфорд был навещен неизвестным молодым шотландцем, который предлагал свои услуги в качестве учителя при приходской школе. Правда, порой высокий образова-

тельный уровень способствовал созданию впечатления инаковости шотландцев, что создавало им новые сложности.

Женщины, наряду с мужчинами, приезжали в Лондон, хотя соотношение мужчины – женщины всегда склоняется в пользу первых. И, как и у мужчин, не у всех представительниц слабого пола получалось благополучно устроиться на новом месте. Так, Джейн Дин, служанка, работавшая в Эдинбурге до 1764 г., переехала в Лондон вместе со своей подругой Джейн Сиббет, поскольку надеялась, что «тут ей будет лучше». Однако судьба не была к ней благосклонна. Хотя переезд Джейн Дин оплачивался уважаемой семьей и рекомендательное письмо характеризовало девушку как обладательницу «очень хорошего характера», вскоре она преступила закон. По истечении шести недель пребывания в столице, она была признана виновной в краже одежды у постояльца дома миссис Финиас на Голден-сквер, и была приговорена к ссылке «к величайшему горю и недоумению ее близких и друзей». А лондонские моралисты и публицисты еще на протяжении многих недель рассуждали об искушениях столичной жизни, которые оказались не по силам молодой и глупенькой приезжей [6].

Среди приезжавших женщин была и довольно большая группа коммерсанток. Источники полны сведений о женщинах вроде Молли Кемпбелл, дочери хайлендерского служащего, перебравшейся в Лондон вместе со своим мужем-офицером и жившей в столице до тех пор, пока ее супруг не был лишен звания. После этого семья обзавелась небольшим бизнесом, но вскоре эмигрировала в Северную Америку, где Молли вскоре овдовела. В конце 1770-х гг. она вернулась в Британию – сначала в Глазго, а затем, в начале 1790-х гг., переехала в Лондон, где до конца своих дней занималась торговлей чаем [14, Р.75-99]. Несмотря на отдельные случаи преуспевания среди женщин-коммерсанток, большая часть иммигранток из Шотландии в Лондоне были в первую очередь дочерьми и женами представителей элиты – сторонников Ганноверов, симпатизирующих якобитам, исповедующих как католицизм, так и приверженцев пресвитерианизма.

Лондон, в XVIII в. крупнейший из европейских городов, в своей основе был центром, притягивающим иммигрантов, многие из которых были шотландцами. Выходцы из Каледонии были вовлечены в политическую, культурную, экономическую жизнь столицы, внося при этом значительный вклад в создание общего чувства «британскости», хотя параллельно поддерживали и шотландскую национальную идентичность. И всегда в этом процессе они встречали сопротивление со стороны англичан, генерировавших перманентное чувство скоттофобии, являвшейся отличительным феноменом Лондона. Вместе с тем, это явление не было лишено динамики, и со временем образ шотландца в глазах лондонцев стал меняться под влиянием тех успехов, которые делали многие шотландцы на почве интеграции в британские административные, коммерческие и культурные структуры.

Лондон по многим причинам был преимущественным пунктом назначения. Данные свидетельствуют, что в правление Георга III лондонские шот-

ландцы в целом неплохо устраивались. Между 1774 и 1781 гг. 6% семейных пациентов и 8% одиноких мужчин, выходцев из Шотландии, наблюдались в Весминстерской лечебнице, которая являлась благотворительным учреждением, но право лечиться в ней и бесплатно получать лекарства имели только те беднейшие жители Лондона, чьи работодатели могли оплатить соответствующую страховку. Примерно такое же количество ирландцев было клиентами этого учреждения, а, учитывая несравненно большую пропорцию ирландского населения в Лондоне, стоит сделать вывод о том, что шотландцы были лучше обеспечены.

Неисчислимо множество среди тех, кто в XVIII столетии приехал из Шотландии в Лондон, было и «безымянных» людей, таких, которые в источниках обычно обозначаются «странствующие шотландцы», и их следы могут быть отысканы повсюду в Европе. О них исследователи чаще узнают не в политических хрониках, а в протоколах судебных разбирательств. Еще одну значительную группу шотландцев, социальная значимость которой в Лондоне увеличилась во второй половине XVIII в., составляли рядовые солдаты, которые, как и обычные путешественники, попадали в Лондон ненадолго, главным образом, оттого, что их полки квартировали в местечках вокруг столицы.

Уважаемые семьи и друзья, жившие в Лондоне, были не только фактором преодоления конфликтов, возникавших в ходе столичной жизни, но и тем, что способствовало принятию решения о переезде на новое место. Отзывы и рекомендательные письма являлись обязательным условием получения приличного места службы и использовались в качестве одного из факторов приезда в Лондон. Конечно, далеко не всем, отправляющимся в Лондон, удавалось обзавестись рекомендательными письмами. Некоторые просто не успевали этого сделать, второпях оставляя родину, убегая от свалившихся на них проблем.

Как один из крупнейших центров преступного мира, Лондон привлекал людей с сомнительной репутацией, которые искали там удачу. Многие из них останавливались в столице лишь на короткий срок, чтобы затем вновь отправиться в новые путешествия или по делам бизнеса. Если шотландцы и отличались от местного населения, то не значительно, и уж во всяком случае эти отличия, по крайней мере до 1760-х гг., не носили негативных коннотаций, как это было с другими мигрантскими группами. В частности, ирландская община Лондона создавала гораздо больше проблем для властей в связи с более высоким уровнем бедности и преступности. К тому же ирландцы старались селиться более компактно, создавая целые ирландские кластеры в городских кварталах [18, p.101]. В начале XVIII в. в Лондоне было несколько кварталов, ассоциирующихся с шотландцами, в частности, западные районы города, такие как Сент-Мартинс, Стрэнд и Холборн, а также несколько кофеен, где постоянно собирались выходцы из Каледонии. Например, Британская кофейня на Коспур-стрит привлекала профессионалов шотландского происхождения, так или иначе связанных с работой парламента [9, P.110-128]. Однако к середине и особенно к концу XVIII в., несмотря на то, что шотландцы

все еще сохраняли некоторые свои визуальные отличия, а также особенности занятий и профессий, они были значительно более интегрированы в британское общество, чем другие иммигрантские группы с сильной этнической и локальной идентичностью, такие как, например, ирландцы или евреи. Записи адресов Шотландского госпиталя в Лондоне свидетельствуют, что выходцы с севере проживали довольно дисперсно.

Одним из критериев и одновременно факторов интеграции был язык. Шотландский акцент и использование «скоттицизмов» в языке были довольно прозрачным свидетельством шотландской идентичности, способствуя формированию имиджа шотландцев как грубых невежественных провинциалов. По этой причине многие северо-британцы стремились изменить свое «провинциальное» произношение. Акцент в самом деле был свидетельством особой идентичности. Однако в Шотландии существовали различные диалекты даже среди представителей элиты – факт, отмечавшийся многими.

В годы, последующие непосредственно за унией, язык, на котором говорили приезжие, мало кого волновал. Для образованных англичан, шотландский диалект был тем же самым, чем был провинциальный английский, на котором говорили многие лондонцы. В середине века с общей трансформацией культуры, а также в процессе англо-шотландской интеграции и изменения лондонских нравов акцент становится тем, что могло навредить успешной интеграции. Решить эту проблему было довольно сложно, потому как лишь немногие шотландские родители могли себе позволить отдать детей в английские школы. Так список учеников Итона, престижного английского учебного заведения, демонстрирует бесконечно малое количество выходцев из Шотландии в середине XVIII в., к концу столетия их становится немного больше, однако это, в подавляющем своем количестве, были представители англо-шотландского класса, а не собственно шотландские дети, которых родители посылали в Англию [5]. Оксбридж тоже не решал проблему, хотя с середины XVIII в. существовала идея о том, что между Эдинбургом и двумя университетами должен быть налажен регулярный обмен, однако воплощался проект чрезвычайно слабо, даже несмотря на то, что открыто мыслящие и передовые виги считали Эдинбургский университет одним из лучших европейских университетов [13, p.73]. Но даже те шотландцы, которые обучались в Оксфорде или Кембридже, как, например, Фрэнсис Джефри, избавляясь от шотландского акцента, приобретали то, что они называли «смесь провинциального английского и недостойного шотландского» [12, P.60].

Степень, в которой лондонские шотландцы выделялись своей одеждой или произношением, отчасти отражена в тогдашней визуальной культуре. Одной из категорий, наиболее заметной в Лондоне, были шотландские купцы, как их тогда называли, «странствующие шотландцы», представлявшие на изображениях эпохи одетыми в пледы со множеством карманов и узлов. Хотя эти изображения характеризуются анти-шотландскими сатирическими мотивами, к ним нужно подходить с осторожностью, поскольку они не представляли собой регулярные демонстрации скоттофобии, и шуточные изображения

«странствующих шотландцев», заключающие в себе ироническую составляющую, не были направлены напрямую против каледонцев, а, скорее, отражали особый, уже сложившийся, тип городской культуры с ее гиперкритицизмом в отношении патриархальной буколической традиции. И акцент, с которым разносчики «рекламировали» свой товар, также должен был являться частью этой «выживающей традиции». Интересно и то, что товары, продаваемые выходцами с севера, не были исключительно шотландскими, но включали изделия, произведенные на территории Англии.

Шотландцы в Лондоне действительно были одной из успешных групп. Шотландский новеллист Тобиас Смоллетт в 1771 г. отмечал, что «воспринимается как истина даже среди самих англичан тот факт, что шотландцы, осевшие на юге Британии, являются умеренными, законопослушными и хозяйственными». Хотя представители шотландской элиты были непопулярны среди англичан и «деятельные» шотландцы были постоянным предметом критики, лишь незначительное число шотландцев в английском общественном мнении было связано с какими-либо политическими или финансовыми скандалами, сотрясавшими Лондон на протяжении XVIII в. А документы криминального суда Олд Бейли свидетельствуют, что такое же незначительное, по сравнению с другими иммигрантскими группами, количество шотландцев привлекалось в качестве ответчиков по уголовным делам. Кроме того, в Лондоне просветительского века было значительное число знаменитых шотландцев, вроде Флоры Макдоналд, которая была «подобна сенсации», и, когда она освободилась из лондонской тюрьмы в 1747 г., сам принц Уэльский пожелал с ней встретиться. Кроме того, среди лондонских знаменитостей не редкостью были шотландские философы, известные офицеры, принимавшие участие в хайлендерских кампаниях, а также другие образованные знаменитости из Каледонии, позволившие в начале XIX в. сформироваться таким явлениям как «шотландские журналы, шотландский маньеризм, шотландская храбрость, шотландское гостеприимство, шотландская логика. Просто удивительно, что герцог Веллингтон не был шотландцем!» [12, Р.143-170].

Относительный успех шотландцев в Лондоне связывался с тем, что они происходили из образованных и обладающих профессиональной квалификацией слоев населения, в которых значительную долю составляли интеллектуалы и предприниматели. Многие из них были те, кто на короткий срок прибывали в столицу, а большую часть жизни проводили в разъездах между Лондоном и Эдинбургом или Глазго в поисках карьеры или возможностей разбогатеть. Некоторые из них в конечном счете принимали решение осесть в столице окончательно, перевезя сюда домочадцев или обзаведшись английской семьей.

Такой переезд мог являться источником персональной и психологической травмы, в том случае, если мигрантам не удавалось овладеть тем механизмом, который бы способствовал смягчению смены социального контекста и мог привести к успешной ассимиляции. Для того чтобы достичь успеха в этом процессе интеграции, шотландцы в Лондоне должны были стать частью

миграционной социальной сети и быть способны использовать социальные связи в поисках необходимой информации, влияния, конструирования новой идентичности в целях продвижения собственных способностей. Используя терминологию современной социальной и экономической теории, шотландская диаспора в Лондоне характеризовалась наличием коллективного общественного капитала, позволявшего отдельным социально незащищенным мигрантам усилить свои позиции, благодаря комплексу благ, основанных на общих ценностях и доверии. Этот процесс имел глубоко социальный характер, поскольку происходил из осознания общей принадлежности к одной нации, волею истории переживавшей не простой процесс интеграции.

Лондон продолжал оставаться ареной, на которой шотландцы сражались за деньги и статус. Некоторые из них действительно небезосновательно полагались на поддержку Бьюта, но такое встречалось очень редко. Пожалуй, чаще имела место поддержка тех их предшественников, которые сумели преодолеть английскую враждебность и теперь готовы были помогать своим соотечественникам. Издательское дело и культура Граб-стрит, которая его представляла, стали ассоциироваться с шотландцами с 1750-х гг., и эта тенденция сильно укрепилась на протяжении следующих нескольких десятилетий, когда район стал терять свой имидж рассадника литературного диссидентства и, наоборот, приобретать статус литературной журналистской поденщины, которая теперь ассоциировалась с шотландцами. Аналогично и в других сферах – успех шотландских университетов Эдинбурга, Глазго, Абердина в распространении медицинских знаний давал шотландским докторам и физиологам значительные преимущества перед их английскими коллегами. Но, возможно, еще более важным было участие шотландских бизнесменов в деловой жизни британской столицы.

Профессиональные персональные успехи, которые были свойственны отдельным шотландцам, способствовали складыванию имиджа всей нации, процесс, который единожды начавшись, мог быть теперь остановлен с большим трудом. Например, столкновения между издательскими правами эдинбургских и лондонских печатников, которые были предметом постоянных парламентских разбирательств, а также внимание, которое было уделено этому в целом ряде газетных полос в начале 1770-х гг., хотя и были явлением распространенным, имели чрезвычайно незначительную юридическую составляющую. Гораздо более серьезный конфликт вспыхнул, когда в 1772-1773 гг. разразился один из крупнейших финансовых кризисов Сити, и обвинен в нем был Эйр-банк, во главе которого стоял шотландец сэра Александр Фордис. А тот факт, что он имел в Лондоне двух братьев, один из которых являлся проповедником, а второй доктором, привел к поиску недоброжелателей-шотландцев повсюду. Демонизация бьютовских северо-британцев сработала и здесь, поскольку появился хороший повод продемонстрировать истинность обвинений против шотландцев. Сторонники Уилкса намеренно делали акцент на том, что выходцы с севера занимают привилегированные посты и уже управляют англичанами. И причина этого, считали они, в коррумпиро-

ванной английской политике. Этот скандал совпал по времени с постановкой пьесы о шотландце Максикофанте, добивавшемся высокого положения, используя разлагающуюся власть.

Широко мыслящие шотландцы, особенно те, кто достиг в Англии высокого социального статуса, считали враждебное отношение к ним проявлением плебейской ксенофобии и даже готовы были извинить агитацию Уилкса [1]. Однако они недооценили уровня распространения этих предубеждений. Многие видели в шотландцах прежде всего слуг, тогда как лишь незначительное число англичан ассоциировало их с джентльменами. Как часто случается, достаточно было одного случая, который, приобретя массовый резонанс, мог превратиться в стереотип. Основатель одной из наиболее известных ассоциаций, салона Альмак на Пэлл-Мэлл, стал мишенью для яростной критики. Название салона, Альмак, было связано с именем его владельца Маккаула, что случалось нередко. Городской обозреватель Джили Уильямс изобразил «шотландское лица Альмака», предоставляющее прекрасное обслуживание, способное развлечь вас, пока Ваша леди копается в сумочке и мило любезничает с графинями [7, р.369].

В тоне, которым это было сказано, чувствовался английский снобизм, но он был основан на реальных отличиях англичан и шотландцев, отличиях, которые часто свидетельствовали в пользу последних. Многие из северобританцев, приехавших в Лондон, происходили из Эдинбурга, который являлся центром шотландской культуры, и многими иностранцами его жители характеризовались как носители городской культуры и живого ума [2, р.192]. И англичане, включая доктора Джонсона, не могли не согласиться с этим [17, р.82]. Эдинбургское общество давно характеризовалось прочными связями с континентальной культурой и отказом в альянсе аристократии и плутократии, подобном тому, что правил в Англии. Однако шотландский патронаж был тем, что портило имидж выходцам с севера, придавая им слишком патриархальный вид. Как писал Локхарт, лондонские газеты доходили до Эдинбурга за три дня, лондонской моде требовалось на это два года [12, р.115]. Имидж шотландцев был крайне двойственным, что определялось как их социальным положением, так и контекстом, в котором они характеризовались.

Миграция стала тем, что, вероятно, наиболее заметно сказалось на всех изменениях. Массовое перемещение шотландцев в Англию, особенно в конце XVIII и в начале XIX вв., что было связано с активизацией и расширением английской экономики. Многие из приехавших не находили того, чего искали на юге. Статистика бродяжничества в конце 1823 г. показывает, что шотландские нищие значительно преобладали над ирландскими в восточных графствах, а также в графствах к югу и к западу от Лондона. Правда, вскоре эта статистика кардинально изменится в связи с массовым наплывом ирландцев, спасающихся от голода, которые будут стремиться попасть даже в северные регионы, такие как Нортумберленд. И этот массовый приток сделает шотландцев менее приметными на фоне ирландцев, и даже те, кто ранее считал их «чужаками», в 1830-е гг. нашел новый объект для нападок. Как бы то ни

было, этот процесс совпал с исчезновением образа шотландцев как варваров и льстецов, пресмыкавшихся перед своими нобилями, но был заменен более соответствующим времени образом расчетливых и корыстолюбивых торговцев – имидж, который на протяжении XVIII в. встречался очень редко.

Эта скупость становится лейтмотивом в английских оценках шотландцев, которые встречаются в XIX в. Возможно, источником этого стали и сами шотландцы, для которых стало делом чести сохранить «благоразумную» экономику, которая так долго была недостижимым идеалом и являлась предметом пристального внимания и обсуждения философов эпохи Просвещения. Как писал в 1816 г. шотландский естествоиспытатель, сам иммигрировавший в Англию, из десяти человек, которые с удовольствием порассуждают об экономике, один будет ирландцем, два англичанами и семеро шотландцами [4. р. 4917].

Связь с Лондоном позволяла придать шотландской идентичности новую форму – не разрушить национальное самосознание, но сделать его более концентрированным и ориентированным не только внутрь, но и вовне. Только очутившись в столице в период, когда противоборство между шотландскостью и британскостью было чрезвычайно остро, жители севера не только на практике могли испытать удачу, но и почувствовать отношение к себе тех, кто на протяжении многих столетий считался врагом. Этот процесс мог быть реализован только потому, что параллельно с развитием шотландской идентичности, формировалось и чувство «британскости». Британская идентичность шотландцев была не просто результатом того, что они жили в столице, но и оттого, что шотландцам приходилось довольно много путешествовать по стране – чего стоил один только путь из Эдинбурга в Лондон, в XVIII в. занимавший несколько дней и связанный с многочисленными неудобствами. Несмотря на то, что английское отношение к шотландцам в XVIII в. являлось типичным примером идентичности метрополии в период трансформации, в этой идее британскости нашлось место и шотландской национальной идентичности. И сами шотландцы считали себя равными в правах в рамках этой Британской империи.

Источники и литература

1. Caledonian Mercury
2. Charles Le Mercher de Longpre. Memoires: Publies par la duchesse d'Almazan. Paris: C. Levy, 1896
3. Correspondence of Emily, Duchess Of Leinster (1731-1814). Vol. ii: Letters of Lord Edward FitzGerald and Lady Sarah Napier (nie Lennox). Edited by Brian FitzGerald. Pp. xv, 369. Dublin : Stationery Office, 1953
4. Diary Of Joseph Farington. L.: Hutchinson ad Ko, 1998
5. Richard Arthur Austen-Leigh. Eton College List, 1678-1790. L., 1923
6. George M. D. London Life in the Eighteenth Century. London, 1925
7. George Selwyn and His Contemporaries: With Memoirs and Notes. L., 1843.

8. Holmes, G. British Politics in the Age of Anne / G.Holmes. – L. : The Humbledon Press, 1987.
9. Jones C. A Westminster Anglo-Scottish Dining Group. L., 1958
10. Landers, J., Death and the metropolis: studies in the demographic history of 11. London, 1670-1830 (Cambridge, 1993
12. Langford P. South Britons' Reception of North Britons, 1707-1820. L., 1889
- Lockhart J.G. Peter's Letters. L., 2011
13. Miss Eden's Letters. L., 2011
14. Nedadic S. The Impact of the Military profession. L., 2012
15. Pooley C., Turnbull J. Migration and Mobility in Britain Since the Eighteenth Century. London: UCL Press, 1998
16. The expedition of Humphry Clinker, By: Smollett, T. 1721-1771. L., 1925
17. Topham, E. Letters from Edinburgh 1774–1775. Edinburgh, 1971
18. Whyte I.D. Migration and Society in Britain 1550-1830. L., 2011

**Польские иммигранты в плавильном тигле Чикаго:
социо-культурная адаптация (сер. XIX – нач. XX вв.)**

*Коробкина Ирина Александровна
Северо-Кавказский федеральный университет
кандидат исторических наук, доцент
iryukor@gmail.com*

Польская община в Чикаго сформировалась в результате трех волн иммиграции. Первая и самая мощная волна охватывает период с 1850-х годов до начала 1920-х. Она была вызвана причинами экономического характера. Ее часто называют иммиграцией «Za Chlebem» («за хлебом»). Польский иммигрант этой волны – это крестьянин из прусской части Польши, позже из российской и, наконец, из австрийской. Вторая иммиграционная волна последовала по окончании Второй мировой войны. Третья волна польской иммиграции пришла на 1980-е годы и получила название «иммиграция Солидарности». В центре внимания автора – первая иммиграционная волна (сер. XIX в. – нач. 1920-х гг.), в результате которой польская община превратилась в самое крупное этническое сообщество города с уникальной для своего времени социальной сетью.

Согласно исторической энциклопедии Чикаго, подготовленной Чикагским историческим обществом, первыми польскими иммигрантами, прибывшими в город, были представители польской знати, покинувшие Царство Польское после восстания 1830г. Они прибыли в Америку с целью создания освободительной организации «Новая Польша». Среди них был Дж. Напиральский (J. Napieralski). Полагают, это первый польский иммигрант в Чикаго [2].

Численность поляков в Чикаго постепенно увеличивалась, особенно начиная с середины XIX в. К началу гражданской войны в США (1861-1865

гг.) приблизительно 5 сотен поляков проживали компактно в северо-западной части города. Лидером маленькой польской общины был Антоний Смаржевский-Шерман (Anthony Smarzewski-Schermann) – плотник, со временем открывший продуктовую лавку. Другой видной персоной был Петер Кёлбасса (Peter Kielbassa). Он стал первым поляком, получившим официальную выборную должность в городе: депутат легислатуры (законодательного собрания) штата Иллинойс и казначей Чикаго [2].

После окончания гражданской войны в США и последовавшей за ней массовой иммиграцией Чикаго из крошечного провинциального городка с населением 4 тыс. чел. превратился в крупнейший полиэтничный центр с множеством расовых, этнических и религиозных сообществ. По свидетельству современников, в 1900 г. на улицах этого бурлящего плавильного котла звучали 96 языков [6].

Польская община росла в эти годы столь стремительными темпами, что к концу 20-х гг. XX в. превратилась в самую крупную этническую группу города. Согласно переписи населения 1930 г., в городе проживало 401 316 лиц польского происхождения, родившихся за пределами США. Перепись 1930 г. свидетельствовала, что «Чикаго Полония», как идентифицировала себя польская община города, впервые превзошла по численности немецкую и ирландскую общины, которые считались до того времени самыми крупными иммигрантскими группами европейского происхождения. Более того, к тому времени поляки стали преобладать численно также и в лоне католической церкви, составив самую многочисленную этническую группу верующих.

Стоит отметить, что на рубеже XIX – XX вв. поляки составляли значительную часть населения многих американских индустриальных центров, но самым крупным польским городом являлся Чикаго. Американский исследователь того времени Пол Фокс приводит следующие данные о численности поляков: Чикаго – 400 000 чел., Питсбург – 200 000, Нью Йорк – 200 000, Детройт – 100 000, Милуоки – 100 000, Буффало – 100 000, Кливленд – 50 000, Филадельфия – 50 000, Балтимор – 35 000, Толедо – 30 000, Бостон – 25 000. Как видим, польская община Чикаго в несколько раз превышала численностью польское население других американских городов [3, p.63].

Не останавливаясь детально на причинах столь массовой иммиграции поляков в США в целом и в Чикаго в частности, отметим, что разделы Польши между европейскими державами в конце XVIII – XIX вв. и утрата государственности предопределили специфический характер польской иммиграции в США. На новой земле польские иммигранты стремились сохранить свою национальную идентичность, упорно сохраняя приверженность польской истории, языку, вере, культуре. Мечта о возрождении свободной Польши объединяла самые разные слои польского населения – знати, интеллектуалов, представителей духовенства.

Эти тенденции с особой силой проявились в «Американской Варшаве», как называли Чикаго. Польский анклав образовался в северо-западной части города, территориально разделяясь на церковные приходы. Первыми по вре-

мени возникновения стали приход Святого Станислава («Станиславово», как называли свой район жители) и приход Троицы. Эти два прихода были самыми крупными в городе: к 1901 году насчитывали 50 000 и 25 000 прихожан соответственно. Фактически, приход Св.Станислава, расположенный в районе, где из каждых 8 жителей 7 были поляками, считался самым многочисленным католическим приходом в США. Район был в крайней степени перенаселен: на одном квадратном акре проживало 457 чел. Люди жили в убогих бараках – «tenements», без элементарных санитарных условий, что неизбежно сказывалось на состоянии здоровья обитателей. Не удивительно, что по младенческой смертности «Станиславово» занимало первое место в городе [6].

Приходы Св.Станислава и Троицы прирастали новыми, так что в 1900 г. в городе уже насчитывалось 23 польских католических прихода. Приходы Св.Станислава и Троицы послужили своего рода моделью для организации религиозной и социальной жизни чикагских поляков. Приход был не просто центром религиозной жизни верующих. Он осуществлял образовательные, культурные, социальные и экономические функции. К примеру, на территории прихода Св.Станислава наряду со зданием костёла поляки возвели начальную и среднюю школы, общественный центр и спортивный зал. Эти здания занимали целый квартал. Неподалеку располагались редакции газет и журналов, выходящих на польском языке: «Zgoda» («Гармония»), «DziennikZwiazkowy» («Альянс Ежедневный»), «DziennikChicagoski» («Чикагско-польские ежедневные новости»).

Приход был местом деятельности польских обществ: Польского Национального Альянса, Польского Римско-католического Союза, Польского женского союза, Польских Соколов. Примечательно, что все эти польские общества общенационального значения базировались в Чикаго. Существовали также многочисленные общества взаимопомощи. Для поляков, работавших на промышленных предприятиях, формой объединения были профсоюзные организации.

Система социального обеспечения, созданная польскими землячествами, удивительна для своего времени. Это детские приюты для сирот, дома престарелых, центры помощи вновь прибывшим иммигрантам, больницы, кладбища. Деятельность различных польских обществ, которые выполняли функции современных органов социального обеспечения, сосредоточена была в приходе, а главной организующей силой была местная церковь. Приход создавал возможности для удовлетворения духовных запросов соотечественников. Библиотеки литературы на польском языке, сотни обществ польской культуры работали ради этого. Выпускаемые по торжественным случаям памятные церковные альбомы фотографий запечатлели факты насыщенной культурной и социальной жизни польских иммигрантов.

Современные исследователи называют такую форму организации социальной жизни этнических сообществ «католическим гетто». Социальные службы и учреждения, сопровождающие жителя «от колыбели до могилы», существовали не только в польском сообществе Чикаго. Аналогичные модели

были свойственны итальянской, немецкой, ирландской, чешской католическим диаспорам, проживавшим компактно в Чикаго и других городах промышленного северо-востока и среднего Запада [5, p.p. 514-517].

Одной из серьезных проблем адаптации польских переселенцев к новой жизни в Америке была проблема взаимоотношения с местными жителями. Поляки относились к так называемой «новой иммиграции». В отличие от «старой иммиграции» XVII – сер. XIX вв., когда преобладали выходцы из Западной и Северной Европы, «новая иммиграция» шла из Восточной и Юго-Восточной Европы, в частности из Италии, Австро-Венгрии, Турции, Греции и России. В потоке иммигрантов преобладали мужчины, в подавляющей массе – бедные, неграмотные, необразованные и неквалифицированные. К этому следует добавить языковой барьер и религиозные различия (непротестантские деноминации). Принимая во внимание массовость «новой иммиграции», многие американцы восприняли иммигрантов новой волны как угрозу общественным устоям и американской национальной идентичности. Полякам пришлось столкнуться с неприязненным отношением к ним как на бытовом уровне, так и политическом. Слово «Polack» (поляк) приобрело оскорбительный оттенок. Антипольскими настроениями и высказываниями пропитана общественно-политическая атмосфера рубежа XIX – XX вв. Они встречались в прессе, звучали на заседаниях обеих палат американского конгресса. К примеру, Вудро Вильсон в своей 5-томной «Истории американского народа» (1902 г.) написал: «Прибывающие в последнее время иммигранты – это низы общества из южной Италии, захудалые ничтожества из Венгрии и Польши, у которых нет профессиональных навыков, энергии, инициативности или остроты ума» [7, p. 212].

Немало обвинений в адрес польских иммигрантов раздавалось из лагеря борцов за ужесточение иммиграционной политики, которые требовали введения экзамена на грамотность для прибывающих в страну [4]. Обсуждение законопроекта иммиграционной реформы в обеих палатах конгресса США и в прессе сопровождалось такими резкими антипольскими обвинениями, что польская община вынуждена была выступить в свою защиту. В 1898 г. поляки создали общенациональный комитет, который представил в конгресс США меморандум польских организаций в Америке в связи с обсуждением в нижней палате конгресса законопроекта об иммиграционной реформе. Главное обвинение поляков – в неграмотности – авторы назвали безосновательным [4]. Что касается обвинений в антиобщественном поведении и дурных наклонностях, то для опровержения этих инсинуаций объединенный комитет польских организаций собрал свидетельства официальных лиц американских городов. Среди них – письмо из Чикаго от 3.02. 1898г., подписанное мэром города К. Х. Харрисоном. В ответ на просьбу охарактеризовать поведение поляков в Чикаго, мэр сообщил, что «в целом, поляки являются одними из самых трудолюбивых и достойных жителей города. Они законопослушны, работоспособны и заслуживают уважения тем, с каким достоинством они борются с трудностями, встречающими их при приезде в эту страну» [1].

Со словами мэра Чикаго трудно не согласиться. Действительно, прибывая в Америку, польские переселенцы испытывали «культурный шок». По роду занятий польские иммигранты первого поколения были в большинстве своем крестьяне. Не имея средств, единственное, на что они могли рассчитывать – это место работы в индустриальном городе, где постоянно требовались рабочие руки. Так что в первые годы массовой польской иммиграции поляки уступали немцам, чехам и другим этническим сообществам, прибывшим и закрепившимся на американской земле ранее, в таких сферах как бизнес, медицина, образование, право. Однако уже второе поколение американцев польского происхождения сумело улучшить свой социальный статус. П.Фокс в нач. XX в. указывал: 70–80% поляков имеют в собственности жильё. Ссылаясь на газету «Чикаго Трибьюн» Фокс отмечал, что в 1887г. поляки владели в Чикаго недвижимостью на общую сумму 10 млн. долл. [3, р.78]. Эти цифры кажутся удивительными, если учесть, что в то время приобретение недвижимости было очень непростым делом. До появления государственных гарантий ипотечного кредитования в 30-х гг. XX века, банки и кредитные организации выдавали кредиты на жилье на крайне тяжелых условиях. Процентные ставки были высоки, а сроки выплаты по кредиту были короткими [5, р.523]. Поляки находили выход из положения, образуя свои кредитные организации. К примеру, в 1904 г. в Чикаго насчитывался 81 чешский и польский кредитный кооператив с суммарным активом 6 млн.200 тыс.долл. и с общим числом членов 28 тыс.чел [3, р.79].

В 60-х гг. XX в. началась масштабная внутренняя миграция афроамериканского и испаноязычного населения в центральные районы Чикаго, до того времени преимущественно белые по составу населения. В результате этнические группы европейского происхождения были вытеснены в пригороды. Поляки, в отличие от других, упорно сохраняли приверженность своим «гетто», отказываясь переезжать. Взаимоотношения поляков с новыми соседями складывались непросто, часто омрачались конфликтами и трениями, которые редко разрешались к обоюдному удовлетворению сторон. Благодаря ярко выраженному этноцентризму, свойственному польской диаспоре, поляки оказались неподготовленными к социальному взаимодействию в новых общественно-политических условиях мультикультурализма и политической корректности, которыми отмечена американская действительность начиная с 60-х гг. XX в.

Источники и литература

1. A memorial of the Polish-American organizations of the United States in reference to the proposed Lodge Immigration Bill, now pending in the American House of Representatives. Chicago, Ill. [s.n.], 1898. URL: <http://pds.lib.harvard.edu/pds/view/4669917?n=1> (accessed on 03.10.2015).
2. Encyclopedia ofChicago URL: <http://www.encyclopedia.chicagohistory.org/pages/982.html> (accessed on 03.10.2015).

3. Fox P. The Poles in America. New York : G.H. Doran, 1922. URL: <http://pds.lib.harvard.edu/pds/viewtext/4093482?n> (accessed on 03.10.2015).
4. Immigration Restriction League (U.S.). Brief in favor of the illiteracy test. [Boston Immigration Restriction League, 1910] URL: <http://pds.lib.harvard.edu/pds/viewtext/6526727?n> (accessed on 03.10.2015).
5. Norton M.B., Katzman D.M., Escott P.D. A people and a nation. A history of the United States. 2-nd edition. Boston, 1986.
6. Parot J. J. Historical Research and Narrative. URL: <http://www.lib.niu.edu/1999/iht629923.html> (accessed on 03.10.2015).
7. Woodrow Wilson A History of the American People. V.5. New York, 1092. URL: <http://ia600308.us.archive.org/17/items/historyofamerica05wilsuoft/historyofamerica05wilsuoft.pdf> (accessed on 03.10.2015).

Интеграция немецких иммигрантов в культурное пространство Чикаго (сер. XIX – нач. XX вв.)

*Пантюхина Татьяна Викторовна
Северо-Кавказский федеральный университет
Кандидат исторических наук, доцент
pantyukhina@rambler.ru*

До середины XIX в. Чикаго был крошечным провинциальным городком с населением 4 тыс. чел. «Руководства для путешественников» 1830-1840-х гг., ориентированные на иммигрантов, расхваливали его как место, идеальное для проживания с любой точки зрения: географическое положение, ландшафт, природные ресурсы, инфраструктура, возможности для предпринимательства, перспективы для бизнеса.

Популярным автором 30-60-х гг. XIX в. был Джон Мейсон Пек. Его «Путеводитель для иммигрантов», вышедший в свет в 1831 г., неоднократно переиздавался [13]. Мне удалось обнаружить издания этого путеводителя 1836г., 1837г. и 1848г. В другой книге «Руководство для путешественника, отправляющегося в Иллинойс» (1839 г.) также как и в первой, Дж.М.Пек скрупулезно перечисляет всё, что достойно внимания в этом городе: 51 магазин, 30 продуктовых лавок, 10 таверн, 4 действующие и две строящиеся церкви, банк, страховая компания, гостиница на 90 мест [13, р.р.304-305]. Кроме того, в городе есть 23 доктора, 41 адвокат и 5 священнослужителей. Есть церкви и молельные дома для любого вероисповедования: пресвитериан, методистов, баптистов, епископальной церкви и католиков [14, р.181]. Автор отмечает, что в городе имеются муниципальные службы: пожарная команда, служба водоснабжения, несколько хороших школ, а также две типографии, которые печатают одну ежедневную и две еженедельные газеты.

Удивительна прозорливость, с какой миссионер и баптистский проповедник Дж.М.Пек оценил перспективы развития маленького городка – одного из многих на Западе. Выгодное географическое положение в бухте реки Чи-

каго Ривер и одновременно на берегу озера Мичиган, строительство каналов и обустройство бухты для крупных судов, происходившее в 30-х гг. XIX в. – всё это сделает Чикаго притягательным местом для бизнеса и капитала. «Очень скоро он станет столицей торговли и предпринимательства севера страны» [14, р.181]. Дж.М.Пек, вероятно, не сомневался в своих прогнозах, потому что аналогичные оценки перспектив развития города можно встретить и в других его сочинениях. Так, в одном из писем (1834 г.) он уверял своего адресата А.Ф.Гранта в том, что Чикаго со временем станет «величайшим центром бизнеса в масштабах всего северо-запада страны и намного превзойдет любой другой город в Иллинойсе» [15, р.7]. Интересно отметить, что чикагские историки, восхищенные такой глубиной предвидения, переиздали спустя столетие, в 1939 г., это небольшое письмо отдельным изданием [15].

Несомненно, одних только лишь советов, какими бы полезными они ни были, иммигранту было недостаточно, чтобы обосноваться в городе. Важным фактором, побуждающим переселенцев из Германии остаться в Чикаго, была поддержка соотечественников из Немецкого Общества Помощи Иммигрантам (GermanAidSocietyofChicago). Оно было создано в 1854г. по инициативе немецко-чикагских бизнесменов. В нем числился всего один штатный сотрудник, в обязанности которого входила забота о вновь прибывших соотечественниках [6]. Без сомнения, многие немецкие переселенцы оседали в городе именно благодаря тому, что вовремя получили необходимую поддержку.

Не останавливаясь на причинах массового характера немецкой иммиграции в США, изученных не только американскими, немецкими, но и отечественными авторами, обратимся к особенностям немецкой общины Чикаго [1;2]. На протяжении долгого времени, вплоть до начала 30-х годов XX в., она являлась самой крупной этнической группой этого многонационального города. Немцы, как и другие этнические сообщества, стремились сохранить культуру, традиции, обычаи и формы досуга своей родины.

Культурная жизнь чикагских немцев отличалась богатым разнообразием форм. Современные историки подсчитали в одной немецкой чикагской газете объявления о мероприятиях за 1898 год. В общей сложности было проведено 350 мероприятий. Это были концерты, вечера, бал-маскарады, избирательные кампании, политические митинги, ярмарки, гимнастические выступления, пикники, памятные годовщины, экскурсии. Танцевальный сезон продолжался с ноября по февраль. В одном только месяце (январе) было организовано 50 различных празднеств. В феврале в любой субботний день чикагскому немцу предлагалось на выбор девять бал-маскарадов [6].

Формами культурной жизни немецкой общины в Чикаго были общества хорového пения, гимнастические группы (GesangsunTurnvereine), региональные землячества (Landsmannschaften), театральные группы, а также обширные программы разнообразных мероприятий развлекательного характера в рамках благотворительных кампаний.

Немецкие иммигранты оказали огромное влияние на музыкальную культуру города. Известные своей любовью к пению, немцы привезли в Чи-

каго традицию хорового пения. Другим ценным вкладом немцев стало классическое музыкальное искусство. Появление собственного симфонического оркестра в городе стало заслугой немецких музыкантов. Первые концерты классической музыки прозвучали в Чикаго в 1850 г. Организатором и дирижером первого симфонического оркестра (он назывался Филармоническое общество) был Й.Дюренфорт. Правда, первые концерты не получили поддержки у горожан, и Й.Дюренфорт вскоре забросил музыкальную карьеру, занявшись бизнесом [4, p.120]. Однако классическая музыка пробивала себе дорогу в городе. Музыкальные коллективы возникали под разными наименованиями: Музыкальный союз вокальной и инструментальной музыки, Общество Мендельсона, Общество Оратории, Бетховенское общество и др. [4, p.120]. В городе появился немецкий оперный театр. В путеводителях по городу рубежа XIX-XX вв. он характеризуется как всемирно известный центр классического искусства. «Это визитная карточка театрального Чикаго. Зрителя гарантировано ждет выступление высочайшего класса», - говорится в одном из путеводителей конца XIX в. [7, p.121]. В 1892 г. было открыто здание немецкого драматического театра имени Шиллера. Отчет о торжественном мероприятии по этому поводу напечатала газета Нью Йорк Таймс [11].

При всем огромном многообразии форм культурной жизни, американские немцы более всего известны своей любовью к клубам. Как образно заметил один из президентов немецкого клуба GermaniaClub, «собери трех немцев вместе, и через пять минут получишь четыре клуба» [8, p.3]. На пике клубной активности в Чикаго действовало 452 немецких клуба, включая профессиональные, отраслевые, земляческие, гимнастические, научно-популярные, музыкальные. Всех их объединяло стремление сохранить немецкую культуру и укрепить социальные связи. К тому же посредством клубов осуществлялась благотворительная деятельность.

Многие немецкие клубы существовали недолгое время. Самым долговечным и влиятельным оказался GermaniaClub. Этот клуб заслуживает особого внимания по ряду причин. За свою долгую и насыщенную историю (1865-1986гг.) клуб превратился в символ немецкого культурного наследия в Чикаго. Здание, специально построенное для клуба, внесено в список исторических памятников общенационального значения [8, p.21].

История клуба GermaniaClub началась довольно необычно. В 1865 г. для траурной церемонии прощания с президентом А.Линкольном, погребальный кортеж которого провозили через Чикаго, собрались немцы-ветераны гражданской войны. Они исполнили хором подходящие случаю музыкальные произведения. Второе выступление этого непрофессионального коллектива состоялось в том же 1865 году на благотворительном концерте в пользу инвалидов гражданской войны. Четыре года спустя, в 1869 г., коллектив оформился организационно как Немецкий мужской хор. Он пополнил ряд других немецких музыкальных коллективов города, которые назывались Орфей, Швейцарцы, Тевтония, Фозен, Лидеркранц и Чикагский мужской хор.

Вместе с этими музыкальными обществами Немецкий мужской хор развивал музыкальную культуру города.

В начале творческого пути хором руководил Ганс Балатка, с именем которого связаны триумфальные выступления. Судя по рецензии на концерт хора в Кросби Опера Холле в 1870 г., в конце выступления публика неистово аплодировала и вызывала исполнителей выступать на бис, чего никогда ранее в городе не случалось. К тому времени в коллективе, который начинался с шестидесяти человек, уже насчитывалось сто певцов. Им аккомпанировал оркестр из 45 музыкантов. Оркестр, по мнению рецензента, играл на профессиональном уровне [8, p.3].

Немецкий мужской хор (GermaniaMännerchöre) не был хором в современном значении этого слова. Его деятельность точнее передается словом «общество» или «клуб». Причем с самого возникновения это было общество для элитарных слоев немецкой диаспоры. Мероприятия проводились на высшем уровне. Ежегодные бал-маскарады GermaniaMännerchöre были лучшими в городе. Меню, танцевальная программа, модно одетая публика и божественной красоты маскарадные костюмы - все было «верхом совершенства», по словам журналистов газеты Чикаго Трибьюн [8, p.5]. В летние месяцы хор давал концерты на открытых площадках. К примеру, он участвовал в фестивале в роще Огдена в 1870г. Вместе с тридцатью двумя другими немецкими музыкальными обществами они организовали концерт в поддержку немцев во франко-прусской войне.

При столь активной деятельности Немецкому мужскому хору требовалось собственное помещение. Был организован сбор денежных средств, и к 1888 году было собрано 100 000 долларов, а также заключен контракт с архитектурной фирмой. К тому времени GermaniaMännerchöre, фактически являвшийся клубом, насчитывал 600 членов.

Строительство клуба было закончено в 1889г. На торжественной церемонии открытия консул Германии в Чикаго назвал это здание «первым памятником общине американских немцев в Чикаго» [8, p.26]. С точки зрения архитектурных достоинств это было выдающееся сооружение. На современных фотографиях это четырехэтажное кирпичное здание выглядит очень скромно на фоне небоскребов из стекла и металла. Однако для своего времени это было произведение архитектуры. Путеводители по Чикаго рубежа XIX-XX вв. называли его одним из красивейших клубов города [7, p.236; 5, p.99; 9, p.582]. Интерьеры клуба поражали роскошью отделочных материалов и убранства даже в то время, когда богатый декор был архитектурной нормой.

В течение последующих 97 лет, с момента открытия в 1889 г. и до роспуска в 1986г., клуб был средоточием культурной жизни немецкой общины города. В 1902 г. он поменял свое название, отказавшись от имени GermaniaMännerchöre (Немецкий мужской хор) в пользу GermaniaClub (Немецкий клуб). Вполне возможно, что переименование связано с тем, что в клуб стали принимать женщин, а также в связи с тем, что деятельность была

переориентирована на семью. Газета Нью Йорк Таймс писала, что в Чикаго нет другого такого клуба, куда бы женщин принимали без всяких ограничений и где бы женщины пользовались такими большими привилегиями [10]. Ежегодно клуб устраивал богатые рождественские празднества для детей, а в 1891 г. рождественскую ёлку впервые украсила гирлянда электрических лампочек [8, p.17]. Немецкий клуб, как видим, мог позволить себе новейшие технические достижения, едва они успевали появиться.

Как упоминалось выше, Немецкий клуб был элитарным. Газета Нью Йорк Таймс в 1893г. писала, что практически все известные чикагцы немецкого происхождения являются его членами [12]. Современные историки уточняют: хотя в большинстве своем члены клуба, действительно, были немцами, он не был исключительно этническим по составу. В 1892г. примерно 20% членов были американцами английского происхождения [8, p.17]. Вне зависимости от этнической принадлежности, члены Немецкого клуба представляли собой элиту чикагского общества. В разное время сюда входили мэры, архитекторы, администраторы, крупные предприниматели.

Рубеж XIX-XX вв. был периодом расцвета культурной деятельности немецкой общины. Накануне и в годы Первой мировой войны демонстрировать свою немецкую идентичность мероприятиями ярко выраженного этнического характера считалось непатриотично. Хотя Чикаго не сильно затронула волна анти-германской истерии, все же немецкие общества свернули свою деятельность. Резко сократилась численность клубов и других этнических организаций немцев. GermaniaClub переименовался в Клуб Линкольна, хотя и ненадолго: в 1921г. он восстановил прежнее имя.

В послевоенный период лидеры немецкой общины города пытались возродить интерес соотечественников к историческому прошлому и культуре их родины. Но эти попытки оказались не очень успешны. Хотя чикагские немцы и продолжали участвовать в таких этнических праздниках как День Германии и Майский праздник, но уже без особого энтузиазма. Самым долговечным символом немецкой идентичности в городе оставался Немецкий клуб. Он прекратил свою деятельность только в 1986г. Если следовать ассимиляторской парадигме, то можно сказать, что немецкие иммигранты расплавились в американском плавильном тигле. Однако их вклад в культуру США трудно переоценить. Именно выходцы из Германии привезли в США традиции новогодней елки, хорового пения и симфонического оркестра [16, p.223]. Вместе с другими этническими иммигрантскими группами они стояли у истоков многонациональной американской культуры, обогатив ее лучшим, что было в культуре Германии.

Источники и литература

1. Богина Ш.А. Иммиграция в США накануне и в период Гражданской войны. М., 1965.

2. Шкаревский Д.Н. Немецкая иммиграция в США в конце XVIII-XIX вв. К вопросу о численности и причинах / Мультимедиа журнал. Проект Ахей URL: <http://mmj.ru/index.php?id=39&article=509&type=98>;
3. Шкаревский Д.Н. Немецкие общины в США и России во второй половине XVIII – начале XX вв. Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. историч. наук. М., 2006.
4. As Others See Chicago: Impressions of Visitors, 1673-1933/ compiled and edited by Bessie Louise Pierce. Chicago: Un-ty of Chicago Press, 2004.
5. Bird's eye views and guide to Chicago. Chicago: Rand, McNally & Co., 1893.
6. Encyclopedia of Chicago [<http://www.encyclopedia.chicagohistory.org/pages/512.html>, accessed on 22.01.2016].
7. Flinn, John J. Chicago, the Marvelous City of the West: A History, An Encyclopedia, and a Guide. Chicago: The Standard Guide Co., 1892.
8. Germania Club Building. Final Landmark Recommendation adopted by the Commission on Chicago Landmarks, August 5, 2010. City of Chicago.
9. Moses, J., Kirkland, J. History of Chicago. 2 Vols. Chicago & New York: Munsell & Co., 1895. Vol. 2.
10. New York Times. May 3, 1891.
11. New York Times. September 30, 1892.
12. New York Times. December 10, 1893.
13. Peck J. M. A New Guide for Emigrants to the West. Boston: Gould, Kendall & Lincoln, 1836 [<http://www.unz.org/Author/PeckJohnMason>, accessed on 22.01.2016].
14. Peck J. M. The Traveller's Directory for Illinois. NY: J.H. Colton, 1839 [<http://www.unz.org/Author/PeckJohnMason>, accessed on 22.01.2016]
15. Peck J. M. The Future of Chicago – In 1834. Ed. By D.C. McMurtrif. Chicago: Privately Printed, 1939. URL: [<http://www.unz.org/Author/PeckJohnMason>, accessed on 22.01.2016].
16. Tiersky, E. & M. The USA. Customs and Institutions. A survey of American culture and traditions. N.Y.: Regents Publishing Co., 1975.

«Город» Терекли: проект и реалии

*Ярлыкапов Ахмет Аминович
МГИМО МИД России
кандидат исторических наук
itbal@mail.ru*

Ставка Терекли-Мектеб, центр Караногайского приставства Кизлярского участка Терской области, долгое время была единственным оседлым поселением на все приставство. В начале 1931 г. был разработан план строительства в течение 15 лет на месте ставки города Терекли, было выделено 50 га земли под городское строительство. Однако вскоре началась череда передач района из одного региона в другой, и планы строительства городского посе-

ления на месте Терекли-Мектеба так и не были осуществлены. Между тем за прошедшие 85 лет Терекли-Мектеб действительно изменил свой статус – не официально, а фактически. Еще к 1970-1980-м годам жители Ногайской степи называли его «город», а его обитателей серьезно считали «городскими», что становилось в какой-то степени предметом зависти остальных «сельских». С конца 1980-х годов, в связи с ростом этнического возрождения ногайцев, Терекли-Мектеб становится своего рода политическим центром ногайского национального движения. Практически все съезды ногайцев проводятся в этом населенном пункте, здесь же базируется штаб-квартира ногайских общенациональных организаций: движения «Бирлик», позднее – Федеральной национально-культурной автономии. Кроме того, Терекли-Мектеб все более набирает вес как центр культурной жизни. Здесь базируется первый фольклорно-этнографический ансамбль «Айланай», получивший статус республиканского в Дагестане, а также Ногайский государственный оркестр народных инструментов и Ногайский государственный драматический театр. Здесь же издается дагестанская республиканская общественно-политическая газета на ногайском языке «Шоьл давысы» («Голос степи»).

Таким образом, несмотря на то, что планы начала 1930-х годов по строительству города Терекли, районный центр Терекли-Мектеб, так и не получив городской статус, по факту стал для ногайцев этим самым городом, центром их общественно-политической и культурной жизни.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРИФЕРИЙНОГО ГОРОДА В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

К теоретико-методологическим основаниям конкретно-исторического изучения российского города: содержание понятия «Город»

Бондарь Виталий Вячеславович

Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева

Кандидат исторических наук, советник Российской академии архитектуры и строительных наук, начальник отдела экспертно-консультативной

деятельности

bonvita@yandex.ru

В современную эпоху глобализации, затронувшей не только хозяйственно-экономическую сферу общественной жизни, но и интеллектуальную, выделение национальных или региональных особенностей какой-либо отрасли научного знания выглядит достаточно спорным. Применительно же к урбанистике, трактуемой довольно широко и нашедшей воплощение в архитектурно-градостроительном, историко-культурном, экономическом, географическом, экологическом и прочих аспектах, попытки территориальной конкретизации теории и методологии представляют собой подобие научного манифеста. Но именно такой путь – вычленение в рамках устоявшегося предметного пространства конкретного поля для ретроспективных исследований российских городов и процессов урбанизации, в полной мере отразивших особые черты российской локальной цивилизации - представляется наиболее продуктивным.

Если рассматривать историческую урбанистику как отрасль исторической науки, изучающую прошлое городов, то есть реконструирующую обстоятельства «биографий» городских территорий и населявших их сообществ, то можно с уверенностью констатировать достаточно давнюю историографическую традицию. Начиная с И.Е. Забелина, давшего «Историей Москвы» образец тотальной истории города, и до дня сегодняшнего написаны истории сотен российских городов и их территориальных групп, опубликованы результаты сотен исследований по различным аспектам городской истории. При этом, однако, как точно заметил полтора десятилетия назад Г.М. Лаппо, «в российском обществе ни сущность города, ни его роль должным образом не осознаны» [13, с. 54]. Это суждение, имеющее очевидно широкий смысл и выходящее за рамки городской истории, вполне соответствует современному положению дел в научном осмыслении обстоятельств возникновения и эволюции городских поселений страны, распространения городского образа жизни и связанной с ними трансформации системы расселения.

Обозначенное несоответствие порождено различием в понимании научной функции исторической урбанистики, обусловленной взглядом на объ-

ект исследований: «город» или же «город в контексте урбанизации». Очевидно, что историческая урбанистика как отрасль науки, имеющая широкое предметное поле, изучающая историю городов, как сложных территориально-социальных систем, в контексте истории регионов и всей страны, а процессы урбанизации – как универсальное явление исторического процесса, находится в России в состоянии становления и поиска своего места в системе социогуманитарного знания. Источниками же формирования отрасли выступают, наряду с научными плодами западной «урбан-истории», недолго существовавшего отечественного «городоведения» и отдельных конкретно-исторических исследований, достижения социологии, географии, культурологии и прочих смежных дисциплин.

Ключевая теоретико-методологическая проблема исторической урбанистики, обусловленная предметно-объектной и функциональной определенностью отрасли – формирование адекватного понятийно-терминологического аппарата. В идеале этот аппарат должен дать исследователям возможность оперировать универсальными с хронологической и географической точек зрения, конкретизированными для отрасли и одновременно не противоречащими общепринятому смысловому наполнению понятиями, включая базовые, поднимающиеся в рамках отрасли до уровня категорий. К базовым, на наш взгляд, стоит относить два понятия «город» и «урбанизация». А.С. Сенявский к категориям исторической урбанистики относит, помимо названных, понятие «урбанистический переход» [24, с. 35 - 37]. Не оспаривая важности этого понятия, заметим, что урбанизационный переход – явление, характерное лишь для конкретного этапа российской истории – стадии индустриальной модернизации, и представляющее собой, как справедливо указал сам А.С. Сенявский, «высшую стадию» урбанизационного процесса, характеризующуюся «помимо его универсальных признаков, дополнительными, новыми качественными признаками...» [24, с. 35].

Оговоримся, что мы не рассматриваем здесь трактовки сущности русского города с позиций общефилософских, социологических, культурологических и прочих, концентрируясь на определении этого феномена исключительно в интересах конкретных исследований, направленных на реконструкцию исторической действительности.

Проблема содержания понятия «город» в его исторической ретроспективе обозначилась достаточно давно и обусловлена, несомненно, разнообразием форм поселений городского типа и отражением этого разнообразия в общественном сознании, административной практике и демографической статистике, откуда, собственно и привнесена была в сферу науки.

Еще Екатерина II в «Наказе» 1767 года писала: «Есть города разного существа, более или менее важные по своему положению... Сколько ни есть разных положений городам, только в том они все вообще сходятся, что им всем нужно иметь одинакий закон, который бы определил: что есть город, кто в оном почитается жителем, и кто составляет общество того города, и кому пользоваться выгодами по свойству естественного положения того места, и

как сделаться городским жителем можно» [16, Ст. 386 - 393].

Однако несмотря на то, что начало «новому городскому устройству» было положено еще Петром Великим (реформы городского управления 1699 и 1720 - 1724 гг. резко «разграничили» городские и сельские поселения), ни в елизаветинское время, когда петровское законодательство о городах было частично трансформировано, ни в екатерининскую эпоху, когда «Грамотой на права и выгоды городам Российской империи» 1785 года был установлен сословный характер «градского общества» и введена выборная городская Дума, понятие «город» законодательно не было определено. Ничего в этом смысле не принесли и законодательные акты о городском устройстве (включая «Городовые положения» 1846, 1862, 1870 и 1892 годов) всех последовавших русских императоров. О трудностях в определении численности городов и городского населения именно по причине отсутствия критериев отнесения поселений к числу городов, писал в 1819 г. К.Ф. Герман, впервые в отечественной истории изучивший и систематизировавший данные демографической статистики в масштабах государства и предложивший сложный и почти не получивший распространения принцип разделения поселений на городские и негородские, основанный на классификации их «по хозяйственным видам», «видам управления» и по числу жителей [7, с. 229 – 231, 262].

Почти столетие спустя, в 1913 году, Центральный статический комитет, признавая, что в вопросе разделения населенных мест империи «ни официальная статистика, ни наука не установила таких оснований, которые можно было бы считать общепринятыми», разъяснял: «В России до настоящего времени под городами также разумеются такие поселения, которым, кроме наименования города, законом присвоено и особое административное устройство и управление» [27, с. 20-21]. В те же годы проблема определения города косвенно, в русле типологии поселений вообще, рассматривалась В.П. Семеновым-Тянь-Шанским, предложившим по результатам своих исследований определять город по двум признакам: «людности» населенного пункта и доле населения, занимающегося торгово-промышленной деятельностью, выводя некий коэффициент «бойкости... торгово-промышленного оборота на одного его (поселения - В.Б.) жителя» [23, С. 55-56, 74]. Очевидно, что оба определения были ориентированы на характеристику современного им города и по этой причине вряд ли могут считаться историографическими фактами применительно к нашей теме.

Историки же, судя по отсутствию специальных работ, на тот момент не были озабочены решением вопроса определения понятия «город» применительно к исторической ретроспективе: о мнении С.М. Соловьева, Н.Д. Чечулина, К.А. Неволлина и даже автора «Городовой теории» происхождения русского государства В.О. Ключевского и др. представителей «государственной школы», считавших городами лишь те поселения, что именовались таковыми в источниках, можно судить лишь опосредованно, по их обобщающим трудам [5, с. 6-7]. Лишь И.И. Дитятин обозначил свою позицию в рамках исследования по истории общественно-городского управления в России [9].

В известном труде Н.А. Рожкова «Город и деревня в Русской истории. Краткий очерк экономической истории России» [19], нашедшем воплощение с начала XX столетия в нескольких изданиях, автором было предложено считать полноценными городами исключительно торгово-промышленные поселения. Эта точка зрения, получившая развитие преимущественно в изучении раннефеодального этапа отечественной истории, в советское время была поддержана Б.Д. Грековым [8, с. 553 - 555], С.В. Бахрушиным [1, С.122] и др.

Основание третьей точки зрения на существование русского города как поселения, имеющего назначение военно-административного центра округа, либо торгово-промышленного пункта, либо сочетающего обе функции, ярко обозначил П.Н. Милюков: «Раньше, чем город стал нужен населению, он понадобился правительству. Это был военный оборонительный пункт. Городское население приходилось создавать насильно» [14, с. 241]. На этой же позиции стояли Ю.Р. Клокман, считавший существование городов, наделенных исключительно функцией военно-административных центров, показателем «незавершившегося... процесса отделения города от деревни» [11, с. 33], и В.В. Карлов [10, с. 81].

Не вдаваясь в доказательства уязвимости приведенных трактовок сущности русского (российского) города в плане хронологической и географической универсальности понятия, подробно обозначенных Я.Е. Водарским [5, С. 5 - 49], отметим наличие четвертого направления в стремлении найти идеальную формулировку сущности русского города в его исторической ретроспективе. Эту позицию, состоящую в признании городом торгово-промышленного поселения с обязательной городской сословной общиной, занимали, применительно к разным периодам отечественной истории, Н.И. Костомаров [12, с. 5], М.Н. Тихомиров [25, с. 44, 51, 435], А.М. Сахаров [22, с. 11, 23, 180], Л.В. Черепнин [26, с. 329-330], П.Г. Рындзюнский [20, с. 13]. Я.Е. Водарский и В.М. Кабузан конкретизировали приведенную точку зрения, обоснованно разделив понимание городской сословной общины 1775 – 1785 годами (то есть началом екатерининской административной реформы и изданием Жалованной грамоты российским городам): применительно к первому периоду к городам были отнесены поселения, являвшиеся торгово-промышленными центрами своих округов и имевшие посадскую общину, а для второго периода городами предлагалось считать поселения, которые также были торгово-промышленными центрами и имели официальный статус города [4, с. 141; 5, с. 8; 6, с. 308 - 314].

Приведенные мнения были обозначены их сторонниками в рамках конкретно-исторических исследований и ни в одном из случаев не были оформлены как законченное определение феномена русского города в историческом его смысле. Исключением из этого ряда является Я.Е. Водарский, резюмировавший свои изыскания по обозначенной проблеме таким образом: «[Российский] город был одновременно экономической и юридической категорией, а процесс горообразованием состоял в постепенном изменении экономической функции деревни, сопровождавшимся еще более замедленным

изменением ее (деревни) юридического статуса. Город становился городом в научном понимании этого термина после того, как это экономическое состояние получало юридическое оформление, т.е. после того, как его ремесленники и торговцы объединялись в наделенную правительством правами и обязанностями посадскую общину (до 1775 г.), а позднее получал от правительства статус города. Этот процесс в разные периоды имел различные особенности» [5, с. 9].

На наш взгляд, такая точка зрения, претендующая на всеохватность и во многом отвечающая потребностям выработки оптимального определения российского города в конкретно-историческом смысле, имеет, тем не менее, уязвимое место: не все города Российской империи конца XVIII – начала XX столетий, наделенные официальным статусом города (и даже городским гербом!), имели сословную городскую общину. К таковым относились, например, войсковые города, то есть находившиеся на землях казачьих, войск, где правом постоянного жительства и владения недвижимостью обладали лишь лица «войскового сословия», причем конкретного казачьего войска [2; 3, с. 54-55].

П.Г. Рындзюнский в монографии «Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века» сформулировал следующий принцип: «Имеется основания признать, что обособленное рассмотрение населенных пунктов, официально признававшихся городами, имеет свой смысл и значение. В этих поселениях существовали особые административные порядки, свойственные городам, а них обосновывались свои сословные корпорации, особая организация городской жизни, имелся специфический городской состав населения. При достаточно широком подходе к общественным явлениям и должном внимании не только к производственной деятельности людей, но и ко всем существенным сторонам их общественной жизни рассмотрение городов в том их составе, каким он был официально признан, получает свое оправдание и представляется единственно возможным» [21, с. 127] Если учесть, что официальная статистика, являющаяся одним из основных источников суждений о городском устройстве России, была напрямую связана с городом как официально конституцированной административно-территориальной единицей, то аргументация П.Г. Рындзюнского выглядит вполне убедительной.

Еще более универсальной представляется точка зрения М.Г. Рабиновича, полагавшего, что «отсутствие сколько-нибудь полных данных (в особенности для ранних периодов) не позволяет выработать в этом отношении точные критерии и приводит в ряде случаев к субъективным определениям... вопрос не в том, являлся ли или иной указанный источниками город «настоящим», а в том, что представляло собой городское поселение в данную эпоху в данной стране, почему современники считали его городом, каковы были его основные функции, особенности разделения труда, степень развития ремесел и торговли, соотношение основных и подсобных занятий, планировка и застройка, городское хозяйство, тип жилища и одежды его жителей, каков был

городской образ жизни» и предложившего определение: «Русские города были центрами развития ремесла и торговли, центрами военными и административными, центрами культурными и религиозными. Эти функции были в большей или меньшей степени свойственны всякому городу. Но не всякий город обязательно сочетал их все... И достаточно было одного из этих многообразных значений, чтобы поселение стало городом...» [18, с. 16-17, 20-21]. В отношении же критериев отнесения тех или иных поселений к городам исследователь высказался следующим образом: «самое старое мнение – городами являются те поселения, которыми признавали городами современники – не устарело и сейчас» [17, с. 24].

Точку зрения М.Г. Рабиновича поддержал и убедительно развил Б.Н. Миронов: «Идти на поводу у источников, точнее, у современников, – как будто ненадежный путь ввиду отсутствия твердых и постоянных критериев для разделения поселений на городские и сельские. Однако идти против источников и мнения современников еще более опасно: это чревато осовремениванием прошлого, тратой исследователем исторической перспективы. Было бы парадоксом, например, не считать в противоречие с источником жителей некоторых городов горожанами на том основании, что их город являлся преимущественно административным, а не торгово-промышленным центром... Может быть, целесообразно признать, что мы имеем дело с городом всякий раз, когда его жители полагали, что они обитали в городе? Ведь только таким образом мы можем понять, что представляло собой городское поселение в ту или иную эпоху, почему современники считали его городом, каковы были его основные функции, городское хозяйство, каков был городской образ жизни» [15, с. 15-16].

Б.Н. Миронов, обращая внимание на необходимость учета полифункционального характера русского позднефеодального города (то есть в хронологических рамках своего конкретного исследования), предлагает его определение как «поселения многофункционального назначения со значительным (по крайней мере в несколько сотен человек) населением (его торгово-промышленная часть составляет посадскую общину), которое живет в условиях специфического уклада общественной жизни, своей деятельностью организует во всех отношениях (в хозяйственном, политико-административном, культурном) тяготеющую к нему сельскую округу и объединяет ее в единый государственно-хозяйственный механизм». При этом, как отмечает автор, незавершенность определения, «основное содержание городского развития в XVIII – первой половине XIX в. Можно свести к концентрации экономической, политической и культурной власти в немногочисленных центрах и образованию из них иерархической системы городов» [15, с. 39].

Принимая во внимание факт хронологической ограниченности приведенной точки зрения, отметим ее полноту в отношении характеристик позднефеодального города и очевидные возможности для расширения смыслового наполнения определения с целью учета основных черт русского города до обозначенного периода и после него.

Попытку преодолеть трудности учета множества аспектов городской истории в России предпринял в своем труде «Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе» А.С. Сенявский, который предложил развернутое определение города без конкретизации его применительно к российской «почве» (несмотря на конкретно-историческую направленность его исследования): «Город – это исторически определенная форма социально-территориальной организации общества, а так же форма поселения, элемент территориально-поселенческой структуры, социально-экономическая сущность которого обусловлена природой существующих в обществе отношений... Как тип поселения, отличный от деревни, город основан на концентрации материального несельскохозяйственного и духовного производства» [24, с. 33]. Такая емкая формулировка в полной мере соотносится с потребностями определения феномена города в общем социогуманитарном смысле, но оставляет открытым вопрос о сущности российского города в его историческом смысле, поскольку не учитывает разнообразие изменявшихся во времени форм городской жизни в стране.

На сегодняшний день историография проблемы определения основных черт русского (российского) города, с целью выделения его из общей массы населенных мест, практически исчерпывается приведенными точками зрения и попытками дать определение феномена. С полной уверенностью можно констатировать как отсутствия единства во взглядах на решение проблемы, так и отсутствие какого-либо специализированного исследования по этой теме.

Отмечаем и тот факт, что в составе приведенных характеристик русского (российского) города отсутствует констатация очевидной, на наш взгляд специфики пространственной организации городского пространства (планировочная структура, композиция, плотность и характер застройки) по сравнению с прочими формами селитебных территорий.

Осознавая недостаточность изученности эмпирического материала для учета всего массива обстоятельств исторического бытования российских городов, начиная со времени их возникновения и заканчивая современностью, и не претендуя на смысловую всеохватность формулировки, предлагаем, исходя из достигнутого отечественной исторической наукой уровня научного осмысления феномена российского города, следующее его определение.

Городами в России следует считать поселения с преимущественно несельскохозяйственными занятиями населения, выполняющие функции административного и (или) хозяйственного центра тяготеющей к ним территории, являющиеся структурным звеном в системе расселения государства и соответствующие понятию «город» в сознании современников, отраженном в источниках, и имеющие специфический городской характер пространственной организации. Применительно к периоду до 1775 – 1785 гг. (начало екатерининской административной реформы и издание «Жалованной грамоты городам Российской империи») неотъемлемой чертой русского (российского) города было наличие посадской общины, к периоду с 1785 г. – 1870 г. (до издания в рамках проведения буржуазных реформ «Городового положения») - на-

личие многословной или, в отдельных случаях, монословной городской общины.

Подводя итог нашему небольшому исследованию сущности российского города в конкретно-историческом смысле, констатируем необходимость, в интересах становления исторической урбанистики России, усилий научного сообщества в выработке обобщающих определений таких понятий как «урбанизация», «горообразование», «урбогенез» и установления смысловых связей и пересечений между ними.

Источники и литература

1. Бахрушин С.В. Научные труды. В 4-х т. Т. 1. М., 1952.
2. Бондарь В.В. Войсковой город Екатеринодар. 1793 - 1867 гг.: Историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи. Краснодар, 2000.
3. Бондарь В.В. Феномен войсковых городов // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 4.
4. Водарский Я.Е., Кабузан В.М. Население городов России в XVI — начале XVIII вв. (К вопросу о методике изучения численности и состава) // Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI - XX вв.). Таллинн, 1979.
5. Водарский Я.Е. Проблемы сущности, времени и места основания русских городов // Его же. Исследования по истории русского города (факты, обобщения, аспекты). М., 2006.
6. Водарский Я.Е. Русский город в эпоху феодализма (к проблеме горообразования) // Феодализм в России: Сб. статей и воспоминаний, посвященных памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 1987.
7. Герман К. Статистические исследования относительно Российской империи. СПб., 1819. Ч. I. О народонаселении.
8. Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. М.-Л., 1946.
9. Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. Т. 1. СПб., 1875.
10. Карлов В.В. К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии // Русский город: Проблемы горообразования. Вып. 3. М., 1980.
11. Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М., 1967.
12. Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Т. XIX: Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1887.
13. Лаппо Г.М. Особенности российской урбанизации // Известия РАН. Сер. географ. 2000. № 5.
14. Милюков П.Н. Очерки по истории рус. Культуры. Ч.1. СПб., 1909.
15. Миронов Б.Н. Русский город в 1740 – 1860-е гг.: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.
16. ПСЗ (I). СПб., 1830. Т. XVIII. № 12949. Гл. XVII.

17. Рабинович М.Г. К определению понятия «город» (в целях этнографического изучения) // Советская этнография. 1983. № 3.
18. Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978.
19. Рожков Н.А. Город и деревня в Русской истории. Краткий очерк экономической истории России. СПб., 1902.
20. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.
21. Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века: (взаимоотношения города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983.
22. Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV – XV веков. М., 1959.
23. Семенов-Тянь-Шанский В. Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910.
24. Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003.
25. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956.
26. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV – XV веках. М., 1960.
27. Юбилейный сборник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. СПб., 1913.

Эволюция повседневности города Ставрополя в 1840-е – 1940-е годы: опыт сравнения

*Булыгина Тамара Александровна
Северо-Кавказский федеральный университет
доктор исторических наук, профессор
bul.tamara2011@yandex.ru*

Изучение городской повседневности не просто оживляет наши представления о прошлом конкретного города. По изменениям образа жизни этого города на протяжении длительного временного отрезка мы можем судить об изменениях в его статусе социокультурном и экономическом пространстве, выявить наиболее изменчивые и устойчивые черты городской жизни. Для этого обратимся к истории повседневности далекого от столиц, относительно молодого провинциального города Ставрополя.

Черты повседневности Ставрополя на протяжении 100 бурных лет: завершение военных действий по присоединению Кавказа к Российской империи, реформы 1860-х – 1870-х гг. и модернизация начала – первой трети XX в., 4 войны и 2 революции меняли повседневный облик Ставрополя и его жителей. Однако вплоть до 1960-х гг. в ней сохранялись некоторые черты, которые позволяют говорить о специфике ставропольской городской истории. Эволюция повседневности жителей Ставрополя выявляет некоторую специфику процесса исторической урбанизации города, который из крепости и заштатного по-

селения превратился во «врата Кавказа», один из центров северокавказского социокультурного пространства. Со второй половины XIX в. он стал столицей самой российской на Северном Кавказе губернии и постепенно втягивался в процессы модернизации. Этот же путь повторил Ставрополь и в первые 30 лет советской эпохи – от города окружного и даже районного значения до краевого центра одного из значительных аграрных регионов в СССР.

Повседневная история города материализует представления об урбанизационных процессах, происходивших в России в разные эпохи, и имели разную природу. Под урбанизацией мы понимаем жизнедеятельность человеческих обществ, которые не только более или менее сосредоточены в одном территориальном пространстве, но и выработали новые городские виды жизни [5, с.217]. Как известно, в связи с колонизацией присоединяемых земель строительство городов для оборонно-административных нужд в исторической литературе получило наименование «протоурбанизации». Она отличается тем, что городские поселения развиваются в рамках традиционного общества, почти не влияя на аграрный характер хозяйствования и на традиционные устои локального общества. Собственно урбанизация является составной частью перехода к индустриальному обществу и цивилизационным изменениям. Протоурбанизация как процесс связана не только с историческим развитием России в целом, но и со спецификой отдельных ее территорий в географическом, геополитическом, хозяйственном отношении, а также с особенностями колонизации новых земель и путях развития этих регионов.

Становление и развитие города Ставрополя связано с протоурбанизационным периодом, но по ряду обстоятельств его черты сохранились до середины XX в. и отразились в своеобразии повседневной жизни горожан. Деловая переписка гражданского губернатора Кавказской области с окружным начальником и городским полицейским управлением Ставрополя демонстрирует административный ресурс урбанизации будущего губернского города Ставрополя. Часто повторявшиеся сюжеты, однотипность распоряжений и обсуждений свидетельствуют о двух бедах городов российской провинции середины XIX в., которые сохранились и в современной России. Это неповоротливость и неэффективность бюрократического аппарата, особенно на местах, и отсутствие средств на благоустройство города. К примеру, проблема мощения одной улицы за 3 месяца 1839 г. обсуждалась 6 раз.

Подобные источники помогают также увидеть в реальном свете процесс осуществления политических решений Центральной власти в указах, грамотах, постановлениях. С другой стороны, они дают представление о механизме местного управления в определенную эпоху. В частности, нам становится ясным, что отсутствие денег в городской казне вынуждала местную власть заниматься созданием системы самоорганизации местного населения для изыскания средств на городское благоустройство. В переписке губернатора и окружных начальников освещен процесс организации подписки на сбор средств для покрытия одной улицы Ставрополя плетневым (из природных плит) камнем. В документах указаны не только личности сборщиков и

жертвователей, но и материальное положение конкретных жителей улицы в контексте их социального статуса и их менталитета [1, л.10].

Мы убеждаемся в том, что неразвитость правосознания была присуща большинству горожан, независимо от их социального происхождения. Указы местной власти игнорировались. Интересна реплика в одном из источников о том, что жители мощеной улицы – Николаевского проспекта мотивируют свое нежелание содержать в чистоте свой участок улицы, т.к. по ней ходят и ездят жители других улиц города. Попытка обойти официальные распоряжения была присуща и отдельным представителям местной власти. Так полиция старалась вызывать жандармскую команду только в случае крайней необходимости, а не согласно ее функциональным обязанностям, чтобы не платить лишних налогов. Распоряжение городской управы об отстреле бродячих собак специальными группами из двух арестантов местной тюрьмы во главе с конвоиром, которых в городе было множество из-за нерадивости и бедности их владельцев, постоянно нарушались самими стражами. Они чаще ловили в городских слободках свиней и домашнюю птицу, годную для пропитания [1, л.23].

Картинки обыденной жизни Ставрополя на рубеже 1930-х – 1940-х гг. не только интересны сами по себе, как эхо давно ушедшей эпохи. Они раскрывают особенности протоурбанизации на Юге России, когда социокультурное сельское пространство заполняло собой городской мир. Как покажет дальнейший анализ источников, эта сельская культура сохранялась как вполне самостоятельный слой ставропольской жизни наряду с административно-чиновничьим и интеллигентским и торговым слоями. Эти слои длительное время, вплоть до 1960-х гг., имели и автономную территорию. Только современная урбанизация, бурно развивавшаяся в городе с середины 1950-х гг., как свидетельствует история этого времени, завершила формирование городской культуры, поглощавшей элементы сельского образа жизни новых горожан – рабочих новых промышленных предприятий их окрестных сел.

В городском положении в первой половине XIX в. имелся запрет на гулянья с музыкой и хороводами, проводимых вблизи питейных заведений. Эти «гульбища» зачастую заканчивались кулачными боями и просто драками, нарушая общественный порядок. Однако, судя по частым упоминаниям этих сельских развлечений, они еще долго оставались непременной приметой городской жизни [1, л.21]. Грязные улицы, на которых высились кучи неубранного мусора, зловонные сточные каналы, собаки, отпущенные на ночь с привязи, которые угрожали здоровью прохожих [1, л.15], все это было чертами сельского уклада. Попытки местной власти регламентировать городской быт были неэффективными до тех пор, пока в следующем поколении горожан не сменилось отношение к бытованию в городе. Даже в официальных документах XIX в. горожане делились, за исключением дворянства и духовенства, на «городское» и «сельское» сословия. В 1874 г. в Ставрополе сельское сословие составляло 12,13%, что превышало долю военных. Этот процент превышали

только городские сословия, куда входили и купечество, и мещане – 38,63%. Дворян в это время в городе насчитывалось 25 человек [6, с. 46,156].

Перенесемся в начало советской эпохи Ставрополя. Прошло 80 лет, но в приказе городского совета летом 1922 г. говорится о тех же проблемах. Та же «чрезвычайная» загрязненность улиц, угрожавшая здоровью горожан во время осенних дождей, та же неисполнительность местных руководителей и жителей по очистке города, те же попытки задействовать общественность в виде «боевых троек», то же привлечение правоохранительных органов, в том числе губернской милиции во главе с его начальником И.Р. Апанасенко [2, л.2]. Изменилась только риторика власти, да более угрожающий характер приобрели приказы, хотя их бесконечные повторы свидетельствовали о неисполнении их всеми слоями населения и бессилии местной власти.

Сохранилась и даже усугубилась противоположность двух локусов в едином пространстве Ставрополя. Внутри общей городской локальной идентичности существовали вплоть до 1950-х гг. отношения горожан складывались в категориях «свой – чужой», т.к. сталкивались две идентичности – городская и сельская, разделенные дискурсами «центр» и «окраины». Эти отношения в условиях господства классового императива определялись не только неприятием, но и стремлением изменить свой социальный статус. Особенно ярко это проявилось в годы сплошной коллективизации и наступления на крестьянство. Определенная часть крестьянской молодежи города имела больше возможностей для изменения своего социального положения, чтоб влиться в ряды «гегемона», окончив ремесленное училище, либо пополнить ряды «красного» чиновничества, сделав карьеру в комсомоле или окончив вуз.

Представитель Ставропольского локального сообщества продолжал и в советское время находиться в сложной сетке идентичностей: «гражданин СССР», «кавказец», «горожанин». Вместе с тем, в зависимости от занятий и конкретного места проживания в связи с делением по оси «окраина – центр» ставрополец был встроен в сельскую или в городскую культуру.

Жители Окраинных районов Ставрополя в большей степени ощущало себя не горожанами, а сельскими жителями. Уже в 1941 г. в справке, удостоверяющей личность ученика ремесленного училища, о его родителях, коренных жителях Ставрополя, было сказано, как о крестьянах [6, с.442]. Когда граждане Приарморочного района Ставрополя в 1924 г. потребовали переизбрать уполномоченного городского совета, т.к. их не устраивало его трудолюбие, когда он сутками не уходил с собственного поля. Его состоятельность и зажиточность раздражали жителей окраинного района, т.к. он не вникал в их нужды ха своими заботами. Перед нами типичный середняк, тип крестьянина характерный для села, но в Ставрополе это было обычное явление [6, с.289].

Новая власть приняла такой порядок жизни города, но столкнулась с дополнительными трудностями при формировании городского бюджета. В 1923 г. в связи с новым порядком налоговых отчислений сельского и го-

родского населения городской совет, городские власти Ставрополя встали в тупик при определении порядка взимания подоходно-поимущественного налога с жителей ставропольских окраин. Признание их городским населением вело к двойному налоговому бремени. Помимо единого сельскохозяйственного налога на большую часть окраинного населения, занимавшегося сельским хозяйством, этим ставропольцам приходилось платить и городские платежи [6, с.172-173].

Изменения повседневной жизни горожан в 1920-е гг. в основном были связаны с политическим курсом советской власти. Так, была проведена муниципализация зданий, принадлежавших горожанам. Острая нехватка жилищного фонда и категоричность власти вели к тому, что в этом процессе местный коммунальный отдел не останавливался ни перед заслугами владельца, ни перед мнением общественности. Так, вдову Г.К. Пправе, известного общественного деятеля, городского нотариуса, основателя музея учебных пособий, преподавателя в местных учебных заведениях лишили права собственности на собственный дом. Не спасло даже обращение Комиссии по проведению похорон Пправе с просьбой о демунципализации его дома. Строение составляло 125 кв. саженей (266 кв. м), в котором находились и складские помещения, [4, л.84-84об.].

Однако в этот период местному руководству приходилось отступить перед напором традиции. Например, несмотря на введение Положения о признании недействительными церковных браков, Ставропольский губернский исполком в июне 1924 г. в силу местных обстоятельств, связанных с Гражданской войной на территории губернии, решил признать имеющими силу зарегистрированных браков за церковными браками, заключенными в Ставропольской губернии после 20 декабря 1917 г. до фактического открытия в губернии органов ЗАГСв Ставрополе до 15 марта 1920 г., а в сельских местностях до 1 июля этого же года. [3, с.21]

В 1930-е гг. удар по традиционным устоям жизни был беспощадным. Горожане, занятые сельским хозяйством, ощутили на себе всю тяжесть репрессий «ликвидации кулачества как класса». В конце мая 1929 г. Ставропольский горсовет выявил на городской территории 71 кулацкое хозяйство [6, с.182], а в 1930 г. за пределы Северо-Кавказского края были выселены еще 33 зажиточных семьи крестьян Ставрополя с полной конфискацией их имущества, которое было включено в неделимый капитал колхоза им. Сталина. [6, с.184-185]. В 1930-е гг. в городе были созданы три колхоза – имени Сталина, им. Кагановича и «Коллективный труд». В феврале 1930 г. под руководством местного городского совета было «коллективизировано» 86,8% городских крестьянских дворов [6, с.183].

Во второй половине 1950-х гг. под воздействием новой волны урбанизации сельская идентичность постепенно растворялась в городской культуре. Последний оставшийся в границах Ставрополя колхоз «Ставрополец» стал пригородным совхозом, снабжавшим город овощами и фруктами, а его правление и в ноябре 1959 г. «в связи с массовым жилищным и культурно-

бытовым строительством» было перенесено из центра в пригород [6, с.198-199,402].

Следует отметить, что переименование города Ставрополя в Ворошиловск не поколебало ставропольскую идентичность. Несмотря на то, что во всех официальных документах в течение пяти лет звучало новое название города, сами горожане, чем бы они ни занимались, помещенные в пространство СССР, расколотые коллективизацией и политическими репрессиями на «чистых» и «нечистых», продолжали себя считать жителями Ставрополя.

Из анализа приведенных источников следует, что изменения городской повседневности являются гораздо более медленным процессом, чем смена политических режимов, эволюция экономического строя. Горожанин живет в этой повседневности и не замечает, как постепенно меняется облик, ритм жизни, социокультурное пространство города, что незаметно меняет и саму городскую повседневность

Источники и литература

1. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 444. Оп.1. Д. 1139.
2. ГАСК. Ф. Р-163. Оп.1. Д.347.
3. ГАСК. Ф.Р-299. Оп.1. Д.38.
4. ГАСК. Ф.Р-299. Оп.1. Д.416.
5. Синявский А.С. «Урбанизационный переход» России в XX веке как составляющая модернизационного процесса: условия, реализация результаты/ Россия на рубеже XXI века. М.: Наука, 2000.
6. Ставрополь в документах и материалах (1777 – 2007). Ставрополь, 2007.

Сталинград в водно-транспортной системе Юга России в 1930-е годы

*Гоманенко Олеся Александровна
Волгоградский государственный университет
кандидат исторических наук, доцент
gomanenko.olesya@mail.ru*

В 1930-е гг. Сталинград являлся важным областным центром и крупным промышленно-транспортным узлом на Юге России. Волга связывала город с морями и большинством основных промышленных центров страны. Это позволяло эффективно использовать волжскую речную инфраструктуру. В свою очередь это определяло социально-экономическое развитие Сталинграда.

С активным развитием промышленности в годы первых пятилеток возросли капитальные вложения в хозяйство волжских районов. С 1933 г. речной флот стал перевозить продукцию новых индустриальных предприятий: Сталинградского тракторного завода, Горьковского автозавода им. Молотова и др.

Географическое положение и транспортные связи Сталинграда определяли значение города как крупного промышленного центра. Так, в 1932 г. валовая продукция промышленности Сталинграда возросла почти в 10 раз по сравнению с 1928 г. С развитием промышленности в три раза возросла численность населения города.

Сталинград являлся основным пунктом металлургической и металлообрабатывающей промышленности. Этому способствовали близость и удобство снабжения по Волге топливом из Донбасса и Баку, а также рудой и чугуном из Южно-рудного бассейна. Кроме того, дешевый водный путь использовался для транспортировки металлического лома, поступавшего со всего Поволжья.

Также Сталинград являлся оптимальным пунктом лесоперевозок между лесными массивами Волго-Камского бассейна, Европейского леса и Зауралья с одной стороны и лесодефицитными районами Кавказа, Украины – с другой. В Сталинграде происходила значительная перевалка леса с реки на железную дорогу.

Основной рост речных перевозок по территории Сталинграда и области в 1930-е гг. шел за счет нефти, рыбы, каменного угля (поступавшего из Донбасса до Сталинграда по железной дороге с перевалкой на воду) и соли (из Владимировки и Баскунчакского озера).

Перевалочные операции в Сталинграде были экономически эффективными. Перевозки донецкого угля в смешанном, железнодорожно-водном сообщении через Сталинград обеспечивали по отдельным промышленным центрам Волги высокую экономию. Себестоимость водных перевозок калия из Соликамска в район перевалки Сталинграда была более чем в два раза дешевле железнодорожных. На протяжении второй половины 1930-х гг. активно проводились меры по привлечению новых грузов, перевозимых по железной дороге параллельно Волге. Перевалочный район водного тяготения к Сталинграду являлся достаточно обширным. Так, район распространения грузов, следовавших с воды на железную дорогу, включал Восточную Украину, Донбасс, Северный Кавказ и часть Закавказья.

Обширный перевалочный район тяготения и высокий уровень промышленного развития в Сталинграде определяли значительный грузооборот его порта. Сталинградская транзитная пристань (Сталинградский порт) являлась главным и самым крупным пунктом, входившим в структуру Нижне-волжского речного пароходства.

Таким образом, в 1930-е гг. Сталинград являлся крупным водно-транспортным узлом на Юге страны. Эффективное транспортное использование волжской водной магистрали обуславливало социально-экономическое развитие города на Волге.

Спецконтингент в городах сталинской эпохи: проблемы историографии¹²

Иванов Александр Сергеевич

Сургутский институт нефти и газа (филиал) ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»

кандидат исторических наук, старший преподаватель

88d@bk.ru

Четверть века вопросы, связанные с изучением политических репрессий, изучаются историками профессионально, с привлечением широкого спектра рассекреченных архивных документов. Несмотря на это, к осмыслению темы, обозначенной в заголовке, исследователи приступили лишь в последние годы.

В данной статье мы попытаемся сформулировать основные проблемные и дискуссионные вопросы, обсуждаемые в исторических работах, а также выявить причины их возникновения, направления решения и развития историографии темы.

Основная масса работ, затрагивающих вопросы пребывания представителей различных групп спецконтингента в городах видит в них, в первую очередь, источник рабочей силы для «экономики принудительного труда», под таким углом зрения отряды и группы заключенных, спецпереселенцев, военнопленных и трудармейцев – «лишь» строители и рабочие различных предприятий, расположенных в городской черте (А.Б. Суслов, Ж.Ю. Гаевская, Д.В. Перевошиков, Н. В. Упадышев) [3; 11; 14; 15].

Фундаментальный вклад, заложивший основу для дальнейшей разработки истории спецконтингента сталинских времен внес А.Б. Суслов. В монографии пермского историка «Спецконтингент в Пермской области» анализируется дисклокация, правовой статус, снабжение, социально-бытовое устройство и трудоустройство различных категорий спецконтингента. В книге дана общая характеристика указанных проблем на региональном уровне. А.Б. Суслов рассматривает города через призму архивных документов, что превращает их из самобытных социокультурных объектов в территориально-производственный комплекс, за которым закреплен тот или иной спецконтингент (это характерно для авторов первой группы в целом). При подобном подходе, жизнь отдельных представителей режимного социума в городском пространстве рассматривается как «распределение и перераспределение» между городскими предприятиями Молотова (г. Перми) рабочей силы из числа спецконтингента, в следствии неспособности отдельных предприятий-акцепторов «создать даже минимальные условия для приема значительного количества трудармейцев» [14, с. 245]. И, в целом, местность, где размещался спецконтингент (поселок, деревня, город), не имеют особого значения, поскольку анализ проводится на уровне региональных производственных и ла-

---

¹²Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-31-01014

герных комплексов, которые использовали труд спецконтингента в сельской местности и в городах.

Следующая группа авторов рассматривает город, как место, подлежащее «зачистке» от различного рода «маргинальных элементов», в число которых входят, в первую очередь спецпереселенцы, ссыльные и другие «социально-чуждые элементы». Мейнстримом здесь выступают исследования паспортной системы и различных форм территориальной дискриминации в СССР, конечной целью которых являлось выдворение «маргиналов» из особо режимных местностей, в число которых входил ряд городских центров (Н. Муан, Ш. Фицпатрик, Д. Ширер, В. П. Попов, С.А. Красильников, М.Г. Нечаев) [6; 9; 10; 12; 16; 18].

Наиболее ярким выразителем подобного концептуального подхода выступает Шейла Фицпатрик. В ее классическом фундаментальном труде «EverydayStalinism. OrdinaryLifeinExtraordinaryTimes: SovietRussiainthe 1930's» город предстает местом, откуда необходимо «изгнать при проведении паспортизации» бежавших из ссылки «кулаков», административно высланных и прочих «социально-чуждых элементов», которые скапливались на его промышленных окраинах. Не секрет, что Ш. Фицпатрик является одной из ведущих последователей ревизионизма, поэтому на страницах книги мы видим социальную историю эпохи сталинизма в виде множества переплетенных кейсов. Анализ конкретных случаев позволяет автору увидеть в Магнитогорске не столько город, сколько место, где на ссыльных ставилось «новое клеймо» - спецпереселенец/трудпоселенец. В свою очередь, «заклейменные» системой, не смирились со своим положением: бежали из ссылки в город, стремились избежать расставленных властью в городском пространстве «ловушек» (скрывая свое социальное происхождение, конструируя, посредством официальной биографии, «новое социальное лицо», разводились и сознательно разделяли семьи и т. д.), чтобы остаться вне системы спецпоселений и сохранить хотя бы остатки своего имущества. Представители «правового» городского населения (друзья, соседи, коллеги по работе), по настоятельным требованиям властей, должны были порвать с сосланными все отношения. На локальном уровне практика ходатайств и покровительства, в одних случаях, приходила на помощь представителям спецконтингента, позволяя обойти закон и остаться в городе, в то время, как в других, позиция местных властей (произвол) становилась причиной выселения [16, с. 150, 152, 154, 159, 162-163].

Автор отмечает, что свободным жителям мест, куда отправляли ссыльных, «рекомендовали держаться от них подальше» [16, с. 148, 152, 154, 159]. Таким образом, подразумевается, что спецпоселения и спецкомендатуры могли быть только вне городов, а спецпереселенцы, высланные, а также другие представители спецконтингента могли появиться и проживать в городах только нелегально.

Наименее разработанным направлением историографической мысли выступает совокупность работ авторов, рассматривающих город, как жизнен-

ное пространство различных категорий спецконтингента. Здесь особо выделяются монографии и статьи о городах, создателями которых были заключенные (Воркута – А. Баренберг) и спецпереселенцы (Магнитогорск – С. Коткин, Н.Н. Макарова, Н.Н. Кучер) [7; 8; 19; 20].

Особо выделяются здесь работы С.С. Букина, который изучал процесс адаптации военнопленных в Новосибирске. В отличие от других работ данной группы, исследования С.С. Букина проводились на материалах города, который к моменту прибытия военнопленных уже являлся крупным индустриальным центром [1]. Автор раскрывает дислокацию лагерного комплекса в городском пространстве [2, с. 91]. Основное внимание новосибирский исследователь уделяет вопросам труда немецких военнопленных на предприятиях г. Новосибирска и их производственной социализации (выработке производственных норм на заводах, регламентации и практикам трудовой деятельности и др.) [2, с. 81-88]. Отмечается их вклад в благоустройство города (строительство дорог, водопровода и др.) [2, с. 85].

Обстоятельно подходу к проблеме взаимодействия военнопленных и «правового» населения, автор не ограничивается указанием на стремление органов НКВД «...максимально ограничить контакты военнопленных с русскими рабочими на предприятиях и стройках», а фиксирует признаки ослабления режима содержания, а также неразрывную связь этого процесса с расширением сферы трудовой деятельности и неформальных контактов с сибиряками [2, с. 92]. Именно появлением связей в среде «правовых» горожан объясняется изменение мотивации к побегу из лагеря, т. к. «...беглецы руководствовались не серьезным намерением вырваться на свободу, а желанием «насладиться ею», т.е. приятно провести время используя установившиеся контакты с новосибирцами» [2, с. 96]. Пристальное внимание С.С. Букин уделяет вопросам захоронения умерших в плену и мемориализации городских мест захоронения [2, с. 112].

Вместе с тем, при работе с широким спектром источников, сохранившихся со времен существования «архипелага ГУПВИ», историк столкнулся с рядом проблем, типичных для работ третьей группы. В частности, упоминается о мобилизации медработников из среды немцев-спецпереселенцев для лечения военнопленных, однако эта тематическая линия не получила, к сожалению, надлежащего развития, как и тема контактов между различными категориями спецконтингентов в условиях городского пространства [2, с. 104]. Слабо изученными остаются методы, содержание и различные формы дискриминации применительно к индустриальным центрам. Практики приспособления спецконтингента к реалиям городского пространства описываются, в основном, на отдельных, разрозненных примерах («косвенных свидетельствах»), что не дает целостного представления о специфике положения «режимных людей» в условиях городской среды [2, с. 94].

В ряду новейших исторических работ особняком стоит новаторское, во многих смыслах, исследование В.М. Кирилова и С.Л. Разникова, в котором, на примере Нижнего Тагила, фиксируется феномен трансформации режимной

лагерной среды в режимную среду спецпоселения, в условиях послевоенного городского пространства. Авторами было указано на тот факт, что быстрой организации спецпоселков и закреплению за ними трудармейцев-немцев способствовали два фактора: 1) компактность расселения немцев в условиях трудовой мобилизации; 2) передача лагерных участков, где размещались трудармейцы, объединенные в стройотряды, под административный надзор органов МВД, т.е. в систему спецпоселений [5, с. 109].

Анализ большого комплекса ведомственных документов (УМВД, ГУЛАГа, отдельных лагерей) позволил выявить две важные тенденции: во-первых, в 1946-1947 гг. квалифицированные инженеры и техники, из числа спецпереселенцев-немцев, получили более широкие возможности для работы по специальности, в том числе на руководящих должностях; во-вторых, для специалистов гуманитарного профиля появилась возможность трудоустройства по специальности в других организациях, в том числе за пределами Свердловской области [5, с. 113-114].

Нужно отметить, что подобное заключение в значительной степени противоречит утвердившемуся в историографии представлению о том, что в послевоенный период возможности для трудоустройства немцев-спецпереселенцев существенно сократились (Шадт А.А.) [17, с. 371]. Подобные разночтения безусловно свидетельствуют о недостаточной изученности не только процесса трансформации режимного пространства и взаимодействия различных видов режимности и режимов, но и проблем трудовых отношений и образовательной среды в условиях административного надзора и городской среды.

При подробном знакомстве с научными работами становится очевидным ряд исследовательских проблем, характерных для заявленной темы. Во-первых, в большинстве работ представители спецконтингента предстают перед нами не как городские жители, а как временные рабочие, быт и повседневные заботы которых тонут в производственной рутине, уступая место жертвенному подвигу репрессированных; Во-вторых, содержание значительной части основанных на архивных данных статей, показывает, что во многих документах не различаются отдельные категории «невольных горожан», выступающие под общим наименованием «спецконтингент», что чрезвычайно затрудняет исследование проблематики на микроуровне; В-третьих, изучением положения спецконтингента в городах, в большинстве случаев, занимаются не специалисты-городаеды, а исследователи истории политических репрессий и принудительного труда в СССР. Это приводит к тому, что город воспринимается значительной частью авторов не столько как социокультурный и административно-политический центр, а как обычный территориально-производственный комплекс, к которому механически прикреплены спецконтингенты.

Относительно перспектив изучения положения различных категорий спецконтингента, нужно отметить наличие значительных перспектив данной тематики. Углубление исследований может привести к появлению публика-

ций о городе, как месте спецпоселения, месте жизни, деятельности и взаимодействия различных категорий спецконтингента (военнопленных, спецпереселенцев, трудармейцев и т. д), взаимопроникновении (формальном и неформальном) городской и режимной сред.

На повестке дня стоит выработка концептуально-методологических оснований для конкретно-исторических исследований и адаптации существующих теоретических подходов к заявленной проблематике. Например, «на вооружение» могут быть приняты и утилитарно использованы концепции «квазиурбанизации» и «ведомственной урбанизации» [4; 13, с. 66]. Полагаем также, что в отношении истории пребывания спецконтингента в городской среде уместным является указание на существование феномена «режимной урбанизации» (термин автора).

Источники и литература

1. Букин С.С. Военнопленные в Новосибирске. Исторический очерк и документальная коллекция. Новосибирск, 2005.

2. Букин С.С. Немецкие военнопленные в столице Сибири: адаптация к реалиям трудовой и повседневной жизни // Формирование и адаптация населения в районах индустриального освоения Сибири. Вып. 2. Новосибирск, 2007. С. 81-114.

3. Гаевская Ж. Ю. Роль спецконтингента в восстановлении предприятий военно-промышленного комплекса Сталинграда в 1942-1953 гг. По материалам государственных архивов Российской Федерации // Вестник Архивиста. 2015. № 1. С. 46-63.

4. Исупов В.А. «Квазиурбанизация» в сталинской стратегии модернизации Сибири: конец 1920-х – конец 1930-х гг. // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации. Мат-лы межрегион. науч. конф. Новосибирск, 2013. С. 238-245.

5. Кириллов В.М., Разников С.Л. Спецпоселение советских немцев в Свердловской области: территориальное распределение, правовое положение и взаимоотношения с властью (1946-1956 гг.) // GEDENKBUCH: «Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага. 1941-1946». Т. 1. М., Нижний Тагил, 2008. С. 107-126.

6. Красильников С.А. Спецпереселенцы // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Новосибирск, 2007. С. 287–373.

7. Кучер Н.Н. Создание символа индустриализации СССР. Об общем и особенном магнитогорского инвестиционного проекта 1930-х годов // Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации: Сборник материалов международной научной конференции. Магнитогорск, 10-11 декабря 2010 г. Магнитогорск, 2010. С. 97-117.

8. Макарова Н.Н. «Первый в СССР чисто советский город...»: Магнитогорск в условиях реализации идеи нового социалистического города (1929–

1935) // Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации: Сборник материалов международной научной конференции. Магнитогорск, 10-11 декабря 2010 г. Магнитогорск, 2010. С. 97-117.

9. Муан Н. Внутрисоюзные границы гражданственности: территориальное выражение дискриминации в Советском Союзе через паспортную систему // Режимные люди в СССР. М., 2009. С. 257-276.

10. Нечаев Н.Г. Политические репрессии в Пермской (Молотовской) области накануне и в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 22 (351). История. Вып. 61. С. 77-90.

11. Перевошиков Д.В. Строительная и производственная деятельность иностранных военнопленных в Ижевске в 1945-1948 гг. // Вестник Пермского университета. 2016. № 1 (32). С. 134-140.

12. Попов В.П. Паспортная система в СССР (1932-1976 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 3-13.

13. Стась И. Н. Урбанизация как хозяйство: ведомственные города нефтедобывающих районов Западной Сибири (1960 - 1980 гг.) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 1. С. 64-71.

14. Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929-1953 гг.). М., 2010.

15. Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, функционирование, распад. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Архангельск, 2009.

16. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008.

17. Шадт А. А. Этническая ссылка советских немцев // Маргиналы в советском социуме. 1930-е – середина 1950-х гг. Новосибирск, 2010. С. 355-416.

18. Ширер Д. Р. Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе, 1924-1953 гг. М., 2014.

19. Varenberg A. Gulag Town, Company Town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta. 2014.

20. Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995.

Влияние институциональных и технологических изменений на формирование прекариата¹³

Маскаев Артём Ильич
Южный федеральный университет
аспирант
mairus93@gmail.com

Социальными потрясения и революции в первой половине XX века продемонстрировали необходимость устранения чрезмерного неравенства доходов и изменения трудового законодательства для обеспечения социальных гарантий. Сформировались институты снижающие социальную напряженность и обеспечивающие стабильную занятость.

Технические достижения оказывают заранее непредсказуемое влияние на ресурсы, находящиеся в коллективном пользовании, создают и разрушают трудовые иерархии, меняют условия труда, создают угрозу для ренты, обеспечиваемой существующими технологиями, оборудованием, навыками. Поток технологических инноваций не только интегрирует уже существующие источники труда и капитала, но и создает новые [4]. Современные машины, роботы заменяют различные виды человеческого труда, причем гораздо интенсивнее, чем когда-либо ранее. Повышения уровня автоматизации производства не только способствует увеличению выработки, но и поднимает острые социальные проблемы: высвобождение занятых в промышленности и как следствие сокращение платежеспособности населения.

Вытеснение труда капиталом, через автоматизацию и как следствие сокращение рабочих мест ведет к обнищанию значительной доли населения. Так в США, численность занятых в промышленности за период с 2004 по 2014 сократилась на 2121 тыс. человек, при этом к 2024 году прогнозируется сокращение еще на 814 тыс. человек [9].

Производство становится всё более капиталоемким, доходы, полученные владельцами капитала как группой, необязательно продолжают расти относительно доли труда. Если новые средства производства создают дешевую замену всё большему количеству видов работ, драматические времена наступают для десятков и сотен миллионов наёмных работников во всем глобальном мире.

Прекариатизация труда означает усиливающуюся трансформацию из гарантированной, постоянной занятости к менее оплачиваемой и менее защищенной работе. В исторической и глобальной перспективе, нестандартная занятость не является исключением. Идея, обобщенная под название гарантированные условия труда, была не долгоживущим мифом о «государстве всеобщего благосостояния». В глобальном «Юге» (по аналогии с промышленным Севером и отсталым Югом), в Восточной Европе, а также для большинства женщин и мигрантов на севере – в целом для подавляющего большинст-

---

¹³Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10306.

ва населения Земли – незащищённые условия труда являются нормой. Прекаритизация, кроме того, описывает кризис существующих институтов, которые представлялись в тех коротких временных рамках как несомненными. Это аналитический термин для обозначения процесса, намекающий на новое качество общественного труда. Труд и общественная жизнь, производство и воспроизводство больше (впредь) не могут быть разделены, и это ведет к более полному определению прекаритизации: неопределенность всех обстоятельств материальных и нематериальных условий жизни трудящихся в условиях современного капитализма. Например, уровень заработной платы и условий труда связан с распределением задач, которые определяются половыми и этническими ролями; статус пребывания (гражданство) определяет доступ к рынку труда или медицинскому страхованию [10, с. 2].

Прекариат - это такая социоэкономическая группа, состоящая из людей, пользующихся минимальными доверительными связями с капиталом или государством, отличающаяся гибкой занятостью, нестабильностью доходов и отсутствием гарантий социальной защищенности [5].

Э.П. Томпсон, применительно к рабочему классу, говорил о созидании, а не о спонтанном возникновении класса: формирование класса есть процесс, который активно осуществляется акторами [8, с. 401]. С этой точки зрения выделение прекариата в отдельный класс затруднено по причине его разнородности – трудно представить, что преследующие настолько разнонаправленные экономические интересы группы людей способны сформировать единую структуру.

Цифровые технологии, особенно посредством социальных сетей формируют новые, зачастую завышенные притязания и желания, переходящие в потребность. Так популярная сеть инстаграмм оказывает большее влияние на самоидентификацию молодежи. Увеличивающийся разрыв между притязаниями и возможностью их удовлетворения вынуждает молодых людей братья за любую работу, переходить к чрезмерной мобильности в ущерб развитию профессиональных навыков. Появляются новые инструменты, способствующие прекаритизации, так стажировки выступают в качестве средства эксплуатации, когда работодатели нарушают условия договоров временного найма, превращая неполный рабочий день в полный, заставляя расширять круг обязанностей, не увеличивая заработную плату.

Снижение издержек за счет прекариатизации общества вряд ли приведет к прорывам в экономической эффективности, но несет в себе угрозу разрушения социального порядка, основанного на рыночных, демократических ценностях. В противном случае массы «новых» луддитов могут направить свой разрушительный потенциал не только против физических, но и социальных технологий. И здесь основными проблемами являются понимание закономерностей эволюции и конструирование социальных технологий и институтов, способствующих снижению напряженности на рынках труда и препятствующих прекариатизации общества [2, с. 168].

Рост численности прекариата происходит из-за неверного понимания роли институциональной среды в формировании условий (в том числе стимулов) для развития конкуренции и, более того – непонимания роли конкуренции в современных социальных порядках. Роль важной причинно-следственной переменной здесь играет набор правил, определяющих наше взаимодействие друг с другом и ресурсами, имеющимися в распоряжении. Эти правила должны обеспечивать способность реализовать преимущества от специализации и обмена, а также воспользоваться благами инноваций. Конкуренция – это прежде всего спонтанный процесс создания нового знания [6, с. 8]. Открытие нового знания в сфере экономики осуществляется предпринимателями-инноваторами. Но сложность современного мира и современных рынков предполагает формирование множества институтов, которые позволяют рыночным механизмам (в том числе и на рынке труда) приводить общества к экономическому росту и процветанию.

В частности, потому, что мигранты испытывают все вышеперечисленные формы давления и прекаризации современной занятости, в частности поэтому мобильность является их ответом на прекариатизацию, направленная против границ и идентичности, они проявляются в субъективных условиях всех характеристик, которые формируют современную систему труда. В их субъективной позиции общая основа существования общественного труда находит своеобразное выражение. Говорить о трудовой миграции означает говорить об общих тенденциях труда к мобильности, к разнообразию, к глубоким изменениям, которые уже влияют, хотя и с разной степенью интенсивности, на всех работников.

Проблему изменения институтов и технологий можно рассмотреть еще в одном важном ракурсе: в контексте сопротивления акторов внедрению новых технологий, которые трактуются как непосредственная угроза занятости и привычному образу жизни. История дает нам пример непрерывного взаимодействия двух сил: динамической силы технологий, которая способствует изменениям, и статической силы официальных статусов и традиций, которая препятствуют изменениям [1, с. 6-18].

Ответом на рост сложности глобального общества, когда слабеют традиционные социальные, экономические, политические, идеологические отношения и институты, когда возрастает стратегическая неопределенность и возникают все новые признаки надвигающегося онтологического хаоса, важным проявлением глобального системного кризиса становится рост радикализма в мире. Лица из числа прекариата наиболее подвержены подобным тенденциям. Радикализм, экстремизм, терроризм — это не результат некоей экзотической патологии каких-то личностей или даже изолированных групп людей, а объективная реакция на систему обостряющихся глобальных и региональных кризисных трендов.

Увеличение численности прекариата ведет к разрушению профессиональной идентичности, что затрудняет передачу неявного знания. Знание, в отличие от информации, неотделимо от носителя. Неявное знание не верба-

лизируемо, это знание, которое не может быть легко передано другим в отрыве от практической деятельности. Постоянная смена рабочих мест не дает актору времени и возможности для его интернализации. Еще одним барьером на пути восприятия нового знания и технологий является низкий уровень мотивации у отправителя или получателя, формируемый институциональной средой [2].

Растущий уровень прекаритизации в будущем представляет острую проблему и одновременно носит виртуальный характер, в виду отсутствия возможности повлиять на него. Прекаритизация включает очень сложные и постоянно видоизменяющиеся процессы, которые не могут быть легко сведены к общему знаменателю. Ожидания от будущего развития технологий и рынка труда влияют на прекаритизацию. Из-за этого эффекта, результаты прекаритизации часто непредвиденны, хотя и не случайны. Изменяющаяся природа прекаритизации дает бесконечные возможности для интерпретации, что также дает преимущество [7, с. 2]. Неудивительно, что концепции и определения прекаритизации и прекариата могут быть определены и записаны множеством способов, которые не всегда соотносятся друг с другом. Следует признать, что прекариат - это действительно оспариваемая концепция на стадии развития, которая постоянно претерпевает изменения значения.

Источники и литература

1. Вольчик В.В., Маскаев А.И. Неявное знание, научные исследования и экономическое развитие // *Journal of Economic Regulation* (Вопросы регулирования экономики), т. 7, № 1.
2. Вольчик В. Посухова О. Прекариат и профессиональная идентичность в контексте институциональных изменений // *TERRA ECONOMICUS*, 2016. Т. 14 № 2, С. 159-173.
3. Клеман, К. (2007), «Флексибельность по-российски»: очерк о новых формах труда и подчинения в сфере услуг // *Социологический журнал*, №4, с. 74-96.
4. Мокир Д. Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс. М.: Издательство Института Гайдара, 2014.
5. Стэндинг, Г., Прекариат: новый опасный класс, М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
6. Хайек Ф. (1989). Конкуренция как процедура открытия // *Мировая экономика и международные отношения*, № 12, с. 6–14.
7. Della Porta, D. Hänninen, S. Siisiäinen, M. and Silvasti, T., *The New Social Division: Making and Unmaking Precariousness*, UK: Palgrave Macmillan, 2015, pp. 1–23.
8. Thompson E.P. *The Making of the English Working Class*. London, 1963.
9. U.S. Bureau of Labor Statistics. *Industry employment and output projections to 2024*, 2015.
10. Vosko, L. «Managing the margins: Gender, citizenship, and the international regulation of precarious employment», OUP Oxford. 2009.

Города Новгород-Северского удельного княжества в первой четверти XVI в.

*Мининкова Людмила Владимировна
Южный федеральный университет
доктор исторических наук, профессор
lydmila_mininkova@mail.ru*

Новгород-Северское княжество, городские центры которого располагались по Десне и Сейму, было одним из феодальных уделов, выделившихся в свое время из состава большого Черниговского княжества. Оно было известно уже в конце XII в., когда в 1185 г. князь Игорь Святославич выходил из Новгород-Северского в поход на половцев в сторону Северского Донца. Среди удельных княжеств оно было одним тех, которые существовали наиболее длительное время.

Это явилось отражением его пограничного положения между землями, которые занимали во второй половине XV в. два соседних великих княжества – Литовское и Московское. Когда закончилась феодальная война второй четверти этого столетия и погиб в 1453 г. главный противник великого князя московского Василия Темного, Дмитрий Юрьевич Шемяка, сын его, князь Иван Дмитриевич Шемякин, отъехал с территории Московского великого княжества в Литву. Там он, по словам С.М.Соловьева, нашел «почетный прием и кормление» [11, с. 406]. От великого князя литовского Казимира Ягеллона он получил, как отмечал Н.М.Карамзин, «в наследственное владение» города Новгород Северский и Рыльск [6, т. 6, стб. 183]. Так же, как указывал А.А.Зимин, вместе с Рыльском давался еще, возможно, и Путивль. Этот город располагался на реке Сейм несколько ниже Рыльска [4, с.162].

Последние сведения о князе Иване Дмитриевиче Шемячиче относятся к 1463 г. [1, с. 133] Согласно гипотезе А.Г.Боброва, в том году он будто бы постригся в монахи. Его монашеское имя – Ефросин Белозерский, известный писатель. Эту точку зрения следует рассматривать в качестве гипотезы. Кроме того, Бобров высказывает и обосновывает еще одну гипотезу, согласно которой Ефросин как создатель одной из редакций «Задонщины» использовал рукопись «Слова о полку Игореве», а особый интерес его к этой рукописи исследователь объяснял прошлым Ефросина как новгород-северского князя [1, с. 167].

После пострижения или смерти князя Ивана Дмитриевича Новгород-Северское владение отходит к его сыну, Василию Ивановичу Шемячичу. На первых порах, в то время, как на территории Южной и Юго-Западной Руси происходила междоусобица в Литве, а украинские и белорусские православные магнаты поддерживали князя Свидригайла, положение этих князей было достаточно прочным. Но когда в 1470 г. литовские власти установили более прямое правление в Киевском княжестве, прислав воеводой в Киев католика Мартына Гаштовта [3, с. 152], положение православных в великом княжестве Литовском ухудшилось. Все это продолжалось и при сыне Казимира, великом князе Александре, вступившим на великокняжеский престол в 1492 г. В 1495 г.

князь Александр взял в жены дочь великого князя московского Ивана III Елену. При этом в специальном договоре оговаривалось, что она сохраняет православную веру. Однако даже наличие у великого князя литовского православной супруги не предотвращало противостояния между православными и католиками. В таких условиях два православных владетеля, Василий Иванович Шемячич и князь в соседнем с Новгород-Северским Стародубе Семен Иванович, в 1500 г. отъехали на службу к Ивану III. Они при этом сохранили свои уделы, которые имели в великом княжестве Литовском.

Все три города, которые относятся к Новгород-Северскому княжеству времени князя Василия Ивановича Шемячича, упомянуты в «Списке русских городов», опубликованном М.Н.Тихомировым, под заголовком «А се Киевские гроды». Это, среди других – «Новгород Северьский», «Путивль на Семи» и «Рылеск» [12 с. 223]. Согласно Тихомирову, список возник между 1387 и 1406 гг., а, вероятно, не позднее 1392 г. Как отмечал Тихомиров, список правильно отражал политическое деление русских земель того времени [12, с. 218]. В отношении Новгород Северского, Путивля и Рыльска это справедливо, поскольку они входили в состав Киевского княжества и составляли восточную его часть, примыкавшую к степи. Впрочем, А.А.Зимин не называл Путивль в числе городов, входивших в удел Шемячича, и называл его городами только Новгород Северский и Рыльск [5, с. 64]. Однако, как указывал Н.М.Карамзин, Василий III оказывал Шемячичу за его боевые заслуги «милость и дал город Путивль» [6, т. 7, стб.74].

Обладание этими городами делало Василия Шемячича крупным владетелем, от которого в определенной степени зависела оборона восточного рубежа великого княжества Литовского, а после отъезда его на службу другому сюзерену, великому князю московскому Ивану III, западных и юго-западных русских рубежей. Известно, что могущество всякого феодального сеньора определялось прежде всего числом зависимых от него людей, его подданных. В полной мере относилось это и к новгород-северскому князю Василию Шемячичу. Три города со своей воинской силой давали ему такое количество подданных, чтобы современники признавали его силу и могущество. Не случайно поэтому такой осведомленный современник, знавший и многие реальные факты русской жизни, и немало слухов, как посол империи барон Сигизмунд Герберштейн, уделил Шемячичу определенное внимание. Показателем признания его могущества Герберштейном было то, что он назвал его герцогом [2, с. 149]. Тем самым он подчеркнул его очень высокий статус, соответствующий в империи герцогскому титулу. В другой части своего сочинения Герберштейн, говоря о Шемячиче, писал, что он – «человек храбрый на войне и гроза татар», а также то, что он имел «сильное желание властвовать» [2, с. 319]. Представитель несколько более позднего поколения русской знати, князь Андрей Курбский, в своей «Истории о великом князе московском» также характеризовал Шемячича как «мужа славного и зело храброго и искусного в богатырских вещах, и поистине реши, пагубу бусурманов». Он подчеркивал заслугу Шемячича в том, что он «не токмо отчину сво Северу от часто-

го нахождения безбожных измаилтян оборонял, поражаючи их многожды зело часто, но и на дикое поле под самую орду Перекопскую ходящее многожды и тамо пресветлые одоления над ординскими цари поставляючи» [8, с. 372]. В этом отношении князь Курбский был прав. Города, входившие в состав удела Шемячича, особенно расположенные по Сейму Путивль и Рыльск находились вблизи одного из шляхов, по которому крымская орда совершала походы за русским полоном – Бакаева шляха, который выводил нападавших на другую дорогу, параллельную главному пути таких нападений – Муравскому шляху, проходившему восточнее [9, с. 62-63]. Как отмечал С.Ф.Платонов, во второй половине XVI в., уже значительно позже гибели в московских застенках Шемячича, города Путивль и Рыльск, «расположенные на Сейме и обращенные к полю», обычно «высылали сторожи против татар». Несколько иное стратегическое значение имел главный город удельного княжества, Новгород Северский. Этот город, а также другие города, располагавшиеся по Десне – Брянск, Трубчевск, Чернигов и Моравск, «имели значение крепостей, обращенных на Литву» [9, с. 66]. Усилению системы обороны города способствовало строительство в Новгороде Северском еще в начале XIII в. собора Спасского монастыря, который был, по мнению П.А.Раппопорта, возведен перебравшейся из Киева в Северскую землю строительной артелью. Собор имел сходство с церковными сооружениями распространенными в Греции на Афоне, что объяснялось волей заказчика, князя или епископа [10, с. 116]. Как подчеркивал М.Н.Тихомиров, Новгород Северский в XVI в. был второй по оборонительному значению крепостью в Северной земле [12, с. 413].

Еще более значимым оборонительным центром в XVI в. стал Путивль. Этот старый город, упоминавшийся еще в «Слове о полку Игореве», имел, как указывал М.Н.Тихомиров, единственную каменную крепость на всей территории Северной земли [12, с. 412]. Как подчеркивал С.Ф.Платонов, стратегическое значение Путивля определялось тем, что этот город «был одинаково близок и к "дикому полю" и к литовско-польскому рубежу [9, с. 67]. Также, по словам Тихомирова, «значительной крепостью» был Рыльск, о котором, впрочем, мало что известно [12, с. 413].

Все три города, входившие в состав Новгород-Северского удела Василия Шемячича, являлись прежде всего центрами обороны не только удела, но и всей Северной земли. Также, по-видимому, сам Новгород Северский имел значение как центр управления, поскольку был главным городом и резиденцией князей Ивана Шемякина и Василия Шемячича.

Несомненно, что могущество удельного князя на степной окраине вызвало недовольство Василия III, политика которого была направлена прежде всего на укрепление великокняжеской власти. Это сказалось и на великокняжеской политике в отношении Шемячича. Как указывал С.М.Каштанов, в 1505 г. была дана разъезжая грамота между принадлежащим Шемячичу селом Ражским и селом Почеп, принадлежавшим Троице-Сергиеву монастырю. По мнению историка, этот разъезд «был вызван скорее всего намерением прави-

тельства помешать распространению землевладения и политического влияния Василия Ивановича Шемячича в Малоярославецком уезде» [8, с. 238]. Также, писал Каштанов, Шемячич «очевидно, помышлял о возвращении старинной "отчины" своих предков Галича» [8, с. 264].

После ареста Василия Шемячича в 1523 г. Новгород-Северский удел был ликвидирован, а входившие в него города перешли на положение вотчины великого князя московского.

Источники и литература

1. Бобров А.Г. Ранний период биографии князя Ивана Дмитриевича, священника Ефросина Белозерского (Опыт реконструкции) // Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008.

2. Герберштейн С. Записки о Московии. В 2-х т. М.: Памятники исторической мысли, 2008. Т.1.

3. Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины. М.: «Сварог и К», 2001.

4. Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в. М.: Мысль, 1991.

5. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М.: Мысль, 1972.

6. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 4-х кн. М.: Книга, 1989. Кн.2.

7. Памятники литературы Древней Руси. 2 половина XVI в. М.: Художественная литература, 1986.

8. Каштанов С.М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М.: Наука, 1967.

9. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. (Опыт изучения сословного строя и сословных отношений в Смутное время). М.: Соцэкгиз, 1937.

10. Раппопорт П.А. Зодчество Древней Руси. Л., 1986.

11. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.2 // Соловьев С.М. Сочинения в 18-ти кн. М.: Мысль, 1988. Кн.2.

12. Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

13. Тихомиров М.Н. Список русских городов, дальних и ближних // Исторические записки. М., 1952. Т.40. С.214-259.

Статус города как показатель взаимоотношений между властью и обществом на юге России (1961-1991 годы)¹⁴

*Пономарева Мария Александровна
Южный федеральный университет
кандидат исторических наук, доцент
ponomariya@sfedu.ru*

Российское краеведение неоднократно обращалось к изучению вопросов, связанных с историей городов. С точки зрения функционального подхода исследователи стремились охватить все исторически и географически многообразные типы городов, всю их разнообразную деятельность, избегая при этом переоценки одних и недооценки других видов деятельности. Функциональный подход позволял правильно оценить роль городов, понять специфику городской жизни, конкретно-исторический смысл существования городов в каждую эпоху [13]. Также предметом исследования составляли организация внутригородской жизни, ее специфика и функциональная роль в масштабах страны и региона, характеристика социокультурного облика города [6]. Отдельный интерес представляет собой изучение эволюции развития монопрофильных городов, в частности, шахтерских городов, выявление социально-экономических и политических условий, определивших их развитие на разных этапах истории [4]. В частности, шахтерские города юга России рассматриваются преимущественно как депрессивные территории, для большей части которых характерны, во-первых, утрата имевшегося ранее высокого социально-экономического, финансового и кадрового потенциала, во-вторых, относительно низкое качество жизни населения, по сравнению, например, со среднероссийским уровнем; в-третьих, бюджетная зависимость и дотационность [14]. Однако, не менее важным представляется выявление на примере процесса развития городов сложной и противоречивой цепочки взаимоотношений между разными органами управления как на центральном, так и местном уровнях, а также места и роли общественных структур и отдельных местных жителей в принятии политических решений в рамках реформирования административно-территориального деления страны.

Значительная часть материалов по данному вопросу содержится в фонде Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) А-385 Оп.47. Верховный Совет РСФСР, Дело 82 [1]. В частности, значительный интерес представляют документы, иллюстрирующие процесс перехода административной единицы из одного статуса – в другой. Типичным примером может служить порядок изменения статуса рабочих поселков и административных границ в Краснодарском крае, Ростовской области. Например, Исполком Областного совета в январе 1961 года направил в Верховный Совет РСФСР решение, согласно которому поселок Углегорский Михайловского сельсовета Тацинского района был отнесен к категории рабочих поселков [12, л. 45а-46].

---

¹⁴Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации гранта № 16-01-14064 «г».

В специальном приложении к решению давалась экономическая характеристика поселка, отмечалось его обязательная роль в качестве местного экономического центра, который возник на базе вновь строящихся угольных шахт мощностью 2,850 тыс. тонн угля в год. Отмечалось, что рабочий поселок электрифицирован, радиофицирован, в нем имелись строительная школа, почта, радиоузел, амбулатория, клуб, семилетняя школа, детские ясли и сад, столовая, 5 магазинов, баня, сдана в эксплуатацию автомагистраль, соединяющая поселок с районным центром [12, л.47]. В порядке исполнения Указа Верховного Совета РСФСР от 10.02. 1961 года Краснодарский крайисполком отчитался о принятии предложения Сочинского горисполкома об изменении административно-территориального деления Адлеровского, Лазаревского, Центрального и Хостинского районов города Сочи [10, л.64]. Об этом в Верховный Совет РСФСР отчитался и.о. крайисполкома Ф. Коломиец [5, л.67]. Итак, первоначальное решение о формировании рабочих поселков принимал областной исполком, затем направлял собственное решение в Верховный Совет с обязательным приложением, включавшим анализ экономического положения поселка, обосновывавшим его роль в качестве образующей административной единицы. В абсолютном большинстве случаев, проанализированных нами на примере документов фонда Верховного Совета РСФСР, последний подтверждал принятое на местах решение об изменении статуса после подробного обоснования экономической целесообразности данного факта. После издания соответствующего указа Верховным Советом РСФСР краевой, областной или республиканский исполком отчитывался о его выполнении в отдел по работе с советами. Данный шаг являлся завершающим на пути изменения статуса административных единиц.

Иным примером можно считать вопрос о возникновении и основании города Шахты Ростовской области. Документы по его решению также содержатся в упоминаемом фонде ГАРФ. Согласно данным Дела 82, от Исполкома шахтинского городского совета депутатов трудящихся 13 октября 1966 года поступил запрос Секретарю Президиума Верховного Совета РСФСР Орлову С.Д. В нем указывалось, что возник вопрос о точном датировании возникновения и основания г. Шахты. Исследовались материалы Ростовского областного архивного отдела, а также фотокопии подлинных документов центрального государственного исторического архива г. Ленинграда. В ходе анализа было установлено, что 3 октября 1867 года (старый стиль) вышло правительственное распоряжение «Об устройстве на Грушевском руднике в земле Войска Донского горного поселения». 4 августа 1881 года Грушевское горное поселение было переименовано в город Александровск-Грушевский. Вместе с тем, архивные данные свидетельствовали о том, что в 1805 году в связи с закладкой Новочеркасска с намеченной для застройки территории был снесен хутор Есаула Федора Попова с крепостными на территорию нынешнего города Шахты. Это вызвало противоречия по дате основания города Шахты (1805, или 1867 годы). В дополнение к письму по просьбе Президиума Верховного Совета были высланы материалы архива и справка из Ростоблгосархива за

подписью его директора Е. Миронова о том, что датой основания города следует считать 3 октября 1867 года. Также к письму было приложено письмо историков Шахтинского педагогического института, которые, в свою очередь, предлагали считать рубежной датой 1805 год. В связи с расхождением во мнениях Исполком горсовета просил Президиум Верховного Совета РСФСР дать разъяснения правильного исторического подхода к определению даты возникновения города [2, л.78].

Процесс обсуждения вопроса был достаточно длительным и затронул как представителей местной общественности, специалистов, так и партийное и государственное руководство различного уровня. Первоначальный ответ был дан от консультанта по вопросам работы Советов Президиума Верховного Совета СССР. В нем автор категорически не соглашался с мнением историков педагогического института, обосновывая это тем, что «факт основания хутора, если бы он и был надлежащим образом документирован, все же не может рассматриваться, как факт возникновения города» [2, л.98]. Однако, подобное мнение не удовлетворило ни Президиум Верховного Совета, ни Исполком шахтинского городского совета депутатов трудящихся. Следующим шагом был запрос О.А. Константинову- д.г.н., в рассматриваемый период -заведующему кафедрой экономической географии географического факультета Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, специалисту в области разработки теоретических и региональных аспектов экономического районирования.

Ученый также незамедлительно высказал свою точку зрения, согласно которой, если праздновать не юбилей города, а юбилей населенного пункта, то шахтинские ученые правы, так как на месте города Шахты в 1805 году появился хутор Поповский. Однако, продолжил автор, официально числившиеся города до революции автоматически сохранили свой титул. Населенные пункты, не имевшие официального титула города, но получившие по дореволюционным законам городские права, после революции городами считаться перестали. Советская власть не признала эти права, и все населенные пункты стали числиться сельскими поселениями. Следовательно, делал вывод О.А. Константинов, Горное Грушевское городом стало только 1881 году [2, л.98].

Тем не менее, необходимо обратить внимание на выводы автора. Он предлагает считать датой основания города Шахты 1867 год по двум причинам. Первая состоит в том, что, по сути, Грушевское поселение фактически имело городской характер. А вторая нам более интересна с точки зрения определения уровня самостоятельности как органов власти на местах, так и общества – как мы узнаем из письма ученого, Ростовская область уже вела подготовку к празднованию столетия [2, л.99]. Таким образом, весь процесс обсуждения, инициированный шахтинским Исполкомом, шел *post factum* того решения, которое вынесли местные власти самостоятельно на основе предварительного обсуждения с представителями местного научного сообщества. И, вероятно, запрос и дальнейшее обсуждение было вызвано изначально мест-

ными спорами о дате празднования и конфликтом, который разгорелся среди представителей местной интеллектуальной элиты по данному вопросу, а затем - для получения одобрения союзным руководством, и тем самым обеспечения «законности» принятого на месте решения.

Также показательна переписка между директором Центрального государственного архива СССР И. Фирсовым и заведующим отделом по вопросам работы Советов Н. Старовойтовым. И. Фирсов предложил «прислушаться к мнению научной общественности города и датой основания г. Шахты считать более раннюю» [2, л.105]. Н. Старовойтов, описывая сложившуюся ситуацию в рассматриваемом вопросе, упомянул, что «все зависит от умения поставить вопрос и защитить свои интересы со стороны областных организаций» [2, л.105]. Не менее важны для анализа взаимоотношений между союзным (республиканским) руководством, органами власти на местах и обществом на Дону и Северном Кавказе последствия, которые имело ходатайство Шахтинского Исполкома для государства в целом. Опираясь на Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 декабря 1958 года №1316 «О наведении порядка в праздновании юбилеев», Президиум ЦК КПСС посчитал необходимым впредь основанием города считать либо год официальной закладки города, либо год первого упоминания в летописи как города. Или, если нет ни первого, ни второго, то год официального переименования населенного пункта в город, данный порядок был распространен на всю территорию Советского государства. Следовательно, инициатива органов власти на местах подтолкнула представителей центрального руководства к конструктивному диалогу с представителями общественности, а также к актуализации политических решений, распространившихся на всю территорию страны. В итоге, по факту вопросы, связанные с внутренними административно-территориальными изменениями, были переданы в полномочия местным партийным и государственным органам. В ряде случаев, последние опирались на местную общественную инициативу, в большинстве вариантов – исходили из решений, принятых центральным руководством и адаптировали их в сложившейся экономической ситуации. Тем не менее, переименование станций в города или изменение названий территориальных единиц, являлось прерогативой исключительно центральных органов власти [7, л.71; 8, л.72].

Схема проведения решения об изменении статуса административного образования, сформировавшаяся в начале 1960-х годов, сохранилась практически в неизменном виде вплоть до конца 1970-х годов. Подтверждением служат документы об отнесении г. Белореченска Краснодарского края к категории городов краевого подчинения, относящиеся к октябрю 1979 года, и включающие ходатайство Краснодарского крайисполкома за подписью его председателя Г.П. Разумовского, решение Краснодарского краевого совета народных депутатов, справки с краткими характеристиками численности населения, количества предприятий в городе, географические и экономические карты, штатное расписание горисполкома, включая уборщицу [3, л.15-16]. После изучения в Госплане РСФСР документация в полном объеме была пре-

доставлена в Совет Министров РСФСР для принятия окончательного, в данном случае – положительного, решения. Реализация последнего происходила в обратном порядке «сверху-вниз» – от центральных органов власти – на места.

Данный механизм изменения статуса административно-территориального образования действовал вплоть до 1991 года, когда появляются новые обстоятельства, вызванные, в первую очередь, т.н. «парадом суверенитетов» на территории РСФСР и национальным самоопределением проживающих в ней народов. Процесс изменений становится нерегулируемым со стороны центрального руководства, инициативу все более проявляют представители местного сообщества, региональных органов управления. Крайней формой данного процесса стала ситуация по определению территориального статуса г. Орджоникидзе, в котором проживали практически в равной степени представители титульных наций двух соседних республик: Северной Осетии, Чечено-Ингушской республики. Спор между руководителями местных органов власти Северной Осетии и Чечено-Ингушетии по статусу г. Орджоникидзе был связан с определением механизмов реализации закона «О реабилитации репрессированных народов» [9]. При посредничестве центральных органов власти для обсуждения данного вопроса были образованы рабочие группы из представителей республик. Представители Чечено-Ингушетии предлагали в качестве начальной точки отсчета для реализации закона «О реабилитации репрессированных народов» обозначить 20 июня 1933 года, как день «произвольного изменения статуса г. Орджоникидзе по национальному признаку», в связи с этим - восстановить статус города, а также границы Осетии с Ингушетией до указанного периода [11, л.64]. В итоге обсуждений 1 октября 1991 года в Государственный Комитет РФ по национальной политике был представлен протокол, содержание которого еще раз подтвердило невозможность достичь компромисса в сложившихся условиях.

Таким образом, определение административно-территориального статуса городского образования имело в 1961-1990-е годы четко выраженный механизм, определенный инструктивными письмами Верховного Совета РСФСР, либо сформировавшийся путем практического применения. В 1991 году, в связи с усилившимися процессами распада советского государства, данные механизмы были разрушены, инициатива по изменению статуса городов перешла на местный уровень, важную роль стал играть фактор национального самоопределения, особенно на юге России.

Источники и литература

1. ГАРФ. А-385 Оп.47. Верховный Совет РСФСР. Д. 82.
2. Документы об образовании в составе РСФСР Ростовской области и изменениях в административно-территориальном делении и составе области. 8 июня 1958 - 31 октября 1989 года // ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 47. Д. 82. Л.78, 98, 99,105.
3. Документы по просьбе Краснодарского крайисполкома к Госплану РСФСР и Совету Министров РСФСР об отнесении г. Белореченска Красно-

дарского края к категории городов краевого подчинения. 24.10.1979. // ГАРФ. Ф.А-259. Оп48. Д.1. Л.15-16.

4. Каймашникова Е.Б. История стноавления и развития угольно-металлургических городов Кузбасса в 20-е – середине 80-х гг. XX в. Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. – Кемерово, 2004. 221 с.

5. Коломиец Ф. – в Президиум Верховного совета РСФСР. Заведующему отделом по вопросам работы советов тов. Старовойтову Н.Г. 2 мая 1961 года // ГАРФ. Ф. А-385. Оп.47. Д.24. Л.67.

6. Макаровская Н.В. История города Екатиронадара – Краснодара в первой трети XX века. Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. – Краснодар, 2004. 237 с.

7. О переименовании станицы Кореновской Краснодарского края в город районного подчинения Кореновск. Указ Президиума Верховного совета РСФСР. 21 июля 1961 г. // ГАРФ. Ф. А-385. Оп.47. Д.24. Л.71.

8. О переименовании хутора Первая Речка Кочеты Динского района Краснодарского края в село Первореченское. 22 июля 1961 года. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР // ГАРФ. Ф. А-385. Оп.47. Д.24. Л.72.

9. О реабилитации репрессированных народов. Закон РСФСР №1107-1. 26 апреля 1991. // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1991. 2 мая. № 18. Ст. 572.

10. Об изменении административно-территориального деления Адлеровского, Лазаревского, Центрального и Хостинского районов города Сочи. Решение Исполнительного комитета краевого Совета народных депутатов трудящихся. 7 апреля 1961 г. №329 г. Краснодар // ГАРФ. Ф. А-385. Оп.47. Д.24. Л.64.

11. Поручения Правительства РФ по взаимодействию с субъектами РФ и документы по их выполнению. 26 января 1994 – 26 июня 1994. // ГАРФ. Ф.10121. Оп.1. Д. 40. Л.64.

12. Решение от 18 января 1961 года №18 Об отнесении поселка Углегорский Михайловского сельсовета Тацинского района к категории рабочих поселков // ГАРФ. Ф. А-385 Оп.47. Д.82. Л. 45а-46,47.

13. Родионова Н.Б. История города Ейска, 1848-1914 гг. Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. – Краснодар, 2000. 255 с.

14. Стефанова И.В. Ориентация системы самоуправления на развитие местного хозяйства депрессивных территорий: на примере шахтерских городов Юга России. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. эк. наук. – Ростов-на-Дону, 2008. 220 с.

Роль периферийного города в формировании профессиональной идентичности¹⁵

Посухова Оксана Юрьевна
Южный федеральный университет
кандидат социологических наук, доцент
belloks@yandex.ru

Периферийные города в России, если следовать градации городских поселений по социально-демографическому, социально-экономическому, культурно-образовательному и профессионально-квалификационному потенциалу, характеризуются возрастными диспропорциями, преобладанием людей пожилого и пенсионного возраста, массовой безработицей, функционированием в режиме доживания монопредприятий, узкими возможностями для реализации образовательных и профессиональных стратегий. К критериям отнесения к периферийным городам можно так же отнести отсутствие или неясность перспектив развития, рурализация и архаизация образа жизни, преобладание стратегий пассивной адаптации населения.

В результате формирования профессиональной идентичности в периферийных городах, а к таковым относится большинство российских городов районного и областного подчинения, происходит на фоне угасания традиционной профессиональной идентичности, связанной с работой на монопредприятиях и замещения диффузными идентичностями, определяемыми адаптивными приоритетами населения.

Речь идет о том, что в периферийных городах отсутствует структура профессиональной занятости, характерная для крупных агломераций. Поэтому в периферийных городах размыты границы формирования профессиональной идентичности, так как не сформировалась референтная социально-профессиональная группа. При том, что «белые воротнички» без высшего образования составляют относительно многочисленную группу, для них характерна низкая ориентированность на профессиональную идентичность, что связано с потребностью в «механической» исполнительской деятельностью и реализацией принципа «замещения». Практически данная группа выполняет работу, не требующую высоких профессиональных навыков и заинтересована в сохранении рабочего места и стабильного заработка, что особенно актуально в условиях кризисной среды периферийных городов.

Высококвалифицированные работники представляют «островки» сохранившихся предприятий предшествующего периода, испытывающих риски закрытия или свертывания производственной деятельности. В таком контексте профессиональная идентичность, если и актуализируется, то в качестве оборонительной позиции работников в целях самоуспокоения или формулирования претензий для сохранения предприятия.

Работники сферы торговли и обслуживания являются в российском обществе наиболее прекариатизированным социально-профессиональным

---

¹⁵Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10306.

слоем. Им свойственна высокая социально-профессиональная неоднородность, готовность к перемене профессии, высокий уровень социально-трудовых отношений. Это способствует тому, что профессиональная идентичность не сформирована в качестве запросов в рамках реализуемых жизненных стратегий. Этот слой, отличаясь от высококвалифицированных работников повышенной мотивацией «зарабатывать», не в состоянии воспользоваться ресурсом профессиональной идентичности, для формирования которой имеются ограниченные возможности.

Это положение выражается в том, что данные профессии являются в российском обществе не столько рыночными, сколько массовыми, ориентированными на иллегальные трудовые практики.

Разумеется, периферийный город со слабо развитым рынком труда не создает условий для открытой конкуренции за рабочие места. Так же жизненные стратегии населения базируются на иррегулярных занятиях, на ведении подсобного хозяйства, на «отхожих» промыслах, вахтовом методе работы в мегаполисах или в районах севера. Ситуация текучей мобильности приводит к тому, что профессиональная идентичность выпадает из символического универсума периферийного города.

Но, в нынешних условиях, для периферийных городов шанс развития определяется возможностью нахождения собственного бренда, предоставления «уникальных» товаров и услуг, как показывает опыт инициативных городов - Мышкин в Ярославской области или Таруса в Калужской области. В обоих случаях важным моментом являлось конструирование традиций, развитие промыслов, связанных с массовыми артефактами (сувенирами) и туристическим бизнесом. Однако в этой ситуации приоритетной становится не профессиональная, а территориальная или культурная идентичность.

Таким образом, профессиональная идентичность в российских периферийных городах не выступает маркером социально-экономической жизни, в инфраструктуре периферийного города определяющими является территориальная или культурная (социально-ностальгическая) идентичности. Профессиональная идентичность связывается с возможностями территориальной мобильности, переезда в крупные мегаполисы. Это обстоятельство определяет низкую аттрактивность профессиональной идентичности, ее локализацию в рамках реализации индивидуальных жизненных стратегий.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10306.

Исследования идентичности в российской исторической урбанистике¹⁶

Стась Игорь Николаевич

Сургутский государственный университет

кандидат исторических наук, старший преподаватель

igor.stas@mail.ru

Чрезвычайный бум междисциплинарного синтеза и городских исследований охватил множество научных проблематик, среди которых особенно выделяется область изучения идентичности и процессов идентификации, где происходит новое сближение истории с социокультурной антропологией, этнологией, культурологией и географией, а результаты их синергии получают беспрецедентный отклик в публичной сфере, поскольку проблемы кросс-культурных трансформаций становятся важнейшими в современном мире.

Об актуализации изучения проблем идентичности в исторической науке свидетельствует проведение крупных конференций по данной тематике. Особенно преуспевают сибирские историки, изучающие то, как жители Сибири были частью большого социального движения, трансграничности и освоения территорий, закрепление населения за которыми не могло осуществиться без формирования локальной идентичности. Среди исследователей сегодня общепринят тезис, что изучение феномена локального текста и идентичности связан в первую очередь с городами [2, С. 20].

В то же время разнообразие локальных идентичностей в городской среде настолько обширно, что в российской урбан-истории выделились несколько наиболее разрабатываемых тематик исследований процессов идентификации:

1) Изучение формирования общегородской идентичности в процессе начального становления и рождения городов. Историков интересует через какие механизмы выстраивается общегородская идентификация, что является ее источником и на каких критериях и ценностях она строится в том или ином городе.

На этапах городского становления идентификация чаще всего реализовывалась в мечтательной и креативной форме, что социолог М. Кастельс назвал проектной идентичностью, когда социальные субъекты на основе каких-либо культурных материалов строят новую идентичность, которая переопределяет их положение в обществе и, таким образом, стремится к трансформации социальной структуры в целом [25, С. 8].

Для изучения идентичности в контексте сибирской урбанизации исследователи особо выделяют период 1960-х – 1980-х гг., когда доминирование надлокальной идентичности сменилось преобладанием поселенческих и территориально-административных идентичностей [3, С. 15]. «Мечтательные» формы идентификации при возведении нового города были нормой в период городскихстроек в Сибири в 1950 – 1970-х гг. [17]. Согласно Л. М. Салаховой, мечта о Новом городе имела сюрреалистический характер «город как

---

¹⁶Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-31-01014

идея», которая осуществлялась посредством первостроителей, носителей смыслов о «городе мечте».

К таким же выводам приходит и И. А. Разумова, которая указывает, что население строящихся рабочих поселков имело, как правило, городскую идентичность и воспринимало место своего жительства как «город в перспективе» [15, С. 153], называя свое поселение городом, при том, что такой статус населенный пункт получал лишь в будущем, или вообще мог не получить.

Понятно, что такие сценарии формирования общегородской коллективной идентичности пишутся посредством анализа практики реализации нормативно-законодательных документов, ведомственных решений и организации местного самоуправления. В данном случае понятие идентичности выступает инструментом анализа, примером чему может служить монография М. М. Плотниковой [12].

2) Исследование дрейфа городских производственно-отраслевых идентичностей в контексте индустриализации. Идентификация горожанина со своим местом работы, предприятием и коллективом нередко была движущей силой обретения общегородской идентичности. Так, сыктывкарские историки отмечают, что воркутинская идентичность базируется на социально-профессиональном фундаменте и шахтерской солидарности, а вот в Сыктывкаре, где население не было спаяно узами социально-профессиональной солидарности и схожестью личных судеб, формирование общей идентичности затруднено [24, С. 90].

В производственных стратегиях идентификации завод становился «вторым домом», а люди, говоря о себе, использовали не топографическое понятие (место проживания), а называли место работы. Н. В. Гонина называет это явление патернализмом крупного предприятия. Но вместе с тем, как показала Н. В. Гонина, в процессе индустриализации доминирующие производственные и профессиональные идентичности, связанные с патернализмом крупных предприятий, рабочими коллективами и отношением к труду, неизбежно дрейфовали в сторону развития личности посредством свободы от ограничений и поиска новых идентичностей [6, С. 50].

3) Трансформации этничности в городе. В условиях урбанизации и глобализации проблема сохранения этнической идентификации особенно актуальна. Она пересекается с этноязыковыми и религиозными адаптивными практиками горожан. Помимо этого, популярность приобретает изучение трансформации интернациональной и наднациональной идентичности в городской среде.

В целом, данная тема подразумевает, что главной исследовательской целью историка является выявление реакций этничности к всепоглощающим процессам адаптации и аккультурации. В рамках такого подхода весьма оригинальна концепция иркутских ученых об этнизации городских пространств, которая оценивается как ключевой фактор социальной истории России конца XIX – начала XXI вв. [9].

И здесь российский город как исследуемый объект, в отличие, например, от американских поселений, затрудняет историко-этнографическое изучение тем, что представляется собой систему с дисперсным характером расселения этнических групп в пределах городской черты [13, С. 139]. Для преодоления этого объективного барьера В. В. Поддубиков призывает изучать этничность коренных народностей, этнические группы мигрантов, диаспоры в городах и то, как сохраняется или трансформируется их этническая идентичность, этнокультурные традиции и какая вырабатывается стратегия участия в смешанных браках. В сообществе сибирской историографии наиболее продуктивной представляется проблема этнической идентификации народностей Севера в условиях урбанизации [21, С. 56].

4) Исследование гендерной идентичности в контексте урбанизационных процессов. В работах по этой тематике играет один важный фактор – это то, что бурное городское развитие как правило порождается и протекает параллельно с интенсивной индустриализацией, когда создается градообразующая база, что в свою очередь определяет маскулинную направленность урбанизации. Поэтому в центре внимания исследователей стоит изучение роли и, нередко, доминирования маскулинной культуры в городской среде и раскрытие социокультурной значимости и функций женщины, ее ограничений и процесса эмансипации.

Например, такие гендерные практики характерны в процессе урбанизации поздней империи. Урбанизация вела к увеличению количества разводов и, вследствие этого, росту числа одиноких женщин, которые были экономически и социально незащищенными [7]. Вместе с тем в крупном комплексном труде Т. Б. Котловой показано, что результатом урбанизации конца XIX – начала XX вв. также было осознание женщиной своей приниженности и невыносимости своего существования, а также появление социальной группы «новых женщин» [11].

5) Исследования социальной стратификации в городе. Первостепенную нишу в этой теме занимают исследования классических структур общества – сословий и классов, и как они трансформировались в условиях урбанизации [8]. В рамках урбан-истории особо актуальными остаются исследования идентификации среднего класса в российской истории [18]. Еще одна важная проблема в данной тематике – это изучение социальной мобильности, которая интенсифицируется в процессе урбанизации, порождая неустойчивость иерархической структуры общества [19, С. 326].

Историки акцентируют внимание не только на урбанизации как факторе дифференциации общества, но и на появлении маргинальных групп и вернакулярной культуры в городском пространстве как следствие социального разделения и неравенства. До сих пор не исследованы стратегии поселкового и деревенского образа жизни в структуре городского общества. Не дан ответ на вопрос – какие были типы адаптации сельчан к городской среде? Например, И. А. Разумова отмечает, что при советской урбанизации Севера отсутствова-

ло противопоставление «городских» и «деревенских» идентичностей [15, С. 153].

б) Историческая имагология в городских исследованиях. Учитывая, что урбанизация неизбежно ведет к формированию новых культурных пространств, центрирование которых происходит вокруг учреждений культуры и спорта, парковых и символических мест, в приоритете исторической науки остается раскрытие всей палитры и иерархии идентификационных образов в городской среде. Тема эволюции образов в данном случае может быть аккумуляющей для других проблематик в комплексных исследованиях городских идентичностей, как, например, труд сыктывкарских ученых [23].

Образы города являются важнейшим вербальным и визуальным источником познания процессов идентификации в истории, а также формами репрезентации идентичностей в культурном и публичном дискурсах. Именно дискурс-анализ становится эффективной методикой при изучении трансформации городских образов и знаковых локальных мест, процессов их производства и потребления в истории [5]. Современные исследования образа, в том числе в истории, стремятся познавать проблемы идентичности с точки зрения формирования бренда, который рассматривается как концептуальный конструкт, воспроизводящийся еще со второй половины XIX в [1; 14].

Один из наиболее успешных примеров исследования исторической урбан-имагологии является монография В. Г. Рыженко, которая в векторе интеллектуальной истории показала, как образы городов в условиях активной урбанизации возникают в виде конструкта интеллигентского сообщества, а затем закрепляются в исторической памяти горожан в форме легенд, мифов, литературных и изобразительных текстов [16]. И тут представляется правильным, что историки-урбанисты должны быть вовлечены в процесс конструирования современных брендов городов России. Например, как отмечает М. Ю. Тимофеев, в промышленных городах именно представители местного интеллектуального сообщества выступают в качестве хранителей традиций и трансляторов местных мифологем [20, С. 36]. Исследователи указывают, что задача историков – включиться в процесс производства экспертного знания, предотвратив негативные социальные и политические эффекты от использования городской истории [4, С. 105], то есть – присоединиться к формированию городских брендов и идентичностей, что позволит усилить их качество и историчность.

Сложнейшим проблемой в урбан-истории остается разработка теоретико-методологической модели в исследованиях городских идентичностей [22, С. 97-99]. Для построения исследовательской модели историку необходимо привлекать широкий круг источников, а также иметь концептуальную антропологическую базу для интерпретации фрагментарных источников и «не лежащей на ладони» исторической информации. Представляется целесообразным использование возможностей мемуаров, устной истории, периодики, художественной и публицистической литературы, на основании которых можно раскрыть исторический процесс формирования городских идентичностей.

Опираясь на мнение Д. С. Конькова, нельзя не согласиться, что при анализе этих источников с точки зрения концепции идентичности необходимо выявить и структурировать личностные интенции автора источника (особенно это касается эго-источников) через раскрытие прямого обозначения автором своей идентичности, либо через особенности структурного и лексического построения текста [10, С. 81].

При этом анализе непринципиально знать, кем является автор текста, но важно определить его принадлежность к той или иной культурной и социальной группе, для чего в источнике выделяются метафоричные и обыденные образы автора, идеалы и ценности, мотивы и желания, восприятие «своих» и «чужих», объекты критики и позитива, дискурс и контекст создания документа. Эти категории не прописаны прямо в источниках, а скорее конструируются исследователем. Поэтому историк должен сопоставлять их в рамках позитивистской аналитики с фактологической информацией из нормативных, делопроизводственных, статистических и вещественных источников, что тем не менее лишь ненамного сглаживает литературные последствия интерпретации – метода без которого невозможно создать научный исторический нарратив о дрейфе идентичности.

Изучая эти категории в городских источниках, вероятно окажется, что, в силу повышенной динамики урбанизма, идентификация горожан в процессе урбанизации движется с удивительной скоростью, когда в течение нескольких лет или даже месяцев доминирующие идентичности в городе меняются коренным образом под влиянием региональной или общегосударственной пропаганды, миграции больших масс, строительства новых районов, исторического контекста или каких-либо местных событий. Как правило, это идентичности, связанные с городскими образами, отраслями и профессиями, социальными и субкультурными группами. С другой стороны, некоторые городские идентичности могут быть жизнеспособными в долговременной исторической ретроспективе, особенно это характерно для априорной идентификации по этническим, мифологическим, религиозным, гендерным и возрастным критериям.

Таким образом, исследования палитры идентичностей в российской урбан-истории выходят за рамки сугубо исторической проблематики и базируются на глубоком междисциплинарном взаимодействии в контексте изучения формирования общегородской, производственно-отраслевых, этнических, гендерных и других идентичностей, их стратификации, пространственного и образно-дискурсивного воспроизводства. Раскрытие разнообразия идентификационных форм в условиях урбанизации обеспечивается только путем теоретико-методологического моделирования и интерпретации фактов и нарративов, основанных на широком источниковом материале, иначе конструирование феномена идентичности в конкретно-исторических рамках нередко отрывается от реальности изучаемого времени.

Источники и литература

1. Агеев И. А. Брендинг города и региона как средство формирования территориальной идентичности: исторический опыт сибирских городов // Вестник науки Сибири. 2015. № 2 (17). С. 155-163.
2. Алексеевский М. Д., Ахметова М. В., Лурье М. Л. Исследования города // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 16-25.
3. Бороноев А. О. «Сибирство» как форма территориальной идентичности // Сибирь. Проблемы сибирской идентичности. СПб.: Астерион, 2003. С. 9-20.
4. Бреславский А. С. Городская история, исторический дискурс, критический дискурс-анализ // Уральский исторический вестник. 2011. № 1 (30). С. 102-105.
5. Бреславский А. С. Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и образы города (1991–2011 гг.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 156 с.
6. Гонина Н. В. Трансформация социокультурной идентичности горожан в условиях индустриализации во второй половине 1950-х - начале 1980-х гг. (на материалах Ангаро-Енисейского региона) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 1. С. 49-56.
7. Гончаров Ю. М. Одинокие женщины в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 2. С. 142-148.
8. Гончаров Ю. М. Проблемы изучения социальной стратификации населения городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4-1. С. 124-130.
9. Дятлов В. И., Григоричев К. В. Сибирь: динамика этнизации городского пространства переселенческого общества // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 8-19.
10. Коньков Д. С. Нужна ли идентичность истории: к критике концепции идентичности // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 79-84.
11. Котлова Т. Б. Российская женщина в провинциальном городе на рубеже XIX – XX веков. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2003. 315 с.
12. Плотникова М. М. Формирование коллективной идентичности в городах Восточной Сибири в конце XVIII – начале XIX в. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 191 с.
13. Поддубиков В. В. Этнокультурное пространство российского города: некоторые проблемы этнологического исследования // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 137-147.
14. Поршнева О. С., Казакова-Апкаримова Е. Ю. Столица Урала: эволюция административного статуса Екатеринбурга и идентичности горожан в XVIII – начале XX в. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 178-191.

15. Разумова И. А. Исследования города // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 148-156.

16. Рыженко В. Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах: региональный аспект. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 340 с.

17. Салахова Л. М. Мечта о Новом городе: привязка к местности и обстоятельствам // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2013. № 2-2. С. 44-52.

18. Стрекалова Н. В. К проблеме методики идентификации средних слоев провинциального российского города в начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 11. С. 303-308.

19. Стрекалова Н. В. Социальная мобильность городских средних слоев в период трансформации российского общества начала XX в.: проблемы и перспективы исследования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 9. С. 320-327.

20. Тимофеев М. Ю. Города и регионы России как (пост)индустриальные бренды // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 29-41.

21. Хаховская Л. Н. Аборигены в городе: этнокультурный облик жителей Магадана // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 39-59.

22. Чернявская О. С. Изучение идентичности горожан // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2012. № 2 (26). С. 96-102.

23. Шабаев Ю. П., Рогачев М. Б., Рябинкин Г. С. Антропология города: культурное пространство столицы Коми и городская идентичность // Человек. Культура. Образование. 2012. № 1. С. 47-79.

24. Шабаев Ю. П., Рогачев М. Б., Рябинкин Г. С. Антропология города: культурное пространство столицы Коми и городская идентичность // Человек. Культура. Образование. 2012. № 2. С. 85-94.

25. Castells M. The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society, and Culture. Volume II. West Sussex: Wiley-Blackwell, 2010. 538 p.

**Городской обыватель и процессы социальной модернизации российского провинциального города в XIX – начале XX в.:
источники, проблемы, методы и результаты исследования**

*Стрекалов Дмитрий Валерьевич,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
Кандидат исторических наук, доцент
Стрекалова Наталья Валерьевна
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
Кандидат исторических наук, доцент
strekalovanv@mail.ru*

Сегодня, как и в XIX – начале XX в., общество переживает серьезные трансформации, которые отражаются и на базисных компонентах

общественного устройства. Особое значение имеет изучение городского населения, что обусловлено той ролью, которую играли и продолжают играть города, являясь центрами социальных перемен. Исследование городов было и остается одним из актуальных направлений современной социальной истории. Важной исследовательской задачей является изучение взаимосвязи между социально-демографическими процессами и уровнем и степенью модернизации страны, города, социальной группы. Изучение основных исторических закономерностей социально-демографического развития необходимо для разработки современной научно-обоснованной государственной социальной и демографической политики.

В условиях цивилизационной неоднородности российского социума особую ценность приобретают микроисторические и микродемографические исследования. Микроанализ позволяет преодолеть опасности «усредненных подходов», которые часто используются при оперировании агрегированными данными. Данный метод приобретает особое значение в связи со спецификой объекта исследования: индивидуальные биографий, сословно-социальные группы, семьи городских обывателей. Использование микроисторического подхода позволяет дополнить, уточнить, конкретизировать, углубить результаты, полученные в ходе макроисторических исследований.

Особая роль в изучении российского социума в контексте модернизационных изменений в рамках микро(мезо-)подходов отводится источникам. Для исследования динамических процессов необходимой составляющей является использование источников, содержащих не только агрегированные, но и первичные, персонифицированные данные, доступные для сопоставления и сравнения на протяжении анализируемого временного отрезка. К таким источникам относятся: метрические и окладные книги, ревизий, адрес-календари и ряд других [9, с.265-279]. Их анализ позволяет показать сложность и неоднозначность модернизационных процессов на микроуровне, изучить динамику социальных и демографических изменений, дать сравнительный анализ этих процессов на разных уровнях: микро- мезо- макро. Необходимой составляющей микроисторических исследований, базирующихся на массовых источниках, является использование информационно-компьютерных технологий.

В рамках комплексного исследования населения провинциального городе аграрного региона в XIX – начале XX в. в процессе становления индустриального общества важными «маркерами» могут быть следующие составляющие: численность и состав населения, социальные процессы (мобильность, миграции), брачность, рождаемость, смертность, семья и семейные отношения. Анализ указанных выше показателей был проведен на материалах Тамбова – губернского центра аграрного региона в XIX – начале XX в.

Одним из существенных показателей являются сведения о численности и социальной структуре населения города. Качественный и количественный состав населения конкретного города находятся в тесной взаимосвязи с уровнем развития и степенью модернизации самого населенного пункта, его

типом и функциями. Изменения численности и социальной структуры населения Тамбова было, во многом, обусловлено функциями города. Прежде всего, это было связано с развитием Тамбова как административного центра губернии, а также совершенствованием его торгово-промышленных, культурно-образовательных и иных общественных функций.

В конце XVIII в. – начале XX в. в Тамбове росла численность населения (с 10686 тыс. чел. в конце XVIII в. до 48015 тыс. чел. в конце XIX в.), что является одним из наиболее существенных признаков урбанизации [1, с.56-58; 5; 6, л. 3; 7, л. 19-20 об.; 14]. Однако этот процесс носил сложный, нелинейный характер. Так, в первой половине XIX в. были отмечены ряд периодов сокращения численности городского населения, а не его поступательный рост. Эти процессы были характерны не только для населения Тамбова. В 1817 – 1823 гг. сокращение численности городского населения наблюдалось в целом России [3, с.66]. Этот процесс получил название дезурбанизация [4, с. 317]. На изменение численности населения города оказывали влияние политические, экономические, военные факторы. Заметную роль в данном процессе сыграл приток крестьян в город, заметно активизировавшийся во второй половине XIX в.

Сословно-социальная структура Тамбова в конце XVIII – начале XX в. была сложной и включала практически все сословные и социальные группы населения Российской империи. В первой половины XIX в. она в целом была типичной для губернских городов «земледельческой зоны», где значительный удельный вес приходился на «сельские сословия». От 30% до 50% представителей «сельских сословий» приходилось на однодворцев – сословно-социальной группу, которая придавала своеобразие социальному облику губернского центра в конце XVIII – первой трети XIX в. [1, с.58-59; 14].

В середине XIX в. происходят изменения в составе населения Тамбова, характерные для обществ переходного периода: отмечается нарастание доли городских сословий и сокращении сельских, рост удельного веса неподатных сословий (дворянства (особенно чиновничества) и духовенства).

Шло усложнение социальной структуры города, показателем чего может служить значительный удельный вес группы населения Тамбова, в которую, согласно данным административной статистики, включались жители «не принадлежавшие ни к каким сословным группам» или «прочие». Их доля заметно выросла к началу XX в. [5].

Более тонкие подходы в социальном ранжировании дает социальная стратификация. Особенно актуально использование ее методов и методик применительно к городскому населению начала XX в., когда под действием модернизационных изменений усложнялась социальная структура. Результаты анализа социальных страт населения губернского центра в начале XX в. свидетельствовали о ряде социальных процессов: нивелировке сословий, нарушении жесткой зависимости в соотношениях сословие – занятие – страта, росте профессионализации городского населения и др. [11,

с.256-260; 13, с.23-25]. В конце XIX – начале XX в. ускоряются процессы социальной мобильности городского населения [12, с.320-332].

Степень модернизации по-разному проявлялась в разных слоях и сословно-социальных группах населения и зависела от правительственной политики, профессиональных занятий, социально-экономического положения, приверженности традициям.

Уровень урбанизационных и модернизационных процессов определялся не только ростом городского населения, но и развитием типично городских профессиональных занятий, что, в свою очередь, отражало распространение определенных отраслей экономики и производства в провинциальном российском городе [10, с.112-123].

Результаты анализа профессиональной структуры населения Тамбова в первой половине XIX в. свидетельствовали о доминировании торговой сферы для представителей городских сословий, медленном развитии ремесленных и промышленных занятий, сохранении земледелия в качестве основного занятия однодворцами. В это период проблема «негородских» профессиональных занятий населения городов в стране в целом стояла достаточно остро. Для того чтобы решить, в том числе, эту проблему в ходе реформ 1820-х-1830-х гг. было предписано выселить за черту города, тех жителей, которые не записались в городские сословия и не желали избрать занятий, соответствовавших городскому образу жизни (т.е. тех, кто занимался «хлебопашеством») [2]. Однако, например, в Тамбове этот процесс занял продолжительное время (почти 20 лет), а доля жителей, занятых сельскохозяйственным трудом оставалась значительной. Невысокие темпы модернизационных процессов в Тамбове в конце XIX – начале XX в. сказывались на роде занятий населения города, а также нашли отражение в неглубокой отраслевой дифференциации промышленного производства. Распространенным явлением было сочетание нескольких профессий.

Сословно-социальная и профессиональная структура дореформенного Тамбова соответствовала уровню развития хозяйственных сил региона и медленно подвергалась модернизации. Ускорение динамики стало наблюдаться с 1860-х гг. Во второй половине XIX в. увеличивалась доля горожан, занятых в непроемкой сфере, что было связано с ростом общественных функций города как неземледельческого поселения, статусом губернского центра, где сосредотачивались административные, образовательные, культурные и иные учреждения, штат которых постоянно увеличивался.

Начало социально-экономической модернизации российского общества в первой половине XIX в. оказывало заметное влияние на демографическое поведение населения губернского города и трансформацию семьи тамбовских обывателей. Для Тамбова первой половине XIX в. была характерна переходная модель воспроизводства населения, которая на 20–30 лет раньше, чем в селах Тамбовской губернии стала заметно деформироваться и уже отчетливо просматривалась в конце 1850-х гг. Традиционные установки здесь

проявлялись в высоком уровне рождаемости и смертности, соотношении полов, достаточно высоком уровне брачности. В то же время, в Тамбове в первой половине XIX в. многие процессы протекали более сглажено, нежели в аграрных поселениях (сезонность процессов), круг брачных связей был шире, отмечалось увеличение возраста первого брака, особенно для мужчин и др.

Так, проведенный анализ позволил говорить о формировании в Тамбове городской модели брачного поведения, проявившейся в повышении брачного возраста, стабильных средних показателей коэффициента брачности на протяжении всего изучаемого периода, более равномерном распределении количества браков в году, значительном числе мезальянсов (и в возрастном и в социальном плане), что было нехарактерно для сельской местности, где подобные браки были редким явлением. Отмечалась тенденция снижения удельного веса состоявших в браке и увеличение доли холостых и незамужних жителей Тамбова [8, с.314-318].

В конце XVIII – первой половине XIX вв. для населения губернского центра были характерны высокие и сверхвысокие показатели уровня рождаемости и смертности, свойственные демографической модели традиционного общества. В середине 1850-х гг. уровень смертности населения Тамбова приблизился к уровню рождаемости. Это так называемая «догоняющая смертность». Данный факт можно рассматривать как одно из проявлений кризисных явлений российского предреформенного общества в целом. К 1860-м гг. наблюдалось определенное «сглаживание» показателя смертности в зависимости от возрастной группы, но с сохранением доминирования детской смертности.

В возрастной структуре населения Тамбова в первой половине XIX в. преобладали представители молодого населения (дети и молодежь). Однако с 1830-х гг. наметилась и развивалась тенденция к сокращению удельного веса детей в возрасте до 15 лет и повышению удельного веса группы от 20 до 50 лет и старше.

Показатели естественного прироста Тамбова отличались от сходных данных не только аграрных, но и торгово-промышленных сел губернии и определялись уже городскими условиями. В изменении численности населения города основную роль с середины XIX в. играли механический прирост или убыль населения, связанные с миграционными процессами.

Эволюция семьи тамбовских обывателей в конце XVIII – начале XX в. шла по линии сокращения числа родственных связей, числа поколений в семье, доли больших составных семей, людности и количества детей в них. Преобладающей формой семейной организации для большинства собственно городского населения к середине XIX в. стала малая семья. Данный тип семей в 1850-е гг. составлял около 47% от числа семей жителей Тамбова, в которых проживало 43% обывателей губернского центра. Однако, вместе с тем, утверждение о том, что в городах России уже в первой половине XIX в. безраздельно господствовала малая семья, исходя из данных проведенного анализа, представляется спорным. Так, достаточно явно просматривались

тенденции европейской модели семьи (нуклеарной) у дворянства, чиновничества, духовенства, отчасти мещанства. Для семейной структуры жителей губернского центра, в исследуемый период, было характерно резкое увеличение доли одиноких. В тоже время у ряда сословно-социальных групп горожан отмечалось сохранение больших патриархальных семей и традиционно-патриархальных семейных отношений.

Переход от патриархальной к малой семье, от патриархальных к демократическим семейным отношениям протекал сложно. Брачно-семейные отношения даже среди городской элиты сохраняли многие черты традиционного семейного уклада. Большие патриархальные семьи сохранялись у однодворцев (первая половина XIX в.) и представителей купечества в силу специфических экономических и мировоззренческих особенностей данных сословно-социальных групп горожан. Сохранение патриархального уклада не всегда являлось следствием упорной приверженности старым традициям, но и имело практический характер: наличие материальных возможностей, ведение общего дела (торговля, ремесло) и др. На сохранение уклада оказывали влияние и государственные меры принудительного характера.

Были выявлены определенные колебания в семейной структуре населения Тамбова. Так, в 1830-е гг. наблюдался рост модернизационных изменений в типологии и структуре семьи жителей губернского центра, а в середине 1850-х гг. были отмечены ряд «возвратных» тенденций, которые проявились в некотором увеличении удельного веса расширенных семей и росте их людности.

Комплексный анализ населения провинциального российского города в XIX – начале XX в. через призму модернизационных изменений свидетельствовал о сложности и нелинейности данных процессов: появление черт, характерных для индустриального общества, сопровождалось сохранением многих элементов, присущих традиционному обществу. Полученные результаты еще раз подчеркивают ценность микроисторических и микродемографических исследований при изучении социально-демографических процессов.

Источники и литература

1. Географический словарь Тамбовской губернии в конце XVIII и в начале XIX столетий. Тамбов, 1902.
2. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 16. Оп. 7. Д. 12.
3. Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.
4. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. в 2 т. Т.1. СПб., 1999.
5. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XLII. Тамбовская губерния. СПб., 1904.

6. Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1374. Оп. 1. Д. 395.
7. Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 95. Д. 572.
8. Стрекалов Д.В. Проблемы брачности городских обывателей в конце XVIII – первой половине XIX вв. (по материалам Тамбова) // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов. 2009. Вып. 8 (76).
9. Стрекалов Д.В., Стрекалова Н.В. Источники для изучения социально-демографических процессов в российском провинциальном городе в конце XVIII – первой XIX вв.: проблемы, возможности, перспективы исследования // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием. СурГУ., 2015.
10. Стрекалов Д.В., Стрекалова Н.В. Структура профессиональных занятий жителей провинциального города в первой половине XIX в.: (проблемы, источники, методы исследования (на материала Тамбова) // Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер. Барнаул-Москва, 2014. № 41.
11. Стрекалова Н.В. Состав, стратификация и типология средних слоев провинциального губернского города в начале XX в. (на материалах Тамбова) // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 10.
12. Стрекалова Н.В. Социальная мобильность городских средних слоев в период трансформации российского общества начала XX в.: проблемы и перспективы исследования// Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 9.
13. Стрекалова Н.В. Социальная стратификация и социальная мобильность средних слоев Тамбова в 1907 – 1917 гг. // Информационный бюллетень Ассоциации История и компьютер. № 30. 2002.
14. Штер М.П. Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год. Сост. из офиц. сведений. СПб., 1829.

**Профессиональная идентичность государственных служащих:
теоретический аспект¹⁷**

*Шаповалова Анна Михайловна
Южный федеральный университет
кандидат социологических наук, доцент
amshapovalova@sfnu.ru*

В структуре современного общества государственные служащие занимают одну из основных позиций и представляют собой особую профессио-

---

¹⁷Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда проект № 16-18-10306

нальную группу, деятельность которой направлена на удовлетворение потребностей общества.

Для осуществления основной своей задачи государственная служба должна обладать законодательно обеспечена и обладать высокопрофессиональным кадровым составом. Одной из приоритетных целей развития государственной службы является комплектование высокопрофессионального государственного аппарата, который может оперативно принимать решения, результаты которых охватывают все сферы жизнедеятельности общества и обеспечивают стабильность социальной структуры.

Для анализа развития профессиональной группы государственных служащих необходима исследование всего комплекса компонентов профессиональной идентичности данной социальной группы.

Для исследования профессиональной идентичности государственных служащих рассмотрим такой феномен как «профессия», изучение которого сложилось в XX веке и развивалось в контексте таких отраслей как социология образования и труда, социальной стратификации и социальной структуры. Основоположниками изучения профессии в социологии являются К. Маркс, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, М. Вебер, П. Сорокин, Т. Парсонс и др.

К. Маркс, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм рассматривали понятие профессии через «разделение социальной деятельности» и «дифференциации труда». Основой их исследований, несмотря на разнонаправленность представлений относительно природы «профессии» (как формы деятельности. Профессиональной группы, особого института) выступает социальная структура, которая выступает основой разграничения социальной деятельности.

М. Вебер, в своих исследованиях рассматривал понятие «профессия» через ценностную систему индивидов, а не через социально-экономическую структуру общества.

П. Сорокин, рассматривая сущность понятия «профессии» основывался на профессиональной стратификации и ее влиянии на становление индивида. Согласно стратификационному подходу профессиональные общности по отношению друг к другу имеют дифференциацию и иерархичны, что является одним из факторов социального неравенства.

Сторонники структурно-функционального подхода (Т. Парсонс, Э.Ч. Хьюз) при исследовании профессии и профессиональных групп выделяли термины как «профессия» и «занятие».

В начале XX века в отечественной науке сложилась тенденция исследовать понятия «профессия» и «специальность» во взаимодействии друг с другом, по мере развития общественного труда и при этом образовывались квалифицированные и неквалифицированные виды деятельности.

В отечественной социологии сложилась практика исследования отдельных профессиональных групп, среди которых доминировали такие группы как инженеры, учителя, рабочие и т.д.

Советские исследования профессий во многом формировали свое предметное поле и методологический инструментарий по образцу, заданному государственной идеологией. Согласно трактовке советской социологии, трудовая и профессиональная деятельность являли собой единое целое. Например, В.Г. Подмарков считал, что «профессия – это усвоенный самой личностью способ ее включения в трудовой процесс, аккумуляция качеств, необходимых для выполнения трудовых функций». Поэтому в отечественной науке профессии изучались в рамках социологии труда [13, с. 55].

В советской социологии труда исследования профессий носили избирательный характер, исключая из анализа так называемые маргинальные практики, поддерживали веру советских людей в «правильную» линию политики коммунистической партии и советского правительства. Предметом исследований в этот период выступали, преимущественно, социальные общности – трудовые коллективы, рабочий класс, крестьянство или трудовая интеллигенция. Методологическим основанием теории трудовых отношений стала нормативная модель коллективного производства, исключающая возможность различных интересов и конфликтов между социальными группами внутри предприятия или организации. Необычной в этом ключе стала книга ленинградских социологов «Человек и его работа», которая в 1960-е годы продемонстрировала наличие противоречий в мотивации ряда трудящихся и неудовлетворенности трудом среди опрошенных рабочих [6].

Начиная с 1960-х гг. под руководством В.Н. Шубкина проводились исследования престижа профессий и привлекательности профессионального труда. В них профессиональный престиж рассматривался как «феномен общественного сознания, в котором опосредованно отражается существующая в обществе иерархия профессий, видов трудовой деятельности, определяемая различиями в степени схожести и ответственности труда, продолжительностью необходимого для него образования, уровнем его оплаты» [19, 240 с.].

Определенный кризис в исследовании вопросов, связанных с профессиональной идентичностью, начинается в начале 90-х гг. XX в., когда с одной стороны обостряется сама проблема личностной самоидентификации в условиях системного социального кризиса и хаотичных социально-экономических и политических реформ, а с другой – сокращаются возможности проведения социологических исследований по тем же причинам. В конце 1990-х годов в «отечественных исследованиях шире стали применяться качественные, этнографические методы, в том числе и для изучения профессий. Исследователи обнаруживают неявные правила, фоновые знания, повседневные ритуальные практики, способы рефлексии и самоидентификации различных профессиональных групп» [18].

Необходимо отметить, что Ю.П. Поварёнков при анализе профессиональной идентичности «определяет профессиональную идентичность как критерий профессионального развития, который свидетельствует о качественных и количественных особенностях принятия человеком: себя как профессионала; конкретной профессиональной деятельности как способа само-

реализации и удовлетворения потребностей; системы ценностных норм, характерных для данной профессиональной общности» [12, с.154-163].

Э.Ф. Зеер под профессиональной идентичностью понимает «профессиональный «Я-образ», включающий стереотипы и уникальность собственного «Я», осознание своей тождественности с профессиональным образом «Я».

Е.А. Климов рассматривает профессиональную идентичность в контексте проблематики профессионального самосознания»[7].

Одной из наиболее разработанных концепций профессиональной идентичности являются работы Л.Б. Шнайдер, в которой раскрыты структуры, генезиса, динамика профессиональной идентичности. По мнению автора, «профессиональная идентичность – это не только осознание своей тождественности с профессиональной общностью, но и её оценка, психологическая значимость членства в ней, разделяемые профессиональные чувства, своеобразная ментальность, ощущение своей профессиональной компетентности, самостоятельности и самоэффективности, т.е. переживание своей профессиональной целостности и определённости» [22. с. 39].

В работах К.А. Альбухановой-Славской, раскрывается подход «к типологии идентичности на основе таких сложных явлениях как структура жизненного пути (жизненная позиция, жизненная линия, смысл жизни). Стратегия была определена и как способность строить жизнь в соответствии со своей индивидуальностью, типом личности, и как способ разрешения противоречий между внешними и внутренними условиями реальной жизни, в которой внешние условия отнюдь не всегда соответствуют и способствуют потребностям, способностям, интересам данного человека» [2, с. 153].

В концепции профессиогенеза Е.П. Ермолаевой, профессиональная идентичность рассматривается как «компонент личной идентичности, которая обеспечивает успешное профессиональное развитие человека. По мнению автора, профессиональная идентичность выступает регулятором, выполняющим стабилизирующую и преобразующую функцию. Е.П. Ермолаева считает, что профессиональная идентичность складывается только на достаточно высоких уровнях овладения профессией и выступает как устойчивое согласование основных элементов профессионального процесса» [3, с. 51-59].

Н.Л. Иванова в своих работах понимает под профессиональной идентичностью «вид социальной идентичности. По мнению этого автора, профессиональная идентичность формируется в процессе выявления существенных связей внутри и вне профессии и отличия их как таковых, она связана с общей информационной основой деятельности, а также с целостными эталонами типичных профессиональных событий и индивидуализированных концептуальных схем профессионального поведения. В структуру идентичности раскрываются когнитивный, мотивационный и ценностный компоненты» [8, с. 148-156].

Отечественный психолог Е.Ю. Боброва дает определение профессиональной идентичности через осмысление субъектом приобщенности к определенному историческому времени посредством профессии. Э.Эриксон рас-

смачивает профессиональную идентичность как механизм социализации личности, называя ее последним этапом профессионального семоопределения, наступающего в период становления (в подростковый период) и выражающегося в акцептовании одной модели поведения, основанной на дифракторном выборе ценностей [23, 344 с.].

Профессиональная идентичность рассматривается Н.С. Пряжниковым через аффективные аспекты и ценностно-смысловые стороны становления личности как субъекта трудовой деятельности, принятие способов реализации работы, приверженность к профессиональной группе [15, 352, с.].

Согласно мнению Д.Н. Завалишиной, профессиональная идентичность является личностным образованием с полипараметрическими и интегральными характеристиками, формирующаяся в процессе перехода личности от конструкции «человек – профессия» к конструкции «человек – мир»; от типа, наделенного специфическими чертами человека, сформированными в результате выполнения им профессиональной деятельности, к онтологическому типу (восприятие человека во всем его многообразии) [5, 589 с.].

Профессиональная идентичность как составная часть личностной идентичности трактуется современными зарубежными психологами Ф.Мирвисом, Д.Холлом, Д.Холландом. На их взгляд профессиональная идентичность способствует успешной адаптации личности к внешнему миру, в том числе и к профессиональной среде. Профессиональная идентичность является доминантным фактором успешной карьеры.

Социологи Е.В. Конев, Н.Л. Иванова, Т.В. Румянцева проводят сравнительный анализ профессиональной идентичности с общей сферой самосознания личности, в которой процессе взаимодействия формируются индивидуальные эмоционально окрашенные знания, относящиеся к конкретным социальным общностям, комплектуется определенная совокупность ценностей, а также нормы и типы поведения [17, с. 113-115].

По мнению отечественного социолога А.В. Акопяна, профессиональная идентичность представляет собой личностные качества индивида, проявляющиеся в ходе профессионального и личностного развития, становления. В процессе формирования профессиональной идентичности огромное влияние имеют конкретные профессиональные сообщества и образовательная среда [1, 24 с.].

Е.И. Жукова дает определение профессиональной идентичности через «динамическое отождествление индивида с нормами профессии, посредством которого происходит формирование и развитие целостной личности, обеспечивается ее интеграция с социальным окружением и корпоративной культурой» [4, 18 с.].

Согласно Е.А. Мамлиной, профессиональная идентичность или некий образ личности как субъекта социальных отношений формируется под воздействием двойственной реальности на основе взаимосвязи психологических характеристик субъекта и общественной среды обитания [11, 23 с.].

Я.С. Рочева под профессиональной идентичностью понимает, как результат соотнесения себя с профессиональным сообществом, который выражает внутренне и внешнее представление о своем месте в профессиональной общности, сопровождается принятием определенных ценностей и смыслов через отношение к профессиональной деятельности с учетом объективных и субъективных характеристик [16].

По мнению А.В. Шакуровой, профессиональная идентичность представляет собой когнитивно-эмоционально-деятельностное единство членов трудовой группы. Она формируется не только на основе аналогии с профессиональной сферой, в рамках которой занята группа, но и в близости организационных целей, реализуемых каждым членом данного сообщества, их ценностных ориентиров, норм, профессионального поведения, выражающихся в доминировании определенной коллективной ролевой атмосферы [21, 370 с.].

Согласно исследованию В.М. Проселовой, «профессиональная идентичность представляет собой процесс самоотождествления с другими представителями профессиональной среды (реальной или идеальной) на основе устоявшихся эмоциональных связей, обеспечивающих стабилизацию профессиональной деятельности и профессионального развития. Отсюда следует, что профессиональная идентичность может быть рассмотрена как механизм вхождения в профессиональную сферу, при качественной реализации которого возможно достижение определенного результата – формирование профессионализма, являющийся составным элементом социальной идентичности человека» [14].

Профессиональная идентичность государственных служащих представляет собой многомерный интегративный социально-психологический феномен, способный обеспечить субъекту социально-профессиональной группы целостность, тождественность, единство и детерминированность. Профессиональная идентичность способна трансформироваться в процессе профессионального обучения на основе механизмов самосознания, самоопределения, индивидуализации, самоорганизации и обеспечивается рефлексией. Профессиональная идентичность представляет собой процесс интеграции различных видов идентичности в профессиональной реальности, при этом главную роль играют личностная и социальная идентичность [20, 272 с.].

Эволюция профессиональной идентичности государственных служащих является непрерывным процессом. Развитие профессиональной идентичности способствует росту профессионализма, в формировании которого особое место занимает процесс актуализации имеющихся знаний и получение новых. Таким образом, большую роль в процессе формирования профессиональной идентичности государственных служащих играет постоянное образование.

Отражением сущностного смысла государственной службы как профессиональной деятельности является профессионализм. В.Г. Игнатовым профессионализм в контексте государственной службы представлен как высший уровень психофизиологических, психических и личностных изменений,

происходящих в процессе длительного выполнения человеком служебных обязанностей, обеспечивающих качественно новый, более эффективный уровень решения сложных профессиональных задач в особых условиях [9, с.86].

На формирование профессиональной идентичности государственных служащих оказывают влияние множество факторов. Среди факторов можно выделить как объективные, так и субъективные.

Объективные факторы, влияющие на формирование профессиональной идентичности государственных служащих, на которые они не могут повлиять можно выделить следующие: ситуация в обществе и государстве, федеральная и региональная система государственной службы, особенности корпоративной культуры, сложившейся в профессиональной среде, уровень дохода, социально-демографические особенности страны и региона и т.д.

Субъективные факторы формирующие профессиональную идентичность государственных служащих характеризуют личное восприятие профессиональной деятельности, внутреннюю приверженность к данной профессиональной среде, профессиональные качества личности, нормативно-ценностные ориентации, удовлетворенность трудовой деятельностью, престиж и т.д.[10]

Немаловажным фактором профессиональной идентичности государственного служащего выступает региональная составляющая. Профессиональная идентичность государственных служащих может сформироваться только в том случае, если госслужащий будет обладать знаниями о регионе, его экономической, этнической, социально-демографической специфике, желанием развития, поддержки и приверженности к региону, реализацией своей профессиональной деятельности во благо региона в котором он работает.

В современном трансформирующемся обществе основное предназначение государственной службы можно реализовать при условии принятия государственными служащими процесса обновления профессиональной идентичности, ориентируемого на инновационные способы деятельности служащих. Должен быть профессионал. Имеющий инновационное мышление, способный адекватно и своевременно решать сложные задачи в сфере государственного управления.

Источники и литература

1. Акопян А.В. Управление процессом формирования профессиональной идентичности адвокатов как социально-профессиональной группы: социально-технологические аспекты: автореф. дисс. канд. социолог.наук. СПб.2009.
2. Альбухановой-Славской К.А. Стратегия жизни. 1991.
3. Ермолаева, Е. П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность (статья первая) // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 4.
4. Жукова Е.И. Социокультурные аспекты профессиональной идентичности сотрудников органов внутренних дел: автореф. дисс.канд.социолог.наук. Саратов. 2010.

5. Завалишина Д.Н. Модели профессионального развития человека. М. 2004.
6. Здравомыслов А., Рожин В., Ядов В. Человек и его работа. М. Мысль. 1967
7. Зеер Э.Ф. Психология профессий. М. Академический проспект; Екатеринбург: Деловая книга. 2004
8. Иванова, Н.Л. Профессиональная идентичность и профессиональное пространство / Н. Л. Иванова, Е. В. Конева // Мир психологии. 2004. № 2.
9. Игнатов В.Г. Государственная служба. М. 2004.
10. Лукина Ю.Р. негативные аспекты формирования профессиональной идентичности государственных служащих // Сборник научных трудов. Пенза.2015
11. Мамлина Е.А. процесс идентификации личности госслужащего в условиях современной России: автореф. Дисс.канд.социолог.наук. Саратов. 2004.
12. Поварёнков, Ю. П. Психологическая характеристика профессиональной идентичности. Кризис идентичности и проблемы становления гражданского общества // Сборник научных трудов. Ярославль: ЯГПУ, 2003.
13. Подмарков В.Г. Человек в мире профессий // Вопросы философии. 1972. № 8.
14. Проселова В.М. диагностика профессионального самосознания психологов-практиков: автореф. дисс.канд.псих..наук. Казань. 2001
15. Пряжинов Н.С. Психологический смысл труда. Воронеж. 1997.
16. Рочева Я.С. Социально-профессиональная идентичность муниципальных служащих: автореф. дисс.канд.социолог.наук. СПб.2010
17. Румянцева Т.В. Социально-психологические факторы, влияющие на профессиональную идентичность. 2007. Вып.22
18. См.: Добрускин М.Е. Социально-психологический портрет вузовского педагога // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 137-141; Щепанская Т. Е. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. N 1. С. 139 - 161; Антропология профессий / Под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. Саратов. ЦСПГИ. 2005.
19. См.: Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н. Молодежь вступает в жизнь (социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства). М. Мысль. 1985.
20. Шакурова А.В. Профессиональная идентичность учителей как субъект трудовой деятельности: дисс.док.социолог.наук. Н-Новгород. 2014.
21. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность. М. 2001.
22. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления: дис. ... д-ра психол. наук М. 2001.
23. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М. 1996.

ПЕРИФЕРИЙНЫЙ ГОРОД КАК ЦЕНТР КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

Система образования в Ростове-на-Дону в XIX веке

Воскобойников Сергей Георгиевич

Донской государственный технический университет

кандидат исторических наук, доцент

voskoboinikof968c@yandex.ru

Кочетова Анна Сергеевна

Донской государственный технический университет

студент 3 курса

ane4ka.kochetova@yandex.ru

В XIX веке в России были проведены четыре реформы образования в 1802 – 1804 гг., 1827 – 1828 гг., 1860-х гг., 1887 г. При Александре I (1801 – 1825 гг.) и Александре II (1855 – 1881 гг.) они носили бессловесный характер. В правление Николая I (1825 – 1855 гг.) и Александра III (1881 – 1894 гг.) – были направлены на ограничение прав податных сословий. Однако в целом, благодаря реформам, в стране была создана целостная система образования. Все учебные заведения были разделены на 4 разряда: 1) одноклассные приходские училища, 2) 3-классные уездные училища, которые должны были быть в каждом уездном городе, 3) 7-летние губернские училища, или гимназии (бывшие главные народные училища) в губернских городах, 4) университеты.

В Ростове-на-Дону, периферийном, но динамично развивающемся в XIX в. уездном городе, процесс становления системы образования, имел свои особенности. В начале дела шли медленно. В 1810 г. было открыто первое приходское одноклассное училище [1, с. 69]. В 1825 г. оно было преобразовано в уездное училище. В 1858 и 1859 гг. Министерство народного просвещения предлагало «ростовцам» открыть женское училище 2-го разряда, но положительного отклика не получило. В это время число учащихся составляло 200 чел., т.е. немногим более 1 % от всего населения города (около 17 тыс. чел.) [3].

Лишь благодаря городскому голове А.М. Байкову дело просвещения тронулось с мертвой точки. В 1862 г. в Ростове была открыта мужская воскресная школа, а вскоре появилась и женская. Однако в это время, в Санкт-Петербурге в двух воскресных школах, было обнаружено преподавание учения, направленного на ниспровержение самодержавия. Вследствие чего, власти распорядились все воскресные школы закрыть. А.М. Байков предпринимает энергичные усилия, для того, чтобы открыть воскресные школы в Ростове. При этом берет всю полноту ответственности перед властями на себя. Эту ношу с ним разделил ремесленный голова Ростова Т.Н. Иванов. Инициатива сподвижников была, хоть и не сразу, но удовлетворена. В 1869 г. воскресные школы вновь были открыты в нашем городе.

В 1862 г. в Ростове-на-Дону открывается женское 3-х классное училище. В том же году А.М. Байков успешно ходатайствует об учреждении на счет города 10 мест для детей из бедных семей. А в 1863 г. дворяне Ростовского уезда соглашаются вносить по 5 руб. в пользу этого училища, что составило 430 р., т.к. тогда было всего 86 дворянских имений. Кроме того, женское училище получало от города ежегодно на содержание по 600 р., но т.к. этого было далеко недостаточно, в 1867 г. это пособие было доведено до 800 р. [3].

В 1865 г. Ростовское еврейское общество ходатайствует чрез А.М. Байкова об учреждении в Ростове казенного еврейского училища 1 разряда. 17 января 1867 г. еврейское учебное заведение под руководством раввина Гнезина было открыто [3].

С 1868 г. в уездном училище были введены в программу уроки пения, при этом Андрей Матвеевич выразил готовность жертвовать необходимые для этого – 100 р. в год [3].

Так же показательна история с открытием ремесленного класса при Приходском училище.

В 1864 г. Байков предлагает ростовским мещанам учредить в Ростове ремесленное училище. Но они не соглашаются на это. Тогда Андрей Матвеевич ходатайствует об открытии ремесленного класса при Ростовском приходском двухклассном училище. Ходатайство было удовлетворено. Попечитель Одесского учебного округа разрешил открыть с 1 января 1870 г. ремесленный класс, в котором обучали столярному, слесарному, переплетному ремеслам. Городское общество предположило определить плату для этой цели с каждого воспитанника в приходском училище по 5 р. в год. С лиц, не имеющих средств, оплата отменялась городским головою. [3].

В 1864 г. Андрей Матвеевич создает специальную комиссию для всестороннего обсуждения вопроса об учебной части в г. Ростове-на-Дону. Председателем комиссии был избран сам А.М. Байков. В состав вошли: штатный смотритель уездного училища В.С. Панченко, законоучитель отец Николай Сластовников, учитель А.М. Петропавловский, блюститель приходского училища А.М. Баташев, член попечительного совета женского училища от купечества П.Р. Максимов и граждане: Н.А. Ященко, К.М. Наливайко, И.О. Сидоров. Благодаря усилиям этой комиссии было обращено особое внимание на развитие системы образования в городе и в частности на проект классической гимназии. Но процесс ее открытия затянулся и первая в Ростове мужская прогимназия была открыта в 1876 г. уже стараниями приемника Байкова на посту городского головы А.К. Кривошеина. В 1883 г. она была преобразована в мужскую гимназию. Женская прогимназия была в 1873 г. преобразована в «Екатерининскую» женскую гимназию.

Упомянутая выше комиссия способствовала развитию в городе и технического образования. В 1873 г. учреждается «Петровское» реальное училище, которое содержалось на средства, отпускаемые Городской Думой. В 1876 г. начинаются занятия в мореходном классе имени графа П.Е. Коцебу,

который тоже содержался за счет, выделяемых городом средств. В 1886 г. по предложению А.М. Байкова, который вновь стал городским головой, Городская Дума постановила открыть в Ростове рисовальную школу, попечителем которой был избран Владимир Иванович Асмолов. На содержание школы в 1886 г. было выделено 500 р. [3]. Состоятельные «ростовцы» учредили в Ростовском общественном банке фонд, средства которого направлялись на оплату обучения нескольких детей из неимущих семей. Для этой же цели учреждались благотворительные стипендии. К концу XIX века в Ростове-на-Дону находилось 23 учебных заведения. Из них 14 начальных и 9 средних [2, с. 106].

Таким образом, благодаря инициативе и продуктивной деятельности городских властей и общественности в Ростове-на-Дону в течение XIX столетия была сформирована сеть учебных заведений начального и среднего образования, послужившая базой для дальнейшего развития народного просвещения. Новое поколение «ростовцев-подвижников» в 1915 г. создали все условия, для того чтобы, эвакуированный Варшавский университет обосновался в нашем городе. Так началась история РГУ – ЮФУ.

Источники и литература

1. Ильин А.И. История города Ростова-на-Дону. Очерк. Ростов на-Дону: Мини Тайп. 2006.
2. Малыхин К.Г. История Донского края. – М.: ИКЦ «МарТ». Ростов на-Дону: Издательский центр «МарТ». 2006.
3. Чалхушьян Г.Х. История города Ростова-на-Дону. URL: <http://www.ru.hayazg.info> (дата обращения 04.09.2016).

Театральное искусство провинциального города XIXв. в фокусе российского культурного наследия

*Демидионова Лилия Николаевна
Национальный исследовательский университет
«Московский энергетический институт»
доцент*

*DemidionovaLN@mpei.ru
Смирнова Марина Ивановна
Национальный исследовательский университет
«Московский энергетический институт»
доктор исторических наук, профессор
Vladimara@mail.ru*

Русский театр – важнейший сегмент общероссийского культурного наследия. По сравнению с другими видами искусства, провинциальный драматический театр наиболее ярко отразил характерные черты духовной жизни российского общества. В отличие от огромных мегаполисов именно провинция сохранила качественные характеристики национальной идентичности:

«...провинция – это вся Россия, кроме двух точек: старой столицы – Москвы и новой – Петербурга» [5, с.5].

В русской литературе XVIII- XIX вв. сформировался образ провинции как территорий, удаленных от столиц, жизнь в которых скучна и однообразна. Об отсталости периферии, ее нравах и обычаях много говорится в повестях, романах, пьесах и публицистике. Вместе с тем, провинция была социокультурной средой, сформировавшей множество ярких личностей, индивидуализировавших эпоху. Из провинциальных университетов вышли многие выдающиеся ученые, составившие гордость отечественной и зарубежной науки. Провинция читала те же книги и журналы, сопереживала героям тех же пьес, что и столичная публика. Ведущие актеры императорских театров приезжали в провинцию с антрепризами и на гастроли. В провинциальных театрах сформировались выдающиеся деятели сцены: М.С. Щепкин, П.А. Стрепетова, М.Г. Савина, А.П. Ленский, В.Ф. Комиссаржевская.

Русский театр является частью духовной культуры, в нем наиболее ярко, по сравнению с другими видами искусства, отразились характерные черты нравственных исканий общества.

В художественной силе воздействия театрального искусства, в его исключительном общественном значении убедился Петр I во время его поездки в Европу в составе «великого посольства» в 1697-1698 гг. Уже в 1702г. в Москве на Красной площади была открыта «комедиальная храмина» - первый опыт общедоступного русского театра. Организуя актерские действия, Петр I преследовал политические и художественные задачи: служить делу государственного строительства и знакомить русское общество с европейской культурой. В петровскую эпоху был заложен фундамент для дальнейшего развития русского театра.

Театральная культура распространялась и в русской провинции: к середине XVIII в. школьные театры существовали при духовных учебных заведениях в Казани, Новгороде, Твери. Эти театры должны были способствовать улучшению церковно-богословского образования учащихся семинарий. Свообразным источником просвещения были крепостные театры князя Н. Г. Шаховского в селе Юсупово, а затем в Нижнем Новгороде, И. И. Есипова в Казани, С. М. Каменского в Орле [3].

В Ярославле сын костромского купца Федор Григорьевич Волков (1729-1763) создал первый профессиональный общедоступный театр, который определил тенденции развития российского театрального искусства на несколько десятилетий вперед.

Актерами были его братья и сверстники – «охочие комедианты». Этот театр был действительно публичен и доступен любому, независимо от социальной принадлежности. Первое представление перед ярославской публикой состоялось 29 июня 1750 г. Сформировалась труппа, из которой вышли первые в истории русского театра профессиональные актеры: Яков Шумский, Иван Дмитриевский, Алексей Попов. Сам Федор Волков был и артистом, и режиссером, и театральным художником, и предприимчивым антрепренером.

Репертуар труппы был многоплановым – это духовные драмы митрополита Димитрия Ростовского, трагедии Расина и А.П. Сумарокова, комедии Мольера.

Слава о регулярно действующей «ярославской комедии» достигла императрицы Елизаветы Петровны, которая захотела видеть театральные лицедеи в своей резиденции. Специальным указом предписывалось снабдить труппу «ямскими подводами» и «прогонными деньгами». Так, в 1752 г. начались первые в истории русского театра гастроли - из Ярославля в Петербург. Представив при дворе три пьесы, ярославцы обеспечили себе покровительство императрицы. Самые талантливые артисты продолжили карьеру в Петербурге, где в 1756 г. был учрежден «Русский для представлений трагедий и комедий театр», труппу которого возглавил Ф.Г. Волков.

За десять лет в столице провинциальный купеческий сын вырос до одной из самых масштабных личностей российской культуры. Театр Ф. Волкова был театром гражданским, патриотическим, он отстаивал мотивы вольности, свободы, человеческого достоинства. Недаром фигура основателя русского театра Федора Волкова запечатлена на знаменитом монументе «Тысячелетие Руси» в окружении М.В. Ломоносова, Ф.Г. Державина, Н.М. Карамзина

С отъездом труппы Ф.Г. Волкова в Петербург культурная и театральная жизнь в Ярославле продолжилась. Губернатор А.П. Мельгунов, покровитель литературы, театра и истории края, поощрял развитие театрального творчества, в его доме ставились любительские спектакли. В 1786 г. в Ярославле гастролировал преемник Ф.Г. Волкова, Иван Афанасьевич Дмитриевский (1734-1821), получивший от Екатерины II звание «первого актёра российского придворного театра» [6]. В XIX в. Ярославский театр был одним из лучших театров империи. На его подмостках блистал сценический цвет России - М.С. Щепкин, П.А. Стрелетова, И.М. Москвин, В.И. Качалов, М.Г. Савина, К.С. Станиславский.

Социальное значение театра как средства образования, просвещения подданных, как важного звена государственной политики в сфере культуры выражено в известной фразе императрицы Екатерины II: «Театр – школа народная; она должна быть непременно под моим надзором, я старший учитель в этой школе, и за нравы народа мой первый отчет Богу» [10, с.203]. В 1775 г. выходит «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи», в соответствии с которым обязанностью губернаторов было развивать и укреплять местное самоуправление, заботиться о благосостоянии края и развитии его культуры. Следуя идеям просвещенного абсолютизма, Екатерина II считала всестороннее образование важнейшей задачей в деле исправления нравов, поэтому театральное дело стало частью государственной политики. Правительство поощряло сооружение больших публичных театров и способствовало развитию частных антреприз под своим контролем и наблюдением.

Провинциальное дворянство, привлеченное к административному руководству губерний и уездов, стремилось подражать столицам, в том числе в «устройении» театров, преследуя цели «увеселения» общества и отвлечения

местного населения от политических проблем. В конце XVIII в. сформировались многие профессиональные труппы на периферии. В 1776 г. сооружается «оперный дом» в Калуге, в 1780 г. открывается театр в Харькове, в 1786 г. – в Тамбове, в 1787 г. – в Воронеже [1, с.89]. Однако провинциальные города не могли обеспечить их постоянное содержание, поэтому во главу угла ставилась гастрольная деятельность артистов. Антрепренеры стремились угадать желания публики и прежде всего зажиточных слоев, благодаря которым театральные постановки окупались. Отсюда преобладание легкого, преимущественно развлекательного репертуара.

В XIX в. театральная жизнь провинции становится более активной. Во многих губернских городах появляются постоянные театры с сильным актерским составом (Казань, Нижний Новгород, Саратов и т.д.), репертуар которых мало чем отличался от репертуара театров Петербурга и Москвы.

В 1803 г. заезжие труппы, гастролеры и местные любители ставят в Саратове русские комические оперы, оперетты и драматические спектакли. В 1859 г. саратовский купец 1-й гильдии Ф. О. Шехтель построил в своем загородном саду деревянный летний театр с партером и ложами. Впоследствии театр не раз горел и перестраивался. В 1865 г. во вновь отстроенном четырехъярусном театре пьесой А.Ф.Писемского «Горькая судьбина» начала регулярную работу труппа, возглавляемая антрепренером и актером П.М. Медведевым. В том же году в театре при участии находившегося в Саратове А.Н. Островского была поставлена пьеса «Гроза». Основу репертуара на протяжении многолетней истории составляли спектакли по произведениям отечественной и зарубежной классики.

Со сценой саратовского театра связаны имена А.П. Ленского, М.Г. Савиной, В.Н. Давыдова, К.А. Варламова П.А. Стрепетовой, В.Ф. Комиссаржевской, В.И. Качалова и других великих русских актеров. Приветствуя театр в дни празднования 60-летия со дня основания, К.С. Станиславский назвал его «рассадником национальной культуры» [8].

Во второй половине XIX в. крупный торгово-промышленный Саратов (в конце 1850-х гг. – 72 тыс. жителей) по праву считался не только театральной, но и культурной столицей Поволжья, где 1880-е гг. создавались различные общества, которые устраивали общедоступные музыкальные концерты и любительские спектакли, издавали дешевые книги для народа, устраивали передвижные художественные выставки.

В 1851 г. Самара стала губернским городом с населением в 15 тыс. жителей. С этих пор бурно развивавшийся город называли «русский Чикаго» благодаря гигантским мельницам, многочисленным заводикам и торговым лавкам. Самарская губерния была лидером по количеству собираемой пшеницы в Российской империи. Тогда же в Самаре появилась первая профессиональная труппа — антреприза Е. Стрелкова, представления которой устраивались в доме купца Лебедева, приспособленном для спектаклей. После того, как особняк Лебедева сгорел, в 1855 г. был выстроен деревянный театр на 550 мест. Деньги на строительство были собраны по инициативе гу-

бернатора К.К. Грота по подписке. В своем первом сезоне театр показал самарской публике комедию Н. Гоголя «Ревизор».

На сцене Самарского театра в 1870 г. дебютировала замечательная русская актриса Пелагея Стрепетова (1850-1903). На провинциальной сцене она впервые сыграла Лизавету в «Горькой судьбине» А.Ф.Писемского. Ее партнерами были Модест Писарев и Мария Савина. В 1901г. в Самаре на несколько дней раньше, чем в Петербурге, состоялась премьера спектакля по повести М. Горького «Фома Гордеев». Этот спектакль положил начало горьковскому репертуару не только на сцене самарского театра, но и на сценических площадках по всей России [7].

Не только в крупных губернских городах создавались театры. Жители небольшого уездного города Осташков также отличились интересом к культуре и искусству. В 1805 г. группа талантливых и смелых осташей дала первое театральное представление – комедию «Старый капрал». Это был один из первых общественных любительских театров Тверской губернии.

Организатором театра был живописец Л.М. Колокольников. Роли в первых постановках осташковского театра играли только мужчины: каменщики, кожевенники, купцы. В маленьком городке театр пользовался большим успехом, в его репертуаре были пьесы Д.И. Фонвизина, А. Коцебу, А. Н. Островского. Общественный театр являлся предметом особой заботы городского головы Ф.К. Савина, человека образованного и всей душой преданного родному городу. В середине XIXв. театр прочно встал на ноги, сложилась актерская труппа, появился постоянный оркестр. Во многом успеху театра содействовала Прасковья Ивановна Орлова (1815-1900) – профессиональная актриса, игравшая в Малом театре в Москве, в театрах Одессы и Петербурга. Выйдя замуж за Ф.К. Савина, она переехала в Осташков, посвятив своё сценическое мастерство актёрам и зрителям городского театра. С её появлением театр преобразился и достиг своего расцвета [4]. Вспоминая эти годы, П.И.Орлова писала: «Театр был отдан в полное мое заведывание. Я назначала репертуар, ставила пьесы, учила всех и могу смело сказать, что делала чудеса, вырабатывая из рыбаков, кузнецов и сапожников – Чацких, Хлестаковых и прочих, а графинь и княгинь выделявала из женщин, занимавшихся дома самыми простыми работами. Но надо сказать правду: между ними были самородки, как Иван Павлович Нечкин, Кошелева, Фокина. У нас игрались лучшие пьесы: «Горе от ума», «Ревизор», «Гроза» и многие другие». Именно на подмостках Осташковского театра комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума» была впервые представлена зрителям без цензурных купюр [9].

Буржуазные реформы 60-х – 70-х гг. XIX в. оказали влияние на многие стороны жизни России, на социальный и духовный облик россиян. Выросло число провинциальных театров и театральных трупп: в 1860-е гг. они действовали более чем в 100 городах. Из среды разночинной интеллигенции появился новый зритель, репертуар драматических театров изменился, многие постановки приобрели социальную направленность. Искусство распростра-

нялось среди демократически настроенной публики, ведь язык театра был доступен самым широким слоям населения.

В провинцию на гастроли регулярно приезжали ведущие актеры императорских театров (П.С. Мочалов, В.И. Живокини и др.), а провинциальный театр давал актеров для столичной сцены. Так, из Тульского театра вышел М.С. Щепкин – один из основоположников русской актерской школы.

Театр был центром культурной жизни российского города. Не случайно герой рассказа А.П. Чехова «Дама с собачкой», приехав в небольшой провинциальный город, в котором живет его возлюбленная, в надежде увидеть ее, идет в местный театр, на премьеру. Он уверен, что, будучи женщиной образованной, она непременно будет там. Это о многом говорит.

Театр был также своеобразным клубом, где встречались горожане без различия сословий. Театр выступал как средство общения. В антрактах, которые были довольно продолжительны, зрители обменивались впечатлениями, обсуждали последние новости. Театр являлся своеобразным средством просвещения, более действенным, чем библиотеки и лекции, поскольку был открыт и понятен для малограмотной части населения. Театр заменял политическую трибуну, прессу, это была единственная отдушина, единственное место, в котором бился пульс общественной жизни [2, с.158].

Театр как публичное зрелище, опирающееся на синтез искусств и политики, взял на себя универсальную социокультурную роль, являясь одним из существенных факторов духовного развития российской провинции XIX в.

Источники и литература

1. Данилов С.С. Очерки по истории русского драматического театра. Л.: Искусство, 1948.
2. Дмитриевский В.Н. Театр и зрители. Отечественный театр в системе отношений сцены и публики: от истоков до начала XX века. СПб., 2007.
3. Дымова Е. Крепостные театры в России и проблема творчества [Электронный ресурс] // <http://www.proza.ru/2010/07/10/679> (Дата обращения 23.09.2016.)
4. ОРЛОВА-САВИНА Прасковья Ивановна — русская актриса 175 лет со дня рождения (1815—1900) [Электронный ресурс] // http://ostashkow.narod.ru/karpov/karpov_34.htm (Дата обращения 23.09.2016.)
5. Петровская И.Ф. Театр и зритель провинциальной России, вторая половина XIX в. Л.: Искусство, 1979.
6. Российский государственный академический театр драмы им. Федора Волкова. Официальный сайт. [Электронный ресурс] // <http://www.volkovteatr.ru/theatre/history/> (Дата обращения 23.09.2016.)
7. Самарский академический театр драмы им. М. Горького. Официальный сайт. [Электронный ресурс] // <http://www.dramtheatre.ru/> Дата обращения 23.09.2016.
8. Саратовский государственный академический театр драмы им. И.А. Слонова. Официальный сайт. [Электронный ресурс] // <https://www.saratovdrama.com/> дата обращения 23.09.2016.

9. Театр в кавычках и без. [Электронный ресурс] // http://www.ostashkov.net/readarticle.php?article_id=617. Дата обращения 23.09.2016.

10. Тиандер К. Очерки по истории театра в Западной Европе и России в 2 т. Харьков, 1911. Т.2.

Модернизация городского пространства Ростова-на-Дону и университетская среда в начале XX века

*Дмитриева Наталья Валерьевна
Южный федеральный университет
старший преподаватель
nvdmitrieva@sfnedu.ru*

Студенческая корпорация представляет собой неотъемлемую часть «университетского города». По точному замечанию профессора Александра Мартыновича Придика «Университет создается не для профессоров, не для города, а для учащейся молодежи – для студентов и курсисток» [3, с. 3]. Не стал исключением и эвакуированный в 1915 г. в Ростов-на-Дону Варшавский императорский университет. По первоначальной оценке корреспондентов ростовской газеты «Приазовский край» количество студентов, эвакуированных из Варшавы, составляло около 1500 человек. На сегодняшний день исследователи сходятся во мнении, что к началу учебного года в Ростове-на-Дону их количество составляло от восьмисот до тысячи человек [1, с. 29]. Для крупного провинциального города как Ростов-на-Дону с численностью населения в начале XX века 200000 человек появление пусть и незначительной по численности группы студентов вызвало к жизни и активизировало некоторые виды торговой и предпринимательской деятельности, а также новые формы времяпрепровождения, досуга. Следует заметить, что «новые жители» были эвакуированы из другой в социально-экономическом и культурном смысле части Российской империи. Город столкнулся с необходимостью не только принять и обустроить студентов Варшавского императорского университета, но и менять свою культурную жизнь, которая обогащалась за счет вживавшейся в нее студенческой субкультуры. Донская периодическая печать является важным источником при анализе взаимовлияния города и студенческой корпорации. На страницах газет и журналов нашли отражение те проблемы, с которыми столкнулись студенты после эвакуации, основные направления их деятельности по преодолению материально-технической необустроенности, налаживанию характерных для студенческого сообщества досуговых практик, а также отношение профессоров, городских властей и общества к студенческому вопросу.

В качестве источниковой базы нами использованы материалы как городских периодических изданий «Приазовский край» и «Ростовская речь» (авторами статей выступают, главным образом, профессора университета и корреспонденты газет), так и студенческой газеты *Gaudeamus*, журнала «Сту-

денты-беженцам», за период 1915 – 1917 гг. Верхней хронологической границей исследования является время эвакуации Варшавского императорского университета в Москву и постановка вопроса о его переезде в Ростов – июль-август 1915 г., нижней границей – март 1917 г., время февральской революции изменившей все стороны жизни не только студенческого сообщества, но и страны в целом.

Следует заметить, что все авторы статей, заметок, информационных сообщений сводят студенческий вопрос к трем основным направлениям: научному, культурному и материальному. Все три направления не теряли своей актуальности на протяжении рассматриваемого хронологического периода.

Следует начать с того, что в западноевропейских университетах существовала традиция компактного проживания студентов в специально созданных университетских общежитиях. В Ростове-на-Дону не было специально созданных зданий для университета, в том числе и для студенческого общежития. Ростовские власти вынуждены были приспособить уже имеющиеся архитектурные постройки под университет, однако студентам для проживания подобного здания выделено не было. Городские власти ограничились открытием в августе 1915 г. бюро при городском кредитном обществе, где домовладельцы и владельцы комнат могли оставлять свои объявления, а также открытием в городском доме при казачьих казармах временного общежития, рассчитанного на 30 мест.

Газетой «Приазовский край» было проведено анкетирование среди членов университетской комиссии о расселении студентов. Как видно из результатов члены комиссии придерживаются единого мнения о недостаточном количестве свободных комнат для студентов в самом Ростове-на-Дону, о необходимости их расселения в пригородах, снижении проездных тарифов для студенчества в пригородных поездах и трамваях [2, с. 5].

По публикациям в прессе можно проследить какое коммерческое воздействие произвело появление варшавских студентов в городе: стоимость на аренду жилья резко возросла: «очевидно, ростовские хозяйки, по недостаточному знакомству со студентами, воображают их богачами и смотрят на них как на дойную корову» – пишут в своем письме студенты [6, с. 5]. И на страницах студенческой юмористической газеты *Gaudeamus* в стихах и прозе нашел отражение этот вопрос: «в Ростове мягко стелют, да жестко спать – отзываются студенты о съемных комнатах» [8, с. 3].

В 1915 г. обсуждается вопрос об обеспечении студентов дешевыми обедами в ростовских ресторанах.

С переводом Варшавского университета донская пресса начинает пестрить объявлениями о частных занятиях студентов по всем предметам от математики и физики до древнееврейского языка. Однако и здесь Ростов не совсем гостеприимно встречает студентов – сократилась стоимость основного вида дополнительного студенческого заработка – частных уроков – от полутора до трех раз по сравнению с 1914 годом.

Не менее важным представляется для студентов и профессоров вопрос отсутствия в Ростове-на-Дону библиотек и магазинов с научной литературой. «Во всем городе нет ни одной научной книжонки. Из разговора в книжном магазине узнал, что здесь наибольшим спросом пользуется «Нат Пинкертон» американский сыщик, и «Брачная газета» – пишет автор статьи в *Gaudeamuse*» [8, с. 2]. Скучную обеспеченность студентов учебной литературой отмечают и профессора университета. Особенно историко-филологического факультета. В Главном здании было отведено помещение для студенческой читальни, однако к марту 1916 г. она была не укомплектована не только книгами, но и мебелью. Студенты пользовались кабинетами профессоров и профессорской читальней. Не только профессора проявляли инициативу в комплектовании университетской библиотеки, но и студентами была организована «книжная самопомощь», выразившаяся в организации книжной лавки [4, с. 3].

Еще одно направление, в котором были обделены, по мнению профессоров, студенты варшавского университета в Ростове - культурная жизнь. Отсутствие музеев, театров, галерей отрицательно сказывалось на студенческом досуге. Ввиду этого студенты сами организовывали и проводили культурно-массовые мероприятия, к которым относились не только благотворительные концерты с целью сбора средств для неимущих студентов и беженцев, но и общекультурные вечера и концерты. Представленный репертуар был весьма разнообразен: исполнения на скрипке серенад, чтение произведений классиков литературы, выступление студенческого хора и постановка музыкальных картин и сцен.

Периодическая печать активно призывает общество к помощи вновь прибывшим студентам. На страницах периодической печати печатаются объявления о вакантных рабочих местах для студентов и выпускников университета, публикуются списки вновь зачисленных студентов.

Согласно правилам для студентов и посторонних слушателей Императорского варшавского университета, студенты имели право создавать свои, в том числе научные организации. В Ростове-на-Дону сохранилась эта традиция и при университете функционировали Студенческий кружок изучения истории и права, Педагогический кружок, Славянский кружок студентов, Студенческая взаимопомощь.

Особняком стоит на страницах периодической печати вопрос студенты и война. Известно, что выпускнику вузов пополняли ряды военнослужащих на фронтах Первой мировой войны. Однако и учащаяся молодежь активно поддерживала фронт. На страницах газет мы находим объявления о сборе среди студентов помощи для солдат, о передаче подарков на фронт вместе с уполномоченными студентами, об организации студенческих культурных мероприятий для сбора денежных средств в фонд беженцев. Однако ростовское студенчество на этом не остановилось. 24 августа 1915 г. был издан студенческий журнал «Студенты-Беженцам», а также в районе Городского сада проведен кружечный сбор средств для беженцев [5, с. 1–2]. На страницах журна-

ла были размещены материалы о роли и месте студенчества в современном обществе и военных условиях, опубликованы результаты анкетирования на тему «Студент и война», литературные произведения студентов на военную тематику. Сама студенческая инициатива, а также характер представленного материала свидетельствуют об общем патриотическом настрое среди молодежи, ее социально-политической активности.

В ходе февральской революции 1917 года в Ростове-на-Дону был образован студенческий революционный комитет. На страницах газеты Приазовский край публиковались его отдельные постановления, которые касались вопросов профессорско-преподавательского состава университета, проведения учебных занятий, созыва согласительных комиссий из состава профессоров и студентов.

Вскоре после февральской революции начала выходить газета «Красное знамя» - орган социалистического студенчества Ростова. Редакция газеты помещалась в главном корпусе университета.

17 апреля в театре Машонкина состоялось многолюдное собрание студентов всех высших учебных заведений. Вынесена следующая резолюция, предложенная студенческим революционным комитетом:

«Признавая, что на священной обязанности всей демократии лежит в настоящее время работа по закреплению и углублению завоеваний революции, общее собрание студентов и студенток всех высших учебных заведений Ростова постановило с 17 апреля занятия и экзамены во всех высших учебных заведениях Ростова временно прекратить. Все студенты и курсистки считаются переведенными на следующий курс. Выпускным курсам предоставляется право продолжить экзамены и занятия до окончания курса» [7, с. 2].

Таким образом, модернизация городского пространства проходила в условиях формирования новой категории населения Ростова-на-Дону – студенчества. Это выражалось не только в изменении прежнего функционального назначения зданий, отданных под университетские корпуса, и распространении столовых и книжных лавок. Оформлялось новое направление в культурной жизни города.

Источники и литература

1. Данилов А.Г. Варшавский университет в Ростове-на-Дону (1915-1917 гг.). Часть I // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2005. № 3. С. 29-34.
2. О расселении студентов. Анкета. // Приазовский край. 22 сентября 1915. № 250.
3. Придик А. Университетский город // Приазовский край. 10 сентября 1915. № 238.
4. Студент. Что нужно сделать // Приазовский край. 13 сентября 1915. № 242.
5. Студенты-беженцам. Однодневный журнал. 21 августа 1915.
6. Университетские вопросы. От группы студентов и курсистов (письмо в редакцию) // Приазовский край. 29 сентября 1915. № 257.

7. Хроника исторических дней. Среди студентов // Приазовский край. 14 марта 1917. № 69.
8. Gaudeamus. Однодневник. 1916. № 3.

**Периферийный город в контексте культурного пространства:
к вопросу о методах анализа городской культуры**

*Добрейцина Лидия Евгеньевна
Уральский федеральный университет
кандидат культурологии, доцент
dobreycina@yandex.ru*

Изучение специфики культуры провинциальных городов в России – процесс неновый, успевший уже обрести свою историю и традиции. Тем не менее, некоторые если не методы, то взгляды и подходы постоянно совершенствуются, уточняются, берутся под сомнение, и это понятно: периоды интереса к региональной культуре в нашей стране чередуются с периодами спада, даже скепсиса в отношении нужности такого разговора. В наши дни часто можно читать и слышать утверждения, что нет никакой региональной культуры, есть культура общероссийская, основной пульс которой бьется в Москве и нескольких крупных центрах, и по этому-то пульсу и следует сверять все остальное, следовательно, никакие особые методы и подходы к изучению провинции не нужны. Тем не менее, приверженцы идеи культурной особенности развития российских регионов настаивают на специфичности методов их изучения. Учитывая тенденцию последних лет ориентировать гуманитарные исследования на практическое применение, актуальными в этих разработках стали выходы на формирование имиджа города, бренда региона с целью привлечения к нему внимания инвесторов, туристов, деятелей искусства. А здесь уж точно нужны иные подходы, чем те, что применяются к развитию и презентации культуры столицы.

Поскольку город является сложноорганизованной системой, методов и подходов изучения его культуры может быть много. Одними из первых прописали методологию того, что они назвали градоведением, петербургские/петроградские историки школы И. М. Гревса еще в 1910–1920-е годы. Позволим себе напомнить план исследования города, предложенный представителем этой школы Н. П. Анциферовым: «На чем стоит город; условия и процесс роста; планировка в связи с рельефом местности; внешний облик города (материальная «оболочка»); социальные функции; население» [1, с. 30–31]. В этот план укладываются базовые знания о городе, однако он, конечно, должен быть расширен и конкретизирован, в том числе с учетом современных методов гуманитарного знания.

Перспективным нам представляется в связи с изучением культуры города активное использование понятия городского и регионального культурного пространства. Причем пространство это следует, на наш взгляд, рассматривать в нескольких аспектах. Прежде всего, это внутригородское про-

странство, сам город как сложноорганизованное, структурированное пространство, отличное от не-города, сельской среды, природного окружения. О специфике внутригородского пространства написано немало, оно прекрасно изучается при помощи методов семиотики. В его формировании участвуют планы города, архитектура, городская скульптура, топонимика.

Начать процесс изучения городского пространства стоит с выявления его структуры, т.е. центральных и периферийных точек, мест, районов. «Нет Города без его центра, самой соей специфичностью противостоящего всему прочему. Дело не в зданиях как таковых, а в формах активности, в «повышенности температуры» человеческой, деловой и досуговой деятельности <...> Нет Города и без связности всех его элементов, но речь не о транспорте <...> Речь о путях для взора, сопрягающих характерные ориентиры, отыскивающих характерные границы, все время убеждающие человека, что он в городе» [2, с. 5]. Эти слова В. М. Глазычева напоминают и о том, что город – всегда структура, без изучения которой немисливо понять его сущность. И о том, что важнейший этап этого изучения – выявление его центра или центров, точек притяжения человеческой активности, наивысшего напряжения культурной жизни. В работе филолога и краеведа Н. К. Пиксанова «Областные культурные гнезда» (1928) такие центры были названы очагами культуры, и под ними подразумевалось нечто конкретное, какие-то учреждения – школа, библиотека, клуб. Сейчас мы понимаем, что наряду с ними центром может быть все, что угодно, вплоть до площади, двора, подвала или чьей-то квартиры (вспомним явление «квартирников» в брежневском СССР). Причем необходимо учитывать, что официальное районирование и народные предпочтения могут не совпадать, и это тоже дает пищу для размышлений – почему так произошло.

Также важно изучить топонимику, как официальную, так и «народную» – неформальные названия, популярные сокращения и т.п. Если исследуется история города, интересно посмотреть топонимику в динамике: как и почему менялись названия, насколько быстро успевал в этом вопросе город за столетними веяниями, какие топонимы в какой период преобладали и т.д. Богатым источником информации топонимику считал уже Н. П. Анциферов: «Изучение хорографической номенклатуры весьма интересная для урбанизма задача. Названия дают материал для этнографа, историка, экономиста, социолога. Нужно проследить историю переименований. Каждое переименование отмечает факт общественной жизни, отмечает смену вкусов и идей. Каждая эпоха, можно сказать, имеет свой излюбленный тип названий. <...> Хорографическая номенклатура имеет большой смысл. Она является языком города, через который мы можем знакомиться с самыми разнообразными сторонами жизни» [1, с. 101–102].

Не стоит недооценивать и роль наружной рекламы как одного из факторов организации пространства. Изучать ее сложнее, т.к. она быстро меняется, но и в этих изменениях можно почерпнуть кое-какую информацию. Важны и ее вербальная, и визуальная составляющие, а также место ее расположе-

ния, степень «навязчивости», качество исполнения. Примета многих провинциальных городов России – броские вывески, зачастую с использованием иностранных слов, на старинных домах, как правило, находящихся не в лучшем состоянии. В результате такого сочетания проигрывают и те, и другие: особнячок выглядит совсем уж жалко, а реклама – вульгарно и неуместно. И наоборот, удачно вписанная в городской ландшафт реклама повышает привлекательность города. Одним из практических применений исследований городского пространства могла бы стать разработка рекомендаций для рекламодателей, дизайнеров, работающих с исторической застройкой.

Другой аспект понимания культурного пространства в контексте регионоведческих исследований – город в пространстве его окружения. Сюда относятся вписанность города в природный ландшафт, его место в социальной иерархии городов и во взаимосвязях с соседями. Вопросы социальной иерархии городов применительно к нашей стране подробно разобраны в книге В. З. Паперного «Культура 2», и хотя там речь идет в основном о советской системе, в наши дни эта тема не потеряла актуальность. Здесь важны такие аспекты, как официальный статус (областная или краевая столица отличается от райцентра или заштатного города), какие-то особые заслуги, а также связанная с ними специализация города. Понятно, что административные центры будут «тянуться» за Москвой, имея для этого и финансовые, и политические средства, стремиться к универсальности своего внутреннего пространства и к усилению влияния вовне, распространяя его не только на формально подчиненную им область/край, но и шире. Таковы примеры «вторых» и «третьих» столиц – Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Новосибирска. Другие города более специализированны (город индустриальный, курортный, город-музей и т.п.), хотя эта специализация в современной ситуации порой меняется. В советский период она была более устойчива и оценивалась вполне позитивно. В наши дни город вполне может как развиваться в универсальный центр (например, Екатеринбург), так и деградировать в нечто невнятное (не то город, не то поселок). А там, где специфика сохраняется, это стало восприниматься как остановка в развитии (моногород). В связи с этим имеет смысл при изучении города определить его место в иерархии как официальной, так и неформальной, причем не забыть, что и здесь возможна разница в том, как определяют себя и свой город сами горожане, и как он видится со стороны. Например, многие уральские города в последние годы пытаются развиваться как туристические центры, но большинство рядовых граждан и представителей власти воспринимают их по-прежнему исключительно как города-заводы. А это означает принципиально иное место в пространстве культуры. Туристический центр открыт вовне, активно взаимодействует с миром. Город-завод – структура закрытая, маломобильная, сосредоточенная на себе, точнее, на своих производственных задачах.

Рассматривая город как часть общенациональной культуры, важно учесть следующие аспекты (они тоже были выделены еще школой Гревса): «1. Специфические черты, характерные для всех русских провинций 2. Осо-

бые черты, характерные исключительно для данной провинции 3. Черты, присущие данной провинциальной культуре как центру, к которому тяготеют свои собственные провинции» [3, с. 5]. Последний пункт хочется отметить особо, отчасти и потому, что о нем нередко забывают, рассматривая город либо сам по себе, либо как часть макрокультуры. Однако культурный обмен внутри отдельно взятого региона не менее важен, чем влияние столицы, как для функционирования провинциальной культуры, так и для ее понимания исследователями.

Современная культура ориентирована на стирание границ, в том числе пространственных. Поэтому так важен для периферийного города вопрос взаимодействия с другими городами и регионами, как по вертикали – вверх, к более крупному центру и вниз – к «собственным провинциям»; так и по горизонтали – к соседям близким и дальним как равноправный партнер. На протяжении веков провинциальные города России по большей части не имели возможности самостоятельных контактов с другими культурами и регионами. Неудивительно, что провинциальное воспринималось как синоним чего-то закрытого, от которого «хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь», а потому консервативного и отсталого. В наши дни благодаря развитию средств связи замкнутость уже не является неизбежным уделом даже затерянных в глуши городков. В то же время вековые привычки держаться «своего» и относиться с подозрением к «чужому» отмирают тяжело. Степень открытости города контактам, вовлеченности его в мировые культурные процессы хотя бы в качестве зрителя, попытки вписаться в культурный контекст региона, страны, не говоря уже о мире – очень важный показатель как современного состояния городской культуры, так и ее возможностей в будущем. Необходимо изучать два аспекта – доступность для горожан культурной информации из других регионов и презентация городом себя другим культурам, будь то фестивали, туристические маршруты, амбициозные бизнес-проекты или стильные и содержательные сайты о городе в интернете.

Сейчас уже не только культурологи, но и многие представители власти поняли, как важен для города имидж – внешняя привлекательность, способность заинтересовать собой. Поэтому современный исследователь должен использовать в качестве объекта еще и третье проявление города в пространстве – в пространстве виртуальном, воображаемом. В мире информационных технологий отсутствие в интернете равносильно выпадению из жизни вообще. Источником здесь могут служить уже упомянутые сайты, блоги о городе, всевозможные городские форумы. Материалом является как содержание – непосредственная информация, оценочные высказывания, так и визуальное оформление – дизайн сайта, логотипы, символика, а также скорость изменений, активность пользователей. Затем это в принципе любая городская символика (как официальная, так и неформальная), сувенирная продукция, всевозможные слоганы и гимны, и не только в законченном виде, но и в процессе поиска. Большинство российских городов озаботились проблемой формирования имиджа, бренда сравнительно недавно, где-то это выливается в бур-

ные дискуссии, которые пока ни к чему конкретному не привели (например, в Екатеринбурге), и даже в конфронтации (в Перми). Но сами эти поиски, споры и ошибки интересны для исследователя, так как свидетельствуют о живом процессе, о попытках горожан связать воедино прошлое и будущее своего города и определить главное в нем.

Стоит изучать и образ города в искусстве. Это дает возможность взглянуть на город глазами художника и увидеть какие-то его аспекты отчетливей, в необычном ракурсе, а если произведение было создано давно, еще и почувствовать атмосферу прошлого. Также это и шанс поведать о городе широкому миру, использовать художественный образ города как своего рода рекламу. Так произошло с Плесом благодаря пейзажам И. И. Левитана, с горнозаводским Уралом благодаря сказам П. П. Бажова. Из последних примеров – село Териберка, ставшее знаменитым после выхода на экраны фильма А. В. Звягинцева «Левиафан» (2014). Совсем не обязательно образ должен быть красивым, милым и положительным. Художнику подчас удастся вскрыть и выпукло показать суть того или иного места, а суть всегда противоречива, неоднозначна, потому и привлекает больше, чем рекламный шаблон. Таким художественным произведением, которое «поймало» и отразило суть города, может выступать и музыка. Яркий пример – образ Магнитогорска, вдохновивший Г. С. Свиридова на создание сюиты «Время, вперед!» (1968). Конечно, музыка не даст исследователю конкретной информации, но поможет понять общий дух города в тот или иной период, а это уже большой шаг в интерпретации исторических фактов.

Наконец, последняя форма проявления «воображаемого» городского пространства, о которой стоит здесь упомянуть – пространство мифологическое. То есть наличие своей городской мифологии, легенд и преданий, связанных и с городом в целом и с отдельными его точками. Можно как угодно скептически относиться к тяге людей к мистике, но город, богатый преданиями и таинственными местами, всегда вызывает интерес, и это успешно используется для привлечения туристов и создания художественных произведений, например, в Санкт-Петербурге, где издается и немало книг на тему «ужасов Петербурга». В ряде городов успешно действуют экскурсионные маршруты «по загадочным местам». Для исследователя это ценный материал, в котором подлинная история переплетена с взглядами нескольких поколений на эту историю. Ведь любой миф – это представление о мире определенной группы людей, в данном случае – горожан, тесно связанных со своим городом и знающих о нем нечто такое, что не отражено ни в каких официальных документах.

В завершение хотелось бы подытожить, что изучение города в перекрестье культурных пространств – внутригородского, общекультурного и «виртуального» – является на наш взгляд, одним из наиболее перспективных и интересных подходов, который позволяет не только получить максимум разнообразной информации, но и целостно представить город как живой организм в его динамике.

Источники и литература

1. Анциферов Н. П. Как изучать свой город в плане школьной работы. М., Л.: Гослитиздат, 1929. – 129 с.
2. Глазычев В. М. В поисках утерянного города. // Знание – сила. – 1995, № 2. – С. 4–8.
3. Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. Концепт «культурное гнездо» и региональные аспекты изучения духовной культуры Сибири. // Культурное наследие азиатской России. Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса, 25–27 ноября 1997, Тобольск. – Тобольск: Изд-во Тобольского гос. пед. ин-та, 1997. – С. 3–8.

Периферийный город и горожанин в пространственно-временной ретроспективе: особенности национальной идентичности

Долгова Евгения Андреевна

Российский государственный гуманитарный университет

кандидат исторических наук

Dolgova-evg@rambler.ru

В исторической науке последних лет наметилась тенденция, корректирующая привычный фокус исследования проблематики политической, социальной и культурной истории в части ее конкретно-исторических сюжетов – бытования науки и научного сообщества. Она заключается в смещении внимания исследователей с антропологического аспекта изучения истории научного сообщества (с соответствующим ему комплексом субъективных источников личного происхождения) в сторону объективации – анализа формальных науковедческих показателей, исследования статистики научных кадров. Актуальными задачами представляются планомерный учет динамики численности научных работников, анализ их состава, квалификации, и территориального распределения, размещения. Решение последней задачи позволяет раскрыть картину функционирования научного сообщества в провинции в 1920-е-1930-е гг. Необходимые для всесторонней характеристики кадров науки элементы (показатели) статистического учета обнаруживаются в материалах личного, персонального учета всех научных работников и учета тех учреждений, в которых они трудятся (научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений).

Можно выделить следующие источники по истории «провинциальной» науки.

Труды «Комиссии «Наука и научные работники в СССР» и справочники, составленные по их образцу местными Секциями научных работников, характеризуют творческий потенциал т.н. «периферийной» науки – представленные в них биобиблиографические данные научных работников позволяют объективно оценить уровень развития науки в регионах, отказавшись от стереотипа противопоставления центра и периферии. К исследованию привлечены справочники «Научные работники СССР, без Москвы и Ленинграда»,

«Научные работники и научные учреждения Северо-Кавказского края», «Научные работники Казани», «Научные учреждения и научные работники г. Саратова», «Научные работники Белорусской Советской Социалистической Республики», «Научные работники Иркутска», «Научные работники Воронежа», «Научные работники Крыма», «Научные работники Омска», «Научные работники Азербайджана», «Научные работники Грузии», «Научные работники и научные и опытные учреждения г. Новочеркаска», изданные в 1920-е гг.

Локальные данные дополняют материалы статистических исследований (прежде всего, опубликованное издание «Научные работники РСФСР», составленное по материалам ЦеКУБУ и Секции научных работников, и издания Центрального управления народнохозяйственного учета, отдела учета подготовки кадров культуры). Они дают сведения в виде статистических и цифровых данных, выражаемых графически в схемах, таблицах и диаграммах. Однако в силу того, что приведенные данные были агрегированы, гораздо больше детализированной информации дают неопубликованные первичные материалы переписей, сохранившиеся в архивах. По итогам работы в РГАЭ и ГАРФ были проанализированы материалы обследования научных учреждений по республикам СССР 1932 г. (РГАЭ, ф.1562), материалы текущего обследования Госпланом научно-исследовательских учреждений по подведомственности, числу работников и бюджету по областям, краям и республикам СССР (РГАЭ, ф.562), анкеты и списки научных работников, получающих академическое обеспечение ЦеКУБУ, ведомости на выдачу академического обеспечения (ГАРФ, ф.4737), статистические сводки состава научных работников по категориям специальности, по полу, возрасту, национальности (ГАРФ, ф.4737), списки научных работников и преподавателей различных научных учреждений, подведомственных Главнауке (ГАРФ, ф.2307) и др.

Представленные материалы систематизируют данные о кадрах провинциальной науки в двух основных направлениях: сведения о научных работниках (их численность, биографические данные, специальность, профессия, место работы, партийность) и сведения о научных учреждениях (время их создания, задачи, структура, численность работников, руководителей). Их динамический и сравнительный анализ позволяют пересмотреть ряд устойчивых суждений отечественной историографии (например, о идеологической однородности научных кадров, специфике их социального и национального происхождения, условиях профессионального становления, возможностях ведения НИР) и способствуют объективации представлений о характере развития отечественной науки в первой половине XX в.

**«Сколько ученых, артистов, вельмож месят глубокую грязь без калош»:
южно-российские города как центры интеллектуальной миграции
(1917-1920 гг.)¹⁸**

*Еремеева Анна Натановна
Южный филиал Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева
доктор исторических наук, профессор
eranna2000@mail.ru*

Доклад посвящен интеллектуальной миграции 1917-1920 гг. как важному фактору преобразования культурной сферы городов—«реципиентов», прежде всего. Ростова-на-Дону и Екатеринодара. На основе широкого круга источников, в т.ч. сатирической поэзии 1917-1920 гг., материалов периодической печати, переписки, дневников, воспоминаний, автор доказывает, что массовые перемещения интеллигенции из Петрограда и Москвы на Юг, совместная деятельность столичных и региональных коллег способствовали активизации художественной жизни, развитию инфраструктуры высшего образования и науки. Современники воспринимали Ростов-на-Дону и Екатеринодар не только как форпосты «белого» движения, но и как новые культурные центры.

Ключевые слова: Первая мировая война, Гражданская война, интеллектуальная миграция, Ростов-на-Дону, Екатеринодар, культурные трансформации.

Исследователи истории Гражданской войны традиционно выделяли Юг России не только как территорию военного и политического противостояния, но и как место, где множество россиян предпочло «пересидеть», ожидая исхода событий в центре страны, как один из плацдармов эмиграции. Города Юга России, особенно в период «деникии», стали центрами массового беженства столичного населения.

В рамках представленного доклада рассматривается специфика южного направления интеллектуальной миграции, ее роль в изменении социокультурного пространства городов, главным образом, Ростова-на-Дону и Екатеринодара.

Источниковая база исследования обладает определенным своеобразием. Большое значение имеют художественные тексты, современные событиям, воссоздавшие атмосферу новых культурных центров. Особенно это удалось С.Я. Маршаку, в 1918-1920 гг. печатавшемуся под псевдонимом Д-р Фрикен в екатеринодарской газете «Утро Юга». Его стихотворные фельетоны отразили всю палитру культурных трансформаций под воздействием миграции, социальных и политических изменений, а фельетон «Сказочный город» подлежит «разрыву на цитаты» исследователями Гражданской войны. Это же можно сказать и о повествующей «о горьких беженских этапах» поэме В. Клопотовского (Лери) «Онегин наших дней» и, применительно к 1918 г., о стихотворе-

---

¹⁸ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 16-41-93514

нии донского поэта М. Филиппенкова (Ф. Пенкова) «Странствующий рыцарь XX века», представившего южную эпопею столичного беженца.

Помимо художественных произведений, высокой степенью информативности обладают региональная периодика 1917-1920 гг., мемуары, дневники, частная переписка, делопроизводственные документы различных ведомств, учреждений культуры, науки, образования. В научный оборот вводятся источники из центральных и региональных архивов.

Интеллектуальная миграция 1917-1920-х гг., с одной стороны, «вписана» в основные миграционные потоки тех лет, с другой – имела определенную специфику, связанную с большей привязкой к крупным (или сравнительно крупным) городам, образовательным и научным центрам.

Массовое перемещение научной интеллигенции в регион, главным образом, на Дон, началось еще в годы Первой мировой войны. В Ростов-на-Дону переехал Варшавский университет, Высшие женские курсы, несколько месяцев в этом же городе располагалась эвакуированная Киевская консерватория. Ветеринарный институт нашел «приют» в Новочеркасске. В соревнование за право стать вузовским городом включились Екатеринодар, Ставрополь, Владикавказ.

Население, в целом, позитивно оценивало перспективы появления в их городах вузов. Об этом свидетельствуют публикации в донской прессе в начале сентября 1915 г., когда в связи с военной опасностью, нависшей над Киевом, сразу несколько вузов должно было эвакуироваться на Дон.

«Приазовский край» стал площадкой обсуждения превращения Ростова-на-Дону в университетский город. Целая серия материалов под заголовком «Университет в Ростове» была опубликована 6 сентября 1915 г. Редактор А. Саликовский, только в 1912 г. переехавший в Ростов из Москвы, приветствовал появление университета. Профессор А.М. Евлахов утверждал, что «сам университет уже самим фактом своего существования изменит интеллектуальную физиономию города». Коллега Евлахова – искусствовед А.М. Придик подчеркивал тесную связь университета с учреждениями культуры, качеством культурной жизни в целом. Профессор–ботаник В.Ф. Хмелевский высказался в пользу развития инфраструктуры культуры путем основания в городе ботанического сада с теплицами и оранжереями (где «обыватели Ростова могли бы ознакомиться с чайным кустарником, с кофе, бананами, сахарным тростником») и общедоступного парка при нем. «Разве может заменить природу мишура и блеск улицы и синематографа? Дайте населению больше садов, больше картин живо природы» – призывал профессор [24, с. 3].

В местных юмористических изданиях появились шаржи на ректора университета и профессоров. Эти же издания в многочисленных фельетонах утверждали, что чисто коммерческий дух Ростова-на-Дону пока неистребим. Даже появление «факультетов, разных курсов», «не простых, а Варшавских» не изменило сознание обывателей в пользу патриотических настроений:

*Хоть набил себе буйну голову,
Но мозгов от этого не прибавилось.*

*Посмотри кругом на Русь матушку:
Пригорюнилась, затуманилась,
Слеза горькая с очей просится,
А ты сын ея, чем помочь беде,
Воровской рукой мошну толстую
Набиваешь все, похваляясь! [15, с. 7]*

Подобным сатирическим текстам вторили некоторые профессора Варшавского университета, считавшие Ростов-на-Дону неудачным выбором. Представитель Министерства народного просвещения (МНП), посетивший ряд учреждений Ростова и Новочеркасска, был предупрежден ректором Варшавского университета, что «среди профессоров филологов и юристов есть недовольные своим положением». Проверяющий, приглашенный ректором на собрание совета, попытался доказать профессорам, что «вопрос о Ростовском университете возник еще в 1910 г. вне вопроса о Варшавском». В отчете в МНП чиновник объяснил профессорские настроения «отсутствием в Ростове библиотек, архивов, музеев и других учреждений, необходимых для научных занятий» [19, л. 1-9].

Разумеется, возможности местных научных учреждений были ограничены, а самая богатая из российских университетских библиотек – библиотека Варшавского университета (как и лабораторное оборудование) по большей части не была эвакуирована. По подсчетам ростовского историка А.Г. Данилова, в Ростов вывезли менее 1 % фондов университетской библиотеки. Спасали самое ценное – рукописи, инкунабулы (книги, изданные до начала книгопечатания), уникальные издания сочинений Аристофана, Данте, первые польские газеты [6, с. 89].

Профессора отбирали дублиеты в Московском университете, Румянцевском музее, публичной библиотеке Петрограда, библиотеке Военно-медицинской академии и других книгохранилищах. Библиотечные фонды восстанавливались за счет покупки книг из частных собраний, в т.ч. профессорских. Комплектование библиотек требовало оперативного библиографирования. Из 150-тысячной библиотеки Варшавского (Донского) университета за 3 года (1915-1918) было описано 100 тыс. изданий. Ранее в год описывалось только 10-15 тыс. книг [20, с. 3].

«С миру по нитке» собиралось и оборудование кабинетов. Профессора в письмах столичным коллегам настоятельно взывали о помощи. Заведующий ботаническим кабинетом Варшавского университета В.Ф. Хмелевский отпечатал типографским способом множество копий воззвания о том, что «почти все имущество университета, а вместе с тем и кабинета, осталось в Варшаве и попало во вражеские руки». Профессор призывал «ученых ботанических учреждений и товарищей по кафедре и науке» «не отказать передать дублиеты книг, атласов, таблиц, диапозитивов, гербарных экземпляров растений, моделей, препаратов и прочего инвентаря, необходимого для теоретического преподавания по ботанике», а также «личные научные печатные труды». От руки

дописывалось только имя адресата, обращение к нему, особые пожелания и ставилась подпись [2, л. 2].

Достаточно быстро происходило вовлечение профессуры в просветительскую деятельность в рамках местных обществ народных университетов, музеев и других учреждений. Профессора (сами – беженцы) становились активными членами всевозможных комитетов помощи беженцам, участвовали в оборонно-организационных мероприятиях, благотворительных акциях. Университетские клиники объективно улучшали уровень медицинского обслуживания населения, становились местом переподготовки врачей. Облегчался доступ к высшему образованию провинциальной молодежи.

Весной-летом 1917 г. по мере ухудшения ситуации в столицах, нарастания продовольственных трудностей начался отток населения в рекреационные зоны. Летние поездки 1917 г. на курорты Крыма и Кавказа для части населения не завершились традиционным возвращением осенью. Часть студентов-провинциалов из петроградских и московских вузов в сентябре 1917 г. решили остаться дома; учебный год начался в полупустых аудиториях.

Многие столичные жители предпочли покинуть город, уехать к родственникам и знакомым в связи с угрозой захвата Петрограда немцами. Служащие ряда столичных учреждений попали в провинцию в результате плановой эвакуации.

Дочь выдающегося ученого, изобретателя телевидения, декана электромеханического факультета Петроградского женского политехнического института Б.Л. Розинга – Л.Б. Твельмейер вспоминала, что в сентябре 1917 г. «многие стали уезжать из Петрограда», что «всей семьей пришлось стоять чуть не суточную очередь за билетами» [22, с. 75]. В «сытном, дешевом и пока спокойном» Екатеринодаре, куда приехала ее семья (за исключением планировавшего навестить их в Рождество отца), квартиру было найти практически невозможно, «столько понаехало народа, главным образом из Петрограда и Москвы» [22, с. 76]. «В Екатеринодар был эвакуирован Отдел зернохранилищ Государственного банка с большим штатом инженеров, все были с семьями, со многими мы познакомились и сблизились, всех так и тянуло друг к другу. Видимо и весь Государственный банк был перевезен в Екатеринодар, во всяком случае, маме удалось там получить все наше столовое серебро, которое она, как всегда на лето сдавала на хранение и в Петрограде получить не смогла, этот отдел был закрыт» – писала Л.Б. Твелькмейер [22, с. 79].

«И вот ты двинулся на Дон, под сень благословенных пик» – начинал эпопею «странствующего рыцаря» Ф. Пенков [16, с. 15]. Пианист, композитор и музыкальный педагог М. Ф. Гнесин сообщал 15 ноября 1917 г. сестрам в Москву из Ростова-на-Дону: «Количество населения у нас теперь как в каком-нибудь столичном городе, говорят около 700 тысяч ... У меня очень хорошие уроки» [17, л. 45].

Известная феминистка и поэтесса Е.Ф. Никитина в августе 1918 г. писала в Москву из Ростова-на-Дону: «Мы выбрали Ростов местом нашего временного пребывания. Нам казалось, что к осени, во всяком случае, картина

правительственная изменится..., но сложилось все иначе: Москва больна хронически. Я думаю, что год, а то и два нам высидеть здесь» [18, л. 3]. Реальная оценка ситуации помогла скорейшей адаптации. Та же Е.Ф. Никитина «перенесла» в Ростова-на-Дону московские «никитинские субботники», объединившие столичных писателей и художников (среди посетителей салона были Е. Чириков, Л. Чирикова, И. Билибин, Е. Лансере и др.) [8, с. 54]

Бегство интеллигенции на Юг интенсифицировалось после того, как период «первых Советов» закончился и установилось своеобразное двоевластие – казачьих правительств и Деникина. Донская и кубанская столицы стали центрами «белого» движения. Ярko и образно екатеринодарскую ситуацию «прокомментировала» З. Жемчужная: «Тихий провинциальный Екатеринодар превратился в столицу... Крупная буржуазия, дипломаты, чиновники, адвокаты, политики, шикарно одетые женщины наводняли улицы и днем и ночью...» [11, с. 235]. Столичный статус города («Екатеринодар — высокочиновный», «Екатеринодар был тогда нашим центром, нашей столицей. И вид у него был столичный») подтверждала гастролировавшая там Н.А. Тэффи [23, с. 409].

*Сколько влиятельных лиц петроградских,
Сколько советников тайных и статских,
Сколько ученых, артистов, вельмож,
Месяц глубокую грязь без калош... –*
писал Д-р Фрикен – Маршак [13, с. 405].

Видный деятель кадетской партии князь П.Д. Долгоруков, в годы Гражданской войны сравнивая «парвеню» Ростов «с его интернациональной публикой и аляповато безвкусной убогой роскошью домов» и «милый Екатеринодар с его пылью или грязью, с его особняками, утопающими в садах», отмечал, что «жизнь большого города, театры, рестораны, бега, спекуляция – все в Ростове в большем размере, чем в Екатеринодаре» [7, с. 130, 142].

В июне 1919 г. командование Добровольческой армии, а вслед за ним и правительственные учреждения, включая пропагандистское Осведомительное агентство (ОСВАГ), переехали из Екатеринодара в Ростов-на-Дону, что еще более подняло статус последнего.

Город в интерпретации Лери – Клопотовского выглядел следующим образом:

*Кипел Ростов... Попавши в случай,
Он дней напрасно не терял
И вместе с жизнью кипучей
Стиль петербургский перенял.
И закружилась в роли новой,
Когда явились на Садовой
Весь Петербург и вся Москва –
Провинциала голова... [14, с. 57]*

«Когда-нибудь Ростов будут посещать туристы. Город, в котором жила вся Россия» – писал известный донской журналист В. Севский [21, с. 2]. Обозреватель харьковской газеты «Новая Россия» отмечал: «Одним из городов,

выигравших во всех отношениях от страшных пертурбаций последних двух лет, является Ростов-на-Дону. Происшедшие передвижения счастливо отразились на его культурной жизни...» [1, с. 2]

Атрибутами «столичности» в городах, кроме количественно возросшего населения, были многочисленные бюрократические структуры («Всякие ведомства всяческих дел», «Громче гудков и трамвайного звона в городе слышится стук ремингтона. Перья скрипят и бумага шуршит, стая курьеров куда-то спешит» [13, с. 405].

В Ростове-на-Дону и в Екатеринодаре скопление литературных сил, в том числе столичных, представителей различных политических партий обусловило обилие газетной и журнальной продукции. Очевидец событий А. Дроздов вспоминал, что печатное слово «расцвело пышным цветом, несмотря на цензуру и на невероятные цены на бумагу и типографский труд... В Ростове выходило восемь утренних газет... Кроме того, выходили журналы... Печатное поле было широко и просторно» [8, с. 56].

Создавались новые книгоиздательства – ростовские «Единение» и «Аралэзы», екатеринодарское издательство «Энергия». «Единение», работавшее под руководством профессора Донского университета И.А. Малиновского, сделало немало для насыщения оскудевшего книжного рынка учебной литературой, важной для полноценной работы школы и вузов [10, с. 13-14].

Вырабатывались планы усовершенствования старых и создания новых музеев, в основном естественнонаучного и технического профиля, музеев наглядных пособий. Ростовская городская дума на заседании 7 декабря 1917 г., обсудив представление культурно-просветительной комиссии, постановила учредить в Ростове-на-Дону музей промышленности и сельского хозяйства. Гласные думы, осознавая, что «своевременность организации музея с первого взгляда может вызвать сомнения и возражения в условиях переживаемого момента», считали, однако, «немедленную организацию музея целесообразной» [5, л. 1]. Открытие музея состоялось в мае 1918 г. Активное участие в его создании и деятельности принимали профессора донских вузов. Возглавил музей А.Ф. Лебедев – талантливый почвовед и гидрогеолог.

Подобные проекты имели место и на Кубани. Ведомство торговли и промышленности Кубанского краевого правительства планировало открыть музей экспонатов «всех производств краевой промышленности». Осознание неэффективности разрозненных усилий в области музейного строительства привело кубанскую общественность к мысли о создании Центрального краевого музея. Координатором выступил известный общественный деятель, ученый, основатель ставропольского музея учебных наглядных пособий Г.К. Пправе [4, л. 1-10].

Весной 1919 г. широко обсуждалась идея строительства Екатеринодарского Дома Просвещения и Искусств, под крышей которого предполагалось разместить музеи, консерваторию, школу валяния, живописи и зодчества, народный дом, народный университет, метеорологическую станцию, детские сады. Проект сооружения, разработанный столичными специалистами – бывшим «сатириконовцем» А.А. Юнгером и архитектором А.П. Вайтенсом, де-

монстрировался на XVII периодической выставке в Екатеринодарской картинной галерее (февраль 1919 г.).

Более года Ростов-на-Дону и Екатеринодар были в относительной удаленности от линии фронта, что создавало ощущение стабильности. С завидным постоянством местные газеты сообщали о прибытии в город известных столичных беженцев. Сюда устремились гастролеры, среди которых были ведущие исполнители и коллективы. Спрос на разного рода зрелища был стабильный. Ведь для многочисленных беженцев, лишившихся привычного уклада жизни и круга общения, именно активно-потребительский (а не т.н. домашнее–релаксационный или домашнее–хозяйственный) тип досуга стал преобладающим.

С чтением своих сочинений выступали в Ростове-на-Дону и Екатеринодаре самые известные российские писатели-сатирики Н.А. Тэффи и А.Т. Аверченко. Сентиментальные «песенки» исполнял находившийся в зените популярности А.Н. Вертинский. «Король фельетонистов» В.М. Дорошевич читал лекции о журналистах Великой французской революции. Трагическая история французской революции как классическое воплощение всех революционных переворотов могла бы послужить, как считал автор, хорошим уроком для современников.

Подарком для публики стали гастроли группы артистов Московского Художественного театра (МХТ) во главе с В. И. Качаловым и О. Л. Книппер-Чеховой. Правда, в Ростове-на-Дону, из-за реквизиции подходящего помещения под госпиталь, артистам пришлось ограничиться концертами. Зато в Екатеринодаре гастроли были продолжительными. «Кто там на сцене? Спроси театралов – Ходотов, Книппер, Смирнов и Качалов» – комментировал Д-р Фрикен – Маршак «нашествие» звезд первой величины, в частности, группы артистов МХТ [13, с. 405].

На отдельных представлениях присутствовали лидеры «белого» движения, что придавало зрелищам особую торжественность.

Приметой времени явилась деятельность художественных коллективов, принадлежавших военным, пропагандистским структурам. По Югу гастролировал передвижной драматический театр Союза общественных организаций имени генерала Корнилова, труппа ОСВАГа (с участием известного артиста В.А. Блюменталь-Тамарина). В репертуар последней, наряду с классическими произведениями, входил спектакль-концерт «Слово о Добровольческой армии». В антрактах устраивался сбор пожертвований.

Как яркие, массовые мероприятия задумывались в центрах «белого» движения празднования годовщин победных сражений, освобождения городов от большевиков, дни Добровольческой армии, ее героев (например, корниловские дни). В день праздников проводились крестный ход, детские и скаутские мероприятия в парках, спортивные состязания, концерты симфонической музыки, спектакли, общедоступные (по сниженным ценам) киносеансы.

Миграция в регион художественной интеллигенции стимулировала развитие сети художественных учебных заведений. В Екатеринодаре почти одновременно возникли две консерватории – местного отделения Русского му-

зыкального общества (РМО) и Филармонического общества. Первую возглавлял бывший директор Харьковской консерватории С.С. Богатырев. Здесь преподавали хорошо известные в музыкальном мире скрипачи И.Б. Пиастро и М.Г. Эрденко, виолончелист Я.А. Розенштейн, пианисты Л. Розенблюм, В.В. Покровский (профессор Петроградской консерватории), композитор, профессор Московской консерватории В.А. Золотарев.

С 1918 года в Ростове-на-Дону работало три музыкальных вуза: консерватория местного отделения РМО, частная консерватория бывшего директора музыкального училища, известного в городе музыканта М.Л. Пресмана, а также Донская музыкально-драматическая филармония с классами музыки, драматического искусства, балета. При активном участии художницы Магдалины Шагинян (сестры будущей известной советской писательницы, автора Ленинианы Мариэтты Шагинян, преподававшей эстетику в одной из консерваторий) в Ростове-на-Дону было открыто художественное училище им. М.А. Врубеля. Там преподавали именитые мастера — М.С. Сарьян, братья Н.Е. и Е.Е. Лансере.

Бегство на Юг ученых стало важной предпосылкой создания политехнических институтов в Екатеринодаре (здесь их возникло сразу два) и Владикавказе, сельскохозяйственного в Ставрополе. В Ростове-на-Дону усилиями профессоров Донского университета появились Коммерческий и Археологический институты.

Основная работа по организации вузов, обеспечению их деятельности легла на плечи ученых. Ее активность была продиктована, в том числе, необходимостью формирования рабочих мест для себя и своих коллег. Дочь Б.Л. Розинга вспоминала: «Папа, конечно, не сидел без дела... Ему пришлось в голову начать организацию в Екатеринодаре высшего технического учебного заведения, которого там до сих пор не было.... Он правильно учел, что в Екатеринодаре скопилось много опытных инженеров, местных и приезжих, было даже несколько столичных профессоров, томившихся без дела, а также много молодежи, окончивших школы в этом году и никуда не смогших поехать для продолжения образования, да и многие студенты вернулись домой из Москвы и Петрограда...» [22, с. 83]

Штат новых вузов был укомплектован высококвалифицированными силами. В екатеринодарских Кубанском и Северо-Кавказском политехнических институтах (КПИ и СКПИ), вскоре после создания объединившихся, преобладали петроградцы и москвичи. Там работали Б.Л. Розинг, бывший начальник Кронштадтского морского инженерного училища математик А. И. Пароменский, Заслуженный профессор Петроградского технологического института Б. М. Коялович, заведующий кафедрой керамической технологии Петроградского технологического института, редактор журнала «Сельское огнестойкое строительство» А. М. Соколов, бывший ректор Петроградского политехнического института А. А. Радциг, математик, автор многократно переиздававшихся школьных задачников Н. А. Шапошников, заслуженный профессор Петроградского политехнического института, автор первой в России книги по паровым турбинам Г. Н. Пио-Ульский и др. В преддвее-

рии наступления 1919-1920 учебного года сюда переехала группа профессоров Тифлисского политехникума во главе с ректором С.А. Захаровым. Потенциал молодого вузовского центра с конца 1919 значительно усилился за счет киевских и харьковских профессоров.

В Екатеринодаре в декабре 1917 г. появилось многопрофильный Совет обследования и изучения Кубанского края (СОИКК), объединивший приехавших из разных регионов специалистов в различных областях знания. К весне 1919 г. в его рамках работало 14 секций. Современники воспринимали СОИКК как местную Академию наук. С Советом сотрудничали многие ученые, оказавшиеся на Юге, в частности знаменитый геохимик академик В.И. Вернадский. Он же в 1919 г. выступал в научных обществах Ростова-на-Дону и публиковал в донской периодике статьи об актуальных проблемах развития научного знания и научных учреждений в условиях Гражданской войны.

Многие учреждения, создаваемые на Юге России, мыслились как общегосударственные, дублиеры оставшихся за линией фронта. Например, при деникинском Управлении народного просвещения в октябре 1919 г. был учрежден Метеорологический комитет (базировался в Екатеринодаре); в его обязанности входило восстановление метеорологической сети, организация снабжения метеорологических станций приборами, осуществление общего научного руководства, контроль за правильностью производства метеорологических наблюдений [12, с. 768-769]. Комитет рассматривался его создателями как замена Николаевской главной физической обсерватории.

Научные общества, художественные объединения интеллигенции были инициаторами празднований юбилеев наиболее важных событий в русской культуре. На Юге отмечались столетие со дня рождения И.С. Тургенева, пятидесятилетие открытия Д.И. Менделеевым периодической системы (вдова ученого жила в те годы в Новочеркасске). Яркими событиями в культурной жизни 1918 г. стали памятные мероприятия в честь 25-летия со дня смерти П.И. Чайковского и десятой годовщины со дня смерти Н.А. Римского-Корсакова.

8 (21) февраля 1919 г. в Екатеринодаре праздновалось столетие Петербургского университета. На открытии торжества, участниками которого были выпускники и преподаватели главного вуза страны, бежавшие из столицы на Юг, с приветственным словом выступил Главнокомандующий А.И. Деникин. Он охарактеризовал день юбилея «как тризну по науке, по воспитателям и питомцам университета, погибшим в войне с Германией, в Гражданской войне и в борьбе за идеалы свободы» [3, с. 4].

Современники, описывая позитивные моменты в культурной жизни «бурного и сумбурного» (Н. Тэффи) времени, отмечали в то же время ощущение некой декоративности происходившего, тревоги и страха. Профессиональная и общественная активность в этом случае являлась не только залогом элементарного выживания, но и попыткой воссоздания прежних социальных сетей, «лекарством» от депрессии.

Итак, интеллектуальная миграция на Юг стала важным фактором культурных трансформаций в городах, в частности в Ростове-на-Дону и Екатеринодаре.

Статус данных городов как центров политической жизни, а также значительное количество журналистов и литераторов способствовали многообразию и многочисленности периодических изданий. Книжный голод и потребности учебных заведений стимулировали появление новых книгоиздательств.

Высокая концентрация беженцев, их оторванность от привычного уклада жизни и круга общения, стремление хотя бы на время забыть о страшных реалиях современности, южные гастроли ведущих коллективов и исполнителей обеспечивали насыщенную театральную-концертную жизнь.

Результатом совместной деятельности столичной и провинциальной интеллигенции стало развитие образовательной, научной, культурной инфраструктуры. Появились новые вузы. Уровень преподавания в них был высок за счет кадровой составляющей. Столичные беженцы включались в работу региональных научных и просветительских организаций.

Преобразовалась культурная атмосфера провинциальных городов. В сознании современников они превращались не только в форпосты освободительного (антибольшевистского), движения, но и в новые культурные центры, могущие составить достойную конкуренцию старым.

Развитие событий на фронтах кардинально изменило ситуацию. Беженцы, нацеленные на границу или последний оплот «белой» армии – Крым, массово покидали сначала Ростов-на-Дону, а чуть позже Екатеринодар. С окончанием Гражданской войны достаточно быстро восстановилась прежняя конфигурация «центр-провинция». При этом интенсивность культурной жизни Ростова-на-Дону и Екатеринодара еще некоторое время была во многом связана с организаторской, научной, творческой деятельностью столичной интеллигенции. Большая ее часть в первой половине 1920-х гг. покинула регион [9], однако созданные в условиях революции и Гражданской войны образовательные, научные, просветительские учреждения, так или иначе, выжили и стали важными составляющими городского культурного ландшафта.

Источники и литература

1. А.А.С. Литературная и художественная жизнь в Ростове // Новая Россия (Харьков). 1919. 19 окт.
2. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 277. Оп. 4. Д. 1534. Л. 2.
3. Годовщина С.П.Б. университета // Утро Юга (Екатеринодар). 1919. 10 (23) февр.
4. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-5. Оп.2. Д. 97.
5. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф 521. Оп. 1. Д. 44.
6. Данилов А.Г. Ростовский период в истории Варшавского университета (1915 – 1917 гг.) // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 86-97.
7. Долгоруков П.Д. Великая разруха. Мадрид, 1964.

8. Дроздов А. Интеллигенция на Дону // Архив русской революции. Т. 2. Берлин, 1921. С. 45-58.;
9. Еремеева А.Н. «Или уеду, или умру»: «выездные» настроения интеллигенции южнороссийских городов в начале 1920-х гг. // История и историки в контексте времени. 2014. №2. С. 84-91.
10. Еремеева А.Н. «Печатание... при условиях весьма неблагоприятных»: издание учебников и научных трудов в годы Гражданской войны // Клио. 2014. №1. С. 12-16.
11. Жемчужная З. Пути изгнания. Урал, Кубань, Москва, Харбин, Тяньцзин. Воспоминания / предисл. Е. Якобсон. Tenaflly (N. J.), 1987.
12. Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России А.И. Деникина. Сент. 1918 – дек. 1919. М., 2008.
13. Куценко И.Я. С.Я. Маршак в Екатеринодаре–Краснодаре. 1918-1922. Краснодар, 1997.
14. Лери. Онегин наших дней: Сатирическая поэма. Берлин, б/г.
15. Лирник. Песнь о граде Ростове // Фугас (Ростов-на-Дону). 1916. № 2.
16. Пенков Ф. Странствующий рыцарь XX века // Донская волна (Ростов-на-Дону). 1918. №. 28.
17. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 998. Оп. 1. Д. 2405.
18. РГАЛИ. Ф. 1166. Оп.1. Д. 60.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 156. Д. 638.
20. Сватиков С. Университетские деятели // Приазовский край (ростов-на-Дону). 1918. 14 (27) нояб.
21. Севский В. Сегодняшний день // Приазовский край. 1919. 5(19) дек.
22. Твелькмейер Л.Б. Мой отец и его окружение // Нестор №12. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Русская жизнь в мемуарах. Из семейных архивов. СПб, 2008. С. 11-142.
23. Тэффи Н. Житье-бытье. М., 1991.
24. Университет в Ростове // Приазовский край. 1915. 6 сент.

Образ Ростова и его жителей в корпоративной студенческой газете «Gaudeamus» (1916 г.)

*Иванеско Антон Евгеньевич
Южный федеральный университет
кандидат исторических наук, доцент
a.ivanenko@yandex.ru*

Город с момента своего возникновения в мировой истории был не только пространственным и материальным объектом, средоточием экономических и социальных процессов, но и явлением символического порядка. Его материальность рождала новые семиотические содержания, особую городскую мифопоэтику, оказывающую мощное влияние на

восприятие любого из них. Городу в этом смысле присуща текстовая организация, он может быть прочитан как текст, допускающий множественность интерпретаций [5, с. 16–19].

Ростов-на-Дону последних предреволюционных лет известен нам по многочисленным источникам, преимущественно текстовым и визуальным свидетельствам, в том числе обширному корпусу материалов донской печати. Как представляется, не все ее эвристические возможности использованы исследователями, и в первую очередь сказанное касается студенческой корпоративной газеты. Это тем более актуально, что «*Gaudeamus*» фиксирует образ Ростова и его жителей в 1916 г. – в тот период знакомства Варшавского университета и городского сообщества, когда они уже некоторое время взаимодействовали друг с другом (радостная встреча ростовцами университетского поезда, приемная кампания для местных уроженцев, торжественное открытие, начало занятий), но продолжали не опознавать друг в друге Своего.

В привлечении такого материала нет ничего принципиально нового – наряду со студенческими «самопереписями» и мемуаристикой корпоративная печать является наиболее ценным источником сведений по академической повседневности и социокультурной истории российских университетов начала XX в. [3; 6]. Для нас ценно то, что использование этих свидетельств позволяет сделать доступный описанию образ Ростова более сложным и полным.

Нельзя сказать, что «*Gaudeamus*» совсем не известен. Когда выходившая в 2000 – 2010-х гг. ростовская студенческая газета (в статусе приложения к официальному университетскому изданию) получила название «*Igitur*» – по следующему слову студенческого гимна, – это был явный оммаж дореволюционной предшественнице [4]. Но совершенно точно, что «*Gaudeamus*» мало изучен – как в контексте истории ростовской студенческой печати, так и в аспекте его эвристического потенциала. Показательно, что С.Г. Сватиков, автор наиболее полного библиографического очерка студенческой дореволюционной прессы, ограничился всего несколькими словами: «Отметим юмористические листки: ”*Gaudeamus*”, Варшава, 1910, №1, бальный листок» [7, с. 27].

Помимо этого есть лапидарная статья в «Энциклопедии старого Ростова и Нахичевани-на-Дону» В.С. Сидорова, из которой читатель узнает, что «*Gaudeamus*» – это газета Варшавского университета, два первых номера которой (в октябре 1911 г. и ноябре 1912 г.) вышли в столице Царства Польского, а третий (и последний) выпуск – уже в Ростове-на-Дону в феврале 1916 г. [2, с. 182]. Последнее утверждение ошибочно: по меньшей мере, известны 5 номеров.

Итак, формально «*Gaudeamus*» – это бальный листок, выход которого и в Варшаве, и позднее в Ростове-на-Дону был приурочен к университетскому благотворительному концерту-балу в пользу «недостаточным студентам».

Но по содержанию и объему (6 полос) перед нами полноценная студенческая газета, в которой находили отражение не только темы материально-бытового и правового положения студенчества, радости и тяготы университетского учения, но и общественно-политическая проблематика, в первую очередь мировая война и события в стенах Государственной Думы. Не случайно редакция позиционирует свое издание именно как газету, но «однодневник».

И все же основным содержанием газеты «Gaudeamus» является академическая повседневность и «бальный юмор», она не конкурирует со специфическими студенческими журналами и газетами патриотическо-гуманитарной направленности, выходившими в Ростове в военное время – «Студенты – беженцам» и «Студенты и курсистки – воинам» [8; 9].

Университетский «Gaudeamus» 1916 г. – это своего рода инверсия популярной донской газеты-ежедневника «Приазовский край». Если «Край» позиционирует себя как газету политическую, экономическую и литературную, «Gaudeamus», как сообщает редакция, – «Газета не политическая, не экономическая, не общественная чуть чуть литературная, а главным образом юмористическая» [10, с. 1]. На этом противопоставлении строится и подача журналистского коллектива: «В этой газете по примеру прошлых лет принимают участие не Лознгрин, не Тучков и не Тарский (*псевдонимы донских журналистов, сотрудничавших с «Приазовским краем»*. – А.И. [1]), а совершенно другие, не менее талантливые и серьезные писатели» [10, с. 1].

Иными словами, «Gaudeamus», выстраивая контакт с аудиторией, активно использует локальное знание и обыгрывает местные привычки. Следует подчеркнуть, что публика на балах-концертах была смешанная, это и университетские люди, и представители ростовского общества. По тематике и образному репертуару «Gaudeamus» был адресован как университетской корпорации (в первую очередь), так и ростовцам. Последняя адресация могла оформляться и прямыми обращениями с подтекстом будущего единения: «Судьба нас забросила к вам в Ростов. Мы еще у вас на положении гостей, но мы верим, что не далеко то время, когда, вы-ростовцы, с полным правом скажете: ”Это наш университет!”» [10, с. 1]; или в прагматичном ключе: «Студенты Варшавского Университета готовят по всем предметам во всех учебных заведениях, начиная с начальных школ и кончая высшими... Справиться в редакции ”Gaudeamus”» [10, с. 6].

Образ Ростова и его жителей (в целом, малокопмлиментарный) на страницах студенческой газеты выстраивается вокруг нескольких ключевых элементов. Рассмотрим их последовательно.

Ростов – неакадемический город

Повторяющаяся тема газетных полос – отсутствие в донской столице, на языке того времени, «культурной жизни»: «Жаль только, что во всем

городе нет ни одной научной книжонки. Из разговора в книжном магазине узнал, что здесь наибольшим спросом пользуются "Нат Пинкертон" американский сыщик, "Брачная газета" и толкователь снов "Мартына Задека"» [10, с. 2].

Образная и довольно едкая характеристика дается купеческому Ростову в переложении «Сказки о рыбаке и рыбке», в которой у мужика-Ростова была «сварливая баба» Городская Дума. В первый раз она потребовала испросить у золотой рыбки, пойманной в Тихом Дону, университет: «...не хочу быть простой бабой, хочу быть культурной»; во второй раз – Женский медицинский институт, а в третий – Институт путей сообщения. В итоге Ростов и Городская Дума оказались у разбитого корыта и вернулись к доуниверситетской жизни: «...в кафэ "Ампир" и "Швейцарской" попрежнему сидят купчики, пьют чай и торгуются; на Садовой Темерник гуляет, на Пушкинской куры и козы расхаживают...» [11, с. 4]

Особенно явственно этот изъян Ростова предстает при сравнении его с Варшавой: «...варшавская шапка пришлась не по Сеньке и он начинает ее натягивать себе на уши так усердно, что она трещит по швам» [10, с. 2].

Ростовцы равнодушны к проблемам университета

Устойчивым является видение ростовского общества как небедного и даже респектабельного, но абсолютно глухого к нуждам университета и студенчества: «Вы мало изменились... Попрежнему блещете красотой и богатством нарядов. Попрежнему в залах шелест шелковых платьев, запах дорогих духов, сверканье драгоценных камней [...] И нам хотелось бы верить, что вы, наконец, очнетесь от долгого сна, что ваше равнодушие к нам оттого, что вы не знаете нас, не знаете наших нужд, интересов... » [11, с. 1]

Иногда звучит поверх этого и надежда на скорые изменения: «До недавнего времени Ростовское общество относилось почти равнодушно к положению студенчества. Быть может, это объясняется тем, что Ростов не имеет за собой традиций культурного города... в последнее время как будто намечается пробуждение общественного сознания. Будем надеяться, что эти проблески сознания приведут, к тесному единению Университета и города» [11, с. 2].

Индифферентность ростовцев к учению проявляется также в практической невозможности для студента заработать репетиторством: «Известно, что студенту, чтобы получить урок, надо печатать объявления об этом в течение трех месяцев. Требуется узнать, – сколько он должен получать за урок, чтобы компенсировать потерянное, считая и деньги, истраченные на жизнь?» [11, с. 6].

Ростов – город неустроенный

Ирония звучит с полос «Gaudeamus» не только по поводу донского культурного, но и природного ландшафта: «...один очень почтенный

господин так определил общую физиономию южно-русских городов: улица, на улице дом и иллюзион... еще дом и еще иллюзион и дальше в том же порядке, и наконец направо и налево – степь» [10, с. 2].

Особая тема – это последствия ливневых дождей, которые превращали ростовские улицы в реки: «Наш корреспондент сообщает, что на Б.-Садовой по временам открывается навигация. Ввиду этого требуются лодочники перевозить публику с одной панели на другую» [11, с. 5]. Или: «Ширина потока, текущего по Б. Садовой улице, равняется 4½ аршинам, глубина – ½ аршина, длина же мостиков, перекинутых через поток – 1½ аршинам. Требуется решить: 1) Можно-ли перепрыгнуть с мостика на сухое место, не замочившись и не обрызгав себя и других грязью» [10, с. 5].

Нередко эта тема контаминируется с темой обещаний и лестных характеристик города, с помощью которых ростовцы завлекли Варшавский университет к себе:

*«И вспомнил я, здесь утопая,
О сказке, слышанной мельком,
Что царство есть на белом свете,
Канализация есть в нем.
Но это сказка, только сказка,
А жизнь иное говорит.
Меж тем вода сильней бушует
И волны грозныя катит.
Еще момент – меня уж нет,
И грозно волны хлещут снова
И я погиб во цвете лет,
Как жертва города Ростова!»* [10, с. 5].

Ростов – город криминальный

В этом вопросе «Gaudeamus» встраивается в общероссийский дискурс, концептуальным выражением которого является «Ростов-папа». Темерницкие и батайские «шелопайи» (особенно первые) – нередкие герои газетных материалов: «При возвращении домой меня любезно остановили трое темерницких джентльменов и очистили, как липку... Всего больше мне жаль моей неоценимой варшавской фуражки времен Мацоха и графа Роникера... Увы! В ней теперь вероятно гуляет один из... темерницких джентльменов и меня же ругает за то, что он должен носить подобную рвань» [10, с. 2].

Ростов – город дорогой

Это качество Ростова проявляется, прежде всего, в таком животрепещущем для студента вопросе, как дороговизна съемного жилья:

*«Пред мной – дыра, в дыре-ж – темно,
И слышно в этой темноте,
Как в свайку мыши хладнокровно*

Играют весело себе.

– И-и с-с-сколько с-стоит э-это в м-месяц?

Едва я в слух промолвить мог.

– Вот этот зал, мой милый сударь,

Идет он в двадцать пять рублей!!» [10, с. 4].

Вторит ей дороговизна проезда в городском транспорте: «Один студент на днях видел кошмарный сон; ему приснился трамвай и на нем надпись: ”для студентов Варшавского университета плата двойная”» [10, с. 5].

Ростов – город красивых девиц и мамаш

Авторы статей в «Gaudeamus» не перестают восхищаться улыбками «здешних красавиц» [10, с. 2], при этом не упуская случая иронично отозваться по поводу вкусов «туземных Дульсиной» [10, с. 3]: «Доводим до сведения любезной публики, что бальная комиссия состоит из неженатых студентов. Женатые-же, узнав ближе Ростов, раскаиваются в своем поступке» [10, с. 6].

Тема женского очарования Ростова может подаваться довольно нетривиально – с использованием брутального образного арсенала: «Возвращаясь с лекции по Садовой, чуть не упал в обморок, когда одна мамаша с дочкой ”на возрасте” стрельнула мне глазами. Стрельба мамаша напомнила мне 42 сантиметровую германскую мортиру, а дочка – изящную французскую скорострелку 75 мил.» [10, с. 2].

Столь же сильно впечатлены авторы и курсистками (слушательницами Высших женских курсов) из числа поступивших местных уроженок. При этом есть четкое противопоставление курсисток, приехавших из Варшавы, и ростовчанок [11, с. 4]. По какой-то причине большинство комплиментов досталось «юристкам», а не «филологичкам» или «естественницам»:

«Все юристки прелестные феи!

В них Ростов свой бомонд воплотил...

Сколько чар в их шикарных нарядах,

Как пленителен шелковый плен!

Сколько неги в сверкающих взглядах,

В обнаженных ногах до колен...

Косметической кистью свободной

Увеличена тень возле глаз;

Над прической кокетливо-модной

Парикмахер трудился не раз!..» [11, с. 3].

Пользуются авторы «Gaudeamus» и возможностью позубоскалить над увлечением молодыми курсистками почтенных профессоров Варшавского университета, что подается как простой пересказ городских слухов: «Говорят, что проф. Ев-ов (*вероятно, профессор А.М. Евлахов – А.И.*) не кокетничает с курсистками и не совершает с ними променадов по Ростову и его окрестностям... Примеч. редакции. Редакция самым категорическим образом отказывается от страхования всех вышеперечисленных слухов» [11, с. 5].

Таким образом, в текстах на газетных полосах «Gaudeamus» студенты Варшавского университета конструировали свое переживание Ростова, свое представление о нем, свой образ города, который несколько не является ни документальным, ни историческим, но в самых общих чертах отражает его содержания, которые плохо фиксируются другими источниками.

Студенческая газета «Gaudeamus» была ориентирована на внутреннее пространство университета, в котором воспроизводятся общие университетские традиции и заключаются корпоративные конвенции; но также и на внешнее пространство, в котором университет взаимодействует с властью, городом и обществом.

Корпоративная газета, несмотря на заявленный досуговый ее характер, выступала в качестве одной из форм самоописания и самопознания. На ее страницах были представлены общие для всех темы, типические образы и ситуации, разделенные мемы, что наделяло студентов чувством структурности и поддерживало корпоративную идентичность универсантов. Но также это была и форма самопрезентации в публичном пространстве, способ отправить послание городскому сообществу. Послание, которое, строго говоря, так и не было услышано.

Источники и литература

1. *Борзенко В.* Псевдонимы донских журналистов в российской периодике конца XIX – начале XX веков. [Электронный ресурс] URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=1129> (дата обращения: 30.09.2016).

2. Гаудеамус // *Сидоров В.С.* Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Т. 4. Великий курган – Гурвич. Ростов-на-Дону: Гефест, 1996. С. 182 – 183.

3. *Иванов А.Е.* Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М.: Новый хронограф, 2004. 408 с.

4. Игитур (приложение к газете «Южный университет», Ростов-на-Дону). [Электронный ресурс] URL: <http://gazeta.sfedu.ru> (дата обращения: 30.09.2016).

5. *Линч К.* Образ города / Пер. с англ. В.Л. Глазычева. Под ред. А.В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.

6. *Петрова Т.Э.* Социология студенчества в России: Этапы и закономерности становления. Спб.: Бельведер, 2000. 244 с.

7. *Сватиков С.Г.* Студенческая печать с 1755 по 1915 г. Спб., 1916 [отдельный оттиск]. 36 с.

8. Студенты – беженцам. Однодневный журнал. 1915 (Ростов-на-Дону).

9. Студенты и курсистки – воинам. Однодневная газета. 1916 (Ростов-на-Дону).

10. Gaudeamus. Однодневник. 1916. № 3. Февраль (Ростов-на-Дону).

11. Gaudeamus. Однодневник. 1916. № 5. Декабрь (Ростов-на-Дону).

Историк-провинциал: особенности личностной и профессиональной идентичности (на примере советской науки)¹⁹

Исаев Дмитрий Петрович
Южный федеральный университет
кандидат исторических наук, доцент
disaew@mail.ru

К изучению научного сообщества как определенной целостности в современной интеллектуальной истории применяется такой перспективный подход, когда история профессиональной среды рассматривается через механизм рождения идей. В этом случае решается задача воссоздания социокультурного контекста появления «чистого» знания через внимание, в том числе, к «жизненному миру» профессионального сообщества, в котором и продуцируются искомые идеи. Сегодня в истории историографии данная парадигмальная установка реализуется через изучение идентификационных, пространственных аспектов формирования и существования научных школ, направлений, интеллектуальной культуры в целом. В какой-то мере подобное разнообразие получает возможность концентрации в исследовании феномена «провинциализма» в науке. Оговоримся, что речь идет не о традиционном направлении истории краеведения, а о научной реконструкции субъективных идентификационных практик осмысления дихотомии «центр/периферия». Когда мы говорим о «центре», то подразумеваем мир двух столиц, Москвы и Петербурга, выступающих в динамике русской интеллектуальной, духовной культуры очевидной константой на протяжении ряда исторических периодов. Хотя и здесь есть место нюансам, как например, утверждению А.А. Зимина о некоторой «провинциальности» сообщества ленинградских историков [3, с. 137]. Что потенциально является предметом отдельного исследования.

Хронологические рамки работы ограничены советским периодом. Однако в отдельных случаях оглядываться и на более раннее время. Как тут не вспомнить, что будущий студент В.О. Ключевский въезжал в «матушку-Москву» «чистым телом», дабы соответствовать ее благолепию [6, с. 16]. Сосредоточив внимание на личностных аспектах профессиональной идентичности историков, попытаемся показать особенности восприятия центра науки провинциалами, в сочетании с движущими и сдерживающими факторами возможных перемещений. И здесь важным является вопрос об интенциях, определяющих переезд будущих и состоявшихся исследователей, а также об объективных обстоятельствах, сопровождающих успешные/безуспешные попытки конституирования в столичное научное сообщество. Подобный ракурс вполне вписывается в стратегию «новой региональной историографии», ориентированной на «поиск виртуальных интеллектуальных пространств с перспективами их вписывания в накладывающиеся друг на друга, сосуществующие в сложном переплетении изменчивые, взаимосвязанные, относительно устойчивые историографические целостности» [2, с. 206]. Подчеркнем, что

---

¹⁹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16–18–10306.

изменчивость, взаимонакладываемость была характерна и для коммуникативного пространства столичной/провинциальной науки советского времени с сопутствовавшим мощным идеологическим давлением, определявшим его подвижность, внутренние перемещения, а также выход за рамки научной корпорации вообще. Что, впрочем, не исключало наличия и других детерминант.

Нами сделаны предварительные наблюдения, основанные на внимании к отдельным биографиям отечественных историков и, соответственно, на ограниченном круге источников личного происхождения. Осознание того факта, что советская наука была неоднородным образованием в хронологическом, пространственном, социальном срезе, ограничивает нас в каких-либо обобщениях.

В страницы истории отечественной исторической науки вписаны имена многих видных деятелей, в свое время выбравшихся из российской глубинки. Так, М.В. Нечкина родилась на Украине. Гимназические и университетские годы составили ее казанский период. В Москву молодая исследовательница переехала 25-ти лет, имея за плечами опыт первых публикаций. Ее личные и деловые дневники демонстрируют огромную интеллектуальную и просто жизненную силу. Конечно, в Москве ее таланты были развиты. Но вот что интересно. Будущий историк с детства мечтала – стать профессором. В одной из записей читаем: «Это вполне осуществимо и вполне возможно, если я не сойду с ума, не заболею и не брошу учебу. Ну, буду и все...» [4, с. 937]. Однако данная интенция вовсе не ассоциировалась со столицами. Можно предположить, что ее профессиональная идентичность тяготела к мировому уровню, при этом сохраняя верность пространству Казанского университета. Объясняется ли это довольно высоким статусом самого университета в дореволюционный период? В 1919 г. М.В. Нечкина сожалеет, что «университет как-то гложет, падает. Оторванный от заграницы, он сходит на какое-то грубое кустарное производство» [4, с. 948]. Как видим, бывшие контакты университета с мировой научной мыслью одно время были достаточным условием для сохранения с ним связи. Что подтверждает следующая мысль автора дневника: «Представляю себе ярко, ярко, что я выросла, ушли многие годы, была за границей (! – Д.И.), вернулась в Казань, ночью иду по улице, вижу родной университет. Как легко представляю, как верится, как перевоплощается» [4, с. 951]. И тем не менее в начале 1924 г. М.В. Нечкина переезжает в Москву. Характерна запись: «Уезжаю из Казани совсем» [4, с. 989]. Дневники содержат весьма скудную информацию о непосредственных причинах переезда. Среди таковых можно назвать закрытие ФОНа, уже упоминавшийся общий упадок университета, семейные неурядицы. Возможно, что-то определила московская командировка осенью 1923 г. К сожалению, трудно реконструировать внутреннее отношение историка к событию с точки зрения профессионального бытия. Но стоит отметить, что интенсивный рабочий и жизненный ритм ученого, судя по записям, не изменился.

Напротив, вполне осознанно рвался в Москву старший современник Нечкиной киевский историк П.П. Смирнов. Начав научную и преподавательскую карьеру в Киевском университете еще до революции, историк почти сразу же предпринимает попытки переезда в Москву, куда он периодически ездит для архивных изысканий. В 1911 г. исследователь в письме С. Б. Веселовскому так объяснял причины переезда: «ради постоянной работы в архивах». Возможно, попутно представлялись и другие последствия переезда, например, вхождение в круг московской научной элиты. Неслучайно ведь им была брошена далее в письме фраза: «узнав людей и показав себя, постараюсь зацепиться там навсегда, оставя наш институт. Так хочет Бог! В этом будет смысл и оправдание» [8, с. 296]. Тот переезд так и не состоялся. И позднее жена историка С. В. Смирнова ругала себя за то, что настояла в свое время остаться: «Только потом я поняла, какая это была огромная моя ошибка и вина. Возможно, что вся наша жизнь сложилась бы в Москве совсем иначе, и не было бы целых 15-ти лет, потерянных для научной работы» [9, л. 28]. В 1920-30-е гг. ученый переживает два ареста, переезд в Ташкент. После ряда лет преподавания в Средне-Азиатском государственном университете П. П. Смирнов вновь возвращается к давней мечте. Об этом позволяет судить переписка с женой в 1937-38 гг., в которой затрагивается эта тема. В одном из писем он сообщает: «был у Веселовского, он зовет меня в Москву... Знаешь, меня потянуло остаться здесь. Я буду научно работать, да и преподавание мне дадут, когда со мной познакомятся. Так-же смотрит и Сперанский (А.Н. – Д.И.). Старые ученые историки работают. Власть к ним внимательна, и никакой трясухи, как у нас, нет» [9, л. 77]. Как видим, к прежним мотивационным факторам переезда добавляется кажущаяся забота о профессуре со стороны партийного руководства и относительное спокойствие. Что для Смирнова не лишено было оснований. Ведь одной из причин переезда следует назвать угрозу очередного ареста, замаячившего в 1937 г., когда в газете «Комсомольский Узбекистан» была помещена клеветническая заметка [9, л. 78]. П. П. Смирнову удалось переехать в Москву в начале 1938 г. С. В. Смирнова, пока остававшаяся в Ташкенте, писала: «у меня большая вера в тебя, окружающие скоро увидят твой удельный вес. В глуши ты наголодался за ученой атмосферой, и у тебя накопился большой запас всего» [9, л. 81].

Необходимо отметить, что те ожидания и предощущения в целом подтвердились. В его первых после отъезда письмах из Москвы чувствуется перемена настроения, иное расположение духа по поводу свершившегося: «Мы создадим себе новую жизнь. Кипит борьба за право жить в Москве и работать». И далее: «Ты видишь, что здесь меня признают и знают. Вообще, в смысле атмосферы, для работы лучшей не надо. Только трудись, а трудиться я умею. Нельзя сравнивать общественную атмосферу Москвы, мирового города с испуганной атмосферой Ташкента. Я очень доволен, что уехал...» [9, л. 79, 81]. Данная картина позволяет предположить, что вплоть до переезда П. П. Смирнов на протяжении долгих лет испытывал определенный диском-

форт из-за несовпадения ощущения им собственной величины как исследователя и занимаемым статусом провинциального профессора.

Конечно, не всем ученым такого уровня удавалось перебраться в столицы. Типичным примером здесь может выступить случай медиевиста С. И. Архангельского. Окончив Московский университет, в 1907 г. историк возвращается в Нижний Новгород, с которым будет связана его дальнейшая научная деятельность. В 1920-е гг. он оказывается в интеллектуальном пространстве передовой академической науки, ведет переписку с Н. И. Кареевым, Д. М. Петрушевским, Е. А. Косминским и др. Об уровне научного статуса С. И. Архангельского в 1920-40-е гг. свидетельствует и признание заслуг в виде избрания член-корреспондентом АН СССР в 1946 г. [7, с. 278, 280]. Предполагаем, что внутренний мир ученого испытывал в те годы определенный разлад между тем уровнем удовлетворенности работой в науке и идеальной моделью карьерных стратегий. Иначе говоря, по словам А. А. Кузнецова, историку было тесно в Нижнем как ученому. Что, собственно, совпадало и с идентификационными оценками со стороны научного сообщества. Так, А. В. Архиховский удивлялся, что «такой крупный ученый живет в провинции». Как отражение этих процессов возникает мысль о переезде. Первую попытку С. И. Архангельский предпримет в конце 1930-х гг. – в Ленинград. Затем поиски возможностей переезда в Москву или Ленинград были возобновлены уже после войны, тоже оставшиеся безуспешными [7, с. 278–279].

Притягательным местом для научной карьеры Москва и Ленинград оставались и для последующих поколений ученых. К примеру, В. В. Шелохаев, начинавший свой ученый путь в 1960-е гг., мечтал о переезде в Москву едва ли не с первой школьной поездки. Историк учился в Мордовском университете в Саранске, работал два года в селе по распределению. «Местом моего духовного вдохновения» называет Шелохаев Москву, куда он совершал в то время многочисленные поездки, посещая театры, музеи, библиотеки. «До сих пор испытываю радостный трепет, – признается он сегодня, – вспоминая об этих поездках в столицу. Они вселяли в меня дополнительную уверенность в том, что время моего переселения в Москву близится. И это действительно произошло в августе 1968 г., после того как я поступил в аспирантуру Института истории АН СССР» [10, с. 115; 11, с. 54]. Таким образом, воспоминания ясно показывают, как юноша из провинции целеустремленно идет к своей цели, неуклонно повышая свой образовательный и культурный уровень, начиная вести архивные изыскания еще в студенческие годы. Однако, стоит отметить и некоторые ограничения, с которыми столкнется в столице будущий аспирант, когда был вынужден отказаться от участия в конкурсе на поступление в МГУ. Причиной этому была ограниченная квота, неформально предназначенная для выпускников университета [11, с. 53]. Что было характерным явлением. Вспомним И. Я. Фроянова, закончившего примерно в то же время

пединститут в Ставрополе и поехавшего поступать в аспирантуру в Ленинград, так как в МГУ места уже были распределены [1, с. 482].

Конечно, В. В. Шелохаева едва ли можно назвать историком-провинциалом, поскольку становление исследователя произошло уже в Москве, где он закончил аспирантуру, защитил диссертации и т.д. Тем интереснее будет сравнить данный пример с несколько иной моделью карьерного поведения, представленной биографией П. С. Кабытова. Ровесник Шелохаева, будущий историк крестьянства родился в провинции и остался провинциальным ученым. Его воспоминания позволяют реконструировать некоторые личные идентификационные характеристики. Уроженец Воронежской области, он учился в Казанском государственном университете, имея за плечами производственный опыт, вечернее отделение нефтяного института, наконец, службу в армии. Московские поездки, конечно, оставляют определенные эмоциональные впечатления. Как пишет автор, «столица в первые же приезды поразила меня своими просторами, памятниками, метро, музеями и ботаническим садом» [5, с. 53]. В целом, в тексте «московская» тема присутствует при описании командировок, когда сбывалась давняя мечта историка поработать в архивах и библиотеках города [5, с. 205]. Отдельные комментарии также встречаются относительно столичного «следа» своих коллег. Но после окончания аспирантуры в Казани молодой исследователь переезжает в Самару, с которой и будет связана его дальнейшая жизнь и научная деятельность. Неслучайно выходец с Поволжья сферой своих научных интересов избирает историю русского крестьянства XIX–XX вв. Рефлексируя над темой городской и сельской жизни, П. С. Кабытов признается: «мне всегда была ближе культура сельская, которая – по моему предпочтению – ярче, богаче, эмоциональней» [5, с. 78]. Наверное, в этой связи следует признать закономерным именно неудачу в попытке «перетащить» историка в Москву в конце 80-х гг. одним из его бывших земляков [5, с. 242]. Ученый остался верен своему краю. Хотя из воспоминаний неясно, по чьей инициативе сорвался этот «проект».

Итак, восприятие столиц как центров научной жизни способствовало тому, что в Москву и Петербург/Ленинград дореволюционного и советского времени ехали молодые люди с целью сделать там научную карьеру. Стремилась туда и сложившиеся ученые в поисках профессиональной среды, соответствовавшей их личностной идентичности и объективированному профессиональному статусу. Альтернативой данным стратегиям следует признать существование региональной социокультурной идентичности, являющейся, в том числе, смыслообразующим фактором развития провинциальной науки.

Благодарность. Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16–18–10306.

Источники и литература

1. Брачев В.С. Служители исторической науки. Академик С. Ф. Платонов. Профессор И. Я. Фроянов. СПб., 2010.

2. Журба О.И., Леонова А.В. Новая региональная историография и стратегии новой локальной истории // Новая локальная история: по следам интернет-конференций. 2007–2014. Ставрополь, 2014.
3. Зимин А.А. Храм науки (Размышления о прожитом). Москва, 1976 // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М., 2015.
4. История в человеке. Академик М. В. Нечкина. Документальная монография. М., 2011.
5. Кабытов П.С. Судьба-Эпоха: автобиография историка. Самара, 2008.
6. Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968.
7. Кузнецов А.А. Новые факты биографии С. И. Архангельского // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 40. М., 2012.
8. Переписка С. Б. Веселовского с отечественными историками. М., 1998.
9. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (ОР РГБ). Ф. 279. Карт. 37. Д. 22.
10. Шелохаев В.В. Прощание с прошлым. М., 1997.
11. Шелохаев В.В. Самостояние. М., 2010.

Профессиональные установки городских и сельских учителей в условиях многонационального региона (на примере Ростовской области)²⁰

*Клименко Людмила Владиславовна
Южный федеральный университет
кандидат социологических наук, доцент
lucl@yandex.ru*

*Дончевский Григорий Никифорович,
Южный федеральный университет
доктор экономических наук, профессор
gndonchevsky@sfedu.ru*

*Ермишина Анна Вкнаминовна
Южный федеральный университет
кандидат экономических наук, доцент
avermishina@sfedu.ru*

Уровень урбанизации, как правило, определяет экономический, культурный и социально-ресурсный потенциал территории. Эффективность работы школы также во многом зависит от разницы показателей развития поселенческой инфраструктуры, кадровой, финансовой и материально-технической обеспеченности образовательных организаций в городе и в сельской местности. Сельские школы часто являются малокомплектными, страдают хроническим кадровым дефицитом. Контингент учащихся в сельских

---

²⁰Статья подготовлена при поддержке российского научного фонда. Проект № 16-18-10306.

школах чаще всего составляют дети из малобеспеченных и/или маргинальных слоев населения, семей мигрантов, иноэтничных групп. Городские школы находятся в относительно благоприятной социально-экономической среде, здесь выше уровень образовательных результатов учеников, выше квалификация педагогов и школьного менеджмента, больше возможностей доступа к организациям дополнительного образования, к другим формам развития культурно-образовательной среды и пр. сложные Подобные сложные или наоборот благоприятные социальные условия работы детерминируют особенности профессиональных установок педагогов, эффективность работы которых во многом является залогом успешной социализации подрастающего поколения и стабильности социального развития.

В Ростовской области по данным на август 2016 г. насчитывается 2772 муниципальных образовательных организаций, из которых в районах расположено 67,1% ОО, в городах - 32,9%. Если посмотреть на количество гимназий, лицеев и школ с углубленным изучением предметов, то из 89 образовательных организаций этого типа, которые работают в области, 24,7% расположен в районах и 75,3% - в городах. (Табл. 1).

Таблица 1. Сеть муниципальных образовательных организаций (ОО) и их филиалов (по состоянию на август 2016 г.) [4]

	Всего по районам	Всего по городам	Всего по области
дошкольные ОО	844	518	1362
ОО для детей дошкол. и млад. школьн. возраста	3	1	4
начальные школы	83	-	11
основные школы	171	13	184
средние школы	585	219	804
средние школы с углубл. изучением предметов	2	7	9
гимназии	11	26	37
лицей	9	34	43
вечерние (сменные) школы	15	12	27
ОО доп. образования детей	116	81	197
Всего муниципальных ОО	1861	911	2772

Организации дополнительного образования численно преобладают в районных поселениях Ростовской области, но если мы посмотрим на количе-

ство детей, которые посещают ОДО, то в городах их значительно больше – 138,6 тыс. человек против 100 тыс. человек в районах. (Табл. 2).

Таблица 2. Сведения о контингенте обучающихся государственных и муниципальных организаций дополнительного образования в Ростовской области по отрасли «Образование» (по состоянию на 01.01.2016) [4]

Район (город)	Всего детей в ОО дополнительного образования (чел.)
Итого по городским округам	138 639
Итого по районам	100 074
Областные ОО дополнительного образования детей	3716
Итого по области	242 429

Одним из существенных факторов, определяющих сложность работы школ в Ростовской области является полиэтничность населения региона. В Ростовской области 90,3% населения составляют русские жители [3]. Вместе с тем, за последние 25 лет в Ростовской области за счет миграционного притока наблюдается быстрый рост армянской и турецкой (турки-месхетинцы) этнических групп. Активный рост этнической диаспоры турок в южных районах Ростовской области и динамичное расширение локализации армян и дагестанцев формируют ряд сельских районов в качестве новых центров поликультурности. К ним можно отнести: Волгодонский, Пролетарский, Заветинский, Зимовниковский, Целинский, Мартыновский, Сальский, Семикаракорский, Ремонтненский и Целинский районы. [1, 2].

Стоит отдельно отметить, что восточные районы Ростовской области на протяжении последнего полувека являются территориями межэтнических контактов: здесь в непосредственном соседстве проживает русское старожильческое население и выходцы из Чечни и Дагестана, расселенные компактными общинами. И хотя численность этих этнических групп не столь значительна, а их удельный вес в общей численности населения каждого из районов востока Ростовской области не столь велик, но уровень групповой сплоченности, обособленность этих общин и их экономическая активность являются достаточно весомыми и заметными. В данных условиях возникают очаги социальной напряженности, когда иноэтничным группам сложно интегрироваться в принимающее сообщество [1, 2]. И в качестве важнейшего механизма интеграции приезжей молодежи, а также их родителей, выступает институт образования, который транслирует знаниевые стандарты и общегражданские универсальные ценности современного общества.

Материалы фокус-групповых исследований с управленцами и педагогами сельских школ, проведенных в феврале 2016 года по инициативе Министерства общего и профессионального образования Ростовской области совместно с ГАУ РО «Региональный информационно-аналитический центр развития образования», свидетельствует о том, что полиэтничность населения ряда территорий Ростовской области оказывает существенное влияние на эффективность работы школы. В частности, фиксируется стойкое снижение образовательных результатов в тех школах, в которых велика доля иноэтничных групп учащихся (для которых русский язык не родной).

«У нас в районе 70% составляет иноязычное население (турки-месхетинцы), которое в 1970-х годах переехало в нашу местность. В школе существует правило, что на уроках и переменах все должны разговаривать на русском, но дома в таких семьях это правило не действует. Там они разговаривают на турецком» (Миллеровский район).

«Наша школа в основном чеченская, русских всего 11 человек. Родители не хотят ходить в школу, они в основном наблюдают и говорят: «Вы учителе». А их задача накормить, одеть, обуть и отправить в школу, а как он себя там ведет, как он учится – это их не интересует» (Дубровский район).

«Дети есть сильные, есть отличники. Это дети турок-месхетинцев, они очень хорошо говорят на русском языке. Есть и проблемные дети, все зависит от семьи. Случается, что родители приводят ребенка, который не посещал детский сад, и он очень плохо говорит по-русски. Он смотрит на учителя и не понимает о чем идет речь» (Целинский район).

«У нас в районе тоже были проблемы с русским языком. Но дети, подходящие в школу могут говорить на русском языке, читать. Конечно, они не все могут... Ранее, когда они не говорили на русском языке, приходилось в начальной школе очень много времени тратить на то, чтобы научить учиться» (Мартыновский район).

Таким образом, работа современной школы в разных экономических, этнокультурных и социально-ресурсных условиях определяет особые требования к профессиональным компетенциям учителей и отражается на характере профессиональных установок педагогов.

В рамках данной статьи остановимся подробнее на вторичном анализе результатов прикладного социологического исследования, который реализовывался в марте-апреле 2016 года в школах Ростовской области при участии автора. В общеобразовательных организациях (далее ОО) был проведен массовый интернет-опрос по стандартизированной анкете, в котором приняло участие 448 сотрудников из 86 школ Ростовской области, работающих в сельской местности, и 133 педагога из 20 школ, находящихся в крупных городах области.

В выборке исследования представлены следующие типы образовательных организаций, сотрудники которых приняли участие в опросе (табл. 3).

**Таблица 3. Распределение ответов групп респондентов на вопрос:
«Укажите тип школы» (в %)**

№	Варианты ответов	Сельские школы	Городские школы
1	гимназия или лицей	0,4	53,4
2	основная общеобразовательная школа	34,2	3,0
3	средняя общеобразовательная школа	65,2	42,9
4	начальная школа	0,2	0,8
	Итого	100,0	100,0

Распределение опрошенных сотрудников ОО по занимаемой должности представлено в таблице 4.

**Таблица 4. Распределение ответов групп респондентов на вопрос:
«Какую должность Вы занимаете в школе» (в %)**

№	Варианты ответов	Сельские школы	Городские школы
1	управленец (директор, завуч)	37,5	38,6
2	педагог	56,6	56,1
3	социальный психолог, дефектолог и пр.	3,6	3,0
4	другое	2,2	2,3
	Итого	100,0	100,0

Остановимся здесь на рассмотрении профессиональных установок городских и сельских педагогов.

Результаты проведенного опроса показали, что педагоги и управленцы сельских школ гораздо ниже оценивают эффективность работы своих школ, чем сотрудники образовательных организаций, функционирующих городе (разница практически в 4 раза). Высокий уровень эффективности в первой группе отмечают только 8,3% опрошенных против 40,6% – во второй. Персонал сельских школ более чем в половине случаев оценивает свою работу в средних показателях (56,9% против 15% соответственно).

Эффективность работы школы, с точки зрения сельских школ, проявляется в большинстве случаев через умение учащимися решать жизненные задачи (66,7%), формирование у школьников нормативных ценностных установок (61,6%), а также через развитие их личностных качеств (57,6%). То есть, среди сотрудников школ, работающих в *сельской местности доминирует воспитательная ориентация* (Табл. 3.1.1).

Тогда как сотрудники школ из сегмента *«благоприятных» в большинстве случаев ориентированы на образовательные результаты*: высокий балл ОГЭ, ЕГЭ – 67,7%, возможность поступить в престижный вуз – 51,1%, высокий уровень интереса к обучению и самообучению (53,4%). (Табл. 5).

**Таблица 5. Распределение ответов групп респондентов на вопрос:
«В чем, с Вашей точки зрения, выражается эффективная работа школы
по отношению к достижениям учащихся?» (в %) ***

№	Варианты ответов	Сельские школы	Городские школы
1	высокие оценки по предметам	18,1	21,1
2	высокий балл при сдаче ОГЭ, ЕГЭ	38,8	67,7
3	возможность поступить в престижный вуз	31,9	51,1
4	освоение разнообразной информации, умение систематизировать, сопоставлять, обобщать	48,4	46,6
5	умение решать жизненные задачи на основе полученных знаний, легко адаптироваться в жизни, быть успешным	66,7	66,2
6	высокий уровень интереса к обучению и самообучению	34,4	53,4
7	развитие необходимых личностных качеств (например, самостоятельность, ответственность, инициативность, общительность и пр.)	57,6	62,4
8	формирование нормативных ценностных установок (например, толерантность, патриотизм, уважение к старшим и пр.)	61,6	49,6
9	затрудняюсь ответить	1,3	0,0
	Итого	358,8	418,1

* Вопрос предполагал возможность отметить несколько вариантов ответа, поэтому в общей сумме процент ответов превышает 100%.

Эффективность работы школы, с точки зрения управленцев и педагогов из группы школ, работающих в сложных условиях села, определяется следующими факторами (Таблица 6):

- кадровый состав (65,6%);
- материально-технические ресурсы (59,2%);
- характер правления школой (58,9%);
- особенности поведения учеников (56,5%).

Рейтинг факторов в группе городских школ, находящихся в благоприятном социальном контексте, выглядит следующим образом:

- кадровый состав (91%);
- характер управления школой (78,2%);
- материально-технические ресурсы (57,9%).

Таким образом, учителя школ, функционирующих в разных социальных условиях, *приоритетную роль в обеспечении эффективности работы школы отводят кадровым ресурсам и школьному менеджменту.*

Таблица 6. Распределение ответов групп респондентов на вопрос: «Что, с Вашей точки зрения, влияет на эффективность работы современной школы?» (в %)

	Сельские школы				Городские школы			
	сильно влияет	влияет в средней степени	слабо влияет	затруд. ответить	сильно влияет	влияет в средней степени	слабо влияет	затруд. ответить
1. расположение школы (город/ село)	19,4	37,9	38,4	4,2	19,5	45,1	31,6	3,8
2. кадровый состав школы	65,6	25,4	6,9	2,0	91,0	6,8	1,5	0,8
3. характер управления школой	58,9	29,9	7,4	3,8	78,2	17,3	1,5	3,0
4. способности, особенности поведения учеников	56,5	37,3	5,1	1,1	37,6	51,9	9,0	1,5
5. контингент родителей	51,1	36,6	10,7	1,6	34,6	51,1	13,5	0,8
6. материально-технические ресурсы школы	59,2	33,3	6,7	0,9	57,9	35,3	6,0	0,8
7. характер взаимодействия с местной властью, общественными институтами	23,2	43,3	25,2	8,3	31,6	42,9	15,8	9,8

На образовательные результаты школьников, по мнению управленцев и педагогов сельских школ, оказывают наибольшее влияние следующие факторы (Таблица 7):

- низкий уровень образования родителей учеников (6,5 средних баллов);
- низкие способности школьников к обучению (6,1);
- низкий уровень материального достатка семей школьников(6,0);
- низкая скорость интернета (6,3).

Далее по рейтингу важности в первой группе респондентов располагаются позиции:

- низкая наполняемость классов (4,8 средних баллов);
- недостаток социальных психологов и педагогов (4,8);
- недостаток или отсутствие ОДО (4,6);
- неудовлетворительное состояние школьной инфраструктуры (4,4).

В группе опрошенных городских педагогов рейтинг факторов, влияющих на образовательные результаты, выглядит иначе. Также стоит отметить, что в основной части позиций приписывается невысокая степень значимости (не выше 3-х средних баллов):

- низкая скорость интернета (4,6 средних баллов);
- низкие способности школьников к обучению (3,8);
- состояние инфраструктуры (3,7);
- предпенсионный возраст учителей (3,7);
- неудовлетворительное состояние школьной инфраструктуры (3,7);
- недостаточный уровень мотивации учителей (3,4);
- недостаток социальных психологов и педагогов (3,3);
- ученики с девиантным поведением (3,2).

Таблица 7. Распределение средних баллов по вопросу: «Насколько в Вашей школе выражены следующие проблемы, влияющие на образовательные результаты учеников? Оцените по шкале, где 10 – проблема выражена максимально, а 1 – такой проблемы нет»*

№	Проблемы	Сельские школы	Городские школы
Социальная ситуация			
1	низкая наполняемость классов	4,8	1,8
2	дети безработных/ малообеспеченных родителей	6,0	2,7
3	дети родителей с низким уровнем образования	6,5	3,1
4	низкие способности школьников к обучению	6,1	3,8
5	ученики с девиантным поведением	3,4	3,2
6	ученики с неродным русским языком	4,1	2,1
7	удаленность от районного центра	3,7	1,8
8	недоступность организаций дополнительного образования	4,6	1,9
Кадровое обеспечение и преподавание			
9	неукомплектованность школы учителями-предметниками	3,0	1,9
10	недостаточный уровень профессионализма / квалификации учителей	2,4	2,0
11	недостаточный уровень мотивации учителей	3,3	3,4
12	предпенсионный средний возраст учителей	4,1	3,7

13	недостаток специалистов по соц. психологии /коррекц. педагогике	4,8	3,3
14	недостаток предметных факультативов / доп. занятий-консультаций для слабых учеников	3,3	2,5
15	недостаточная обеспеченность элективными курсами	3,3	2,3
16	недостаток проектной деятельности школьников, их участия в олимпиадах, конкурсах	3,0	1,9
17	недостаток постоянного мониторинга качества обучения на уровне школы и класса	2,3	1,9
18	низкие образовательные ожидания в отношении школьников со стороны педагогов	3,3	2,4
Управление школой			
19	неэффективный школьный менеджмент	2,3	2,4
20	недостаток обмена опытом с коллегами из аналогичных школ, демонстрирующих успешные результаты	2,7	2,6
21	недостаток партнерства с другими образов. учреждениями	2,7	2,5
22	недостаточ. взаимодействие с властью/ общ. институтами	2,9	2,6
№	Проблемы	Сельские школы	Городские школы
Материально-технические ресурсы			
23	недостаточная обеспеченность школы учебной и методич. литературой	2,3	2,5
24	недостаточная обеспеченность средствами обучения (наглядные пособия, учебные приборы, реактивы и пр.)	3,8	3,0
25	недостаточная обеспеченность электронными образовательными ресурсами (компьютеры, интерактивные доски, доступ к дистанционным курсам)	3,5	3,3
26	низкая скорость интернета	6,3	4,6
27	неудовлетворительное состояние школьного здания, мебели, санузлов	4,4	3,7
28	неудовлетворительная охрана школы	3,1	2,2
29	неудовлетворительная организация школьного питания	2,8	2,7

Последний вопрос в исследовании был направлен на сравнение уровня представленности «проблемного» контингента в школах, находящихся в разных социальных условиях. Вполне ожидаемо, что в группе сельских педаго-

гов 15,7% опрошенных отмечают, что в их школах более 50% иноэтничных учеников (во второй группе таких 1,5%). Еще больше в сельских школах детей малоимущих или безработных родителей. Наличие более половины таких учащихся в школе отмечают 56,1% педагогов в первой группе против 3,8% – во второй. (Таблица 8).

Таблица 8. Распределение ответов групп респондентов на вопрос: «Насколько много в Вашей школе следующих категорий учащихся?»(в %)

Категории учащихся	Школы в сложных СУ				Школы в благоприят. СУ			
	менее 25%	от 25 до 50 %	от 50 до 75%	больше 75%	менее 25%	от 25 до 50%	от 50 до 75 %	больше 75%
1. дети, для которых русский язык является неродным	68,8	15,1	9,4	6,3	95,5	2,3	0,0	1,5
2. дети малоимущих / безработных родителей	13,3	30,6	35,7	20,4	68,2	28,0	3,8	0,0
3. дети из неполных семей	46,5	40,9	11,7	0,9	43,2	46,2	9,8	0,8
4. дети из неблагополучных семей, родителей ведущих асоциальный образ жизни	85,8	11,0	2,9	0,2	94,7	3,8	0,8	0,8
5. дети с девиантным поведением (агрессивные, стоящие на учете в полиции)	97,5	1,8	0,7	0,0	93,2	5,3	0,8	0,8
6. дети, с ОВЗ	98,2	1,6	0,2	0,0	94,7	4,5	0,8	0,0

В заключение проделанного анализа, следует подчеркнуть, что современная школа выполняет ряд важнейших функций не только связанных к знаниевой подготовкой, но воспроизводством ценностно-нормативной системы общества через социализацию в институте образования детей и молодежи. Поэтому профессиональные установки педагогов, эффективность их работы в сфере образования и воспитания является важнейшим фактором интеграции общества на основании единой ценностной основы, поддержания стабильного функционирования социальной системы. С другой стороны сложность ра-

боты учителя, недостаточное материальное и моральное стимулирование труда, может деформировать профессиональное сознание педагога.

На эффективность работы учителя и школы в целом оказывают влияние как внешние (экономическое развитие территории и инфраструктура, контингент учащихся, полиэтничность населения, развитие системы дошкольного и дополнительного образования), так и внутренние условия (кадровый состав, школьный менеджмент, материально-техническая оснащенность ОО). Многие сельские школы вынуждены работать с проблемным контингентом учащихся, но не обладают необходимыми для этого ресурсами. Все это отражается на характере профессиональной деятельности педагогов.

Эмпирические результаты исследования позволяют выявить отличия профессиональных установок сельских и городских школ Ростовской области, которые проявляются в следующем:

- в ориентации на воспитательный компонент процесса обучения (сельские школы) или образовательные результаты (городские школы);
- в проблематизации внешних социальных (сельские школы) или внутришкольных условий (городские школы), влияющих на образовательные результаты учащихся.

Источники и литература

1. Денисова Г.С., Дмитриев А.В., Клименко Л.В. Южнороссийская идентичность: факторы и ресурсы: коллективная монография – М.: Альфа-М, 2010.
2. Денисова Г.С., Клименко Л.В. Этнокультурный механизм конструирования конфликтности: опыт кейс-стади в полиэтнических районах Ростовской области: коллективная монография. - Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2012.
3. Население Ростовской области // Официальный портал правительства Ростовской области. URL: <http://www.donland.ru/O-regione/Naselenie/?pageid=100601> (дата обращения 30.08.2016).
4. Статистические данные предоставлены Министерством общего и профессионального развития Ростовской области.

«Культурная сила, полезная не только для развития Кавказских Минеральных Вод, но и для изучения тогда еще мало исследованного Кавказа...»: Кавказское горное общество в начале XX в.

*Колесникова Марина Евгеньевна
Северо-Кавказский федеральный университет
Доктор исторических наук, профессор
kolesnikovam@rambler.ru*

В 1902 г. в г. Пятигорске было создано Кавказское горное общество, сыгравшее значительную роль в изучении Кавказских Минеральных Вод (КМВ). За короткий период времени оно превратилось в научное общество и получило широкую известность не только в России, но и за ее пределами.

Инициатором создания подобных горных обществ в России, в том числе и на Северном Кавказе (в г. Владикавказе и в г. Пятигорске) выступило Русское горное общество (РГО), учрежденное 23 апреля 1901 г. в г. Москве. Основателем его был директор Московско-Казанской железной дороги, большой любитель гор и горных путешествий, альпинист Александр Карлович фон Мекка. Знакомство с Кавказом он начал с района, почти не известного туристам – прошел вверх по Кубани и Теберде, через Клухорский перевал спустился к Черному морю. В 1903 г. он побывал в Приэльбрусье, совершил восхождение на Казбек. Очарованный красотами Кавказа, его природой он еще не раз возвращался сюда. Совершая первовосхождения на вершины, окружающие Домбайскую поляну, он дал названия ряду из них, в то время безымянных: Семенов-баши, Сунахет, Аманауз, Джаловчат. Составленная им карта горного района использовалась в последующем не одним поколением альпинистов. Согласно Устава РГО перед его членами стояли задачи всестороннего изучения гор и распространение сведений о них, знакомства с горной природой через путешествия, экскурсии, восхождения. Создание общества диктовалось потребностью времени, массовым увлечением туризмом и альпинизмом в России на рубеже XIX – XX веков. Взоры русских альпинистов устремлялись на Кавказские горы – Эльбрус и Казбек. Их желали покорить, исследовать окрестности и склоны, ущелья и ледники, совершить восхождение на менее значительные вершины, соседствующие с пятитысячниками.

Русское горное общество издавало свой «Ежегодник», на страницах которого публиковались статьи о замечательной природе и истории горных районов России, в том числе и о Северном Кавказе. Среди членов общества были известные ученые: географ, антрополог, этнограф, археолог, почетный член Петербургской академии наук Д.Н. Анучин; геохимик, основоположник учения о биосфере, профессор В.И. Вернадский; вице-председатель Русского географического общества П.П. Семенов-Тянь-Шанский; геолог И.В. Мушкетов; ботаники А.П. Федченко и В.В. Сапожников; географ Ю.П. Шокальский; ставропольский зоолог Н.Я. Динник; известный журналист В. Гиляровский; художник А. Васнецов; доктор В.А. Шуровский и др. Именно В.А. Шуровский совершая путешествия в малоисследованные районы, т.н. «дикие места» – трижды побывал в Балкарии и Карачае, обследовал горные ущелья, преодолел десятки перевалов, известные лишь пастухам и охотникам. Его имя осталось на карте Кавказа. Известные альпинисты москвич С. Голубов и пятигорчанин, член Кавказского горного общества Я. Фролов, поднявшись на безымянную вершину Центрального Кавказа, дали ей название – пик Шуровского. По решению Русского горного общества здесь был создан и первый высокогорный приют на Казбеке.

Открыть Кавказ для путешественников, ученых, альпинистов и туристов решили энтузиасты, создавшие Кавказское горное общество (КГО). Общество возникло по инициативе и при участии небольшой группы прогрессивной местной интеллигенции. Одним из вдохновителей и основных организаторов общества, а в будущем его почетным членом и председателем (с 1906

по 1910 гг.) был уроженец Швейцарии (г. Ништуля), ученый, общественный деятель, предприниматель, путешественник, альпинист Рудольф Рудольфович Лейцингер. Россия стала для него второй родиной, здесь он занимался устройством винокуренных заводов в Тамбовской и в Воронежской губерниях. С 1881 г. судьба его связана с Кавказом. Он первым в Терской области приобрел паровые молотилки и испытал их в станицах Лысогорской и Незлобной. Именно Р.Р. Лейцингер поставил вопрос о создании Кавказского горного общества, приводя в пример опыт Швейцарии по организации туризма. Он стремился привлечь ученых, художников, альпинистов, туристов, учащуюся молодежь в Пятигорск, мечтая сделать его не просто городом-курортом, а центром туризма, откуда бы снаряжались различные экспедиции и организовывались экскурсии по всему Кавказу. Он был уверен, что не столько от больных, сколько от здоровых будет иметь доход местное население, так как Кавказ нисколько не уступает Альпам ни по красоте пейзажей, ни по разнообразию возможностей для альпинизма. Собирая группы любителей природы и путешествий он отправлялся на дальние маршруты в верховья Кубани, к подножию Эльбруса, через Клухорский перевал в Закавказье и др.

Открытию общества предшествовала длительная организационная работа. Первое собрание учредителей состоялось 24 июня 1899 г., на нем была создана комиссия для выработки устава общества. Устав, автором которого являлся все тот же Р.Р. Лейцингер, был утвержден министром земледелия и государственных имуществ А.С. Ермоловым 14 декабря 1901 г. Но лишь 26 февраля 1902 г. он был торжественно вручен учредителям общества через атамана Пятигорского отдела генерала А.А. Ржевуского. Официальное открытие общества состоялось 18 апреля 1902 г. Из состава присутствующих 32 членов-учредителей было избрано временное правление, в составе Р.Р. Лейцингера, И.И. Апухтина, А. Бржезинского. Первым председателем общества стал профессор Медико-хирургической академии, статский советник, в будущем почетный член общества О.А. Чечотт, членом-секретарем общества был избран П.Н. Перваго [10, л. 5-10; 18, л. 4-5].

Целью общества было всестороннее исследование Кавказских гор и прилегающих к ним предгорий, степей и морей, а также ознакомление с бытом и жизнью населяющих Кавказ народностей, поощрение к посещению и исследованию этих мест учеными, художниками и туристами и оказание им в том возможного содействия, поддержка местных отраслей хозяйства, садоводства и горной промышленности, а также охрана редких видов растений и животных, исторических памятников и всяких достопримечательностей. В Уставе общества, наряду с охраной и изучением природных памятников, была поставлена также задача изучения, сохранения историко-культурного наследия КМВ и всего Северного Кавказа. В задачи входила и организация краеведческих экскурсий с целью изучения этнографии и традиционной культуры местных народов региона. В силу этого деятельность общества велась по ряду направлений: экскурсионное, научно-исследовательское, археологи-

ческое, музейное, библиотечное, издательское, просветительское. В своем составе общество имело секции по альпинизму и краеведению.

КГО было многочисленным по составу, однако вся деятельность общества поддерживалась трудом и энергией только нескольких его членов, остальные почти не принимали участие в общем деле. Объяснялось это тем, что большая часть членов общества проживала в г. Пятигорске лишь летом, в период курортного сезона. В силу этого редко проводились и общие заседания. По составу общество было довольно демократичным, объединяло врачей, педагогов, инженеров, юристов, представителей офицерского корпуса, духовенство, купечество, чиновников. Среди инициаторов, а в дальнейшем руководителей общества были О. Чечотт, Р. Лейцингер, И. Медведков. Активными членами общества были: горный инженер К.Ф. Ругевич, писатель и публицист И.И. Апухтин, И. Ткешелашвили, Э. Эйхельмана, И. Фролов, Э. Фукс, В. Истомина, И. Пугинов, А. Огильви, В.М. фон Дервиз и др. Это было дружество путешественников, исследователей, влюбленных в Кавказ и стремящихся передать свое отношение к этому удивительному краю всем окружающим.

Значительную материальную помощь обществу, видя в нем культурную силу, полезную не только для развития КМВ, но и для изучения тогда еще мало исследованного Кавказа, оказывали его почетные члены. Среди них были Великий князь Дмитрий Константинович, Его Высочество Сенд-абдулахмад-хан Эмир Бухарский, министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов, Наместник на Кавказе - князь Воронцов-Дашков, директор КМВ В.В. Хвощинский, князь Г. Голицын, генерал от инфантерии Фрезе, Атаман Пятигорского отдела генерал-майор А.А. Ржевуский и др.

Общество занималось организацией экскурсий для отдыхающих на КМВ. Первоначально они проводились к Провалу, к месту дуэли М.Ю.Лермонтова, по Военно-Грузинской дороге, на плато Бермамыт. Позже маршруты стали разнообразнее - по военным дорогам (Грузинской, Осетинской и Сухумской), на Эльбрус и Казбек, по окрестностям Пятигорья [21, 22]. Членами КГО была оборудована высокогорная стоянка «Кругозор» на склонах г. Эльбрус, на водоразделе между ледниками Терскол и Гарабаши. Информацию о предстоящих прогулках и экскурсиях, а также о маршрутах можно было всегда найти в «Сезонном листке Кавказских Минеральных Вод», единственном в то время периодическом издании, выходившем на КМВ. Сбор желающих совершить прогулки по тернистым горным дорогам, по альпийским лугам, среди скал и ледников был традиционно в библиотеке Николаевского вокзала, главного строения «Цветника» в г. Пятигорске.

В первые четыре года работы общества было организовано 145 экскурсий, в которых приняли участие 2792 человек. Вскоре экскурсионная деятельность была поставлена на научную основу. Основное внимание уделялось организации ученических экскурсий. Проводить их стали с 1905 г. В 1906 г. была издана и разослана во все учебные округа и отдельно в 640 учебных заведений России написанная Р.Р. Лейцингером брошюра «Несколь-

ко слов об ученическом туризме». В 1908 г. здание канцелярии КГО было переоборудовано в ученический приют (турбазу), откуда школьники и студенты совершали экскурсии на Машук и Бештау, по городам и окрестностям КМВ. О размахе экскурсионной деятельности свидетельствуют следующие факты: в 1910 г. было организовано 164 экскурсии, в которых приняли участие 3680 человек, учащиеся из них составили 3438 человек; в 1912 г. - 126 экскурсий, 2787 участников из них - 2170 учеников [24, с. 69]. О популярности экскурсионной деятельности общества свидетельствуют отчеты, описания, дневники участников экскурсий, восхождений и горных прогулок, хранящиеся в Государственном архиве Ставропольского края [11,12, 13,14,15,16,17,19]. Благодаря усилиям членов КГО тысячи учащихся школ, училищ, курсов и студентов России смогли посетить удивительно сказочные места Кавказа. Сегодня об этих маршрутах напоминают старые надписи, одна из них на месте первой, специально проложенной для туристов тропе на горе Бештау, гласит: «Благодарное Горное Общество директору Кавказских Минеральных Вод В.В. Хвоцинскому и председателю Общества О.А. Чечотту. 14 декабря 1902 года».

В 1909 г. в Москве проходил XII Всероссийский съезд естествоиспытателей и врачей, устроителем, которого являлось и РГО. Делегатами съезда были известные ученые: ботаники, зоологи, антропологи, медики, топографы, географы, гидрологи, метеорологи, а также преподаватели, инженеры, путешественники и альпинисты. Среди них и представители КГО. Председатель правления общества И.И. Медведков выступил с двумя докладами, посвященными опыту работы по развитию детско-юношеского туризма, член общества В.В. Дубянский сделал сообщение о восхождении на Эльбрус, а сотрудничавшие с КГО служащие Геологического комитета А.П. Герасимов и А.Н. Огильви выступили с докладами о гидрогеологических исследованиях района Кавминвод. К съезду была приурочена специальная выставка, организованная в здании Московского университета РГО, знакомящая с успехами отечественного альпинизма и туризма. На ней были представлены образцы горного и дорожного снаряжения, фотографии, рисунки и картины на которых запечатлены горные пейзажи, в том числе и Эльбрус, Казбек, Дигория, Сванетия, Балкария, Карачай, Хевсурия и Абхазия. Около ста фотографий и диапозитивов представленных на выставке были сделаны известным кавминводским фотографом, членом и «фотолетописцем» Кавказского горного общества Г.И. Раевым. На его фотографиях запечатлена история общества и исторические памятники – Гунделенские склепы, башенные аулы, древние храмы, пещеры близ аула Байчорова, достопримечательности Эшкаконского ущелья.

Наряду с организацией экскурсий, деятельность общества была направлена на всестороннее изучение КМВ, их природы, истории и археологии. Разрабатывая вопросы научного кавказоведения, общество пыталось привлекать известных ученых, которые занимались изучением памятников древности, популяризацией исторического и археологического знания. Важное место в деятельности общества занимала и охрана археологических памятников. Ра-

бота проводилась в тесном сотрудничестве с Императорской Археологической комиссией (АК) и Императорским Московским археологическим обществом (МАО). Свидетельством этому является регулярная переписка общества с известным московским археологом В.А. Городцовым [25]; выдача в 1902 г. члену Императорского Санкт-Петербургского Археологического института, а по некоторым сведениям и секретаря КГО В.Р. Апухтину Открытого листа на право производства раскопок в пределах Пятигорского округа Терской области и в Александровском уезде Ставропольской губернии. На основании этого Открытого листа (специального разрешения на производство археологических исследований) был проведен ряд археологических разведок и выявлены уникальные археологические памятники [3; 4, л. 2,5]. В 1903 г. В.Р. Апухтин продолжил раскопки курганов Пятигорья, в результате чего собрал богатую археологическую коллекцию (более 800 наименований), которую позже предложил директору Управления Кавминводами В.В. Хвоцинскому для археологического отдела местного музея. В дальнейшем эта коллекция была передана в музей Кавказского горного общества, созданный в 1905 г. При участии В.Р. Апухтина КГО наладило научные связи с Археологической комиссией.

Через КГО Ставропольский губернатор в 1903 г. собирал информацию о наличии «каменных баб» в пределах КМВ, выполняя запросы Московского археологического общества. В августе 1904 г. В.Р. Апухтиным и Р.Р. Лейцингером были проведены археологические разведки в ущелье Эшкакон, у подножия г. Школены, на Рим-горе. В ходе осмотра и исследования были зафиксированы скальные могильники, курганы, встречающиеся по пути следования, найдены серебряные монеты римской империи, кремневые орудия. В этот период и зародилась идея Р.Р. Лейцингера получать через АК Открытые листы, на право проведения самостоятельных археологических раскопок. В последующем правление общества неоднократно обращалось в АК с ходатайством о предоставлении обществу Открытых листов на право производства археологических раскопок и надзора за памятниками старины в Пятигорском отделе и Нальчинском округе Терской области, Баталпашинском округе Кубанской области [2,5]. Так, получив разрешение на археологические работы Р.Р. Лейцингер в 1906 г. организовал и провел при участии членов КГО две научные экскурсии с целью производства раскопок: одну к Горячеводску, другую в Эшкаконское ущелье [1, л. 2-5, 14]. Позже он доисследовал ряд полуразрушенных позднесредневековых склеповых гробниц, разграбленных кладоискателями. Удачной была экскурсия и в район Горячеводска, где были исследованы разрушенные небольшие курганы. Поездка в Эшкаконское ущелье носила разведочный характер, для выяснения местонахождения «богатых остатков могильников». Об этой экспедиции сохранился подробный отчет, напечатанный в сборнике КГО, автором которого, по мнению С.Н. Савенко, является Е.И. Медведкова, дочь члена-секретаря, товарища председателя, а в 1910-1911 гг. председателя общества И.И. Медведкова. Отчет содержит подробное описание деталей погребальных сооружений в ущелье реки Эшкакон

и в районе Рим-Горы, данные о пещерах и пещерных могильниках, этнографическое описание аула Байчорова [20, с. 135-136].

В период 1906-1907 г. членами общества были проведены исследования поселения на южной вершине Бештау, а в 1911 г. - археологические разведки и частично раскопки «старо-кабардинских» могильников в имении Пронина, в 9 верстах от Пятигорска, на правом берегу реки Подкумок, и в Николаевской колонии. Результатом явились уникальные археологические находки, пополнившие фонды музея КГО. После смерти Р.Р. Лейцингера, в 1910 г., археологическая деятельность общества несколько затихла. Об оживлении работы в области археологических исследований можно говорить с 1915 г., когда председателем правления общества стал действительный член Русского географического общества, кисловодчанин – барон А.П. Лорч. По результатам раскопок Кавказское горное общество регулярно представляло отчеты и описи находок в АК. Все археологические работы носили охранный характер и были вызваны необходимостью спасения разрушаемых памятников древности. Проведение же широкомасштабных и систематических археологических исследований было не под силу обществу, «обладающему, слишком ограниченными средствами» и специалистами. Средства общества состояли главным образом из членских взносов, выручки от экскурсий, продажи изданий, платы за посещение музея, от спектаклей и краеведческих вечеров, пожертвований и субсидий.

Во время экскурсий и туристических прогулок члены общества всегда уделяли внимание фиксации и описанию встречающихся археологических объектов, этнографическим зарисовкам особенностей быта местного населения Карачая, Кабарды, Осетии, Грузии. Свидетельство тому - этнографические заметки Р.Р. Лейцингера, К. Зографа, В.В. Дубянского, В.Л. Альбанского, Г. Верпова, И. Ткешелашвили и др. печатавшиеся на страницах «Ежегодника Кавказского горного общества».

Еще одно направление в деятельности общества – музейное. Все найденные археологические предметы поступали в музей КГО, созданный по инициативе Р.Р. Лейцингера. В его основу легли очень ценные личные коллекции Р.Р. Лейцингера. В результате экскурсий был собран значительный материал по геологии, ботанике, палеонтологии, этнографии, археологии, который пополнил фонды музея. Это были в основном образцы минералов, коллекции монет и медалей, оружия, чучела животных и археологические находки. Комплектование фондов музея в дальнейшем происходило за счет частных пожертвований и находок, личных коллекций членов общества. Так, в 1905 г. членами общества была приобретена замечательная коллекция жуков и бабочек России. На основе музея КГО в последующем был создан Пятигорский краеведческий музей.

Кавказское горное общество занималось пропагандой и популяризацией знаний по истории, археологии и краеведению. С 1904 г. оно стало издавать свой собственный печатный орган «Ежегодник Кавказского горного общества в гор. Пятигорске». В период с 1904 по 1913 г.г. вышло 5 выпусков, в

которых содержится богатейший материал по истории Северного Кавказа. В «Ежегоднике» печатались обзоры деятельности общества, отчеты и протоколы заседаний, сведения о личном составе, отдельные публикации, статьи; публиковались сообщения о предстоящих экскурсиях, платных и бесплатных, подробное описание маршрутов, как однодневных (на горы Машук, Бештау, Железную, к колонии Темпельгоф), двухдневных (в долину Нарзанов, аул Хасаут, на гору Бермамыт), так и дальних (к Эльбрусу, к Девдоракскому леднику, по Военно-Грузинской дороге и др.). С 1916 г. стал выходить «Вестник Кавказского горного общества», издававшийся в г. Кисловодске.

Общество вело большую библиографическую работу по кавказоведению, обменивалось изданиями с рядом научных обществ России, результатом чего явилось создание собственной научной библиотеки, содержащей богатое собрание книг по географии, истории и этнографии Северного Кавказа, ставшей в будущем первой публичной библиотекой города Пятигорска. До 1912 г. музей и библиотека общества размещались в здании Елизаветинской галереи. После приобретения городом дома и усадьбы М.Ю. Лермонтова эти здания были переданы обществу. Так по инициативе и при поддержке Кавказского горного общества 15 июля 1912 г. был открыт для посетителей музей «Домик Лермонтова» [26, с. 8].

В апреле 1917 г. по инициативе барона А.П. Лорча в г. Кисловодске было создано первое отделение Кавказского горного общества. Вопрос о целесообразности открытия отделений общества в г. Ессентуках и г. Кисловодске был поставлен значительно позже. В статье А.П. Лорча «Мы и горцы», опубликованной в «Кавказских курортах» (№ 14 за 1917 г.) и посвященной учреждению кисловодского отделения КГО, была изложена программа культурно-просветительной работы по сохранению исторических памятников и культурного наследия региона. Реализовать эту программу не удалось, после революционных событий барон А.П. Лорч эмигрировал во Францию, как впрочем, и многие другие члены общества. Председателем Кисловодского отделения А.П. Нечаевым и одним из учредителей П.А. Утяковым были намечены текущие и перспективные задачи, среди которых основными были этнографические исследования, создание естественно-исторического и этнографического музея. Несмотря на то, что Кисловодское отделение КГО просуществовало недолго, оно сыграло важную роль в организации и развитии краеведческих обществ КМВ в последующий, советский период.

В период 1918-1924 г. КГО прекратило свою деятельность. Но именно в это время усилился интерес к историческому прошлому. Повсеместно после окончания военных действий в регионе стали возникать краеведческие кружки, секции и общества, оживилась деятельность научных учреждений. Развитие краеведения в 1920-х годах на КМВ связано с именем профессора Д.М. Павлова (1884-1931), являвшегося ранее членом правления КГО. Имя этого человека было незаслуженно забыто в истории северокавказского краеведения и возвращено совсем недавно [23, с. 37-39]. В годы Первой мировой войны он оказался на Северном Кавказе, где остался жить и работать до самой

смерти. В период 1915-1916 г. он являлся попечителем музея «Домика Лермонтова». В период развития краеведения в первые десятилетия советской власти как нельзя лучше проявились организаторские способности Д.М. Павлова. Он преподавал на кафедре кавказоведения и краевой археологии в Кубанском государственном университете, после закрытия которой был переведен в Горский политехнический институт, где читал курс «краеведение». В этот же период он являлся заведующим антропо-географическим отделением Северо-Кавказского института краеведения, а с 1921 г. заведующим Горским музеем. Под его руководством этот музей был объединен с музеем КГО в единый краеведческий музей. Д.М. Павлов является автором ряда археологических и этнографических работ, многие из которых до сих пор не опубликованы. В 1920 г. в г. Пятигорске при его непосредственном участии был создан Совет обследования и изучения Терского края, преобразованный в 1921 году в Пятигорское отделение Северо-Кавказского института краеведения [8, л. 12, 90]. Эти органы осуществляли систематическое и всестороннее изучение Северного Кавказа, собирали материалы краеведческого характера, способствовали возникновению провинциальных краеведческих музеев и вовлекали в свою деятельность широкие слои местных ученых и исследователей. Д.М. Павлов являлся и председателем Пятигорского отделения Северо-Кавказской этнолого-археологической комиссии, членами которой были В.Р. Апухин и И.П. Друженко, в прошлом активные члены Кавказского горного общества.

Рост числа музеев и различных музейных коллекций в первые десятилетия советской власти поставил ряд новых проблем - регистрацию и сохранение художественных ценностей, создание новых музеев, уточнение профилей и структуры старых, их целей и задач, изучение и дифференциацию музейных коллекций. Именно поэтому в начале 1920-х годов Наркомпрос и его специальное подразделение - Главный комитет по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, народного быта и природы (Главмузей) приступили к созданию сети провинциальных музеев исторического, археологического и краеведческого профиля. Деятельность краеведческих музеев должна была преследовать определенные цели: вести пропаганду исторических знаний, коллекций, просветительскую работу с населением, научно-исследовательскую деятельность, организовывать археологические раскопки и этнографические экспедиции.

19 мая 1920 г. при Кисловодском отделе народного образования был создан экскурсионный отдел со школьной экскурсионной секцией, возродивший традиции Кавказского горного общества по проведению детских и учебных экскурсий. Заведующим отделом стал П.А. Утяков. Экскурсии проводились по выходным дням и в период школьных каникул. Помощь в период летнего курортного сезона 1923 г. оказывал бывший член КГО Г.Шахназаров, открыв в Нарзанной галереи на общественных началах справочное бюро по экскурсиям.

С 25 по 31 марта 1921 года в г. Кисловодске состоялась первая краевая Северо-Кавказская конференция по делам музеев и охране памятников искусства и старины, в организации которой деятельное участие принял Д.М. Павлов. В его докладе «О предполагаемой реорганизации существующих музеев в Кавказском крае» шла речь об организации новых музеев в Кисловодске, Нальчике, Екатеринодаре, возрождении старых краеведческих обществ [9, л. 64].

В 1923 г. началась работа по возрождению КГО, активное участие в ней приняли Д.М. Павлов, Я.И. Фролов, Г.И. Раев, С.П. Булавин. В печати неоднократно ставился вопрос о возрождении всех традиций общества, об использовании его богатого опыта в области развития краеведения, экскурсионной деятельности, о материальной поддержке его работы со стороны Главнауки и Северо-Кавказской ассоциации НИИ.

Кавказское горное общество возобновило свою деятельность в 1924 г. после национализации музея «Домика Лермонтова», музея общества и включения их в единую государственную сеть музеев [8, л. 14-16, 36]. Состав общества значительно сократился - до 72 чел. (в 1910 г. было 283 чел.). Председателем его с 1924 г. был известный краевед Е.А. Ларин, секретарем - М.А. Аболина. Работа общества велась по трем направлениям: краеведческое, экскурсионное и издательское. Несмотря на крайне тяжелое материальное положение (общество получало только субсидию от Главнауки в 216 руб. в год) оно проделало большую работу в плане развития научного краеведения. Это направление теперь было главным в его деятельности, что объяснялось новой политикой государства в отношении краеведения.

Общество принимало участие и в экскурсионной работе Терского окружного бюро краеведения в районе КМВ, работало в тесном контакте с Кавказским бюро краеведения. При поддержке управления КМВ были устроены научные экскурсии, художественные и исторические выставки в г. Пятигорске. С 1924 г. начались археологические раскопки в районе Пятигорья, которые проводил археолог и краевед Н.М. Егоров, являвшийся сотрудником, а позднее и директором Пятигорского музея краеведения.

В 1925 г. был вновь открыт филиал-отделение КГО в г. Кисловодске, начато систематическое археологическое обследование района КМВ. В г. Пятигорске был создан ученический археологический кружок, силами которого проводились самостоятельные археологические раскопки. Членами КГО в конце 1920-х начале 1930-х гг. был организован ряд экспедиций для изучения и исследования археологических памятников. Среди них особенно выделяются археологические исследования 1927 г. по изучению Рим-горы. (г. Кисловодск). Работы велись при содействии Терского окружного музея краеведения. В них принимали участие члены общества Е.А. Ларин, Д.М. Павлов, директор Пятигорского музея краеведения Н.М. Егоров, профессор В.Ф. Смолин (Казань), П.Н. Чирвинский (Новочеркасск), Н.С. Воскресенский (г. Москва).

Внимание ученых и краеведов привлек и обнаруженный аланский катакомбный могильник. В.Ф. Смолиным было установлено, что некоторые из катакомб соединены отверстиями. Среди катакомб были найдены развалины христианской церкви с изображением креста, а в развалинах крепости каменный крест с греческой надписью, относящийся к VII-VIII векам. Помимо работ на Рим-горе были произведены и археологические разведки в пределах КМВ и Терской области [6,7]. В 1930-х годах охраной, спасением и изучением памятников древности и средневековья начал заниматься известный археолог, краевед А.П. Рунич. В 1936 году он совместно с Н.М. Егоровым возобновил археологическое изучение Рим-горы. С его именем связано открытие многих памятников КМВ, необходимость исследования которых остро стояла в период активно идущего курортного строительства (с 1930 г.). Собранные им коллекции археологических материалов различных эпох украшают краеведческие музеи Ставрополя, Пятигорска, Кисловодска, Минеральных Вод, Ессентуков, Железноводска.

В конце 1920-х гг. Кавказское горное общество в силу изменившейся политики государства в области краеведения занималось в основном туристической и экскурсионной деятельностью, а в начале 1930-х гг. общество вновь прекратило свою деятельность.

Деятельность общества положило начало краеведению КМВ, его опыт и традиции легли в основу многих краеведческих организаций и обществ, возникших в последующие периоды. В его работе, как и в деле всего северокавказского краеведения, были трудности, обусловленные политической ситуацией, тяжелым материальным положением, отсутствием налаженной системы охраны памятников, единых требований и мер в организации исследовательской деятельности и развитии музейного дела, нехваткой специалистов. Однако уже на начальном этапе своей деятельности общество сделало большой шаг вперед в деле популяризации и изучения древнейшего прошлого края, были открыты и зафиксированы многочисленные археологические памятники. Благодаря деятельности замечательной плеяды краеведов-археологов, членов Кавказского горного общества, было начато археологическое и историческое изучение региона, благодаря чему на сегодняшний день район КМВ является наиболее изученным в археологическом плане районом Центрального Предкавказья.

Источники и литература

1. Архив Института истории материальной культуры РАН (Архив ИИМК РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 26, 1906 г.
2. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 134, 1908 г.
3. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 203, 1902 г.
4. Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 272, 1902 г.
5. Архив ИИМК РАН. Ф. 76. Оп. 1. Д. 41, 1902-1908 гг.
6. Архив ИИМК РАН. Ф. 76. Оп. 1. Д. 42, 1927 г.
7. Архив ИИМК РАН. Ф. 76. Оп. 1. Д. 44, 1927 г.

8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 302.
9. ГАРФ. Ф. А- 2307. Оп. 8. Д. 135.
10. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 1262. Оп. 1. Д.1.
11. ГАСК. Ф. 1262. Оп. 1. Д. 2.
12. ГАСК. Ф. 1262. Оп. 1. Д. 3.
13. ГАСК. Ф. 1262. Оп. 1. Д. 4.
14. ГАСК. Ф. 1262. Оп. 1. Д. 5.
15. ГАСК. Ф. 1262. Оп. 1. Д. 6.
16. ГАСК. Ф. 1262. Оп. 1. Д. 7.
17. ГАСК. Ф. 1262. Оп. 1. Д. 8.
18. ГАСК. Ф. 1262. Оп. 1. Д. 10.
19. ГАСК. Ф. 1262. Оп. 1. Д. 11.
20. Е.М. В ущелье Эшкакона // Ежегодник КГО. Вып. 2: за 1904, 1905, 1906, 1907 гг. / Под ред. И.И. Медведкова. Пятигорск, 1908.
21. Кавказское горное общество в Пятигорске: Программа экскурсий на летний сезон 1914 г. Пятигорск, 1914.
22. Кавказское горное общество в Пятигорске: Программа экскурсий на летний сезон 1916 г. Пятигорск, 1916.
23. Коваленко А.Н. Д.М. Павлов – выдающийся краевед Северного Кавказа // Археология и краеведение Кавминвод. Кисловодск, 1992.
24. Краеведение на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1928. №1-4.
25. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 431. Оп. 1. Д. 375.
26. Сто шедевров Лермонтовского музея / Н.В. Маркелов, авт. вступ. ст. И.В. Сафарова. Пятигорск: Снег, 2009.

Мать и дети: из истории екатеринбургской семьи Батмановых

*Кончаковская Наталия Борисовна
Уральский федеральный университет
соискатель
natalia_konchak@mail.ru*

Материнство – особо значимая сфера жизни женщины. Для более глубокого понимания трансформаций в современных представлениях о материнстве важно обратиться к изучению этого вопроса в исторической ретроспективе. В конце XIX – начале XX вв. города Среднего Урала являлись центрами модернизации, средой для развития «креативной созидающей культуры». В процессе урбанизации в них формировалась особая «городская» культура, повышался темп жизни, важную роль стали играть принадлежность горожан к социально-классовой, профессиональной группам. С пореформенного времени здесь начали формироваться элементы гражданского общества, разви-

вались культурно-просветительская и культурно-развлекательная сферы городской жизни, демократизировались семейно-брачные отношения, происходила рационализация жизни. Наиболее прогрессивным слоем, воспринимавшим новшества, являлась интеллигенция. Изменения городского образа жизни влияли на горожанок. В условиях модернизации для женщин становились важными стремление к самостоятельности, получение образования, свободный выбор профессии, самореализация в публичной сфере [3]. Более гуманными и рациональными становились методы воспитания детей.

Екатеринбург в конце XIX – начале XX вв. являлся быстро развивающимся торгово-промышленным центром Урала, с постоянно растущим количеством населения, с достаточно высоким уровнем грамотности и общественной активности горожан [2].

Александра Владимировна Батманова – супруга екатеринбургского нотариуса и общественного деятеля А.Н. Батманова [1]. Хронологические рамки исследования - период с 1890-х гг. по 1917 г. Семья Батмановых принадлежала к слою екатеринбургской интеллигенции, участвовала в организации в Екатеринбурге библиотеки им. В.Г. Белинского, входила в состав различных общественных организаций города. В круг их общения входили представители интеллигенции, общественных деятелей Урала.

А.В. Батманова, не работала, занималась воспитанием шестерых детей, совмещая материнство с общественной деятельностью. Она бережно относилась к здоровью своих детей, изучала медицинскую литературу по этому вопросу, использовала новые достижения в лечении и профилактике детских болезней. Каждое лето А.В. Батманова старалась выезжать с детьми на дачу, ходила с ними в лес, на речку. Она считала лучшими «лекарствами» для детей свежий воздух и физическую активность.

Воспитание детей в семье Батмановых строилось на гуманистических началах. По воспоминаниям друга семьи Б.Д. Удинцева, у них даже существовало «ребячье государство» - Батмания, с республиканским типом правления. Отношения в семье строились на принципах взаимного уважения, любви, воспитание было направлено на всестороннее развитие детей. Дети увлекались садоводством, катанием на велосипеде, плаванием, фотографированием. Важным занятием в доме Батмановых было чтение.

До поступления детей в школу Александра Владимировна обучала детей сама, во время школьной учебы нанимала репетиторов. А.В. Батманова негативно относилась к ситуации, сложившейся в начале XXв. в средней школе и выступала против перегрузок в учебе, сказывавшихся на здоровье детей, против муштры, формализма в обучении. Она состояла в Обществе попечения о начальном образовании, семейно-педагогическом кружке г. Екатеринбурга, была постоянным членом родительских комитетов. Александра Владимировна предприняла попытку создать общество учеников и их родителей в Екатеринбурге за свободную школу, качественное среднее образование.

Батмановы, как представители образованных слоев горожан, понимали

важность получения их детьми высшего образования, и старшие дети Боря и Оля отправились в 1910-1912 гг. учиться в Петербург, затем к ним присоединился Слава.

Александру Владимировну Батманову можно назвать «примерной» мамой. Она с любовью и ответственностью относилась к своим детям, руководствуясь актуальными в то время идеями о самоценности детства. Такие тенденции в воспитании детей в рассматриваемый период наблюдались наиболее ярко среди представителей интеллигенции г. Екатеринбург.

Источники и литература

1. ГАСО. Ф. 95. Оп. 1.; ГАПК. Ф. Р-926. Оп. 1.; Фонд МБУК «Объединенный музей писателей Урала. Ф. 68. Оп. 1. Д. 61.
2. Миненко Н.А., Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В., Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века. М., 2006. С. 7.
3. Пушкарева Н.Л. У истоков русского феминизма // Российские женщины и европейская культура. СПб., 2002 С. 80.

Государственные чиновники учебного ведомства российской провинции в XIX – начале XX в.

*Крапоткина Ирина Евгеньевна
Елабужский институт (филиал)
Казанского федерального университета
кандидат исторических наук, доцент
ikrapotkina@mail.ru*

Изучение провинциального общества, как объекта правительственной политики и как социальной среды, оказывающей на её формирование существенное влияние, в отечественной историографии применительно к XIX – началу XX в. ещё не было выделено в отдельную проблему. Поэтому важным представляется анализ деятельности учебно-окружных центров, функционировавших в Российской империи в XIX – начале XX в., определение роли отдельных провинциальных чиновников учебного ведомства и канцелярских служащих, степени их влияния на общество не только и не столько в рамках отдельного структурного подразделения (Управление учебного округа, Канцелярия попечителя, Дирекция народных училищ), что само по себе значимо, но и внутри региона (уезда, губернии) и России в целом.

Сфера образования в дореволюционной России была представлена министерством народного просвещения, учебными округами, дирекциями народных училищ. Министерство просвещения находилось в столице империи – Санкт-Петербурге. Центрами Учебно-окружного управления являлись те губернские города, centroобразующим элементом которых являлись университеты. В начале XIX в. в России были учреждены Дерптский, Виленский, Санкт-Петербургский, Московский, Харьковский и Казанский учебные округа. Дирекции народных училищ основывались в губернских городах, входивших в учебный округ.

Задачи управления учебным округом:

- реализация государственной политики в сфере образования с учетом региональной специфики образования (например, Казанский округ), особенностей социально-культурной среды, осуществление координационной работы в образовательной деятельности с другими государственными, профессиональными и общественными структурами;

- осуществление научно-методической работы; контроль и анализ деятельности образовательных учреждений округа;

- реализация кадровой политики в сфере образования.

Важным является тот образ, который формировался у населения по отношению к чиновникам учебного ведомства, олицетворявшим собой государственную власть в регионе.

Во главе учебного округа стоял попечитель – полномочный представитель министерства просвещения в регионе. Его должность была связующим звеном в системе управления народным образованием, соединяя в единое целое министерство просвещения и Учебно-окружной центр. Глава учебного округа представлял интересы вверенных его управлению учебных структур в Департаменте просвещения, контролировал исполнение правительственной политики в области народного образования. Попечитель действовал на определенной территории, в определенное время и в конкретных исторических условиях. Большинство попечителей Казанского учебного округа являлись приезжими из других регионов России, при организации рабочего процесса они должны были принимать во внимание социально-экономическую и общественно-политическую ситуацию во вверенном им регионе, учитывать культурные традиции местного населения.

Формулярные списки попечителей свидетельствуют о том, что одни начинали свою карьеру учителями, другие являлись деятелями науки, внесшими существенный вклад в дальнейшее развитие учебно-воспитательного дела. То, что они всецело поддерживали правительственный курс, было закономерным фактом: практически все, кто возглавлял административные должности, являлись сторонниками существующего строя. От местной власти зависит, какими методами претворять в жизнь правительственные установки. Казанские попечители отстаивали в этом плане интересы вверенных их управлению служащих.

Корпорация чиновников учебного ведомства являла собой организованную и, в большинстве своем, интеллигентную семью, объединённую одной идеей – верно, честно и разумно служить Государю Императору и Государству, в пределах закона подчиняться требованиям правительства и вышестоящего начальства.

Попечитель Казанского учебного округа в своей должности совмещал обязанности «троякого» рода: самостоятельного начальника отдельного учебного ведомства, осуществлявшего служебное делопроизводство; главного наблюдателя за ходом преподавания и руководителя педагогического дела в отдельно взятом учебном округе; ревизора. При этом на протяжении XIX –

начала XX в. происходит изменение социальных характеристик и ценностной ориентации провинциального чиновничества учебного ведомства.

Проблемы изучения южного российского города нового времени

*Мининков Николай Александрович
Южный федеральный университет
доктор исторических наук, профессор
mininov@aaanet.ru*

Города и городская жизнь составляли существенную часть внутренней жизни в обширном южном регионе России нового времени. Без учета «городской составляющей» представление о жизни российского общества того времени было бы далеко не полным. Города в это время играли самую разную роль и, как и на других территориях, выступали в качестве своеобразных центров культуры. Применительно к городам на территории российского Юга обращение к исторической эпохе нового времени не случайно. Средневековье оставило слишком мало следов городской жизни на этой территории. В качестве настоящего города выступал на этой территории Азак, или венецианско-генуэзская колония Тана, присоединенная в 1471 г. к Османской империи. Но городов было очень немного. Еще М.И.Артамонов в своей «Истории хазар» упоминал о нескольких крепостях по Дону, помимо известного Саркела – Белой Вежи. Но говорить обо всех этих крепостях как о городах едва ли было бы правильно. То же самое относится и к другим поселениям, в частности, к столице Тмутараканского княжества, о которой известно очень мало. Крепостями, но не полноценными городами, являлись турецкие крепости на азовском побережье или вблизи него. Это – Тамань, Темрюк, Ачуев, Копыл у разделения Кубани и Протоки. Поэтому о городской жизни на данной территории можно, в общем, говорить только с нового времени.

Вместе с тем возникает вопрос о том, какие известные населенные пункты, в том числе военно-стратегического характера, могли в то время являться городами. И в этой связи с неизбежностью возникает традиционная проблема как медиевистики, так и нового времени, относящаяся к важнейшим признакам городского поселения. Относится она и к городам российского Юга. Так, еще в медиевистике XIX в. возникали известные теории возникновения городов. С точки зрения романистической теории, средневековые европейские города являлись продолжением городов, возникавших еще в римское время. Марковая теория связывала происхождение города с германской общиной-маркой, а бурговая – с крепостью-бургом. Романистическая теория для нашей территории не может быть принята, поскольку на ней нет городов, начало которых уходило бы еще в римское время. Это относится даже к тем случаям, когда средневековый город-крепость возникал на месте или вблизи городского поселения римского времени, как, например, турецкая крепость Анапа возникала на месте древнего города Горгиппии. Средневековая турецкая крепость не имела какой-либо преемственности с этим поселением на

территории Боспорского царства. Точно также не может использоваться марковская теория из-за отсутствия на территории российского юга такого явления, как крестьянская община, и с общинами происхождение городов на российском Юге никак не связано. Ближе к историческим реалиям южного российского региона была бурговая теория, поскольку, в самом деле, многие города на этой территории начинались как военные укрепления и имели полноценные крепости. Характерно, однако, при этом, что такой остаток русского или другого средневековья, как кремль, представлен на этой территории только в ханской средневековой столице Астрахани, причем этот кремль сохранился. В других городах на этой территории кремлей нет, а крепости сохранились лишь в виде остатков. При этом в Ростове даже остатки крепости Святого Димитрия Ростовского не просматриваются, но сохранились в виде очень небольшого земляного вала, на котором в настоящее время стоит ротонда. Более выражены остатки средневековой крепости в Азове, от которой сохранился земляной вал, а отчасти и крепостные ворота. Но, так или иначе, происхождение целого ряда южных российских городов от крепостей или от каких-то укреплений, соорудившихся с оборонительной целью, совершенно очевидно.

Советская историография связывала происхождение городов с явлениями прежде всего социально-экономической жизни. Города рассматривались как центры ремесленного производства, благодаря развитию которого формировалось общественное разделение труда, служившее, в свою очередь, предпосылкой для всестороннего развития общества в эпоху средневековья. Таким образом, в качестве важнейшего признака города рассматривалось ремесло и торговля, а ремесленники и торговцы – в качестве типичного для города социального слоя. Аналогичные явления были заметны и в русских городах эпохи средневековья. Так, укрепленный центр, или кремль, постепенно окружались торгово-ремесленными посадами. Подобные явления встречаются и в городах, возникавших на российском Юге в новое время. Такое торгово-ремесленное поселение сложилось вокруг крепости Святого Димитрия Ростовского. По такому же варианту развивался из крепости в город Ставрополь, Святой Крест (ныне - Буденновск), Кизляр, Моздок, Грозный и некоторые другие города региона.

Вместе с тем на Юге Российской империи имел место особый вариант возникновения города, когда город возводился на месте, где не имелось вообще никакого поселения, причем ему передавались столичные административные функции. Прообраз такого города создавал еще Петр I, основавший на затопляемых островах невской дельты столицу государства. По такому же варианту шло основание центра нового Черноморского казачьего войска – Екатеринодара в 1793 г. и центра войска Донского Новочеркасска в 1805 г. При этом оба города имели типично станичный уклад. При этом Екатеринодар в условиях разворачивавшейся Кавказской войны имел крепость, тогда как Новочеркасск, не находившийся в непосредственной близости от театра военных действий на Кавказе, ее не имел. Но в духе того времени, когда в искусстве воспроизводились некоторые характерные черты античной культуры,

у северного въезда в Новочеркасск была поставлена триумфальная арка для проезда в город Александра I, который, однако, в новую войсковую столицу так и не прибыл.

Интересным объектом исторического исследования могут быть факторы роста и развития разных городов региона, которые зависели от статуса города, а также от того, какое внимание этому городу уделяло правительство. При этом повышенный статус города в административном отношении, а также внимание к его развитию начальства не всегда обеспечивали реальные преимущества по сравнению с теми городами, которые такого статуса или такой поддержки были лишены. Это наглядно видно при сопоставлении Новочеркаска и Таганрога, с одной стороны, и Ростова, с другой. Так, Новочеркасск имел статус военно-административного центра, а Таганрог пользовался покровительством властей. В то же время Ростов ничего этого не имел. Однако благодаря бурному торгово-промышленному развитию Ростов ко времени переписи населения Российской империи 1897 г. вошел во вторую десятку городов страны по численности населения. Город имел значительную промышленность и довольно многочисленный рабочий класс, пополнявшийся за счет сезонных рабочих, а также был значительным центром торговли и имел железнодорожный узел.

Еще одной проблемой является история городского населения. Исследование этой проблемы также позволяет выявить особенности отдельных городов. Не случайно, что такие административные центры, как Новочеркасск, Екатеринодар, Владикавказ имели значительную прослойку лиц, относившихся к служилым сословиям и корпорациям. В этих городах значительную часть населения составляли казаки, было заметно значительное количество военных и чиновников. Иным в этом отношении был Ростов. При значительно меньшей офицерско-чиновничьей прослойке в нем было заметно представительство таких типично городских сословий, как купечество и мещанство. Вообще в целом за последнее время столь важному сословию, как мещанство, в целом в отечественной историографии уделено меньшее внимание, чем другим сословиям. Между тем, по данным переписи населения 1897 г. по своей численности мещане шли на втором месте среди сословий империи, значительно уступая лишь крестьянству. За последнее время по истории мещанства в Области войска Донского конца XIX – начала XX вв. появилось обстоятельное исследование И.Н.Смирнова. Вместе с тем, поскольку есть основание соглашаться с этим автором, что до сих пор история российского мещанского сословия еще не получила фундаментального монографического исследования, то изучение его истории в городах и в некоторых населенных пунктах с другим статусом может быть продолжено.

Лучше изучено благодаря в значительной мере трудам советских историков положение в городах рабочего класса, в том числе на отдельных предприятиях. Такие исследования велись в связи с революционными событиями 1905 г. и участием в них рабочих. Особенно это было связано с теми городами и предприятиями, где происходило в 1905 г. декабрьское вооруженное

восстание, например, на Владикавказской железной дороге, а в отдельных случаях появлялись республики – Новороссийская и Сочинская. Вместе с тем хуже освещено положение рабочих в быту и в повседневной жизни. Впрочем, как представляется, это касается не только рабочего класса, но и других слоев населения города. Можно при этом указать некоторые весьма интересные источники, на которые не обращалось достаточного внимания, но которые дают весьма интересные и достоверные сведения о положении в городах. Так, не введен в исследовательский оборот очень интересный очерк московского журналиста Кольцова «В низовьях Дона», который публиковался в нескольких номерах за 1882 г. журнале либерального направления «Дело», который вскоре в условиях контрреформ был закрыт. Большая часть очерка посвящена Ростову, причем это был взгляд постороннего но доброжелательного к «ростовцам» столичного наблюдателя. Он обращал внимание на самые разные стороны жизни города. Это было городское благоустройство, речной порт и работа грузчиков в порту, столь тяжелая в типичную для города летнюю жару, рыбная ловля горожан в Мертвом Донце и на Дону и столкновение их по этому поводу с казаками станиц Гниловской и Елизаветинской. А также на такую составную часть городской жизни, как преступный мир большого южного города. Вообще подобная тема до сих пор мало привлекала внимание историков. Между тем, в реальной жизни города эта среда занимала весьма значительное место и вообще накладывала на Ростов свой отпечаток. Также по существу не изучался своеобразный фольклор этой среды, который помогает глубже понять характерную для нее культуру и ценностную ориентацию. Поэтому изучение данной темы и представляет интерес, и весьма перспективно. Еще один очень интересный источник – это артефакты, относящиеся к быту горожан, которые хранятся в разных музеях на территории Юга России. Вообще музейные экспонаты, принадлежавшие когда-то жителям городов, могут многое сказать о своих хозяевах и заслуживают специального исследования. На их основании можно судить об особенностях культуры горожан из разных социальных слоев, об уровне их благосостояния.

Исследование городов предполагает также изучение крупных поселений, которые не считались городами, но на самом деле в значительной мере соответствовали данному статусу. Одним из таких поселений являлся Азов, имевший к началу прошлого века статус посада. Но, между тем, по хозяйственной специфике и по уровню культуры Азов мало отличался от небольших городов. Еще один весьма показательный пример составляет окружная станция Области войска Донского Каменская. Это поселение считалось станицей, однако благодаря проведению Юго-Восточной железной дороги она быстро втягивалась в рыночные отношения и в ней появлялась городская среда в виде железнодорожных рабочих. Высок был также культурный уровень станицы, которая имела гимназию и дала двух выдающихся донских ученых-экономистов – С.Ф.Номикосова и И.В. Тимощенко. По-видимому, сходные условия сложились на некоторых крупных железнодорожных центрах, например, при станциях Тихорецкая и Минеральные Воды.

Еще одна интересная тема – межнациональные отношения в городах Юга России. Ее исследование позволяет глубже понять значение межнациональных отношений в качестве одной из предпосылок революций в стране. В этом отношении интересное исследование проделал историк националистического движения среди донского казачества в 1909-1914 гг. Б.С.Корниенко, который показал, насколько сильны были националистические настроения среди некоторой части новочеркасской казачьей интеллигенции. Возможно также исследование этой большой проблематики в рамках такой темы, как межнациональные контакты в сфере рыночной городской торговли и межнациональные конфликты в городах. По-видимому, было бы интересно обратить внимание на некоторые материалы еще в советской печати двадцатых годов. Говоря о проявлениях национализма в рабочей среде и среди членов РКП(б) – ВКП(б), авторы статей указывали на то, что все это являлось пережитком прошлого. И нельзя сказать, что это была неправда, или чистая пропаганда, поскольку в советский период и в самом деле никуда не девались те стороны массового сознания, которые сложились среди городского населения еще в дореволюционный период. Несомненно, что подобную тему следует изучать в тесной связи с выявлением этнической структуры городского населения, а также контактов горожан с иноэтничным населением окружающих территорий, что особенно сказывалась в городах Терской области.

Еще одной темой, относящейся к истории городов и городского населения этого периода, может быть развитие духовной культуры, образования и научных знаний, и складывания среды, необходимой для деятельности высших учебных заведений, в том числе для эвакуированного в 1915 г. в Ростов Варшавского императорского университета. По-видимому, это предполагает внимание к деятельности губернских и областных Статистических комитетов, которые в определенной степени создавали благоприятную среду для распространения высшего образования и появления высших учебных заведений. Но если деятельности Статистического комитета Ставропольской губернии можно считать хорошо изученной, то деятельность Областного войска Донского статистического комитета исследована лишь частично. По существу, эта тема только выходит на повестку дня. То же самое относится к истории таких центров культуры в городах, как типографии, архивохранилища, и, конечно же, музеи.

Таким образом, история города и городского населения российского Юга является большой комплексной проблемой, исследование которой помогает более полно, глубоко и конкретно понять характер и особенности развития России нового времени и ее обширного и разнообразного южного региона. Имеется еще немало относящихся к данной проблеме вопросов, которые требуют своего исследования. Поэтому подобная проблематика представляется актуальной и перспективной, а ее изучение позволит понять и особенности российской модернизации, связанные в значительной степени с городами, и исторические перспективы страны и Юга России.

**(Квази-)национальные идентификации ростовских студентов
(по страницам анкетированного опроса)**

*Поцелуев Сергей Петрович
Южный федеральный университет
доктор политических наук, доцент
spotselu@mail.ru*

В апреле-мае 2015 года группой ученых кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук ЮФУ совместно с коллегами из Института социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН был проведен анкетированный опрос среди студентов пяти университетов Ростова-на-Дону на общую тему «Украинский кризис глазами студенческой молодежи». Опрос был осуществлен в рамках исследовательского гранта РГНФ, нацеленного на идентификацию праворадикальных идеологов в сознании донских студентов. Полученные результаты интересны, однако, и в ряде других аспектов, в частности, проблемы формирования национальной идентичности жителей периферийного (пограничного) города. В случае Ростова-на-Дону этот вопрос особенно актуален в контексте вооруженного конфликта в Донбассе.

Под национальной идентификацией мы понимаем когнитивный процесс, в ходе которого социальный актор (личность либо группа) отождествляет себя (сознательно либо неосознанно) с определенной социальной общностью, воспринимаемой им самим и/или другими акторами в качестве нации. При этом подразумевается, что национальная идентичность вырастает из систематической практики соответствующих идентификаций. Мы отличаем собственно этническую идентичность (идентификацию), которая формируется из отнесения акторов к атрибутам этноса как культурно-исторической общности, от национальной идентичности (идентификации), при которой акторы отождествляют себя с нацией как общностью, по преимуществу, политической. Далее, мы различаем между гражданским и этническим типом наций (национальных идентификаций). Первый тип основывается на буржуазном концепте «прав человека»; второй – на политизированном концепте народно-этнической общности.

Как выглядят – с учетом этих дистинкций – национальные идентификации наших респондентов?

Во-первых, выяснилось, что в ответах наших респондентов понимание России как нации (гражданской либо этнической) заметно уступает имперскому концепту России. Так, с лозунгом «Россия должна быть империей!» полностью согласились 32,2 % участников опроса. Но сюда следует добавить еще 21,3%, для которых в данном лозунге «что-то есть», а еще 23,8% респондентов уклонились от ответа на этот вопрос. Тем самым, большинство респондентов (около 80%) либо соглашались с имперской моделью устройства российского государства либо принципиально ее не отвергают. Эксплицитно с имперскими формулировками статуса России в общей сложности идентифицировались 43 % наших респондентов.

Заметим, что опросная анкета предоставляла возможность выбрать «великодержавные» (но не обязательно «имперские») формулировки статуса России в мире, и такой возможностью воспользовались чуть более 40 % респондентов: «Россия была, есть и будет великой евразийской державой со своими геополитическими интересами» (16,6 %); «После распада СССР Россия утратила роль мировой державы, но в настоящее время ее себе возвращает» (25,1 %). Однако почти 40 % тех, кто выбрал эти суждения, одновременно полностью согласились с лозунгом «Россия должна быть империей!».

Таким образом, о национальной идентификации наших респондентов следует говорить, прежде всего, в смысле «имперской» или «государственной» нации. Последняя, как известно, создается не снизу как эффект массового гражданского движения, а сверху, «официальным национализмом» государственной бюрократии и в условиях, когда полиэтнический состав населения страны исключает формирование на ее территории единой этнонациональной общности. В наше время государственные нации формально подают себя как аналог наций-государств, но фактически колеблются между понятиями гражданской и этнической нации. В публичном дискурсе таких государств, включая политическую элиту, широко распространена практика подмены понятия нации концептами «империи» и/или «цивилизации».

Эти (квази-)национальные идентификации не могут по определению иметь этнонациональный характер инклюзивного типа (в котором этнический концепт нации не дополнялся бы принципом национальной исключительности, элитарности, превосходства); скорее, они склоняются в сторону «организованного этнического национализма», понятого как «инсценированное интеллектуальными меньшинствами движение за великодержавное развитие национального государства, направленного по имперскому пути» [2, с.17]. Это обнаружилось и в нашем опросе. Точнее, мы констатировали в ответах наших респондентов два типа толкования имперского статуса России. Первый делает упор на цивилизационную общность империи, второй – на титульный имперский этнос.

В духе первой трактовки ровно треть опрошенных студентов выразили согласие с утверждением: «Россия всегда была и должна оставаться многонациональной имперской цивилизацией с ведущей ролью православия и русской культуры». Также около трети респондентов идентифицировались с мнением, что «русский мир» – это «проект возрождения Российской империи, включающей в себя разные этносы, испытавшие влияние русской культуры». В смысле второго толкования 9,7 % респондентов согласились с тезисом, что «Россия всегда была империей с ведущей ролью в ней русской нации, включающей великороссов, малороссов и белорусов». При этом почти четверть (23,7 %) тех, кто выбрал упомянутые выше великодержавные определения статуса России, полностью согласились с радикальным этнонационалистическим лозунгом «Россия только для русских!». Определение «русского мира» как «проекта объединения славян в единое государство», границы которого «определяются расселением славянских народов», разделяют 15,9 % опро-

шенных. Таким образом, этнонационалистической версии имперского концепта России придерживается в нашем опросе не более 20 % студентов, тогда как сторонников цивилизационного концепта России-империи насчитывается, как минимум, не менее трети.

При этом лишь 5,6 % наших респондентов согласились с тезисом, что «лучшее будущее для России есть интеграция (экономическая, культурная, политическая) в европейскую цивилизацию». Тем самым, число сторонников европейского концепта России (как нации-государства) оказалось в нашем опросе почти в три раза меньшим, чем в общероссийском опросе Левада-Центра от апреля 2015 года (там число сторонников европейского пути России достигало 17 %)[1]. Вероятно, этот и ряд схожих результатов нашего опроса можно объяснить регионально-ситуативными факторами – статусом Ростова-на-Дону как периферийного города по соседству с вооруженным политическим конфликтом.

Источники и литература

1. Большинство россиян хотят, чтобы Россия шла по собственному пути // Известия (интернет-версия). 21.04. 2015. [Электронный ресурс]. URL:<http://izvestia.ru/news/585677> (дата обращения: 24.09.2015).
2. Данн О. Нации и национализм в Германии 1770-1990. С.-Петербург: Наука, 2003.

Донская вузовская интеллигенция и политические реформы 1980-начала 1990-х годов

*Сароглиди Ангелина Владимировна
Южный федеральный университет
Аспирант
anvel483@yandex.ru*

В современном мире, где образование стало одним из важнейших факторов и ресурсов социального развития, формирования качества экономики, его роль неуклонно возрастает параллельно с ростом значения человеческого капитала. Образование в целом и высшее образование, в частности, затрагивает интересы самых широких слоев населения всех стран земного шара. При этом в ведущих мировых державах в повестку дня уже поставлен вопрос о переходе к всеобщему высшему образованию.

ЮНЕСКО в своем программном документе «Реформа и развитие высшего образования» констатировала в 1995 году, что «мир становится свидетелем беспрецедентного по своим масштабам развития высшего образования и растущего осознания его жизненно важной роли для экономического и социального развития» [7, с. 3].

Исследование системы высшего образования в период СССР является важным аспектом в условиях нынешнего реформирования высшей школы, которое направлено на подготовку и развитие нового поколения специалистов. Несомненно, вузовская интеллигенция является главным ресурсом сис-

темы высшего образования в годы СССР, а также на современном этапе [1, с. 86-94] . Состояние научно-педагогических кадров вузов, социальная активность и уровень квалификации, как правило, определяют успешность, широту и качество преобразований в системе высшего образования. Он.

В такой ситуации как финансовая нестабильность мировой экономики первостепенным является изучение опыта реформирования системы высшего образования в годы СССР в сложных социальных условиях. При учете близости исторических реалий, особый интерес сегодня представляет анализ ситуации в системе высшего образования страны в период перестройки, а также изучение главных направлений и результатов деятельности донской вузовской интеллигенции. Изучение данной темы на примере Ростовской области может позволить получить ценную информацию об участии в реформах провинциальной вузовской интеллигенции, о проблемах развития системы высшего образования, а также о наиболее значимых изменениях в работе вузов региона в условиях радикальных экономических и политических реформ [3, с.1]. Он.

Чтобы дать объективную оценку исторической ситуации 80-х - начала 90-х гг. XX в. необходимо учитывать тот факт, что кризисные явления в области высшего и послевузовского образования, которые пытались разрешить государственные и партийные органы в исследуемый исторический период, стали результатом целого ряда причин, которые формировались и накапливались в течение десятилетий. Именно по этой причине разрешение накопившихся противоречий являлось достаточно сложной задачей, требовавшей выработки продуманной и выверенной стратегии. В действительности же донской вузовской интеллигенции выпала доля испытать всю противоречивость изменчивой политики и усугублявшегося социально-экономического положения, которые характеризовали ход «перестройки». Противоречия, которые привели к предкризисному состоянию отечественной высшей школы к середине 1980-х гг., не исчезли с приходом «перестройки». Меньшинство противоречий все же удалось частично разрешить, в то время как большая их часть приобрела более острый характер и вызвала ряд новых проблем. Начальный вектор преобразований (1985-1987 гг.), связанный с попыткой применения стратегии «ускорения», оказался крайне благоприятным для развития Ростовской высшей школы. Были приняты и начали вступать в силу партийно-государственные решения, которые были направлены на ее совершенствование, соответствующее требованиям научно-технического и социально-экономического прогресса. Эти решения включали в себя задачи достижения интеграции высшего образования, производства и науки, опережающего развития высшего образования по отношению к перестройке экономики, увеличения роли высшей школы в повышении квалификации и переподготовке кадров, дальнейшего развития вузовской науки, улучшения качественного состава научно-педагогических кадров, повышения качества подготовки специалистов. Возможности вузовской автономии значительно расширились; бюрократические установления в части регулирования штатов сотрудников и

контингента студентов были ослаблены; процессы занятия должностей руководителей и профессорско-преподавательского состава вузов претерпевали демократизацию; структура подготовки кадров в системе высшей школы Ростовской области подверглась значительным изменениям; стали регулярными аттестации высших учебных заведений; рационализировались правила приема в вузы; были образованы УМО на базе ведущих высших учебных заведений; с новых позиций корректировались содержание и формы учебного процесса; развивалась система договорных отношений, которая сделала связь высшей школы с реальным производством более прочной и т. д. Он.

Однако самые важные вопросы развития высшей школы не только не были решены, но положение несколько ухудшилось по сравнению с предыдущим периодом. Численность контингента студентов, а также число принимаемых в вузы значительно снизилось. Беспрецедентными стали показатели числа студентов на 10 тыс. чел. населения, которое не соответствовало общемировым тенденциям. Важно отметить, что произошло сокращение числа аспирантов, упала эффективность деятельности и роли аспирантуры. Скрытая миграция преподавательских кадров в другие отрасли экономики обширно развивалась, происходило их старение. При декларациях партийно-государственного руководства об отказе от остаточного принципа финансирования высшей школы появилась тенденция к ухудшению материального положения научно-педагогических кадров вузов, снизился уровень оплаты труда работников высшей школы, вузам крайне не хватало средств на улучшение материально-технической базы. Изначально сценарий развития высшей школы, изложенный в решениях 1985-1987 гг., был значительно изменен экономической и политической ситуацией, которая привела в итоге к распаду СССР и формированию Российского государства. Курс на всестороннее реформирование общества, в том числе высшей школы был исторически обусловлен и необходим. Его вызвали как глобальные тенденции мирового развития, так и внутренние потребности страны. Но фактически события второй половины 1980-х - начала 1990-х гг. во многом разнились с намеченными путями реформирования, а назревшие кризисные явления в области высшей школы не только не были преодолены, но продолжали активно развиваться. Так как проблемы вузовской системы решались теми же экстенсивными методами, то самые сильные противоречия своевременно не разрешались, а построенные на них попытки реформирования высшего и послевузовского образования оказались неэффективными. Результаты, связанные с усиливавшейся политической нестабильностью и провалом экономических реформ, оказались неудовлетворительными. Распад же СССР привел к уничтожению единой системы высшей школы, в результате чего так и не были осуществлены многие намечавшиеся реформы [2, с. 190].

Стоит отметить, что начальный вектор преобразований (1985-1987 гг.), связанный с попыткой осуществления стратегии ускорения, был исключительно благоприятным для развития высшей школы. В этот период были приняты и начали реализовываться партийно-государственные решения, на-

правленные на ее всестороннее совершенствование в соответствии с тенденциями социально-экономического и научно-технического прогресса. Однако первоначальный сценарий развития высшей школы, изложенный в решениях 1985-1987 гг., был существенно откорректирован изменявшейся экономической и политической ситуацией, приведшей в итоге к распаду СССР и выделению самостоятельного Российского государства. Он.

Совершенно очевидно, что сам по себе курс на всестороннее реформирование общества, в том числе и высшей школы во второй половине 1980-х гг. был исторически обусловлен как глобальными тенденциями мирового развития, так и внутренними проблемами страны. Однако реальная политика и практика приводили к тому, что кризисные явления в высшей школе не только не были преодолены, но все более обострялись. Он.

В целом, события стали разворачиваться не так, как было провозглашено. Реальный ход «перестройки» породил новые проблемы и трудности, линия преобразований все больше отклонялась от курса на социалистическое обновление общества. Хронологически можно выделить два крупных этапа «перестройки»: первый этап - 1985-1989 гг., второй этап - 1990-1993 гг. Если на первом этапе стратегия, цели и задачи в основном ставились в рамках демократического обновления на социалистических основах, то на втором этапе многое трансформировалось в сторону либерально-капиталистических ценностей, и под влиянием обострявшегося экономического и социального кризиса значительная часть общества уже не рассматривала социалистический путь как единственно возможный. Конечным же результатом проводившейся, политики и острой борьбы в обществе стали распад СССР и смена всей социально-экономической и политической системы. Он.

Соответственно, и развитие донской вузовской интеллигенции неизбежно должно было испытать на себе всю противоречивость изменчивого политического курса и социально-экономического положения.

В данном плане нельзя не заметить теснейшей взаимосвязи основных этапов реформирования системы образования и общего хода развития российского политического процесса. Точно так же как неудача попыток реформирования системы среднего (1984 г.), а также высшего и среднего специального (1986 г.) образования ознаменовала собой момент деградации советской политической системы, преобразования конца 80-90-х годов в полной мере отразили специфику процессов становления новой российской государственности. Он.

В результате к началу 1990-х гг. ключевые вопросы развития высшей школы Ростовской области так и остались неразрешенными, а ее положение даже ухудшилось по сравнению с предыдущим периодом. Беспрецедентным стало снижение численности контингента студентов. Произошло сокращение численности аспирантов, снизилась эффективность деятельности аспирантуры. Стала развиваться скрытая «миграция» преподавательских кадров в другие отрасли экономики, произошло их быстрое старение. При декларациях партийно-государственного руководства об отказе от «остаточного принци-

па» финансирования высшей школы четко обозначилась тенденция к ухудшению материального положения научно-педагогических кадров вузов, снизился относительный уровень оплаты труда работников высшей школы, высшим учебным заведениям хронически не доставало средств на укрепление материально-технической базы. Он.

В связи с нарастанием финансовых трудностей реформа свелась к попыткам преодоления имевшихся проблем в основном за счет перестройки системы высшего образования на новых концептуальных основах. В первую очередь это нашло свое отражение в осуществлявшейся реорганизации высших государственных ведомств в сфере образования, а также в сопутствовавшем этому процессу расширению автономии и прав учебных заведений. М. Горбачев в данной связи прямо заявил, что перестройка органов управления системой образования будет положительно влиять на перестройку в стране. Эта позиция получила свое закрепление в основополагающих партийно-правительственных документах. Он.

Конечно, при этом были отмечены и позитивные элементы, в частности, реализация идеи создания системы государственно-общественного управления образованием, практика выборности руководителей, создания советов учебных заведений. В контексте внедрения новых организационных форм и методов в деятельность вузов выделим также практику аттестации высших учебных заведений, в ходе которой комплексно оценивался уровень учебно-воспитательной и научно-исследовательской работы, качественный состав преподавательских кадров, состояние материальной базы. Стремление «осуществить защиту общества от некомпетентных обладателей дипломов» привело также к отработке порядка аккредитации вузов, которая, в отличие от аттестации, проводилась на добровольных началах, по инициативе учебного заведения. С этой целью в РСФСР в 1990 г. был создан Государственный центр аккредитации. Он.

Важным шагом в совершенствовании управления системой образования стали изменения в структуре управления системой образования на общегосударственном уровне. В соответствии с решением Пленума ЦК КПСС от 18 февраля 1988г., вместо Министерств просвещения СССР и высшего и среднего специального образования СССР, а также Госкомитета СССР по профессионально-техническому образованию был создан Государственный комитет по народному образованию. Однако произведенные преобразования центральных органов управления сферой образования имели в целом негативное значение, поскольку породили известный управленческий разрыв, нарушивший прежнюю вертикаль управления. Он.

К концу 1980-х годов все большее влияние на реформирование высшей школы стало оказывать обострение внутривластной ситуации в стране. На передний план выдвигаются требования деполитизации, а затем и департизации. Переломным событием стал приказ Госкомитета СССР по народному образованию № 685 от 22 августа 1989 г. «О перестройке преподавания общественных наук в высших учебных заведениях». Такая дисциплина, как

«Научный коммунизм» прекратила изучаться в вузах. Курс «Социально-политическая история XX века» был введен вместо курса «Истории КПСС». Значительные изменения происходили в преподавании философии. Разрабатывались и внедрялись новые общегуманитарные дисциплины – культурология, социология, политология. По многим дисциплинам гуманитарного цикла вводились новые курсы. Он.

В условиях динамизации общественной жизни протест с прежними формами обучения вызывало многое. Однако не всегда данный протест был вполне конструктивен. Он.

Указанные изменения были логически завершены во время политических процессов 1991 года и «запрета» КПСС. В итоге, распад СССР и смена модели общественного развития предопределили иные условия дальнейшей модернизации отечественной высшей школы, в частности в Ростовской области [4, л. 11]. Он.

Таким образом, в середине 1980-х гг. - начале 90-х гг. XX в. донская вузовская интеллигенция испытала на себе воздействие ряда факторов, связанных с нараставшим кризисом советской и постсоветской систем [4, л. 12]. Кризисные тенденции, которые охватили высшую школу вместе с другими сферами экономики и общественной жизни, привели к потере лидирующих позиций системы высшего и послевузовского образования, которые были присущи ей на более ранних этапах.

Первопричиной всех проблем высшей школы в данный период являлось сохранение экстенсивного типа социально-экономического развития страны, что проявлялось и в высшей школе. Экстенсификация высшей школы имела следующие негативные тенденции: снижение престижа дипломированного специалиста, недостаточно высокий уровень их подготовки, нарастание противоречий между структурой потребностей общества в кадрах и профессиональными склонностями молодежи, снижение роли высшего образования в обществе. Он.

Идея перехода на интенсивный путь развития, ставшая повсеместной с начала 80-х гг. XX в., так и осталась без реализации: в этом аспекте никаких радикальных перемен, включая систему высшей школы, так и не произошло.

Оценивая состояние высшей школы в первой половине 80-х гг. XX в. В Ростовской области, следует подчеркнуть, что вопреки устоявшемуся во многих учебных пособиях стереотипу оценки того периода, оно не может быть охарактеризовано как «застойное», так как донская вузовская интеллигенция продолжала развиваться и большинству ее показателей была присуща положительная динамика [4, л. 14]. Предпринимавшиеся в конце 1970-х - первой половине 1980-х гг. меры по количественному росту специалистов с высшим образованием, созданию новых вузов и введению специальностей, развитию послевузовского образования и системы повышения квалификации, организации научных исследований отвечали объективным требованиям социально-экономического и научно-технического прогресса. Темпы роста специалистов с высшим образованием превышали общие темпы роста численности рабочих

и служащих, то есть в этом аспекте высшая школа развивалась опережающими темпами [6, л. 2]. Он.

Однако в целом темпы развития высшей школы сдерживались различными факторами, главными из которых выступали недостаточное финансирование материально-технической базы высшей школы и неудовлетворительное стимулирование интеллектуального труда высшей квалификации. Подготовка инженеров и специалистов других профессий не во всем соответствовала реальным требованиям экономики, на рубеже 70-80-х гг. XX в. произошло ее «перенасыщение» (в количественном и структурном отношениях) специалистами с высшим образованием, размеры заработной платы которых стали значительно отставать как относительно, так и абсолютно от оплаты труда рабочих. Условия приема в вузы Ростова и Ростовской области определялись преимущественно социальными, а не образовательными факторами [5, л. 4]. Он.

Разрешение накопившихся к середине 1980-х гг. противоречий было весьма сложной задачей, которая требовала выработки очень продуманной и выверенной стратегии. На практике же в середине 1980-х - начале 1990-х гг. донской вузовской интеллигенции пришлось испытать на себе всю противоречивость изменчивого политического курса и усугублявшегося социально-экономического положения, которыми характеризовался рассматриваемый период.

Источники и литература

1. Баранников В. Русская интеллигенция: родовая миссия и Высшее образование в России. 2001. №3. С. 86-94.

2. Белоножкин А. С. Реформирование системы высшего образования в СССР (1985 - 1991 гг.) диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Белоножкин Александр Сергеевич; [Место защиты: Краснодарская академия МВД России].- Краснодар, 2005.- С. 190.

3. Вузовские вести. 1996. № 3. С.1; № 12. С. 1.

4. ГАРО. Ф. 826. Оп.1. Д.28. Л.11-14.

5. ГАРО. Ф.829. Оп.1. Д.67. Л.4.

6. ГАРО. Ф. 830. Оп.1. Д.1. Л. 2.

7. Реформа и развитие высшего образования. Программный документ. ЮНЕСКО, Париж, 1995.С.3.

Финансирование учебных заведений периферийного региона во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Тобольской губернии)

*Томилов Игорь Сергеевич
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН
младший научный сотрудник
igor.tomilov.85@mail.ru*

Эффективность деятельности системы образования на любом отрезке человеческой истории является фундаментом для успешного развития каждой

области жизни и общества в целом. Немаловажную роль при этом играют показатели финансирования учебных заведений. В свою очередь денежные вливания находятся в прямой зависимости от месторасположения заведения, степени удаленности региона от центральных районов страны. В этом смысле изучение такой проблематики как периферийность применительно к финансированию образовательных учреждений в исторической динамике дает основания судить об успешности преобразований, протекавших в провинциальном крае в определенный период времени.

Именно на таком переломном этапе находилась Тобольская губерния со второй половины XIX в. А явления модернизации в полной мере затронули периферийный регион лишь к началу XX столетия. Современник событий к середине XIX в. отмечает охоту к образованию в губернском Тобольске, несмотря на малочисленность его жителей: «...в страшной и далекой Сибири, в Тобольске, у преддверия Ледовитого океана и в стране ссылки, является такое замечательное стремление к образованию, такое сочувствие прогрессу идей, такое сознание необходимости учить не только детей, но и себя». В доказательство этого приводятся существование духовной семинарии, училищ военного и почтового ведомств, батальонной казачьей школы, уездного и 2 приходских училищ, татарской школы, а также учреждение публичной библиотеки (выдающееся явление в Сибири, где к началу 1860-х гг. существовало всего 2 книжных лавки), удовлетворяющие «покуда потребности местной администрации и общества». При этом исследователь уверен, что усилий одной гимназии явно недостаточно для необходимого образования 4-миллионного населения Сибири, несмотря на готовящиеся открытия гимназий в Омске и Тюмени: от Урала до Дальнего Востока отмечается катастрофическая нехватка специализированных кадров (фармацевтов, юристов, акушеров, учителей, ученых и т.д.). Залог успешного экономического развития и политической жизни также кроются, по мнению ученого, в грамотности и просвещении населения. Так, успех быстро развивающейся Тюмени также стоит в прямой зависимости от наличия двух приходских и уездного училищ, в которых обучались дети представителей торгово-промышленных сословий – купцов и мещан [5, с. 218, 325-326, 328-330].

Одним из наглядных показателей, демонстрирующих эффективность деятельности органов самоуправления в сфере образования, служат расходные характеристики городских бюджетов. Показательно, что самыми значительными в Тобольске второй половины XIX – начала XX вв. являлись расходы, выделенные на благоустройство (8-26 % от расходной части), содержание общественного управления (от 13 до 17), полиции (8-12), пожарной части (9-13). К рубежу веков суммарно из городского бюджета на эти цели направлялось 38-68 %. Вместе с тем, отчисления на народное образование г. Тобольска в 1890-е гг. находились в пределах от 3,3 (1895) до 5,5 (1897) %. На протяжении ряда лет этот показатель являлся самым стабильным: порядка 2,9 тыс. руб. ассигновано в 1893 г., по 3 тыс. – в 1895-1896 гг. и пр. Таким образом, наблюдался невысокий, но устойчивый прирост выделения средств на обра-

зование (содержание городской библиотеки, приходских училищ, образцовой и воскресной школ, пособий Мариинской школы, обустройство различных помещений). Исключением для 90-х гг. XIX в. являлся 1897 г. – на нужды просвещения Тобольска было отпущено почти пять тыс. р. Это объясняется выделением дотаций для содержания приходских училищ: их число увеличилось в 2 раза (с 2 до 4). Несмотря на то, что финансирование возросло почти в два раза по сравнению с предыдущим годом, существенных изменений по этим расходам не произошло: на каждое заведение также приходилось около 1 тыс. р. [2].

В начале XX в. произошли значительные изменения в процедуре составления расходов городских отчетов Управы. Серьезные преобразования претерпевает и народное образование, и его финансирование. Так, статьи расходов дробятся на более мелкие: появились траты на профессиональные, городские, сельскохозяйственные и ремесленные училища, выделяются пособия на казенные учебные заведения (общеобразовательные, гимназии, прогимназии и др.), вводятся меры по распространению просвещения среди населения городов губернии (содержание читален, общественных библиотек, картинной галереи, музея, издание народных книг).

В других городах края в начале XX в. на народное образование выделялись следующие суммы: в Туринске – до 1,4 тыс. (7,6 % городского бюджета), Таре – 2,5 тыс. (10), Ялуторовске – 1,4 тыс. (11), Ишиме – 3,3 тыс. (11,2), Тюкалинске – 2,9 тыс. (13,4), в Кургане – 19,1 тыс. (13,4), Тюмени – 30,1 тыс. руб. (16,4). Всего в восьми городах региона было выделено более 70 тыс. р. (порядка 10 %), сопоставимых суммированным годовым тратам бюджетов Ишима, Березова, Тары, Сургута и Ялуторовска вместе [7, с. 40]. В малонаселенных и слаборазвитых северных поселениях выделяемые на образование средства были относительно невелики. Так, к началу XX в. на содержание Березовского женского и Сургутского приходского училищ было отпущено в год соответственно по 375 и 1,5 тыс. р. [4, лл. 2-2-об.].

К концу первого десятилетия XX в. как относительно, так и абсолютно продолжают расти траты на образование. Например, в Тюмени они находились в диапазоне от 14 (29 тыс. р.) в 1906 г. до 16 % (144 тыс.) к 1913 г. Более этого, они стали занимать устойчивое второе место в статьях расходов городских бюджетов, уступая лидерство лишь тратам на содержание сооружений или благоустройство.

В начале 2-го десятилетия XX в. на функционирование системы народного образования курганские и тюменские депутаты направили по 1/5 части от всех издержек своих бюджетов (для сравнения, в Томске и Омске – около 19 %, Барнауле и Новониколаевске – порядка 14). Просвещение становится одним из приоритетных направлений в работе органов городского самоуправления.

По сравнению с административным Тобольском, а также развитыми в экономическом плане Курганом и Тюменью, расходы бюджетов на образование в малых городах были скромнее. Так, на учебные заведения Тары (жен-

ское и Спасское приходское училища вместе с городской больницей) в 1872 г. выделялось менее 900 р. (11 %) из 8 тыс. расходов, произведенных органами самоуправления. Образование г. Тюкалинска в том же году получило только 7 % вливаний из средств бюджета [11, с. 59-60]. В результате выделенные на решение социально-культурных проблем средства в течение ряда лет не позволяли позитивно и существенно менять сложившееся положение вещей.

Стоит отметить, что почти все статьи расходов бюджета городов губернии имели две составляющие: собственно выделяемые денежные средства, сумма их фактической реализации. Часто при подведении результатов за финансовый календарный год эти показатели расходились. Это было обусловлено требованием вливаний на важные текущие потребности (соответственно, с переносом в иные статьи расходов), а также общей слабой освоенностью выделенных средств по причинам бытового или чрезвычайного характера. В отношении образования разрыв между потраченными и выделенными средствами бюджета Тобольска в конце XIX – начале XX вв. не был большим (не превышал 350 р.), а иногда вообще отсутствовал. То есть, выделяемые муниципальными органами на нужды образования финансы редко возвращались обратно в бюджет или «утекали» в ином направлении, расходуясь практически в полном размере.

Спонсирование учебных учреждений осуществлялось из разных мест (средства частных лиц, казна государства, местный бюджет, для конфессиональных училищ – средства Русской православной церкви), разнясь в зависимости от количества учащихся, статуса образовательного заведения, территориально-географических и общественно-экономических факторов. Например, в 1909 г. содержание реального училища в Тюмени обходилось примерно в 23,3 тыс. р. (доля бюджета самоуправления – около 32 %), губернской гимназии в Тобольске – в 38,5, Тюменской и Курганской женских – соответственно в 26,1 (27) и 22,9 тыс. р. (24), Ишимской, Тарской, Туринской и Ялуторовской женских прогимназий – соответственно в 5,2 (28), 4,4 (23), 3 (8), 3,3 тыс. р., Тюкалинского и Березовского городских училищ – в 4,2 и 3,1 тыс., Сургутского приходского мужского училища – около 2,5 тыс. р. [10, с. 125-126]. В Тобольске на рубеже XIX – XX вв. ежегодно в среднем расходовалось на содержание шести училищ и сельскохозяйственного заведения порядка 10,5 тыс. р. (10 % от всего оборота денежных средств бюджета) [1, лл. 18-19об.].

Частными благотворителями традиционно выступали представители купечества, которые одновременно являлись почетными опекунами и блюстителями образовательных заведений. Например, А.И. Текутьев выделил более 8 тыс. р. для приобретения имущества в Тюменскую ремесленную школу (инструменты, станки, мебель), подарков для учеников (одежда, чертежные принадлежности). Купец часто оказывал благотворительную помощь Тюменским женскому и мужскому приходским училищам. Лишь в течение 1900-1901 г. меценатом на оба заведения было пожертвовано более 14 тыс. р. [3, лл. 2-2об.]. В Тюмени в 1879 г. при поддержке купца I-й гильдии П.И. Подаруева было открыто новое реальное училище. Купец II-й гильдии С.М. Тру-

сов со своей дочерью Ф.С. Серебряковой пожертвовали более 30 тыс. р. на постройку и дальнейшее содержание Владимирского сиропитательного ремесленного училища [6, с. 8].

В образовательных звеньях расходы также были различны. Так, для содержания профессиональных школ региона (повивальная, ветеринарная, лесная и сельскохозяйственная) в 1901 г. израсходовано порядка 23,6 тыс. р., 37-ми низших заведений – 153,4 тыс. (из них 85 тыс. на духовные мужские училища, 30 тыс. на уездные и свыше 38 тыс. на приходские), народные школы для начального обучения ведомства Министерства народного просвещения (361) и духовного (478 единиц) – около 278,4 тыс. р. Общие расходы для народного образования губернии в 1901 г. составили 688 тыс., увеличившись по сравнению с предыдущим годом почти на 26 тыс. Финансовые поступления шли из государственной казны (11,7 %), с губернского земского сбора (23,6), платы за обучение (4,2), процентов с капиталов заведений (4), средств городских (9,1) и сельских (5,4) добровольных обществ, финансирования Святейшего Синода (7,4), от представителей местного духовенства (31), ведомств сети учреждений императрицы Марии (1,5), Министерства земледелия и государственных имуществ (0,9), а также из других источников (1,2) [7, с. 44]. К следующему, 1902 г., общая выделенная на губернское образование сумма возросла до 746,9 тыс. руб. Среди мест финансирования (кроме вышеозначенных) были также частные пожертвования и спецсредства (суммарно не более 2 % от всех расходов)[8, с. 43]. К 1904 г. траты в тобольском образовании достигли 940,8 тыс. руб. Из них порядка 222 тыс. руб. приходилось на низшие учебные учреждения, 213,8 тыс. – начальные школы, 161,4 тыс. – на церковные, 17,8 тыс. р. – на нужды профессиональных учебных заведений [9, с. 34].

В результате явного несовершенства сети просвещения значимую роль сыграли объекты социально-образовательного быта: склады продажи книг, бесплатные библиотеки и читальни, дешевые общественные и пришкольные библиотеки, местные периодические издания и пр.

Муниципальные власти стали выделять денежные средства не только на поддержание функционирования существовавших и открываемых общепрофильных заведений, но и на открытие специализированных узкопрофессиональных школ, а также стимулировали введение общих мер по распространению грамотности среди горожан (содержание читален, общественных библиотек, картинных галерей, музеев, издание народных книг). Так, в 1900-1901 гг. для удовлетворения этих нужд в Тобольске в среднем уходило более 3 тыс. руб. Такие устремления направлялись не столько на создание нового объекта инфраструктуры образования, сколько на формирование публичной сети, которая будет востребованной и доступной для наиболее широких кругов населения.

Представители городского самоуправления играли роль главного спонсора и организатора на всех звеньевых структурах системы регионального образования. Ни одна иная организация физически не могла проводить подобную масштабную работу. Частные благотворители, представители раз-

личных обществ, профессиональные формирования и даже всеобъемлющая государственная казна финансово не принимали определяющего участия в спонсировании образования. Благодаря во многом позитивной деятельности органов самоуправления и меценатской помощи частных благотворителей, во 2-й половине XIX – начале XX вв. социокультурная инфраструктура Тобольской губернии расширилась за счет целой сети образовательно-воспитательных заведений: гимназии, приходские училища, множественные школы и др. Круг прав и обязанностей управ, дум в сфере просвещения не был ограничен собственно образованием. Он также включал в себя пласт вопросов, касавшихся читален, библиотек, книгопечатания, прессы, общественных объединений и т.д. Благодаря поддержке при открытии и содержании подобных объектов местные городские власти довольно успешно решали образовательно-воспитательные, благотворительные и иные задачи, достижение которых было связано с убытками для казны: занимавшиеся в этих направлениях учреждения фактически не приносили ощутимых доходов в муниципальные бюджеты.

В исследуемый период происходит гигантский рост доли народного образования на фоне значительного снижения затрат на облагораживание города. Сфера образования к началу XX вв. стала приоритетным направлением в деятельности муниципальных властей и общественности. Она ощущала приличный, хоть в полной мере и недостаточный поток финансовых средств. До этого момента почти все выделенные на образование средства уходили лишь на содержание или пособия в приходских училищах, гимназиях, библиотеках и воскресных школах. Со сменой условий общественной и экономической жизни, появлением достаточных предпосылок для качественного прогресса в городском образовании произошло изменение и в распределении выделяемых средств. Оно достигло нового эволюционного уровня: происходит расширение сознания членов органов городского самоуправления не только экстенсивно вширь, но и интенсивно вверх.

Источники и литература

1. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее – ГБУТО «ГА в г. Тобольске»). Ф. 8. Оп. 2. Д. 31.
2. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И8. Оп. 1. Д. 315, 317, 319, 320, 321, 328, 330.
3. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И483. Оп. 1. Д. 39.
4. ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. И483. Оп. 1. Д. 46.
5. Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. М.: Типография В. Грачева и комп., 1862. 420 с.
6. Кубочкин С.Н. Тюменская «фабрика ангелов» (из истории Владимирского сиропитательного заведения) // Большое городище. 2015. № 2 (35). С. 6-38.
7. Памятная книжка Тобольской губернии на 1901 г. Тобольск: Губернская типография, 1901. 239 с.

8. Памятная книжка Тобольской губернии на 1902 г. Тобольск: Губернская типография, 1902. 212 с.

9. Памятная книжка Тобольской губернии на 1904 г. Тобольск: Губернская типография, 1904. 192 с.

10. Храмцов А.Б. Власть и общество в городах Тобольской губернии конца XIX – начала XX века. Тюмень: РИО ТюмГАСУ, 2010. 316 с.

11. Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб.: типография МВД, 1882. 422 с.

Вопрос о переименовании Варшавского университета в Ростове в 1915-1929 гг.

*Шандулин Евгений Владимирович
Южный федеральный университет
кандидат исторических наук, доцент
shandulin@yandex.ru*

Переезд Варшавского университета в ростов-на-Дону в 1915 году и его дальнейшая история является относительно освещенной темой в литературе, значение которой трудно недооценить. Однако в ракурсе пребывания Университета в Ростове остаются вопросы о его работе и значении для региона. Университет в 1915 – 1929 годах был переименован и переподчинен девять раз. Однако это переименование на основании архивных документов оказывалось достаточно условным.

1. Императорский Варшавский университет Министерства народного просвещения. 17 сентября 1915 г. – март 1917 г.

2. Варшавский университет Министерства народного просвещения Временного правительства. Март – июль 1917 г.

3. Донской университет Министерства народного просвещения Временного правительства. Июль – декабрь 1917 г.

4. Донской университет Объединенного войскового правительства. Декабрь 1917 г. – февраль 1918 г.

5. Донской университет Народного комиссариата просвещения. Февраль – апрель 1918 г.

6. Донской университет отдела народного просвещения правительства Всевеликого войска Донского. Май – ноябрь 1918 г.

7. Донской университет имени помощника атамана М. П. Богаевского отдела народного просвещения правительства Всевеликого войска Донского. Ноябрь 1918 г. – февраль 1920 г.

8. Донской государственный университет Главного управления профессионального образования Совета народных комиссаров РСФСР. Февраль 1920 г. – ноябрь 1925 г.

9. Северо-Кавказский государственный университет Главпрофобра Совета народных комиссаров РСФСР. 1925–1929 гг.

Примечательно, что в 1915 году, в проектах постановления правительства о перемещении Университета писали не о Донском, а о ростовском уни-

верситете. Важно также, что в предварительном отчете попечителя Варшавского учебного округа о состоянии дел в Варшавском университете в марте 1917 г. прямо говорится о «необходимости постройки новых зданий... для будущего ростовского университета»[1]. Сочетание «Донской университет» появляется только в самом постановлении.

Название «Донской» несло в себе явную отсылку к формируемому региональному статусу университета без привязки к конкретному городу. Согласно Правилам приема в императорские университеты 1916/17 учебного года для «Варшавского университета, находящегося в Ростове» преимущественным правом поступления пользовались выпускники учебных заведений «г. Ростова н/Д, области войска Донского, Екатеринославской губернии, Кавказского учебного округа и Туркестанского генерал-губернаторства»[2]. Тем не менее, несмотря на заявленный широкий размах территориально влияния, именно Ростов стал определяющей доминантой в восприятии принадлежности Университета. В результате многих переименований во внутренних документах часто «Донской Университет» вне официальных бланков не использовалось, будучи замененным на нейтральное «Университет». Особое значение Университета для города Ростов так же мало изменилось после формального переименования Донского университета в Северо-Кавказский государственный университет (СКГУ). Новая система районирования, фактически укрупнившая региональное значение Университета, тем не менее не привела к его фактическому изменению статуса по отношению к Ростову. По-прежнему подчеркивался особый статус Ростова для университета, как центра образования и культуры.

Возвращение к названию Ростовский университет в начале 30-х годов в этом отношении выглядит как установление уже сформированного порядка вещей, когда Университет внутреннее, структурно и культурно стал частью города, влившись в его жизнь как неотъемлемая часть значительно раньше, чем получил наименование «Ростовский».

Источники и литературы

1. ГАРФ. Ф. 2315. Оп. 1. Д. 81. Л. 1.
2. ГАРФ. Ф. 2315. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.

ПРОБА ПЕРА... (РАБОТЫ СТУДЕНТОВ И МАГИСТРАНТОВ) Авторские уроки-экскурсии как средство стимулирования учебной мотивации при изучении иностранного языка

*Жамаль Николь
Студентка 4 курса ИФЖиММК
Южный федеральный университет
jamal-nicole@outlook.com*

Общеизвестно, что в современном обществе знание иностранного языка необходимо для профессионального роста и личностного развития. В то же время, за последние тридцать лет стало очевидно, что традиционная система обучения малоэффективна, т.к. ограничивает возможности

самореализации обучающегося, тем самым понижая его мотивацию и усвоение материала. В следствии, педагогам необходимо разрабатывать новые принципы обучения и воспитания, чтобы успешно сформировать коммуникативную компетенцию у школьника. Мы предположили, что авторские уроки-экскурсии нацеленные как на развитие языковых навыков, так и на личность обучающегося имеют высокий потенциал в формировании учебной мотивации.

В работе были выявлены методы мотивации к изучению иностранного языка на авторских и экспериментальных уроках; проанализирован принцип их организации; организован и проведен образовательный авторский урок в виде пешеходной краеведческой экскурсии «Promenade dans le vieille ville de Rostov» («Прогулка по старому Ростову»).

Цель урока-экскурсии – создать условия для реального общения на иностранном языке. В ходе организации и проведении мероприятия решаются познавательная, развивающая и воспитательная задачи. Наряду с лингвистическими навыками развивается умение работать в команде. Дополнительно при подготовке к экскурсии обучающиеся учатся работать с литературой и синтезировать отобранный материал.

В результате было подтверждено, что увлечение интересной работой и желание представить остальным полученный результат снимали напряжение от сложных элементов задания. Обсуждение происходило легче, поскольку изречение было не самоцелью, а лишь инструментом. Чувство личной причастности формирует ответственность и усиливает впечатления от успешного завершения работы, что положительно сказывается на росте учебной мотивации. Это связано с тем, что обучающиеся осознают новые возможности, которые им открывает знание иностранного языка.

В результате, мы пришли к выводу, что уроки-экскурсии и авторские уроки в целом способны изменить само представление об обучении и стимулировать интерес к дальнейшему самостоятельному изучению иностранного языка.

Участие территориальных объединений горожан в культурной жизни города Ростова-на-Дону

*Корниленко Нелли Сергеевна
Южный федеральный университет
магистрант второго года обучения
Miss.kornnelly@yandex.ru*

Современный город уже давно ассоциируется не столько с топографическим символом, географической отметкой на карте или территориальной единицей государства, сколько с единым гармоничным механизмом взаимодействия представителей всех ветвей и уровней власти, горожан и окружающей их территории.

Город одновременно является источником основных экономических благ страны и региона, важнейшим политическим центром, а также центром культуры, образования и науки, и просто местом, комфортным для проживания людей.

Однако город сам по себе таковым не является и являться не может. Город без горожан – это просто территория, а не гармоничный механизм. Комфортным для проживания, успешным и богатым, развитым экономически, политически и культурно город могут сделать только проживающие в нем люди.

В настоящее время интересы городских жителей получают все большую возможность реализации, становятся важными и учитываемыми в региональной и государственной политике Российской Федерации. Горожане и местные власти понимают важность и необходимость социального партнерства, необходимость действовать «вместе» в интересах своего города и его населения, и поэтому стремятся к взаимодействию в данной сфере. Жители всех видов муниципальных образований в России имеют широкие возможности для взаимодействия с властными структурами, преобразования места своего проживания в место комфортного проживания.

Широкие возможности для осуществления своих инициатив по целому ряду вопросов местного значения население Российской Федерации реализовывает, прежде всего, через различные формы территориальных общественных объединений, взаимодействующих с властными структурами муниципального, регионального, иногда федерального уровней. [5]

Данные формы самоорганизации населения могут быть различными из-за определенных региональных, этнокультурных, религиозных, исторических и некоторых других особенностей конкретного муниципального образования. Однако все эти формы самоорганизации населения можно объединить под понятием территориального общественного самоуправления.

Согласно Федеральному закону №131 от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», под территориальным общественным самоуправлением понимается самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения, внутригородской территории города федерального значения, внутригородского района для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения. [5]

Такие объединения могут реализовывать свои инициативы в совершенно разных сферах жизни города, решая многие местные проблемы и улучшая показатели благосостояния своего жизненного пространства.

Однако в данной статье речь пойдет об участии подобного рода объединений горожан в культурной жизни своего города или другого муниципального образования и о взаимовлиянии данного микропроцесса, как на само муниципальное образование и его население, так и на сами территориальные общественные группы, участвующие в культурной жизни своего города или поселения.

Территориальное самоуправление горожан является актуальной и важной темой, а также входит в сферу личного научного интереса. Причиной выбора изучения взаимодействия органов территориального самоуправления с городом и его населением конкретно в сфере культуры стало прохождение производственной практики в Отделе культуры Пролетарского района Ростовской области. Однако для написания статьи данный процесс анализировался на уровне города Ростова-на-Дону прежде всего, из-за большего количества территориальных объединений горожан в городе-миллионнике, и, следовательно, большего количества фактов их участия в культурной жизни города.

Итак, первым этапом изучения данного вопроса стал сбор информации об участии различных территориальных органов самоуправления в культурной жизни города Ростова-на-Дону в текущем году. Анализировались различные средства массовой информации, а также некоторые Интернет-ресурсы: электронные издательства СМИ и сайты Администрации города Ростова-на-Дону, а также сайты районов города Ростова-на-Дону.

Первый факт, который хотелось бы отметить – это достаточно частое упоминание об участии различных территориальных объединений горожан в культурных событиях города. Стоит отметить, что чаще всего упоминаются органы территориального общественного самоуправления. Однако организаторами и участниками многих культурных событий города периодически выступают и некоторые другие некоммерческие общественные организации. Например, местное казачье общество или городские религиозные организации. Данные некоммерческие организации также можно отнести к территориальным объединениям горожан [3], однако более подробно следует рассмотреть именно деятельность органов ТОС и их участие в культурной жизни города.

Важность участия данных организаций во всех сферах жизни города подтверждает тот факт, что с 2009 года в городе проводится ежегодный конкурс «Лучшее территориальное общественное самоуправление Ростова-на-Дону» по четырем номинациям. [4] Одна из четырех номинаций в данном конкурсе затрагивает именно участие ТОС в культурной жизни города и звучит как «Лучший ТОС по привлечению жителей к участию в культурно-массовых и спортивных мероприятиях». [4] Наличие подобного конкурса и данной номинации говорит, как о важности существования самих органов территориального самоуправления в городе, так и о важности их участия в культурной сфере жизнедеятельности города. Победители данного конкурса награждаются денежными призами, что говорит о поддержке Администрацией города развития данного направления деятельности территориальных общественных объединений горожан.

В 2016 году различными органами территориального самоуправления было организовано множество культурно-массовых мероприятий различного характера.

Например, зачастую органы ТОС берут на себя проведение городских праздников в границах своих районов, оказывая тем самым помощь районной администрации. Так, в текущем году силами органов ТОС были проведены следующие мероприятия: праздник «Масленицы» в Первомайском районе города Ростова-на-Дону под руководством Казачьего общества станица «Донская» и ТОС «Радонежский»; мероприятия, посвященные Дню Семьи, Любви и Верности в Ворошиловском районе, силами ТОС №4; В Ленинском районе был организован силами ТОС №19 районный праздник «Гордимся Россией! Любим свой край!», посвященный Дню Государственного флага РФ. [4] [1]

Также, органы ТОС организуют и принимают участие в городских праздниках древонасаждения, организуют праздники улиц и дворов, субботники по уборке территорий района, а также памятных исторических мест, проводят детско-юношеские спортивно-оздоровительные мероприятия – соревнования, спартакиады и т.д. [4] [1]

Большое внимание уделяется проведению различных детских мероприятий. Это и уже упомянутые спортивные мероприятия, и различные лекции, и мастер-классы, приуроченные к определенным событиям. Таким образом, дети не только вовлекаются в спортивный или культурный процесс, но и знакомятся с основами гражданского общества, узнавая о такой форме общественного объединения, как ТОС.

Таким образом, эта работа органов территориального самоуправления является очень важным фактором городского развития.

Во-первых, организуя некоторые культурно-массовые мероприятия, органы ТОС оказывают посильную помощь районным администрациям города, что формирует и развивает целостную систему социального партнерства и взаимного сотрудничества между органами городской власти и органами местного самоуправления.

Во-вторых, выполнение территориальными объединениями горожан некоторых функций, ранее принадлежавших только властным структурам города, в том числе и проведение культурно-массовых мероприятий, продолжает и углубляет процесс формирования гражданского общества в России в целом. Участвуя в общественных и культурных процессах города, данные организации на личном примере показывают горожанам возможность и эффективность существования подобных территориальных объединений, таким образом прививая культуру участия в территориальном самоуправлении. Возможность совместного участия в жизни города, даже через участие в культурных мероприятиях, постепенно укрепляется в самосознании горожан, формируя понимание того, что они могут оказывать непосредственное влияние на жизнь города, в котором живут.

Более того, участие различных территориальных организаций самоуправления в культурной жизни города способно на микроуровне способствовать сплочению городского населения и служить интегрирующим фактором для совершенно разных категорий населения. Население определенного

городского района, участвуя в совместном культурном мероприятии, таком, как, например, праздник улицы, или праздник древонасаждения, так или иначе взаимодействует друг с другом, стирая определенные рамки и различия, объединяя людей в единую общность жителей района, а далее и горожан.

И, конечно, участие органов ТОС в культурной жизни города имеет прикладное значение, выполняя функции этического, историко-культурного развития горожан. Любые культурные мероприятия формируют социальный и культурный облик города, оказывая влияние на город, как на саморазвивающийся механизм. Особенно важно, что территориальные объединения горожан в городе Ростов-на-Дону уделяют должное внимание культурным мероприятиям для детей.

Конечно же, опыт подобного участия органов ТОС в культурной жизни города имеет влияние и на сами эти организации.

Во-первых, возрастает доверие и интерес местных властей, и местного населения к подобным организациям. То есть, растет авторитет органов ТОС, а также возрастает их поддержка. Это доказывается и наличием ежегодного конкурса «Лучшее территориальное общественное самоуправление Ростова-на-Дону», и ежегодными награждениями знаком отличия «За заслуги перед городом Ростовом-на-Дону», памятными медалями «185 лет Байкову Андрею Матвеевичу», Почетными грамотами и Благодарностями Главы Администрации города Ростова-на-Дону, лучших городских активистов органов ТОС в День местного самоуправления РФ. [4] Количество награжденных за активное участие в территориальном общественном самоуправлении возрастает с каждым годом.

Примечательно, что Администрация города Ростова-на-Дону не только награждает участников органов ТОС, но и стремится оказывать помощь данным организациям, в том числе в проведении культурно-массовых и спортивных мероприятий.

Таким образом, можно прийти к выводу, что территориальные объединения горожан достаточно активно участвуют в культурной жизни города Ростова-на-Дону и оказывают тем самым достаточно сильное влияние на жизнь города. При этом, это влияние оказывается взаимным и взаимовыгодным.

Источники и литература

1. Городская газета «Ростов официальный» // [Электронный ресурс] <http://www.rostov.ru/index.php>. Дата обращения: 24.09.2016.
2. Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. №237. 25 декабря.
3. О местном самоуправлении в Ростовской области. №436-ЗС. 28.12.2005 // [Электронный ресурс] <http://pravo.gov.ru.ru>. Дата обращения: 24.09.2016.

4. Официальный портал городской Думы и Администрации города Ростова-на-Дону // [Электронный ресурс] <http://rostov-gorod.ru>. Дата обращения: 24.09.2016.

5. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 03.07.2016) Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации. №131-ФЗ. 06.10.2003 // Собрание законодательства РФ. 1995. №35. Ст. 3506.

Митинги и протестные выступления в городах Северо-Восточного Кавказа как общественно-политическая реальность в начале 1990-х годов

*Кравченко Наталья Николаевна
Южный федеральный университет
Магистрант второго года обучения
alana.kr2013@yandex.ru*

В начале 1990-х годов на Северном Кавказе, как и в других регионах стали происходить серьезные политические и социально-экономические изменения, перераставшие в некоторых случаях в массовые столкновения, открытые вооруженные конфликты и смену политических режимов. Особенно это проявилось в момент распада СССР и тем более в первые годы после него. Наиболее острые противоречия и последовавшие за ними радикальные идеи и действия проявились именно в северо-восточной части Северного Кавказа – Дагестане и Чечено-Ингушетии, в скором времени оказавшейся разделенной на два отдельных субъекта. Та протестная активность населения в обозначенный период во многом способствовала развитию тех негативных сценариев, которые мы имеем в современной истории северо-кавказского региона.

В соответствии с этим *объектом* данного исследования является общественно-политическое развитие Северо-Восточного Кавказа в первой половине 1990-х годов.

в свою очередь *предмет* исследования – митинги и протестные выступления в городах Северо-Восточного Кавказа.

Хронологические рамки исследования определяются с 1990 года, именно в этот период зафиксированы первые крупные митинги населения с протестами против действующей власти на территории Чечено-Ингушетии, которые прокатились волной по крупным райцентрам [4]. И по 1993 год, когда явление массовых митингов снизилось, а общественные недовольства нашли иные формы выражения.

Стоит отметить, что изучением политического кризиса и вооруженного конфликта в Северо-Восточном Кавказе в 1990-е годы занимаются немало отечественных исследователей. Среди них Д. Гакаев, Тишков В.А., Магомедов А. А., работы которых освещают причины, ход и оценки произошедших конфликтов, затрагивают теоретические аспекты проблемы [3, 10,11, 15].

Стоит сказать, что есть ряд исследователей, работы которых посвящены именно проблемам конфликтности населения и протестных настроений на Юге России это Лубский В.И., Черноус В.В. [8, 9, 14].

Однако пристального внимания изучению митингов и протестных выступлений в городах Северо-Восточного Кавказа как общественно-политической реальности в начале 1990-х годов и их влияния на дестабилизацию жизни регионов уделено не достаточно.

В связи с этим *целью* работы является выявление роли народных выступлений и митингов в складывании общественно-политической ситуации в республиках Северо-Восточного Кавказа. Для этого необходимо выполнить ряд задач: охарактеризовать наиболее крупные протестные выступления, проследить их влияние на жизнь городов и всего региона в целом.

Источниковая база исследования представлена материалами периодической печати, регионального масштаба, в которых опубликованы сводки произошедших событий, далее ценную информацию представляют документы государственных органов, а также обращения общественных деятелей и организаций к населению, что позволяет углубленно посмотреть на политическую ситуацию в республиках.

Данное исследование опирается на ретроспективный метод, который позволил последовательно выявить причины и основные характеристики протестных выступлений; антропологический метод, позволивший рассмотреть политическое развитие Чечни и Дагестана через потребности и интересы отдельных участников.

Так, уже с 1985 года по всей стране в связи с новым политическим курсом начали происходить изменения в политической и социально-экономической жизни общества. Все чаще стали звучать идеи демократизации и либерализма, которые находили свое отражение в создании различных движений, организаций и партий. На окраинах СССР, а это в первую очередь национальные республики стали пересматриваться некоторые вопросы истории, этногенеза, а главное исторического взаимоотношения коренных народов и центра – России. Подобное явление активно стало проявляться в республиках Северного Кавказа и стало своего рода началом разделительной черты между регионом и центром, наряду с этим росло протестное настроение в обществе, неудовлетворенность засильем существующей власти, желание демократизации и реформирования. Уже к 1987 году, к примеру, в Чечено-Ингушетии наступил всплеск общественного недовольства и создание неформальных, зачастую оппозиционных объединений, прошли первые митинги. В своей работе «Путь к чеченской революции» Д. Гакаев отмечает «...отныне митинги «неформалов» стали постоянным фактором политической жизни г. Грозного» [4].

Наибольшего расцвета протестная активность населения стала достигать с 1990 года, и пика своего достигла в 1991 году. Важно отметить, что изначально не все митинги были оппозиционного характера, часто их использовали лидеры общественных движений и организаций чтобы собрать своих

сторонников и донести до них свои программы, цели и лозунги. Как правило никаких волнений и беспорядков после массовых собраний не следовало. Однако ситуация серьезнейшим образом меняется с начала 1991 года как на территории Чечено-Ингушетии, так и в Дагестане, где митинги и забастовки стали привычным и частым явлением, породившие серьезные политические сдвиги. Резко обостряется криминогенная обстановка в регионах, в Дагестане количество преступлений в 1991 году по сравнению с 1990 годом увеличилось с 575 до 686 случаев [1], а к 1992 году по сообщениям МВД РД «по динамике преступлений Дагестан стоит на первом месте среди республик Северного Кавказа» [6].

Первым крупным митингом, в следствии которого начались массовые беспорядки и появились пострадавшие стал продолжавшийся много дней несанкционированный митинг верующих мусульман на центральной площади Махачкалы в середине июня 1991 года, который в итоге вылился в попытку захвата здания Верховного Совета и Совета министров республики. Зданию был нанесен ущерб: разбиты окна и двери, поврежден фасад [7], по факту массовых беспорядков возбуждено уголовное дело [2]. Естественным образом подобное происшествие повлияло на жизнь города, так был введен режим чрезвычайного положения, улицы города патрулировались силами правопорядка, для обеспечения безопасности граждан, сохранности их имущества, предотвращения проникновения в город холодного и огнестрельного оружия [12]. Все это нарушало мирную и повседневную жизнь горожан. Далее, ситуация особенно обострилась после прошедшего августовского путча 1991 года в Москве, обострение политической ситуации в столице дали толчок для еще большей активизации всех оппозиционных, неформальных, национальных движений как в Дагестане так и особенно в Чечено-Ингушетии.

Так, уже 19 августа когда исход событий в Москве еще не был известен, в Грозном на площади перед зданием рескома собрался митинг около 200 человек, состоящий из представителей оппозиционных партий, в итоге провал путча придал новый мощный импульс митинговой стихии [4].

Далее всю осень жизнь республик будоражили массовые беспорядки, на сходе мусульманских деятелей в Грозном в сентябре 1991 года отмечено «...десять дней, как в центре Грозного, перед зданием Верховного Совета под видом митинга происходят беспорядки. Захвачено здание правительства республики, затруднена работа государственного транспорта, испорчены несколько автобусов и троллейбусов» [13].

В Дагестане в октябре 1991 года национальное движение кумыкского народа «Тенглик» устроило бессрочную забастовку в городах и районах республики в знак протеста попыткам Верховного Совета и правительства Дагестана провести голосованием и назначить министром внутренних дел

ДССР Абдуразакова и в Конституционный суд - т. Гаджимагомедова С.Т. А так же провело акцию по перекрытию важнейших транспортных магистралей – железной дороги Баку-Москва в районе г. Хасавюрта, автомобиль-

ных трасс (участок трассы Ростов-Баку), Махачкалинского аэропорта [5]. В ответ на это другое национальное движение «Народный фронт им. Имама Шамиля» резко выступило против действий КНД Тенглик, заполнив всю центральную площадь г. Махачкалы транспортом, груженным людьми, а также ряд членов НФД ворвались в зал заседаний сессии Верховного Совета РД с требованием снять блокаду транспорта.

Тем временем в Грозном в центре города, на подходах к месту проведения бессрочного митинга, появились баррикады, формировались отряды национальной гвардии, вооруженные пистолетами, автоматами и пулеметами. Итогом стал государственный переворот, осуществленный сторонниками оппозиции – Объединенным конгрессом чеченского Народа во главе с Джохаром Дудаевым. Были захвачены все правительственные здания, под контролем находилось радио и телевидение. Для Чечни начался новый этап политической истории.

В Дагестане протестные выступления наблюдались и в течении всего 1992 года, главными зачинщиками которых являлись в первую очередь представители национальных движений. Наиболее затронуты были города Хасавюрт и Махачкала, так как первый из них оказался в центре кумыкско-лакского земельного конфликта, а второй, являясь столицей, в которой сосредотачивались все главные государственные органы, на которые оказывалось постоянное давление. Но важно отметить, что ни смотря на высокий уровень преступности, преступлений, протестов и митингов в Дагестане в отличие от Чечни не произошел государственный переворот, во многом благодаря слаженным действиям правительственных и правоохранительных органов.

Таким образом, в сложившихся политических условиях в республиках Северного Кавказа на рубеже 1980-1990х годов одной из политических реальностей стали массовые митинги и протестные выступления, вызванные недовольством местной власти, ее засильем и клановостью; созданием большого количества новых общественных объединений и партий, национальных движений, оппозиционной направленности, для которых митинги стали инструментом достижения своих целей и призыва сторонников; желанием перемен внутривластного курса, демократизации общества и власти, социально-экономического реформирования. По своему характеру все выступления, демонстрации, митинги можно разделить на 2 вида, первые до конца 1990 года имели преимущественно мирную направленность, несмотря на оппозиционные лозунги и требования к власти, вторые с 1991 года представляли собой откровенные антиправительственные выступления, которые сопровождались массовыми беспорядками, порчей городского имущества, правонарушениями.

Во-вторых, как уже было сказано, беспорядки оказывали негативное влияние на жизнь городов и их населения. Они нарушали мирный повседневный ритм городской жизни, из-введения режима чрезвычайного положения, увеличивали количество преступлений, повышая уровень криминогенной обстановки, создавали угрозу безопасности горожан и их жилья, приво-

дили к порче общественного транспорта и административных зданий. Митинги во многом провоцировали и побуждали население к протестным настроениям.

В-третьих, наиболее главная роль протестов, по нашему мнению, свелась к тому, что они стали средством и орудием в руках оппозиционных сил, в последствии приведших к дестабилизации общественно-политической обстановки. Именно сам факт физического скопления больших масс людей, протестующих против власти, не подчиняющихся закону, и в последствии взявшихся за оружие, привел к вооруженному государственному перевороту, как это случилось в Грозном.

Источники и литература

1. Будем пресекать беззаконие // Дружба (г. Хасавюрт). 1992. 25 февраля.
2. В прокуратуре ДССР // Дагестанская правда. 1991. 15 июня.
3. Гакаев Д. Очерки политической истории Чечни (XX век): в двух частях. Издательство Хкц, 1997.
4. Гакаев Д.Д. Путь к чеченской революции // [Электр. ресурс]: http://old.sakharov-center.ru/chr/chrus08_4.htm. Дата доступа 05.04.2016
5. Исковое заявление // Дагестанская правда. 1992. 6 мая
6. Комментарий МВД РД // Дагестанская правда. 1992. 16 сентября.
7. К событиям на площади Дагестанская правда. 1991. 14 июня.
8. Лубский А.В. Конфликтогенные факторы на Юге России: Методология исследования и социальные реалии / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д. 2005.
9. Люлька О.Ф., Черноус В.В. Потенциал протестной активности населения: теоретико-методологический аспект // Гуманитарий Юга России. 2014. №4. С. 150.
10. Магомедов А. А. Дагестан и дагестанцы в мире. Махачкала, 1995.
11. Магомедов А.А. Становление Дагестана завтрашнего: самоузнавание, опасности и шансы. Махачкала, 1997.
12. Обстановка стабилизируется // Дагестанская правда. 1991. 18 июня
13. Обращение к народу и Верховному Совету Чечено-Ингушской Республики // Белая Книга. Чечня 1991–1995: факты, документы, свидетельства. ЦОС ФСБ. М., 1995
14. Пономарева М.А. Центр и регионы юга России в 1960-2000-е годы. М., 2013.
15. Тишков В.А. Чеченский кризис: идейные и социальные факторы. М, 1998.

Возможности позитивного проявления национальной идентичности в периферийном городе, на примере г. Екатеринбурга

*Морозова Анна Павловна
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Магистрант второго года обучения
Pushiftik@yandex.ru*

Современная социально-политическая ситуация в мире характеризуется обострением межэтнических и межкультурных проблем. Во многом эти проблемы связаны с миграционными потоками, которые остро проявились в Европе. Не обошли стороной проблемы миграции и Россию – согласно переписи населения 2010 г. на территории России проживает более 200 национальностей и этнических групп (в том числе и мигранты). На Среднем Урале насчитывается около 142 народов.

Екатеринбург, являясь столицей Урала, также относится к городам с многонациональным населением, включая мигрантов.

На сегодняшний день возможности проявления своей национальной идентичности разнообразны и ничем не ограничены, это проявляется в поведении и речах отдельных представителей «другой» культуры, которые чаще всего воспринимается как демонстративные. Например, мигранты, работающие водителями маршрутных автобусов, часто громко слушают свою национальную музыку или общаются на своем родном языке со своими коллегами (или друзьями) во время работы (то есть, находясь непосредственно в автобусе вместе с остальными пассажирами). Зачастую это воспринимается негативно жителями города и представителями иной культуры. В тоже время «внерабочих» площадок для демонстрации своих культурных особенностей – речи, музыки, танцев и т.п. относительно немного – различные национальные концерты и праздники в Домах Культуры (или выездное мероприятие).

Появление городского (то есть, вовлекающего в качестве участников большинство жителей и гостей города) фестиваля дружбы народов, в котором демонстрация различных аспектов «другой» культуры воспринимается как «красочное шоу» и сам формат мероприятия подразумевает праздничное действо, позволит сменить восприятие проявления «другой» культуры с негативного на более позитивное. Поскольку формат фестиваля включает в себя как межкультурную коммуникацию, так и межкультурное взаимодействие.

Развитие мифа подземного города в Ростове – на – Дону в 1970-1990-ые годы

*Растегаев Михаил Евгеньевич
Южный федеральный университет
Магистрант второго года обучения
mihael2010@mail.ru*

Сущность общественно-исторического мифа двойственна. С одной стороны, он выступает как сила, сглаживающие различного рода социокультур-

ные противоречия общества, а с другой стороны, мифы помогают перенести внимание общества с глобальных проблем, научного объяснения того или иного события на более возвышенные цели, открывая духовные интересы [11].

Введение в жизнь данных целей и интересов помогает исторический прецедент, который переносит то или иное историческое событие прошлого, на созвучный интерес настоящего. С начала XIX столетия Россия входит в мировой процесс урбанизации общества. С течением времени, для большинства граждан нашей страны, город становится естественной средой обитания. Данный факт прямо пропорционально увеличивает роль городского мифа в сознании людей, который создается самими же жителями населенного пункта. Миф формирует некую реальность, составленную из определенных образов, которые понятны, в большинстве случаев, только жителям данного города. Стоит заметить, что существования городских мифов не зависит от размера и статуса населенного пункта, они существуют как в мегаполисах, так и в провинциальных городах.

Данный доклад посвящен одному из самых популярных мифов г. Ростова – на – Дону, в частности существованию подземного города, под основным населенным пунктом.

Целью данной статьи является рассмотрение хронологии развития мифа существования подземного Ростова с 1970-1990 годы. Из вышеуказанной цели мы можем выделить 2 задачи:

1) Изучить природу возникновения мифа о подземном городе на примере Ростова – на - Дону

2) Изучение особенности и хронологическую последовательность развития мифа о подземном городе Ростова на Дону

Данной проблематикой частично занимаются междисциплинарные исследователи в частности социологи, культурологи, краеведы, однако рассмотрение проблематики с исторической точки зрения не столь велико. Несмотря на это, историографию данного доклада можно разделить на 2 группы. Первая группа – это работы исследователей, занимающиеся изучением особенностей городских мифов и их роль в развитии сознания городского жителя. К данной группе относятся такие исследователи как:

Ермолин Е.А в работе «Миф и город. Городская среда» рассматривает роль мифа в жизни городского пространства, его особенности и развитие. Работа представляет собой попытку комплексного мифокритического рассмотрения в различных аспектах феномена мифологизации города, городской среды, элементов городского пространства, осмысления специфики современных форм существования культурного мифа города и его взаимодействия с человеком и обществом [3].

Сиюхова А.М. «Городские мифы и символические пространства в жизни города», в работе рассматривается связь городских мифов с культурным пониманием окружающей нас действительности, создание символических пространств на территории города [9].

Вторая группа – работы исследователей, ставящие перед собой иные цели, в частности рассмотрение содержания городского мифа о существовании подземного дублера города Ростова на Дону. В данную группу входит работа Волошиновой Л.Ф. «Ростовские легендарные истории» [2]. Труд представляет собой сборник известных мифов города Ростова на Дону, в том числе и миф о подземном городе, а также попытки выделения исходных точек их возникновения. Статья А. Андропова «Памятники отцам основателям города» представляет собой историю создания крепости Дмитрия Ростовского, которая считается прообразом будущего города Ростова – на – Дону, информацию об архитекторе и начале городского мифа о подземельях крепости [1]. Большинство источников, для создания данной работы являлись экспертные интервью у коренных жителей города, а также материалы периодической печати.

Источниковой базой данной исследования является преимущественно материалы периодической печати городских изданий, в число которых входят газеты: Правда, Молот, Вечерний Ростов. Постановления Ростовского горкома партии «о начале плановых расчетов ростовского метрополитена» [7], а так же «о приостановке расчётных работ планировки ростовского метрополитена» [8]. Исходя из вышесказанного, предметом исследования изучение влияния городской мифологии на мировоззрение жителей города Ростова на Дону в 1970-1990 годах. Объектом исследования является изучение комплекса особенностей городской мифологии города в виде развития мифа о подземном городе Ростова на Дону в 1970-1990 годах.

Методологическая основа исследования представлена сравнительно-историческим методом, который помогает выявить особенности развития мифа в разные периоды его существования. Проблемно-хронологический метод – позволяет выявить основные аспекты развития мифа в г. Ростове на Дону в период с 1970 по 1990 годы. А также метод исторического интервью, проведение которого позволяет выявить основные аспекты городского мифа из мировоззрения коренных жителей города Ростова на Дону.

Период с 1970-ых по 1990-ые годы является хронологическими рамками данного доклада. Указанный исторический промежуток характеризуется активным подъемом в распространении мифа о подземном городе в связи с прекращением строительства ростовского метро в 1976 году. Территориальные границы исследования обозначены территорией города Ростова на Дону.

В 1976 году в одном из номеров местной газеты «Правда» было опубликовано постановление правительства, вызвавшее среди ростовчан большое оживление. В статье сообщалось о том, что через 15-20 лет город Ростов на Дону получит собственный метрополитен. Властями уже были выделены средства на разработку подробного плана строительства [7]. И что работы должны начаться в скором времени. Новость горожанами была воспринята положительно и газетные полосы стали заполняться статьями о преимуществе подземного транспорта. Однако через полгода, после выхода статьи, реклама метрополитена заканчивается, а вскоре и вовсе выходит постановление о приостановке расчетных и строительных работ ростовского метрополитена

[8]. В постановлении правительства не было указано конкретных четких причин приостановления работ, что породило среди городских жителей мистические слухи о наличии упорядоченных подземелий под Ростовом на Дону. Подобный миф стал распространяться небезосновательно. В 1976 году при реконструкции кинотеатра «Ростов» под землю в огромную каверну провалился целый экскаватор, который в ходе оценки ситуации, не стали поднимать обратно, настолько сложным оказался провал. Кроме того, на место происшествия прибыли сотрудники спецслужб в штатском и постановили о консервации места. Провал тщательно залили бетоном, а на его месте был построен известный ростовчанам, как один из первых, больше экранных кинотеатров «Ростов» [10]. Интерес спецслужб к данному происшествию породил у жителей миф о целой подземной системе, находящейся под городом и тщательно скрываемой властями от глаз горожан. Более того, спустя год после официального приостановления работ, в газете «Правда» выходит статья с официальной причиной отказа строительства метрополитена в городе Ростове на Дону [5]. Статья указывает на основную наиболее важную проблему ростовского грунта, а именно на наличие грунтовых вод, расположенных на месте проектированной ветки метрополитена, которая является главной версии отказа строительства до сих пор. Данное заявление породило ряд второстепенных слухов о наличии секретных сооружений под городом, так как каждый человек понимает, что подобные сооружения строились в куда более сложных условиях, нежели просто наличие грунтовых вод. Примерами сложных, но решаемых задач служат Лондонский и Петербургский (на момент выхода статьи ленинградский) метрополитены.

В 1984 году интерес к истории города значительно увеличился, и этот факт имеет свою почву. Статья А. Андропова «Памятники отцам основателям города» описывает форму и внутреннее строение крепости Дмитрия Ростовского [1]. В статье звучит и фамилия архитектора крепости А. Ригельмана, которая запомнилась жителям города не как инженера, построившего цитадель, а как активного участника масонского движения. Информация о необычной форме крепости (в форме звезды) накладывалась на факт интереса Ригельмана к масонскому движению, что в итоге вылилось в миф создания крепости не как военного опорного пункта на юге России, а как резиденции масонской ложи. Статья повествует так же о найденных при строительстве архитектором древних разветвленных подземелий, которые имели внушительную протяженность. Совокупность отсутствия информации с желанием признания города уникальным, с древней уникальной историей несколько видоизменило миф о наличии подземного города на территории Ростова на Дону. Теперь, спустя непродолжительное время, городские жители передают из поколения в поколение миф о древних тоннелях, которые впоследствии стали использоваться советской властью в военных целях.

В 1992 году, в разгар свободы слова и печати, рассекречивания огромных архивных фондов, интерес к подземному городу довольно усилился. Об этом мы можем судить по количеству выпущенных статей, посвященных рос-

товскому подземелью. Редакция газеты «Молот» не остается в стороне. На страницах периодического издания появляется заметка «Подземная двухполоска» [6], которая повествует о расположении главного офиса издательства на проспекте Буденовском. Сотрудники здания рассказывали, что от здания к парку имени М. Горького и городской набережной проходит подземный переход. Ширина его такова, что в начале прошлого века в этом подземелье расхаживали две конки. Позже, переход для транспортировки бочек пива к водным путям использовала пивоварня «Южная Бавария», которая после национализации была переименована в завод «Новая заря», 1991 году производство было вынесено, а здание стало торговым центром.

В следующем, 1993 году на страницах газеты «Вечерний Ростов» выходит статья про подземный ход на территории парка имени 1 мая [4]. Статья повествует о возможно самом крупном тоннеле, о котором есть какая-либо информация. Исходя из статьи, в этой части города подземные сооружения были такой ширины, что смогли спокойно разместить 2 конных всадника, или проехать целая карета. Данные тоннели имели необычную кладку, аркообразный свод, а печати на кирпичах не были идентифицированы.

Таким образом, активное развитие мифа о существовании подземного города под Ростовом на Дону началось в 1976 году с началом проектирования ростовского метрополитена, быстрое сворачивание проекта и оглашение не совсем корректной причины прекращения работ властью, вызвал подъем интереса к подземельям Ростова. А из-за отсутствия конкретной информации – рождение слухов, мифов, не подкрепленных достоверным фактологическим материалом. Данная тема стала одной из самых популярных среди горожан. С течением времени, в периодических изданиях выходят новые статьи, которые все больше развивают данный миф. К таким статья относятся и легенды о найденных входах в подземелье и большой интерес спецслужб к данным сооружениям. Проследив за развитием мифа о подземном городе Ростова на Дону в хронологическом порядке, мы можем прийти к выводу, что отсутствие конкретных достоверных знаний о проблематике является только косвенным фактором развития городских мифов. Период с 1991 года характеризуется открытием множества фондов и архивных данных. Некоторые особенности мифов были опровергнуты официальными документами, однако это не послужило изменению и направлению мифа в определенное русло, его трактовка, выработанная довольно большим периодом времени, существует до сих пор. Проведя несколько исторических интервью, мы смогли подтвердить это утверждение.

Городской миф – это комплекс мировоззренческих представлений о том или ином событии, который формируется в результате неполной осведомленности человека по определенной проблематике. Миф существует только в определенном сообществе людей, осведомленных о кратких деталях фактологического материала, в нашем случае, таким сообществом являются жители города Ростова на Дону. К тому же, существование подобных мифо-

логем существует до тех пор, пока сообщество само заинтересовано в его развитии и существовании.

Источники и литература

1. Андропова А. Памятники отцам-основателям города // Молот. 1984. № 2531.
2. Волошинова Л.Ф. Городские байки и легендарные истории. Ростов на Дону, 2010.
3. Ермолин Е.А. Миф и город, городская среда. М 2001.
4. Парк им. 1 мая // Вечерний Ростов. 4 апреля 1993. №281.
5. Перспективы ростовского метрополитена // Правда. 5 октября 1977. № 1931.
6. Подземная двухполоска. // Молот. 21 сентября 1992. № 543.
7. Постановление Ростовского горкома партии о начале плановых расчетов ростовского метрополитена №163. // Правда. 11 апреля 1976.
8. Постановление Ростовского горкома партии о приостановке расчётных работ планировки ростовского метрополитена. // Правда. 9 сентября 1976.
9. Сиюхова А.М. Городские мифы и символические пространства в жизни города. М. 1985.
10. Таинственные подземелья Ростова. // Молот 12 мая 1977. № 16421.
11. Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст культуры. М., 1995.

Константиновск - типичный малый город юга России: его экономические и социокультурные характеристики

*Святко Юлия Алексеевна
Южный федеральный университет
магистрант второго года обучения
sviatcko@yandex.ru*

В последнее время значительно вырос научный интерес к проблемам социокультурной политики современной России. Во многом это связано с изменением социально-экономического строя нашего государства и общества, произошедшего в начале 90-х годов XX века. Те значительные изменения, которые претерпела политическая сфера за последние полтора-два десятилетия, чрезвычайно актуализируют изучение отдельных аспектов формирующегося социального устройства. Однако большинство исследований претендуют на макроуровень. Это обуславливает то обстоятельство, что уровень российской провинции и локальных сообществ практически не попадает в фокус таких работ.

Особый научный интерес представляют малые города Российской Федерации, в которых проживает значительная часть населения страны. Малые города оказались, по сути, «буферной зоной» между крупными городами и селами, испытывая на себе воздействие и тех и других. Данное обстоятельство наложило на них отпечаток двойственной, амбивалентной природы, в том числе и в социальной сфере.

В 1990-е годы Российская Федерация вступила на путь либерально-рыночных реформ и трансформации политической системы. Происшедшая крутая смена исторических ориентиров, фундаментальных основ экономического и общественно-политического развития обострила системный кризис. Разрушение экономики повлекло за собой ощутимые социальные потери, резкое снижение уровня жизни населения, более половины которого оказалось за чертой бедности и нищеты.

Важной характеристикой современного состояния российского пространства является положение малых городов. В России насчитывается более 1 тыс. городов, из них только 169 больших и 155 средних городов. Более 700 городов являются малыми. Таким образом, все то, что происходит в малых городах, затрагивает примерно треть населения Российской Федерации. Малые города, оказавшись изолированными от основных рынков сбыта, острее ощутили те проблемы российского общества, с которыми оно столкнулось на протяжении последних двух десятилетий. Изменениями были затронуты все аспекты общественной жизнедеятельности в малых городах: от бытовых до политических. А также в силу монопрофильности экономики, выстроенной советской плановой экономикой, ограничен потенциал развития таких городов в условиях рыночной экономики.

Актуальность рассматриваемой темы состоит в том, что в период конца 1990-х-начала 2000-х годов в городе Константиновске, как и во всей России, произошли кардинальные изменения в социокультурной сфере и в экономике. Социальная политика постоянно развивается, она адекватна состоянию государства и общества. Следовательно - социальная практика нуждается в постоянном анализе, обобщении исторического опыта, в оценке достигнутого, в историческом сопоставлении характера и существа социальной политики. В России 1990-е годы – это переходный период, то есть исторически непродолжительный отрезок времени, в течение которого завершается демонтаж административно-командной системы и формируется система основных рыночных институтов. Это не может не повлиять и на малые города: растет безработица и снижается уровень оплаты труда.

Также актуальность данной работы определяется состоянием историографии избранной темы, так как она не получила должного освещения в научных исследованиях.

Хронологические рамки данной работы охватывают период с начала 1990-х годов, что объясняется видоизменением социальной политики всего государства, приобретением ею новых черт в зависимости от состояния экономики, общественного развития, проявления кризисных явлений, которые все более приобретали системный характер. Верхняя граница – это октябрь 2005 года, когда было образовано Константиновское городское поселение. В рассматриваемый период произошли существенные, кардинальные изменения во всех сферах жизни общества города, особенно в социальной политике. Поэтому все меры, которые предпринимались в этот период в стране законо-

дательной и исполнительной властью для стабилизации социальной сферы требуют научного осмысления.

Территориальные границы исследования на основе рассмотрения города как одного из субъектов РФ, обладающего историческими традициями и определенным развитием социокультурной среды, а также как части региональной (Ростовской) агломерации. Выбранная территория – город Константиновск, расположенный в центре Ростовской области, на правом берегу реки Дон, в 169 км к северо-востоку от Ростова-на-Дону; он является городом неспециализированным, с рядом специфических ландшафтных, экономических и культурных зон.

Историография по данной теме ограничена. Проблемы малых городов если и исследуются, то только в совокупности. Так, социально-экономический подход к изучению городов представлен работами таких отечественных авторов, как Н.А. Аитова, Б.А. Грушина, Б.С. Хорева, В.И. Глазычева, И.А. Ильина, Н.С. Ахутина и др. В их работах раскрывается идея о том, что города в нашей стране являются частью систем распределения общественного труда, который постоянно эволюционирует под воздействием факторов индустриализации российского общества. Это сказывается на социально-профессиональной структуре населения городов, демографической ситуации, социальных проблемах, свойственных разным типам городов в современной России.

Следует, однако, сказать отдельно о выпущенных статьях краеведа города Константиновска В.П. Граф, руководителя клуба «Константиновский краевед». Автор в своих краеведческих сборниках повествует об истории города, о его культурно-исторических памятниках, передает воспоминания о прошлом малого города.

Целью исследования является реконструкция модели социокультурной и экономической политики города Константиновска в конце 1990-х-начале 2000-х годов, определение факторов, которые повлияли на ее развитие, а также сравнение социокультурных и экономических процессов, происходивших в начале 90-х гг. XX века с процессами начала 2000-х годов.

Для достижения поставленной цели необходимо решить такие научно-исследовательские задачи:

- изучение истории города Константиновска и анализ процесса становления городского сообщества;
- оценка рекреационных и культурно-исторических перспектив развития города;
- формирование модели прогностической реабилитации города.

В исследовании применены следующие методы: историко-ретроспективный метод, позволяющий последовательно познакомиться с прошлым с целью выявления причин социокультурных и экономических изменений в городе Константиновске; социо-антропологический метод, связанный с использованием аксиологического принципа, то есть принципа, согласно которому значимость любого события жизни городского сообщества ста-

вится в зависимость от ценности априорных общепринятых норм, находящихся в сферах нравственности, этики, общественной морали, т.е. зависит от морально-нравственных характеристик; историко-сравнительный метод, позволяющий выявить общие «гнездовые» теоретические концепты в социокультурных, экономических платформах и прогнозах общественных сил и сообществ, при этом показав различие их социальных и организационных установок.

Работа написана на основе изучения широкого круга исторических источников, среди которых: документы государственных и властных структур – это Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 15.02.2016) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», который устанавливает общие правовые, территориальные, организационные и экономические принципы организации местного самоуправления в Российской Федерации, определяет государственные гарантии его осуществления; периодическая печать, в частности «Российская газета», журналы «Свободная мысль», «Градостроительство»; интернет – ресурсы, среди которых официальный сайт города Константиновска, официальный сайт администрации города, Константиновск в энциклопедии «Мой город», демографический еженедельник Демоскоп Weekly.

Город Константиновск – это многопрофильный малый город, поэтому его, как и другие города такого типа, в период кризиса 1990-х гг. коснулись следующие проблемы: узкая сфера занятости, застойная безработица, снижение уровня жизни, свертывание социальной инфраструктуры, сокращение доходов бюджета, износ сетей коммунального хозяйства. Остановка предприятий, таких как рыбный, маслосырдельный, заводы, птицеферма, нефтебаза, которые являлись градообразующими в большинстве своем, привели Константиновск к угрозе существования самого города, если точнее, то к угрозе потери статуса «Города».

Можно с уверенностью сказать, что данный город относится к числу депрессивных городов, где в условиях стихийного рынка во время перехода к рыночной экономике произошел процесс сокращения производства. Меняется и демографическая ситуация. Это сказывается на изменении половозрастной структуры населения, показателях рождаемости, смертности и естественного прироста, влечет за собой ряд последствий в социально-экономическом развитии района. Так, к примеру, на 2003 в городе проживало 18, 8 тыс. жителей, а сейчас в городе проживает 17, 8 тыс. человек.

В экономике происходит переориентация населения на негосударственные хозяйственные формы, участие в приватизации, предпринимательстве. В свою очередь низкая платежеспособность мешает развитию малого бизнеса. Падает и инвестиционная привлекательность малого города.

Основными проблемами города Константиновска на сегодняшний день являются:

1. Ограниченность экономической базы и невыгодные конкурентные позиции в привлечении квалифицированных кадров и инвестиций

2. Недостаток мест приложения труда и рост безработицы (на 2014 г. численность экономически активного населения в Константиновском районе составляет 18100 человек, а уровень регистрируемой безработицы составил 1,51%).

3. Крайне неблагоприятная демографическая ситуация – миграция молодежи в более крупные города, естественная убыль населения, невысокий уровень развития здравоохранения

4. Недостаточный уровень развития социально-культурной сферы и низкий уровень инженерно-инфраструктурных объектов.

Что же нужно, чтобы решить эти и прочие проблемы? Для этого необходимо создание условий для экономического, социального и культурного развития Константиновска с целью превращения в устойчивую саморазвивающуюся административную единицу путем активации собственных экономических возможностей в сочетании с политикой избирательной поддержки проблемных городов.

В первую очередь – это привлечение инвесторов и создание благоприятных условий для их деятельности (в т.ч. устранение бюрократических барьеров). Так город Константиновск имеет выгодное географическое расположение и благоприятные климатические условия; разнообразие природных ресурсов; развитая транспортная инфраструктура; богатое культурно-историческое наследие, в том числе представленное самобытными донскими традициями, поэтому необходимо развивать речной туризм, в т.ч. строительство яхт-клубов, кемпингов, благоустройства прибрежной зоны и пляжей. Туристическим брендом донского края является маршрут «Серебряная подкова Дона».

Привлечение инвестиций на развитие существующих и создание новых объектов туристско-рекреационного назначения и в целом на развитие инфраструктуры позволит удовлетворить отлаженный спрос на недорогой, но комфортный отдых туристов в Константиновском районе, создание дополнительных рабочих мест, увеличение объемов налоговых поступлений в бюджет района. Кроме того, ключевыми целями и задачами развития района, предусмотренными Стратегией социально-экономического развития Константиновского района на период до 2020 года, являются:

-повышение конкурентоспособности экономики Константиновского района:

- повышение качества бизнес-среды;

- развитие новых секторов экономики, в том числе и туристического кластера.

Вместе с тем, существуют сдерживающие факторы развития донского туризма, к которым можно отнести: недостаточно развитая туристская инфраструктура и отсутствие готовых инвестиционных площадок для строительства объектов туристско-рекреационного назначения; малое количество гостиничных средств размещения туристского класса с современным уровнем сервиса; недостаточная некоммерческая реклама туристских возможностей

Константиновского района, что затрудняет деятельность по целенаправленному формированию позитивного имиджа района как территории, благоприятной для туризма (что связано с ограниченным бюджетным финансированием).

Влияние сдерживающих факторов возможно преодолеть путем повышения качества управления в сфере туризма, создавая соответствующие организационные структуры на местном уровне при условии стабильного финансирования из бюджетных и внебюджетных источников системных мероприятий. Дополнительным условием успешного развития сферы туризма является и активное участие общественных и профессиональных туристских объединений в формировании и продвижении туристского продукта и туристской привлекательности Константиновского района.

Во-вторых, город Константиновск становится все менее перспективным для размещения там новых производств, а низкая платежеспособность населения мешает развитию малого бизнеса. Доходы бюджетов не соответствуют первоочередным расходам, поэтому необходимы привлечения инвестиций для развития промышленности (с учетом того, что район сельскохозяйственный) – строительство овощехранилищ, теплиц, птицефабрики; создание благоприятных условий для развития малого и среднего бизнеса.

В-третьих, в связи с нахождением на территории города средних специальных учебных учреждений, немаловажным является – развитие досуга для молодежи, а также дальнейшее трудоустройство молодых специалистов.

И, наконец, в настоящее время необходимо принять срочные меры по недопущению экологической катастрофы. А именно – обмеление водной артерии нашего города-реки Дон. Решение этой проблемы позволит увеличить грузовые и пассажирские перевозки водным транспортом, снабжение питьевой водой жителей города и сохранения флоры и фауны.

Таким образом, нужно сказать, что в настоящее время среди множества проблем нашей жизни на одно из первых мест выдвигаются проблемы развития человека, города, страны и мира. Для устойчивого развития нашей страны приоритетной проблемой становится проблема развития и функционирования малых городов – каждого города в отдельности и всех вместе. Развитие промышленности и инфраструктуры города Константиновска позволит достичь повышения жизненного уровня населения, выйти из критического положения и вновь приобрести статус культурного и промышленного центра района.

Образ города Владивостока у студентов разных направлений подготовки (на примере Дальневосточного федерального университета)

*Соколова Маргарита Михайловна
Дальневосточный федеральный университет
Магистрант первого года обучения
Marsok18@mail.ru*

В городе Владивостоке за последние годы произошло множество перемен: изменился облик города, схемы маршрутов городского транспорта, из-

менились возможности для обучения и отдыха. Исследование было построено таким образом, чтобы рассмотреть не только образ города Владивосток, но и его образ в контексте будущего, а также образ города-мечты. Все эти составляющие показывают возможные изменения образа города во временной перспективе.

Теоретический объект исследования: восприятие городской среды на примере города Владивостока. Эмпирический объект: образ города Владивостока у студентов ДВФУ разных направлений подготовки. Предмет исследования: особенности восприятия городской среды в зависимости от профессиональной направленности личности. Цель данной работы заключается в исследовании особенностей восприятия образа города в зависимости от профессиональной направленности личности.

Методологической основой для его проведения послужил метод Семантического дифференциала, метод «Ассоциативный эксперимент» и модификация проективной методики «Пиктограмма», которые направлены на исследование субъективной семантики.

Гипотеза исследования - характеристики города Владивосток различны у студентов разной профессиональной направленности, т.е. образ городской среды сформирован у них в соответствии с их будущей профессиональной деятельностью.

Для исследования образа города у студентов ДВФУ с разной профессиональной направленностью была сформирована выборка из студентов Школы естественных наук: 21 человек с факультета географии, 23 человека – экологии и 20 человек – математика. Выборка сформирована таким образом, чтобы провести исследование как между группами сходных типов профессии, так и различных, что позволит проверить гипотезу.

Из классификации Климова о профессиональной направленности личности [4, с. 51], студенты с факультета экология, география обучаются по специальности типа Человек – Природа, а студенты с факультета математики к категории Человек – Знак.

Проведенное эмпирическое исследование показало, что при сходстве в направленности обучения (в работе рассмотрены два направления, относящихся в категории Человек-Природа по классификации Климова) выявлены следующие закономерности: Не существует различий в представлении об самооценке, самостоятельности и общительности города Владивосток в настоящем, о городе через 10 лет и городе мечты; в восприятии характеристик Владивостока, Владивостока через 10 лет и города мечты. Не существует различий в количестве ассоциаций на стимул «Владивосток» в категории «Настроение и черты характера», в количестве ассоциаций на стимул «Владивосток через 10 лет», в ассоциативном ряде на стимул Владивосток в категориях «Архитектура и структура города» и «Особенности ландшафта, климата и экологии». Анализ символов показал, что Владивосток через 10 лет студенты чаще всего изображают посредством объектов архитектуры и морских атри-

бутов; изображения города мечты в большей степени связаны с природными факторами.

Существуют различия в изображении символа города в рисунках студентов направленности Человек-Природа и Человек-Знак: студенты с природной направленностью изображают символ города посредством полных картин, на которых изображены части города; студенты направленности Человек-Знак рисуют более лаконичные символы, менее содержательные, с большим количеством геометрических фигур и символов. Не существует различий в восприятии Владивостока через 10 лет и города мечты у студентов разных направлений обучения; в количестве ассоциаций на стимул «Владивосток через 10 лет» во категориях «Особенности ландшафта, климата и экологии» и «Настроение и черты характера»; в количестве ассоциаций на стимул «Город мечты» в категории «Особенности ландшафта, климата и экологии».

Таким образом, в восприятии образа города у студентов разных профессиональных направленностей больше различий, что подтверждает предположение. Следовательно, в работе доказано, что на формирование образа города оказывает влияние направление обучения: характеристики города Владивосток различны у студентов разной профессиональной направленности: образ городской среды у них сформирован в соответствии с их будущей профессиональной деятельностью.

Источники и литература

Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения / Е. А. Климов – М.: Академия, 2004. 304 с.

Влияние угледобывающей промышленности на развитие города Новошахтинска

*Чебаненко Светлана Николаевна
Южный федеральный университет
Магистрант первого года обучения
svetlana-che93@mail.ru*

Сегодня Новошахтинск, истоком появления которого стала угледобывающая промышленность, уже нельзя в полной мере назвать «городомгорняков». Жители города, построенного на месте добычи угля, с течением времени потеряли необходимость в развитии этой отрасли. В связи с этим, возникает вопрос о влиянии на данный фактор процессов социально-экономического, политического свойства, как в советское время, так и в постсоветской России. Для ответа на поставленный вопрос необходимо, в первую очередь, провести историко-ретроспективный анализ развития города Новошахтинска как города, зависящего от степени развитости угледобывающей промышленности в регионе, а также рассмотреть изменение государственной политики в области угледобывающей промышленности в целом в стране, с выявлением взаимозависимых характеристик.

Данный вопрос становится предметом пристального обсуждения краеведов. И если в советский период авторы накапливают и публикуют архивный материал о городе, тиражируют малоизвестные факты среди интересующихся и профессиональных коллег [8], то в 2000-е годы предлагаемые исследования носят малоинформативный характер, все более концентрируясь на описаниях достопримечательностей и достижений народного хозяйства[5].

Действительно, история города Новошахтинска тесно переплетена с историей развития угледобывающей промышленности в России и берет свое начало в 1696 году, когда во исполнении указа Петра I крестьянин Костромского уезда, подьячий Григорий Капустин, обследуя район южнее Воронежа, в долине реки Кундрючьей, наткнулся на пласты каменного угля, выходящие на поверхность земли (именно в центре этого района и расположен город Новошахтинск)[7]. Уже к середине XIX века в ковыльной степи на берегах некогда полноводной реки Несветай были заложены мелкие угольные копи. Первым строителем угольных копий на Несветае стал купец первой гильдии Семен Николаевич Кошкин[4].

С 1840г. по 1910г. на месте нынешнего города возникают угольные поселки, а в 1910г. объединение этих поселков получило название: рудник «Несветай». В это время предпринимателями велось интенсивное строительство мелких шахт. В 1913г., с появлением на руднике Николая Парамонова, сына ростовского миллионера, добыча угля значительно расширилась. Он заложил первые пять крупных шахт, проложил железнодорожную ветку Несветай - Горная, построил первые 48 каменных казарм для рабочих и 4 коттеджа для администрации[6].

За свою историю Новошахтинск дважды переживал экономические кризисы, вызванные разрушением угледобывающей отрасли в стране. Первый из них был вызван последствиями немецко-фашистской оккупации, когда горные выработки были затоплены водой, шахты находились в полуразрушенном состоянии. Были разрушены заводы, фабрики.

В данный период уголь для страны имел одной из определяющих значений, как топливный ресурс. В связи с этим, государственная политика строилась на восстановлении отрасли в целом и, соответственно, промышленности в ростовском регионе. Важнейшими методами восстановления были социалистические стройки, вложение кадровых и финансовых ресурсов в конкретные предприятия и шахты. В итоге, 11 августа 1943 года жителям города Новошахтинска за досрочное восстановление предприятий угольной промышленности было вручено переходящее Красное Знамя Ростовского обкома партии и областного Совета. Несмотря на величайшие трудности, уже во второй декаде марта 1943 года в городе добывали уголь семь шахт, а к концу 1947 года горняки Новошахтинска достигли довоенного уровня добычи угля[3].

Вплоть до распада Советского Союза Новошахтинск переживал пик своего второго рождения. Как отмечают исследователи, в 1960-е годы были построены: швейная фабрика, фабрика нетканых материалов, заводы кирпич-

ные и стройматериалов. В 1964 году был открыт филиал вечернего отделения Шахтинского горного техникума. Начиная с 1970-х годов в Новошахтинске наблюдался прирост населения, вызванный реструктуризацией угольной отрасли.

Вторым кризисом, повлиявшим на изменение положения Новошахтинска, стали экономические реформы 1990-х годов. Обычным явлением стала невыплата заработных плат, остановка шахт. 23 октября 2003 года произошла крупнейшая в отрасли техногенная авария на шахте «Западная». В основном стволе шахты на отметке 260 метров под землей неожиданно прорвало канал и внутрь хлынули 5 млн кубометров воды, в разных тоннелях на 800-метровой глубине находились более семидесяти человек. В этом же году вследствие проводившейся в стране реструктуризации угольной промышленности последние действующие угледобывающие предприятия города были закрыты, после чего руководством Новошахтинска был взят курс на формирование в городе многопрофильной экономики.

Таким образом, богатые угольные месторождения способствовали образованию нового города Новошахтинска. Сначала это был город шахтеров, с хорошей перспективой для горняков, шахтерским профессиям обучали, и они были востребованы. На развитие города повлияло два важнейших экономических кризиса, вызванных глобальными трансформациями региональной экономики: после освобождения от немецко-фашистской оккупации в середине 1940-х годов, период распада советской плановой системы и формирования нового типа экономических отношений на рубеже 1980-1990-х годов. Выход из данного кризиса для города был неоднозначен: если в середине XX века он привел к обновлению отрасли, чему способствовала активизация государственной политики, то в 1990-е годы, под давлением структурных изменений, город потерял свое значение как угледобывающий центр.

Источники и литература

1. История ШРКТЭ // URL: <http://www.topcollege.ru/shahty/about/history/> дата обращения: 18.09.2016
2. 23 октября — 10 лет со дня техногенной катастрофы на шахте «Западная-Капитальная» // URL: <http://presslife.ru/content/view/2425> дата обращения: 19.09.2016
3. Летопись в истории // URL: <http://www.novoshakhtinsk.org/novoshakhtinsk/history/>
4. Наш город родился в ковыльной степи // URL: http://znamenka.info/novoshakhtinsk/novoshakhtinsk_4050.html.
5. Новошахтинский историко-краеведческий очерк» / Под ред. Л.И. Пилипенко – Р-н-Д.: ЮФУ, 2009. 270 с
6. Окопная О. П. Вклад ростовских купцов Парамоновых в просвещение и образование народа // Молодой ученый. 2011. №5. Т.2. С. 80-83.
7. От огня и воды к электричеству / В. И. Бондаренко, Г. Б. Варламов, И. А. Вольчин и др. 2005. 297 с. URL: <http://energetika.in.ua/ru/books/book-1/part-2/section-7/7-1/7-1-1>

8. Телес А. Новошахтинск. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1978

Оценка инвестиционного климата Крыма с помощью SWOT-анализа

*Чернова Кристина Владимировна
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, студент
chernovakristina555@yandex.ru*

Крымский полуостров представляет собой результативную платформу для инвестирования внешних и внутренних средств в важнейшие области экономики, что вызвано наличием трудовых и интеллектуальных возможностей, выигрышной географической позицией, улучшенной инфраструктурой, существенными резервами ресурсов природы.

Следует отметить тот факт, что в настоящий момент времени в Крыму функционируют:

- инвестиционная декларация, утверждающая основы взаимодействия госорганов с представителями бизнеса и фундаментальные гарантии с целью реализации инвестиционной деятельности;
- СВО - свободная экономическая зона, рекомендуемая специальный правовой регламент, преференции вкладчикам, осуществление свободной таможенной территории;
- ГАУ РК «Центр инвестиций и регионального развития» для образования практической поддержки вкладчиков, также для сопровождения инвестиционных проектов;
- совет по улучшению инвестиционного климата Республики Крым, устремленный на усовершенствование условий работы инвесторов и разрешение различных вопросов, появляющихся по ходу осуществления идей вкладчиков.

Рейтинговое агентство «Эксперт РА» утверждает, что Крым занимает пятое место среди регионов России с самыми большими инвестиционными возможностями по направлению «отдых и туризм». По данным официальной статистики Крымский полуостров занимает вторую ступень в РФ по количеству мест размещения и пятое по численности размещенных туристов. Настоящий рейтинг посещаемости Крыма намного выше. Согласно анализу рейтингового агентства «Эксперт РА» почти 80% всей индустрии размещения путешественников значится «в тени», что вызывает существенные финансовые убытки для бюджета. Сохранение сложившейся ситуации неизбежно приведёт к тому, что эффективность для экономической сферы от вложений инвесторов в туризм будет низкой. Необходимо начать работу в 2-х направлениях: вовлечение наиболее крупных гостиничных операторов Российской Федерации в Крым и смягчение требований к законному ведению бизнеса для ИП, также небольших туристических фирм [5].

Следовательно, первоначально потенциал Крымского полуострова заключается в дальнейшем улучшении инфраструктуры, наполнении побережья благоустроенными гостиницами, достойными объектами развлечений и досуга, ресторанами с высоким уровнем обслуживания.

Во-вторых, Крым считается отличным местом для осуществления сельскохозяйственной деятельности. Так, виноградники и производимые местными хозяйствами соки и вина обладают всемирной славой. К сожалению, присутствует вероятность останковки обеспечения водными ресурсами Крымского полуострова из Бугско-Днепровского канала, что связано со сложившейся кризисной ситуацией на Украине. Решить эту проблему можно с помощью бурения артезианских скважин и применения технологий капельного орошения. Огромным потенциалом для роста обладает деятельность по выращиванию овощей и фруктов, также организация инфраструктуры с целью их длительного хранения для всесезонного снабжения жителей городов свежими товарами растениеводства.

В-третьих, Крымский полуостров, вероятно, мог бы стать точкой расположения высокотехнологичных компаний в процессе формирования биотехнологических и IT-кластеров. Все будет обусловлено выбранными властями налоговыми льготами и преференциями для вкладчиков, нацеленных организовать описанные выше производства и сервисные предприятия.

В-четвертых, месторождения газа и нефти на территории Крыма являются капиталом и, возможно, финансовой независимостью полуострова [1].

В-пятых, благодаря инфраструктурному инвестиционному потенциалу Крыма в будущем допустимо вовлечение в усовершенствование транспортно-логистического комплекса огромных частных предприятий Российской Федерации. Однако на сегодня риски развития данного направления являются высокими. Крымский полуостров характеризуется понижением внутреннего экспортного потенциала из-за прекращения экономических отношений с Украиной. Более того, импортный потенциал Крыма тоже нельзя назвать великим.

На данный момент времени на Крымском полуострове отдельное внимание выделяется извещению возможных вкладчиков об инвестиционном потенциале данного края через осуществление имиджевых мероприятий, двухсторонних совещаний.

Таблица 1 свидетельствует о том, что ежегодно происходит увеличение инвестиций в Крымский полуостров. В 2015 году капитальные вложения в основной капитал повысились на 85,56% по сравнению с 2014 годом. Наибольший рост инвестиций пришелся на строительство – 464,49%. Член правления резиденции «Дипломат» Иван Шариков аргументирует сложившуюся ситуацию тем, что впоследствии смены статуса выросла привлекательность Крыма, из-за россиян увеличился платежеспособный спрос. Кроме того, это случилось в условиях незначительного готового престижного предложения [2, с. 5].

Таблица 1 – Динамика инвестиций в основной капитал Крымского полуострова по видам экономической деятельности, тыс. рублей [6]

	2014	2015	Темп прироста, %	Абсолютный прирост	январь - март 2016
Инвестиции в основной капитал, в том числе:	12174515	22590649	85,56	10416134	3232689
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	1102063	1245577	13,02	143514	138323
обрабатывающие производства	842687	1311487	55,63	468800	418395
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2036738	2545948	25,00	509210	234139
строительство	26578	150029	464,49	123451	23562
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	330608	463419	40,17	132811	148507
гостиницы и рестораны	1215059	2757187	126,92	1542128	212036
транспорт и связь	1351345	3456850	155,81	2105505	307764
финансовая деятельность	78102	89522	14,62	11420	67112
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	496465	932492	87,83	436027	268007
государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	1471153	2007468	36,46	536315	54837
образование	1033205	2233812	116,20	1200607	210767

здравоохранение и предоставление социальных услуг	1471714	2920397	98,44	1448683	691371
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	259454	864132	233,06	604678	401093

За 2014 год в экономику Республики Крым поступили инвестиции из 12-ти стран мира:

- Виргинские Острова;
- Гернси;
- Кипр;
- Мальта;
- Люксембург;
- Узбекистан;
- Австрия;
- Белиз;
- Франция;
- Турция;
- Белоруссия;
- Казахстан.

Председатель Госсовета Республики Крым Владимир Константиновполагает, что Китай является партнером, заинтересованным в развитии инвестиционных вложений и Крымского полуострова. Крым считается крупной строительной площадкой, однако ощущается нехватка песка и щебня. Необходимы огромные инвестиционные вложения, также рост производительности для снабжения всего строительного комплекса на будущее. Китайское строительное оборудование – это лучший вариант из-за дешевизны техники и соотношения качества и цены продукции [4].

В настоящее время осуществляются 22 инвестиционные программы в объёме 42 млрд. руб. в сфере промышленности, энергетики, рыболовства и сельского хозяйства. Ещё 58 проектов пребывают на этапе обсуждения соглашений. Объём инвестиционных вложений составляет около 82 млрд. руб.

Стоит заметить, что наиболее притягательными отраслями для вкладчиков считаются следующие:

- промышленность (38 обращений);
- сельское хозяйство (60 обращений);
- курортно-туристическая (69 обращений);
- топливно-энергетическая (38 обращений);
- ЖКХ (42 обращения).

Кроме того, с 29 ноября 2014 года на всей территории Крымского полуострова создана Свободная экономическая зона (СЭЗ), которая предполагает порядок осуществления предпринимательской и иной другой деятельности, равно как использование таможенной процедуры свободной таможенной зоны. СЭЗ осуществляет свою деятельность до 31 декабря 2039 года.

На фоне заключенных 32-х договоров об участии в Свободной экономической зоне общий объем инвестиций составил примерно 2,5 млрд. руб. В будущем появятся более 1200 рабочих мест. Инвестиционные программы нацелены на усовершенствование существующих производств и создание новых. Средний и малый бизнес выступают инвесторами большинства проектов.

Совокупные плюсы и минусы инвестиционного климата Крыма показаны в SWOT-анализе, который продемонстрирован в таблице 2.

Таблица 2 - SWOT-анализ инвестиционной привлекательности Крымского полуострова [3]

Сильные стороны	Слабые стороны
<ol style="list-style-type: none"> 1. Существенные историко-культурные и природно-рекреационные возможности процветания туризма 2. Особенная политическая роль полуострова 3. Существование определённых природных источников (например, газовых ресурсов на шельфе) 4. Выигрышная природно-климатическая обстановка для улучшения агропромышленного комплекса, в частности виноделия 5. Резервы для усовершенствования судостроения и флота 6. Доступная рабочая единица 7. Существование ресурсов для подъёма транспортно-логистической системы, также сферы морского портового хозяйства 	<ol style="list-style-type: none"> 1. С учётом внешней оторванности недостаток электроэнергии, воды, также газа 2. Нехватка выработанных институтов притягивания вкладчиков 3. Региональная отстраненность полуострова от остальных составляющих государства, сложившаяся ситуация имеет важное значение на фоне внешней малоустойчивой политической обстановки 4. Потенциальные разногласия на основе межэтнической ожесточенности 5. Повышенная доля нагрузки на работоспособных жителей

Возможности	Угрозы
<ol style="list-style-type: none"> 1. Огромный новый рынок сбыта для всех выпускаемых в Крыму товаров 2. Потенциальная возможность для роста потока туристов из городов России 3. Усиленное внимание от лица российского правительства, порождающее перспективы существенных вливаний инвесторов в экономику полуострова 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Возможность сокращения числа инвестиций со стороны Российской Федерации из-за внутреннего дефицита бюджета 2. Осаждение экономических связей со стороны Украины (по поставкам производственной и потребительской продукции, также электроэнергии) 3. Ухудшение внешнеэкономических условий, вероятность вооруженного столкновения

Итак, Крым считается экономически многообещающей частью России, но только на фоне масштабного содействия от имени российского государства этот полуостров сможет раскрыть весь свой интеллектуальный и трудовой потенциал. Следовательно, ключевой миссией правительства Российской Федерации является улучшение экономической ситуации на Крымском полуострове, что включает в себя обеспечение роста инвестиций в строительство (улучшение транспортной инфраструктуры), усовершенствование инвестиционной привлекательности с помощью улучшения защищенности собственности и ликвидации административных барьеров, продвижения позитивного образа Крымского полуострова.

Источники и литература

1. Александров И. Инвестиционные проекты в Крыму – среднесрочная перспектива для российского бизнеса // [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://blog.pravo.ru/blog/29637.html>
2. Бухарова О. Инвестиции в недвижимость Крыма будут расти [Текст] / О. Бухарова // Российская Бизнес-газета. 2014. № 958. С. 5.
3. Инвестиции. Факты и комментарии. Выпуск 35. Департамент содействия инвестициям и инновациям ТПП РФ. // [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://tpp74.ru/storage/Bulleten35.pdf>
4. Инвестиционный потенциал Крыма презентовали в Пекине // [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://iskra-sev.ru/?q=node/10929>
5. Рейтинговое агентство RAEX («Эксперт РА») // [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.raexpert.ru/>
6. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым. // [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/ru/statistics/enterprises/investment/

Образ жизни горожанина в условиях трансформации общества в конце 80-х – начале 90-х гг. (на примере г. Ростова-на-Дону): социально-историческое измерение

*Шаин Геннадий Павлович
Южный федеральный университет
магистрант 2 года обучения
gemashain1994@mail.ru*

В современном мире человек находится в мире информации, которая его покрывает с головой каждый день. Информационные потоки пронизывают все сферы общественной жизни, тем самым формируя определенного рода рамку, в которой находится человек. Такая привычная среда, очерченная определенным контуром социальных норм, практик общежития, политических и экономических институтов, в которых, как в системе координат, существует человек, называется образом жизни. В различных отраслях гуманитарного знания учёными предложено много подходов к данной научно-практической категории в силу того, что объём самого понятия относительно широк, каждый исследователь пытается выявить свою специфику, а это, в свою очередь, порождает новое (инновационное, в каком-то смысле) понимание. Осмысление данного круга вопросов приобретает особую актуальность в условиях городского развития, поскольку именно здесь происходит большая дифференциация и усложнение социальной структуры, усиливаются социально-экономические и территориальные различия по оси взаимодействия «город - пригороды», появляются новые виды активности человека, которые выливаются в новационные формы трудовой деятельности, образовательной организации и т.д. Благодаря рассмотрению ретроспективы можно выявить и объяснить определенную специфику организации социальной жизни в тот или иной период времени, потому что город выступает динамично развивающейся системой со своими подсистемами, институциональными образованиями, практиками социально-экономической и политической жизни. С точки зрения экологического подхода, город выступает средой обитания, а человек совместно с окружающей средой является творцом того пространства, в котором он находится, с одной стороны. С другой стороны, человек является продуктом города, поскольку он даёт ему статус горожанина. Приведем некоторые из определений образа жизни человека и попытаемся очертить тот круг материальных и духовных общественных отношений, которые будут рассмотрены в данной статье.

Условно все определения образа жизни, которые наличествуют в современной гуманитарной теории можно классифицировать согласно подходам, к которому «прибегают» авторы при изучении данного феномена. В соответствии с этим можно выделить следующие группы определений:

- 1) Рассмотрение образа жизни с точки зрения их системного характера, его элементов, связей и взаимозависимостей (системный подход);

- 2) Изучение образа жизни с позиций психологических особенностей личности и их отражения в социальном пространстве (психосоциологический подход);
- 3) Анализ образа жизни в контексте деятельности и её структурных элементов: целей, мотивов, инструментов деятельности, а также результатов, к которым придёт человек, в конечном счёте (субъектно-деятельностный подход);
- 4) Интерпретация образа жизни как социокультурного феномена, т.е. в единстве культуры и социальности (социокультурный подход).

Впервые об образе жизни как научной категории заговорили Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Они трактовали его как способ человеческой активности через призму различных категорий деятельности (форму, вид, способ осуществления действий и т.д.) [9 с.2-43]. Однако с развитием гуманитарного знания ракурс рассмотрения данной проблемы менялся, и образ жизни постепенно начинает приобретать яркую психологическую детерминанту, переход на личностный, субъективный уровень рассмотрения этого социального феномена. И.Т. Левыкин [8, с. 7-15] отмечает, что образ жизни необходимо рассматривать «изнутри», на микроуровне, т.е. в единстве субъективных образов и объективных экономических, социальных, политических явлений и факторов, которые входят в личностную концепцию. Данное замечание важно, поскольку одно и то же явление преломляется в сознании человека по-разному, что в свою очередь, влияет на дальнейшую жизнедеятельность человека. В данной статье образ жизни будет рассматриваться как совокупность устойчивых, систематично повторяющихся социальных, экономических, политических и духовных практик, которые опосредуются, с одной стороны вызовами социальной среды, а с другой – личностными качествами и характеристиками, т.е. образ жизни в данной трактовке объединяет как субъективные факторы, влияющие на человека, так и объективные факторы, которые ему предоставляет окружающая среда [7]. Именно такое единство компонентов позволит рассмотреть данный феномен комплексно, с разных сторон.

Городской образ жизни в этой связи имеет свою определенную специфику, о которой необходимо упомянуть. И.С. Туров, говоря о данном социальном явлении, отмечает специфичность субъекта, т.е. городского населения. Он предлагает ввести две группы условий, которые и определяют социальное общежитие в городском пространстве. Первая группа факторов – социально-экологические условия в городе, влияющие на образ жизни. Исследователь рассматривает их в дихотомии «деревня-город», т.е. их противопоставлении. Учёный пишет, что специфика города как среды обитания производна от общественного производства и труда (его разделения на сельскохозяйственный и несельскохозяйственный виды), т.е. экономических детерминант. Туров полагает, что один вид труда отличается от другого вида труда соотношением экологических (природных) и социокультурных и исторических начал, следовательно, содержание труда определяется степенью взаимодействия общества и природы. В условиях села - это взаимодействие является более глубоким,

комплексным, поскольку данная территориальная организация в большей степени подвержена воздействию природы. В городе же труд имеет иную основу, он не носит ярко выраженного природного начала, наоборот, является «искусственным и неприродным». Здесь виды трудовой занятости имеют большую дифференциацию, сложную структуру, что требует от человека других компетенций и навыков по сравнению с сельскими условиями: образование, квалификация, умение обращаться с современными гаджетами и т.д. Следовательно, социально-экологические факторы города определяют не только сам образ жизни (более динамичный, гибкий, восприимчивый), но и стереотипы бытового поведения, т.е. определенные паттерны, которым следует каждый горожанин, они для него привычны. Вторая группа факторов – социально-экономические условия, т.е. развитие инфраструктуры, доступ к социальным благам и т.д. [12] Об этом говорят и другие исследователи. Например, Т.М. Дридзе пишет: «Если жизненная среда не располагает к общению с людьми, если детям негде поиграть друг с другом и они во дворе собственного дома «маневрируют» среди машин; если подросткам и молодёжи негде собираться, кроме подъездов <...>, то это чаще всего означает, что городское пространство обустроено плохо» [5, с.53]. Эта необустроенность понижает и блокирует потенциал города как пространства для социализации и дальнейшего развития личности, т.е. обустроенность города с точки зрения представлений горожан о должном образе жизни, насыщение городского пространства элементами своеобразного быта горожан, соразмерность застроек и площадей города с масштабами человеческих потребностей и т.д. – всё это позволяет сформировать образ города и проектировать стиль жизни и нормы поведения [2, с.45-46].

О.В. Кобяк отмечает еще одну важную особенность городского образа жизни. По его меткому замечанию, городской образ жизни является комплексным выражением количественных и качественных показателей, характеризующих различные стороны жизни городского жителя (уровень и качество жизни) [3]. Теперь перейдём к рассмотрению образа жизни горожан Ростова-на-Дону, рассмотрим какие специфические особенности можно выделить в образе жизни населения в конце 80-х – первой половине 90-х гг.

Хронологическими рамками рассмотрения данных трансформаций является промежуток времени с конца 80-х до начала 90-х гг. XX гг., так называемый переходный период, когда происходила смена советской модели государственности и формирование новой системы политического устройства (в широком смысле) на иных принципах функционирования. Исследователи отмечают, что в такие исторические периоды общество, и в частности, городское население, становится активными деятелями в плане преобразования политической среды города. Перестройка 1985 – 1991гг. поменяла систему жизненных координат советского горожанина: необходимо было в короткий срок перестроиться на систему рыночных отношений, возник дефицит и, как следствие, многомиллионные очереди (очередь стала особым социокультурным феноменом той эпохи) и карточная система, проводились различного рода

кампании, направленные на изменение повседневной жизни людей с помощью политико-административного инструментария, складывалась мощная «теневая экономика» как следствие проводимой политики и т.д. Помимо этого в этот период с трибун была объявлена гласность, вводилась новая организационно-правовая форма – кооперативы и, как производное, кооперативная торговля, начали появляться публикации, которые ранее были запрещены. В этот период принимается ряд законодательных актов, которые вносят новые практики в жизнь населения: «Закон о государственных предприятиях», «Закон об индивидуальной трудовой деятельности», Постановление Совета Министров «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения», «Закон о кооперации» и многие другие. Каждый из нормативно-правовых актов вносил коррективы в социальное общежитие советского человека. Всё это не могло не повлиять на образ жизни городского жителя.

Город Ростов-на-Дону исторически сформировался как купеческий торговый центр. Это, в свою очередь, подразумевало и определенный образ жизни, который складывался из торговых обычаев и традиций, досуговых практик, деловой и социальной активности. Активная позиция купечества (как черта образа жизни) простиралась не только в пределах личных интересов, но и общественных (строительство школ, библиотек, больниц, театров и т.д.). Необходимо отметить, что именно в этот период формируется черта сопричастности к месту, к территории. Она выразилась как в символическом пространстве города, так и на личностном уровне (образ активного созидющего и благоустраивающего купца).

Октябрьская революция принесла в жизнь Ростова-на-Дону новую трансформационную волну, когда в сознании горожан стали формировать другие образы власти, экономических отношений, других повседневных практик. Многие черты в образе жизни населения стали изменяться с помощью различных средств символической политики (переименование улиц, церквей, снос памятников и т.д.).

С установлением советской власти город становится индустриальным центром (восстанавливаются мелкие артельные производства, начинается строительство промышленных гигантов и т.д.). Индустриальный бум потребовал «рабочих рук», а откуда их взять? Помогла деревня. Многие деревенские двинулись в город, а этот процесс повлёк за собой и изменение образа жизни новоиспеченного городского населения. Следовательно, при характеристике образа жизни населения Ростова в данном периоде нужно иметь в виду, что существовало некоторое расслоение: те, кто жил в городе и те, кто приехал в город и стал «городским». Так или иначе, но это два разных в ментальном плане городских жителей. Трудовая миграция породила строительство многоэтажных домов, в которых тоже стала складываться своя особая микроорганизация, специфический микроклимат, которые к той или иной степени влияли на образ жизни всего города. Необходимо сказать, что образ жизни советских граждан был достаточно однородным, и Ростов ничем особенным в этом ряду не выделялся. Советский образ жизни подразумевал дружбу наро-

дов, сплочённость, коллективизм, любовь к партии и Родине и т.д. Данные характеристики плотно вписывались в жизнь советского горожанина. Советскость проявлялась не только в существующих социальных практиках, но и в бытовой жизни (набор клише: хрусталь, импортная стенка, ковёр на стене, собрание сочинений, школьная форма и т.д.)

В середине 80-х гг. происходят изменения в политической номенклатуре, которая долгое время управляла страной: на смену дряхлеющему партийному аппарату приходят молодые и энергичные партийные работники со своими взглядами на развитие государства и общества. Любое действие всегда имеет противодействие и в данной ситуации это правило тоже сработало. Изменения, происходящие в политическом и нормативном поле государства, нашли отклик в виде социальных протестов (забастовки на шахтах Кузбасса и Донецкого угольного бассейна). Однако, примечателен следующий факт. В январском номере 1988 г. «Аргументов и фактов» была опубликована беседа с директором Института социологических исследований В. Ивановым, в которой он приводит данные социологического опроса, проведенного их подразделением среди работников московских научно-производственных объединений, комплексов и предприятий. Респондентам был поставлен вопрос: «Насколько, по Вашему мнению, успешно идёт перестройка?»; давалось четыре варианта ответа по степени успешности проводимых преобразований. Результаты оказались следующими: 16 % респондентов ответили, что перестройка идёт успешно, 31,4 % отметили медленность и трудности перестройки, 32,3% написали, что перестройка на тот момент не ощущается, а 20, 3 % затруднились ответить на поставленный вопрос. Из этих данных видно, что население находилось на «распутье» в связи с нестабильностью политической ситуации, появлением в жизни новых вещей ранее незнакомых городскому обывателю. Количество людей, которые ощущают трудности и «пробуксовки» перестройки примерно равно в процентном соотношении количеству людей, не ощущающих веяния перестройки. Приведем еще один пример. В декабрьском номере 1990 г. АиФ в рубрике «9 страница» некто А.Я. из Свердловска пишет: «Будут ли льготы в будущем тем, кто пережил перестройку?» [4]. Это еще раз подчеркивает неопределенность положения населения, нестабильную ситуацию в плане осуществления общественной жизнедеятельности и воспроизводства.

В Ростове-на-Дону все описанные выше реформы также вносили определенные изменения в жизнь населения. Например, в 1989 г. в городе появляются первые кооперативные кафе, в которых наиболее зажиточные люди могли себе позволить поесть, отдохнуть. Помимо этого, в данный период развивается быстрыми темпами книгоиздательская деятельность, что также повлияло на образ жизни тогдашнего населения. То, что ранее нельзя было прочитать, поскольку оно было под гнётом цензуры, то в 90-е гг. информационный дефицит постепенно начинает уходить. Городской житель становится не просто читающим, он становится критически мыслящим.

Помимо этого, в 1990-е гг. с переходом на новую экономическую платформу появляются новые организационно-правовые формы деятельности по обороту денежного капитала. Формируются новые качества в городском пространстве, человек советский становится человеком предприимчивым; в это время возникает биржа «Деловой двор», постепенно развиваются частные банки («Прогресс», «Гермес», «Восток») [6].

Как уже было сказано, политические преобразования, проводившиеся в нашей стране, породили ряд социально-экономических практик, среди которых особо следует отметить такие явления как «блат», «очередь» и «спекуляция». Очередь в обозначенный период для горожанина была не просто обычным явлением, это был регулярно повторяющийся, рутинный, эмоционально нагруженный ритуал, который давал доступ к потребительским товарам для своего дальнейшего воспроизводства. Постепенно очередь стала повторяющимся элементом повседневной жизни горожанина [10]. Очередь превратилась в науку, когда обычный горожанин должен был не просто прийти и купить товар, а просчитать и предусмотреть, когда это лучше сделать, где стоять, в какую одежду быть одетым и т.д. Вот, как вспоминает перестроечные годы Сергей Алексашенко, который позже в 1995 – 1998 гг. занимал пост первого заместителя Председателя ЦБ: «Перестройка избавила меня от совка. ...самое яркое воспоминание тех лет — 26 видов талонов и очереди за хлебом и молоком, которые в Москве нужно было занимать в шесть утра. В конечном итоге, идеологическая перестройка не была поддержана экономической, что привело к коллапсу» [11]. Непременным порождением политики перестройки было появление такого явления как «блат», когда человеку, чтобы достать дефицитный товар необходимо было иметь «связи», т.е. контакты с людьми, которые имели доступ к этому типу товаров.

В данный период формируется такое явление как спекуляция. В портрете городского жителя появляется такая черта как противодействие системе, влечение к чему-то запретному. Так, описывает свои впечатления об этом времени ростовский писатель Юрий Иванов: «Моя история со спекуляцией началась еще в Союзе. Я пишу книги и люблю много читать, но тогда официально достать их было негде. У меня были друзья, которые занимались спекуляцией книг, я примкнул к ним. Когда началась Перестройка, друг открыл книжный магазин, а я начал заниматься этим самостоятельно. Наценка была существенная: если я брал библию по 30 рублей, то продавал по 55. Я бегал с ними по магазинам, денежным местам. На рынке тогда еще делать было нечего, могли повязать. Книги брали, на кусок хлеба хватало. Когда объявили приватизацию, и стало все можно, я пошел на рынок. В это время начали появляться ваучеры. Я почувствовал, что на этом можно заработать. Люди несли их мне, потому что не знали, что с ними делать. Многие реально было сложно вложить, а по факту они оказывались липой» [1].

Таким образом, трансформационные процессы в политике 80-90-х гг. XX в. повлияли на все сферы общественной жизни города и на образ жизни горожан в целом. Из всего сказанного видно, что изменяющаяся политическая

система, как правило, затрагивает все области городской жизни, а не только систему государственных органов или конфигурацию расстановки политических институтов в том или ином территориальном образовании. Это отражается как на социально-экономическом укладе жизни граждан, так и на бытовых практиках. Многие законодательные акты и их реализация в обозначенный период вызывали среди населения недопонимание. Когда был принят закон «О трудовых коллективах», закрепивший создание на каждом предприятии совета трудового коллектива, многие не понимали, для чего этот орган создан. Практическая реализация этого закона привела к дезорганизации предприятий в целом. Многие меры, предпринимавшиеся властями, дестабилизировали положение населения, и горожан, в частности, которые по сравнению с сельскими жителями не имели своего хозяйства, чтобы хоть как-то воспроизводить своё существование. Условно, можно говорить, что в период модификаций в политической системе горожане испытывают «шок будущего» и не только в культурном плане, но и в быденном, т.е. при изменении политической системы (институциональной задающей политической рамки) у горожан возникают проблемы не только с удовлетворением духовных, престижных и т.д. потребностей, но и первичных (физиологических и экзистенциальных).

Образ жизни в периоды трансформаций меняется не всегда в лучшую сторону, появляется больше черт, связанных с выживанием, умением вести себя в критических ситуациях.

Источники и литература

1. Бизнес лихих 90-х. Ростов-на-Дону URL: <http://yarodom.livejournal.com/1396184.html> дата обращения: 25.09.2016.
2. Гавриляченко Е.В., Скоробогатова Д.В. Жизненное пространство города: объективные и субъективные измерения. Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2008, С.45 – 46.
3. Грицанов А.А., Абушенко В.Л., Евелькин Г.М., Соколова Г.Н., Терещенко О.В. Социология: Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2003.
4. 9-я страница «АиФ» // Аргументы и факты. №52. 1990. URL: <http://www.aif.ru/archive/1652126> дата обращения: 13.03.2016.
5. Дридзе Т.М. Город как жизненная среда и социальные проблемы в столичной агломерации // Социально обоснованное градостроительство. М., 2005. С.53
6. Историческая урбанистика: теория и практика / Под ред.: Поповой Н.А., Пономаревой М.А. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2014.
7. Кодина И.Н. Образ жизни населения малого города: социальные практики и детерминанты (на материалах Ивановской области). Диссертация на соискание степени канд. соц. наук. Нижний Новгород. 2012.
8. Левыкин, И. Т. Образ жизни как объект междисциплинарного изучения / И. Т. Левыкин // СОЦИС. № 2.1981. С. 7-15

9. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах: противоположность идеалистического и материалистического воззрений // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произведения. В 3 т. Т.1. М., 1970. С. 2-43

10. Николаев В.Г. Советская очередь как среда обитания: социологический анализ. М.: ИНИОН РАН, 2000.

11 «Перестройка была прыщавая и слюнявая». Как начались и чем закончились реформы Михаила Горбачева? URL: <http://www.kommersant.ru/projects/perestroika> дата обращения: 16.03.2016.

12. 4Туров И.С. Городской образ жизни: теоретический аспект. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/662/920/1219/015.TUROV.pdf> дата обращения: 25.09.2016

Формирование профессиональной идентичности в городе и сельской местности²¹

*Яицкова Алена Игоревна
Южный федеральный университет
магистрант
yaitskova_a@mail.ru*

В настоящее время все большую актуальность приобретают исследования, связанные с изучением особенностей формирования профессиональной идентичности в зависимости от различных критериев: исторического периода, политического строя, социального положения, состава семьи и т.д. Рассмотрение специфических характеристик и условий формирования профессиональной идентичности необходимо для последующей оценки успешности профессионального развития.

Целью данной статьи является выявление особенностей формирования профессиональной идентичности в городской и сельской местности.

В научной литературе насчитывается несколько десятков различных определений термина «профессиональная идентичность». В качестве рабочего определения в рамках данной статьи выбрано определение, предложенное Л. Б. Шнейдер: «Профессиональная идентичность – это осознание себя представителем определенной профессии и профессионального сообщества, определенная степень отождествления-дифференциации себя с Делом и Другими, проявляющаяся в когнитивно-эмоционально-поведенческих самоописаниях Я» [9].

Формирование профессиональной идентичности — это сложный длительный, порой противоречивый процесс. С. А. Боровикова выделяет ряд факторов, оказывающих наиболее сильное влияние на процесс профессионального самоопределения [1]:

1. интересы, на формирование которых в свою очередь, влияют способности, прошлый опыт, представления о будущей профессии;

---

²¹Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда проект № 16-18-10306.

2. индивидуальные особенности (черты характера, темперамент, свойства нервной системы);
3. уровень подготовки (культурный кругозор, мировоззрение, школьная успеваемость);
4. состояние здоровья;
5. ряд социальных факторов (место жительства, профессия и советы родителей, рекомендации учителей, товарищей, средства массовой информации).

Из предложенной классификации следует, что в ряду социальных факторов место жительства индивида имеет решающее значение, поскольку предопределяет доступность высшего образования, круг востребованных в той или иной местности профессий, их престиж, а также социальное окружение, способное оказывать влияние на выбор профессии в соответствии с собственными ценностными установками.

Многие ученые-урбанисты и социологи города и села рассматривали такое явление как дихотомия «город – деревня». Л. Вирт, сравнивая особенности городского и сельского населения, сформулировал тезисы, посвященные взаимосвязи между количеством, плотностью, разнородностью населения и жизнью его групп [11]:

- размер населения. Большое количество населения обуславливает наличие большего числа проявлений индивидуальности, и, следовательно, потенциальная дифференциация между людьми высока. Поэтому индивидуальные особенности, культурная жизнь, род занятий, идеи индивидуумов поляризованы в большей степени среди населения городов, нежели среди сельских жителей. Также необходимо отметить, что увеличение количества жителей сообщества вызывает снижение возможностей каждого его члена на личное знакомство с остальными. Это приводит к невозможности полноценных личностных контактов и сегментации человеческих отношений в городской среде;
- плотность населения. Концентрация большого количества людей на ограниченном пространстве в городах создает общую тенденцию использования территории с максимальной экономической отдачей. В итоге город напоминает «мозаику социальных миров, в которой переход от одного мира к другому может происходить совершенно внезапно» [11];
- гетерогенность населения городов приводит к усложнению классовой структуры, увеличению и разнообразию социальной стратификации.

Таким образом, по Л. Вирту, город (в отличие от сельского населенного пункта) – это относительно большое, плотно заселенное поселение социально разнородных индивидов.

Многоплановость понятия «город» определяет необходимость систематизации. Среди критериев систематизации городов можно выделить следующие: людность (количество населения), исторические критерии (время основания), экономико-функциональные (центры добычи сырья, энергии, центры

промышленного производства, транспортные центры, непроемляющие города), административно-иерархические (центры субъектов федерации, районные центры, периферийные) и др.

Промежуточным звеном между городом и селом в России является поселок городского типа. Эта промежуточность оказывает влияние на количественный состав таких населенных пунктов, а также на сферу занятости населения.

Сельские населенные пункты на территории России также представлены различными типами: село, деревня, поселок, аул, хутор, станица.

Принимая во внимание вышеописанные тезисы и разнообразие населенных пунктов, отметим следующие особенности формирования профессиональной идентичности в зависимости от места жительства индивида:

1) городские и сельские населенные пункты предоставляют индивиду разные по доступности и качеству образовательные возможности.

Не во всех сельских населенных пунктах России есть своя школа. С 1999 по 2015 гг. в России было закрыто 12000 школ, из них большая часть находилась в сельской местности [6]. При этом по данным Министерства образования и науки, в 22% действующих сельских школ отсутствует водопровод, центральное отопление, канализация. Лишь 22% учебных заведений, находящихся в селе, обеспечены высокоскоростным Интернетом, хотя в городах это число достигает 70%.

Различается и качество образования, получаемого в сельской и городской местности. Недостаток высококвалифицированных кадров, бюджетного финансирования в сельских школах, отсутствие в сельской местности средних учебных заведений, дающих их ученикам повышенный уровень подготовки с учетом индивидуальных особенностей (лицей, гимназии), приводят к низкой конкурентоспособности выпускников сельских школ, что в свою очередь ведет к сложностям при поступлении в высшие учебные заведения [4]. По результатам исследований, молодые люди, которые окончили школы в крупных, средних и малых городах через несколько лет достигают более высокого уровня образования, чем выпускники сельских школ [3].

2) город предоставляет возможность получения высшего образования, а потому для молодежи из сельской местности переезд в крупный город является единственной возможностью самореализации в профессиях, не связанных с промышленным производством и сельским хозяйством. При этом необходимо отметить, что все профессии, которые считаются престижными (т.е. высокооплачиваемыми, перспективными в плане карьерного роста, социально значимыми) в современном российском обществе, требуют получения высшего образования. К престижным в России сегодня относятся следующие профессии: специалист IT-технологий, предприниматель, юрист, врач, летчик, космонавт, инженер, банкир, экономист [10].

3) город предоставляет наибольшее разнообразие профессий, рынок труда в городе более развит и разнообразен, нежели в сельской местности.

При этом наиболее востребованными здесь являются профессии в сфере услуг и производства, в то время как в сельских населенных пунктах большей популярностью пользуются профессии, связанные с сельским хозяйством. Это подтверждают данные Федеральной службы государственной статистики за 2015 г.: лишь 2,2% населения городов занято в сельском хозяйстве, 21,2% в промышленности, 19,6% в торговле, в то время как в сельской местности 22,2% населения занимаются сельским хозяйством, 14,3% работают в промышленном производстве и 14,4% в торговле и сфере услуг [8].

Кроме того, уровень безработицы в сельской местности, в 1,5-2 раза выше, чем в городах [8]. Так, в 2015 г. уровень безработицы в городах составил 4,8%, а в сельской местности 7,8%.

В связи с неразвитостью рынка рабочих мест на селе, молодежь вынуждена вовлекаться в сферы примитивного, трудоемкого, малоквалифицированного труда, что влечет за собой социальную деградацию и потерю профессиональной квалификации. Низкая конкурентоспособность сельской молодежи приводит к снижению ее доли на рынке труда, уменьшению численности и ухудшению качественных характеристик работников.

4) влияние социальной среды на профессиональное самоопределение индивида в городе, как правило, ниже, чем в сельской местности. Это объясняется традиционностью сельского уклада жизни, тесной связью поколений, а также большей доступностью информационных ресурсов профориентационной направленности для городских жителей.

5) городская среда предоставляет больше возможностей для социальной мобильности индивида, а следовательно, и его профессиональной мобильности.

В этом контексте интерес представляют результаты исследования «Патриотические установки студентов вузов (на примере Южного федерального университета), проведенного в 2016 г. [2] Оно показывает, что профессиональная идентичность студентов ЮФУ находится на втором месте в идентификационной структуре личности (после гражданской идентичности). На вопрос о том, кем в первую очередь считают себя студенты ЮФУ, 39,4% опрошенных ответили, что «назвали бы свою профессию, род деятельности». При этом следует упомянуть, что профессиональная идентичность оказалась важнее для горожан (45,8% – Ростов-на-Дону, 41,9% – города других регионов России, против примерно 30% жителей села: 31% - Ростовская область, 32% - сельская местность других регионов).

Подводя итог, необходимо отметить, что молодежь сельской местности, как правило, обладает более низкой конкурентоспособностью на рынке труда ввиду разницы в качестве образования и его доступности. Высокий уровень безработицы, ограниченный набор востребованных профессий, низкий уровень оплаты труда в сельской местности обуславливают стремление жить и работать в крупных городах. При этом профессиональная идентичность в идентификационной структуре личности для горожан оказывается важнее, чем для сельских жителей. Таким образом, место жительства инди-

вида имеет большое значение в формировании профессиональной идентичности.

Источники и литература

1. Боровикова С. А. Профессиональное самоопределение // Психологическое обеспечение профессиональной деятельности. СПб, 1991.
2. Иванова М.С. Патриотические установки студентов вузов (на примере Южного федерального университета): Структура и специфика / Иванова М.С., Филоненко В.И.// Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2016. URL: <http://www.journal.nio.com/> (дата обращения: 19.09.2016).
3. Коршунов А. В. Современная российская молодежь на рынке труда в условиях социально-экономической нестабильности и неопределенности / А. В. Коршунов // Теория и практика общественного развития. –2011. – № 8. – С. 54–57.
4. Кузьмин Р. И. Школа в городе и школа на селе, или найдите десять отличий // Гаудеамус. 2003. №4. URL:<http://cyberleninka.ru/article/n/shkola-v-gorode-i-shkola-na-sele-ili-naydite-desyat-otlichiy> (дата обращения: 19.09.2016).
5. Микляева А.В., Румянцева П.В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса. Ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? СПб.: Речь, 2011. – 160 с.
6. Министерство образования и науки Российской Федерации URL:<http://минобрнауки.рф/>(дата обращения: 19.09.2016).
7. Рацлаф А. А., Седова А. В. Молодежная безработица // Молодой ученый. — 2015. — №11. — С. 959-961.
8. Федеральная служба государственной статистики URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 19.09.2016).
9. Шнейдер Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М.: МПСИ, 2007. 124 с.
10. Ягофарова Ф. И. Самые престижные профессии ПрофГид Центр профориентации Эльмиры Давыдовой URL: <http://www.profguide.ru/> (дата обращения: 19.09.2016).
11. Wirt L. Urbanism as way of life // Classical essays in urban culture. Appleton Century Grofts. – New York. 1969 / Пер. В. В. Вагина. URL: <http://www.urbanclub.ru/?p=99> (датаобращения: 19.09.2016).

ОГЛАВЛЕНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ ГОРОДОВ И ПОСЕЛЕНИЙ

Бойко А.Л.	Археологическое изучение южнорусского провинциального города XVIII–нач. XX вв.: основные направления исследований	3
Вдовченков Е.В.	Поселения донских меотом и сарматы: проблемы взаимодействия	8
Ермоленко Л.П.	Формирование системы сохранности археологических памятников в городах Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века	15
Зиливинская Э.Д.	Самосдельское городище – древнейший город в Нижнем Поволжье	19
Кияшко А.В.	Об одной из разновидностей меотских памятников степного Закубанья	21

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ПЕРИФЕРИЙНОГО ГОРОДА

Аваков П.А.	Региональные особенности и риски культурных преобразований Петра I (на материале городов Северо-Восточного Приазовья)	25
Базарова Т.А.	Великий Новгород в начале Северной войны (1700–1721)	25
Братолобова М.В.	Университет и его город: Императорский Варшавский университет Ростове-на-Дону (1915 - 1917 гг.)	33
Бреславский А.С.	«Столица Азии Байкальской»: геокультурные образы постсоветского Улан-Удэ	38
Гороховская Л.Г.	Образ города как историко-культурный конструкт (на примере г. Владивостока)	50
Казарова Н.А.	Восточная сказка в донской степи: Нахичевань-на-Дону в конце XVIII – начале XIX веков глазами современников	55
Кисиленко А.П.	Этническая идентичность в культурном ландшафте периферийного города	60
Маслова И.В.	Культурная антропология периферийного города Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. (на материалах Вятской губернии)	63
Муханов В.М.	Сломанная идентичность, или трагическая судьба главного аманата Кавказской войны	69
Норкина Е.С., Колесов В.И.	Дискриминация, модернизация и этничность: параметры еврейской общины вне черты оседлости (на примере Новороссийска)	69
Петрулевич И.А., Юстина Н.И.	Социокультурная среда города и проблемы визуализации	71
Рядченко Е.А.	Социокультурное пространство и повседневная жизнь уездного города Самарской губернии в конце XIX – начале XX вв.	74
Светоносова Ю.В., Смагина С.М.	Малые города юга России: некоторые проблемы их реабилитации (на примере города Краснослободска Волгоградской области)	80
Синютин А.А.	Повседневные ритуалы в современной городской среде	85

Фролова А.С., Чикарова Г.И.	Отражение профессиональной идентичности в советской прессе	88
Шпагин С.А.	Ростов-на-Дону – «столичный город с областной судьбой»	94
Штомпель Л.А.	Городская идентичность: между мечтой и реальностью	99

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА САМООРГАНИЗАЦИИ И САМОРАЗВИТИЯ ГОРОДСКОГО СООБЩЕСТВА

Бледный С.Н., Смирнова М.И.	Культурная деятельность региональных муниципалитетов России	104
Брызгалова И.Г.	Города Дона и Северного Кавказа в событиях Февраля 1917 года: позиция властей и городского сообщества (общее и особенное)	108
Ершов М.Ф.	Казус Кузнецова: зауральский город и формирование гражданского общества	117
Дулина Н.В., Каргаполова Е.В., Фомина Е.А.	Особенности менталитета молодежи городов Юга России в контексте пространственно-временной ретроспективы	121
Кондрашова А.А.	Городское самоуправление Ставрополя в годы Гражданской войны (1918-1920 гг.)	122
Кривоконь А.В.	Досуговые объединения горожан российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Кубанской области и Черноморской губернии)	127
Мазалова Н.Е.	Выборг и выборжане в представлениях петербуржцев	140
Олешкова А.М.	Медиадискурс современного города и формы репрезентации квазиполитического пространства посредством «новояза»	141
Севостьянова Е.В.	От «Дня свободы» до «Дня нужды и голода»: горожане и власть Читы в условиях политической и социальной трансформации после Февраля 1917 г.	146
Трапш Н.А.	Формирование профессиональной идентичности северокавказских диаспорных сообществ в мегаполисе и периферийном городе: опыт компаративного анализа	148
Тулузакова М.В.	От «хлебной столицы» к «социалистическому городу»: стратегии формирования городской идентичности (на примере города Балаково Саратовской области)	152

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ ЮГА РОССИИ И МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ

Васильева Е.Г.	Современный Волгоград: особенности структурной трансформации символического пространства города	154
Дроздова Ю.А.	Социальное пространство Волгоградской области как основа формирования имиджарегиона	155
Зотова А.И., Шевченко Д.А., Гаджиев Ю.М.	Инвестиционные аспекты пространственного развития городских территорий Республики Дагестан	157

Конанова Е.И.	Экскурсионный турпродукт в условиях модернизациитуристического бизнеса г. Ростова-на-Дону	164
Кравец В.С.	Влияние кризисных явлений в современной экономике на осуществление предпринимательской деятельности в периферийном городе на примере Ростова-на-Дону	168
Малыхин К.Г.	С.Н.Прокопович в 30-40-е гг. XX века. Новый русский город как последствие большевистской модернизации России	173
Манышев С.Б.	Здравоохранение городов Дагестана в годы революции и Гражданской войны	179
Моисеева Д.В., Дулина Н.В., Парамонова В.А.	Социальное самочувствие жителей г.Волгограда: отражение кризиса (по результатам прикладного социологического исследования)	191
Нор-Аревян О.А.	Региональная специфика поведенческих стратегий трудоустройства городской молодежи (на примере г. Ростова-на-Дону)	203
Островкин Д.Л.	Развитие периферийных городов Урала в 1929 – 1933 гг.: медицинский аспект	206
Прасолов Д.Н.	Сборы (съезды) доверенных кабардинцев и балкарцев в истории Нальчика (вторая четверть XIX - начало XX в.)	211
Ракачев В.Н.	Урбанизационные процессы на Кубани и Ставрополье в 1930-е гг.: реализация советской модели модернизации	213
Урожаева Т.П.	Социальные проблемы моногородов Восточной Сибири в 1990-е гг. (на материалах периодической печати)	219
Урушадзе А.Т.	Тифлис в 1845–1854 гг.: трансформация городского пространства	224

ИСТОРИЯ ПЕРИФЕРИЙНОГО ГОРОДА В КОНТЕКСТЕ МАКРО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Абазов А.Х.	Судебные учреждения Нальчика в административно-политической системе Центрального Предкавказья в 1822–1917 гг.	232
Айриян Р.С.	Расово-этническая мозаика американских городов: последствия субурбанизации и иммиграции	233
Апрыщенко В.Ю.	Притягательная власть города:миграция шотландцев в Лондон в XVIII в. и британская национальная идентичность	237
Коробкина И.А.	Польские иммигранты в плавильном тигле Чикаго: социо-культурная адаптация (сер. XIX– нач. XX вв.)	247
Пантюхина Т.В.	Интеграция немецких иммигрантов в культурное пространство Чикаго (сер. XIX – нач. XX вв.)	252
Ярлыкапов А.А.	«Город» Терекли: проект и реалии	257

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРИФЕРИЙНОГО ГОРОДА В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Бондарь В.В.	К теоретико-методологическим основаниям конкретно-исторического изучения российского города: содержание понятия «Город»	259
--------------	---	-----

Булгыгина Т.А.	Эволюция повседневности города Ставрополя 1840-е – 1940-е годы: опыт сравнения	267
Гоманенко О.А.	Сталинград в водно-транспортной системе Юга России в 1930-е годы	272
Иванов А.С.	Спецконтингент в городах сталинской эпохи: проблемы историографии	274
Маскаев А.И.	Влияние институциональных и технологических изменений на формирование прекариата	280
Мининкова Л.В.	Города Новгород-Северского удельного княжества в первой четверти XVI в.	284
Пономарева М.А.	Статус города как показатель взаимоотношений между властью и обществом на юге России (1961-1991 годы)	288
Посухова О.Ю.	Роль периферийного города в формировании профессиональной идентичности	294
Стась И.Н.	Исследования идентичности в российской исторической урбанистике	296
Стрекалова Н.В., Стрекалов Д.В.	Городской обыватель и процессы социальной модернизации российского провинциального города в XIX – начале XX в.: источники, проблемы, методы и результаты исследования	302
Шаповалова А.М.	Профессиональная идентичность государственных служащих: теоретический аспект	308

ПЕРИФЕРИЙНЫЙ ГОРОД КАК ЦЕНТР КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

Воскобойников С.Г., Кочетова А.С.	Система образования в Ростове-на-Дону в XIX веке	316
Демидионова Л.Н., Смирнова М.И.	Театральное искусство провинциального города XIX в. в фокусе российского культурного наследия	318
Дмитриева Н.В.	Модернизация городского пространства Ростова-на-Дону и университетская среда в начале XX века	324
Добрейцина Л.Е.	Периферийный город в контексте культурного пространства: к вопросу о методах анализа городской культуры	328
Долгова Е.А.	Периферийный город и горожанин в пространственно-временной ретроспективе: особенности национальной идентичности	333
Еремеева А.Н.	«Сколько ученых, артистов, вельмож месят глубокую грязь без калош»: южно-российские города как центры интеллектуальной миграции (1917-1920 гг.)	335
Иванеско А.Е.	Образ Ростова и его жителей в корпоративной студенческой газете «Gaudeamus» (1916 г.)	345
Исаев Д.П.	Историк-провинциал: особенности личностной и профессиональной идентичности (на примере советской науки)	352
Клименко Л.В., Дончевский Г.Н., Ермишина А.В.	Профессиональные установки городских и сельских учителей в условиях многонационального региона (на примере Ростовской области)	357
Колесникова М.Е.	«Культурная сила, полезная не только для развития Кавказских Минеральных Вод, но и для изучения тогда еще мало исследованного Кавказа...»: Кавказское горное общество в начале XX в.	367

Кончаковская Н.Б.	Мать и дети: из истории екатеринбургской семьи Батмановых	378
Крапоткина И.Е.	Государственные чиновники учебного ведомства российской провинции в XIX – начале XX в.	380
Мининков Н.А.	Проблемы изучения южного российского города нового времени	382
Поцелуев С.П.	(Квази-)национальные идентификации ростовских студентов (по страницам анкетированного опроса)	387
Сароглиди А.В.	Донская вузовская интеллигенция и политические реформы 1980-начала 1990-х годов	389
Томилов И.С.	Финансирование учебных заведений периферийного региона во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Тобольской губернии)	395
Шандулин Е.В.	Вопрос о переименовании Варшавского университета в Ростове в 1915-1929 гг.	401

ПРОБА ПЕРА... (РАБОТЫ СТУДЕНТОВ И МАГИСТРАНТОВ)

Жамаль Н.	Авторские уроки-экскурсии как средство стимулирования учебной мотивации при изучении иностранного языка	402
Корниленко Н.С.	Участие территориальных объединений горожан в культурной жизни города Ростова-на-Дону	403
Кравченко Н.Н.	Митинги и протестные выступления в городах Северо-Восточного Кавказа как общественно-политическая реальность в начале 1990-х годов	408
Морозова А.П.	Возможности позитивного проявления национальной идентичности в периферийном городе, на примере г. Екатеринбурга	413
Растегаев М.Е.	Развитие мифа подземного города в Ростове – на – Дону в 1970-1990-ые годы	413
Святко Ю.А.	Константиновск - типичный малый город юга России: его экономические и социокультурные характеристики	418
Соколова М.М.	Образ города Владивостока у студентов разных направлений подготовки (на примере Дальневосточного федерального университета)	423
Чебаненко С.Н.	Влияние угледобывающей промышленности на развитие города Новошахтинска	425
Чернова К.В.	Оценка инвестиционного климата Крыма с помощью SWOT-анализа	428
Шаин Г.П.	Образ жизни горожанина в условиях трансформации общества в конце 1980-х – начале 1990-х гг. (на примере г. Ростова-на-Дону): социально-историческое измерение	434
Яицкова А.И.	Формирование профессиональной идентичности в городе и сельской местности	441

Научное издание

**ПЕРИФЕРИЙНЫЙ ГОРОД И ГОРОЖАНИН
В ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ:
ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
г. Ростов-на-Дону,
20-21 октября 2016 г.

Редакторы:
М. А. Пономарева, Р. С. Айриян

Подписано в печать 11.10.2016.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,21. Уч.-изд. л. 29,6.
Тираж 150 экз. Заказ № 2295.

Отпечатано в типографии ИП Гончаренко А.Б.